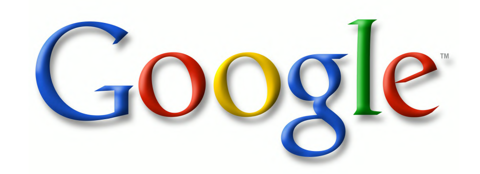


VE
RI
TAS

Г. К. Градовскій.

ИТОГИ.

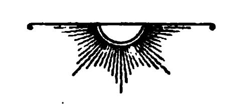
(1862–1907).

Историко-политическіе очерки и статьи.

Къ исторіи печати.

Воспоминанія (бытовыя, литературныя, военныя).

Избранные фельетоны.



КІЕВЪ.
Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Караваевская ул., д. № 5.
1908.

I.

Историко-политическіе очерки и статьи.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Адресъ, которымъ былъ почтенъ авторъ, по поводу 45-лѣтія его литературной дѣятельности, на юбилейномъ обѣдѣ 11-го ноября 1907 г., въ Петербургѣ.

Дорогой и глубокоуважаемый
Григорій Константиновичъ!

Товарищи и сочлены ваши по Кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ вдвойнѣ счастливы привѣтствовать сегодня возвращеніе въ Петербургъ основателя Кассы и ея перваго предсѣдателя и въ то же время лично принести свои поздравленія съ исполнившимся 45-лѣтіемъ вашего талантливаго и беззавѣтнаго общественнаго служенія на боевыхъ постахъ родной печати. Наша Касса, за осуществленіе которой вамъ пришлось вести борьбу въ продолженіе ряда лѣтъ, остается и до сихъ поръ въ писательской средѣ единственнымъ учрежденіемъ на началахъ не филантропіи, а взаимопомощи. Быстрый ростъ Кассы, насчитывающей уже до 800 членовъ, при 4-хъ филіальныхъ отдѣленіяхъ въ провинціи, доказываетъ наглядно жизненность и плодотворность этихъ началъ. Но многіе изъ насъ живо помнятъ, сколько упорной энергіи, вѣры въ дѣло и систематическаго самоотверженнаго труда потребовалось для того, чтобы воплотить въ жизнь новую идею. Вы, Григорій Константиновичъ, не жалѣли своего труда и съ рѣдкимъ искусствомъ, тактомъ и заботливостью обставили и проводили молодое учрежденіе по этимъ труднымъ и опаснымъ первымъ этапамъ.

Однако, какъ ни велики для насъ заслуги основателя Кассы, въ вашей жизни, посвященной всецѣло страстной и отвѣтственной работѣ прогрессивнаго публициста, онѣ обнимаютъ сравнительно небольшой періодъ. Въ самомъ дѣлѣ, сорокъ пять лѣтъ, едва не полвѣка, борьбы съ перомъ въ рукѣ — вѣдь это почти вся жизнь. Здѣсь не мѣсто для подробнаго обозрѣнія громадной работы публициста, выполненной вами со всею разносторонностью и гибкостью, присущими самой жизни, всегда въ защиту передовыхъ гуманныхъ идей, въ непрестанной борьбѣ за свободу устнаго и печатнаго

слова. Но есть нѣчто общее и основное, что красной нитью проходитъ черезъ всю вашу дѣятельность, что составляетъ, такъ сказать, душу ея, проявляющуюся неизмѣнно въ крупномъ и маломъ: это прирожденный вамъ, рѣдкій по цѣльности и яркости выраженія темпераментъ общественнаго дѣятеля и борца; это тотъ рѣдкій даръ, которому присущи и неизсякающее горѣніе мысли, и естественная, никогда не измѣняющая чуткость публицистическаго таланта.

Многіе изъ сочленовъ вашихъ по Кассѣ черезчуръ молоды, чтобы помнить теперь уже далекую карьеру Гаммы, блестящаго фельетониста „Голоса“, или корреспонденціи съ театра русско-турецкой войны и рядъ яркихъ статей, посвященныхъ войнѣ, и недолгое боевое существованіе Вашей собственной газеты „Русское Обозрѣніе“, прекращенной по Высочайшему повелѣнію, и пронесшіяся по всей Россіи огненныя строки по поводу оправданія Вѣры Засуличъ и благородную защиту національныхъ интересовъ всѣхъ сыновъ многоязычной Россіи и еще многое, что здѣсь невозможно перечислить. Но не всѣ мы молоды,—въ средѣ нашей еще немало и тѣхъ, для кого ваше имя тѣсно связано съ славной эпохой великихъ реформъ и съ смѣнившимъ ее 20-лѣтіемъ мертвящей реакціи, когда вашимъ страстнымъ и образнымъ перомъ водила горячая вѣра въ побѣду правовыхъ началъ и непримиримая ненависть къ насилію и мраку.

Григорій Константиновичъ! Мы радостно привѣтствуемъ ваше возвращеніе къ прежней любимой дѣятельности, и мы хотимъ надѣяться, что и въ жизни всѣмъ намъ дорогой Кассы намъ суждено пережить вмѣстѣ съ вами тотъ расцвѣтъ дѣятельной самопомощи, въ которомъ вы всегда видѣли и проповѣдывали единственный путь матеріальной и нравственной независимости, достойный работниковъ мысли. *(Слѣдуютъ подписи).*

Кромѣ этого адреса, авторъ былъ почтенъ привѣтствіями и поздравленіями литературныхъ учрежденій и обществъ; сочувственными телеграммами и письмами, полученными отъ редакцій столичныхъ и провинціальныхъ изданій, отъ литературныхъ учрежденій въ Москвѣ и другихъ городахъ, отъ писателей, друзей и знакомыхъ, не имѣвшихъ возможности принять личное участіе въ юбилейномъ чествованіи, а также содержательными и воодушевленными рѣчами, произнесенными на этомъ литературномъ праздникѣ. Особенно трогательное вниманіе и сочувствіе было оказано автору Кассой взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, какъ центральными учрежденіями, такъ и отдѣленіями ея въ Москвѣ, Юрьевѣ и Одессѣ.

Авторъ много разъ выражалъ и выражаетъ и въ данномъ случаѣ сердечную благодарность за всѣ эти высокоцѣнныя, человѣколюбивыя отношенія къ нему.

Роковое пятилѣтіе.

1878—1882 гг.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

Воспоминанія эти написаны осенью 1906 г., по приглашенію В. А. Гольцева, когда авторъ не могъ и помышлять даже о возможности избавленія отъ тяжкой, девятилѣтней болѣзни. Было полное основаніе думать, что это *„послѣднее слово“* его въ печати. Подъ этимъ заглавіемъ воспоминанія и помѣщались въ „Московскомъ Еженедѣльникѣ“ князя Е. Н. Трубецкого, 1907 г. (въ январѣ, февралѣ и мартѣ, №№ 1—12), гдѣ статья эта была гостепріимно принята, вслѣдствіе кончины В. А. Гольцева и извѣстій о прекращеніи „Русской Мысли“, по счастью не оправдавшихся.

Въ „Русской Старинѣ“, съ января 1908 г., печатаются воспоминанія, подъ заглавіемъ „Изъ минувшаго“, охватывающія нашу политическую и литературную жизнь *до* пятилѣтія 1878—1882 гг. и въ *послѣдующіе* годы. Эти добавочныя воспоминанія написаны послѣ нежданнаго выздоровленія автора и не могли войти въ настоящее изданіе.

I.

Пишу съ великимъ трудомъ, отрывочно и безсвязно; но меня мучитъ мысль, что на мнѣ лежитъ обязанность посильно помочь выясненію и правильному освѣщенію многихъ событій и явленій, участникомъ или свидѣтелемъ которыхъ довелось мнѣ быть. Замѣтки мои, какъ мнѣ кажется, достойны вниманія читателей и могутъ, отчасти, пригодиться изслѣдователямъ нашей литературы, общественности и политической жизни послѣдняго полувѣка. Много разъ я порывался издать сборникъ моихъ статей, конечно, въ той ихъ части, которая достойна сохраненія и не поглощена безслѣдно волнами и бурями ежедневной печати. Въ теченіе многихъ лѣтъ мнѣ случалось писать до 80.000 и болѣе печатныхъ строкъ въ годъ; въ иное время о моихъ статьяхъ и обо мнѣ много говорили; хвалы смѣнялись потоками брани и тяжкихъ обвиненій; въ цензурныхъ ко мнѣ отношеніяхъ происходили подобныя же противорѣчія и превращенія. Вслѣдствіе этого, бывали періоды, длившіеся цѣлые годы, когда мнѣ приходилось замирать, какъ бы заживо погребенному; читатели забывали меня или получали обо мнѣ враждебное впечатлѣніе, которое и опровергать было негдѣ, неудобно и даже опасно... Извольте

доказывать свою благонадежность! Въ болѣе мирные и свѣтлые промежутки случалось начинать подготовку изданія; но скоро приходилось бросать эту затѣю, частью въ виду цензурныхъ преградъ, частью по недостатку времени и въ желаніи лучшей обработки. Теперь, въ надеждѣ, что хотя небольшая часть моей многолѣтней публицистической работы появится въ свѣтъ, въ видѣ посмертнаго сборника, увлекаюсь увѣренностью, что замѣтки эти или „воспоминанія“ послужатъ для нея полезнымъ дополненіемъ и поясненіемъ, если предварительно, по нашему обычаю, онѣ найдутъ мѣсто на страницахъ всѣми уважаемаго журнала. Нѣтъ ничего скучнѣе вступленій и предисловій, имѣющихъ цѣлью заманить „благосклоннаго читателя“. Прерываю эту тоскливую „присказку“, очень близко подходящую къ противному „самохвальству“, но все же долженъ сдѣлать еще одну оговорку. Во всѣхъ моихъ біографическихъ характеристикахъ, изъ которыхъ иныя появлялись и въ иностранной печати, въ разное время, меня причисляли къ либеральной партіи и къ числу видныхъ приверженцевъ конституціоннаго строя; но въ отечественныхъ отзывахъ обо мнѣ весьма часто упоминается, будто я началъ свою дѣятельность въ *консервативныхъ изданіяхъ*. Переходъ отъ консерватизма къ либерализму ничего худого не представляетъ, тѣмъ болѣе въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о перемѣнѣ партіи торжествующей на партію преслѣдуемую и „не въ авантажѣ обрѣтающуюся“. Но ради истины и для уясненія дѣйствительности, надо напомнить, что въ 60-хъ годахъ не было у насъ консервативной печати или ей принадлежало самое ничтожное мѣсто и значеніе. Мое участіе въ журналистикѣ (если не считать *первой* театральной замѣтки въ „Харьков. Вѣд.“, 1862 г.), началось съ 1863 года (въ послѣдній годъ пребыванія въ университетѣ) въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“, затѣмъ въ „Кіевлянинѣ“ (1865—1869 г.), въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (1869—1870 г.), въ „Московск. Вѣдом.“ (1870—1871 г.). Единственной реакціонной газетой въ то время была „Вѣсть“. Въ 1872 году я имѣлъ неосторожность соблазниться ролью редактора „Гражданина“; но этотъ промахъ обошелся мнѣ крайне дорого и тяжко во многихъ отношеніяхъ и черезъ годъ затѣя эта была брошена. Мое мѣсто занялъ Ѳ. М. Достоевскій, къ крайнему моему удивленію. Но и „Гражданинъ“ 1872 года, несмотря на пресловутую „точку къ реформамъ“ и извѣстныя чудачества издателя, не измѣнялъ общему либеральному направленію. Зем-

ское дѣло, новый судъ, народное образованіе, крестьянское дѣло находили въ немъ горячаго сторонника, а бюрократизмъ осмѣивался въ сатирическомъ очеркѣ „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“. Нѣсколько мѣсяцевъ участія въ „Русскомъ Мірѣ“, въ 1873 году, при редакторѣ П., А. Висковатовѣ, нисколько меня не стѣсняли, а когда газета перешла къ М. Г. Черняеву и въ ней сталъ подвизаться авторъ „Чѣмъ намъ быть“ (генералъ Ѳаддѣевъ), я поспѣшилъ устраниться. Въ это время, главное руководство въ „Голосѣ“ получилъ профессоръ В. А. Бильбасовъ. Онъ зналъ меня по „Кіевлянину“ (В. Я. Шульгина) и пригласилъ къ участію въ „Голосѣ“, главнымъ образомъ по внутреннимъ вопросамъ. Это было весной 1874 г. Лѣтомъ заболѣлъ фельетонистъ Нилъ-Адмирари (Панютинъ). Бильбасовъ предложилъ мнѣ взять на себя и эту работу, измѣнивъ характеръ воскреснаго фельетона. Вмѣсто увеселенія публики и праздной болтовни о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, воскресный фельетонъ, по нашему соглашенію, долженъ былъ служить популярнымъ подспорьемъ общему направленію газеты и статьямъ по важнѣйшимъ вопросамъ политической и общественной жизни. Я попробовалъ; опытъ оказался удачнымъ, и съ 1 января 1875 г. я сталъ подписывать воскресные фельетоны псевдонимомъ *Гамма*. Участіе мое въ „Голосѣ“ совпадаетъ съ развитіемъ и благосостояніемъ этой газеты. Въ 1876 году, съ 11 іюля, я началъ издавать еженедѣльное „Русское Обозрѣніе“; но во время пріостановокъ моей газеты и послѣ ея запрещенія возобновлялъ работу въ „Голосѣ“ и ѣздилъ отъ него корреспондентомъ на театръ войны 1877—1878 гг., сначала въ Малую Азію, а осенью и зимой въ Болгарію. Въ концѣ 1878 года, подъ давленіемъ цензуры, мнѣ пришлось разстаться съ „Голосомъ“, сохраняя самыя лучшія отношенія съ А. А. Краевскимъ и В. А. Бильбасовымъ. Съ двухъ словъ, я сговорился и началъ работать въ „Молвѣ“ В. А. Полетики, на гораздо болѣе скромныхъ условіяхъ въ матеріальномъ отношеніи, но за-то чрезвычайно отрадныхъ во всѣхъ остальныхъ. И тутъ не разъ проявлялись цензурныя давленія и угрозы, но В. А. Полетика съ привычнымъ ему истиннымъ джентельменствомъ всякій разъ отражалъ подобныя вмѣшательства.

„Молва“ должна была прекратить свое существованіе 15 марта 1881 года, когда исчезли и „благія вѣянія“, совпавшія съ попытками гр. М. Т. Лорисъ-Меликова водворить

у насъ европейскіе порядки и сколько-нибудь закончить преобразованія 60-хъ годовъ, прерванныя злосчастной реакціей. Потомъ настала очередь сотрудничества въ „Порядкѣ“, изданія М. М. Стасюлевича; но эта газета просуществовала всего лишь 13½ мѣсяцевъ; она прекратилась, не желая подчиняться натиску реакціоннаго произвола и беззастѣнчиваго разрушенія всѣхъ пріобрѣтеній освободительной эпохи. Ну, а затѣмъ захлеснуло насъ мрачное прозябаніе, общественное омертвленіе.

Несчастныя послѣдствія новаго застоя и отсталости привели насъ къ небывалому внѣшнему позору и пагубной внутренней смутѣ.

Достаточно этого вступленія. Можно теперь перейти къ основной задачѣ этихъ замѣтокъ.

II.

Въ концѣ февраля 1878 года, возвратившись изъ Болгаріи, чрезъ Одессу, Кіевъ и Москву, я засталъ „Русское Обозрѣніе“ пріостановленнымъ на 6 мѣсяцевъ. Эта „гостепріимная“ встрѣча была предверіемъ тѣхъ „благъ“, которыя ожидали насъ послѣ войны. Не было, кажется, семьи, которая не понесла бы тѣхъ или иныхъ потерь ради освобожденія болгаръ, сербовъ, румынъ (Боснія и Герцоговина были забыты); у меня былъ убитъ родной братъ (имѣвшій всѣ ордена съ мечами и представленный къ св. Георгію 4-й ст.) въ послѣднемъ дѣлѣ, совершенно ненужномъ, 18 января, наканунѣ перемирія, при штурмѣ Цыхыдзыри; еще ранѣе погибъ двоюродный братъ моей жены, защищая пушки отъ турецкой засады подъ Врацей; всѣ что-нибудь утратили, но все-же тѣшились надеждой, что и насъ ждетъ „новое счастье“, давно желанное довершеніе преобразованій. Казалось, вполнѣ ясно было, что застой приводитъ къ разгромамъ, испытаннымъ въ Крымскую войну, а немногіе годы прогресса все-же даровали побѣду и обезпечили возвратъ прежней военной славы. Трудно было даже вообразить, въ самомъ мрачномъ и недовѣрчивомъ настроеніи, чтобъ за счетъ бѣднаго русскаго народа, какъ и прежде, создавалось чужое благополучіе, воздвигались новые порядки и конституціи, а Россія обрекалась бы на прежнія, давно осужденныя, условія прозябанія, въ атмосферѣ полицейскаго участка, невѣжества и мыслебоязни. Неужели послѣ свѣтлыхъ грезъ объ идеальномъ

освободительномъ подвигѣ и великой миссіи русскаго народа, по возвратѣ домой, насъ ждало лишь старое „разбитое корыто“?

Подъ такими впечатлѣніями была написана моя статья „Итоги войны“, появившаяся въ „Голосѣ“, въ началѣ марта 1878 года.

Нѣсколько дней спустя, пріѣзжаетъ ко мнѣ К. К. Случевскій, извѣстный поэтъ и впослѣдствіи редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“, и поражаетъ меня сообщеніемъ, что П. А. Валуевъ, исправлявшій въ то время должность предсѣдателя комитета министровъ, въ восторгѣ отъ моей статьи и желалъ бы со мной познакомиться.

Конечно, этотъ нежданный приливъ оффиціальной нѣжности, послѣ каръ, постигшихъ мою газету, возбудилъ понятную любознательность, и на вѣжливое приглашеніе я отвѣчалъ соотвѣтственнымъ согласіемъ. Свиданіе состоялось въ назначенный часъ, вечеромъ, въ домѣ министра государственныхъ имуществъ. П. А. Валуевъ былъ одинъ, въ обширномъ кабинетѣ, выходившемъ на площадь, гдѣ скачетъ конная статуя императора Николая I. Министръ вышелъ навстрѣчу, подалъ руку и обдалъ меня цѣлымъ потокомъ фразъ, въ которыхъ слышались извиненія за безпокойство и похвалы, переданныя уже чрезъ К. К. Случевскаго. Это была почти что рѣчь, которую оставалось только слушать; затѣмъ мы усѣлись и закурили, а цвѣтистая рѣчь все продолжалась. Высокопоставленный ораторъ поспѣшилъ, однако, оговориться, что принимаетъ меня не въ качествѣ министра, а въ качествѣ просвѣщеннаго лица, всегда любившаго литературу и даже причастнаго къ ней, и что люди одинаковаго образа мыслей должны сближаться, особенно въ переживаемое время. Таковы мотивы его приглашенія, и онъ питаетъ-де надежду, что дальнѣйшее знакомство упрочитъ это сближеніе и поведетъ его къ прочному развитію.

Подъ звуки этого словоизліянія, мнѣ упорно вспоминалось колкое стихотвореніе гр. А. К. Толстого „Сонъ статскаго совѣтника Попова“, и я ощущалъ нѣкоторую неловкость. Я задавалъ себѣ вопросъ: не вкралось ли въ мою статью что-либо неясное и предосудительное, если мысли мои встрѣтили такое неожиданное сочувствіе со стороны сановника, олицетворявшаго въ себѣ всю неустойчивость оффиціальнаго либерализма и проявившаго уже, въ своей государственной дѣятельности, не мало реакціонныхъ стремленій,

хотя бы и въ западническомъ духѣ—застарѣлаго легитимизма и лендъ-лордства. Изгнанные революціей „благородные“ иностранцы и искатели наживы цѣлый вѣкъ насаждали въ Россіи свои отжившіе порядки и наши „англоманы“ или „роялисты“ охотно усваивали ихъ взгляды, когда хотѣли слыть „просвѣщенными“ дѣятелями и оставляли на время привычки старо-московской татарщины.

Такъ или иначе, хотя и не безъ труда, я все же нашелъ возможность втиснуть въ потокъ Валуевскаго краснорѣчія нѣсколько словъ, въ которыхъ сообщилъ государственному мужу, что идеи мои, встрѣтившія столь лестное сочувствіе, вызываютъ постоянное противодѣйствіе и преслѣдованіе администраціи и цензуры. Въ доказательство,—я привелъ участь „Русскаго Обозрѣнія“. П. А. Валуевъ не подозрѣвалъ даже о существованіи моей газеты и полагалъ, что я участвовалъ лишь въ „Голосѣ“, а прежде въ „Гражданинѣ“. Мой собесѣдникъ выразилъ даже удивленіе, когда я сообщилъ ему, что положеніе печати ухудшилось со времени его выхода изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и требуетъ настоятельнаго улучшенія. Тутъ П. А. Валуевъ замялся и опять сталъ ссылаться на частное значеніе нашей бесѣды; но мнѣ все же удалось указать, что такъ убѣдительно выраженная имъ необходимость *сближенія* не можетъ осуществиться, если основныя идеи всякаго общенія не будутъ находить выраженія въ должной постановкѣ печатнаго слова. На красивыя фразы, какъ бы въ силу заразительности, и мнѣ захотѣлось отвѣчать фразами. При прощаніи, П. А. Валуевъ согласился принять отъ меня, въ одно изъ будущихъ свиданій, записку о современномъ положеніи печати. Мы видѣлись еще два раза, въ томъ числѣ на другой день послѣ знаменитаго уголовнаго дѣла о Вѣрѣ Засуличъ. П. А. Валуевъ былъ крайне встревоженъ и утратилъ прежнюю развязность. Онъ „возмущался“ и не могъ понять оправданія. Я выразилъ надежду, что недоумѣнія моего „единомышленника“ исчезнутъ, когда онъ прочтетъ завтрашній фельетонъ мой въ „Голосѣ“.

— Неужели вы за оправданіе?

— Не я одинъ; присяжные, судьи, всѣ бывшіе въ судѣ за оправданіе!.. Осудить было невозможно! Возлѣ меня сидѣлъ Достоевскій, и тотъ призналъ, что наказаніе этой дѣвушки неумѣстно, излишне... Слѣдовало бы выразить,—ска-

залъ онъ:—„Иди, ты свободна, но не дѣлай этого въ другой разъ"...

— Удивительно!...—процѣдилъ сквозь зубы Валуевъ.

— Надо быть въ судѣ, необходимо пережить все, что мы пережили во время этого процесса, и все станетъ понятно... Заочно судить нельзя.

На другой день, 2-го апрѣля, въ Вербное воскресенье, появился мой фельетонъ... Надо было досказать еще очень многое, но „Голосу" дано было предостереженіе. Другая газета—„Сѣверный Вѣстникъ"—перепечатала фельетонъ, и ей дано предостереженіе. Дальнѣйшія разъясненія этого важнаго процесса были невозможны; всякое обсужденіе его было прервано; взамѣнъ раздавались дикія завыванія реакціи противъ суда, противъ присяжныхъ и адвокатуры, противъ общества и печати. Меня объявили подстрекателемъ политическихъ убійствъ и приглашали покарать „судомъ народнымъ", расправой рынка, правосудіемъ Охотнаго ряда. Новѣйшіе Ростопчины реакціонной журналистики щеголяли другъ передъ другомъ, извращая дѣло, взывая къ произволу и попирая справедливость и человѣчность. Вся остальная печать обречена была на молчаніе. Мы онѣмѣли!...

Я послалъ П. А. Валуеву письмо, въ которомъ указалъ на пагубныя послѣдствія новаго взрыва реакціи. Я напомнилъ ему, что исторія всѣхъ народовъ свидѣтельствуетъ, къ какимъ разрушеніямъ и тяжкимъ послѣдствіямъ ведутъ подавленіе мысли и ретроградная разнузданность. Правительство само себѣ роетъ яму, ослѣпляетъ общество и создаетъ смуту. При такихъ условіяхъ,—помимо новаго приглашенія,—я не рѣшаюсь его безпокоить своими посѣщеніями,--добавилъ я въ заключеніе своего письма. П. А. Валуевъ ничего не отвѣтилъ. Болѣе мы не видѣлись.

Послѣ мнѣ говорили, что П. А. Валуевъ со многими литераторами „сближался", отыскивая редактора для своего журнала. Но авторъ „Графа Лорина" все же остался чуждъ литературѣ и вскорѣ утратилъ всякое значеніе не только въ обществѣ, но и въ бюрократическихъ сферахъ. А вліяніе его было большое и продолжительное. Два раза онъ выплывалъ на первое мѣсто въ правительственныхъ рядахъ, и всякій разъ отъ его дѣятельности и начинаній получался самый пагубный осадокъ.

Въ бумагахъ моихъ сохранилась „черновая" перваго письма моего къ П. А. Валуеву, по поводу необходимости

пересмотра законовъ о печати. Склоняя Валуева принять записку по этому предмету, я писалъ:

„Честные, здравомысленные люди и убѣжденія существуютъ. Необходимо только дать имъ возможность сплотиться, выйти на свѣтъ Божій, освободиться изъ-подъ искусственныхъ наслоеній умственной тины и нравственнаго застоя. Это можетъ свершиться при содѣйствіи печати честной, просвѣщенной, имѣющей твердые принципы, *незыблемую почву въ законѣ*. При существующихъ юридическихъ условіяхъ такой печати у насъ быть не можетъ и, къ сожалѣнію, *только у насъ*, изъ всей Европы. Какъ же намъ состязаться съ Западомъ, какъ же жить и управляться внутри!

„Отстаивать интересы печати гласно, открыто нѣтъ возможности, ибо каждая попытка въ этомъ отношеніи встрѣчаетъ самое ревнивое противодѣйствіе со стороны того управленія, которое, почитая себя опекуномъ русской мысли, неудержимо толкаетъ ее на путь ничтожества и безнравственности“.

Само собою разумѣется, что всѣ эти доводы были тщетны. Очень скоро пришлось вспомнить отчаяніе некрасовскаго стиха: „И погромче насъ были витіи, да не сдѣлали пользы перомъ“. Но все же капля точитъ и камень, и число Валуевыхъ убываетъ. И если бы даже остался хотя одинъ писатель, среди рептилій и опричниковъ,—онъ обязанъ повторять свое: „а все-таки вертится“.

III.

Замѣтки мои коснулись дѣла Вѣры Засуличъ. Процессъ этотъ имѣлъ громадное значеніе въ новѣйшей нашей исторіи. Послѣдствія его крайне тяжко отразились не только на отдѣльныхъ лицахъ, такъ или иначе, вольно или невольно, съ нимъ связанныхъ, но и на исходѣ всего царствованія Александра II, а слѣдовательно и на дальнѣйшихъ событіяхъ нашей политической жизни и общественности. Одна уже тьма, окружившая это дѣло и создавшая благопріятную почву для многолѣтней реакціи, съ ея разрушительными явленіями, указываетъ на необходимость возможно болѣе полнаго освѣщенія этой *были*, заглушенной и извращенной 30 лѣтъ тому назадъ. Надо раскрыть истинное значеніе процесса и цѣлую цѣпь событій, звено за звеномъ сходящихся къ нему и исходящихъ отъ него съ поразительной послѣдо-

вательностью и логикой. Это долгъ всѣхъ, кто можетъ сказать теперь о томъ, о чемъ приходилось такъ долго молчать, среди вакханалій лжи и дикихъ выходокъ.

Въ началѣ декабря 1876 года, въ Николинъ день, на Казанской площади, у колонады собора, происходила сходка, или манифестація молодежи.

Какого-то мальчика подымали съ краснымъ флагомъ, была произнесена какая-то рѣчь о землѣ и волѣ; никто хорошо не могъ разслышать, о чемъ говорилось; полиція и дворники разогнали эту сходку, родоначальницу нынѣшнихъ митинговъ. Многіе были избиты, большинство разбѣжалось, а нѣкоторые схвачены. Было-бы вполнѣ достаточно привлечь ихъ къ мировому суду за уличный безпорядокъ; но у насъ тогда ловили повсюду „пропаганду“, изъ мухи дѣлали слона; за какую-нибудь книжку обращали юношу въ опаснаго „революціонера“. Схваченныхъ на Казанской площади превратили въ преступное „сообщество“ и судили въ особомъ присутствіи сената. На судѣ сущность обвиненія также мало выяснилась, какъ и рѣчь на площади; участіе тѣхъ или другихъ обвиняемыхъ возбуждало большія сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе, кара вышла весьма строгая: каторжныя работы и лишеніе всѣхъ правъ состоянія расточены были очень щедро. Въ числѣ осужденныхъ очутился бывшій студентъ Боголюбовъ. Всѣ они были заключены въ предварительную тюрьму, гдѣ и ожидали исхода кассаціонной жалобы.

Началась война, общее вниманіе было отвлечено за Дунай, къ Балканамъ, или къ Карсу, въ Малой Азіи. „Пропаганда“ какъ бы стихла; многіе приверженцы освобожденія нашли удовлетвореніе въ борьбѣ противъ турецкаго ига: внутреннія событія какъ бы поблѣднѣли, располагая къ большей снисходительности и примиренію.

Но, захваченные узники томились въ тюремныхъ кельяхъ, изнывая въ неволѣ и мечтая о правосудіи.

При такихъ обстоятельствахъ, среди лѣта, въ газетахъ появилось краткое извѣстіе, что петербургскій градоначальникъ, генералъ Треповъ посѣтилъ предварительную тюрьму, нашелъ въ ней безпорядокъ, разныя поблажки заключеннымъ и приказалъ наказать одного изъ нихъ розгами за дерзость.

И больше ничего. Порядокъ возстановленъ, напечатано, прочтено и забыто!

Въ январѣ 1878 года, когда война догорала, въ пріемную петербургскаго градоначальника, въ числѣ просителей, является молодая, скромная дѣвушка. Она подаетъ какое-то прошеніе генералъ-адъютанту Трепову.

— Хорошо-съ, будетъ разсмотрѣно!—быстро рѣшаетъ генералъ и отходитъ къ слѣдующему просителю. Дѣвушка стоитъ какъ-бы въ оцѣпенѣніи.

— Пожалуйте, васъ извѣстятъ,—и къ ней протягиваются чьи-то руки, услужливо направляя ее къ выходу.

Она очнулась, быстро выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ въ бокъ Трепова. Послѣ выстрѣла револьверъ падаетъ изъ ея рукъ.

Это событіе, въ свою очередь, было занесено въ хронику отечественныхъ происшествій; но къ нему, конечно, привлечено было несравненно большее вниманіе, нежели къ какой-то расправѣ въ тюрьмѣ.

Стрѣлявшая дѣвушка была Вѣра Засуличъ. Она находилась въ административной ссылкѣ, но къ ней дошло извѣстіе, во всей наготѣ, о жестокой и незаконной расправѣ Трепова надъ политическимъ заключеннымъ, дѣло котораго еще не было даже окончательно рѣшено. Она ждала, не будетъ-ли наказано это самоуправство, не послѣдуетъ-ли хотя выговора, не заговоритъ-ли хотя печать, не возмутится-ли общественное мнѣніе? Нѣтъ, всѣ молчатъ.

О градоначальникахъ, военноначальникахъ и объ ихъ усмотрѣніяхъ и расправахъ разсуждать не полагается. Общество занято освобожденіемъ славянъ, оно негодуетъ на турокъ и ихъ звѣрства, а дома преспокойно творятся турецкія беззаконія и истязанія.

Вѣра Засуличъ не знала Боголюбова, но она сама жертва административнаго произвола и считаетъ братьями всѣхъ политическихъ заключенныхъ и ссыльныхъ. Она глубоко потрясена и возмущена поступкомъ Трепова и рѣшилась не оставить этого произвола безнаказаннымъ.

Такова первая, предварительная часть знаменитаго процесса. Уличная манифестація, возведенная въ тяжкое политическое преступленіе; сомнительный судъ, административный произволъ, подавленная печать и бездѣйствующее, плохо освѣдомленное общественное мнѣніе. Это та почва, на которой всегда и вездѣ создавались злоупотребленія власти и росли преступленія. Выстрѣлъ Засуличъ указалъ на это, какъ въ свое время рука Шарлоты Корде покарала произ-

волъ и звѣрства Марата. Но Маратъ былъ убитъ, а Треповъ выздоровѣлъ отъ нанесенной ему раны, и Засуличъ заявила на судѣ, что она рада этому выздоровленію: убивать она не хотѣла. Замѣчательно, что первые слухи и толки о покушеніи на генерала Трепова не придавали этому дѣлу сколько-нибудь важнаго значенія. Мало-ли по какимъ причинамъ совершаются покушенія? Около петербургскаго градоначальника, въ теченіе 12 лѣтъ, образовалась очень сгущенная атмосфера недовольства и раздраженія. Наружныя улучшенія въ полиціи были сдѣланы; въ городѣ стало чище и удобнѣе; „треповская весна" и треповскіе приказы вошли въ поговорки и стали предметомъ моды и подражанія для губернаторовъ и полицеймейстеровъ всей Руси-Великой. Но тысячи людей высылалось административнымъ порядкомъ; домовладѣльцы, фабрики и заводы, торговцы и извозчики, дворники и ремесленники кряхтѣли и жаловались. Взятки усилились; вмѣсто чернослива и головы сахара, которыми довольствовался Сквозникъ-Дмухановскій, обывателямъ приходилось отплачиваться всякаго рода товарами, праздничными и чрезвычайными денежными подачками, даже акціями и паями. На все требовалось предварительное разрѣшеніе. Вывѣски нельзя было поставить или объявленіе напечатать безъ „хожденія" въ участкѣ и градоначальствѣ; всякая новая машина требовала осмотра и подмазки; уроки можно было давать лишь съ „надлежащаго" разрѣшенія. Городовые, пристава, городскіе врачи—все это было поставлено на лучшую ногу, опиралось на технику и науку въ пониманіи Собакевича; мундиры были новинькіе; но надъ „ввѣреннымъ населеніемъ" гнетъ тяготѣлъ съ большей силой и надо было безпрерывно отплачиваться, чтобъ жить, дышать и работать, торговать. Только особыя знакомства, связи и покровительства спасали отъ этого гнета и произвола, но праздничныя деньги и „на чай" платили всѣ. Изъ системы предварительныхъ разрѣшеній и полицейской опеки возникли концессіи и монополіи. *Рекомендовались* образцы вывѣсокъ, квартирныя книжки, флаги, домовыя книги. Аптеки, заводы, трактиры могли существовать или уничтожаться по усмотрѣнію полиціи. Отъ расположенія духа градоначальства зависѣло устройство тѣхъ или другихъ благотворительныхъ предпріятій и публичныхъ чтеній; рестораны торговали въ часы, назначенные „недреманнымъ окомъ" полиціи. Обратившись по-пріятельски къ

градоначальству, вліятельныя лица могли избавиться отъ непріятной обязанности платить по векселямъ...

Мнѣ случалось не разъ обличать въ печати тѣ или другіе промахи или злоупотребленія полиціи. За это артели газетчиковъ внушено было не продавать „Русскаго Обозрѣнія“. Оказалось, что и въ эту отрасль труда Треповъ ввелъ монополію. Я пригрозилъ жалобой въ сенатъ. Нѣсколько дней спустя, является ко мнѣ цѣлая депутація и разсыпается въ благодарностяхъ. Имъ долго не давалось разрѣшенія на розничную торговлю произведеніями печати, грозили даже выслать изъ столицы за назойливое домагательство; но послѣ моей статьи разрѣшенія были быстро выданы. Во главѣ депутаціи былъ Капаныгинъ. На-дняхъ еще я видѣлъ въ газетахъ объявленія, что контора его благополучно существуетъ и теперь.

О покушеніи на Ф. Ф. Трепова я прочелъ въ Санъ-Стефано. На минуту объ этомъ поговорили, но всѣ догадки сводились къ тому, что покушеніе было вызвано личной местью за какое-нибудь произвольное распоряженіе.

— Хорошій человѣкъ Федоръ Федоровичъ, но часто горячится; слишкомъ много у него власти! Можетъ-быть онъ выслалъ эту дѣвушку въ угоду какому-нибудь Донъ-Жуану.

Да, у петербугскаго градоначальника, какъ и у всѣхъ другихъ властителей надъ россійскими обывателями, было очень много власти; а безгласность и безконтрольность поощряли увлеченія и злоупотребленія. Закоренѣлая привычка къ своеволію напомнила о законахъ и законности только для пущаго угнетенія людей. Въ лучшемъ случаѣ это было самодурство тѣхъ же Китъ-Китичей; но это самодурство выходило за предѣлы семьи и лавки и распространялось на все „ввѣренное населеніе“. Когда генералъ Треповъ былъ раненъ, въ Петербургѣ ходили слухи, что Государь поручилъ одному изъ министровъ успокоить пострадавшаго обѣщаніемъ обезпечить его семью. Министръ съ своей стороны успокоилъ Государя завѣреніемъ, что раненый давно самъ себя обезпечилъ и обладаетъ весьма крупнымъ состояніемъ. Этотъ слухъ попалъ въ газеты въ видѣ разсказа о случаѣ съ китайскимъ мандариномъ, который молилъ богдыхана объ обезпеченіи своей семьи.

Во время разбора дѣла Засуличъ, генералъ Треповъ совершенно оправился и гулялъ на Невскомъ; а передача этого дѣла *суду присяжныхъ* какъ бы подтверждала толки,

что процессъ этотъ обычнаго уголовнаго свойства и высшія правительственныя сферы не придаютъ-де ему политическаго значенія. Иначе, дѣло подлежало-бы вѣдѣнію какого-нибудь исключительнаго суда, создаваемаго у насъ для „государственныхъ преступленій". Въ обществѣ шутливо говорили, что будутъ „судить Трепова", а онъ уклоняется и разгуливаетъ по Петербургу, какъ ни въ чемъ не бывало.

На судѣ, дѣйствительно, пришлось отчасти судить Трепова; но въ дѣлѣ Засуличъ всплылъ на поверхность весь полицейскій и административный произволъ, отъ котораго страдала вся Россія. Личность Трепова, даже личность Вѣры Засуличь стушевались. Передъ присяжными была скромная дѣвушка, много лѣтъ страдавшая отъ царившаго въ Россіи безправія; раскрылась ужасная, потрясающая нервы картина истязанія, оскорбленія человѣческаго достоинства. На судѣ предстало пресловутое „III-отдѣленіе", съ его тайными сысками, „чтеніемъ въ сердцахъ" и произвольными вторженіями не только въ общественную и частную жизнь, но и въ правительственную дѣятельность, не исключая правосудія.

Между генераломъ Треповымъ и „III-отдѣленіемъ" издавно проявлялись пререканія и столкновенія. Петербургскій градоначальникъ во многихъ случаяхъ перескакивалъ дорогу „III-отдѣленію" и жандармскому вѣдомству. Образовалось своего рода соперничество, jalousie de métier. Вотъ почему дѣло Засуличъ попало на судъ присяжныхъ, а не въ какое-нибудь „особое присутствіе". Судъ присяжныхъ имѣетъ неоцѣненное свойство не только рѣшать дѣло праведно и человѣчно (милостиво), но и раскрывать истину, проникая во всѣ глубины жизни и ея больныя стороны. Въ дѣлѣ Вѣры Засуличъ, воочію, передъ лицомъ высшаго столичнаго общества, раскрылась основная, страшная язва русской жизни и бюрократическаго управленія, язва произвола и безгласности, общественнаго безправія и недовершенныхъ преобразованій. Крѣпостные пережитки еще давали о себѣ знать. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже стало хуже, тяжелѣе уже потому, что возглашенная свобода не можетъ ужиться съ тѣмъ, что переносило рабство. И дѣло Засуличъ, въ концѣ-концовъ, уличило и упразднило „III-отдѣленіе"; но, къ сожалѣнію, оно возродилось въ иной формѣ, съ худшими послѣдствіями, при усилившейся реакціи, упорно тянувшей нашу несчастную Русь въ отжитое николаевское, дореформенное время, въ развалины крѣпостной эпохи. Отъ освободитель-

ныхъ реформъ осталась лишь внѣшняя поверхностная оболочка. Судъ, земство, школа, печать, законность—все было искажено, урѣзано. Можно было повторить слова Чацкаго; „Дома новы, но предразсудки стары. Порадуйтесь: не истребятъ ни годы ихъ, ни моды, ни пожары“.

IV.

На дѣло Засуличъ, въ пятницу 31-го марта 1878 года, можно было попасть только по билетамъ, а добыть ихъ было трудно. Зала засѣданія уголовнаго отдѣленія невелика. Всѣ мѣста за судьями были тѣсно заняты высшими представителями администраціи и суда. Въ обычныхъ мѣстахъ для публики, внизу и наверху, трудно было дышать. Виднѣлось много дамъ избраннаго общества. Впереди, въ самой залѣ, было устроено нѣсколько загородокъ для чиновниковъ, адвокатовъ, стенографовъ и представителей печати. Ихъ было не болѣе 10—12 лицъ; между ними Ѳ. М. Достаевскій, съ своимъ страдальческимъ желчнымъ лицомъ. А страдать приходилось много, не только отъ духоты и тѣсноты, но и отъ всего, что было узнано и перечувствовано при разбирательствѣ этого дѣла.

Предсѣдательствовалъ А. Ѳ. Кони; присяжные въ большинствѣ были изъ чиновниковъ. Защищалъ присяжный повѣренный Александровъ, нервный, правдивый, смѣлый, съ истерическими нотами въ голосѣ. Представитель прокуратуры не выдавался, но былъ приличенъ (въ юридическомъ смыслѣ) и держался дѣловито, не преувеличивая и не умаляя своей роли.

Напоминаю всѣ эти подробности потому, что среди молчанія „обузданной“ печати разнузданная реакціонная журналистика утверждала, будто въ судѣ по дѣлу Засуличъ находился какой-то сбродъ и неистовствовала толпа нигилистовъ. Въ эту мнимую толпу жрецы и прислужники реакціи включили всѣхъ и вся: судей, присяжныхъ, защитника, литераторовъ, представителей высшей администраціи и общества. Можно увѣренно сказать, что въ судебной залѣ не было ни одного „нигилиста“, ни одного студента. Учащаяся молодежъ не могла проникнуть безъ билетовъ даже во дворъ судебнаго зданія. Сильный нарядъ полиціи охранялъ всѣ входы. Сѣрый людъ и учащуюся молодежъ не пускали далѣе противоположнаго тротуара. Съ ранняго утра густая

толпа занимала Литейный проспектъ, между старыми пушками артиллерійскаго управленія и арсенальнаго зданія. Накрапывалъ дождь, было сыро; но молодые люди упорно, стоически ожидали исхода процесса, кутаясь въ пледы, безъ пищи, слѣдя за счастливцами, попадавшими въ двери суда, по предъявленіи дозволительнаго билета, и хмуро, терпѣливо ожидали рѣшенія присяжныхъ, представителей общественной совѣсти. Эта толпа, отстраненная и топтавшаяся въ уличной слякоти, однимъ своимъ видомъ упреждала, что въ судѣ совершается нѣчто незаурядное, предрѣшаются важныя событія. Но разгадка превзошла ожиданія.

Всѣ формальности соблюдены. Появилась подсудимая. Скромная, тихая, она разомъ производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. Въ отвѣтахъ ея слышатся сердечность и правда. Чѣмъ болѣе длится ея разсказъ, тѣмъ больше привлекательности на ея сторонѣ. Хочется сказать жандармамъ: „Уйдите, оставьте эту несчастную дѣвушку; вложите ваши шашки въ ножны, холодный блескъ ихъ стали не вяжется съ свѣтлымъ взоромъ добрыхъ глазъ подсудимой".

Разсказъ Засуличъ тронулъ всѣ сердца; но когда начались показанія свидѣтелей, когда присутствовавшій въ залѣ „весь Петербургъ" узналъ, что продѣлалъ Треповъ въ предварительной тюрьмѣ надъ беззащитнымъ человѣкомъ, какъ грубо оскорбилъ его и жестоко истязалъ; когда мы услышали стоны и крики негодованія всей тюрьмы, вопіявшей о защитѣ и тщетно протестовавшей противъ насилія, которому такъ-же легко и безнаказанно могъ подвергнуться каждый заключенный, всѣмъ стало тяжело, стыдно. Тяжело, какъ отъ пытки, стыдно отъ сознанія, что подобныя варварства могутъ совершаться надъ русскимъ народомъ, въ столицѣ Петра, у самаго зданія суда „правды и милости", да еще во время войны за освобожденіе братскихъ народовъ отъ турецкаго ига! Довольно, не надо подобныхъ безобразій, пора положить предѣлъ беззаконію и создаваемому имъ недовольству. Таковы чувства и мысли, набѣгавшія и накоплявшіяся во время судебнаго слѣдствія.

Но вотъ оно выстрадано и закончено. Отъ общей картины произвола надо возвратиться къ частному случаю поступка этой дѣвушки, на себѣ испытавшей политику ссылокъ и административныхъ расправъ. Проходитъ прокурорская рѣчь и раздается слово защиты. Это была громовая рѣчь, построенная на обвиненіи тѣхъ, кто привелъ эту дѣ-

вушку на скамью подсудимыхъ. Оправданіе заключалось въ обличеніи обвинителей. Взрывъ рукоплесканій привѣтствовалъ вдохновенное слово защиты, мужественно и честно выполнившей свой гражданскій долгъ. У многихъ на глазахъ были слезы. Звонокъ предсѣдателя и его безпристрастное, ясное резюме, произнесенное съ обычнымъ краснорѣчіемъ, вносятъ успокоеніе въ высоко приподнятое настроеніе судебной залы. Не могу теперь припомнить, сказала ли что-нибудь подсудимая; но когда присяжные получили вопросный листъ и удалились, когда насталъ томительный перерывъ засѣданія, Ѳ. М. Достоевскій, сидѣвшій возлѣ меня, высказалъ приведенное уже свое мнѣніе. Оно предрѣшало судьбу подсудимой, но великій писатель придалъ своему мнѣнію своеобразный отпечатокъ. Осудить нельзя, наказаніе неумѣстно, излишне; но какъ бы ей сказать: „Иди, но не поступай такъ въ другой разъ“.

— Нѣтъ у насъ, кажется, такой юридической формулы,— добавилъ Достоевскій,—а чего добраго, ее теперь возведутъ въ героини.

Мнѣ казалось, что Достоевскій опасается, какъ-бы Засуличъ не впала въ рецидивъ. На это я замѣтилъ, что оправданные присяжными *случайные* преступники никогда не повторяютъ своихъ преступленій, а рецидивы въ большинствѣ случаевъ возникаютъ отъ излишества и несовершенства уголовныхъ каръ. Для такой дѣвушки, какъ Засуличъ, достаточно уже тѣхъ страданій, какія она пережила послѣ покушенія, во время слѣдствія и суда. Достоевскій промолчалъ. Мы протиснулись и вышли изъ залы отдышаться въ коридоръ. Не прошло и получаса, какъ раздался электрическій звонокъ. Совѣщаніе присяжныхъ длилось недолго. Шумною толпою, обгоняя другъ друга, всѣ бросились въ залу. На свое мѣсто трудно было попасть, и я остановился у двери. Почти всѣ стояли, такъ что судебному приставу не было надобности возглашать свое обычное приглашеніе. Вошли судьи, медленно потянулись одинъ за другимъ присяжные къ своимъ кресламъ. Все замерло, всѣ притаили дыханіе. Совершаетъ свои переходы вопросный листъ. А. Ѳ. Кони просматриваетъ и спокойно возвращаетъ рѣшеніе старшинѣ присяжныхъ. Слышится медленное чтеніе обвинительнаго вопроса. Всѣ глаза обращены къ представителю суда совѣсти; всѣ угадываютъ, чувствуютъ, *что* будетъ произнесено, но всѣ боятся ошибиться. Напряженіе общаго

вниманія достигаетъ крайняго предѣла. Вдругъ, вся зала точно ахнула, всѣ лица просіяли; казалось будто электрическая искра пробѣжала по этому сборищу истомленныхъ людей и оживила всѣхъ. Разразился громъ рукоплесканій, послышались рыданія, истерическіе голоса женщинъ. Предсѣдатель усиленно звонитъ, призываетъ къ порядку.—„Нѣтъ, невиновна“, произнесъ старшина присяжныхъ. „Нѣтъ невиновна“, механически повторили многіе, и вся зала, едиными устами и единымъ сердцемъ, подтвердила: „Нѣтъ, невиновна“!

V.

Будучи у двери, мнѣ легко было выйти. Надо было торопиться, чтобы докончить подготовленный къ этому дѣлу фельетонъ. Любопытство публики было удовлетворено: она могла отдохнуть или выражать свои восторги; а писателямъ надо было выполнить свой публицистическій долгъ, передать всему обществу, всей Россіи о совершившемся правосудіи, о томъ страшномъ злѣ, застарѣломъ недугѣ, которые были, нежданно-негадано раскрыты, при разборѣ этого дѣла; надо, чтобы и всѣ, не имѣвшіе возможности попасть въ судъ, знали въ точности все нами узнанное и пережитое; необходимо прервать то постыдное равнодушіе, которое прикрывало самые вредоносныя явленія и извращало основныя условія жизни; необходимо, чтобы правительство узрѣло истину и не потворствовало злу. Тяжелая, отвѣтственная задача писателя; невольно порождается сомнѣніе, хватитъ ли умѣнія, таланта, знанія, чтобы всколыхнуть общественное мнѣніе, положить конецъ спячкѣ и поднять ту работу мысли, помимо которой варварство не исчезаетъ, безъ которой невозможно обновленіе. Мысль предшествуетъ всякому дѣлу; а намъ не только не давали мыслить, но лишали даже возможности знать, во всей ихъ наготѣ и истинѣ, тѣ явленія, которыя плодили несчастныхъ или озлобленныхъ и обращались въ какой-то таинственный, грозный призракъ „пропаганды“ и разрушенія государственности „въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ“.

Такія мысли еще безсвязно толпились въ умѣ, смѣняясь нахлынувшими въ судѣ впечатлѣніями, когда я вышелъ на Литейный проспектъ. Глаза мои невольно обратились къ густой толпѣ молодежи, занимавшей противопо-

ложную сторону улицы. У зданія суда было пусто, а тамъ особенно многолюдно. Было около 7 часовъ вечера и смеркалось; а они съ утра ждутъ не дождутся вѣсточки изъ недоступнаго судилища. Едва я показался въ дверяхъ, какъ нѣсколько молодыхъ людей точно сорвались съ мѣста, отдѣлились отъ толпы и, не обращая вниманія на окрики городовыхъ, бросились ко мнѣ. Понятно, чего они хотѣли. Я пошелъ имъ навстрѣчу. Посыпались торопливые вопросы.

— Оправдали,—отвѣчалъ я.

— Совсѣмъ свободна?

— Безусловно, нѣтъ, невиновна...

Быстро задавались эти вопросы, но еще быстрѣе увеличивался кружокъ подбѣгавшихъ къ первому, случайному вѣстнику судебнаго рѣшенія. Не успѣлъ я два—три раза подвердить свой отвѣтъ, какъ кто-то снялъ шапку, махнулъ ею высоко надъ головой и крикнулъ „ура“!... И многія головы обнажились, и радостное „ура“ охватило всѣхъ. Затѣмъ, точно по сигналу, эта восторженно возбужденная толпа побѣжала на Шпалерную, какъ взбаломученное море огибая зданіе суда, и хлынула къ предварительной тюрьмѣ, чтобъ встрѣтить оправданную при выпускѣ ея на свободу.

Я поспѣшилъ домой, и на этомъ кончается мое невольное участіе въ этой уличной сценѣ. Но случаю угодно было, чтобъ мнѣ стало извѣстно изъ самаго достовѣрнаго источника дальнѣйшее трагическое продолженіе ея.

Думается мнѣ, что сколько-нибудь полныхъ и точныхъ свѣдѣній объ этомъ не появлялось еще въ нашей печати, въ силу тѣхъ же причинъ, какія создаютъ нашу неосвѣдомленность во всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ событіяхъ и вопросахъ жизни, вѣчно обрекая нашихъ вождей и бюрократовъ на слѣпоту, отсталость и самые позорные промахи, ошибки, заблужденія и шатанія.

Въ тотъ самый часъ, когда кончился судебный разборъ дѣла Вѣры Засуличъ, одинъ изъ моихъ знакомыхъ,—обозначу его буквой П.,—проходилъ по Шпалерной улицѣ. Около предварительной тюрьмы стояла громадная толпа молодежи.

Особенно тѣсно было у воротъ, гдѣ находилась извозчичья карета. Замѣшался въ эту толпу и П. и, въ свою очередь, сталъ у воротъ, когда узналъ, что ожидается выходъ оправданной присяжными Вѣры Засуличъ. Какъ извѣстно, зданіе суда соединено внутреннимъ ходомъ съ расположен-

ной рядомъ, стѣна о стѣну, подслѣдственной тюрьмою, „предварилкой“.

Оправданную дѣвушку вернули внутреннимъ ходомъ въ тюрьму, а отсюда ее должны были выпустить на свободу, по выполненіи обычныхъ формальностей. Когда тюрьма раскрыла свои двери, Вѣру Засуличъ чуть не задавили восторженные поклонники и поклонницы. Привѣтствія, рукопожатія со всѣхъ сторонъ. П. вмѣшался и сталъ уговаривать молодежь.

— Надо же пощадить ее, она истомлена, едва держится на ногахъ. Дайте ей хотя уѣхать, успокоиться.

— Вѣрно, вѣрно!—раздались голоса.

Двери кареты раскрылись, Вѣру Засуличъ чуть не на рукахъ внесли и усадили въ карету. Дѣвушка была въ изнеможеніи, почти въ обморокѣ.

— Надо проводить!—крикнулъ кто-то.

— А главное надо, господа, разойтись, не привлекать полиціи.

Всѣ были въ томъ добромъ, приподнятомъ настроеніи, когда радушно и быстро принимается всякій сочувственный, разумный совѣтъ. Съ П. согласились, и онъ не успѣлъ даже одуматься, какъ его тоже усадили въ карету и быстро надавали нѣсколько десятковъ рублей.

П. хорошо не помнитъ, кто давалъ эти деньги, но кредитки были въ обѣихъ его рукахъ и бросали ихъ еще на переднюю скамейку. Дверцы кареты захлопнули, какой-то молодой человѣкъ вскочилъ на козлы, рядомъ съ кучеромъ, и лошади тронулись. На углу карета повернула на Воскресенскій проспектъ и направилась къ Кирочной. Но большая часть толпы не отставала и бѣжала по тротуару почти рядомъ съ каретой.

П. оглянулъ свою спутницу; она, повидимому, нѣсколько оправилась, но выглядѣла сумрачно и молчала.

— Это ваши деньги...

Но Засуличъ не брала ихъ, и П. сложилъ ихъ къ тѣмъ, что были брошены на переднее сидѣніе.

— Куда прикажете ѣхать?—спрашиваетъ П., сознавая всю неловкость своего положенія.

— Вы лучше знаете куда,—получился короткій отвѣтъ, и опять молчаніе.

П. ровно ничего не зналъ, но и выйти было неудобно; задерживать, останавливать карету не хотѣлось. Поѣздкой,

видимо, распоряжался молодой человѣкъ на козлахъ. Онъ, безъ сомнѣнія, зналъ, куда ѣхать, и разузнавать объ этомъ было неловко.

— Вы принимаете меня, кажется, за дурного человѣка; увѣряю васъ, вы заблуждаетесь.

Но напуганная, встревоженная спутница все молчитъ.

Стали приближаться къ Кирочной, гдѣ расположены жандармскія казармы.

Вдругъ, цѣлый взводъ ихъ выѣзжаетъ и окружаетъ карету. Толпа въ одинъ мигъ бросается на выручку. Происходитъ какая-то свалка, раздаются крики. Сидящій на козлахъ молодой человѣкъ (кажется, Сидорацкій) выхватываетъ револьверъ и дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ, а затѣмъ стрѣляетъ себѣ въ високъ и падаетъ замертво на мостовую. Все это произошло такъ быстро, что разобраться было невозможно. П. инстинктивно опускаетъ переднее стекло и кричитъ кучеру:

— Пошелъ скорѣе, а то насъ всѣхъ перебьютъ!

Жандармы въ это время разгоняютъ толпу, а кучеръ ударяетъ по лошадямъ, и карета быстро исчезаетъ съ мѣста свалки, поворачиваетъ на Надежденскую, дѣлаетъ опять поворотъ на Литейный проспектъ и ускользаетъ отъ преслѣдованія.

П. опять оглядывается на свою спутницу и находитъ ее почти въ обморокѣ. Онъ повторяетъ свой вопросъ:

—Куда ѣхать?

Теперь уже не стало руководителя на козлахъ и надо во чтобы-то ни стало осмыслитъ дальнѣйшее движеніе и свое положеніе.

П. убѣждаетъ свою спутницу, что онъ не сыскной агентъ и желаетъ ей всякаго добра. Самый исходъ столкновенія съ жандармами краснорѣчиво говоритъ за него. Вѣра Засуличъ успокаивается и даетъ адресъ. П. указываетъ извозчику должное направленіе. Поѣздка дальняя. П. успѣлъ разсказать о случайности своего участія въ этомъ дѣлѣ и посовѣтовалъ оставить карету, не доѣзжая до той улицы, куда надо было ѣхать.

Такъ и сдѣлали. Извозчику заплатили, что слѣдуетъ, взяли деньги, узелокъ вещей и прошли къ желанному дому. Квартира была внутри двора. Позвонили, дверь открылась, Засуличъ вошла.

— Вѣрочка!..—раздался радостный возгласъ, и нѣсколько женщинъ бросились обнимать освобожденную. Ее, вѣроятно, поджидали. П. почувствовалъ себя лишнимъ, нежданная роль проводника кончилась. Онъ отдалъ все, что было на его рукахъ, пожелалъ благополучія и раскланялся. Больше онъ не видѣлъ Вѣры Засуличъ.

Понятно, что оглашать эту исторію было опасно. Теперь, чрезъ 30 лѣтъ, скрывать ее нѣтъ повода, тѣмъ болѣе, что героиня событія благополучно спаслась отъ незаконнаго ареста, пробыла многіе годы за границей и вернулась теперь въ Россію въ силу амнистіи 1905 года.

Разсказъ переданъ здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ я слышалъ его въ 1878 году.

Для чего хотѣли арестовать Засуличъ, только что оправданную и освобожденную судомъ? Для чего ее выпустили изъ тюрьмы, если имѣлось хотя малѣйшее основаніе къ новому аресту?

На Шпалерной освобождаютъ, а на Воскресенскомъ проспектѣ, спустя четверь часа, хватаютъ, среди возбужденной толпы, бросая искру въ кучу пороха!

На эти вопросы не было дано своевременно отвѣта. Все было заглушено и изъято изъ свободнаго обсужденія.

Кровавое и неудачное столкновеніе на Воскресенкомъ проспектѣ послужило новымъ звеномъ той цѣпи, которую надѣялись порвать освободительной войной. Цѣпь эта продолжала выковываться на почвѣ сыска и произвола, протянувшись отъ пустяшной декабрьской сходки у Казанскаго собора къ катастрофѣ 1 марта 1881 г., обращенной въ основу дальнѣйшей реакціи, съ пагубными послѣдствіями, внѣшними и внутренними, разразившимися въ наши дни съ страшной разрушительной силой.

Не мѣшаетъ указать, что нечаянный проводникъ Вѣры Засуличъ, П., принадлежалъ къ числу лучшихъ дѣятелей прокуратуры, когда она не была еще обращена въ пособницы тайной полиціи и не поставляла „твердыхъ“ приверженцевъ безправія, безсудія и погромовъ, среди безгласности и мыслебоязни. П. протестовалъ противъ земельныхъ грабежей въ одной изъ восточныхъ губерній, служившихъ источникомъ наживы для бюрократіи. За такое „противодѣйствіе“ П. лишился службы. Злоупотребленія эти были разоблачены въ „Русскомъ Обозрѣніи“, и это явилось главнѣйшимъ поводомъ къ уничтоженію моей газеты. „Неподкупная“, доблестная бю-

рократія „охраняла“ себя гораздо заботливѣе и удачнѣе, нежели государство и Государя.

VI.

Ночь, проведенная за фельетономъ по дѣлу Вѣры Засуличъ, разстроила нервы, утомила меня, но не принесла удовлетворенія. Мнѣ казалось, что я не совладалъ съ задачей, что написалъ плохо, неудачно. Но газетная работа не терпитъ отсрочки, я надѣялся договорить недосказанное, вполнѣ выяснить, осмыслить это крупное, типичное дѣло въ послѣдующихъ статьяхъ.

Вышло совершенно иначе. Дальнѣйшимъ статьямъ не суждено было появиться, а неудовлетворявшій меня фельетонъ вызвалъ бурю, рѣдкій взрывъ самыхъ противоположныхъ и рѣзкихъ отношеній.

Въ день появленія фельетона, 2 апрѣля 1878 г., съ утра ко мнѣ пріѣзжали друзья, знакомые и неизвѣстные. Почти отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній явились благодарственныя депутаціи (студенческія). Нѣсколько дней получались поздравительныя письма. Одна дама, скрывшая свое имя, тронула меня заявленіемъ: „Цѣлую ту руку, которая писала фельетонъ по дѣлу Вѣры Засуличъ“. Коротко, но лучшего желать нельзя.

Объ отношеніяхъ противоположнаго свойства скажу послѣ; здѣсь-же, въ видѣ противовѣса, упомяну лишь, что другая женщина, весьма щепетильная и щегольская, въ моемъ присутствіи, разгорѣвшись и озлясь, не стѣсняясь, заявила, что она „собственными руками задушила-бы Засуличъ и тѣхъ, кто ее оправдалъ“. Правда, это была фрейлина, утратившая уже надежду на замужество, а старыя дѣвы сердитая „нація“ и не имѣютъ ничего общаго съ „бальзаковскими“ женщинами. Между другими письмами, получено было очень любезное приглашеніе отъ одной дамы „бюрократическаго свѣта“. Мужъ ея занималъ очень видное и вліятельное мѣсто, на которомъ никакихъ сентиментальностей не полагается. Супруга была иныхъ чувствъ и мнѣній. Она просила быть у нея по весьма важному и неотложному дѣлу. Въ назначенный часъ, меня ввели въ гостиную весьма роскошной и большой казенной квартиры.

Любезная хозяйка, послѣ обычныхъ привѣтствій и извиненій, съ таинственнымъ видомъ сообщила мнѣ, что все готово для отъѣзда Вѣры Засуличъ за-границу и собрана уже

необходимая сумма. Меня просили передать объ этомъ Засуличъ, счастливо скрывшейся послѣ суда.

— Но я не знаю, гдѣ она, и въ первый и послѣдній разъ видѣлъ ее только во время процесса.

Мой отвѣтъ былъ принятъ съ крайнимъ удивленіемъ и недовѣріемъ. Быть не можетъ, чтобъ можно было написать такъ сердечно, не зная личности! Опасенія, конечно, понятны, но въ данномъ случаѣ они неумѣстны. Все устроено и было бы досадно, если-бъ напрасные страхи лишили эту дѣвушку вѣрной и вполнѣ дружеской помощи.

Но что же я могъ сдѣлать, если я ничего не зналъ; мнѣ тогда не были даже извѣстны подробности спасенія Засуличъ. Я не сомнѣвался въ добрыхъ намѣреніяхъ благодѣтельной дамы, но могъ ей обѣщать лишь сообщить о ея предложеніи одному лицу, которое, по моей догадкѣ, имѣло кое-какія связи съ „нелегальнымъ" міромъ. Мнѣ неизвѣстно, воспользовалась ли Вѣра Засуличъ великосвѣтскими услугами, или побѣгъ ея за границу обошелся безъ нихъ, при помощи той чистой, сердечной лепты, которой начало положено было у воротъ тюрьмы; но проявленія подобныхъ сочувствій и содѣйствій съ совершенно неожиданной стороны крайне характерны.

Истина и справедливость пробиваютъ себѣ дорогу незамѣтными путями и въ подвалы, и въ „казенные бельэтажи".

Лучше было бы, однако, если бы все находилось на своемъ мѣстѣ; если-бъ „вахмитры по воспитанію и погромщики по убѣжденію" не хватали оправданныхъ судомъ, не чинили насилій надъ личностью, совѣстью и мыслью, а благодѣтельныя жены бюрократовъ, военно-начальниковъ и градоправителей не получали поводовъ смягчать и заминать черезчуръ беззастѣнчивыя проявленія „твердой власти". Вѣра Засуличъ все же была изъ „ихъ среды", имѣла видныхъ родственниковъ; сотни и тысячи другихъ жертвъ произвола страдаютъ и гибнутъ незамѣтно, въ неизвѣстности. Не всегда онѣ попадаютъ даже въ статистическую цифру. Когда рѣчь зашла объ амнистіи, наши правители не были даже освѣдомлены о числѣ заключенныхъ и ссыльныхъ по политическимъ и аграрнымъ дѣламъ. Правительство „твердой власти", въ заботахъ о единствѣ и нераздѣльности государства, разбросало и расчленило Россію на множество независимыхъ сатрапій не только областныхъ, но и губернскихъ, не только отдаленныхъ, но и уѣздныхъ, самыхъ ближайшихъ. Во всѣхъ этихъ центрахъ „твердой власти" свои особыя „средствія", разно-

образныя усмотрѣнія, постановленія, кары. При переѣздѣ изъ Кіева въ Одессу, Харьковъ, даже въ Кременчугъ или Бердичевъ, не говоря уже о Кавказѣ или Варшавѣ, россійскому обывателю приходится изучать мѣстное „законодательство“, выражающееся въ приказахъ и постановленіяхъ. Дозволенное въ одномъ мѣстѣ тяжко наказуется въ другомъ. Ссылки, тюремныя заключенія, даже смертныя казни стали обычными и весьма возможными явленіями, въ зависимости отъ расположенія духа властителей. Сегодня „братцы“, а завтра „крамольные гады“, подлежащіе „безпощадному истребленію“, даже безъ суда. Но реакціонной печати и этого мало. Она утратила всякую мѣру и стыдъ, и дикими, звѣрскими завываніями вопіетъ объ усиленіи репрессій, о какой-то диктатурѣ изъ диктатуръ. Вмѣсто „богатырей мысли и дѣла“, требуютъ звѣрей —Тамерлановъ и Альбъ. Чѣмъ больше будетъ казней, безпощадныхъ и скорыхъ, тѣмъ лучше, тѣмъ-де благополучнѣе. Никакихъ реформъ не надо, необходимо скорѣе возвратиться къ блаженнымъ временамъ Плеве и Д. А. Толстого. По утвержденіямъ одичалыхъ и разнузданныхъ рептилій, золотой вѣкъ остался позади, у того дня, съ котораго началась откровенная порча и возможное уничтоженіе всѣхъ преобразованій Царя-Освободителя. По ихъ увѣреніямъ, четверть вѣка тому назадъ „твердая“ политика восторжествовала надъ крамолой, настала тишь да гладь, да Божья благодать.

Подобныя заблужденія возможны лишь при посредствѣ подавленія мысли и свободной печати. Въ крѣпостную эпоху кощунственно утверждали, будто самъ Богъ установилъ рабство; во времена реакціи подобная-же защита оказывалась неограниченной власти, а конституціонный строй приравнивался къ дьявольскому навожденію. Россія навязывала этотъ строй Польшѣ, Финляндіи, Болгаріи, но русскій народъ держали въ полицейскомъ участкѣ. И эта безстыдная проповѣдь слышится въ храмахъ, она не смущается позорными событіями манджурско-корейскихъ приключеній и пренебрегаетъ многократными, самыми торжественными заявленіями и манифестами Верховной власти. Рептиліи дерзко и грубо лгутъ, будто всю нашу конституцію, какъ и позорный миръ, выдумалъ „государственный злодѣй“ С. Ю. Витте. На указаніе, что подъ манифестами значится другая подпись, притворные „монархисты“ нецеремонно отвѣчаютъ, что царская власть можетъ и ошибаться, и что данное слово можно взять и обратно. По ихъ мнѣнію, по ихъ увертливой совѣсти, въ подобныхъ

шатаніяхъ возвышается достоинство и проявляется мощь государственной власти. Исторія революцій не останавливаетъ лжецовъ, невѣждъ и паразитовъ, привыкшихъ наживаться на счетъ обнищалаго народа и разстроенной казны. Они довели до гибели государство и подло лицемѣрятъ, разсыпаясь въ „монархическихъ чувствахъ". Убійству Царя-Освободителя они радовались, увѣряя, что судьба и Всевышній спасли Россію отъ тлетворныхъ реформъ и конституціонныхъ начинаній графа Лорисъ-Меликова. Съ 14 августа 1881 года, начали дѣйствовать ежегодно возобновляемыя „положенія объ охранѣ", которыя признаны были непригодными и вредными 12 декабря 1904 года, но остаются въ силѣ до днесь. Подобными же „временными правилами" подавлена была даже та жалкая свобода печати, какая существовала съ 1865 года. Университеты, гимназіи, народная школа были извращены полицейскимъ недовѣріемъ и заблужденіемъ, что невѣжество является самой надежной опорой трона и бюрократическаго всевластія. Земство и общественная самодѣятельность умалены до ничтожества. Крестьянству пожалованы были земскіе начальники съ розгами. Судъ обращенъ былъ въ послушное орудіе разныхъ Муравьевыхъ и Акимовыхъ. Состояніе войска и флота, возстановленные кадетскіе корпуса показали себя въ эту злосчастную войну, особенно въ лицѣ жалкихъ, бездарныхъ начальниковъ и невѣжественнаго генеральнаго штаба, болѣе всего заботившагося о военной цензурѣ и готоваго „съ легкостью резиноваго мячика" занимать должности министровъ народнаго просвѣщенія или диктаторовъ, одерживая болѣе удачныя „побѣды" надъ газетами, студентами, рабочими и крестьянами, нежели надъ внѣшнимъ врагомъ. Таковы въ общихъ чертахъ плоды той „обратной" политики, которая выдавалась за благополучіе Россіи и русскаго народа и къ которой насъ приглашаютъ вернуться. „Патріоты своего отечества" наживали дома и имѣнія, когда произволъ, подавленіе свободы и невѣжество разоряли народъ и всѣхъ, кто не могъ жить на счетъ казны, монополій и покровительственныхъ пошлинъ.

Свое частное благополучіе попятники подставили вмѣсто государственнаго блага. Это можно понять, но это скверно, низко: подобныя поползновенія весьма близки къ измѣнѣ. Называйте себя „патріотами" и „истинно-русскими людьми", но исторія, старая и новѣйшая, языкъ самыхъ вопіющихъ событій, Мукденъ и Цусима, уступка государственной территоріи, паденіе государственнаго кредита и авторитета власти уличаютъ

вашу ложь и притворство. Штыками, пулеметами, казнями безъ суда или по такому суду, которому никто не вѣритъ и который неспособенъ разобраться въ массовыхъ преступленіяхъ, нельзя поддержать власти. Въ основѣ ея должна лежать нравственная и идейная сила. Отъ нея ждутъ добра и правды, свѣта, а не тьмы, разстрѣловъ и висѣлицъ. „Патріоты“ приглашаютъ учиться у убійцъ и преступниковъ; если они безпощадны, то правительство обязано дѣйствовать еще свирѣпѣе: за око—два ока, а за зубъ—цѣлую челюсть. Львовъ укрощаютъ-де *каленымъ желѣзомъ*.

Объ укрощеніи животныхъ существуютъ иныя понятія: блаженъ иже и скоты милуетъ. Старая легенда говоритъ, что у льва была вынута заноза и спасенный звѣрь кротко легъ у ногъ своего спасителя, когда былъ выпущенъ на арену, чтобы растерзать жертву тираніи. Легенда эта знакома нашимъ гербовникамъ и ее знаютъ тѣ представители „лучшихъ“ людей, у которыхъ левъ красуется на древней фамильной печати. Позволительно думать, что и людей можно укрощать добромъ и справедливостью.

Ну, а крамола? Можетъ быть, она была уничтожена, можетъ быть, это благо было пріобрѣтено цѣной всѣхъ попятныхъ мѣропріятій и „охранныхъ положеній“? И въ этомъ случаѣ „пресмыкающіеся“ были слѣпы или завѣдомо сѣяли ложь, льстивый обманъ и вредъ. Въ 1887 году едва не повторилась катастрофа 1 марта; безгласные суды, тайно совершаемыя казни, шлиссельбургскія тюрьмы и административныя ссылки не предупредили покушеній. Поразительно краткое царствованіе, старавшееся вернуться къ реакціи 1815—1855 гг., свидѣтельствуетъ о чемъ угодно, только не о благополучіи государства и пораженіи крамолы. Она *временно* была задавлена; слабые ряды ея опустошались въ многолѣтней борьбѣ; многіе погибли на войнѣ, но болѣе всего ее подавило и пріостановило 1 марта 1881 года. Царь-Освободитель былъ убитъ въ то время, когда готовились новыя преобразованія, хотя въ нѣкоторой степени отвѣчавшія общечеловѣческому прогрессу и вѣковымъ требованіямъ всей просвѣщенной, либеральной Россіи. Народъ записалъ имя Царя-Освободителя въ свои поминальныя книжки. Это было нравственное *осужденіе* преступленія 1 марта, и оно, гораздо вѣрнѣе смертной казни, уничтожило тотъ ожесточенный психозъ, который былъ созданъ реакціей 70 годовъ, промедленіями и колебаніями въ „благихъ вѣяніяхъ“ 1880 года.

Послѣ дѣла Засуличъ, насилія надъ либеральной печатью и разнузданность рептилій натворили много бѣдъ, извративъ мысль и исказивъ дѣйствительность. Поворотъ „назадъ и домой“ привелъ насъ къ прежнему застою и произволу; но все же тогдашнія рептиліи не доходили до тѣхъ крайностей, до той дикости и звѣрства, до которыхъ безстыдно снизошли нынѣшніе духовные наслѣдники и соперники „Московскихъ Вѣдомостей“, послѣ хамелеоновскаго перехода этой газеты отъ либеральнаго западничества къ отупѣлой китайщинѣ. Мы дождались, что и Китай уже опережаетъ насъ, стремясь къ общечеловѣческому устройству, а реакціонныя рептиліи все пятятся къ старой татарщинѣ, несмотря на вразумительные и тяжкіе уроки съ Дальняго Востока. И это озвѣрѣлое невѣжество и наглое издѣвательство надъ правдой выдается за привилегированную любовь къ отечеству!

VII.

Многое изъ прошлаго, оставшееся невыясненнымъ или недоговореннымъ, въ высшей степени путаетъ современныя сужденія; съ другой стороны, въ наши дни, въ усиленной степени, возникаютъ тѣ же недоразумѣнія, заблужденія и споры, какіе существовали и 25—30 лѣтъ назадъ. Чтобы сдвинуться съ этой мертвой точки, необходимо провѣрить и переработать ошибочныя представленія и отрѣшиться отъ отсталыхъ взглядовъ и упрямаго изувѣрства, стоящаго на пути новаго уклада жизни. Отдавъ подобающую дань возгорѣвшейся снова самой неистовой реакціи, возвращаюсь къ изображенію родственныхъ ей „выступленій“, опутавшихъ Россію послѣ „освободительной“ войны.

Болѣзненныя явленія и вопіющія злоупотребленія, вскрытыя дѣломъ Засуличъ, должны были-бы вызвать общее негодованіе и стремленіе къ коренному обновленію нашей администраціи и полиціи. Въ министерствахъ, канцеляріяхъ, судахъ было еще, сравнительно, благополучно и тихо. Писали бумаги, не спѣшили, отставали; но по инерціи все-же топтались еще около либеральныхъ преобразованій, намѣченныхъ скромными рамками 60-хъ годовъ. Полиція-же, явная и тайная, въ высшей степени разнуздалась, подъ благовиднымъ предлогомъ охраны существующаго строя и пресѣченія крамолы. Обычныя увлеченія молодыхъ людей возводились въ опасныя

потрясенія „всѣхъ основъ“; ради борьбы съ нѣсколькими десятками „революціонеровъ“, все общество ставилось въ безправное положеніе, всѣ были „взяты въ подозрѣніе“. Казалось, что передача дѣла о покушеніи на Трепова обычному суду присяжныхъ предвѣщала переходъ къ нормальному и правосудному разсмотрѣнію „политическихъ преступленій“; но это было не болѣе, какъ проявленіе бюрократическаго антагонизма. Милые бранятся—только тѣшатся. На судѣ, подвиги тайной полиціи затмили суетливую и нелегальную дѣятельность Трепова, съ ея услужливостью сильнымъ міра сего... Сочувствіе оправданію Засуличъ, выраженное представителями высшей администраціи, суда и общества, какъ бы свидѣтельствовало, что всѣмъ этимъ неурядицамъ и варварскимъ расправамъ будетъ положенъ конецъ, но вышло совершенно обратное.

Ряды бюрократіи, приверженцы дореформеннаго произвола, патріархальныхъ безчинствъ и привилегій всполошились, постарались прикрыть разоблаченное зло и грѣхи полицейской разнузданности.

Для этого, по обыкновенію, надо было обречь на молчаніе либеральную печать и выпустить на нее стаю льстецовъ и обманщиковъ, временъ булгаринскихъ, про которыхъ сказано поэтомъ:

Тише, тише, господа!
Вотъ идетъ уже сюда
Патріотъ изъ патріотовъ,
Господинъ Искаріотовъ!

И они выступили, накинулись на дѣло Засуличъ, извратили его и постарались, въ союзѣ съ полицейскимъ взяточничествомъ и произволомъ, вернуть русскій народъ къ прежнему безправію, обречь его на систематическое обнищаніе и невѣжество, пьянство, карты, прожиганіе жизни, физическое и нравственное вырожденіе.

Румынамъ, сербамъ, болгарамъ—конституція, а русскому народу—полицейскій участокъ!

Всѣ, кто не хотѣлъ этого позора, этой отжившей татарщины и несправедливости, зачислялись въ „крамольники“. Мирные, идейные приверженцы законности и прогресса беззастѣнчиво обвинялись въ пособничествѣ и подстрекательствѣ крамолѣ, а доведенные до отчаянія, озлобленные насиліями и безправіемъ люди вталкивались въ анархисты и революціонеры. Надъ либералами, приверженцами легальныхъ преобразованій,

сверху стали издѣваться съ двухъ сторонъ—съ крайней правой и съ крайней лѣвой. Надо брать силой новыя условія жизни,—говорили лѣвые,—необходимо завоевать ихъ, а не полагаться на милость правительства. Мы васъ народнымъ судомъ искоренимъ, метлами дворниковъ сметемъ всѣ эти конституціонныя мечтанія и самихъ мечтателей,—шипѣли и завывали рептиліи. Нѣкоторая часть непримиримыхъ революціонеровъ привѣтствовала этотъ реакціонный взрывъ въ надеждѣ, что онъ увеличитъ ряды ихъ. Парламентаризмъ они ненавидѣли въ такой-же мѣрѣ, какъ и реакціонеры. Это были подневольные союзники, въ силу старой истины, что крайности сходятся. И такъ продолжается и теперь! Одно обусловливаетъ другое. Иной разъ можно было подумать, что полиція создаетъ „сицилистовъ“, сознавая, что съ ловлей ихъ соединены награды, возвышенія, лучшіе оклады и пенсіи; въ противоположномъ-же лагерѣ вырабатывалась своего рода ремесленность, полное отчужденіе отъ нормальныхъ условій жизни, окрашиваемой въ общій цвѣтъ ненавистной „буржуазности“; создавалась *революція для революціи*. Этого только и желали ремесленники реакціи, чтобы заодно душить всѣхъ и все, что такъ или иначе соприкасалось съ освободительнымъ направленіемъ и было убѣждено, что русскій народъ давно переросъ полицейско-бюрократическія пеленки и не хуже болгаръ способенъ къ самостоятельности и самоуправленію.

Послѣ дѣла Засуличъ, какъ уже сказано, немедленно возобновились административныя кары надъ печатью. Рептиліи напали и на судъ присяжныхъ. Не останавливаясь передъ ложью, стали смѣло утверждать, будто нигдѣ въ мірѣ невозможны подобныя оправданія. Увѣряли, будто приговоръ этотъ свидѣтельствуетъ о нашей некультурности. Наиболѣе усердные пошли еще дальше и заявляли, что вообще новые суды, сочиненные какими-то „лакеями западничества“ (лакейство всегда черпаетъ свои эпитеты изъ подворотни), непригодны русской самобытности, да и институтъ присяжныхъ, какъ и парламентаризмъ, отжили-де свой вѣкъ. Насъ хотѣли увѣрить, что турецкое и россійское самодержавіе представляютъ то идеальное управленіе, къ которому стремится человѣчество! Всѣмъ и вездѣ надоѣли-де эти говорильни и политиканство, народы рады избавиться отъ нихъ и возвратить кесарево кесареви. Просвѣщенная и попечительная власть, вдохновляемая Всевышнимъ и молитвами архипастырей, руководимыхъ

оберъ-прокуроромъ, быстро и непогрѣшимо рѣшаетъ и вѣдаетъ всѣ дѣла и удовлетворяетъ потребности населенія на всѣхъ концахъ государства. Это такъ просто и согласно-де съ семейнымъ и божескимъ (теократическимъ) укладомъ жизни.

Споры, партіи, взаимная вражда, національная и религіозная, сословная и классовая,—устраняются-де этимъ освященнымъ вѣками режимомъ, къ которому обращались истомленныя республики всѣхъ временъ, какъ это было и въ Римѣ, и въ Византіи. Тысячелѣтней Россіи, въ то время, когда сочинялась конституція для полуграмотныхъ и задавленныхъ четырехсолѣтнимъ игомъ болгаръ, приходилось молча слушать эти старыя сказки и благоденствовать, утѣшаясь поговоркой: „мели Емеля—твоя недѣля“.

И сказки эти слышатся до сихъ поръ! Судъ присяжныхъ является единственно здоровымъ учрежденіемъ, не поддавшимся реакціонной порчѣ. Профессіональные судьи пошатнулись подъ давленіемъ административныхъ вторженій; прокуратора, со ступеньки на ступеньку, принизилась до полицейскаго прислужничества и обвинительныхъ актовъ—числомъ поболѣе, цѣною подешевле. Предварительное слѣдствіе всегда страдало отъ розыскного характера и отсутствія защиты. Адвокатура болѣе уцѣлѣла на своей первоначальной высотѣ, но зато ее и давятъ, и гонятъ изъ всѣхъ сколько-нибудь важныхъ политическихъ и бытовыхъ дѣлъ. Можно сказать, что судебная защита не для всѣхъ доступна; но рептиліи болѣе всего вопіяли противъ недостаточности обвинительнаго рвенія и репрессіи.

Главнѣйшіе удары направлялись на мировой судъ, и его замѣнили земскими начальниками; вмѣсто судей явились административные каратели. Компетенцію суда присяжныхъ съузили до крайнихъ предѣловъ. Тюрьмы и ссылки наполнялись, мѣстъ не хватало для заключенныхъ, а вопли реакціонеровъ не переставали возглашать: „присяжные всѣхъ оправдываютъ“!

Списки присяжныхъ составлялись весьма неудовлетворительно; иной разъ, присяжные тяготились своими обязанностями и даже голодали, но судъ совѣсти все же доказалъ свою жизненность и преимущества передъ всѣми иными судами, даже съ сословными манекенами, не говоря уже о разныхъ особыхъ присутствіяхъ, судахъ военныхъ, полевыхъ, или о томъ возмутительномъ „правосудіи“, которое предоставляется админи-траціи, безгласной и безконтрольной, на основаніи разныхъ „положеній объ охранѣ“. Присяжные смягчали

всѣ несовершенства и вопіющіе недостатки предварительнаго слѣдствія, карательной системы и уголовнаго уложенія. Цѣлый рядъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ основывался на той-же мысли, въ силу которой установленъ институтъ *условнаго осужденія*. Бюрократія и тутъ запоздала, но присяжные давно поняли, что карать случайныхъ преступниковъ грѣшно, и что населять тѣ тюрьмы, которыя портятъ людей и служатъ „школой преступленій" и рецидива, по меньшей мѣрѣ неразумно и небезопасно. Нападая на все хорошее, здоровое и доброе, реакціонное недомысліе, заглушавшее самую возможность идейной борьбы и свободы обсужденія, подрывало и губило судъ присяжныхъ.

Послѣ дѣла Засуличъ, нельзя было показаться въ обществѣ, чтобъ не нарваться на жгучіе и непріятные толки и споры объ оправдательномъ приговорѣ присяжныхъ. Недавнія сочувствія и оваціи смѣнились разсужденіями и укорами, вычитанными изъ „Московскихъ Вѣдомостей" и тѣхъ газетъ, которыя привыкли повертываться по господствующему вѣтру. Въ разгарѣ этихъ споровъ, В. П. Безобразовъ (академикъ, извѣстный экономистъ и издатель „Сборника государственныхъ знаній") передалъ мнѣ вырѣзку изъ нѣмецкой спеціальной газеты со статьей Гольцендорфа, авторитетнаго ученаго юриста.

— Вамъ будетъ пріятно прочесть эту статью,—сказалъ мнѣ В. П. Безобразовъ:—рѣчь идетъ о дѣлѣ Засуличъ, и Гольцендорфъ, совершенно какъ и вы, доказываетъ, что присяжные вездѣ и всегда оправдывали и будутъ оправдывать въ такихъ дѣлахъ, когда обвиненіе было бы равносильно поощренію самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій и произвола полиціи и правительственнаго бездѣйствія или даже потворства.

Понятно, что статья Гольцендорфа была для меня величайшей нравственной поддержкой. Я горячо поблагодарилъ В. П. Безобразова, который тоже сотрудничалъ въ „Голосѣ"; но перепечатать статью германскаго ученаго было опасно. Надо было молчать до лучшихъ временъ. Я долго носилъ въ карманѣ эту статью съ русскимъ, рукописнымъ переводомъ.

Всякій разъ, когда раздавались „авторитетныя" утвержденія, будто весь міръ осуждаетъ Вѣру Засуличъ и возмущается оправдательнымъ вердиктомъ русскихъ присяжныхъ, я предъявлялъ заключеніе германскаго спеціалиста. Порица-

тели смолкали, изворачивались; но все это было шито-крыто, и реакція продолжала свое лживое, разрушительное дѣло.

Открылся берлинскій конгрессъ для пересмотра Санъ-Стефанскаго договора. Патріоты реакціоннаго лагеря возмущались и называли этотъ конгрессъ „судомъ надъ Россіей“, но дѣлали все возможное, чтобы судъ этотъ оказался возможно унизительнѣе для освободителей и побѣдителей. Князь Горчаковъ былъ слишкомъ уже старъ для борьбы съ Бисмаркомъ и Биконсфильдомъ (Дизраэли), а другимъ уполномоченнымъ являлся графъ П. А. Шуваловъ, бывшій шефъ жандармовъ и отъявленный врагъ всякихъ свободъ, всякихъ преобразованій. Понятно, что этотъ реакціонеръ былъ въ пользу крайнихъ уступокъ и запугивалъ Петербургъ необходимостью возможно скорѣе покончить съ внѣшней опасностью, чтобы сосредоточить всѣ помыслы и силы на борьбѣ внутренней. Турокъ побили, болгаръ освободили, милліардъ истратили; потоки русской крови опять пролиты; пора-де заняться покореніемъ враговъ внутреннихъ. А кто эти внутренніе враги, можно узнать на страницахъ нынѣшнихъ реакціонныхъ газетъ, въ усиленной степени повторяющихъ то, что говорилось въ 1878 году. Воспроизводятся даже тѣ самыя имена, которыя входили въ списки тайной полиціи. Неисправимые либералы не всѣ еще умерли и ихъ дополняютъ новыми— „анархистами“, во главѣ которыхъ ставятъ Муромцева, Ковалевскаго, Кузьмина-Караваева и другихъ приверженцевъ конституціонной монархіи. Все это—интеллектуальные, умственные виновники революціи.

Ростъ реакціоннаго гнета обусловилъ, конечно, и развитіе общаго недовольства. Всѣ злились и обвиняли другъ друга. Упрекали тѣхъ, кто началъ войну. Сняли-де рубашку съ голоднаго, чтобы отдать ее богатому. По мнѣнію многихъ, болгары жили зажиточнѣе многихъ русскихъ обывателей.— „Съ жиру бѣсятся, братушки,—говорили солдаты:—посадить бы ихъ въ нашу шкуру!“ Другіе ворчали на то, что война не продолжается. И чего трусятъ? Одинъ Скобелевъ чего стоитъ! А Скобелевъ всегда за войну и увѣренъ, что мирное бездѣйствіе вредитъ народамъ и портитъ армію. Освобожденные, въ свою очередь, не были удовлетворены. Болгары были разорены двумя воюющими арміями и разочарованы передѣлками Санъ-Стефанскаго договора. Сербы завидовали болгарамъ; Боснію и Герцеговину, съ которыхъ началось славянское движеніе, отдали въ полонъ Австріи. Румыны злились

за отобраніе Измаильскаго уѣзда. Не вполнѣ были довольны даже властители новыхъ независимыхъ или полузависимыхъ троновъ, готовясь показать своимъ народамъ, что и для нихъ конституція очень стѣснительна. Само собою разумѣется, что не могли радоваться тѣ „внутренніе враги“, которые жаждали мира ради новыхъ заботъ и трудовъ по обновленію государственнаго и общественнаго строя Россіи. Приверженцы упорядоченія и довершенія преобразованій были отброшены въ сторону, подвергнуты всевозможнымъ подозрѣніямъ и не имѣли возможности даже опровергать взводимыя на нихъ обвиненія. Русское общество обречено было на роль жалкаго, безропотнаго страдальца, на котораго то и дѣло падали удары и всѣ невыгоды кулачныхъ расправъ, насилій и репрессій. „Кто не съ нами, тотъ противъ насъ“, заявляли враждебныя крайнія партіи, не допуская даже въ помыслѣ, что существуетъ иной исходъ, что въ распоряженіи человѣчества имѣются пути свѣта, добра и правды, что насилія и убійства возмутительны, кто бы ихъ ни совершалъ.

Въ іюлѣ былъ заключенъ Берлинскій трактатъ, кончилась освободительная война и возобновилась, внутренняя смута. Война пріучаетъ къ крови и смерть никого не устрашаетъ. Въ началѣ августа, кажется, 4 числа, на одной изъ центральныхъ улицъ Петербурга былъ убитъ кинжаломъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Мезенцовъ. Убійца укатилъ на ворономъ рысакѣ.

VIII.

Когда совершались тѣ или другія политическія преступленія, на нашей журналистикѣ лежала тягостная повинность. Надо было возмущаться и огорчаться; слѣдовало возвеличивать подвиги и достоинства павшихъ „слугъ Царя и отечества“, хотя бы это были весьма сомнительные люди, даже обманщики и хищники, въ родѣ тѣхъ бурмистровъ и управителей, которые изображены въ „забытой деревнѣ“ Некрасова. Если газета не проявляла „надлежащихъ чувствъ“, не бранилась и не призывала „безпощадныхъ каръ“ надъ виновниками, она сама подвергалась розыску со стороны рептилій. Реакціонные журналисты, соперничая другъ съ другомъ, „читали въ сердцахъ“ либеральной печати и на перехватъ проявляли способности сыскныхъ и заплечныхъ дѣлъ мастеровъ. Отсюда получалось двойное неудобство: никто

не вѣрилъ этому напускному негодованію и всѣ сколько-нибудь порядочныя газеты предпочитали или молчать, или говорить крайне сдержано о битвахъ, схваткахъ и смертоносныхъ кулачныхъ расправахъ двухъ противообщественныхъ лагерей. Кому же охота прослыть лицемѣромъ! Всѣ отбывали эту повинность, какъ отбываются молебны или панихиды въ табельные дни, или какъ составляются репортерскія описанія блестящихъ иллюминацій и безчисленныхъ флаговъ, вывѣшанныхъ дворниками по приказанію начальства. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ истинныхъ чувствъ. Городовой замѣняетъ и поглощаетъ обывателя.

Въ день убійства шефа жандармовъ Мезенцева, ничего не подозрѣвая, я пріѣхалъ съ дачи и сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ тяжкомъ раздумьѣ. Черезъ четыре дня, 8 августа, долженъ былъ выйти первый, по возобновленіи, нумеръ „Русскаго Обозрѣнія“, пріостановленнаго 8 февраля. Полгода назадъ, я имѣлъ основаніе считать себя не только „благонадежнымъ“, но и особенно благополучнымъ россіяниномъ. Я былъ въ то время среди побѣдоносной арміи и передвигался съ отрядомъ гвардіи въ Санъ-Стефано, въ ожиданіи весьма вѣроятнаго столкновенія съ турками, къ которымъ на подмогу прибылъ англійскій флотъ. При мнѣ былъ не только заграничный паспортъ, но имѣлось особое удостовѣреніе отъ имени главнокомандующаго арміей, что мнѣ лично, *въ видѣ исключенія*, разрѣшается быть корреспондентомъ „Голоса“ съ театра войны (въ октябрѣ всѣ корреспонденты „Голоса“ были удалены; но для меня было сдѣлано изъятіе).

Это было шесть мѣсяцевъ назадъ. Теперь же, въ августѣ, четвертаго дня, по заключеніи мира, я находился передъ корректурами запрещенной на полгода своей газеты и подъ гнетомъ тяжкихъ обвиненій, разразившихся по поводу моего фельетона въ „Голосѣ“ по дѣлу Вѣры Засуличъ.

По опредѣленію „Московскихъ Вѣдомостей“, мною былъ учиненъ „апоѳеозъ политическаго убійства“, и за сіе надлежало меня предать на растерзаніе толкучаго рынка, спасенія отечества ради и дабы другимъ было не повадно. Карательное рѣшеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ повторялось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и попало въ „Исторію крамолы“, сочиненную Гиляровымъ-Платоновымъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. Съ теченіемъ времени, я привыкъ къ этимъ извѣтамъ, хотя они и не легко обходились; но въ 1878 году, быть-можетъ, по новизнѣ, они крайне возмущали меня, какъ

извращеніе и униженіе задачъ печати, особенно послѣ недавнихъ сочувствій даже гр. П. А. Валуева. Чрезвычайно тревожила меня дальнѣйшая участь моей газеты. Читатели ждали отъ нея, по меньшей мѣрѣ, прежняго тона и направленія, а между тѣмъ, очевидно, нельзя было не предвидѣть, что къ малѣйшему слову моему станутъ придираться, толкуя его вкривь и вкось.

Въ печальныхъ размышленіяхъ этого рода, я отправился пообѣдать и зашелъ въ редакцію „Голоса“.

— Что, вы еще цѣлы?—встрѣтилъ меня престарѣлый В. Р. Зотовъ, несшій обязанности редакціоннаго секретаря, участвовавшійи въ „Русскомъ Обозрѣніи“.

— Что случилось?

— А случилась битва двухъ террововъ, легальнаго и подпольнаго, и подполье одержало побѣду.—Передавъ первыя подробности, старый, опытный писатель добавилъ:

— Ну, теперь, батенька, намъ не сдобровать... Печать у насъ первая за все отвѣтчица.

Пророчество было на этотъ разъ нетрудное. Во всѣхъ редакціонныхъ комнатахъ шли оживленные толки, но настроеніе преобладало унылое. Несмотря на лѣтнюю пустоту, многіе заѣзжали въ редакцію. Жаждали свѣдѣній или дѣлились слухами.

— Чего добраго, образумятся... Если себя не умѣютъ оберечь, среди бѣлаго дня, на улицахъ столицы, то гдѣ же имъ охранять государство!...

— Эхъ, государство!.. Много имъ заботы о государствѣ!

И пошли разсказы о томъ, какъ усилились и озлобились кадры реакціи. Не только Вѣру Засуличъ хотѣли арестовать, но стали хватать причастныхъ къ процессу 193-хъ. Громадное дѣло, результатъ многолѣтней ловли, подъ вліяніемъ затишья во время войны, было разрѣшено снисходительнѣе обыкновеннаго. Многіе были оправданы или отданы подъ надзоръ полиціи; для другихъ судъ ходатайствовалъ о смягченіи наказаній, въ виду долговременнаго предварительнаго заключенія. Все это были „пропагандисты“, обвинявшіеся въ „хожденіи въ народъ“, который въ большинствѣ случаевъ доставлялъ ихъ къ начальству. Послѣ оправданія и побѣга Засуличъ, всѣхъ ихъ повернули въ крамолу, снова обратили въ тяжкихъ преступниковъ и заключали въ тюрьмы. Нарушалась самая простая справедливость и сколько-нибудь здравая политика. Пропаганду превратили въ дѣяніе, слово—въ

дѣло. Главнымъ виновникомъ такого „поворота“ считали Мезенцева, человѣка весьма ограниченнаго, но занимавшаго важное мѣсто шефа жандармовъ и начальника „III-отдѣленія“.

Изъ 193-хъ, попавшихъ послѣ дѣла Засуличъ во вторичную отвѣтственность, многіе бѣжали, скрылись и перешли въ „нелегальные“, имѣя въ своемъ распоряженіи какіе угодно фальшивые паспорты, опираясь на негодованіе родныхъ, друзей, всѣхъ сочувствующихъ обновленію Россіи. Въ нихъ видѣли страдальцевъ и передовыхъ борцовъ, стремящихся освободить народъ отъ зла и пережитковъ крѣпостничества. Цѣпь смуты все болѣе и болѣе наростала. Изъ этихъ кадровъ, созданыхъ реакціей, образовались террористы. Нелегальное положеніе не можетъ долго длиться, оно невыносимо и изъ него нѣтъ иного выхода, кромѣ самоубійства и покушеній, если возстаніе, бунтъ или насильственный переворотъ не имѣютъ подготовки въ народныхъ массахъ и войскахъ.

Вернувшись домой въ самомъ тяжеломъ настроеніи, я не могъ работать и просматривалъ августовскія книжки журналовъ, чтобы перебить „пиковыя“ мысли. Но отъ нихъ не уйдешь, когда въ общихъ условіяхъ государственной и общественной жизни складываются все черныя и черныя карты.

Около девяти часовъ вечера, а можетъ-быть, и позже, раздается сильный звонокъ. Выхожу въ переднюю, отпираю. Оказывается курьеръ.

— Спѣшная бумага изъ главнаго управленія печати,— возвѣщаетъ нежданный вѣстникъ, запыхавшись отъ лѣстницы.

Развертываю синюю обложку и читаю приглашеніе. Просятъ пожаловать завтра утромъ для выслушанія особаго правительственнаго распоряженія.

— Надо расписаться, ваше-скородіе, проситъ курьеръ.

Иду расписываться, еще разъ машинально прочитывая бумагу.

— Это ко всѣмъ редакторамъ, или ко мнѣ только?— спрашиваю курьера.

— Только къ вамъ.

Провожаю ночного гостя и разсуждаю: если только обо мнѣ вспомнили на Театральной улицѣ, значитъ, распоряженіе не общее. Плохое дѣло!

Начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ тогда В. В. Григорьевъ, профессоръ восточнаго факультета, считавшій себя убѣжденнымъ синологомъ. Онъ былъ настолько

неразвитъ, что представлялъ Китай образцомъ благополучія и завидной самобытности. Къ этой китайщинѣ, въ головѣ Григорьева, примѣшивались кое-какіе обрывки славянофильства, но не въ либеральной, а въ самой худшей части этого ученія, навязывавшей Россіи всякую отсталость. Взявшись за полицейскую роль въ области мысли, этотъ ученый китаецъ готовъ былъ навязывать и русской журналистикѣ свои недвижные взгляды. Съ партійной нетерпимостью самаго узкаго азіатца, Григорьевъ ненавидѣлъ „западничество“ и все либеральное. Къ людямъ и летераторамъ онъ относился съ циничной недовѣрчивостью, съ нравственнаго уровня будочника печати.

Если онъ, профессоръ, погнался за выгодной должностью, несмотря на всю омерзительность роли гасителя мысли, то тѣмъ болѣе, казалось ему, всякій писатель способенъ мѣнять свои убѣжденія.

- Въ чужой газетѣ они либеральничаютъ, ну а въ своей,—философствовалъ Григорьевъ,—каждый пойметъ, что своя рубашка ближе къ тѣлу.

Онъ охотно, поэтому, разрѣшалъ новыя изданія тѣмъ литераторамъ, которые считались неблагонадежными. Этого разрѣшенія удостоился и я, вмѣстѣ съ изложеніемъ приведенныхъ взглядовъ синолога. Говорилъ Григорьевъ отвратительнымъ, хриплымъ, шипящимъ голосомъ, вполнѣ отвѣчавшимъ циничности его рѣчей.

На мнѣ и на „Русскомъ Обозрѣніи“ теорія Григорьева не оправдалась. Онъ злился и вредилъ мнѣ, сколько было возможно. Я давно пересталъ ѣздить на его приглашенія, заявивъ ему, что писатели и редакторы не обязаны являться на подобные зовы и выслушивать какія-бы то ни было внушенія.

У него есть канцелярія, много бумаги и писцовъ, онъ можетъ написать, что ему угодно; а редакторъ свободной газеты имѣетъ право бросить эту бумажку въ печь, если его совѣсть и взгляды далеки отъ китайщины. Григорьевъ злился и шипѣлъ, какъ разсерженный гусь, но могъ отвѣчать только карами, для которыхъ все же требовались поводы. Иной разъ онъ самъ отыскивалъ ихъ, испещрялъ страницы „Русскаго Обозрѣнія“ рѣзкими замѣчаніями и передавалъ въ совѣтъ по дѣламъ печати, дѣлая выговоры тѣмъ членамъ, которымъ было поручено слѣдить за моей газетой.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда не было уже Григорьева, мнѣ передавали объ этомъ сами „претерпѣвавшіе“ изъ-за меня.

— Мы никакихъ нарушеній не находили, а онъ злился... Бывали у васъ и добровольцы-цензора, изъ числа товарищей Григорьева по университету, которымъ „Русское Обозрѣніе“ сильно не нравилось...

Мои собесѣдники назвали одного изъ нихъ, очень хорошо мнѣ знакомаго; но я усомнился въ правдивости этого сообщенія и теперь не хочу ему вѣрить.

Упоминаю объ этомъ лишь для характеристики произвола и тѣхъ случайностей, среди которыхъ приходится прозябать нашей печати, до сихъ поръ имѣющей болѣе враговъ, нежели защитниковъ, до сихъ поръ угощаемой болѣе терніями и скорпіонами, нежели лаврами.

Изъ такого-то логовища шипящей злобы и участковаго насилія надъ печатью получено было вечернее приглашеніе 4 августа 1878 года. На этотъ разъ дѣло шло о выслушаніи особаго правительственнаго распоряженія, и я не имѣлъ повода и основанія уклониться отъ ожидавшаго меня сообщенія.

Въ назначенное время, я былъ въ хорошо знакомомъ кабинетѣ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Григорьевъ всталъ и стоя, безъ всякихъ вступленій, заявилъ:

— По приказанію управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, я обязанъ объявить вамъ воспослѣдовавшее Высочайшее повелѣніе.

Затѣмъ Григорьевъ взялъ бумагу и съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой прочелъ, что, по всеподданѣйшему докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣно газету „Русское Обозрѣніе“, за крайне вредное направленіе, прекратить навсегда.

Я молчалъ. Григорьевъ передохнулъ и тѣмъ же холодно-оффиціальнымъ тономъ, смакуя каждое слово, медленно прошипѣлъ:

— Не угодно ли дать подписку, какъ въ выслушаніи объявленнаго вамъ Высочайшаго повелѣнія, такъ и слѣдующаго распоряженія управляющаго министерствомъ.

Подписка, заготовленная заранѣе, заключалась въ обязательствѣ не печатать и не оглашать Высочайшаго повелѣнія о запрещеніи „Русскаго Обозрѣнія“.

Я все молчалъ и далъ требуемую подпись.

Шипъ Григорьева продолжался.

— Мнѣ приказано еще предувѣдомить васъ, что въ случаѣ огласки и нарушенія подписки, вы будете немедленно высланы въ Архангельскую губернію.

И Григорьевъ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ поклона.

— Все?—спросилъ я.

— Все-съ.

Было бы излишне разговаривать съ этимъ господиномъ; ничего добраго отъ него ждать было нельзя. Я молча вышелъ. Ѣдучи на Театральную улицу, я былъ еще полноправнымъ и собственникомъ газеты, все болѣе и болѣе пріобрѣтавшей успѣхъ; со временемъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могли бы покрыться расходы и долги по изданію.

Возвращаться-же мнѣ пришлось безправнымъ, разореннымъ, лишеннымъ редакторства. Мало того, мнѣ грозятъ насиліемъ надъ личностью и свободой, лишаютъ даже возможности оправдаться передъ подписчиками и обществомъ по поводу невыхода газеты. Черезъ четыре дня, раздадутся звонки, станутъ приходить за газетой, пойдутъ разспросы, можетъ быть, требованія и упреки; а мнѣ нельзя даже объяснить истинную причину издательской несостоятельности. И этого еще недостаточно. Запрещеніе моей газеты связывалось съ уличнымъ убійствомъ, съ тяжкимъ политическимъ преступленіемъ. И какъ спѣшно! Въ эти долгіе шесть мѣсяцевъ свершилось столько событій самаго неожиданнаго и противоположнаго значенія. Удачное избѣжаніе опасностей и болѣзней во время тяжелаго зимняго похода; благополучный возвратъ въ Петербургъ; любезности предсѣдателя комитета министровъ, оваціи за правдивое изображеніе выдающагося дѣла...

Среди этихъ превратностей, мнѣ самому приходилось забывать иногда о пріостановленной газетѣ, а они вспомнили и всполошились въ тотъ день, когда слѣдовало, казалось бы, подумать о крайней серьезности положенія, о пагубныхъ послѣдствіяхъ репрессій и беззаконія, а не о молчащей, полгода замиравшей еженедѣльной газетѣ.

Очевидно, мнѣ мстили за статью въ чужой газетѣ; но и съ той поры прошло около четырехъ мѣсяцевъ, и никакихъ дѣяній, а тѣмъ болѣе злодѣяній въ то время я не совершалъ. На самыя возмутительныя обвиненія одно „молчаніе слышалось“, какъ въ дореформенное время, по выраженію Аксакова. Возражать и оправдываться было негдѣ. Карали безъ суда, разоряли, позорили за прошлое, уже осуж-

денное и взысканное, карали беззащитно и съ обязательствомъ на дальнѣйшее безмолвіе!..

Какая горечь незаслуженной обиды, приниженія, безсудія!..

Но предаваться отчаянію и самотерзанію нельзя было. Я всегда старался отстаивать свои права и не преклонять выи предъ беззаконіемъ. Увѣренный въ своемъ правѣ, я не испытывалъ страха и кипѣлъ негодаваніемъ. Надо было что-нибудь придумать, чтобы выйти изъ тягостнаго положенія, и отстоять, что было возможно.

IX.

Съ Григорьевымъ я не счелъ нужнымъ разговаривать, но рѣшилъ потребовать объясненія у начальства. Я не зналъ, кому принадлежитъ починъ учиненной надо мною расправы. Я былъ убѣжденъ, что именемъ государя злоупотребляютъ, что, если и былъ докладъ, то все представлено въ ложномъ свѣтѣ. Григорьеву было пріятно угостить меня „по-китайски“; но почему всполошился Л. С. Маковъ, управляющій временно, за отсутствіемъ Тимашева, министрествомъ внутреннихъ дѣлъ?

Я не былъ знакомъ съ Маковымъ, но мнѣ случалось видѣть его еще на должности правителя канцеляріи. Гладкій, прилизанный, расторопный, уживавшійся со всѣми направленіями, это былъ типичный канцеляристъ, готовый на все, что угодно. По закону такъ, но бывали исключенія; можно по бывшимъ примѣрамъ или не въ примѣръ прочимъ, а затѣмъ, какъ прикажетъ его высокопревосходительство. Такіе канцеляристы выслуживаются; ихъ трудно и ладаномъ выкурить съ насиженнаго и тепленькаго мѣстечка. Какія-либо направленія, убѣжденія, принципы справедливости имъ совершенно чужды; но ладить со всѣми и подслуживаться они отлично умѣютъ и еще болѣе способны цѣнить свои заслуги и вознаграждать ихъ всякими способами.

Маковъ, какъ и Молчалинъ, былъ „дѣловой“, ему прислуживаться не было тошно.

Онъ дѣлалъ сравнительно быструю карьеру и изъ уланъ попалъ въ министры. Для его удовлетворенія, чтобы не обидѣть милѣйшаго и усерднаго чиновника, было учреждено даже министерство почтъ и телеграфовъ, при гр. Лорисъ-Меликовѣ. Это маковское министерство и исчезло вмѣстѣ съ

нимъ, понизившись въ прежній рангъ главнаго управленія, подъ властью министерства внутреннихъ дѣлъ.

Л. С. Маковъ принялъ меня безъ замедленія, по предъявленіи визитной карточки. Онъ, конечно, догадался въ чемъ дѣло, но все же задалъ мнѣ вопросъ:

— Что вамъ угодно или чѣмъ могу служить?

Что-то въ этомъ родѣ. Я не замедлилъ сообщить о цѣли посѣщенія. Я желалъ бы знать, чѣмъ вызвано закрытіе газеты до ея возобновленія, да еще въ день убійства шефа жандармовъ.

Маковъ замялся, но принялъ важный, озабоченный видъ:

— Надо-же правительству принимать мѣры!—изрекъ великій государственный человѣкъ, изобрѣвшій урядника.

— Какимъ образомъ шефы жандармовъ могутъ быть спасены запрещеніемъ не выходившей полгода газеты?

— Печать возбуждаетъ недовольство, разжигаетъ страсти... Нападенія на правительство достигли крайнихъ предѣловъ... Противъ этого приняты уже мѣры, и ваша газета все равно не могла-бы выходить.

— Но мнѣ было-бы удобнѣе получить кару по ея возобновленіи, въ обычномъ порядкѣ, нежели въ связи съ полисическимъ убійствомъ, о которомъ я послѣдній узналъ.

Не могу припомнить теперь всѣ подробности разговора тъ Маковымъ, но изъ его словъ я вынесъ догадку, что закрытіе „Русскаго Обозрѣнія“ было предрѣшено уже давно.

Тимашевъ приказалъ заготовить докладъ ко времени возобновленія газеты; Маковъ-же подслужился въ день убійства Мезенцева, желая показать свое рвеніе и свалить, по обыкновенію, всѣ грѣхи на печать. Отводъ глазъ, суетливое бездѣйствіе, въ стремленіи сохранить все попрежнему, составляетъ излюбленный пріемъ бюрократіи. Это называется „*принимать мѣры*“. Если-же послѣ какого-нибудь переполоха или вопіющаго безобразія, кто-нибудь утратитъ мѣсто и произойдетъ, какъ въ квартетѣ, какая-нибудь пересадка, съ опубликованіемъ какого-нибудь приказа или рескрипта о вящшей строгости и усиленномъ надзорѣ или о неукоснительномъ „бдѣніи“, съ призывомъ вѣрнаго дворянства или духовенства къ содѣйствію, то это уже равносильно коренному истребленію зла. Надлежащія мѣры приняты и администраторы могутъ опять почить на лаврахъ, возобновивъ свои междувѣдомственныя интрижки, политику взаимнаго подсиживанія (какъ въ дѣлѣ Трепова), удѣляя обывателямъ два-

три часа въ недѣлю для пріема просьбъ со всѣхъ концовъ Россіи,—просьбъ, которыя по цѣлымъ годамъ будутъ „разсматриваться“ канцеляріями или департаментами, если онѣ не поддерживаются извѣстнымъ „хожденіемъ“, или посредническими услугами разныхъ „вліятельныхъ особъ“, въ родѣ Гулакъ-Артемовской, хорошо игравшей въ дурачки, матери Митрофаніи, и т. д., не исключая, конечно, и „имѣющихъ связи“ посредниковъ и ходоковъ мужского рода.

Одно время, какъ извѣстно, въ каждомъ банкѣ, страховомъ обществѣ, во всѣхъ большихъ акціонерныхъ совѣтахъ, желѣзнодорожныхъ правленіяхъ, сидѣли тузы и особы съ высокими окладами и полнѣйшимъ бездѣйствіемъ, но съ обязанностью прикрывать растраты или злоупотребленія, когда онѣ возникали, и испрашивать ссуды, воспособленія и иныя поддержки на счетъ казны, государственнаго банка или кармановъ милостивыхъ государей. Даже законъ противъ совмѣстительства не могъ искоренить этой основной язвы бюрократіи и административно-полицейской опеки. Понятно, что печать, если она не подкуплена объявленіями и подобными-же синекурами или не „обуздана“ правительственными „мѣропріятіями“, сильно *подрываетъ* кредитъ подобныхъ сдѣлокъ между пастырями и пасомыми. Почва беззаконія на каждомъ шагу создаетъ препоны для самой полезной дѣятельности. Приходится изворачиваться и вносить дань даже какому-нибудь уряднику. Великій государственный мужъ, изобрѣвшій урядника, гнѣвался на печать, за отсутстіе поддержки новому „институту“, а обыватели усматривали въ немъ лишь новаго „куроцапа“. Но во время моего объясненія съ Маковымъ, онъ всего болѣе возмущался разоблаченіемъ въ „Русскомъ Обозрѣніи“ уфимской исторіи. Выяснилось, что въ этомъ земельномъ расхватѣ видное участіе принималъ и Маковъ. Ему достался весьма лакомый кусокъ изъ этого дѣлежа казеннаго достоянія, помимо того конфискованнаго имѣнія, которое онъ уже пріобрѣлъ въ Минской губерніи. Этого рода „государственныя тайны“ надо-де бережно хранить, чтобъ не подрывать правительственнаго авторитета. Я пробовалъ разъяснить Макову, что правительство неудобно смѣшивать съ каждымъ чиновникомъ и съ всегда возможными злоупотребленіями, но это былъ напрасный трудъ. Бюрократы сростаются съ своими должностями и казенными учрежденіями. Если Людовикъ XIV воображалъ, что государство— „это я“, то-есть король, то любой бюрократъ, градоначаль-

никъ, даже становые пристава расположены думать, что они „правительство“ и что съ „ввѣреннымъ населеніемъ“ они могутъ поступать, какъ имъ благоугодно, какъ Господь на душу положитъ. Захочу—полюблю, не захочу—погублю! Л. С. Маковъ, привыкшій еще въ уланскомъ эскадронѣ къ правилу „не разсуждать“, пробравшись къ власти, къ полиціи надъ полиціей, былъ убѣжденъ, что и вся задача управленія заключается въ искорененіи разсужденій. Газеты и журналы допустимы еще для оглашенія наградъ и повышеній и для трубадурныхъ воспѣваній; но они разсуждаютъ и даже разоблачаютъ беззаконія и злоупотребленія. Затронули даже самого Макова въ его заботахъ о самообезпеченіи. Inde ira. Отсюда проистекаютъ всякія неудовольствія, волненія, пропаганды. Дошло и до убійства самого шефа жандармовъ! Надо искоренить источникъ зла, возстановить молчаніе относительно администраціи и ея бумагописанія. И Маковъ счелъ долгомъ поспѣшить пресѣчь зло, запретить не выходившую газету. Мѣропріятіе было выполнено съ ловкостью „почти военнаго человѣка“, не дождавшись даже начальства, отсутствовавшаго Тимашева.

Закрывая газеты, обрекая печать на молчаніе, правительство ослѣпляетъ себя и открываетъ дорогу всевозможнымъ ошибкамъ и заблужденіямъ. Въ печать не попадаетъ и десятой доли тѣхъ злоупотребленій, нелѣпостей или неправдъ, которыя творятся въ тѣхъ или иныхъ уголкахъ Россіи... Изъ Петербурга, изъ министерскихъ высотъ, изъ бумажныхъ „дѣлъ“ ничего не видно... Становой скрываетъ то или другое отъ исправника; губернаторъ узнаетъ, что „все благополучно въ уѣздѣ“; донесенія и заключенія губернскихъ учрежденій скрашиваютъ или искажаютъ дѣйствительность. На этой фальсифицированной почвѣ составляются всеподданнѣйшіе отчеты и доклады... Возможно-ли сколько-нибудь удовлетворительное управленіе при подобныхъ условіяхъ? Безъ печати правительство ничего не будетъ знать, и всякое „обузданіе“ печати, всякій циркуляръ, воспрещающій оглашеніе или обсужденіе тѣхъ или другихъ вопросовъ или явленій жизни, обезоруживаетъ правительство, содѣйствуетъ обману, невѣдѣнію.

Такъ я усовѣщевалъ Макова, желая довести его до сознанія сдѣланной имъ ошибки и вредныхъ послѣдствій того „молчанія“, которое наступило уже послѣ каръ и циркуля-

ровъ, послѣдовавшихъ послѣ дѣла Засуличъ. Но эти доводы были напрасны. Маковъ не понималъ ихъ.

— Мы все прекрасно знаемъ!..—увѣренно отвѣчалъ онъ.

— Если само „недреманное око“ не съумѣло избѣгнуть опасности, то что сдѣлаете вы съ закрытыми глазами?

— Подлаго убійства изъ-за угла нельзя предупредить! возмущался Маковъ.

Я перешелъ къ конкретному требованію, чтобы Высочайшее повелѣніе о закрытіи „Русскаго Обозрѣнія“ было опубликовано, какъ это всегда бываетъ.

— Этого удовольствія мы не доставимъ ни вамъ, ни крамолѣ.

— Такъ это запрещеніе изъ-за угла? Хороша правительственная мѣра, боящаяся огласки!

Въ концѣ-концовъ, я настоялъ на разрѣшеніи мнѣ напечатать въ „Голосѣ“ письмо, что „Русское Обозрѣніе“ не будетъ издаваться „по независящимъ обстоятельствамъ“. Такъ это и было сдѣлано. Публика очень хорошо знала, что означаютъ „независящія обстоятельства“, а правительство, подобно страусу, скрыло свою голову подъ крыло.

Со времени закрытія „Русскаго Обозрѣнія“, періодическія изданія начали запрещать, помимо Высочайшей власти, распоряженіями министровъ, генералъ-губернаторовъ и другихъ „временныхъ“ властителей... Излишнія церемоніи были отброшены.

Оставляя Макова, я съ горечью заявилъ ему, что надѣюсь еще дожить до возстановленія своихъ правъ, несправедливо нарушенныхъ, и постараюсь доказать ему пользу гласности и свободной печати. Возстановить редакторскія права свои мнѣ не удалось; но судьбѣ угодно было, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ я уличилъ Макова въ крупномъ злоупотребленіи. Онъ не посмѣлъ привлечь меня къ суду; имѣлись документальныя доказательства его вины; но „Московскій Телеграфъ“, гдѣ появилось разоблаченіе, былъ закрытъ... Вскорѣ Маковъ застрѣлился. Были за нимъ еще какіе-то грѣхи. Ихъ искупила смерть, но если бы печать не обрекалась на молчаніе, государство и правительство были-бы избавлены отъ подобныхъ „паденій“, а Маковъ, можетъ-быть, благополучно дожилъ-бы до глубокой старости. При свободѣ печати не могли-бы повторяться „хищенія“, не возникли-бы манчжурско-корейскія авантюры, и Россія не была-бы вовлечена въ злополучную войну, совершенно чуждую обще-

ственному и народному сознанію. Только при безпрепятственномъ выясненіи *народнаго сознанія* осуществляется здравая политика,. внѣшняя и внутреняя, а правительственная власть получаетъ столь искомую у насъ „твердость“ и незыблемость.

Къ несчастью, не признавались эти истины 30 лѣтъ назадъ и многіе были *лично заинтересованы* въ „обузданіи“ печати.

Еще прискорбнѣе, что тѣ-же заблужденія не исчезли и теперь, несмотря на самыя вопіющія вразумленія печальной дѣйствительности и на обѣщанія манифеста 17-го октября 1905 года. Первый признакъ плохой, путающейся администраціи выражается въ гоненіи свободной печати и фальсификаціи ея при посредствѣ „рептилій“. Подкупное, льстивое слово никого не убѣждаетъ; оно вводитъ въ заблужденіе и роняетъ достоинство тѣхъ, кто на него опирается.

Когда вернулся А. Е. Тимашевъ, былъ я и у него. Передъ отъѣздомъ въ Болгарію, онъ принималъ меня очень любезно, въ своемъ кабинетѣ, долго разспрашивалъ о войнѣ и даже любопытствовалъ знать, какого я мнѣнія о конституціи.

Извѣстно, что отъ Гостомысла до Тимашева наша дорогая Русь все ищетъ „порядка“, а порядка все нѣтъ и нѣтъ. Естественно, что и Тимашевъ интересовался новыми порядками, сознавая, что война обнаружила весьма печальные плоды тимашевскаго управленія (съ 1866 г.).

— Знаю, знаю, что всѣ вы мечтаете о конституціи, но это преждевременно въ Россіи,—заявилъ А. Е. Тимашевъ.

— А для болгаръ не преждевременно?—позволилъ я себѣ отвѣтить язвительнымъ вопросомъ.

— Я былъ всегда противъ этой возни съ славянами; насъ втянули въ эту войну... Кто втянулъ? Общественные крикуны... Что-же будетъ при конституціи?

— Мнѣ думается, что хуже не будетъ... Общество найдетъ живое внутреннее дѣло и не станетъ искать далекихъ развлеченій и приключеній. Самое образованіе общественнаго мнѣнія получитъ лучшія условія при конституціи.

— Да, это утверждаютъ доктринеры, но теорія одно, а практика другое... Намъ трудно уладиться даже съ тѣми преобразованіями, что уже сдѣланы! Не докончивъ одного, нельзя спѣшить къ другому.

Такъ любезно и добродушно бесѣдовалъ со мною министръ въ октябрѣ 1877 года; а въ августѣ 1878 года А. Е. Тимашевъ не принялъ меня въ кабинетѣ, вышелъ въ пріемную и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ „просителя“. Въ дверяхъ стояли курьеры. Тимашевъ не счелъ приличнымъ удалить ихъ.

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ угодно знать, почему запрещено „Русское Обозрѣніе“?

— Что вы наивничаете,—рѣзко, сердито почти закричалъ Тимашевъ,—вы очень хорошо знаете почему!..

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ я,—а хочу и имѣю право знать, за что я лишенъ литературной собственности, редакторства, возможности писать въ своей газетѣ... За что вы разорили меня и превратили въ зависимаго работника, безъ суда, не потрудившись даже спросить у меня необходимыхъ объясненій. Газета пріостановлена въ мое отсутствіе; теперь ее закрыли совершенно. Это все равно, что по отбытіи тюрьмы предать человѣка смертной казни. Никакого преступленія я не совершалъ и не могъ совершить въ газетѣ, не выходившей шесть мѣсяцевъ. Когда грабятъ на большой дорогѣ, можно досадовать, но легко догадаться о причинахъ; но если правительство, внѣ закона и суда, разоряетъ, лишаетъ права и труда, вполнѣ простительно недоумѣвать, чувствовать жгучую обиду и спросить: за что вы меня преслѣдуете?

Тимашевъ волновался, но сдерживалъ себя и слушалъ мой гласъ въ пустынѣ.

— Вы желаете знать почему?—сказалъ онъ рѣшительнымъ, начальственнымъ тономъ.—Потому что при каждомъ обыскѣ находятъ „Русское Обозрѣніе“, при каждомъ арестѣ оказывается ваша газета... Вы мутите молодежь!..

— Живую газету вполнѣ естественно находить среди студентовъ; но увѣряю васъ, что вы нашли-бы ее и среди многихъ стариковъ, если-бъ обыскали и ихъ. Никогда и никто не привлекалъ меня къ суду, никогда не нарушалъ я не только законовъ, но даже циркуляровъ цензуры... Даже опроверженій не было. Все это доказательства, что газета велась вполнѣ легально и правдиво, основывалась всегда на фактахъ, а не на слухахъ.

— Рѣшеніе правительства безповоротно и вредное вліяніе вашихъ писаній безспорно!—И Тимашевъ, не подавая руки, повернулся и быстро ушелъ изъ пріемной. Мнѣ оста-

валось только дать на чай курьеру, бывшему свидѣтелемъ этой сцены, и уѣхать.

Болѣе Тимашева я никогда не видѣлъ. Очень можетъ быть, что онъ былъ убѣжденъ въ моей неблагонадежности и вредномъ вліяніи „Русскаго Обозрѣнія“; но мнѣ говорили, что и Тимашевъ былъ какъ-то заинтересованъ въ земляхъ, расхватанныхъ въ Уфимской губерніи. Дѣло это всплыло только въ слѣдующемъ царствованіи и было порѣшено въ административномъ порядкѣ. Выяснились и другія злоупотребленія, вполнѣ подтверждавшія разоблаченія печати; но кары, сыпавшіяся на нее за эти разоблаченія, сохраняли свою силу десятки лѣтъ, и общее положеніе ея все болѣе и болѣе ухудшалось. Вмѣстѣ съ печатью все хуже и хуже становилось народу, отставала и страдала вся Россія. „Сообщество“ было хорошее: на міру и смерть красна, но это плохое утѣшеніе. Даже правящія и бюрократическія сферы не могли всегда сказать: мнѣ весело, потому что грустно тебѣ. Общее горе, растущая бѣда стали захватывать и ликующихъ и праздноболтающихъ.

X.

Исторія „Русскаго Обозрѣнія“ представляла такія особенности, что М. И. Семевскій предложилъ мнѣ воспроизвести ее въ „Русской Старинѣ“. Разсказъ объ этомъ былъ переданъ въ редакцію въ декабрѣ 1880 года, а напечатанъ только въ 1882 году, №№ 2 и 3 „Русской Старины“, и то не вполнѣ. Заключительныя страницы удалось написать только теперь—четверть вѣка спустя. (Статья эта перепечатана ниже). Число подписчиковъ на „Русское Обозрѣніе“, вслѣдствіе непрестанныхъ пріостоновокъ, не достигало и тысячи. Никто изъ нихъ не потребовалъ возврата подписной платы. Розничная продажа, несмотря на запрещеніе ея, доходила до 4—5 тысячъ экземпляровъ въ послѣдніе мѣсяцы существованія газеты. Предоставляю „запретителямъ“ догадываться, какими способами запрещенная въ продажѣ газета можетъ распространяться.

Защитить и возстановить „Русское Обозрѣніе“ мнѣ не удалось; но своими „наступательными“ объясненіями я все же оградилъ свою личность отъ дальнѣйшихъ административныхъ насилій и показалъ, что не чувствую себя въ положеніи виновнаго. Вскорѣ, однако, пришлось оставить

„Голосъ“, въ предположеніи, что это охранитъ газету отъ цензурнаго гнета. Перешелъ я въ „Молву“ В. А. Полетики.

Имѣя милліонное состояніе, будучи прекраснымъ ораторомъ и чувствуя публицистическія наклонности, В. А. Полетика желалъ имѣть свою газету, прекративъ заводскую дѣятельность. Но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ новыхъ изданій не разрѣшалось, по незаконному постановленію Тимашева. Бывшій тогда начальникомъ управленія по дѣламъ печати, М. И. Лонгиновъ, извѣстный своими скабрезными стихотвореніями заграничнаго изданія, являлся строгимъ охранителемъ въ отечественной печати и гонителемъ малѣйшаго движенія мысли внѣ установленныхъ казенныхъ предѣловъ. Онъ нашелъ, что „свободной“ печати черезчуръ много въ Россіи и подсунулъ Тимашеву какой-то докладъ, на основаніи котораго главное управленіе печатью и отклоняло всѣ просьбы о новыхъ изданіяхъ. „Не соизволено“ и конченъ балъ, безъ всякихъ поясненій. Установилась незаконная монополія существующихъ изданій, и россійскій обыватель всепокорнѣйше и безропотно сносилъ этотъ произволъ. Желающимъ приходилось пріобрѣтать существующія изданія или входить съ ними въ сдѣлки, да и то съ оглядками, какъ-бы не прогнѣвались цензурные Аристархи и „Держиморды“. Однимъ изъ любезныхъ цензурному вѣдомству предпринимателей былъ Трубниковъ, издававшій „Биржевыя Вѣдомости“. В. А. Полетика пріобрѣлъ половину этого изданія за 100 тысячъ рублей; но скоро ему пришлось заплатить еще 120 тысячъ руб., чтобы только избавиться отъ соиздательства съ Трубниковымъ. Сдѣлавшись полнымъ собственникомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, за весьма дорогую цѣну, В. А. Полетика пріобрѣлъ, въ сущности, мыльный пузырь. Трубниковъ не замедлилъ завладѣть другой умершей газетой и возвѣстилъ своимъ бывшимъ подписчикамъ, что они найдутъ своихъ старыхъ знакомцевъ, издателя-редактора и сотрудниковъ, въ новомъ изданіи. Трубниковъ переманилъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, но далеко не всѣхъ; но и у Полетики многихъ не хватало, чтобы окупалось изданіе. Обѣ газеты подрывали другъ друга. В. А. Полетикѣ пришлось исправлять прежнюю весьма сомнительную репутацію газеты и добывать новыхъ сотрудниковъ. Онъ переименовалъ газету въ „Молву“, а Н. А. Некрасовъ ему помогъ въ организаціи редакціи, образовавшейся частью изъ бывшихъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, частью изъ „Отечествен-

ныхъ Записокъ“. Я засталъ здѣсь Э. К. Ватсона, А. М. Скабичевскаго, А. Н. Плещеева, К. М. Станюковича, Д. Минаева, И. Ф. Василевскаго и др. Общество было весьма пріятное; В. А. Полетика былъ истиннымъ джентельменомъ, писалъ очень нерѣдко изящныя статейки и никого не стѣснялъ; но газета шла вяло, причиняя убытки. И неудивительно. В. А. Полетика не имѣлъ издательской жилки и пренебрегалъ извѣстіями, справочными свѣдѣніями, вообще тѣмъ матеріаломъ, который съ литературной точки зрѣнія представляется несноснымъ баластомъ, но весьма цѣнится публикой и необходимъ всѣмъ и каждому.

— Ну скажите,—ораторствовалъ иногда В. А. Полетика,—съ какой стати я буду помѣщать описанія какихъ-то жеребцовъ или возиться съ жокеями?.. На это есть конноводскіе листки или вѣстники спорта. Любители пусть выписываютъ ихъ.

Не хотѣлось ему соперничать и съ полицейской газетой, съ ея утопленниками и воровскими происшествіями. Это портитъ вкусъ читателей. Будучи неизмѣннымъ сторонникомъ мира, В. А. Полетика писалъ противъ войны и, разсердившись на нее, когда она наступила, не давалъ корреспонденцій и „собственныхъ“ телеграммъ съ театра войны. Понятно, что „Молву“ почитывали, но подписчики убывали даже въ военное время, когда спросъ на газеты особенно возрастаетъ.

— Да бросьте, господа, пойдемте обѣдать, или пора на зеленое поле перейти,—добродушно уговаривалъ иной разъ Полетика,—и корреспонденціи, отчеты, извѣстія откладывались и попадали въ хронику днемъ позже.

Такія опаздыванія и опустошенія въ освѣдомительномъ отдѣлѣ тѣмъ болѣе были досадны, что въ литературномъ и публицистическомъ отношеніи „Молва“ издавалась прекрасно, оживленно, талантливо, въ свѣтломъ, либеральномъ направленіи, въ духѣ 40—60 годовъ.

В. А. Полетика не выпускалъ почти изъ рукъ трубки; такъ какъ и я, со времени войны, кромѣ сигаръ, привыкъ покуривать трубочку, особенно за работой, то иные пріятели острили, что Полетика и я быстро сошлись въ направленіяхъ. Дѣйствительно, сошлись и оставались друзьями много лѣтъ спустя, когда и В. А. Полетика очутился бѣднякомъ, безъ газеты и безъ средствъ, затраченныхъ на публицистическое предпріятіе. В. А. Полетика былъ всегдашнимъ

и неоцѣнимымъ собесѣдникомъ на литературныхъ и экономическихъ обѣдахъ, нашихъ зачаточныхъ митингахъ.

Въ декабрѣ 1878 года умеръ В. Я. Шульгинъ, основатель „Кіевлянина“. По приглашенію С. Н. Шубинскаго, я написалъ для „Древней и новой Россіи“ біографическій очеркъ этого талантливаго профессора, историка и публициста. Изъ этого очерка можно убѣдиться, что „Кіевлянинъ“ былъ тогда не консервативной, а прогрессивной газетой, горячо отстаивавшей обновленіе Россіи, крестьянскую реформу, новые суды, народное образованіе, свободу печати и т. п. Мнѣ даже жестоко досталось отъ В. Я. Шульгина за пресловутую „точку къ реформамъ“, хотя она и была поставлена не мной, а кн. Мещерскимъ въ „Гражданинѣ“. Въ то время въ „Кіевлянинѣ“ участвовали Н. Х. Бунге и другіе представители наиболѣе талантливой, ученой и либеральной партіи въ Кіевскомъ университетѣ. Во главѣ этой партіи былъ Шульгинъ, сохранявшій свое вліяніе на университетскія дѣла и по выходѣ въ отставку, до послѣдняго дня своей жизни. Моя статья понравилась С. Н. Шубинскому и онъ предложилъ мнѣ сдѣлать для „Древней и новой Россіи“ разборъ сочиненія М. И. Богдановича „Восточная война“, въ связи съ обширной академической оцѣнкой этой книги академика Дубровина, а также съ записками „Стараго дипломата“. У меня всегда была склонность къ исторіи, не исключая и военной. Главнѣйшія войны и біографіи не только полководцевъ, но и второстепенныхъ генераловъ я зналъ очень обстоятельно. Съ особымъ удовольствіемъ я выполнилъ эту работу. (Перепечатана ниже).

С. Н. Шубинскій одобрилъ мою статью, но принялъ особыя предосторожности при печатаніи ея, зная враждебныя отношенія ко мнѣ В. В. Григорьева и подначальной ему цензуры. Статья была переписана и сдана въ типографію безъ моей подписи и безъ упоминанія моего имени. Въ первый разъ еще дѣлали изъ меня „секретъ“. Подъ статьей были поставлены буквы И. Ч-въ, не имѣвшія ничего общаго съ моими псевдонимами. Словомъ, все происходило „весьма секретно“ и „конфиденціально“, лучше даже, нежели въ канцеляріяхъ, пріуготовляющихъ мѣропріятія „изъ-за угла“.

Предосторожность опытнаго редактора оправдалась вполнѣ. Книжка „Древней и новой Россіи“ была задержана по поводу моей статьи; цензурная полиція явилась въ типо-

графію и опечатала всѣ экземпляры журнала. Россія была спасена!

Конечно, С. Н. Шубинскій отправился объясниться и выручать книжку.

При нѣкоторой благосклонности, статью можно было вырѣзать; при особой удачѣ переговоровъ, можно было перепечатать, выбросивъ „опасныя мѣста“. Оказалось, что самъ Григорьевъ читалъ статью, и она ему очень понравилась.

Началась торговля съ С. Н. Шубинскимъ за каждую строчку. Около 16 страницъ обречены были перепечаткѣ изъ-за весьма незначительныхъ выбросокъ и смягченій. Одна страница была осуждена за букву *и*. Сказано было: „И императора Николая Павловича не стало“; по мнѣнію Григорьева, достаточно было сообщить читателямъ, что его не стало, безъ союза *и*. Эта буква обвинилась въ намекѣ на весьма тонкое, но сомнительное обстоятельство, на извѣстные толки по поводу неожиданной смерти государя въ разгаръ неудачной Крымской войны.

Сдѣлка состоялась, книжка была отпущена изъ неволи съ подклеенными, перепечатанными страницами; но характернѣе всего не это весьма обычное явленіе въ области цензурной опеки, а участіе и усердіе, проявленныя Григорьевымъ въ желаніи пропустить понравившуюся ему статью.

Григорьевъ допытывалъ С. Н. Шубинскаго, кто авторъ статьи и получилъ въ отвѣтъ, что это одинъ изъ севастопольскихъ генераловъ, имѣющій особыя причины скрывать свое имя. Редакція дала-де слово не разоблачать этой тайны до поры до времени.

— Пожалуйста сообщите, когда получите разрѣшеніе,— сказалъ Григорьевъ:—сейчасъ видно спеціалиста, но удивительно въ военномъ генералѣ широкое общее развитіе!

Можно представить, какъ зашипѣлъ-бы Григорьевъ, если-бъ узналъ, какого автора онъ такъ расхваливалъ... На всякаго мудреца довольно простоты. Подъ большимъ секретомъ, С. Н. Шубинскій, съ свойственнымъ ему юморомъ, разсказалъ мнѣ этотъ эпизодъ и подарилъ книжку журнала со статьей въ первоначальномъ ея видѣ, до сотрудническихъ манипуляцій надъ ней самоувѣреннаго архицензора.

„Тайна“ эта утратила теперь всякій смыслъ, а мнѣ желательно возстановить свое авторское право на эту статью. Было это въ декабрѣ 1879 года.

Академикъ Дубровинъ, не разъ встрѣчавшій меня у В. А. Бильбасова, въ свою очередь, не подозрѣвалъ, что видитъ передъ собой своего дерзновеннаго критика.

Иной статьѣ подпись даетъ цѣну; другая украшается таинственностью анонима. Всякое бываетъ.

XI.

Насталъ 1880 годъ.

Ожесточенная война между крамолой и охранителями изъ „III-отдѣленія“ продолжалась съ новой силой. Въ обществѣ возрастала тревога, и ходили самые невѣроятные слухи. Время отъ времени появлялись сообщенія и телеграммы съ своего рода реляціями о стычкахъ при обыскахъ. Недавніе боевые генералы отличались теперь при усмиреніи крамолы. Гурко укрощалъ въ Петербургѣ, Тотлебенъ вѣшалъ въ Одессѣ. Дѣлаетъ честь Скобелеву, что онъ не запятналъ себя подобными подвигами. Подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ случайностей, въ одномъ генералъ-губернаторствѣ казнили за то, что въ другомъ мѣстѣ или двѣ-три недѣли назадъ наказывалось ссылками или каторжными тюрьмами.

Въ Черниговской губерніи былъ повѣшенъ богатый помѣщикъ Лизогубъ, неповинный въ какихъ-либо террористическихъ дѣйствіяхъ. Вѣрный соціалистической идеѣ, онъ роздалъ свое достояніе. Случай этотъ, кажется, послужилъ канвою для недавняго трогательнаго разсказа Л. Н. Толстого.

Опаснѣе всего было, что изъ оборонительнаго положенія борьба перешла въ наступательное съ двухъ сторонъ, въ расчетѣ запугать, устрашить и отмстить. Озлобленная волна мщенія подымалась все выше и выше.

Отъ перестрѣлки съ жандармами, перешли къ высшимъ начальникамъ, а затѣмъ возложили отвѣтственность на Государя и сосредоточили на немъ самое ожесточенное преслѣдованіе. А вѣдь это былъ Царь-Освободитель, а не какой-нибудь Аракчеевъ, обезславившій себя и Россію своими звѣрствами и военными поселеніями!

Диктаторскія „мѣропріятія“ генерала Гурко всѣхъ возмущали, обижали, но, по обыкновенію, ничего не предохранили и никого не устрашили. Въ самомъ Зимнемъ Дворцѣ послѣдовалъ ужасный взрывъ, въ день пріѣзда перваго князя болгарскаго Александра Батенбергскаго. Погибло или изувѣчено много несчастныхъ солдатъ Финляндскаго полка, но

столовая, гдѣ должны были обѣдать государь и его гости, по счастью, уцѣлѣла

Меня посѣтилъ одинъ изъ прибывшихъ съ принцемъ Батенбергскимъ болгарскихъ чиновниковъ. Онъ горько жаловался на русскихъ администраторовъ, оставленныхъ въ Болгаріи, набранныхъ съ борку да съ сосенки. Къ ужасу своему, я узналъ, что въ числѣ „министровъ" находится бывшій у меня въ концѣ 60-хъ годовъ подъ начальствомъ писецъ, кое-какъ протянувшій гимназію.

Вытащилъ его, кажется, Грессеръ, а Грессера князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ. Всѣ другъ друга стоили, по смѣлости мѣропріятій и недалекости. Всѣ они потомъ дѣйствовали въ Россіи, начиная отъ невскихъ береговъ до Кавказа. Въ мирное время это были добрые малые, но сколько-нибудь важное дѣло они портили, склоняясь ко всякаго рода исключеніямъ частнаго интереса и къ поблажкамъ въ духѣ неумирающаго у насъ Фамусова. Мой писецъ, когда его выгнали изъ Болгаріи, попалъ въ бакинскіе губернаторы. „Ввѣренное ему населеніе", конечно, также страдало отъ этого Молчалина, какъ и болгары. По словамъ моего посѣтителя, принцъ Батенбергскій пріѣхалъ жаловаться на русскихъ вводителей конституціи въ Болгаріи и умолялъ избавить его и отъ нихъ, и отъ сочиненнаго въ Петербургѣ „органическаго устава".

Александръ Батенбергскій ссылался на Аксакова и Каткова, утверждая, что конституціонные порядки преждевременны для болгарскихъ мужиковъ. Домогательства принца Александра были прерваны, когда, вмѣсто обѣда, онъ чуть не попалъ на взрывъ. Ему, будто бы, было наглядно указано, что и безъ конституціи „тяжела ты, шапка Мономаха". Извѣстно, что болгарскіе мужики еще болѣе убѣдили въ этомъ князя Батенбергскаго, когда его вывезли изъ Софіи и сплавили по Дунаю въ Рени, а конституція въ Болгаріи осталась и благополучно пребываетъ тамъ до сихъ поръ. Болгаре на это не жалуются и привѣтствуютъ и русское „освободительное движеніе".

Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ смѣнилъ генерала Гурко, отца извѣстнаго оффиціальнаго оратора въ Государственной Думѣ. Усмирительные таланты передаются у насъ по наслѣдству гораздо чаще, нежели таланты литературные, ученые, созидательные. Треповъ 1878-го года роди Трепова 1905 года, съ возгласомъ „патроновъ не жалѣть"; укроти-

тель Петербурга и Польши роди „сына фельдмаршала и внука Сухово-Кобылиной“, какъ аттестованъ былъ въ одной газетѣ краснорѣчивый товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, прекрасно знающій ариѳметику.

Послѣ цѣлаго ряда покушеній и взрыва 8-го февраля, надо было подумать сколько-нибудь серьезно о непригодности репрессій и застоя. Рѣшено было учредить Верховную распорядительную комиссію, а предсѣдателемъ ея былъ назначенъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ. О комиссіи мнѣнія были различныя, но назначеніе предсѣдателя всѣхъ обрадовало и успокоило, -за исключеніемъ, конечно, реакціонеровъ и бюрократическихъ сферъ, недолюбливающихъ пришельцевъ. Реакціонеры всегда ненавидѣли то, что ведетъ къ прогрессу и общему благу, а бюрократія всегда опасается „выскочекъ“ и перемѣнъ, угрожающихъ отставками и утратой прежняго вліянія.

Въ Петербургѣ заговорили, что графа Лорисъ-Меликова выдвинулъ гр. Д. А. Милютинъ. Это уже одно служило добрымъ предвѣщаніемъ. Но вице-императора, какъ стали уже называть Лорисъ-Меликова, выдвинули сами обстоятельства—его недавніе успѣхи въ Малой Азіи во время войны и очень успѣшная дѣятельность его въ Харьковѣ и въ Ветлянкѣ, при „усмиреніи“ чумы.

Близко познакомившись во время войны съ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, я увѣренно поддерживалъ его еще въ „Голосѣ“, когда онъ произнесъ въ Харьковѣ свое „крылатое слово“, по поводу отказовъ въ пріемѣ въ учебныя заведенія.

— Надо раздвинуть стѣны и принять... Нельзя лишать образованія!

Коротко, ясно и умно. Это человѣкъ добра и дѣла. Иные находили, что боевыя способности Лорисъ-Меликова гораздо ниже, нежели административныя. Однако, турки были побѣждены. Карсъ легко взятъ, цѣлая область завоевана; а въ мирное время гораздо цѣннѣе административныя качества, нежели лагерная игра въ солдатики и парадные марши. Вся либеральная печать возлагала надежды на Лорисъ-Меликова и указывала на необходимость перемѣны курса въ прогрессивномъ направленіи. Но это не входило въ планы не остывшихъ еще „подпольныхъ бойцовъ“ и столповъ полицейскаго произвола.

Едва принялъ свою новую весьма тяжкую должность Лорисъ-Меликовъ, какъ на него сдѣлано было покушеніе.

Лорисъ-Меликовъ самъ удачно избавился отъ нападенія. Это усилило общее сочувствіе къ новому главѣ правительства. Началась краткая, но весьма поучительная эпоха „благихъ вѣяній“ и „диктатуры сердца“.

Сильный толчекъ умиротворенію и свѣтлымъ надеждамъ данъ былъ *Пушкинскимъ празднествомъ*, по случаю открытія памятника великому поэту въ Москвѣ. Въ жестокій вѣкъ, Пушкинъ „воспѣвалъ свободу и милость къ падшимъ призывалъ“... И въ 1880 году было много жестокостей; милостью необходимо было замѣнить неправду, казни и ссылки; въ добрыхъ чувствахъ и свободѣ нуждались всѣ. Чествованіе геніальнаго поэта, который самъ много выстрадалъ, котораго погубила великосвѣтская „чернь“ въ 1837 году и „изъ-за-угла“, ночью, утащила изъ Конюшенной церкви даже останки его, чтобы еще разъ сослать его въ глушь деревни, подальше отъ любимой имъ столицы Петра,—чествованіе это предполагали связать съ днемъ рожденія, 26-го мая. Но смерть Императрицы Марьи Александровны отсрочила торжество до 10-го іюня.

Торжество вышло небывалое, неожиданное по единодушію и подъему духа. Правительство, церковь, общество слились въ одномъ высокомъ чувствѣ. Точно воздухъ очистился, исчезли злобныя и мрачныя тѣни полицейскаго участка. Разомъ хлынула волна животворнаго свѣта и тепла. Довольно убійствъ, крови, казней! Протяните другъ, другу руки, живите и давайте жить другимъ. Такое благотворное чувство пролетѣло надъ Русью въ этотъ чудный Пушкинскій день. Давно его не было и не повторялось, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ въ такой нерукотворной мощи и въ чарахъ единенія.

Всенародное открытіе „мѣдной хвалы“ прежде гонимому поэту, въ древней Москвѣ, всего ближе касалось литературы и ея дѣятелей, великихъ и малыхъ, вождей и рядовыхъ тружениковъ.

Происходило признаніе великихъ заслугъ и великаго значенія нашей дорогой, вдохновенной, идеальной литературы, которая горькимъ смѣхомъ смѣется и глаголомъ жжетъ сердца людей.

— Нынче на нашей улицѣ праздникъ!—весело, увлекательно воскликнулъ на обѣдѣ А. Н. Островскій, обличитель царства тьмы и самодурства.

Даже М. Н. Катковъ провозгласилъ пушкинскій завѣтъ: „Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма“. И руководитель „Московскихъ Вѣдомостей“ смутился на минуту предъ лицомъ литературы и вспомнилъ лучшія времена „Русскаго Вѣстника“, бывшаго глашатаемъ свободы, парламентаризма, западничества.

Въ уцѣлѣвшемъ отъ временъ декабристовъ „Обществѣ любителей россійской словесности“, Ѳ. М. Достоевскій произнесъ рѣчь, въ которой Пушкинъ былъ названъ „всечеловѣкомъ“, русская литература выдвинута на степень міроваго значенія. И это значеніе принадлежитъ ей и теперь, несмотря на всѣ гоненія и препоны, вопреки вандализму какихъ-то Бенкендорфовъ въ голубыхъ мундирахъ, рѣшавшихся судить Пушкиныхъ и Лермонтовыхъ, полагать предѣлы ихъ творчеству. Достоевскій умѣлъ читать и говорить, какъ пророкъ. Послѣ вдохновенной, жгучей рѣчи его молодые люди истерически рыдали, иные пали въ обморокъ. Доброе слово зиждительнѣе и плодотворнѣе „раскаленнаго желѣза“, о которомъ заговорили иные изъ нынѣшнихъ путающихся „пророковъ“, воспѣвающихъ казни и нагайки, какъ основу „твердой власти“ и... „твердыхъ лбовъ“.

Всѣмъ невозможно было собраться въ Москвѣ; а Пушкинъ принадлежитъ всей Россіи. Надо было обратить это торжество во всероссійское. Особенно умѣстно это было въ тѣхъ городахъ и мѣстностяхъ, которые такъ тѣсно связаны съ жизнью и творчествомъ поэта. Нечего и говорить, въ какой мѣрѣ было-бы постыдно Петербургу остаться равнодушнымъ къ этому торжеству. Мною былъ поднятъ этотъ вопросъ въ „Молвѣ“ и послѣ обычныхъ у насъ пререканій, обычный-же разбродъ удалось одолѣть. Была избрана коммиссія изъ литераторовъ и ученыхъ, почитателей поэта. Хлопотъ, испрошенія разрѣшеній и благословеній было не мало. Намъ удалось отслужить торжественную панихиду въ Исаакіевскомъ соборѣ, при участіи извѣстнаго отца Васильева, бывшаго священника въ Парижѣ, вѣдавшаго въ 1880-мъ году учебное дѣло въ Синодѣ, не успѣвшемъ еще тогда всецѣло подпасть подъ команду г. Побѣдоносцева. Въ Соляномъ городкѣ было устроено безплатное литературное утро въ честь Пушкина и, наконецъ, въ залѣ бывшаго Купеческаго Собранія (у Казанскаго моста) состоялся обѣдъ по подпискѣ. Въ числѣ другихъ рѣчей, сказалъ и я слово о тѣхъ утратахъ, которыя понесла литература и вся Россія,

современники и потомство, вслѣдствіе нетерпимости, невѣжества и варварскихъ цѣпей цензуры, тяготѣвшихъ даже надъ геніальнымъ поэтомъ, и провозгласилъ тостъ за свободу русской мысли и свободу печати. Тостъ былъ принятъ восторженно и единодушно. На обѣдѣ участвовали не одни писатели. Были чиновники, земцы, представители города и дамы... Описаніе Пушкинскаго праздника и рѣчи были сведены въ особую брошюру, изданную подъ заглавіемъ: „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“.

Было лѣтнее затишье, разъѣздъ на дачи и разныя воды; но послѣ Пушкинскаго праздника все ожило, какъ послѣ сказачной живой воды. Заговорила прямѣе и свободнѣе печать. Настала нѣкоторая передышка. Обсуждалась горячо рѣчь Достоевскаго, утратившая много въ газетной передачѣ. Нѣкоторое недоумѣніе вызвалъ эпизодъ на Пушкинскомъ обѣдѣ въ Москвѣ. Провозглашая свой тостъ, Катковъ протянулъ бокалъ Тургеневу; но знаменитый писатель, участвовавшій прежде въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, а затѣмъ подпавшій подъ возмутительные доносы и оскорбленія „Московскихъ Вѣдомостей“, *отшатнулся* отъ протянутой къ нему руки.

Иные полагали, что примиреніе могло-бы состояться, но Тургеневъ былъ правъ. „Московскія Вѣдомости“ вскорѣ возобновили свою грубую и лживую травлю и стали открыто буянить противъ правительства, стремившагося возвратиться къ реформамъ. Катковъ показалъ, что ему нравится господство *тьмы,* а не солнца.

XII.

Совершилось еще одно важное событіе, содѣйствовавшее благотворному перевороту въ общественномъ настроеніи и свидѣтельствовавшее о началѣ конца пагубной реакціи. На свѣтлый праздникъ вышелъ въ отставку министръ народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстой, бывшій одновроменно и оберъ-прокуроромъ св. синода.

Ровно 14 лѣтъ ждали этого событія: не разъ предсказывали его; но настало оно тогда, когда менѣе всего можно было на него разсчитывать. Отставка Д. А. Толстого была зачтена въ заслугу предсѣдателя верховной распорядительной комиссіи. Въ „Голосѣ“ появилась восторженная статья.

По свидѣтельству ея, давно не было такого свѣтлаго праздника, и при встрѣчѣ всѣ привѣтствовали другъ-друга:

— Слышали, Толстой смѣненъ?

— Во истину смѣненъ!

Это „христосованіе“ дорого обошлось „Голосу“, когда два года спустя послѣдовала „реставрація“ Толстого и реакція „воскресла“ съ небывалой силой. Точно такъ-же дорого обошлась и земству забаллатировка гр. Д. А. Толстого въ Рязанской губ. За свое паденіе въ 1880 году беззастѣнчиво мстилъ потомъ упрямый и себялюбивый „просвѣтитель“, самъ не знавшій тѣхъ древнихъ языковъ, которые онъ такъ неумѣло навязывалъ, подъ чужую указку, русскому юношеству въ теченіе долгихъ 14 лѣтъ... До него изученіе латыни требовалось для поступленія въ университетъ, но было свободно; можно было и не учиться латинскому языку въ гимназіи и выдержать изъ него экзаменъ въ университетѣ; греческій языкъ требовался только для филологовъ. Древніе языки уважались гораздо болѣе новѣйшихъ. При насильственномъ-же и полицейскомъ режимѣ гр. Д. А. Толстого, классиковъ никто не зналъ, а грамматическія упражненія превратились въ источникъ страданія и ненависти къ самой гимназіи, къ книгѣ и ученію. Вотъ почему, всѣ радовались паденію Толстого въ 1880 году, какъ предвѣстнику освобожденія отъ нарочитаго отупленія молодежи, не предвидя еще долгихъ годовъ будущаго мрака, сыска и произвола. Послѣ пушкинскихъ дней; даже отчаянному пессимисту нельзя было предугадать, что государство снова превратится въ „толстовку“ и что ненавистный, осужденный самимъ правительствомъ, забаллотированный земствомъ министръ вернется съ торжествомъ, разрушитъ всѣ благія начинанія предшествовавшаго царствованія и станетъ вымѣщать свои обиды и уколы мелочнаго самолюбія съ нецеремонной откровенностью, потѣшаясь надъ университетами, общественными учрежденіями, печатью, надъ всей Россіей, уготовляя ей новыя ужаснѣйшія бѣдствія.

Но въ 1880 году, хорошее событіе было встрѣчено радостно. Никто не предчувствовалъ, что сулитъ Россіи и появленіе на должности оберъ-прокурора св. синода новаго дѣятеля. Никто еще не зналъ тогда К. П. Побѣдоносцева и не предвидѣлъ, что церковь и духовенство весьма скоро пожалѣютъ даже о временахъ гр. Д. А. Толстого.

Какъ уже сказано, печать заговорила бодрѣе и прямѣе послѣ пушкинскаго праздника. Это всегда служило и будетъ

признакомъ улучшенія въ положеніи государства и общества и хорошей рекомендаціей политическихъ дѣятелей. Скоро, послѣ долгаго запрета, получилъ возможность возобновить свою рѣчь И. С. Аксаковъ, начавшій издавать еженедѣльную „Русь". Начальникомъ главнаго управленія печати явилось новое лицо—бывшій бессарабскій губернаторъ Абаза. На него насѣли было заматерѣлые въ запретныхъ дѣлахъ цензурные мастера; но ему удалось высвободиться изъ этого ярма и стать въ уровень съ „новыми вѣяніями".

Конечно, и я попробовалъ предъявить свои права на снятіе запрещенія съ „Русскаго Обозрѣнія", опираясь на знакомство съ гр. Лорисъ-Меликовымъ. Его, несчастнаго, осаждали съ ранняго утра до поздней ночи. Онъ зналъ, что каждый ждетъ отъ него какого-нибудь разрѣшенія или возстановленія нарушеннаго права. Онъ всегда сознавалъ, что при централизованной власти громаднѣйшее значеніе имѣютъ личныя объясненія и открытыя двери. Иначе между правительствомъ и обществомъ станутъ канцелярская рутина и произволъ низшихъ исполнителей. Дѣйствительная жизнь будетъ заслонена непроницаемой завѣсой, и самая благожелательная власть превратится въ машину, подписывающую безчисленное число бумагъ, значеніе которыхъ„ темно иль ничтожно", а чаще всего несетъ разное зло, вмѣсто добра. Лорисъ-Меликова разрывали на части всѣ вѣдомства, губернаторы, земцы, частные просители. Надо было освобождать изъ ссылки и тюремъ множество лицъ, провѣривъ прежнія о нихъ тайныя „свѣдѣнія и заключенія", на той зыбкой почвѣ, которая называется „политической благонадежностью". Настоятельно было подумать о давно назрѣвшихъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ. Отъ реакціоннаго застоя и произвола стонъ стоялъ по всей Руси, въ центрѣ и на окраинахъ. Надо было еще, пуще своего глаза, охранять Государя отъ эпидеміи покушеній, обезоружить крамолу разумными средствами и возстановить дѣйствіе закона и правосудія.

Я засталъ „диктатора" Россіи почти больнымъ, пожелтѣлымъ. Большіе глаза его имѣли усталый, страдальческій видъ.

— И вы на меня?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, Брутъ не противъ васъ... Я знаю, что безпокоить васъ теперь грѣшно.

— Однако-же, есть просьба?

— Если угодно, имѣется,— и я напомнилъ о „Русскомъ Обозрѣніи“, о которомъ я раньше ему разсказывалъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ послѣ войны, не имѣя никакого назначенія.

— Другъ мой, не просите! Отказать вамъ не могу, но вы поставите меня въ непріятное положеніе. И безъ того уже на меня косо глядятъ изъ всѣхъ щелей, а тутъ разомъ въ „красные“ зачислятъ. Будетъ учреждена комиссія объ улучшеніи печати, подъ предсѣдательствомъ гр. Валуева; выйдетъ новый законъ, старыя запрещенія снимутся, и вы безъ всякихъ просьбъ получите свою газету.

— Конечно, я не стану осложнять ваше великое, доброе дѣло, но комиссія!.. Пока она начнетъ, да кончитъ—пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ!.. Такъ говоримъ мы, хохлы... Вы все теперь можете, вы—верховный распорядитель; издайте „временныя правила“... Мы ихъ выработаемъ въ 24 часа...

— Развѣ такъ горитъ? Законъ все же основательнѣе.

— Временныя правила у насъ держатся десятки лѣтъ, а законы нарушаются, даже если ихъ сочинятъ безконечныя комиссіи.

— Не такъ-то легко мнѣ *властвовать*, какъ вы думаете!— со вздохомъ сказалъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

Я простился съ нашимъ властелиномъ, не успѣвъ убѣдить его, что хорошія „временныя правила“ издавать быстро гораздо лучше, нежели дурныя и стѣснительныя. Изъ намековъ М. Т. Лорисъ-Меликова можно было понять, что на него уже затаенно гнѣвается бюрократія и всѣми средствами старается вредитъ ему лично и его задачѣ. Тѣмъ не менѣе, разъ начавшееся движеніе продолжалось. Комиссія о печати была учреждена. Мы собирались у А. А. Краевскаго и выработали нѣсколько основныхъ положеній, на которыя должны были указать „свѣдущіе люди“, когда ихъ пригласитъ Валуевъ. Въ августѣ было упразднено знаменитое, всевластное и всюду проникающее, аки тать въ нощи, „III-отдѣленіе“. Гр. Лорисъ-Меликовъ упразднилъ свою исключительную власть и занялъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто Макова; товарищемъ Лорисъ-Меликова былъ назначенъ статсъ-секретарь Кахановъ.

Начались „труды“ Кахановской комиссіи съ цѣлью расширенія и улучшенія земскаго и городского самоуправленія. Для доставленія ей необходимыхъ матеріаловъ были посланы на мѣста „сенаторскія ревизіи“.

Для надеждъ и „благихъ вѣяній" открылось широкое поле. Работа, казалось, закипѣла: неунывающимъ россіянамъ оставалось лишь ждать и терпѣть, „въ надеждѣ славы и добра".

Послѣдовалъ однако, по старой привычкѣ, циркулярикъ о томъ, чтобы, Боже упаси, ничего не говорить по поводу упраздненія „III-отдѣленія". Такъ и не проводили знаменитаго покойника напутственнымъ словомъ. Очевидно, упраздняемые опасались далеко нелестныхъ поминокъ и запоздалыхъ разоблаченій. Молчаніе, какъ всегда, сослужило весьма плохую службу. При старомъ режимѣ были и хорошія, полезныя стороны въ обособленномъ и независимомъ существованіи „III-отдѣленія", этой полиціи надъ полиціей или сверхъполиціи. На дѣлѣ вышла пересадка, а не упраздненіе. Корпусъ жандармовъ съ его шефствомъ даже не умиралъ, а „отдѣленіе" превратилось въ департаментъ государственной полиціи.

Всѣ функціи остались въ неприкосновенности, а исчезла лишь прежняя возможность контроля надъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. При хорошемъ министрѣ, въ благополучныя времена, такое совмѣстительство было безвредно; но имѣли-ли мы благожелательныхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, послѣ Лорисъ-Меликова?

Однажды, нѣсколько лѣтъ спустя, я написалъ статью съ похвальнымъ словомъ бывшему „III-отдѣленію" и напоминалъ объ извѣстномъ „носовомъ платкѣ", которымъ повелѣно было утирать слезы обывателямъ, ищущимъ правды и заступничества. Но статью мою побоялись напечатать. Между тѣмъ, даже печать иной разъ находила заступничество въ „III отдѣленіи", когда произволъ министровъ черезчуръ развертывался. Можно указать на исторію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", когда графу Саліасу (автору „Пугачевцевъ") удалось спустить Болеслава Маркевича и избавиться отъ его опеки „съ крупнымъ воздаяніемъ". Безграничное и произвольное неутвержденіе редакторовъ, въ нѣкоторой степени, находило предѣлы въ „III-отдѣленіи". Иные губернаторы и тѣ чиновники, которые „не по чину брали", въ свою очередь, въ иныхъ случаяхъ, получали возмездіе отъ синяго мундира. Существовало хотя опасеніе надзора и контроля. А вдругъ отпишутъ „весьма секретно" къ Цѣпному мосту, въ Питеръ, а оттуда и прилетитъ запросъ, а не то и ревизоръ, да еще такой, какой послѣ Хлестакова прибылъ, „всамдѣлишный".

Всѣхъ этихъ „благъ“ и счастливыхъ возможностей мы лишились съ упраздненіемъ „III-отдѣленія“. Но въ 1880 году будущее было еще сокрыто, и никто не возглашалъ: „III-отдѣленіе умерло; да здравствуетъ III-отдѣленіе“.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ сосредоточилась громаднѣйшая, произвольная, всеподавляющая, безконтрольная власть. Прежде, иной разъ приходилось хоть оправдываться и отписываться; теперь все это стало излишнимъ. Полиція надъ полиціей, съ ея сверхъ-судебными карами, очутилась въ полномъ и всепокорнѣйшемъ распоряженіи будущихъ фонъ-Плеве. Полиція печати обезпечивала молчаніе и льстивую хвалу рептилій. Почтовое вѣдомство удовлетворяло любознательности Шпекиныхъ и помогало „чтенію въ сердцахъ“ обывателей, выучившихся на свою бѣду письменности.

Надъ „духовными дѣлами“, надъ сектантами, надъ совѣстью людей господствовала та-же полиція. Она же хозяйничала надъ земствомъ и городами, врачевала тѣла и души падшихъ, но милыхъ созданій. Всего хуже, что подъ ту-же „загребистую“, но далеко не безгрѣшную руку, вмѣстѣ съ евреями и раскольниками, вносившими дани, попали и крестьяне, изъ которыхъ „выколачивались“ подати и всякія повинности, подводныя, дорожныя и проч., вплоть до обязанности охранять уѣзды и станы и сочинять *статистику,* подчиненную тому-же обширному вѣдомству; но власти этой всегда и во всемъ недоставало, когда требовалось обсуждать или рѣшать сколько-нибудь важные вопросы. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось доказывать, что крестьянамъ лучше всего было бы находиться въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, въ которомъ не замерли еще тогда традиціи временъ графа Киселева. Тутъ могли помочь крестьянскому малоземелью, улучшить хозяйство, дать знающихъ и опытныхъ агрономовъ, вмѣсто урядниковъ, помогать учрежденію школъ, кредитныхъ кассъ, трудовыхъ товариществъ и т. д.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не было на это ни средствъ, ни умѣнья, ни привычки. Крестьяне, въ качествѣ *свободныхъ* обывателей, переданы были въ общее вѣдѣніе полиціи, да еще съ прибавкой спеціальнаго начальства, состоящаго въ полномъ распоряженіи того-же министерства. Все это, подъ разными соусами, была *сплошная полиція,* тайная и явная, надъ личностью, совѣстью, умомъ.

Если всѣ обыватели попали въ полицейскій участокъ, то не трудно догадаться, какая „свобода“ удѣлялась на долю

крестьянъ. Полицейскіе навыки и взгляды ничего не могли изобрѣсти, кромѣ полиціи въ ея простѣйшихъ функціяхъ. Запрещать пѣсни, игры, молчать и не дышать безъ разрѣшенія и паспорта, не разсуждать, безпрекословно повиноваться, безропотно сносить всякія взысканія и взиманія, розги, кутузки, ссылки—таковы были „основы" и орудія управленія министерства внутреннихъ дѣлъ. Странно было читать о предположеніи учредить министерство полиціи. Это была-бы лишь перемѣна названія, которая вызвала-бы только пересадку министерства внутреннихъ дѣлъ въ новое министерство. Маковъ изобрѣлъ урядника, Толстой—земскаго начальника; къ нимъ подоспѣли стражники; но и всего этого оказалось „мало и мало"; конныя и пѣшія, черныя и синія полиціи пришлось подкрѣплять казачьими сотнями, усмирительными и карательными отрядами. Сторожа сторожатъ сторожей, а для ихъ охраны требуются войска, полевые суды, дворники и содѣйствіе черносотенныхъ дружинъ съ погромами!..

Что за благодѣтельное, всеобъемлющее вѣдомство спокойствія, порядка съ готовностью выбивать силу силой! Всего возмутительнѣе, что на школы нѣтъ денегъ, а десятки милліоновъ, все разрастаясь, идутъ на всѣ эти полиціи и стражи, которыя набираютъ изъ азіатцевъ. „Куроцаповъ" и безъ того не долюбливаетъ народъ, а тутъ надъ нимъ возобновляется своего рода татарское иго. Уже одно національное чувство взбудораживается противъ подобныхъ охранителей. Одно изъ двухъ,—или полезно возстановить „III отдѣленіе", или надо безповоротно подчинить министерство внутреннихъ дѣлъ закону, контролю законодательныхъ учрежденій и свободной печати.

Иначе „порядка" не будетъ, какъ и до призванія варяговъ, а земля наша далеко уже не обильна. Даже лѣса гибнутъ, хлѣба не произрастаютъ, и трава никнетъ въ тлетворной, удушливой атмосферѣ полицейскаго управленія.

Послѣ покрытаго молчаніемъ упраздненія „III отдѣленія", общій говоръ и общія ожиданія сосредоточились на „трудахъ" Кахановской комиссіи. Очевидно было, что правительство пришло къ мысли дать возможно большій просторъ мѣстному самоуправленію, но сохранить все по старому въ центральныхъ учрежденіяхъ. Теоретическими доводами и указаніями опыта, я убѣждалъ въ „Молвѣ", что идея подобнаго преобразованія несостоятельна. Никакое самоуправленіе не

продержится, если высшія государственныя учрежденія останутся въ бюрократическомъ устройствѣ, съ прежней властью.

Вѣрно было это или не вѣрно, но мнѣніе было высказано вполнѣ безобидно. Графу Лорисъ-Меликову статья не понравилась; онъ усмотрѣлъ въ ней недовѣріе къ „новымъ вѣяніямъ“ и противодѣйствіе правительству. Онъ пригласилъ къ себѣ редакторовъ, въ томъ числѣ и В. А. Полетику.

Когда всѣ собрались Лорисъ Меликовъ вышелъ и довольно повышеннымъ и раздраженнымъ тономъ сталъ укорять печать, приглашая ее содѣйствовать видамъ и начинаніямъ правительства.

Затѣмъ, обращаясь, по ошибкѣ къ А. А. Краевскому, М. Т. Лорисъ-Меликовъ язвительно спросилъ:

— Это вы, господинъ Полетика, изъ-за *пятачковъ* помѣщаете такія статьи?

Всѣ были поражены и неожиданностью старо-знакомыхъ нападеній на печать, совершенно не отвѣчавшихъ „новому курсу“, и рѣзкостью тона, и тѣми ошибками, въ которыя впала „диктатура сердца“. Во-первыхъ, Краевскій не былъ Полетикой; а затѣмъ всѣмъ было извѣстно, что Полетика не только не гнался за „пятачками“, какъ тривіально привыкли утверждать и думать разные пѣстуны печатнаго слова, но затратилъ и продолжаетъ затрачивать громадныя средства на свою газету, всегда говорившую честно, независимо и прилично.

Высказавъ свой неумѣстный упрекъ, Лорисъ-Меликовъ хотѣлъ продолжать свою рѣчь, но всталъ Полетика и прервалъ его:

— Полетика—я, и на вопросъ вашъ долженъ заявить, что, вращаясь въ порядочномъ обществѣ, не привыкъ и не желаю слушать грубости.

И Полетика, сдѣлавъ общій поклонъ, направился къ дверямъ. По отъѣздѣ Полетики настало неловкое молчаніе. М. Т. Лорисъ-Меликовъ смягчилъ тонъ и сталъ оговариваться. Онъ-де не хотѣлъ никого обижать; это былъ шутливый уколъ, а не обвиненіе. Ему объяснили его заблужденіе, и Лорисъ-Меликовъ еще мягче сталъ излагать цѣль задуманныхъ преобразованій, которыя представляютъ-де лишь начало, и пригласилъ печать къ терпѣнію и сочувствію. Словомъ, недоразумѣніе было исчерпано, и редакторы вышли изъ этой бесѣды довольно удовлетворенными, безъ прежняго страха и

призыва къ сугубой осторожности. Никакихъ угрозъ Лорисъ-Меликовъ не расточалъ.

Черезъ день или два, къ В. А. Полетикѣ пріѣхалъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати г. Абаза и заявилъ, что гр. Лорисъ-Меликовъ очень сожалѣетъ о возникшемъ недоразумѣніи и проситъ извиненія. Полетика отвѣчалъ своему гостю съ свѣтскою вѣжливостью и съ радушіемъ хозяина. Извиненіе дѣлаетъ-де честь Лорисъ-Меликову и тому, кто такъ любезно взялся передать его.

Съ своей стороны, онъ забылъ уже эту обиду, вызванную явной ошибкой.

Во время этихъ объясненій, я вошелъ въ кабинетъ Полетики.

— Позвольте,—сказалъ онъ,—познакомить васъ. Это начальникъ нашей мысли и слова, а теперь гость, господинъ Абаза; а это мой другъ и сотрудникъ (онъ назвалъ меня), тотъ самый, котораго вы желали удалить изъ „Молвы“...

— И котораго вы такъ прекрасно защищали, замѣтилъ Абаза въ томъ же шутливомъ тонѣ.

— Да,—добавилъ Полетика,—вы полагались тогда на такія же канцелярскія свѣдѣнія, какъ и Лорисъ-Меликовъ, когда ему доложили о статьѣ въ „Молвѣ“. Человѣку свойственно ошибаться, а администраціи тѣмъ болѣе...

— Докладывали, только не я,—замѣтилъ Абаза.

Послѣ этого случая, до самаго конца „диктатуры сердца“, гр. Лорисъ-Меликовъ и Абаза всегда очень любезно и даже участливо относились къ Полетикѣ и къ „Молвѣ“, нисколько не стѣсняя ея свободы.

Увы, это было уже *осенью* и до весны, когда всѣ „новыя вѣянія“ исчезли, оставалось немного мѣсяцевъ.

Маленькая оговорка. Начиная съ 1870 года, въ теченіе 27 лѣтъ, мнѣ приходилось имѣть дѣло со всѣми начальниками управленія по дѣламъ печати и съ столичной цензурой.

Самыми партійными, злобными и произвольными душителями мысли и свободнаго слова являлись господа, сколько-нибудь причастные къ литературѣ или наукѣ. Они какъ бы мстили за свое отщепенство. Чѣмъ дальше стояли эти лица отъ литературы, тѣмъ были податливѣе и безпристрастнѣе, а въ спокойныя времена и любезнѣе. Отъ подчиненныхъ чиновниковъ цензуры я всегда встрѣчалъ самыя предупредительныя отношенія.

Иные изъ цензоровъ и даже членовъ совѣта по дѣламъ печати мнѣ не разъ заявляли, что мало-по-малу, вопреки „инструкціямъ“, они привыкаютъ къ моему слогу и входятъ въ кругъ моихъ взглядовъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго,—говорилъ я въ подобныхъ случаяхъ: наша задача и заключается въ томъ, чтобы постепенно и незамѣтно тянуть васъ къ свѣту, освобождать отъ заблужденій. Кромѣ того, вамъ слѣдуетъ не забывать, что цензура и цензоры были бы упразднены, если-бъ въ печати неистовствовали только рептиліи и реакціонеры. Оберегайте насъ ради самосохраненія.

— Это совершенно новыя „инструкціи“,—шутливо отвѣчали мнѣ.

XIII.

Новый годъ,—по христіанскому численію 1881,—засталъ Россію въ большихъ ожиданіяхъ „новаго счастья“. Наблюдательные люди и любители мистическихъ примѣтъ таинственно указывали, что годъ этотъ принесетъ всяческія блага уже потому, что цифры его повторяютъ, хотя и въ иномъ порядкѣ, годъ рожденія Царя-Освободителя—1818.

Преобразовательная дѣятельность возобновилась, зданіе будетъ „увѣнчано“, и все пойдетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Такъ говорили въ легальныхъ общественныхъ кружкахъ. Въ печати преобладало бодрое настроеніе. Новогодніе итоги нельзя было даже сравнивать съ мычаніемъ и недомолвками предшествовавшихъ обозрѣній. Въ 1880 году было въ прибыли много положительнаго. На страницахъ газетъ стали появляться такія слова, которыя издавна таились подъ запретомъ, считались признакомъ тлетворнаго направленія и крайней неосторожности. Въ новогоднемъ листѣ „Новаго Времени“, во главѣ фельетона, красовалось стихотвореніе съ акростихомъ *„Земскій соборъ“*. Поэзіи было мало, но акростихъ внушительный и многовѣщательный въ газетѣ, извѣстной своими „связями“ и съ толпой, и съ господствующимъ направленіемъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ новогоднія обозрѣнія тѣхъ газетъ, въ которыхъ я участвовалъ, принадлежали моему перу. На этотъ разъ, въ „Молвѣ“, моя новогодняя статья посвящена была *земскимъ соборамъ*, указывала на порядокъ созыва собора 1649 года и совѣтовала гр. Лорисъ-Меликову

воспользоваться этимъ историческимъ примѣромъ и возможно скорѣе, тѣмъ же способомъ, устранить современное государственное разстройство.

Горжусь тѣмъ, что не только произнесъ запретное слово, но и первый открыто и ясно доказывалъ, въ подневольной еще журналистикѣ, что періодъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ выродился, отжилъ, и единственный исходъ представляется въ *народоправствѣ,* исторически свойственномъ русскому народу... Конечно, формы должны быть измѣнены, сообразно современному общечеловѣческому развитію; но основная сущность остается прежней.

Къ ней постоянно, такъ или иначе, возвращалось государство, по почину самой Верховной власти и подъ вліяніемъ общественнаго сознанія. Упраздненіе крѣпостного права и участіе свободнаго народа въ государственномъ строительствѣ всегда были идеалами просвѣщенной части русскаго общества. Освобожденіе народа не будетъ довершено, пока не совершится политическая реформа, признаваемая необходимой даже для славянъ, едва вышедшихъ изъ-подъ турецкаго ига.

Возстановленіе соборнаго начала въ государственномъ управленіи будетъ данью признательности тѣмъ благороднѣйшимъ и великодушнымъ представителямъ русскаго общества и русской литературы, которые въ теченіе цѣлаго вѣка, словомъ и дѣломъ, не щадя своей жизни, пренебрегая своими выгодами, стремились къ *„новшествамъ,* въ которыхъ *старина наша слышалась“*,—новгородская и кіевская. Древнее вѣче, сѣверныя народоправства, земскіе соборы, малороссійскія выборныя учрежденія, Запорожье, казачье самоуправленіе, община, артели—все это громче всякихъ „сводовъ“, сочиненныхъ въ разгаръ бюрократизма, говоритъ объ общественности, гражданственности и способности къ самоуправленію русскаго народа, когда онъ избавляется отъ аракчеевщины и приказнаго удушья.

Періоду земскихъ соборовъ, обнимающему около ста лѣтъ, отвѣчаетъ весьма сильный ростъ государства и плодотворное направленіе его стремленій. Земская сила освободила Россію отъ внѣшнихъ враговъ, возстановила государство, загубленное произволомъ и болѣзненнымъ самодурствомъ Ивана Грознаго съ его „опричниной“. Земскіе соборы поддержали царственную власть народнаго избранника юнаго Михаила Ѳеодоровича; земскіе соборы утвердили возсоединеніе съ Малороссіей, выработали „Уложеніе 1649 года“, упразднили мѣст-

ничество. Въ этотъ періодъ единенія царя и земства положенъ предѣлъ свѣтскому властолюбію патріаршества и проторены пути къ древнему общенію съ Европой. Земскій періодъ *исторически* создалъ Петра Великаго и подготовилъ его преобразованія. Геній Петра, осуществлявшій безспорнѣйшія историческія задачи русскаго народа, шелъ впереди общества тогдашней Россіи; это былъ истинный вождь великаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первый работникъ, первый слуга государства. Петръ заимствовалъ изъ Европы тогдашній „просвѣщенный абсолютизмъ“, но каждое дѣйствіе свое оправдывалъ и объяснялъ народу, показывая примѣръ въ неустанномъ трудѣ на пользу государства, пріобрѣтая знанія, добывая моря и земли, составлявшія древнее достояніе Руси. Онъ положилъ начало русской печати и вывелъ русскую женщину изъ азіатскихъ теремовъ. Съ такимъ „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“ можно было мириться, по примѣру всей Европы *той эпохи.* Поскольку продолжалась политика Петра Великаго, постольку росла, крѣпла и развивалась Россія; но всѣ отступленія отъ прогресса знаменовались униженіями, неудачами, смутами, переворотами.

Къ нашему горю, движеніе впередъ весьма часто смѣнялось попятными шатаніями. Европа давно уже преобразилась и обратилась къ тѣмъ условіямъ управленія, которыя у насъ прежде существовали или назрѣвали, а мы все пробавлялись бюрократизмомъ и полицейскими благоусмотрѣніями, замѣняя просвѣщеніе самой откровенной мыслебоязнію и невѣжествомъ. Крымскій разгромъ всполошилъ наше призрачное могущество и побудилъ уничтожить основное зло—рабство, выдававшееся за благо. Судебная реформа, земство, городовое положеніе, нѣкоторая свобода печати оживили наши силы, въ 1877 году мы могли вернуть старыя потери и принести свободу и европейскія устройства балканскимъ славянамъ; но сами остались на перепутьи, а затѣмъ повернули опять въ дореформенный застой. Необходимы особыя насилія надъ здравымъ смысломъ и правдой, чтобъ вырвать изъ общаго сознанія очевиднѣйшія причины нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій. Это естественныя послѣдствія доморощенной китайщины и попятныхъ побѣговъ отъ общечеловѣческаго просвѣщенія и тѣхъ условій государственности, которыя чужды теперь развѣ только туркамъ и умирающимъ народамъ.

Слово „конституція“ еще не попадало въ 1880—81 гг.

въ печать,—развѣ въ видѣ контрабанды или для обличенія „крамольной пропаганды“; но въ „Молвѣ“, извѣстный юмористъ-поэтъ Дмитрій Минаевъ напечаталъ стихотвореніе, отвѣчавшее на вопросъ: „чего мы хотимъ“. Каждый куплетъ этого стихотворенія сопровождался припѣвомъ: „Мы жаждемъ кон..· Мы жаждемъ кон.“... И затѣмъ оканчивался какимъ-нибудь благополучнымъ пожеланіемъ и вполнѣ цензурнымъ словомъ, въ родѣ концессіи, конверсіи, конфектъ, консервовъ и т. п.

Графъ Лорисъ-Меликовъ былъ недоволенъ этими „тонкими намеками на весьма толстыя обстоятельства“ и пригласилъ къ себѣ Минаева. Сдѣлавъ внушеніе, Лорисъ-Меликовъ, какъ говорили въ Петербургѣ всѣ и каждый, пригласилъ Минаева продолжать свое стихотвореніе или сказать экспромтъ. Ни минуты не задумываясь, Минаевъ отвѣтилъ четверостишіемъ, конецъ котораго приглашалъ графа „дать намъ хоть куцую, а все же конституцію“. Лорисъ-Меликову оставалось только разсмѣяться и убѣдиться въ заразительности и силѣ общаго настроенія.

Въ числѣ такихъ же признаковъ общественныхъ ожиданій слѣдуетъ отмѣтить и появленіе въ Петербургѣ новой газеты „Порядокъ“. Самое названіе этой газеты и извѣстное, всѣми уважаемое имя издателя-редактора, М. М. Стасюлевича, свидѣтельствовали, что существуетъ основательная надежда на улучшеніе государственнаго строя, на признаніе законности и права, на развитіе серьезной политической печати, въ духѣ свободы и независимости.

Графъ Лорисъ-Меликовъ просилъ, кого можно, при всякомъ удобномъ случаѣ, не торопиться, не слишкомъ налегать на правительство, дать ему время управиться съ такимъ важнымъ дѣломъ. Улучшенія-де готовятся и будутъ, но нельзя же рѣшаться на сколько-нибудь существенныя преобразованія необдуманно. Сенаторы ревизуютъ и изучаютъ недостатки управленія и потребности провинціи, комиссіи собираютъ матеріалы и т. п. Къ сожалѣнію, всѣ эти „начинанія“ шли старымъ канцелярскимъ, безгласнымъ путемъ. Слухи и толки росли, обгоняли и опровергали другъ друга, но ничего вѣрнаго не внушали. Одни указывали, что общественные представители будутъ привлечены къ дѣлу обновленія и успокоенія Россіи, но лишь въ видѣ извѣстныхъ редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу. Другіе полагали, что обратятся къ примѣру Екатерининской комиссіи. Меньше всего упоминалось о земскихъ соборахъ. Канцеляризмъ, проволочки

и таинственность привели къ обычнымъ послѣдствіямъ. Стали возникать сомнѣнія и порицанія даже въ той части общества, которая еще недавно была на сторонѣ Лорисъ-Меликова и вѣрила въ „новый курсъ“. Къ февралю слышались уже голоса пессимистовъ, утверждавшихъ, что ничего не выйдетъ изъ всѣхъ этихъ затѣй. Лорисъ-Меликовъ колеблется, не имѣетъ должной опоры, реакція подкапывается подъ него; придумываются различные копромиссы, сдѣлки; но всѣмъ угодить нельзя. Необходима-де такая же безповоротная рѣшимость, какъ въ крестьянской реформѣ, а этой неуклонной воли не замѣтно.

Общество, устраненное отъ живого дѣла и непосредственнаго участія, какъ бы устало ждать и надѣяться. Подъемъ духа сталъ ослабѣвать отъ непрерывной смѣны самыхъ противорѣчивыхъ слуховъ. Ждали чего-то къ 19 февраля, но знаменитый день прошелъ безцвѣтно и буднично. Стали ждать къ 26 февраля, говорили, что обнародованіе манифеста отложено желаніемъ связать новую реформу съ именемъ цесаревича, въ видѣ подарка будущему царствованію; но и эта годовщина прошла заурядно. Столичные вѣстовщики стали увѣрять, что отсрочка вполнѣ попятная и преднамѣренная. Не желаютъ-де придавать чрезмѣрной торжественности преобразованію, чтобы не породить излишнихъ требованій; съ другой стороны, напоминали, что и манифестъ 1861 года былъ только подписанъ 19 февраля, а обнародованіе его совершилось 5 марта. Такъ будетъ-де и теперь; но что рѣшено и въ чемъ заключаются эти таинственные дары, никто въ точности не зналъ. Ощущеніе истомы росло, прежнее уныніе и недовѣріе увеличивались.

Подъ внѣшней смѣной противоположныхъ настроеній легальнаго общества продолжалась глухая, раздраженная борьба нелегальныхъ элементовъ. Реакціонный бюрократизмъ и крамола, усиленная тѣми кадрами, которые были втиснуты въ нее послѣ дѣла Засуличъ, продолжали свою разрушительную работу. М. Т. Лорисъ-Меликовъ отбивался „на два фронта“, желая поправить промахи и беззаконія упраздненнаго III отдѣленія и въ то же время улавливая и обуздывая крамолу. Эта невѣдомая для общества борьба и уничтожила всѣ благія начинанія. „Диктатура сердца“ запоздала, ничего не довела до конца. Не прекратились даже смертныя казни. Дѣло о взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ было порѣшено раньше, нежели разрѣшились ожиданія и надежды всей Рос-

сіи. Подпольное „правительство“, ожесточенное казнями и не видѣвшее исхода изъ своего нелегальнаго положенія, рѣшило отмстить смертью за смерть, убійствомъ за убійство.

„Крамольники“ не признавали себя преступниками: они считали себя жертвами неправды и произвола; преступниковъ и убійцъ видѣли они въ законномъ правительствѣ и въ общественныхъ рядахъ, которые такъ свѣтло и радостно повернули на сторону „диктатуры сердца“ и вѣрили ея обѣщаніямъ. Крамола, при всемъ ничтожествѣ ея реальныхъ силъ, привыкла считать себя „хозяиномъ положенія“!

Изъ-за нея вся Россія взята была въ подозрѣніе и попала въ полицейскій участокъ. Крамола нашла, что и теперь она можетъ и должна „выступить“, чтобъ покончить съ эрой нарождавшихся реформъ и разрушить самые задатки парламентаризма. Крайніе лѣвые всегда были расположены считать „парламентаризмъ“ зловредной выдумкой „буржуазіи“, которая можетъ лишь ослабить ряды недовольныхъ.

Полицейско-бюрократическій произволъ приравнивался иной разъ къ „государственному соціализму“ и путемъ его анархисты полагали возможнымъ достигнуть своихъ цѣлей гораздо вѣрнѣе и скорѣе, нежели при конституціонной монархіи или даже республикѣ.

Реакціонеры близко сходились съ подобными мнѣніями, съ боевой тактикой насилій и неразборчивости въ средствахъ. Этотъ подневольный союзъ „крайнихъ“ и уничтожилъ всѣ „благія начинанія 1880 года“. Крамола совершила свое мстительное „выступленіе“ 1 марта 1881 года, а восторжествовавшая, окрыленная этой катастрофой реакція довершила остальное.

XIV.

Было воскресенье, 1 марта 1881 года. Подъ вліяніемъ возродившихся сомнѣній, бюрократической, бумажной волокиты и отсрочекъ въ дѣлѣ преобразованій, обычная воскресная статья моя въ „Молвѣ“ была очень мрачнаго настроенія. В. А. Полетика видимо утрачивалъ надежду на улучшеніе общаго положенія и обнаруживалъ желаніе прекратить изданіе газеты, приносившей потери въ теченіе многихъ лѣтъ.

Въ это время, по совѣту А. Ф. Кони, я былъ приглашенъ М. М. Стасюлевичемъ къ участію въ „Порядкѣ“. Приглашеніе было во всѣхъ отношеніяхъ пріятное и лестное.

Я всегда, и прежде и до настоящаго дня, когда пишутся эти строки, уважалъ М. М. Стасюлевича, какъ ученаго и публициста, а „Вѣстникъ Европы“ и его виднѣйшіе сотрудники были моими друзьями и наставниками. Я не могъ покинуть В. А. Полетику въ его затруднительномъ положеніи и сталъ участвовать въ „Порядкѣ“, не бросая работы въ „Молвѣ“, въ ожиданіи весьма вѣроятнаго конца ея.

Редакція „Порядка“ помѣщалась на Васильевскомъ Островѣ, во 2-й линіи, почти напротивъ старой редакціи „С.-Петерб. Вѣдом.“. Ѣздить изъ моего давняго, привычнаго уголка, около Литейнаго проспекта, было далеко. И забираться на просвѣщенный островъ надо было заблаговременно, такъ какъ редакція новой газеты была образцомъ аккуратности, щадила типографію и любила кончать работу рано, особенно, въ воскресные дни.

Помимо меня, въ „Порядкѣ“ участвовало еще два такихъ-же злосчастныхъ, бывшихъ редакторовъ-издателей, неудачниковъ—В. Ф. Коршъ и Евгеній Раппъ (въ качествѣ секретаря). Разговоровъ было много. М. М. Стасюлевичъ сидѣлъ за общимъ редакціоннымъ столомъ, быстро работая и своимъ показомъ поддерживалъ общій трудъ. У него все было взвѣшено, подготовлено и расписано; чтобы не тратилось лишней минуты, условные знаки и цифры замѣняли слова въ сношеніяхъ съ типографіей или конторой. Ничто такъ не утомляетъ, какъ разговоры и споры во время умственнаго труда. Въ „Порядкѣ“ щадились нервы и время; но иной разъ было монотонно и черезчуръ чинно. Поговорить, излить душу, вознегодовать иногда очень хочется и полезно, чтобы избавиться отъ какой-нибудь навязчивой мысли. Обращеніе М. М. Стасюлевича было чарующее, добродушное, съ наклонностью къ юмору, но къ редакціонному дѣлу серьезное и неуклонное.

Не знаю, можетъ-быть, эти строки лишнія; но мнѣ пріятно вспоминать хорошихъ людей и выдающихся дѣятелей. Жизнь слагается не изъ однихъ „проклятыхъ вопросовъ“, но и изъ мелочей. Въ иныхъ случаяхъ небольшія черточки, какая-нибудь подробность освѣщаютъ личность или событіе яснѣе многихъ словъ или рисунка.

Около часу дня, я уѣхалъ изъ редакціи „Порядка“. Ничего новаго не было; никакихъ указаній даже на возможность грознаго событія, перевернувшаго на 25 лѣтъ,—долгихъ, ужасныхъ лѣтъ,—новѣйшую исторію Россіи. Если-бы не со-

вершилось то, что поразило Россію 1-го марта 1881 года, если-бъ предложенный и даже, какъ говорятъ, подписанный указъ въ конституціонномъ направленіи былъ обнародованъ, если-бъ Царь-Освободитель еще пожилъ-бы, на что можно было надѣяться при его здоровой организаціи... Но безцѣльно гадать о томъ, что было-бы вмѣсто того, что было! Причины катастрофы зарождались и накоплялись заранѣе, особенно послѣ войны, послѣ реакціоннаго поворота 1878 года и наступившаго тогда *молчанія*.

Я возвращался черезъ Дворцовый мостъ. Погода была ясная, солнечная; воздухъ мягкій, снѣгу много. Дышалось легко, въ пріятномъ сознаніи законченной работы и воскреснаго отдыха.

Около Зимняго дворца было пусто; пустыней отдавала и Дворцовая площадь, съ ея монолитной колонной и торжественной колесницей на аркѣ главнаго штаба. Какой мощью, какими побѣдами и лаврами гласить эта молчаливая площадь! Сколько величія и красоты виднѣется въ Зимнемъ дворцѣ, созданномъ геніальнымъ зодчимъ, умѣвшимъ сочетать громады зданія съ легкостью воздушныхъ колоннъ и украшеній... По обширности и красотѣ, дворецъ вполнѣ отвѣчаетъ великому народу и тысячелѣтнему государству. Сколько ошибокъ и заблужденій потребовалось, чтобъ палъ престижъ самой могучей, безграничной власти, чтобы самое добро, содѣянное ею, превратить въ зло, и создать вражду и недовѣріе тамъ, гдѣ царили любовь и преданность!

Площадь казалась пустынной, но противъ подъѣзда государя виднѣлась рота юнкеровъ Павловскаго училища. Они стояли вольно, съ ружьями къ ногѣ, съ глазами, обращенными къ дворцу.

— Зачѣмъ они тутъ и чего ждутъ?—подумалось мнѣ. Обыкновенно, послѣ парада ихъ немедленно ведутъ въ училище.

Сани свернули подъ арку, повернули на Невскій. У Полицейскаго моста тѣсно, оживленно. Чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе; приходится ѣхать почти шагомъ. Многіе направляются къ Дворцовой площади; другіе наполняютъ тротуары. Полиція суетится, освобождаетъ дорогу. Навстрѣчу быстро ѣдетъ наслѣдникъ цесаревичъ съ цесаревной, кажется съ конвоемъ казаковъ. На лицахъ какое-то недоумѣніе, озабоченность. Ужъ не случилось-ли чего? Около Казанскаго моста толпы народа. Всѣ смотрятъ черезъ мостъ, вдоль по ка

налу. Я привсталъ въ саняхъ и тоже смотрю, но, кромѣ народной толпы въ направленіи къ Михайловскому театру, ничего не видно.

— Должно-быть ледъ провалился, или затонулъ кто въ проруби,—замѣтилъ извозчикъ, тоже любопытствуя и почти остановившись.

— Ну, пошелъ, чего стоишь,—раздался окрикъ городового.

Дѣйствительно, стоять нечего, а пускаться въ разспросы не всегда удобно.

Отъ толпы лучше всего держаться подальше. Около Аничкова моста было уже свободнѣе. Извозчикъ нагонялъ потерянное время и быстро привезъ меня къ знакомымъ, гдѣ я былъ званъ на обѣдъ. Выходитъ швейцаръ, откидываетъ полость и спрашиваетъ:

— Правда-ли, что государь кончился?

— Какъ кончился, откуда вы слышали?—спрашиваю, въ свою очередь.

— Такъ что, говорятъ, убили, бомбу бросили... Сюда даже слышно было.

Стоявшій у воротъ дворникъ переминается съ ноги на ногу, вслушивается въ разсказъ швейцара и съ своей стороны подтверждаетъ:

— Точно, что было слышно, съ полчаса будетъ...

Надо узнать, сколько правды въ этихъ зловѣщихъ толкахъ, вполнѣ объяснявшихъ скопленіе народа у Казанскаго моста. На томъ-же извозщикѣ я отправился въ редакцію „Молвы“. Тамъ уже имѣлись болѣе точныя свѣдѣнія. Было покушеніе, государь раненъ; но есть еще надежда. Зять В. А. Полетики, полковникъ М., бывшій лейбъ-гусаръ, близко знавшій государя, крайне встревоженный, собирался ѣхать на мѣсто покушенія, чтобы разузнать подробности. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ. Военный мундиръ открывалъ дорогу.

Мнѣ тоже много разъ случалось видѣть государя и даже встрѣчаться съ нимъ, начиная со студенческихъ временъ. Послѣдній разъ я близко видѣлъ его на молебнѣ, послѣ взятія Плевны. Государь растрогалъ тогда всѣхъ своими словами, привѣтствіями, своими молитвами за убіенныхъ и пострадавшихъ на полѣ брани.

Добрые глаза его глядѣли тогда и радостно, по случаю побѣды, и печально по поводу безчисленныхъ жертвъ войны.

Я жилъ тогда въ Порадимѣ и былъ въ числѣ немногихъ, провожавшихъ его при отъѣздѣ въ Россію. Съ нимъ уѣзжалъ Д. А. Милютинъ, одинъ изъ неизмѣнныхъ приверженцевъ свѣтлыхъ дѣяній освободительнаго царствованія. Кончилась тяжкая военная страда, надо отдохнуть на родинѣ и наверстать потерянное время, довершить начатое... Такъ чувствовалось на этихъ скромныхъ проводахъ.

И промелькнуло воспоминаніе о томъ восторгѣ, съ какимъ армія и народъ провожали государя на войну, и какъ потомъ разные Тимашевы и Маковы давили печать, скрывая свои грѣхи, и выставляли передъ нимъ врагами и преступными тѣхъ, кто издавна привыкъ любить и чтить Царя-Освободителя и его великія преобразованія.

Обмѣниваясь такими мыслями, мы подъѣхали къ переулочку, отдѣляющему Михайловскій театръ отъ сада бывшаго дворца великой княгини Елены Павловны, тоже немало содѣйствовавшей преобразованіямъ 60-хъ годовъ.

Пришлось выйти изъ саней и пройти къ набережной Екатерининскаго канала. Народу было много, полиція имѣла, казалось, смущенный видъ и тихо сдерживала толпу. Обычныхъ грубостей и окриковъ не слышалось. Около гранитныхъ плитъ тротуара, гдѣ палъ государь, стояли часовые.

На набережной, шаркая ногами въ снѣгу, многіе искали и подбирали клочки шинели и другіе обрывки. Находившіе желали видѣть въ этихъ клочкахъ остатки одежды государя, чтобы сохранить ихъ на память. Нашлись и продавцы. Намъ предлагали купить кусочекъ сѣрой офицерской шинели; но одинъ изъ полицейскихъ предупредительно пояснилъ, что это остатки шинели пристава, ѣхавшаго за каретой государя. Отъ такой реликвіи мы отказались. Столько полиціи и охраны, такъ много своеволія властей и всевозможныхъ стѣсненій для всего населенія, и всегда одинъ и тотъ-же отрицательный итогъ. Nous arrivons toujours trop tard...

Возстанія и бунты благополучно приготовляются подъ покровомъ полиціи; „крамола“ образуется и ширится при ея благосклонномъ и неуклонномъ содѣйствіи. Изъ мухи дѣлаютъ слона, а царя не смогли охранить, несмотря на конвой!.. Нѣтъ, полицейской ладонки не надо!

Ничего точнаго мы не узнали. Государь былъ увезенъ въ саняхъ, окруженныхъ подоспѣвшими изъ манежа павловцами. Никто не догадался хотя-бы перевязать раны, задержать кровотеченіе. Оставалась еще слабая надежда...

Часамъ къ 7-ми вечера, на улицахъ продавались четвертушки бумаги съ краткимъ извѣстіемъ. Оно начиналось странными, неумѣстными словами:

„Воля Всевышняго свершилась“... Выходило, будто преступники были исполнителями Божьяго велѣнія! Закоренѣлая привычка злоупотреблять именемъ Бога, примѣшивая его ко всѣмъ дѣйствіямъ правительства, сказалась и въ данномъ переполохѣ. Хотѣли возвѣстить высокопарно, но оффиціальнаго витійства не хватило на нѣсколько строкъ, скудныхъ и нескладныхъ. Извѣщеніе это потомъ отбиралось и было иначе и приличнѣе изложено на другой день. Печальная истина быстро облетѣла всю столицу, всю Россію, весь міръ, такъ сочувственно привѣтствовавшій въ 1861 году паденіе рабства русскаго народа.

Царя-Освободителя не стало!

Поздно вечеромъ, главнѣйшія редакціи, знакомыя и незнакомыя, объѣзжалъ генералъ Е. В. Богдановичъ (просятъ не смѣшивать съ военнымъ историкомъ, покойнымъ М. И. Богдановичемъ). Онъ имѣлъ озабоченный видъ и съ приподнятостью мелодраматическаго лицедѣя заявлялъ:

— Все спокойно, революціи не будетъ... Трактиры и кабаки закрыты, всѣ мѣры приняты!

— Да никакой революціи никто и не боится,—отвѣтилъ В. А. Полетика,—кабацкій разгулъ всегда полезно предупреждать; ну, а насчетъ спокойствія,—это будетъ видно.

— Увѣряю васъ, тревожиться нечего... Но извините: я спѣшу въ „Голосъ“...

И генералъ Богдановичъ спѣшно, съ дѣловымъ видомъ, исчезъ выполнять свою миссію. Никто не повѣрилъ, чтобы она была на него возложена. Есть такіе добровольцы, которые всегда суетятся и примазываются, когда жаренымъ запахнетъ.

— Воронье начинаетъ уже кружиться надъ прошлымъ царствованіемъ,—замѣтилъ кто-то.

„Революція“ происходила развѣ только въ верхнихъ бюрократическихъ сферахъ. Надо было *использовать* катастрофу въ желанномъ направленіи.

„Новыя вѣянія“ получили тяжелый ударъ, и притихшая было на нѣсколько мѣсяцевъ реакція воспрянула съ удвоенной силой.

— Довольно реформъ, пора назадъ и домой.

Въ этой формулѣ выразилось восторжествовавшее на-

правленіе. Едва закрылись глаза Александра II, на его лучшія дѣянія накинулись разрушители.

Они предстали въ двухъ видахъ. Одни навязывали Россіи смѣсь старо-московскихъ преданій, подновленныхъ славянофильскими бреднями; другіе просто-напросто тянули къ полицейско-бюрократическому произволу временъ Аркачеева и Николая I. Вдохновителемъ перваго внда реакціи былъ И. С. Аксаковъ, опиравшійся на гр. Н. П. Игнатьева. Порыванія ихъ длились около года и послужили переходными мостками отъ „благихъ вѣяній" 1880 года къ ретроградству, руководимому М. Н. Катковымъ, со времени „сообщества" его съ гр. Д. А. Толстымъ и III-отдѣленіемъ.

Подъ двойнымъ напоромъ двуликой реакціи, быстро увяли недавнія надежды. Комиссія объ улучшеніи положенія печати ничего не сдѣлала. Въ день погребенія останковъ Александра II, 15-го марта, въ „Молвѣ" была помѣщена очень теплая статья В. А. Полетики.

Графъ Адлербергъ, близко связанный съ покойнымъ государемъ, выразилъ глубокую благодарность Полетикѣ; но на другой день „Молва" была пріостановлена на мѣсяцъ. Это было краснорѣчиво. Очевидно, „диктатура сердца" измѣняла самой себѣ и путалась въ своихъ мѣрахъ.

М. Т. Лорисъ-Меликовъ опять поручилъ г. Абазѣ извиниться передъ Полетикой, заявляя, что временная пріостановка спасаетъ газету, и что скоро вернутся лучшія времена. Это были дни какихъ-то соглашеній, послѣднихъ попытокъ удержаться на почвѣ обѣщаній 1880 года. Полетика отвѣтилъ г. Абазѣ, что и при подобныхъ шатаніяхъ онъ возобновлять газеты не станетъ и убѣжденъ, что и гр. Лорисъ-Меликовъ весьма скоро перестанетъ производить свои противорѣчивые опыты надъ печатью. Такъ и случилось. Черезъ два мѣсяца послѣ катастрофы, послѣ толковъ объ учрежденіи „кабинета" и чего-то въ родѣ визирата, появился манифестъ отъ 29-го апрѣля. Всѣ говорили, что это былъ дебютъ г. Побѣдоносцева. Актъ былъ не русскаго происхожденія, но назначался для возврата къ якобы исконнымъ россійскимъ началамъ. Содержаніе „манифеста" возбуждало недоумѣніе.

Въ немъ подтверждалось неограниченное самодержавіе, возвѣщенное уже 2-го марта. Подобныя подтвержденія всегда свидѣтельствуютъ о слабости. Незыблемое укрѣплять нѣтъ надобности. Въ дѣйствительности, манифестъ 29-го апрѣля полемизировалъ съ недавними намѣреніями верховной власти

и обнаруживалъ, что послѣдняя воля и послѣднія заботы Царя-Освободителя находились въ полномъ противорѣчіи съ предстоявшей политикой. Предъ такимъ откровеніемъ блѣднѣли обѣщанія манифеста водворить правду въ преобразованіяхъ прошлаго царствованія и избавить страну отъ „хищеній". Первое проявленіе совѣтовъ и вліянія г. Побѣдоносцева было не изъ удачныхъ. Ожиданія отъ новаго царствованія были иныя, соотвѣтственныя тѣмъ надеждамъ, которыя съ 1866 года возлагались на молодую, привлекательную чету, долженствовавшую унаслѣдовать всероссійскій престолъ. Послѣ 29 апрѣля гр. Лорисъ-Меликовъ немедленно вышелъ въ отставку; за нимъ послѣдовалъ и гр. Д. А. Милютинъ. Мечтанія исчезли, дѣйствительность уяснилась.

Впослѣдствіи, М. Т. Лорисъ-Меликовъ говорилъ мнѣ, что онъ послѣдній узналъ о манифестѣ и въ первыя минуты предположилъ, что это произведеніе не г. Побѣдоносцева, а крамолы, ради возбужденія общаго неудовольствія. Еще наканунѣ все рѣшалось иначе; но на бюрократическія рѣшенія имѣются перерѣшенія. Это былъ тайно замышленный *переворотъ* въ правящихъ сферахъ. Паны бились, а у мужиковъ чубы трещали.

— Хотите узнать сущность „переворота",—шутили неунывающіе россіяне изъ той же чиновной среды:—отбрасывайте по одной буквѣ изъ *побѣдоносной* фамиліи...

Нѣкоторая передышка въ дни „диктатуры сердца" кончилась. Гр. Лорисъ-Меликовъ уѣхалъ за границу, гдѣ всегда спасаются и отдыхаютъ наши сановники отъ насаждаемыхъ ими порядковъ.

Это—излюбленная привычка не только разочарованныхъ или неудавшихся реформаторовъ; ей слѣдуютъ и неизмѣнно „твердые" въ своихъ подвигахъ Удавы и Дыбы, такъ удачно изображенные нашимъ безсмертнымъ сатирикомъ. Въ гостяхъ хорошо, а дома все лучше,—говорятъ обыватели въ благополучныя времена, когда гнетъ стихаетъ; бюрократы-же находятъ, что заводимые ими „прижимы" прекрасны и должны быть оберегаемы всѣми „средствіями", начиная отъ розогъ и нагаекъ до висѣлицъ и полевыхъ присутствій включительно; а все-же и имъ и скоропалительнымъ судьямъ лучше спасаться и отдыхать отъ родного блаженства въ Парижѣ, въ Ниццѣ или Монтекарло, не говоря уже о Карлсбадѣ и Эмсѣ.

— Неужели можно допустить, будто намъ пріятны всѣ эти убійства, разстрѣлы, казни?.. Лишь горькая, печальная

необходимость вынуждаетъ прибѣгать къ этимъ ужаснымъ крайностямъ... Когда всѣ будутъ сидѣть смирно, каждый при своемъ дѣлѣ, „повиноваться" попечительнымъ властямъ, не прекословить,—мѣропріятія будутъ мало-по-малу отмѣнены.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство,—что-же тутъ горькаго и печальнаго? Это—священный долгъ, лестная заслуга предъ отечествомъ.... Надо безпощадно казнить, истреблять до тла не только за дѣйствія, не только за дерзновенныя рѣчи, но и за неустановленныя помышленія... Только злоумышленникамъ не нравятся такіе порядки. Чѣмъ больше казней, тѣмъ меньше останется крамольниковъ или готовыхъ впасть въ крамолу. Казните, вѣшайте, истребляйте, съ быстротой и натискомъ, по-суворовски, безъ особыхъ размышленій, безъ праздной судебной волокиты. Патроновъ, веревокъ не жалѣть!.. И благодарное отечество вознаградитъ васъ за все.

— Благодарю за выраженныя *„добрыя чувства"*,—отвѣтствуетъ растроганный, умиленный администраторъ.—Надѣюсь, Господь Богъ укрѣпитъ мои силы и поможетъ выполнить предлежащую мнѣ задачу.

Вотъ какія „перспективы" открывались въ долготу лѣтъ, съ 29-го апрѣля 1881 года. Тогда возрастали лишь цвѣточки; ягодки поспѣли въ наши дни. Послѣ „безпощадныхъ добрыхъ чувствъ", трудно даже вообразить, что-же называется „злыми чувствами".

При прощаніи съ гр. Лорисъ-Меликовымъ, мнѣ хотѣлось было спросить: когда можно надѣяться на изданіе новаго закона о печати, которымъ насъ такъ долго тѣшили; но бѣдный эксъ-диктаторъ имѣлъ такой болѣзненный, удрученный видъ, что за сердце хватало. Лежачаго не бьютъ даже словомъ. Изъ Ниццы М. Т. Лорисъ-Меликовъ очень часто передавалъ мнѣ поклоны черезъ навѣщавшихъ его общихъ знакомыхъ. Это былъ добрый, умный человѣкъ, но не безъ восточной хитрости. Бюрократическая среда и столичныя интриги извели его. Очень вѣроятно, что его заѣли-бы и помимо крамолы.

XV.

Въ одно утро (не помню теперь мѣсяца и числа) на Надежденской послышались барабаны; изъ воротъ и подъѣздовъ выбѣгали люди, въ окнахъ виднѣлись встревоженныя лица.

— Везутъ, везутъ!—второпяхъ говорятъ мнѣ.

И я поспѣшилъ къ окнамъ, выходящимъ на улицу, хорошо не зная для чего.

Скоро показались полицейскіе всякихъ сортовъ, жандармы, казаки съ пиками на перевѣсъ; за ними сильный отрядъ гвардейской пѣхоты; потомъ двѣ телѣги съ скамейками, занятыми осужденными, спиной къ кучеру. Вокругъ колесницъ, какъ называли эти трясучія телѣги, неумолчно били барабанщики и взвизгивали флейты. По сторонамъ цѣпь штыковъ, сзади опять рота гвардіи и казаки. Стукотни о мостовую, шуму было много. Особенно непріятно дѣйствовали на нервы барабаны и флейты. Привлекательная на парадахъ, возбуждающая къ подвигу и славѣ во время войны, музыка эта казалась теперь какимъ-то адскимъ призывомъ къ позорному дѣлу. Дикій тамъ-тамъ и свистъ заглушали предполагаемыя обращенія къ народу, уничтожали даръ слова, свыше пожалованный человѣку, и приглашали на ужасное зрѣлище. Спѣшите, сбѣгайтесь смотрѣть, какъ мы толпой, вооруженные будемъ издѣваться надъ беззащитными и станемъ душить ихъ, не щадя и женщины. Рѣдкое зрѣлище, пожалуйте, назидательное убійство противъ убійства; не пропустите случая, останетесь довольны!

Такъ выбивали барабаны и неистово визжали флейты, которыя не всѣмъ полкамъ дарованы и представляютъ одно изъ военныхъ отличій. Неужели войска умѣстно посылать для подобныхъ дѣлъ, даже когда палачи обходятся безъ выстрѣловъ? Можетъ-быть, эта музыка такъ нещадно фальшивитъ и гремитъ, чтобы заглушить совѣсть и сомнѣнія, возбуждаемыя предстоящимъ тяжкимъ грѣхомъ, воспрещеннымъ заповѣдью Божьей.

— Что вы, гдѣ, когда? Это по старому, по *еврейской* выдумкѣ запрещалось; а по новому, по христіанскому даже похвально.

— Не кощунствуйте, ради Бога.

— Какое же кощунство? Пастыри церкви поучаютъ, одобряютъ и даже проклинаютъ тѣхъ, кто требуетъ отмѣны смертныхъ казней. И не простые пастыри, которыхъ никто и не спрашиваетъ, а генералы отъ духовенства! Христосъ вовсе не былъ противъ казни,—разъясняютъ ихъ преосвященства. Вѣдь Христосъ—Богъ; Ему все возможно, но Онъ не хотѣлъ уклониться отъ суда и казни; а не уклонился—стало-быть, призналъ ее умѣстной и полезной. Еще яснѣе

вытекаетъ-де сіе изъ отношенія Христа къ распятымъ разбойникамъ. Одинъ, раскаявшійся, былъ прощенъ, но лишь для будущей жизни, а другой не только казненъ на землѣ, но и обреченъ на вѣчную муку въ аду, гдѣ, вѣроятно, самъ великій нашъ инквизиторъ и оберъ-лицемѣръ будетъ терзать его дополнительными истязаніями, когда удостоится жизни загробной. Кажется, все это безпорно и ясно, какъ день!

Такая неотразимая логика назрѣвала для грядущаго правосудія и „попятнаго міровоззрѣнія", и прежде и всегда близкаго къ пыткамъ и кострамъ инквизиціи или къ варварству краснокожихъ; а въ описываемый день мы не успѣли еще доразвиться до столь усовершенствованнаго „православія" и пониманія ученія Христа. Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ прочелъ даже лекцію противъ казни, взывалъ о помилованіи, какъ о возвышеннѣйшемъ средствѣ покарать крамолу и одержать нравственную побѣду, которая всегда въ корнѣ подрываетъ преступленія и возстанія, вызванныя идейными побужденіями или даже заблужденіями. Помилованіе!... Оно не равносильно *безнаказанности*. Оно лишь говоритъ: не сотвори того, что преступно, не соперничай въ жестокости съ тѣмъ, кого наказуешь.

Ужасная процессія промелькнула быстро; но я хорошо видѣлъ ихъ. Желябовъ держался гордо, увѣренно. Кибальчичъ, изобрѣтатель разрывныхъ снарядовъ, казалось, былъ занятъ какой-то глубокой думой. Перовская была спокойна и смотрѣла поверхъ толпы, какъ бы желая избѣгнуть назойливыхъ взглядовъ и непріятнаго любопытства. Остальные два осужденные, Рысаковъ и Михайловъ, видимо, пали духомъ, точно опустились. Была еще одна, обреченная на казнь, но ее спасъ случай,—ожидавшійся младенецъ.

— Куда, зачѣмъ ихъ везутъ? послышался нервный, испуганный голосъ.

На шумъ прибѣжала блѣдная, взволнованная 12-лѣтняя дѣвочка и пытливо задавала вопросы.

—Они убили государя, и ихъ везутъ на казнь.

—Значитъ, ихъ убьютъ, они умрутъ? А тѣмъ, что убьютъ, тѣмъ ничего не будетъ?

Мучительные вопросы! Лучше было бы избавить столицу, и взрослыхъ, и дѣтей отъ этихъ правосудныхъ „наглядныхъ обученій". Потомъ и завели тайныя судбища и тайныя казни; но въ данномъ случаѣ считали необходимымъ придать

этой расправѣ особенно торжественную обстановку, на Семеновскомъ плацу.

Двѣнадцати-лѣтній ребенокъ, своей чуткой душой, разомъ замѣтилъ неприглядное сходство между убійствомъ-преступленіемъ и убійствомъ-наказаніемъ. Дѣти, устами которыхъ истина глаголетъ, приходятъ къ тому же выводу, къ которому давно идутъ знаменитѣйшіе писатели, выдающіеся криминалисты, все просвѣщенное человѣчество. Во-время первой французской революціи упразднена *мучительная* казнь и воспрещены всѣ прежнія пытки. Въ разгарѣ революціонныхъ страстей всѣ были уравнены передъ гильотиной, какъ наиболѣе легкимъ способомъ судебнаго убійства. Такъ увѣрялъ изобрѣтатель кровавой машины. Но и тогда уже, несмотря на всѣ эти смягченія и „усовершенствованія“ правосуднаго убійства, совѣстливые люди настаивали на необходимости полной отмѣны казни. Это мнѣніе основывалось на двухъ доводахъ: смертная казнь есть убійство, запрещенное религіей и нравственностью; смертная казнь не устрашаетъ и не является наиболѣе тяжкимъ наказаніемъ.

И человѣчество послѣдовательно идетъ къ этому выводу, и рано или поздно всѣ признаютъ великую заслугу первой Государственной Думы нашей, начавшей свою дѣятельность съ человѣколюбиваго призыва къ милосердію, къ амнистіи и отмѣнѣ смертной казни. И въ подновленномъ Государственномъ Совѣтѣ Н. С. Таганцевъ убѣжденно выразилъ увѣренность, что русскій народъ можетъ обходиться безъ смертной казни. Добиваясь упраздненія палачей, какъ исполнителей правосудія и нелестныхъ спутниковъ, ликторовъ, высшей власти, Государственная Дума, тѣмъ самымъ, выражала лучшее, не словесное только, а дѣловое, наглядное порицаніе и осужденіе всякихъ убійствъ, въ томъ числѣ и политическихъ. Было бы странно, если бы Дума обращалась съ какими-то переговорами или увѣщаніями къ „крамолѣ“, которая и сама не можетъ отвѣчать за всякія бомбы и выстрѣлы; но обращенія ея къ правительству, во имя правосудія и милости, были вполнѣ умѣстны и похвальны. Такія обращенія могли вытекать лишь изъ чувства глубочайшаго уваженія къ государственной власти и ея лучшимъ основамъ. Слѣдуетъ допустить, что путемъ милосердія были бы устранены многія изъ тѣхъ убійствъ слѣва и справа, которые чудовищно и усиленно совершаются съ тѣхъ поръ, какъ закрыта Государственная Дума. Съ роспускомъ Думы возвѣщалось

„успокоеніе“, но смута возросла и дошла до военныхъ бунтовъ и непрерывныхъ кровопролитій, съ безпощадными требованіями безпощадныхъ истребленій. Совершается какое-то состязаніе на „злобность“.

Въ 1881 году мы не были еще для этого достаточно тренированы и все высматривали, не вывѣшено ли гдѣ „бѣлое покрывало“, чтобъ успокоить хотя осужденныхъ благожелательныхъ материнскимъ обманомъ. Но „бѣлаго покрывала“ не было, и слабая надежда на помилованіе не оправдалась. Картина В. В. Верещагина изобразила казнь на Семеновскомъ плацу, въ видѣ укора современному правосудію; драматургъ Аверкіевъ не описывалъ, но смаковалъ эту казнь, расточая самое грязное воображеніе. За человѣка, за писателя стыдно было!

А между тѣмъ одинъ изъ казненныхъ—Желябовъ содержался въ крѣпости во время катастрофы и фактически не былъ убійцей. Между замысломъ и выполненіемъ преступленія неизмѣримое пространство. Дѣвица Принцъ собиралась убить барона Каульбарса, пріѣхала даже съ этой цѣлью въ Одессу, но кончила самоубійствомъ. Рысаковъ бросилъ бомбу, но, по счастью для него, государь остался невредимъ. Непосредственнымъ убійцей былъ только Гриневецкій, но онъ самъ погибъ отъ взрыва. Не мало, слѣдовательно, было основаній къ замѣнѣ смертной казни другимъ *тяжкимъ*, но все же *поправимымъ наказаніемъ*.

И тогда, не говоря уже о возвышенныхъ доводахъ Вл. С. Соловьева, мы имѣли бы возможность сказать тѣмъ, кто ожесточенно преслѣдовалъ и убилъ Царя-Освободителя, омертвилъ ту руку, которая вернула декабристовъ изъ ссылки и подписала великій актъ 19 феваля 1861 года:

— Оглянитесь на послѣдствія злобы, мести и насилій, поймите, кому и чему вы послужили, кто воспользовался плодами вашего преступленія? Декабристы пали за высокую идею, они самоотверженно добивались обѣщанной справедливости, требовали уничтоженія рабства. Вы же мстили за себя и за своихъ, не желая считаться съ возродившимися благими намѣреніями верховной власти и точно хотѣли прервать явственный поворотъ къ мирному обновленію.

Быть-можетъ, у васъ были *оправданія* въ разразившемся надъ вами произволѣ; возможно, что вами руководили неизвѣданныя стремленія къ общему благу; но обществу и народу эти блага были неизвѣстны и даже чужды; вы могли

добиваться возможности просвѣщенія несвѣдущихъ,—если вѣрили въ правоту своихъ ученій,—а вы предпочли самоуправно распорядиться судьбами народа, помимо его воли и сознанія. Значитъ, вы не народные бойцы и не народные герои. Народные и даже общественные идеалы были не съ вами, когда вы стали дѣйствовать противъ свѣтлыхъ, поступательныхъ стремленій 1880 года. Тѣмъ хуже, если вы прервали ихъ намѣренно, постарались вернуть и усилить реакцію.

Такія соображенія и отношенія къ борющимся партіямъ были созданы катастрофой 1 марта, и они были внушительнѣе самой строгой кары.

Сбитое съ завѣтныхъ устоевъ и стремленій, напуганное, связанное по рукамъ, неорганизованное общество, въ маѣ 1881 года, снова очутилось лицомъ къ лицу на сказочномъ перепутьи или съ „разбитымъ корытомъ“. Первый натискъ реакціи, какъ сказано, явился подъ благовиднымъ знаменемъ славянофильства, которое было сладкозвучно, словъ не жалѣло и стлало мягко, да жестоко спать приходилось. Открытые удары „новымъ вѣяніямъ“ были нанесены И. С. Аксаковымъ. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и читалъ лекцію, въ которой умолялъ воздержаться отъ пагубнаго западничества. Мольбы и уговоры Аксакова стучались въ открытую дверь. При благосклонномъ содѣйствіи г. Побѣдоносцева и новыхъ дѣятелей тревоги и славянофильскія опасенія были излишни. Но ослѣпленный врагъ западничества вовсе не желалъ вернуться къ аракчеевщинѣ или къ временамъ „блестящихъ фасадовъ“, за которыми скрывалась гниль, рѣзко обнаруженная Крымской войной. Аксакову хотѣлось вернуться къ допетровской Руси, которую славянофильство представляло на свой ладъ, безъ достаточнаго знанія и правды.

Въ московской Руси были земскіе соборы, существовала будто бы свобода духа и слова, не было „средостѣнія“ между царемъ и народомъ. Къ этимъ порядкамъ и слѣдовало вернуться, по мнѣнію Аксакова, безъ всякихъ прикрасъ и лжемудрствованій, навязываемыхъ Россіи либералными западниками. Такимъ образомъ, два направленія, при всей своей розни, стремились къ земскимъ соборамъ и желали паденія „средостѣнія“; но расходились въ пониманіи существа и подробностей этого коренного преобразованія. Прогрессивные западники не могли отрицать реформы Петра Великаго

и единенія съ просвѣщеннымъ человѣчествомъ; часть общества увлекалась славянофильскими приманками, тѣмъ болѣе, что подъ ними подносились и націоналистическія услады; но „средостѣніе“, въ силу тѣхъ же причинъ, колебалось въ усвоеніи аксаковскихъ ученій. „Средостѣнію“ всего больше хотѣлось остаться въ прежнемъ видѣ и всевластіи; носить нѣмецкій мундиръ и править самобытно, по-азіатски. Аксакова поощряли, когда онъ порицалъ и искоренялъ либераловъ, подрывая и хуля недавнія вѣянія; но очень косо и опасливо относились къ его выспреннимъ взглядамъ и предложеніямъ. Извѣстный генералъ Фаддеевъ, немало послужившій ретроградству въ 70 годахъ, издалъ въ Берлинѣ „Письма о современной Россіи“. Дѣйствительность наша изображалась въ нихъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, но ради спасенія отъ всякихъ золъ предлагался возвратъ къ воеводствамъ, не стѣсняясь какими-либо законами, контролями и учрежденіями. Все это разногласіе разстроило общественные ряды; отсутствіе собраній устраняло возможность соглашенія. Общій разбродъ служилъ лишь къ торжеству реакціи и утолщенію „средостѣнія“.

Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Н. П. Игнатьеъ, усвоилъ въ извѣстной долѣ славянофильское ученіе, взялся осчастливить Россію какими-то самобытными порядками собственнаго сочиненія; но получился такой невѣроятный хаосъ, что многіе вздохнули легче, когда эти чудачества кончились и совершился самый прозаичный, но хорошо знакомый попятный поворотъ къ прежнему бюрократизму.

Тогда И. С. Аксаковъ спохватился, понялъ, въ какой мѣрѣ онъ постарался на пользу полицейскихъ вожделѣній Каткова.

Въ своей газетѣ „Русь“ Аксаковъ, какъ въ 60 годы, сталъ горячо защищать и отстаивать реформы Александра II; но было уже поздно. Самому Аксакову дано было предостереженіе за „не-патріотическое“ возбужденіе неудовольствія противъ правительства. Самымъ настоящимъ „истинно-русскимъ патріотомъ“ былъ уже не славянофилъ Аксаковъ, а Катковъ, рука объ руку съ вернувшимся къ власти графомъ Д. А. Толстымъ.

Чтобы понять, какимъ образомъ возвратъ графа Толстого привелъ къ наружному, обманчивому успокоенію, необходимо возможно яснѣе очертить *переходный періодъ* управленія графа Игнатьева. Этотъ періодъ, по своей крат-

кости, какъ-то затерялся въ общественномъ сознаніи и былъ забытъ, но слѣды имъ оставлены глубокіе и посѣянныя тогда плевелы произрастаютъ до сихъ поръ на почвѣ нашей общественности. Извращенное славянофильство, хаотически и противорѣчиво связанное съ самымъ узкимъ націонализмомъ, путается во всякихъ преобразовательныхъ порывахъ, а тѣмъ болѣе въ реакціонныхъ застояхъ и сбиваетъ съ толку весьма многихъ.

Самые крикливые и озвѣрѣлые союзы „правыхъ“ наслѣдственно соединены диллетантскимъ, баснословнымъ правленіемъ, длившимся нѣсколько долѣе года, послѣ ухода графа Лорисъ-Меликова.

XVI.

Человѣкъ, съ его особенностями, внутреннимъ міромъ и даже внѣшностью, всегда представлялъ и будетъ представлять выдающійся интересъ. Типичныя личности привлекаютъ общее вниманіе и изучаются даже въ частной жизни. Тѣмъ обязательнѣе правильная оцѣнка тѣхъ лицъ, которыя если не дѣлали исторіи, то принимали въ ней видное участіе, занимая властное положеніе въ государствѣ или вліятельную роль въ обществѣ.

Къ числу такихъ дѣятелей принадлежалъ г. Н. П. Игнатьевъ. Какъ старому, выдающемуся дипломату, ему скорѣе всего слѣдовало бы стать во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, разъ зашла рѣчь о привлеченіи его къ правящимъ; но на эту важную должность опасались поставить бывшаго посла, какъ человѣка энергіи и самостоятельности; предпочтены были „умѣренность и аккуратность“ молчалинскаго свойства. Графъ Н. П. Игнатьевъ былъ привлеченъ къ мало знакомому ему, но сложному и отвѣтственному дѣлу внутренняго управленія. Неудивительно, что въ результатѣ такого опыта подтвердилась истина: „бѣда, коль пороги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ“.

Послѣ такой оговорки, понятно, почему часть этихъ „воспоминаній и замѣтокъ“ удѣляется личности и импровизированной дѣятельности графа Н. П. Игнатьева въ качествѣ руководителя внутренней нашей политики, въ чрезвычайно важное время. Никто не имѣетъ права скрывать то, что знаетъ и что можетъ поспособствовать уразумѣнію критическаго момента нашей новѣйшей исторіи и предотвратить повтореніе

тѣхъ пагубныхъ заблужденій и ошибокъ, которыя довели Россію до внѣшняго позора и новой тяжкой смуты. Рѣчь идетъ не о частной жизни графа Н. П. Игнатьева, а о подлежащей гласности и свободному обсужденію государственной дѣятельности его, подчиненной вездѣ суду общественнаго мнѣнія. Графу Игнатьеву, такъ долго дѣйствовавшему за границей, за предѣлами нашей цензуры, не пригоже уклоняться отъ этого суда, даже если-бъ онъ былъ не всегда безпристрастнымъ.

Въ 1878 г. я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ графомъ Н. П. Игнатьевымъ въ Казанлыкѣ, когда, въ качествѣ чрезвычайнаго посла и уполномоченнаго, онъ спѣшилъ въ Андріанополь для заключенія мира. Въ квартирѣ губернатора графъ Игнатьевъ отдыхалъ послѣ перевала черезъ Балканы; по той же причинѣ находился и я въ полуразрушенномъ городѣ, съ множествомъ раненыхъ и больныхъ турокъ. Ночью трудно и опасно было ѣхать даже съ конвоемъ... Утромъ мы пили вмѣстѣ чай у гостепріимнаго губернатора. Въ качествѣ журналиста, я имѣлъ право спросить полномочнаго посла:

— Когда вы порадуете насъ миромъ?

— Къ 19 февраля,—отвѣтилъ не задумываясь и увѣренно гр. Игнатьевъ.

Лошади были поданы, и дѣлатель исторіи и мира укатилъ за предстоявшими лаврами къ ближайшей станціи желѣзной дороги, гдѣ его ждалъ особый поѣздъ.

— Къ 19 февраля! Очень ужъ точно, ни раньше, ни позже!—замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.—Какъ-бы и изъ этого мира не вышло нѣчто въ родѣ „имениннаго штурма“...

Возраженій не послѣдовало. Это былъ намекъ на несчастный, отбитый штурмъ Плевны 30 августа. Опасались, какъ-бы изъ-за торопливости не вышло что-нибудь неладное и съ миромъ.

Такъ и случилось. Санъ-Стефанскій договоръ хотя и былъ подписанъ къ *вечеру* 19 февраля, но турки сдѣлали свои уступки и перестали колебаться, въ полной надеждѣ на передѣлку игнатьевскаго мира при содѣйствіи Англіи.

Въ данномъ случаѣ проявилась старая бюрократическая черта: не щадить самыхъ важныхъ государственныхъ интересовъ ради угодливости, которой даже не требовалось. Гр. Игнатьеву мы обязаны не только возможностью значительныхъ уступокъ, постыдно, подъ угрозой, сдѣланныхъ въ

Берлинѣ, не только весьма нелестнымъ судомъ надъ побѣдителями, но и тѣми легкомысленными взглядами на слабость Турціи, которые не мало повліяли на объявленіе и неудачи войны. Гр. Игнатьевъ носитъ военный мундиръ, и имѣть точныя свѣдѣнія о вѣроятномъ непріятелѣ и его готовности къ сопротивленію было обязательно ему, какъ послу и стороннику рѣшительныхъ дѣйствій.

Съ подобнаго же рода легкомысліемъ и знаніями, съ изумительными „любительскими“ пріемами мы встрѣчаемся и въ неожиданныхъ дебютахъ бывшаго дипломата на совершенно незнакомыхъ ему должностяхъ—сперва министра государственныхъ имуществъ, а затѣмъ министра внутреннихъ дѣлъ. За все браться, не будучи подготовленнымъ, это тоже давняя бюрократическая черта. Гр. Игнатьеву, впрочемъ, были хорошо извѣстны турецкіе и отчасти китайскіе пріемы управленія; но угощать ими Россію, хотя-бы и подъ славянофильскимъ знаменемъ, было по меньшей мѣрѣ опрометчиво послѣ освободительной войны, вызванной тѣмъ же турецкимъ гнетомъ. Въ Болгаріи—отъ турокъ, а въ Россіи—къ туркамъ!.. Послѣдовательно!..

Лорисъ-Меликовъ отчасти виновенъ въ привлеченіи дипломата къ дѣламъ внутренняго управленія. Превращеніе это совершилось ради обновленія министерства и въ угоду закулиснымъ давленіямъ. Лорисъ-Меликовъ не могъ предвидѣть, что гр. Игнатьевъ окажется въ числѣ таинственныхъ участниковъ „переворота“ 29 апрѣля. Одни подали въ отставку, а другіе повысились.

Смѣясь, Лорисъ-Меликовъ разсказывалъ какъ-то, что министерство пріобрѣло очень покладистаго, со всѣми любезнаго и веселаго дѣятеля.

Въ армянской церкви шла заупокойная служба по умершемъ армянскомъ архипастырѣ. Въ память его духовенствомъ произнесено было слово. Послѣ службы подходитъ къ гр. Лорисъ-Меликову одинъ изъ сановниковъ и хвалитъ рѣчь.

— Развѣ вы понимаете по-армянски?--спросилъ удивленный Лорисъ-Меликовъ.

— Нѣтъ, но я стоялъ около гр. Игнатьева и онъ любезно переводилъ эту рѣчь.

— Но гр. Игнатьевъ понимаетъ по-армянски столько же, сколько мы съ вами по-санскристки!

Можно представить смущеніе сановника... Но Лорисъ-Меликовъ его утѣшилъ!

— Все равно, вы не скучали и слышали хорошую рѣчь, хотя другого автора; а графу пріятно было развлечься и доставить вамъ удовольствіе... Дипломаты за словомъ въ карманъ не лѣзутъ, и сочинительство для нихъ привычная сфера.

Долго пришлось-бы разсказывать, если-бы передавать всѣ анекдоты, связанные съ именемъ гр. Игнатьева, какъ и съ другими выдающимися личностями... Мнѣ приходилось встрѣчать его еще у княгини Е. Э. Трубецкой, когда она вздумала образовать нѣчто въ родѣ политическаго „салона“ въ Петербургѣ. Когда въ этомъ салонѣ бывалъ гр. Игнатьевъ, оставалось только молчать и слушать.

Опираясь на эти встрѣчи, я рѣшилъ попытать счастья у новаго министра внутреннихъ дѣлъ, все ради возобновленія своихъ правъ на „Русское Обозрѣніе“. И. С. Аксаковъ очень усердно увѣрялъ, что наступила „свобода духа и слова“, и я соблазнился соприкоснуться съ нею.

Графъ Игнатьевъ расположился на свое царствіе въ извѣстномъ домѣ бывшаго шефа жандармовъ, по Фонтанкѣ, гдѣ въ послѣдніе мѣсяцы пребывалъ и гр. Лорисъ-Меликовъ. Но попасть къ новому властелину было труднѣе. Надо было пройти искусъ чрезъ канцелярію, куда попадали со двора. Къ моему удивленію и удовольствію, въ директорѣ канцеляріи я встрѣтилъ давняго знакомаго г. Войекова. Я зналъ его красивымъ молодымъ человѣкомъ, ѣздившимъ по Западному краю собирать какую-то статистику. Онъ сильно постарѣлъ съ тѣхъ поръ, и въ манерахъ его виднѣлась непріятная развязность. Конечно, можно удѣлить нѣсколько минутъ просителю, да еще и знакому; даже поболтать о злобахъ дня; но надо же понимать, что нельзя дѣловыхъ людей отрывать отъ важнаго дѣла. Мы управляемъ теперь не какимъ-нибудь департаментомъ и не балуемся статистикой; судьбы всей Россіи въ нашихъ рукахъ! Надъ ней производимъ свои вивисекціи.

Такое впечатлѣніе производилъ господинъ директоръ, хотя и одѣтый по домашнему, въ тужурку. Самая служба получила у нихъ видъ домашняго дѣла. Съ какой-то небрежной любезностью г. Воейковъ разомъ давалъ чувствовать, что онъ теперь не тотъ, и не кто-нибудь, а особа. Пожалуй, и въ министры или товарищи скоро попадетъ. Онъ суетился, къ нему безпрерывно подходили, и онъ куда-то убѣгалъ и быстро возвращался. Объясненія приходилось прерывать и начинать снова.

Г. Воейковъ далъ понять, что о печати они еще не ду-

мали, и пока все останется по старому. Графъ не противъ печати, но необходимы извѣстные предѣлы. Мы не станемъ скрывать своихъ предначертаній и готовы сообщать возможныя свѣдѣнія и указанія; но желательно, чтобы печать шла на встрѣчу правительственной политикѣ... Мнѣ стало противно слушать эту древне-знакомую болтовню всѣхъ бюрократовъ, да еще и въ хлестаковскомъ тонѣ. Самого гр. Игнатьева трудно было увидѣть, а черезъ стороннее посредство нечего было и пытаться добиться желаннаго.

Отношенія гр. Игнатьева къ печати скоро выяснились. Онъ засыпалъ ее циркулярами, то и дѣло воспрещавшими говорить о томъ, что всѣхъ интересовало. За его время насчитывалось не менѣе 50 изъятій и ограниченій гласности. Перечень ихъ появился въ „Times“. Даже отчеты о собраніяхъ „свѣдущихъ людей“ и о засѣданіяхъ городской думы подверглись цензурѣ и канцелярскому искаженію и перетолкованію. Вся печать превращалась въ рептилій и трубадурство. Надо было или восторгаться великими дѣяніями графа Игнатьева и восхвалять его начинанія, или молчать. Газета „Порядокъ“ протянула игнатьевское управленіе, но прекратила изданіе въ февралѣ 1882 года, послѣ пріостановки на мѣсяцъ за какой-то пустякъ. Государственный дѣятель опредѣляется вполнѣ по отношеніямъ его къ печати. Возвѣщенная Аксаковымъ „свобода духа и слова“ отдавала старымъ полицейскимъ участкомъ. Напрасно Аксаковъ увѣрялъ, что онъ изведетъ и разобьетъ либерализмъ въ пухъ и прахъ, лишь бы была дана свобода; его благодарили за благія намѣренія, но полагались болѣе на привычные запретительные циркуляры и административныя кары.

При гр. Игнатьевѣ были пріуготовлены тѣ произвольныя и двусмысленныя „временныя правила“, которыя узаконяли беззаконіе и ухудшали положеніе печати до послѣдней степени. „Временныя правила“ дѣйствовали 22 года и привели Россію почти къ полному уничтоженію либеральныхъ газетъ. Особенно усердно преслѣдовалъ гр. Игнатьевъ „Голосъ“. Газета была остановлена на цѣлое полугодіе за отрицательное отношеніе къ политикѣ князя Болгарскаго!

При гр. Игнатьевѣ собирались „свѣдущіе люди“, не по избранію, а по *набору* администраціи, и въ безгласныхъ засѣданіяхъ являли уродливую фальсификацію земскихъ соборовъ. Сочинялись какія-то мѣропріятія противъ пьянства. Конечно, изъ этой затѣи ничего не вышло; но иныхъ „пред-

начертаній“, сколько-нибудь свидѣтельствующихъ о стремленіи къ народному благу, не было. Зато репрессій и произвола было много. Генералъ Барановъ, очутившійся на должности петербургскаго градоначальника, изобрѣлъ и со своей стороны смѣхотворный соборъ, но зато на выборномъ началѣ Домовладѣльцы и квартиранты были приглашены къ избранію особой комиссіи, которая помогала-бы полиціи искоренять крамолу и поддерживать порядокъ. Нѣчто въ родѣ комиссіи безопасности. Цѣли ясно и точно не опредѣлялись, но интереснѣе всего, что избирательные листки были разосланы и женщинамъ, занимавшимъ на свое имя квартиры. Петербургскому градоначальнику Баранову принадлежитъ честь дарованія политическихъ правъ русской женщинѣ. Законодатели задумываются, сомнѣваются, а градоначальникъ, по своему вымыслу, приказалъ—и совершилось то, о чемъ тогда не просили и не думали. Генералъ Барановъ утверждалъ, что вся эта комедія крайне необходима для охраны столицы и пресѣченія революціи. Его скоро сплавили въ провинцію, но губернаторомъ.

Сосѣдка моя по квартирѣ, встревоженная дворниками, пришла ко мнѣ, чтобы посовѣтоваться, какъ ей избавиться отъ барановской „конституціи“ и что вписать въ избирательный листокъ, чтобъ не попасть въ бѣду? Я посовѣтовалъ ей записать бывшаго градоначальника Трепова, какъ самаго надежнаго обывателя для борьбы съ крамолой.

— А сами вы кого запишете?

— Я запишу самого себя. Такого дѣла никому довѣрить не могу.

Разумѣется, всѣ голоса разбились, всѣ уклонялись отъ этой комедіи, и полиція „подсчитала“ въ депутаты къ Баранову, кого ей вздумалось. Кажется, Треповъ дѣйствительно, попалъ.

Ознаменовалось еще правленіе гр. Игнатьева изданіемъ донынѣ уцѣлѣвшаго закона объ *охранахъ* всѣхъ сортовъ, такъ обезопасившихъ нашу жизнь. Наконецъ, положенъ былъ починъ „*еврейскимъ погромамъ*“.

Случилось мнѣ опять быть въ канцеляріи г. Воейкова по какому-то дѣлу. Разговорились о погромахъ, какъ новомъ явленіи игнатьевской эры.

— Что съ ними дѣлать?—спросилъ Воейковъ:—вы знаете эти губерніи.

— Единственное средство—разселеніе, уничтоженіе черты осѣдлости,—отвѣтилъ я.

— Ну, нѣтъ!.. Въ Россію мы евреевъ не пустимъ!...—горячо возразилъ Воейковъ.

— А развѣ юго-западный край не Россія?

— Малороссы къ нимъ привыкли, а нашихъ русачковъ они живьемъ съѣдятъ,—буквально повторяетъ онъ юдофобскую газету.

— И не съѣдятъ, а если-бы начали ѣсть, то подавятся... Все это не болѣе, какъ старыя предубѣжденія.

— Нельзя допустить! Это будетъ или разореніе, или избіеніе... Не пустимъ, не пустимъ,—повторялъ онъ раздражительно.

— Долго-ли вы сами будете володѣть и княжить?—вырвалось у меня.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ гр Н. П. Игнатьевъ былъ удаленъ, и на его мѣсто возсѣлъ графъ Д. А. Толстой. И возсѣлъ прочно, до самой кончины своей. А послѣ него И. Н. Дурново, которому предписано было своихъ мнѣній не имѣть, а править по завѣтамъ предшественника; а послѣ добрѣйшаго „Иванушки“, какъ величали наслѣдника Д. А. Толстого въ просторѣчьи, настало „горемыканье“ воспѣтое сенаторомъ Барыковымъ... А послѣ „горемыканья“... но все это хорошо извѣстно. Ничего не было, кромѣ роста реакціи, застоя, голода, мора и всякихъ египетскихъ казней.

Чтобы избѣгнуть обвиненія въ пристрастіи, приведу еще одно свидѣтельство о *переходномъ* періодѣ, оставившемъ такое печальное наслѣдіе. Случайно, въ бумагахъ моихъ нашлось письмо, современное правленію гр. Н. П. Игнатьева. Письмо равносильно свидѣтельскому показанію. Можно допросить этого свидѣтеля и теперь, четверть вѣка спустя. Не называю автора письма, хотя онъ мнѣ извѣстенъ; дѣло не въ имени, а въ томъ тяжеломъ, негодующемъ, неподдѣльномъ настроеніи, которымъ проникнуто это письмо. Оно помѣчено двумя числами, 10—22 апрѣля, стараго и новаго стилей. Изъ этого можно предположить, что предназначалось оно заграницу *).

*) Не могу припомнить, почему письмо это сохранилось въ моихъ бумагахъ.

С.-Петербургъ, 10—22 апрѣля 1882 г.

„Вотъ уже скоро годъ, какъ продолжается правленіе графа Игнатьева. Въ охранительной части печати встрѣтили это правленіе въ видѣ какого-то торжества. Говорили, что Россія обрѣла сама себя, вступила на свой старый *царскій путь*. Рядомъ съ лицемѣрнымъ негодованіемъ, по поводу событія 1 марта, печать эта явно бросала камнемъ въ прошлое царствованіе. Г. Аксаковъ и г. Катковъ нарочно пріѣзжали въ Петербургъ, чтобы молить о подъемѣ авторитета самодержавія, который будто бы былъ униженъ Александромъ II.

Такимъ образомъ, если нигилисты убили царя-освободителя, то охранители умыслили убить самое дѣло его.

Преобразованія прошлаго царствованія, довершившія во многомъ реформу Петра Великаго, сблизили Россію съ общечеловѣческой цивилизаціей.

Наши-же охранители стали приглашать Россію вернуться въ затхлую старину московскаго періода. Это называется у нихъ народною политикою, поднятіемъ народнаго знамени.

Теперь мы имѣемъ уже первые результаты этой будтобы народной политики. Въ международныхъ дѣлахъ Россія утратила прежнюю силу и вынуждена была потерпѣть явное униженіе. Выпущенный въ видѣ пробнаго шара, генералъ Скобелевъ никого не напугалъ, а внушенныя ему хвастливыя рѣчи привели къ унизительнымъ заискиваніемъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Охранительная и патріотствующая печать лакейски молчитъ по поводу этихъ заискиваній и извиненій. Но никто еще не забылъ, что малѣйшее сомнѣніе въ необходимости и возможности вмѣшательства Россіи въ борьбу Австріи съ герцеговинами еще недавно приравнивалось къ измѣнѣ, къ отрицанію народной воли. Обвиненія и упреки эти теперь относятся уже не къ русской интеллигенціи, не къ либеральному лагерю, а къ тому же правительству, которое явно обвинялось въ оторванности отъ народа и въ несостоятельности, по поводу уступчивости на берлинскомъ конгрессѣ 1878 года.

Внутри государства правительственный авторитетъ стоитъ очень низко. Можно сказать, никогда и нигдѣ не существовало такого явнаго недовѣрія къ правительству, какое проявляется теперь въ русскомъ обществѣ. Это понятно. Пра-

вительства, въ сущности, давно уже не существуетъ въ Россіи. Подъ покровомъ самодержавія, совершается хаотическое самоуправство чиновничества, господствуетъ придворная или закулисная интрига. Министры думаютъ не столько о задачахъ государственнаго управленія, сколько о томъ, чтобы удержаться на своихъ мѣстахъ. Самъ графъ Игнатьевъ, которому, по виду и по занимаемому имъ мѣсту начальника государственной полиціи, принадлежитъ руководящее значеніе во внутренней политикѣ, представляется въ сущности громаднымъ нулемъ. Еслибъ онъ обладалъ хотя малѣйшимъ самолюбіемъ, если бъ убѣжденія были сколько-нибудь для него обязательны, то онъ давнымъ-давно уже вышелъ бы въ отставку. Ему никто не вѣритъ и его никто не уважаетъ. Онъ терпится, какъ игрушка партій и интригъ, какъ податливое орудіе для служенія и нашимъ и вашимъ. Теперь всѣ поняли, что торжественно возвѣщенная въ прошломъ году правительственная программа не болѣе, какъ самообманъ, какъ блестящая декорація, назначенпая для того, чтобы умѣрить ожиданія однихъ и сдѣлать терпѣливѣе другихъ. Всѣ увѣрились теперь въ безсиліи графа Игнатьева сдѣлать что-нибудь положительное. Тѣмъ не менѣе и этотъ податливый министръ раза три уже рисковалъ быть удаленнымъ. Послѣдній разъ это случилось послѣ убійства генерала Стрѣльникова въ Одессѣ. И онъ давно уже полетѣлъ-бы и извѣдалъ-бы на себѣ всю прочность поддерживаемаго имъ „существующаго порядка“, если-бъ было кѣмъ замѣнить его. Дѣло въ томъ, что честныхъ убѣжденныхъ, образованныхъ государственныхъ людей не можетъ терпѣь это разлагающееся правительство. Тѣ изъ нихъ, которые рисковали служить ему, скоро сознавали свое безсиліе. Въ охранительномъ-же лагерѣ существуютъ только изувѣры, ханжи, прославившіеся хищники или отчаянные сумасброды. У Игнатьева всего этого есть понемножку, поэтому онъ и остается.

Чтобъ характеризовать, въ немногихъ словахъ, то паденіе правительственнаго авторитета, которое всѣми теперь ощущается въ Россіи, достачочно привести слѣдующую ходячую здѣсь остроту, вызванную толками о переѣздѣ правительства въ Москву: „До сихъ поръ, говорятъ, Москва славилась царь-колоколомъ, который не звонитъ, и царь-пушкою, которая не стрѣляетъ; теперь она хочетъ пріобрѣсти еще третью достопримѣчательность: правительство, которое не управляетъ“.

Въ настоящее время всѣ помыслы правительства направлены къ благополучному устройству коронаціи. Трудно повѣрить, сколько страха и произвола сказывается во всѣхъ мѣрахъ и предположеніяхъ, возникающихъ по этому поводу. Въ церемоніалъ коронаціи входитъ, между прочимъ, торжественный въѣздъ черезъ всю Москву въ старинный Кремль. Этотъ въѣздъ всегда служилъ царямъ однимъ изъ средствъ показаться народу во всемъ недосягаемомъ своемъ величіи. Онъ совершался, поэтому, по заранѣе объявленной программѣ, среди тысячъ народа на улицахъ, на крышахъ и въ окнахъ. Въ настоящее время опасаются, какъ бы вмѣсто показанія величія, не подвергнутъ Царя опасности покушенія крамолы. Поэтому составляются чудовищные проекты о томъ, чтобъ выгнать всѣхъ жителей изъ тѣхъ улицъ и площадей, по которымъ будетъ совершаться въѣздъ, и поставить на пути искусственный народъ, состоящій изъ извѣстныхъ полиціи дворниковъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Зрителями-же въ окнахъ и на балконахъ должны быть только лица избраннаго общества, политическая благонадежность которыхъ будетъ удостовѣрена особыми билетами. Изъ Кремля уже и теперь удаляютъ находящіяся тамъ судебныя мѣста и всѣхъ живущихъ. Кремль будетъ окруженъ военною и полицейскою стражею и туда иначе не будутъ пропускать, какъ по билетамъ. Къ этимъ заботамъ, присоединились теперь еще новые хлопоты. Оказывается, что ѣхать въ Москву по желѣзной дорогѣ теперь небезопасно. Послѣдніе аресты открыли будто-бы обширныя приготовленія къ взрывамъ. Полиція не ручается, чтобъ не было еще кое-гдѣ минъ, которыя остаются не открытыми. Поэтому, поѣздка въ Москву, совершится среди разставленныхъ на 600 верстахъ войскъ. День проѣзда будетъ избранъ неожиданно, чтобъ обмануть всѣ приготовленія предполагаемыхъ злоумышленниковъ.

Уже одни серьезные толки о подобныхъ мѣрахъ и слѣпая вѣра въ возможность ихъ осуществленія, сами по себѣ, очень поучительны для желающихъ ознакомиться съ нынѣшнимъ государственнымъ строемъ Россіи и съ тѣмъ уваженіемъ, которое внушаютъ къ себѣ нынѣшніе ея правители. У насъ до такой степени привыкли нарушать частные и общественные интересы и настолько не гнушаются самообмана, что ради коронаціи могутъ затѣять всю эту тягостную для верховной власти и стѣснительную для гражданъ исто-

рію. Умственно и нравственно подорванное правительство, опирающееся только на невѣжество, лицемѣріе, насиліе и полицейскія мѣры, повсюду видитъ однихъ враговъ, не подозрѣвая, что самымъ злѣйшимъ врагомъ оно само для себя. Никакіе нигилисты, никакіе разрушители и анархисты не сдѣлали такъ много въ пользу анархіи и хаоса, сколько совершили въ одинъ годъ гг. Катковы, Аксаковы и другіе „суфлеры“ нынѣшней политики. Кровью обливается сердце при видѣ, что дѣлается теперь въ Россіи. Дѣлается это, конечно, подъ благовиднымъ предлогомъ успокоенія умовъ и поддержанія государственнаго порядка; но на дѣлѣ получаются совершенно обратные результаты. Насиліе надъ мыслью возмущаетъ общество и снимаетъ узду съ фантазіи, которая создаетъ самые тревожные и чудовищные слухи, переходящіе изъ устъ въ уста. Но администраціи нѣтъ дѣла до государственныхъ и общественныхъ интересовъ. Пропитанная произволомъ и въ то же время трусливая, лишенная всякаго нравственнаго и гражданскаго стимула въ своихъ дѣйствіяхъ, она хлопочетъ лишь о временныхъ и ближайшихъ цѣляхъ. Лишь бы на ея срокъ хватило, а тамъ хотя потопъ. Разсчитываютъ, что пока настанетъ ихъ очередь отвѣчать передъ общественнымъ мнѣніемъ, они успѣютъ достаточно повластвовать, чтобы удовлетворить свои честолюбивыя и карманныя похоти. Они надѣются, и не безъ основанія, что исторія не станетъ заниматься такими пигмеями, а общество не настолько злопамятно, чтобы мстить за прошлое. Въ счастливыя эпохи, какъ извѣстно, нѣтъ мѣста для злобы, и упоенное благополучіемъ и свѣтлыми надеждами общество снисходительно смотритъ на тягости минувшихъ испытаній, довольствуясь обыкновенно забвеніемъ людей, причинившихъ ему зло. Народы создаютъ пантеоны для своихъ великихъ вождей, мыслителей, поэтовъ, а не для виновниковъ застоя и бѣдствій. Управляющіе теперь Россіею кадеты и чиновники, выдрессированные въ нарочито созданныхъ для того, при Николаѣ I привилегированныхъ училищахъ, очень хорошо понимаютъ, что имъ не попасть въ пантеонъ. Но имъ вѣдомо также, что все временное значеніе ихъ зависитъ отъ успѣха закулисныхъ интригъ. Они дѣйствуютъ поэтому навѣрняка, окружая высшую власть густой сѣтью искусственно сплетенныхъ свѣдѣній и докладовъ. Главнѣйшею частью этой сѣти служитъ оффиціальная печать. Всякое-же независимое слово или убѣжденіе способно произвести болѣе или менѣе разрушительные прорывы въ этой паутинѣ лести и обмана.

Неистовства толпы возникли еще въ прошломъ году и вовсе не относились исключительно къ евреямъ. Въ Тверской и Ярославской губерніяхъ нѣтъ евреевъ, а между тѣмъ въ нѣскольких селеніяхъ, въ базарные дни, происходили такіе-же безпорядки, какъ въ Кіевѣ и Елисаветградѣ. Вмѣсто евреевъ, толпа била полицію и случайно проѣзжавшихъ помѣщиковъ. Въ Баку, на Кавказѣ, гдѣ также нѣтъ евреевъ, въ теченіе двухъ дней дрались христіане съ магометанами. Источниками этихъ насилій служили, прежде всего, народное невѣжество и бѣдственное экономическое положеніе. Правительство систематически держитъ народъ въ невѣжествѣ, считая незнаніе и суевѣріе главнѣйшими основами своего существованія. Нигдѣ нѣтъ такихъ препятствій и такой трусливой подозрительности относительно начальнаго образованія, какъ въ Россіи. Въ школьномъ дѣлѣ даже болгары, не говоря уже о румынахъ, перещеголяли своихъ „освободителей"! Нынѣшнее направленіе, прикрывающееся именемъ народа и національности, какъ нельзя болѣе враждебно образованію и открыто возстаетъ противъ интеллигенціи. Глашатаи такъ называемой „московской партіи" (хотя въ Москвѣ у нея не болѣе послѣдователей, чѣмъ въ Петербургѣ) лицемѣрно увѣряютъ, будто русскій народъ, путемъ образованія, можетъ утратить свою самобытность и всѣ преимущества народнаго духа. Но такъ какъ проповѣдники невѣжества не могутъ пользоваться кредитомъ, то эти господа соглашаются ограничить народное образованіе одною грамотностью, и то церковно-славянскою, для поддержанія будто-бы религіи. Но книги священнаго Писанія на понятномъ народномъ языкѣ, русскомъ или малороссійскомъ, такъ-же преслѣдуются, какъ и революціонныя прокламаціи, не говоря уже о самостоятельномъ чтеніи евангелія или библіи. Въ Россіи существуетъ теперь нѣсколько религіозныхъ сектъ, возникшихъ первоначально просто изъ желанія самостоятельно читать и понимать священное писаніе. Путемъ преслѣдованій со стороны духовенства и полиціи эти религіозные люди вынуждены были обособиться отъ господствующей Церкви, а инстинктъ самосохраненія и стойкость убѣжденій, почерпнутыя изъ самостоятельнаго умственнаго развитія, заставили ихъ сплотиться въ религіозныя секты. Эта умная, нравстненная и работящая часть русскаго народа имѣетъ свои тайныя школы. Большинство этихъ сектъ, особенно тѣхъ, которыя возникли въ послѣдніе 20 лѣтъ, со времени

уничтоженія крѣпостного права, проникнуто общечеловѣческимъ, чисто христіанскимъ духомъ, чуждо всякаго фанатизма, не питаетъ никакой вражды къ другимъ національностямъ, отличается вѣротерпимостью и любовью къ книгѣ и знаніямъ. Эти сектанты не пьянствуютъ, замѣчательно честны и трудолюбивы. Въ нихъ особенно развитъ духъ общественности и самоуправленія“.

На этомъ прерывается письмо, относящееся къ веснѣ 1882 года. Оно приведено съ нѣкоторыми сокращеніями и поправками ради смягченія тона, но содержаніе не пострадало и всецѣло передаетъ впечатлѣнія и терзанія, пережитыя русскимъ обществомъ въ первый-же годъ возобновившейся реакціи. Читая это письмо, можно подумать, что оно говоритъ о текущихъ событіяхъ. Это лучшее доказательство той отсталости, до которой доведена Россія полицейско-бюрократическимъ произволомъ, къ которому примѣшалась въ послѣдніе годы поддѣлка подъ „государственный соціализмъ“. Самостоятельность личности и общественная самодѣятельность подрывались со всѣхъ сторонъ, какъ свѣча, зажженная съ двухъ концовъ. Надъ всей народной жизнью тяготѣлъ старый произволъ, а въ видѣ прогресса предподносились казенное хозяйничанье и вторженіе во всѣ отрасли дѣятельности. Создались цѣлыя полчища чиновничества, плохо оплачиваемаго, и поступили на содержаніе казны толпы рабочаго населенія, не исключая и обездоленныхъ, обнищалыхъ крестьянъ. Вполнѣ естественно, что на этой почвѣ росло соціальное недовольство и возникали благопріятныя условія къ воспринятію самыхъ крайнихъ соціалистическихъ утопій. Въ каждомъ департаментѣ появились казенные „соціалисты“, пресмыкающіеся передъ начальствомъ и глумившіеся надъ якобы отжившими либеральными идеями.

Казенные сѣятели „марксизма“ находили откликъ въ „сознательномъ пролетаріатѣ“, лишенномъ работы и самостоятельности и не знающемъ, откуда добыть кусокъ хлѣба: изъ казны-ли, при посредствѣ благодѣтельныхъ чиновниковъ и агентовъ охраннаго отдѣленія, или отъ того журавля въ небѣ, котораго ловятъ и обѣщаютъ соціалъ-революціонеры, когда придетъ ихъ царствіе. Вся здоровая, дѣятельная жизнь, основанная на тѣхъ свободахъ, о которыхъ возвѣстилъ манифестъ 17 октября 1905 года, причислялась къ отсталому либерализму, къ „буржуазнымъ идеаламъ“, одинаково чуждымъ будто-бы и народу, и казеннымъ благодѣтелямъ; а содер-

жать этихъ благодѣтелей становилось все труднѣе и дороже тому же народу.

Не менѣе ярко обрисовывается въ приведенномъ письмѣ другое болѣзненное явленіе, тѣсно связанное съ реакціей и ростомъ общаго недовольства. Четверть вѣка назадъ, раздавался тотъ же вопль объ *отсутствіи правительства*, что и теперь. Министровъ много, товарищей ихъ несравненно болѣе, нежели прежде; власти, свободной отъ закона и отвѣтственности, сколько угодно,—а правительства нѣтъ, какъ нѣтъ.

И эта язва разъѣдаетъ Россію не со вчерашняго дня. Царствованіе Павла Петровича было тяжелой патологической аномаліей, а не государственнымъ правленіемъ. Александръ I началъ устройство государственной власти, но кончилъ передачей Россіи на произволъ гатчинскаго птенца Аракчеева. Николай Первый самъ жаловался, что его власть захватили „столоначальники“, а крымскій разгромъ наглядно показалъ разложеніе правительства, позорнѣйшую отсталость и отсутствіе сознанія ея даже во флотѣ и арміи, о которыхъ было такъ много заботъ. Преобразованія Александра II, основанныя на либеральныхъ идеяхъ XVIII вѣка, оздоровили правительство въ такой степени, что въ первые годы конституціонныя стремленія замѣчались болѣе среди обиженныхъ крѣпостниковъ, нежели въ либеральныхъ кругахъ. Правительство само собирало либераловъ для осуществленія крестьянской реформы и другихъ преобразованій; спросъ на образованныхъ людей, писателей и ученыхъ прогрессивнаго направленія возросъ въ небывалой степени, сильнѣе, нежели при Петрѣ I и Екатеринѣ II. Такіе несомнѣнные сторонники преобразованій, какъ Кавелинъ, Милютины, Самаринъ (Юрій) и не думали о конституціи, опасаясь, что она дастъ реакціонное большинство, затормазитъ свѣтлое, благожелательное направленіе правительственной дѣятельности. Гражданская служба, отъ которой прежде бѣжали всѣ сколько-нибудь порядочные люди, какъ отъ чумы, быстро возвысилась. Новые суды, земства, школы, печать—все это разомъ затребовало и получило прекрасныхъ, идеально воодушевленныхъ. дѣятелей. Но свѣтлая эпоха оздоровленія и обновленія Россіи длилась недолго, не болѣе десяти лѣтъ.

Польское возстаніе, петербургскіе пожары, каракозовскій выстрѣлъ и другія наслѣдія николаевскаго застоя испугали правительство и послужили почвой для реакціи. „Вѣянія“

1880 года были слишкомъ кратковременны, чтобъ наверстать утраченное и безповоротно довершить реформы.

Послѣ катастрофы 1 марта, реакція возросла и возвратилась старая болѣзнь.

На отсутствіе правительства жаловались всѣ, а не одни прогрессисты и либералы. Какъ извѣстно, не довольствуясь оффиціальными изданіями, правительство попробовало „поддержать“ себя газетой „Берегъ“. Для тогдашнихъ казенныхъ бардовъ, какъ и для нынѣшнихъ въ „Россіи“ или покойномъ „Русскомъ Государствѣ“, денегъ не жалѣли. Приглашенный редакторомъ въ „Берегъ“ профессоръ П. П. Цитовичъ былъ свѣдущій и талантливый журналистъ, но скоро бросилъ навязанную ему „миссію“ и уѣхалъ за границу. Онъ былъ у меня какъ-то на дачѣ и горько жаловался на свое ложное положеніе, а другу моему П. А. Гильтебрандту (археографу) прямо заявлялъ:

— Пригласили меня поддерживать правительство; но нельзя поддерживать не существующее. Никакого правительства не оказалось, а вмѣсто него интриги, шатанья, безурядица, тайная и явная борьба всевозможныхъ вѣдомствъ.

Когда гр. Игнатьева удалили и вернули къ власти гр. Д. А. Толстаго, „Московскія Вѣдомости“, устами Каткова, торжественно возгласили:

— Встаньте, правительство идетъ!

Значитъ, оно отсутствовало, исчезало, если потребовалось такое возглашеніе пристава со Страстного бульвара. И это ненормальное положеніе длится до сихъ поръ.

Всѣ мы желаемъ лучшаго и изныважмъ въ поискахъ правительства; здравомысленные люди призываютъ власть просвѣщенную, прогрессивную, уважающую законъ, признающую судъ, общество, свободу мысли и слова; а неисправимые ретрограды требуютъ „твердой власти“ съ палачами, беззаконіемъ и безправіемъ; но все-же всѣ требуютъ, а правительства все нѣтъ. Предлагали даже выписать его „какъ варяговъ“.

Съ 27 апрѣля 1906 года, можно было ожидать правительственнаго пришествія; но вмѣсто того началась междоусобная, часто весьма неприличная война министерства противъ едва созданной Государственной Думы. Получился усиленный правительственный и государственный хаосъ, и „возсталъ братъ на брата“. Даже слово „братцы“ высмѣивается, какъ вредоносное, и торжествуетъ „война всѣхъ противъ всѣхъ“, по постыдной поговоркѣ: homo homini lupus est.

XVII.

Сбиваясь съ яснаго историческаго пути и разрушая то, что создавалось вчера, наша политика путается въ непрерывныхъ противорѣчіяхъ. Въ поискахъ „твердой власти“ то и дѣло требуютъ висѣлицъ, разстрѣловъ, даже заложниковъ. Вчера утверждали, что роспускъ Государственной Думы привелъ къ необычайному спокойствію; сегодня трубятъ о необходимости „скрутить революцію“ и „желѣзною лопатою соскрести *человѣческій навозъ*“. Бѣшеные волки едва-ли выразились-бы сильнѣе, если-бъ могли проявить свои волчьи инстинкты на страницахъ „истинно русскихъ“ газетъ.

Ничего умнѣе не выдумавъ, заговорили о необходимости *военной диктатуры*. Этой исключительной власти предлагаютъ лестную задачу—„соскрести человѣческій навозъ“ и вѣшать „государственныхъ злодѣевъ“ *наканунѣ* совершенія анархическихъ преступленій. Были градоправители, требовавшіе, чтобы пожарная команда пріѣзжала за полчаса до пожара; но рептиліи объясняютъ недоразумѣніе, вызываемое ихъ предупредительными мѣропріятіями, заявляя, что подъ понятіе „государственный злодѣй“ подходитъ прежде всего графъ С. Ю. Витте, какъ изобрѣтатель россійской конституціи. Никакой конституціи-де не надо, а для благоденствія отечества слѣдуетъ перевѣшать, *уничтожить до тла* всѣхъ, кто навязалъ Россіи эту „взрывчатую бомбу“ и всѣхъ сочувственниковъ ея въ печати. Уничтоженіе свободной печати является непрестаннымъ и преобладающимъ требованіемъ рептилій. Это подкрѣпляетъ ихъ усердіе и карманы.

Диктатура-де ничего вреднаго не представляетъ; напротивъ, она все оживляетъ и устраняетъ бюрократическое бумагописаніе. Диктаторы дѣйствуютъ, а не сочиняютъ законы. Такъ вѣщаетъ одинъ изъ хамелеоновъ, поучавшій Н. С. Таганцева о пользѣ и удобствахъ смертной казни. Въ диктаторы прочатъ кого-нибудь въ родѣ Наполеона I. Нѣкоторое неудобство видится въ томъ, что г. Столыпинъ не произведенъ еще въ „военные генералы“ и войсками и флотомъ не командуетъ; но основная задача „диктатора“ сводится къ уничтоженію свободной печати и къ „истребленію до тла“ всѣхъ, на кого донесутъ или укажутъ журнальные сыщики. Искомый „неограниченный“ властитель „съ твердой властью“ уже предуказанъ и водворенъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Ecce homo! Отъ добра—добра не ищутъ.

Развѣ мало загублено людей и газетъ въ чудодѣйственное и „твердое“ правленіе г. Столыпина? Необходимо лишь властителю воспріять еще внушеніе рептилій: долой конституцію, никакихъ разговоровъ о реформахъ даже съ иностранцами не надо, а слѣдуетъ дѣйствовать, вѣшать, разстрѣливать и чѣмъ скорѣе, чѣмъ *раньше* преступленія, тѣмъ лучше, тѣмъ выше подымется авторитетъ власти и тѣмъ скорѣе мы снова дойдемъ до благодѣтельныхъ временъ Плеве и его предшественниковъ, такъ удачно создавшихъ крамолу и всѣ потери и позорныя событія японской войны!

Только отъявленное невѣжество, однако, способно утверждать, что такіе диктаторы, какъ Наполеонъ I, могутъ являться по приказу или по указанію рептилій, путающихся въ своихъ пресмыкательствахъ и въ розыскѣ заплечныхъ дѣлъ мастеровъ, бухающихъ челомъ, то предъ тѣмъ, то предъ этимъ.

Наполеона создала не реакція, а революція. Нашъ знаменитый „диктаторъ“—Петръ Великій истреблялъ не людей прогресса, а упорныхъ и невѣжественныхъ приверженцевъ азіатскаго застоя, противниковъ науки и преобразованій. Озвѣрѣлые погромщики и лже-патріоты клевещутъ на Христа, обращая его въ сторонника смертныхъ казней. Они возненавидѣли царя-освободителя, лицемѣрно порицая его убійство, но убивая, разрушая самыя благія его дѣянія. Рептиліи не подозрѣваютъ даже, что смерть предпочтительнѣе уничтоженія и отрицанія безсмертныхъ подвиговъ великихъ людей и творчества писателей. Пушкина и Лермонтова извела и убила тогдашняя общественная *чернь;* но оба поэта предпочли-бы снова умереть, если-бы жизнь ихъ могла быть куплена только цѣною уничтоженія ихъ творчества. Всѣ естественные предшественники современныхъ реакціонеровъ то и дѣло противодѣйствовали всѣми способами преобразованію и просвѣщенію Россіи въ духѣ, свойственномъ образованному человѣчеству. И въ нашей старинѣ неисправимые Митрофанушки отрицали все хорошее. Изъ всѣхъ дѣяній Петра Великаго они сберегали только худшее, объясняемое той эпохой, въ которой жилъ геніальный преобразователь. Чины, напримѣръ, и насилія сохраняются до сихъ поръ; но патріарха стараются возстановить въ то самое время, когда идутъ разговоры о соборномъ управленіи. Дубинка Петра очень цѣнится; но приверженцы диктатуры забываютъ, что эта дубинка, какъ и другія насилія Петра, направлялись противъ

реакціонеровъ. Даже сынъ Петра былъ казненъ, какъ врагъ преобразованій и жалкая игрушка въ рукахъ реакціонеровъ. Если-бъ можно было воскресить Петра Великаго, то спины рептилій узнали-бы, что значитъ противленіе царскимъ манифестамъ, и жестоко поплатились-бы за поползновенія обратить въ ничто, въ звукъ пустой, въ обманъ царское обѣщаніе. „Всуе законы писать, если ихъ не исполнять". Стало-быть, законы не пустое дѣло, если они изданы геніальными людьми и одобрены „лучшими людьми", какъ это бывало на земскихъ соборахъ или на древнемъ вѣчѣ.

И Наполеонъ I былъ не изъ обычныхъ генераловъ, которыхъ у насъ ежедневно производятъ въ диктаторы той или другой мѣстности. Военные подвиги Наполеона изучаются до сихъ поръ, а трагическая судьба его служитъ предметомъ драматическихъ пьесъ и романовъ; хотя онъ и былъ врагомъ нашимъ, но величайшіе поэты воспѣвали его, предоставляя такимъ шарлатанамъ „патріотизма", какъ Растопчинъ, приравнивать знаменитаго вождя къ антихристу и „звѣриному числу".

Наполеонъ выдвинулся на первое мѣсто изъ среды тѣхъ способныхъ генераловъ, которыхъ породила Великая революція и которые разбили непріятельскія арміи, накликанныя Людовикомъ XVI и роялистами. Этотъ злосчастный король погубилъ себя и королевскую власть своими шатаніями, нарушеніями обѣщаній, обманнымъ побѣгомъ и призывомъ иностранныхъ армій. Республиканская Франція не только отбила иностранное нашествіе, но пронесла свои побѣдныя знамена черезъ всю Европу. На этихъ знаменахъ были написаны лучшіе идеалы человѣчества: свобода, равенство и братство. Арміи императоровъ, королей и разныхъ эрцъ-герцоговъ позорно разбивались не только по бездарности начальниковъ, но и вслѣдствіе отсталости Германіи, Австріи и Италіи. Французскія войска встрѣчались, какъ освободители отъ деспотизма. Наполеонъ былъ уже знаменитымъ полководцемъ, когда сталъ диктаторомъ. Онъ прошелъ еще длинный путь директоріи и консульства. Императорство его зиждилось не на грубой силѣ штыковъ, а на той славѣ, которую онъ стяжалъ Франціи, едва не загубленной цѣлымъ рядомъ развратныхъ и бездарныхъ королей, которыми управляли любовницы. Только глупость можетъ усматривать въ Наполеонѣ какого-то жандарма и палача и желать появленія подобнаго диктатора въ современной Россіи ради выполненія тѣхъ

„проблемъ“, которыя копаштся въ головахъ и сердцахъ рептилій.

Появленіе центральнаго диктатора прежде всего отмѣнило-бы разнообразіе мѣстнаго произвола. Истинный диктаторъ никогда не потерпѣлъ-бы своеволія военноначальниковъ, губернаторовъ, намѣстниковъ и т. п. По естеству своей чрезвычайной власти, онъ подтянулъ-бы все и вся; государственнаго распада не было-бы. Это—хорошая сторона всевластнаго диктатора; но Наполеоны не терпятъ около себя двоевластія. Наполеонъ только усмѣхался и негодовалъ, когда ему предложили разыграть роль генерала Монка, возстановившаго Стюартовъ. Ни минуты не колеблясь, Наполеонъ напомнилъ, что возстановленіе Стюартовъ не принесло счастья Англіи, и что Франція извѣрилась въ Бурбонахъ. Послѣ Великой революціи, потребовалась новая власть, и Наполеонъ имѣлъ основаніе считать себя ея главою, какъ геніальный вождь, какъ провиденціальный человѣкъ, выдвинувшійся своимъ талантомъ и счастьемъ. Подумали-ли объ этомъ наши рептиліи, хлопоча о розыскѣ и назначеніи диктатора, схожаго съ Наполеономъ I...

Государства страдали и гибли отъ единаго, неограниченнаго самовластія (каково было, напримѣръ, своевластіе Ивана Грознаго или Павла I), но двухъ неограниченныхъ властителей даже представить трудно. Они станутъ мѣшать другъ другу, и одинъ изъ нихъ неизбѣжно поглотитъ другого.

Когда графъ Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ „верховнымъ распорядителемъ Россіи“, тягота этой искусственной, исключительной власти скоро почувствовалась, и онъ поспѣшилъ упразднить свою почетную должность. Въ августѣ 1880 года, онъ занялъ должность министра Внутреннихъ дѣлъ и подчинилъ себѣ государственную полицію, упразднивъ III-отдѣленіе. Безъ этого и власть „диктатора“ оказалась-бы призрачной. Это самоупраздненіе и самоограниченіе, рядомъ съ преобразовательными начинаніями (къ сожалѣнію, нерѣшительными) лучше всего свидѣтельствуютъ о государственномъ умѣ М. Т. Лорисъ-Меликова, его патріотизмѣ и неподкупной преданности государю. Рептиліи, конечно, мѣшали спасительному дѣлу и всѣми способами подрывали довѣріе къ „диктатурѣ сердца“. Въ настоящее время, онѣ воображаютъ, что сколько-нибудь великій или порядочный государственный человѣкъ согласится превратиться въ вѣшателя и въ позорное орудіе попятныхъ разрушеній и неистовствъ. Жалкое само-

обольщеніе паразитовъ реакціи и отъявленныхъ душителей русской общественности!..

Какъ губка втягиваетъ жидкость, такъ и реакціонныя партіи, всегда и вездѣ, втягивали въ себя все злое и отжившее. Въ Наполеонѣ имъ нравятся насиліе, стремленіе къ неограниченному имперіализму, лживые приказы, подавленіе гласности, фальшивыя деньги, завоевательные инстинкты. Но всѣ эти недостатки и дурныя стремленія соотвѣтствуютъ эпохѣ паденія, а не возвышенія Наполеона. Во времена директоріи и консульства Наполеонъ обуздалъ неистовства революціонной черни, но еще энергичнѣе подавилъ возстаніе роялистовъ и тѣ грабежи, убійства и заговоры, которые совершались именемъ реакціи, ради возстановленія Бурбоновъ. Невѣжественный хамелеонъ, безъ запинки, увѣряетъ, будто Наполеонъ только давилъ, усмирялъ и воевалъ. Наполеоновскій гражданскій кодексъ до сихъ поръ славится и дѣйствуетъ даже въ нашемъ Царствѣ Польскомъ. Во время возвышенія Наполеона были конфискованы монастырскія и эмигрантскія земли, и французскій крестьянинъ превратился не только въ свободнаго гражданина, но и во владѣльца земли. Отсюда приверженность народа къ Наполеону. Онъ отразилъ врага, прославилъ Францію; при немъ утвердился новый строй жизни; его-же власть обезпечивала крестьянина въ прочности гражданскихъ и земельныхъ пріобрѣтеній. Реставрація Бурбоновъ грозила возвратомъ къ старому безправію и обнищанію. Когда этотъ возвратъ дѣйствительно совершился при посредствѣ иностранныхъ войскъ, новый король, навязанный Франціи подъ именемъ Людовика XVIII, обнародовалъ манифестъ, на которомъ значилось, что документъ этотъ данъ „въ двадцатый годъ царствованія"... Этой помѣтой поддерживалась преемственность и непрерывность королевской власти, съ ея якобы божественнымъ происхожденіемъ. Притязаніе нѣсколько смѣлое, послѣ событій 1793 года, и на него французы, особенно крестьяне, грубо отвѣчали:

— Гдѣ-же онъ царствовалъ 20 лѣтъ и гдѣ его царство? Мы его у себя не видѣли и ничего не слыхали о немъ, когда нашъ императоръ, le petit caporal, прославилъ Францію своими побѣдами... Пусть убирается въ то царство, гдѣ онъ царилъ эти 20 лѣтъ и откуда его притащили непріятельскія арміи. Намъ его не надо; да здравствуетъ нашъ императоръ!..

Вотъ на какую *идейную*, невѣсомую силу опиралась власть Наполеона, а не на штыки и висѣлицы. Наполеонъ

палъ, когда измѣнилъ выдвинувшимъ его началамъ и превратился въ узурпатора, насильника, породнившись съ австрійскимъ императоромъ, бросивъ свою первую жену Жозефину, вѣрную спутницу его счастья; геніальный человѣкъ палъ, когда забылъ интересы своего народа, вообразилъ себя властителемъ міра, превратился въ такого-же автократа, какъ и тѣ, которыхъ онъ покорялъ; онъ раздавалъ чужіе троны своимъ братьямъ и любимцамъ и сталъ заботиться объ упроченіи своей династіи. Люди таланта и убѣжденія начали отшатываться отъ него, а льстецы и иные эмигранты подобострастно окружили его, когда онъ „открылъ имъ свои переднія“..

Это была *реакція,* и она подорвала славу и силу Наполеона. Но престижъ его быстро возстановился, когда вернулись Бурбоны съ ихъ непримиримостью и упрямыми попытками навязать Франціи прошлое зло. Они „ничему не научились и ничего не забыли“. Достаточно было прибыть Наполеону, чтобъ королевская власть была сметена, какъ пыль.

Людовикъ XVIII бѣжалъ, забывъ даже свою переписку. Потребовались новыя усилія коалиціи и обще-европейской реакціи, чтобы водворить короля и изгнать императора. Но наполеоновская легенда и слава не были уничтожены, ихъ нельзя было убить или изгнать насиліями штыковъ и пушекъ. Бонапартизмъ былъ вырытъ изъ могилы, торжественно привезенъ во Францію и водруженъ въ Парижѣ, въ домѣ Инвалидовъ. Навязанное иностранными арміями королевство пало, республика возстановилась и президентомъ ея явился племянникъ Наполеона. Будущій узурпаторъ воцарился славою своего дяди и погубилъ себя, обездолилъ и обезславилъ Францію извѣстнымъ переворотомъ, который Викторъ Гюго описалъ въ „Исторіи одного преступленія“. Племянникъ взялъ отъ знаменитаго дяди какъ разъ то, что погубило Наполеона; подавилъ свободу, навязалъ Франціи свое диктаторство и цѣлый рядъ разорительныхъ войнъ. Только въ 1870 году возстановилась французская республика, и великій народъ избавился отъ произвола, тянувшаго его къ отжившему порядку, осужденному исторіей и тяжкими испытаніями, потоками крови.

Надо-ли указывать на другихъ диктаторовъ, напримѣръ, на Меттерниха или князя Бисмарка? Но Меттернихъ своей реакціей только губилъ имперію, а „желѣзный канцлеръ“ создалъ германское государство, опершись на завѣтную *идею* единства, обуздавъ мелкихъ германскихъ властителей, уста-

новивъ обще-германскій парламентъ. Наука, общее образованіе, свобода печати, совѣсти, законный просторъ соціальному движенію, честные суды и честная, дѣятельная администрація укрѣпили творческое дѣло Бисмарка и предохраняли до сихъ поръ Германію отъ политики опасныхъ приключеній, несмотря на тягость вооруженнаго мира.

О всѣхъ этихъ указаніяхъ и поученіяхъ исторіи не мѣшаетъ подумать прежде, нежели искать спасенія въ исключительныхъ проявленіяхъ „твердой власти“ и диктатурахъ, созданныхъ по приказу. Ларчикъ нашего спасенія открывается гораздо проще. Онъ заключается въ народномъ представительствѣ, въ скорѣйшемъ осуществленіи тѣхъ преобразованій и свободъ, которыя возвѣщены 17 октября 1905 г. и зарождались еще въ началѣ прошлаго вѣка.

Обѣщанное еще Александромъ I-мъ надо исполнить; возвѣщенной неоднократными Высочайшими манифестами „непреклонной волѣ“ необходимо покориться не токмо за страхъ, но и за совѣсть.

Вотъ о чемъ должны заботиться истинные „монархисты“, дѣйствительные патріоты и сколько-нибудъ разумные „русскіе люди“, а не звѣрски выкрикивать и мятежно, дерзко требовать отмѣны конституціи.

XVIII.

О тяжеломъ времени распада и разрушенія, пережитомъ нами съ 1883 года, можно было-бы многое разсказать; но главнѣйшія проявленія реакціи извѣстны и блѣднѣютъ передъ ужасами, поразившими Россію въ послѣдніе три года; иныя-же подробности и частности щекотливо и неудобно теперь выяснять, „чтобы гусей не раздразнить“. И безъ того оглушаетъ ихъ сердитый шипъ и гоготъ. Съ другой стороны, чувствуется уже усталость и набѣгаютъ сомнѣнія въ способности продолжать эти замѣтки. Изъ уваженія къ литературѣ, въ такихъ случаяхъ лучше бросить карандашъ изъ слабѣющей руки, какъ давно оставлено перо.

Тяжело сознавать, что „послѣднее слово“ уже сказано и никогда болѣе не затронетъ сердца и не возбудитъ мысли читателя. Для писателя, это значитъ: „кончена жизнь“.

Остается утѣшаться сознаніемъ, что въ теченіе 44 лѣтъ кое-что было сдѣлано, что и моя кровь по каплѣ точилась за великое дѣло освобожденія русскаго народа и за благо

Россіи. Что-нибудь незримо прибыло на общую пользу и кое-что останется. Смѣло, безъ противнаго самохвальства, скажу, что всегда былъ вѣрнѣйшимъ сыномъ дорогой родины, никому не желалъ зла и не питалъ ненавистныхъ чувствъ къ другимъ народамъ. Это—либерализмъ, а „либералисты“ у насъ не въ чести сыздавна. Тѣснятъ и поносятъ ихъ и справа, и слѣва. Исповѣдное подтвержденіе своей принадлежности къ либерализму едва-ли самохвально.

Ретрограды заражены узкой нетерпимостью и присвоиваютъ лишь себѣ право на любовь къ отечеству. Но трудно указать, когда и въ чемъ оправдывалась эта привилегія. Напротивъ, все, что они отстаивали, въ концѣ-концовъ, оказывалось вреднымъ, гнилымъ, отжившимъ, а подъ именемъ правды скрывались возмутительная ложь или заблужденіе. Проходили десятки лѣтъ благополучнаго молчанія, прерываемаго лишь восторгами и местью приверженцевъ застоя, а въ дѣйствительности даже такой безспорнѣйшій патріотъ, какъ Хомяковъ, признавалъ, что „Россія

„Черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Позорной лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна“!

А кто же, какъ не преслѣдуемые и ненавидимые либералы, тянули Россію изъ этого зла и мрака къ добру и свѣту, глубоко вѣруя въ чудныя свойства, способности и силы народа? Въ какихъ дебряхъ прошлаго находилась-бы Россія и существовала-ли-бы она, если-бы приверженцы застоя и невѣжества, упрямые изувѣры, обличавшіеся еще Курбскимъ, всегда торжествовали и не обуздывались самыми вопіющими событіями, начиная со смуты начала XVII вѣка и кончая позорными приключеніями на Дальнемъ Востокѣ? Съ Ходынской катастрофы въ 1896 году, горы труповъ и потоки крови знаменуютъ репрессивныя старанія укрѣпить давно пошатнувшіеся устои мнимой самобытности. Пресловутые „киты“ сами задыхаются и портятся въ затхломъ воздухѣ и тьмѣ.

Вмѣсто православія имѣется фетишизмъ или безвѣріе. Самодержавіе подмѣнено произволомъ бюрократіи и полицейскаго участка. Патріотизмъ проявляется въ доносахъ. сыскѣ, безсудіи и карахъ, доведенныхъ до послѣдней степени злобы и безпощадности. Въ государствѣ, съ десятками милліоновъ самаго разнообразнаго населенія, беззастѣнчиво

провозглашается бузумная, безчеловѣчная и къ тому-же заимствованная изчужа формула: „Россія для русскихъ“. Что-же удивительнаго, если государство распадается отъ примѣненія этой „проблемы“; если все рвется отпасть отъ враждебной власти и возгорается междоусобная вражда, вмѣсто желаннаго единенія. Отъ худа всѣ бѣгутъ, къ добру тянутся. Но подъ этотъ разлагающій лозунгъ и націоналистическую травлю попадаютъ не одни инородцы и цѣлыя области, исторически вошедшія въ составъ русскаго государства. „Россія для русскихъ“ все еще тѣсна, и для своихъ эгоистическихъ цѣлей реакціонеры, промышляя на окрайнахъ, чинятъ розыскъ и среди русскаго народа. Для этого и изобрѣтены такія клички, какъ „истинно-русскій“ и „патріотъ“. Послѣ чтенія въ сердцахъ и изъятій, оказывается, что, кромѣ рептилій, чиновной челяди, кулаковъ и міроѣдовъ, русскихъ нѣтъ въ Россіи. Малороссы, бѣлоруссы очутились подъ великимъ сомнѣніемъ; Петербургъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ переулковъ и набережной у Цѣпного моста, Тверь и сама Москва давно заподозрѣны. Объ Одессѣ нечего и говорить. Даже изъ „Саратовской глуши“ не всегда получаются достойные выполнители искоренительной задачи. По недавнему розыску, вся первая Государственная Дума превратилась въ революціонеровъ, за исключеніемъ гр. Гейдена, Стаховича и Львова; да и тѣ взяты подъ рептильный надзоръ за колебательныя отношенія къ усмирительной программѣ. Само собою разумѣется, что либералы давнымъ-давно исключены изъ числа истинно-русскихъ, въ качествѣ подстрекателей и умственныхъ виновниковъ крамолы. Имъ предлагается три пути: въ тюрьму, въ ссылку или за границу, въ видѣ древняго остракизма. По довольномъ истребленіи и очищеніи, Россія поступитъ на „кормленіе“ „истинно-русскихъ, если только они не перегрызутъ себѣ горло, ремесла ради и для упражненія въ „патріотизмѣ“. Иначе, гдѣ-же благонадежность станетъ проявляться и что дѣлать черносотенной дружинѣ палачей и убійцъ?

Между тѣмъ, неподдѣльный русскій народъ, въ своемъ богатомъ, образномъ языкѣ, не имѣетъ даже слова для обозначенія „патріота“. Русскій народъ привыкъ устроять отечество и безропотно, мужественно умирать за него; много разъ спасалъ и возстановлялъ онъ государство; но онъ не любилъ хвастаться естественнымъ чувствомъ любви къ родинѣ.

„Патріоты своего отечества“ и „истинно-русскіе люди“ въ такой степени, извратили и опошлили эти выраженія, такъ часто торговали ими и подмѣняли общее благо своими личными и частными интересами, что многіе опасаются даже возвысить свой голосъ во имя всей Россіи, въ ея цѣлостности. О партійныхъ, классовыхъ, сословныхъ, областныхъ интересахъ, о „самоопредѣленіи“ и обособленіи самой незначительной или одряхлѣвшей, отжившей національности можно смѣло говорить,—въ предѣлахъ, конечно, прославленной нынѣ ст. 129 уложенія; но о Россіи, о русскомъ государствѣ, русскомъ правительствѣ и русскомъ народѣ нельзя слова вымолвитъ безъ оглядки и опаски. Въ этихъ случаяхъ, немедленно, изъ всѣхъ щелей, выползутъ „патріоты своего отечества“ и „истинно-русскіе люди“, чтобы досмотрѣть и разнюхать не потрясаются-ли „основы“, не покушаетесь-ли вы на усвоенную ими монополію „отчизнолюбія“ (можно-ли замѣнить этимъ составнымъ словомъ выраженіе „патріотизмъ“?). Всѣ-же другіе сограждане, въ довершеніе удовольствія, отнесутся къ вамъ съ недоумѣніемъ, зададутся вопросомъ, не перебѣжали-ли вы на сторону ретроградной клики или какой-нибудь „черносотенной охраны“? И нельзя не стыдиться подобныхъ заподозриваній и смѣшенія съ „патріотствующими“.

Къ числу своихъ „основъ“ и яко-бы истинно-русскихъ началъ ретроградная клика относила и относитъ: холопство, крѣпостной бытъ, безправіе, всякіе виды произвола, невѣжество, мыслебоязнь, вторженія въ жилища и совѣсть, нагайки и розги, истязанія и казни. Благовѣствованіемъ и умственной опорой для этой клики является въ послѣдніе годы извѣстный „Московскій Сборникъ“, представляющій свалочное мѣсто всѣхъ отжившихъ заблужденій и отрицаній прогресса, щедро заимствованныхъ изъ иностранной реакціонной литературы. Вдохновитель нашего застоя „бралъ зло“ отовсюду, гдѣ его находилъ, какъ другіе заимствуютъ и усвояютъ добро.

Извѣстно, что крайности сходятся. Не менѣе, если не болѣе, достается либераламъ отъ утопистовъ крайней лѣвой партіи, послѣ той „диференціаціи“, которая произошла въ передовыхъ, движущихъ силахъ человѣчества. Та же нетерпимость мнѣній, тѣ же притязанія на непогрѣшимость; одинаковое неуваженіе личности и свободы, такая-же приверженность къ насиліямъ, къ кулачному праву.

Изумительнѣе всего, что лѣвые утописты воображаютъ себя, какъ и ретрограды, единственными спасителями и вождями народа, а либераловъ зачисляютъ въ ряды узкой, отжившей и эксплуататорской буржуазіи. По утвержденію иныхъ революціонеровъ, либералы привыкли „загребать жаръ чужими руками“ и только и мечтаютъ о томъ, какъ-бы имъ попасть въ ряды угнетателей пролетаріата. Русскій либерализмъ смѣшивается въ одну кучу съ разнообразными либеральными партіями другихъ странъ.

Въ дѣйствительности, болѣе самоотверженнаго либерализма, какъ русскій, нигдѣ и никогда не было. Отстаивая свободу, наши либералы никогда не придерживались безсердечнаго равнодушія къ несчастнымъ, обездоленнымъ и угнетеннымъ. И частныя, и общественныя, и государственныя силы всегда призывались ими къ содѣйствію народнымъ массамъ, умственному и матеріальному, но безъ подавляющей опеки и полицейскихъ путъ. Разладъ между либералами и соціалистами возникъ на почвѣ отрицанія послѣдними государственности и важности политической реформы.

Конечно, либералы не могутъ восхищаться революціей, какъ и всякими насиліями, и предпочитаютъ закономѣрный и мирный ходъ прогресса кровавымъ переворотамъ въ ту или другую сторону.

Никакихъ благодѣяній либералы до сихъ поръ не видѣли отъ соціалъ - революціонеровъ; наоборотъ, по мѣрѣ средствъ и возможности, либералы старались, человѣколюбія ради, спасать жизнь и свободу утопистовъ, хотя-бы самыхъ лѣвыхъ и крайнихъ изъ крайнихъ, и ограждать ихъ отъ всѣхъ эксцессовъ контръ-революціи. Въ силу своихъ убѣжденій, либералы воспринимали все жизненное и справедливое и дѣлали излишними самоотверженные подвиги лѣвыхъ.

Исторія человѣчества и современныя событія въ Россіи болѣе нежели когда-либо вразумляютъ, что побѣждаетъ здравая *идея*, а не кулакъ, хотя-бы и атлетическій. Въ крови и усобицѣ меркнетъ мысль и развиваются лишь звѣрская злоба и разнузданная вражда дикарей.

— Миръ вамъ—хочется сказать обѣимъ крайнимъ партіямъ, раздирающимъ Россію.—Смиритесь предъ разумомъ и человѣколюбіемъ.

Либерализмъ основанъ на вѣрѣ въ естественность прогресса и на убѣжденіи, что совершенствованіе личности и

общей жизни достигается путемъ знанія, добра и свободы мысли. Дѣлу предшествуетъ мысль, а не наоборотъ.

Въ какой степени крайнія партіи способны разрушать, а не созидать, мы видѣли во время избранія и дѣятельности первой Государственной Думы. Ее „бойкотировали“ съ двухъ сторонъ: отрицали въ ней народное представительство и право на законодательную работу съ одинаковымъ усердіемъ. Иной разъ трудно было даже разобрать, какія газеты болѣе глумятся надъ Думой, правыя или лѣвыя. Даже выраженія были схожи. Нападенія на партію „народной свободы“ были особенно дружныя у этихъ „союзниковъ“.

Послѣ разгона Думы, къ неистовымъ восторгамъ реакціонеровъ присоединялось кое-гдѣ удовольствіе крайнихъ лѣвыхъ, въ надеждѣ, что теперь-то и настанетъ настоящая революція и вмѣсто якобы жалкой и трусливой законодательной палаты соберется *учредительное собраніе*,—невѣдомо какими путями (крайніе обоихъ лагерей разсуждаютъ часто не прежде дѣйствія, а послѣ него).

Рано или поздно либерализму будетъ принадлежать такое-же торжество, какъ и наукѣ. Либеральное направленіе всегда было свойственно народамъ, гдѣ существовала религія и проявлялась любовь къ человѣку и къ общему счастью. Безпредѣльность науки не останавливаетъ излѣдователей, точно такъ-же не отчаиваются и либералы вслѣдствіе сознанія вѣчной необходимости стремиться къ добру и свѣту, путемъ мира и благоволѣнія, путемъ свободы мысли и убѣжденія. Это не Сизифова работа, а сама жизнь.

Сколько лѣтъ принимаются всякія мѣры къ обезоруженію населенія и никогда не было въ распоряженіи всѣхъ и каждаго столько усовершенствованныхъ бомбъ и револьверровъ, какъ теперь. Всякія стражи и кары не смогли остановить ввозъ оружія и устранить его распространеніе. Возможно-ли задержать или уничтожить ввозъ, развитіе и распространеніе идей, разъ на нихъ явился спросъ? Нравственной силѣ *идеи* и *права* неизбѣжно покоряются штыки, ружья и пушки, потому что и въ войскахъ есть умы и сердца и отдѣлить ихъ отъ народа невозможно при общей воинской повинности.

Народъ отупѣлъ-бы и разложился, если-бъ удалось всѣхъ и каждаго заставить мыслить одинаково, по партійной „платформѣ“, или по циркуляру цензурнаго вѣдомства. И очень скучно было-бы жить тогда на свѣтѣ! Избави Богъ отъ подобнаго равенства. Обличайте, спорьте до слезъ, гнѣвно даже,

но не хватайте за горло противника и не доносите на него, прибѣгая къ доводамъ насилія и каръ. Особенно позорно, когда на эту почву становится журналистика, имѣющая всѣ средства убѣждать и побѣждать.

Итакъ—„миръ вамъ". Забудемъ эти отвратительные пріемы полемики, передъ которыми рѣзкія выходки иныхъ разгоряченныхъ членовъ Государственной Думы кажутся теперь образцомъ вѣжливости и кротости. А ихъ еще „воспитывали" какъ разъ тѣ газеты, которыя зашли теперь за всѣ предѣлы приличія!...

Русская литература и печать имѣютъ возвышенные завѣты, ясно выраженныя Пушкинымъ, Гоголемъ, Некрасовымъ. Завѣты эти были признаны и развиты всѣми выдающимися писателями. Они поучали насъ словомъ и дѣломъ; въ нихъ-то и проявляется *истинно-русское* и *истинно-народное* направленіе.

Не разъ приходилось убѣждаться, что самые ожесточенные враги смиряются, стихаютъ и уважаютъ другъ-друга, когда настаютъ свѣтлыя, хорошія времена, при общихъ встрѣчахъ и въ сознаніи общности интересовъ. Скорѣе-бы настало это благодатное время! Какъ много надо еще сдѣлать на пользу печати, безъ освобожденія которой невозможна правильная жизнь, извращается дѣятельность всѣхъ учрежденій, властей и судовъ. Всякій разъ, когда меня спрашивали, чего пожелать вамъ на новый годъ, я отвѣчалъ: „пожелайте *новаго счастья* нашей печати". Съ ея счастьемъ связано общее благо народа, благополучіе государства, а тѣмъ болѣе писателей. Стоитъ только подумать, чтобъ признать эту истину. Не пришлось мнѣ дожить до этого счастья; но тѣмъ искреннѣе и настойчивѣе желаю его всѣмъ нашимъ писателямъ и труженикамъ журналистики, великимъ и малымъ, всѣхъ направленій. Подъ гнетомъ произвола и грубыхъ вторженій въ умственную жизнь, кажется иногда, что литературныя дарованія изсякли, что кое-гдѣ разучились даже писать; но „поскоблите" ихъ—и найдете талантливаго беллетриста, публициста, драматурга и, главное, добраго человѣка. И всякій разъ чувствуется пустое мѣсто и жаль становится, когда у насъ отымаютъ ихъ не только неизбѣжная смерть, а и удушливые участки, крѣпости, ссылки. Не надо подобныхъ утратъ, этого обирательства! Не такъ богаты мы умственными силами, чтобъ не щадить ихъ.

Въ безсонныя ночи, въ теченіе долгой болѣзни, когда на

минуту настаетъ забытье, являются разныя грезы. На иныхъ отдыхаешь, другія мучатъ.

Въ большинствѣ случаевъ, грезится какое-то преслѣдованіе, отъ котораго надо бѣжать, безъ устали и роздыха, или нападеніе какихъ-то злодѣевъ, а отбиться отъ нихъ нельзя; рука не дѣйствуетъ, ноги не двигаются. Очнешься и вспомнишь, что для многихъ и многихъ это—ужасная дѣйствительность!... Мнѣ привелось жить при четырехъ императорахъ, и въ теченіе трехъ царствованій три раза испытать угрозы административной ссылки, всякій разъ за разоблаченіе тѣхъ явленій или за выраженіе тѣхъ мнѣній, которыя вполнѣ потомъ оправдывались. Но кары эти меня миновали и удалось избѣжать даже обыска, этого возмутительнаго спутника нашей печати. Тягостное впечатлѣніе отъ испытаній, постигающихъ русскаго писателя, усиленное современными ужасами, создаетъ тяжелые сны, общіе всѣмъ обывателямъ.

Но часто бываютъ и другіе, пріятныя грезы, не для всѣхъ обычныя. Видятся мнѣ статьи и корректуры; надо спѣшить, Быстро сдаются листки въ типографію, а черезъ полчаса уже несутъ клочками корректуры.

— Неужели успѣли?

— На куски разрѣзали и набрали,—отвѣчаетъ ментранпажъ, и я замѣчаю, что глаза его блестятъ и онъ желаетъ что-то сказать.

— И читать не трудитесь, безошибочно набрали... Очень старались... Прекрасная статья, говорятъ,—поспѣетъ на завтра!

И мнѣ пріятно слышать этотъ судъ, это первое впечатлѣніе, и видѣть сознательное отношеніе къ общему дѣлу. Да, вѣдь, у насъ газета на артельномъ началѣ, съ участіемъ и наборщиковъ,—вспоминается мнѣ. Но греза исчезаетъ; это лишь откликъ давней попытки основать такую газету, а утромъ читаешь телеграммы о запретахъ и остановкахъ тѣхъ или другихъ изданій, даже „за вредное направленіе“... И послѣ „свободъ“—старый произволъ!

Какое-же дѣло можно вести при подобныхъ „усмотрѣніяхъ“ и „укрѣпленіяхъ права собственности“.

И грезится мнѣ, еще чаще, библіотека и столъ, заваленный книгами и бумагами; бѣлѣетъ бюстъ Пушкина, виднѣются снимки и автографы друзей-художниковъ. Ищу какую-то книгу, и никакъ не могу найти ее.

Припоминаю,—все въ минутномъ забытьѣ,—какъ умилительно описалъ Жуковскій кончину великаго поэта.

— Ну, подымай-же меня выше, выше,—грезилось поэту, что онъ подымается по полкамъ книжнаго шкафа.

— Да вѣдь я объ этомъ читалъ когда-то въ „Пушкинскомъ кружкѣ“, доказывая, что такія предсмертныя грезы составляютъ удѣлъ только писателей, и что пушкинская греза предвѣщала, какъ недостижимо, безсмертно возвысится онъ въ потомствѣ.

И радуюсь, что и мнѣ грезятся корректуры, статьи, книги...

„И хоть безчувственному тѣлу“... И изъ хладѣющихъ устъ вырывается мечта: „Братья-писатели! Потѣснитесь, удѣлите и мнѣ скромное мѣстечко у „литераторскихъ мостковъ“...

Но довольно!—Всѣмъ живущимъ, мыслящимъ и дѣятельнымъ пора къ „очереднымъ дѣламъ“, къ злобѣ дня. Но чтобъ дѣла эти были плодотворны, чтобъ они отвѣчали „разумному, доброму, вѣчному“, пожелаемъ еще разъ, вмѣстѣ, единодушно, отъ всего сердца:

Да здравствуетъ, изъ вѣка въ вѣкъ, просвѣщенный, полноправный русскій народъ и всякъ сущій съ нимъ языкъ; да здравствуетъ русская литература, свободно выражающаяся въ свободной печати!

15 августа—5 сентября 1896 г.

Восточная война
1853—1856 гг.,
ЕЯ ИСТИННЫЯ ПРИЧИНЫ И ЕСТЕСТВЕННЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

(По поводу трудовъ М. И. Богдановича, академика Дубровина и Стараго Дипломата).

Редакція журнала „Древняя и Новая Россія“, печатая эту статью въ декабрѣ 1879 г., сопроводила ее своимъ предисловіемъ, изъ котораго приводятся здѣсь слѣдующія строки:

„Вся заслуга г. Дубровина въ количественномъ (но не въ качественномъ) увеличеніи сыраго матеріала, въ подавленіи имъ читателя окончательно. Какъ г. Богдановичъ, такъ и г. Дубровинъ совершенно не разобрались въ грудѣ сыраго матеріала и совершенно запутали въ немъ и себя, и читателя. Да они не могли этого и совершить, такъ какъ изъ произведеній обоихъ этихъ почтенныхъ лицъ видно, что они продолжаютъ смотрѣть на исторію, что она будто-бы „есть повѣствованіе о достопамятныхъ событіяхъ“, а на эту безконечную нитку можно нанизывать безконечное количество разныхъ достопамятностей; но это уже будетъ не „исторія“, а любительское, зависящее отъ вкуса и моды, „собраніе рѣдкостей“. Хотя и не ожидаемъ, но намъ, пожалуй, можетъ кто-либо возразить, что гг. Богдановичъ и Дубровинъ—„военные“ историки и, слѣдовательно, они такъ сказать „на особомъ положеніи“, и къ нимъ не подходитъ обыкновенное и всѣми принятое опредѣленіе и пониманіе исторіи. Но такого „опаснаго прецедента“ мы допустить не можемъ. Если допустить такое исключеніе для военнаго министерства, то слѣдуетъ допустить его и для прочихъ: для финансовъ, юстиціи, контроля, синода и такъ далѣе. И такія „департаментскія“ воззрѣнія на исторію существуютъ, и не только воззрѣнія, но и цѣлая масса трудовъ! Нѣтъ! Понятіе объ исторіи, какъ науки „народнаго самосознанія“, разсматривающей факты въ ихъ законной, не внѣшней только, но и внутренней связи,—одинаково обязательно для каждаго историка, будь это совершенно частный человѣкъ, или носящій какой-либо мундиръ. Даже описывать кампаніи и отдѣльныя сраженія нельзя безъ обширной исторической подготовки; тѣмъ болѣе нельзя судить о тактическихъ и стратегическихъ результатахъ кампаніи, или отдѣльнаго сраженія, произносить приговоръ надъ военачальниками, не изслѣдуя всей глубины государственнаго и общественнаго порядка; не должны быть также опускаемы изъ вида безъ обстоятельной и подробной оцѣнки вооруженіе, интендантская и финансовая часть, эти могущественные факторы въ войнѣ. Не

менѣе важно біографическое изученіе личностей, такъ или иначе вліяющихъ на ходъ событій. Нечего, кажется, добавлять, что исторія той или другой войны не можетъ быть „односторонне" изучаема, только съ одной „нашей" стороны, безъ изученія „противной": это будетъ и узко, и малопонятно. Такому взгляду ни г. Богдановичъ, ни г. Дубровинъ не отвѣчаютъ. Если они иногда и заглядываютъ въ сторону „противника", то съ единственною цѣлью вытащить у него на показъ какую-нибудь ничтожную „спичку". Хотя это, очевидно, дѣлается „ради патріотизма", но цѣли не достигаетъ; скорѣе это замазываетъ умственныя очи, развиваетъ самообольщеніе и самомнѣніе и содѣйствуетъ усыпленію; истинный патріотизмъ долженъ честно и прямо указывать на грѣхи и язвы своей страны, не отвлекая льстиво вниманія соотечественниковъ на спицу въ чужомъ глазу.

Слѣдуетъ замѣтить, что гг. Богдановичъ и Дубровинъ и сами не желаютъ ограничиваться одною толко тактикою и стратегіею; они даже очень не прочь потолковать и о политикѣ, и о взаимныхъ отношеніяхъ Европейскихъ державъ къ намъ и даже о причинахъ и слѣдствіяхъ войны. Это послѣднее обстоятельство послужило поводомъ къ написанію статьи, которая помѣщена въ нашемъ журналѣ. Повторять доводовъ нашего автора мы здѣсь не будемъ, а прямо отсылаемъ читателей къ этой статьѣ.

I. Введеніе.

„Появленіе обширнаго труда М. И. Богдановича, какъ нельзя болѣе кстати, совершенно отвѣчаетъ требованію нашего общества и современнымъ событіямъ". Такими словами, говоря о сочиненіи Богдановича „Восточная война 1853—1856 годовъ", начинаетъ г. Н. Дубровинъ свою рецензію, помѣщенную въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ" за 1879 годъ (томъ XXXIII).

Дѣйствительно, никто не станетъ отрицать, чтобъ русское общество не чувствовало запроса на вѣрное воспроизведеніе событій и всѣхъ условій Восточной или Крымской войны. Не говоря уже о массѣ сырого матеріала, въ видѣ спеціальныхь изслѣдованій, записокъ, сборниковъ и монографій, относящихся къ тѣмъ, или другимъ сторонамъ этой войны, матеріала, такъ долго ожидающаго умѣлой руки историка,— нельзя не припомнить, что со времени Севастопольской осады мы успѣли уже вынести новую Восточную войну.

Но даютъ-ли намъ эти указанія почтенный историкъ Восточной войны 1853—1856 годовъ М. И. Богдановичъ и его „рецензентъ" г. Н. Дубровинъ?

Авторъ „Восточной войны" и его рецензентъ придаютъ, повидимому, значеніе выясненію причинъ этой войны. Г. Богдановичъ излагаетъ очеркъ предшествовавшихъ отношеній нашихъ къ Турціи, но не выводитъ отсюда никакого суще-

ственнаго отличія между войнами прошлаго и нынѣшняго столѣтія: будто политическія задачи наши за все это время оставались неизмѣнными, или—еще проще—самою судьбою предписано было Россіи вѣчно воевать съ турками. Рецензентъ г. Дубровинъ даже и совсѣмъ обходитъ этотъ, повидимому, для него праздный вопросъ и прямо перескакиваетъ къ указанію г. Богдановича, что поводомъ къ Восточной войнѣ послужилъ „споръ о святыхъ мѣстахъ". Желаніе знать причины возбужденія этого спора не ускользаетъ отъ любознательности автора и его критика. Но, что это за наивное пониманіе, что за дѣтскія объясненія! Всему виною сначала были „интриги" Франціи и желаніе Наполеона III упрочить свое положеніе. Останавливаясь на этой причинѣ, авторъ и его рецензентъ не трудятся даже задать себѣ вопроса: съ какой-же стати намъ было идти на удочку этой „интриги" и на свой счетъ, потоками своей крови, укрѣплять тронъ Бонапарта? За то, на подпору интригъ Франціи, они вытаскиваютъ изъ архива такія-же „интриги" Англіи и „двуличіе" Порты, которое, какъ обязательно поясняетъ г. Дубровинъ, авторъ „хорошо рисуетъ". За „хорошо обрисованнымъ двуличіемъ Порты" неожиданно воскрешается изъ мертвыхъ „черная неблагодарность" Австріи и появляются „колебанія" Пруссіи. Къ этому мы могли бы прибавить еще прямое участіе въ войнѣ противъ насъ со стороны „коварныхъ" Пьемонтцевъ и не менѣе ярко изобразить „алчные инстинкты" шведовъ, которые, пользуясь сумятицею, готовы были пристать къ враждебной коалиціи, чтобы оттягать отъ насъ Финляндію. Такимъ образомъ, интриги, козни, двуличіе, черная неблагодарность—всѣ низкія страсти соединились противъ Россіи, которая, не желая никакихъ пріобрѣтеній, отстаивала лишь свое право и пеклась лишь о православіи и святыхъ мѣстахъ. Съ нашей стороны—безкорыстіе, идеальная, прямодушная политика, свѣтлая правота, а со стороны враговъ—двоедушіе, низменные помыслы, разнузданные инстинкты, коварство и неблагодарность. Можно подумать, что рай и адъ, Ормуздъ и Ариманъ, еще разъ встрѣтились лицомъ къ лицу въ видѣ Россіи и Западной Европы. Такъ обрисовывается нравственная и политическая обстановка Восточной войны 1853—1856 гг., судя по сочиненію г. Богдановича и одобрительному поощренію его критика. Академическій рецензентъ г. Дубровинъ, восполняющій въ своемъ трудѣ главнымъ образомъ пробѣлы, оставленные г. Богдановичемъ, не усмотрѣлъ тутъ никакихъ „пробѣловъ", которые стоило бы пополнить.

Давно замѣчено, что невѣжественные и лѣнивые люди имѣютъ обыкновенiе все сваливать, если не на судьбу и на Бога, то на злобу и зависть сосѣдей. Охотно распространяясь на счетъ чужихъ недостатковъ, они не хотятъ сознать собственной вины и не терпятъ даже намековъ на свои промахи. Самообольщаясь, закрывая глаза, упорно не желая изслѣдовать коренныя причины бѣдъ и неудачъ, они вѣчно готовы повторять ошибки и вводить въ несчастье и себя, и другихъ. Но отъ объективизма историка, отъ логики и здраваго смысла автора, разсматривающаго событiя и людскiя отношенiя на разстоянiи достаточнаго промежутка времени, пользующагося обилiемъ матерiала, мы въ правѣ требовать большаго безпристрастiя и меньшей узкости взгляда. Казалось-бы, историческая и политическая науки сдѣлали достаточно успѣховъ со времени 50-хъ годовъ, чтобъ не повторять теперь объ интригахъ и неблагодарностяхъ, какъ о причинахъ такихъ явленiй, какъ Восточная война. Если-бы авторъ „Восточной воины" отрѣшился отъ старыхъ, отживающихъ традицiй военныхъ историковъ, если-бы онъ поглубже заглянулъ въ обстановку войны и взвѣсилъ тѣ богатыя послѣдствiя, которыя она принесла для внутренняго роста Россiи, въ томъ числѣ и для военнаго дѣла въ частности, онъ не упустилъ-бы изъ вида, что отрезвленное тогда общество очень вѣрно почуяло истину. Въ этомъ явленiи изъ области умственныхъ и нравственныхъ послѣдствiй Восточной войны 1853—1856 годовъ современный историкъ могъ-бы почерпнуть вѣрную путеводную нить для оцѣнки предшествовавшихъ событiй, для опредѣленiя истинныхъ причинъ войны и отношенiй къ намъ Западной Европы.

II. Характеристика нашихъ войнъ съ Турцiей.

Турецкiя войны XVIII столѣтiя имѣютъ опредѣленную физiономiю, рѣзко отличающую ихъ отъ войнъ, веденныхъ нами съ Турцiею въ XIX вѣкѣ. Россiя еще не имѣла въ то время естественныхъ границъ, она выполняла еще то историческое призванiе, которое было прервано татарскимъ игомъ и потомъ завѣщано борьбою съ Азiатскими ордами. Турки, замѣнившiе татаръ, подчинившiе себѣ все побережье Чернаго и Азовскаго морей, не исключая и Крымскаго ханства, простиравшiе свою власть до Балты и Каменца-Подольскаго, игравшiе важную роль въ нашихъ счетахъ съ Польшею и въ

судьбахъ Малороссіи,—турки, говоримъ мы, являлись въ XVII и XVIII столѣтіяхъ нашими естественными врагами. Это сознавалось всѣми отъ мала до велика, правительствомъ и народомъ. Война съ турками была поэтому всегда популярна. Такъ какъ религіозная борьба была въ то время въ полной силѣ, играла видную роль даже въ столкновеніяхъ съ Польшею, то тѣмъ болѣе видное мѣсто занимала она въ турецкихъ войнахъ. Турки, въ силу своей религіи, выдвигали впередъ не столько политическія, сколько религіозныя цѣли. Эта религіозная война, однако, имѣла и вполнѣ реальный характеръ: турецкіе и татарскіе набѣги, уводъ въ плѣнъ, жестокое обращеніе и насиліе надъ „гяурами“ достаточны были сами по себѣ, чтобы возбудить ненависть и заботу о самозащитѣ. Но, помимо этого, кромѣ обороны и торжества православія надъ мусульманствомъ, всѣ наши войны съ турками опирались и на самыя существенныя, для всѣхъ осязательныя, политическія цѣли. Добыча моря, въ которое текли наши рѣки, овладѣніе землями, которыя очень хорошо были знакомы и по набѣгамъ и по плѣну, изгнаніе „поганыхъ“ съ тѣхъ степей и береговъ, на которые, по преданію, русскій народъ привыкъ смотрѣть, какъ на свое достояніе, какъ на свою отчизну и дѣдину,—все это сообщало нашимъ войнамъ съ турками вполнѣ ясную опредѣленную, реальную цѣль. И замѣчательно, до тѣхъ поръ, пока не достиглись эти цѣли, война съ Турціею, въ концѣ концевъ, всегда приводила къ успѣху, къ торжеству русскаго дѣла, русскаго оружія, къ положительной, ощутительной государственной выгодѣ. Какъ ни слабо было еще наше войско, какъ ни плохи были внутреннія обстоятельства, какъ ни многочисленны были внѣшніе враги, какъ ни приходилось Руси разбрасываться во всѣ стороны, чтобы считаться то со шведами и поляками, то съ нѣмцами,—но ничто не помѣшало Россіи восторжествовать надъ своимъ старымъ врагомъ и добиться своего законнаго историческаго достоянія.

Все это завершилось къ концу прошлаго вѣка. По Ясскому миру 29 декабря 1791 г., Россія вошла въ свои естественныя границы, получила Крымъ, гдѣ въ давнее время принялъ крещеніе великій князь Владиміръ, добилась завѣтныхъ береговъ моря.

Турецкія войны XIX столѣтія получаютъ совершенно другой характеръ и рѣзко отличаются по результатамъ. Намъ уже нечего добывать и можно довольствоваться лишь обо-

роною, сохраненіемъ полученнаго. Война 1806 года имѣла уже чисто оборонительный характеръ и увѣнчалась потому полнымъ успѣхомъ. Турки, возбужденные успѣхомъ Наполеона, думали было возвратить утраченное, пользуясь отвлеченіемъ вниманія Россіи, сложными дѣлами Европы. Побѣды Кутузова дали отпоръ послѣднему проявленію наступательной турецкой политикѣ и избавили насъ отъ этого врага даже въ тяжкую годину нашествія Наполеона.

Въ самомъ дѣлѣ, не бросается-ли въ глаза та странность, что въ 1828—1829 годахъ, пользуясь слабостью Турціи, паденіемъ въ ней янычаръ и плохимъ состояніемъ арміи, мы впервые успѣшно переходимъ за Балканы, овладѣваемъ Адріанополемъ и въ 120 верстахъ отъ Константинополя, не опасаясь Европейской коалиціи, добровольно даруемъ выгодный миръ Турціи и сохраняемъ владычество своего стараго врага надъ единовѣрцами? Въ 1833 году свою любезность къ Турецкой имперіи мы простираемъ даже до посылки вспомогательнаго корпуса въ Босфоръ и защищаемъ турецкаго султана отъ башибузуковъ. Наконецъ, въ 1853—1856 годахъ опять воспламеняемся негодованіемъ противъ турецкаго владычества и ополчаемся „не за мірскія выгоды, а за вѣру Христову и защиту единовѣрныхъ своихъ братій, терзаемыхъ неистовыми врагами“. Въ циркулярной депешѣ (20 іюня 1853 г.) къ русскимъ дипломатическимъ агентамъ графъ Нессельроде, объясняя мотивы войны, сообщаетъ между прочимъ слѣдующее:

„Мы уже объявили и повторяемъ: государь императоръ не желаетъ нынѣ, какъ не желалъ и прежде, ниспроверженія Оттоманской имперіи или распространенія своихъ владѣній въ ея ущербъ. Послѣ того, какъ онъ столь умѣренно воспользовался въ 1829 году побѣдою и взятіемъ Адріанополя, когда эта побѣда и ея послѣдствія предоставили Турцію его произволу; какъ онъ одинъ во всей Европѣ въ 1833 году спасъ Турцію отъ неминуемаго раздѣла; какъ онъ въ 1839 г. первый сдѣлалъ державамъ предложенія, которыя, будучи исполнены общими силами, отвратили вторично отъ султанскаго престола опасность перейти во власть новаго арабскаго государства,—послѣ всего этого было-бы излишнимъ приводить еще доказательства сей истины. Нѣтъ, основнымъ началомъ политики нашего августѣйшаго повелителя было всегда сохраненіе, сколь возможно долѣе, настоящаго политическаго устройства (statu quo) на Востокѣ. Онъ этого желалъ

и продолжаетъ желать, потому что окончательно сего-же требуетъ здраво-понятый интересъ Россіи, достаточно обширный, дабы не нуждаться въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ; потому что, спокойная, мирная и безвредная Оттоманская имперія, занимая съ пользою мѣсто промежду сильныхъ державъ, отвращаетъ тѣмъ самымъ столкновеніе соперничествующихъ сторонъ, которыя, при ея паденія, немедленно вступили-бы въ споръ о ея развалинахъ; потому, наконецъ, что человѣческая прозорливость истощается въ тщетномъ изысканіи лучшихъ средствъ, дабы наполнить въ политическомъ равновѣсіи ту пустоту, которую оставило-бы въ ономъ уничтоженіе сего государства".

Изъ всего этого уже видно, какъ неясны, какъ неопредѣленны были цѣли войны, какіе неустановившіеся взгляды на наши задачи по отнощенію къ Турецкой имперіи, къ подвластнымъ ей на Балканскомъ полуостровѣ христіанскимъ населеніямъ существовали даже во вліятельныхъ, правительственныхъ сферахъ. Одно только, повидимому, сознавалось твердо, что лучше всего, впредь до истощенія „человѣческой прозорливости", сохранять въ Европейской Турціи statu quo.. Но какъ того-же добивались всѣ главнѣйшія Европейскія державы, то становится еще менѣе понятнымъ, изъ-за чего Россія ринулась въ разорительную безцѣльную войну, почему на насъ ополчилась половина Европы и готова была обрушиться, въ союзѣ съ нею, вся остальная—въ томъ числѣ наши добрые сосѣди и союзники, члены знаменитаго Священнаго союза?

Выясненіе этого вопроса можетъ получиться изъ знакомства со внѣшнею политикою Россіи, съ ея положеніемъ и ролью среди Европейскихъ державъ и, наконецъ, съ состояніемъ внутренней жизни. Ясно, однако, что не „споръ о святыхъ мѣстахъ" и не „интриги" играли тутъ главную роль. Святыя мѣста могли послужить лишь поводомъ, предлогомъ къ войнѣ, „интриги" же—средствомъ. Но не ими объясняются причины этого громаднаго событія.

III. Причины къ войнѣ со стороны Европы.

Прекраснымъ пособіемъ для освѣщенія внѣшней политики Россіи можетъ послужить, вышедшее въ 1878 году въ Петербургѣ сочиненіе „Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—1856) par un ancien diplomate „(deux volumes).

Книга Стараго Дипломата, приготовленная къ печати еще въ 1863 году, совсѣмъ отпечатанная въ 1874 году, выпущена въ свѣтъ лишь послѣ новой Восточной войны, когда было воскрешено много старыхъ заблужденій. Эта задержка столь важной книги „не зависѣла" отъ издателя, какъ онъ самъ заявляетъ.

Вѣнскій трактатъ 1815 года имѣлъ въ виду главнымъ образомъ охраненіе правительствъ и долженъ былъ служить противовѣсомъ идеямъ французской революціи. Россія, принимавшая такое видное участіе въ заключеніи этого трактата, сдѣлалась вѣрною исполнительницею его. Дѣятельность ея въ этомъ направленіи особенно проявлена была въ 1848 г. Русская армія, русскій флотъ готовы были къ услугамъ каждаго правительства. Русскіе государственные люди выбивались изъ силъ, навязывать совѣтъ однимъ, предостерегая другихъ, угрожая третьимъ. Особенно, тронъ Габсбурговъ воспользовался этими безкорыстными услугами русской политики, которая ничего не требовала, ничего не выпрашивала для своей страны. Даже національныя стремленія въ христіанскихъ земляхъ Турціи находили въ русской политикѣ гораздо болѣе опаснаго врага, нежели само Оттоманское правительство. Румынскіе патріоты преслѣдовались по настоянію русскихъ агентовъ, и Россія настаивала, чтобы Турція не имѣла права давать убѣжище политическимъ изгнанникамъ. Своеобразность этой несчастной политики лучше всего сказалась на отношеніяхъ нашихъ къ Наполеону III и извѣстному декабрьскому перевороту. Сперва наши Метерниховскіе политики усмотрѣли въ дѣйствіяхъ Наполеона въ самой цыфрѣ „три", приставленной къ имени узурпатора, опаснѣйшіе признаки и сильнѣйшіе поводы къ непризнанію второй Французской имперіи. Но политики эти примирились съ Наполеономъ и нѣсколько успокоились только послѣ декабрьскаго переворота, послѣ происшествій на улицахъ Парижа. Мы закрыли глаза на избранную Наполеономъ систему „увѣнчанія зданія" въ то самое время, когда она сулила безчисленныя бѣды не только Франціи, но и намъ самимъ. Бѣда эта разразилась Восточною войною. Мы очутились въ одиночествѣ. Всѣ наши друзья исчесли, остались равнодушны, или перешли во враждебный лагерь. Мы ихъ спасли, мы охраняли ихъ, а они бросили насъ однихъ противъ грозной коалиціи. Мы заговорили тогда о „черной неблагодарности", и особенно негодовали противъ Австріи, ради которой еще такъ

недавно русская армія проливала свою кровь. Нѣкоторыя правительства, нѣкоторые государственные люди безусловно вѣрили честности, прямотѣ, безкорыстію русской политики, искренно готовы были вывести ее изъ сѣтей, разставленныхъ Восточнымъ вопросомъ, но они безсильны были преодолѣть общественное мнѣніе, ненависть своихъ народовъ противъ Россіи, созданную нашею Метерниховскою политикою.

Причины нашихъ заблужденій на счетъ союзниковъ и упреки въ „черной неблагодарности" довольно вѣрно объясняетъ Старый Дипломатъ. Во всей образованной Европѣ господствовало уже въ то время убѣжденіе, что „какова-бы ни была чистота намѣреній, управляющихъ дѣйствіемъ даже государей съ возвышеннымъ характеромъ, этихъ личныхъ качествъ еще недостаточно въ международныхъ сношеніяхъ, въ которыхъ одно государство принимаетъ на себя торжественныя обязательства относительно другого". Русская-же политика того времени полагала, что въ „публичныхъ дѣлахъ и международныхъ отношеніяхъ нѣтъ обезпеченій, болѣе вѣрныхъ, чѣмъ слово и личный характеръ государей, потому что отъ нихъ, въ послѣднемъ результатѣ, зависитъ война, или миръ".

Таково было наше положеніе въ Европѣ передъ Восточною войною 1853—1856 годовъ. Оно резюмируется въ слѣдующихъ словахъ Стараго Дипломата: „наши дѣйствія были запечатлѣны умѣренностью, примѣрительнымъ духомъ и безкорыстіемъ, которымъ отличались виды императора Николая Павловича. При всемъ томъ, наша политика навлекла намъ много жертвъ и неудольствій. Наши противники обвиняли насъ въ честолюбивомъ желаніи господствовать надъ Германіей путемъ вмѣшательства въ ея разногласія; либеральная партія приписывала намъ роль повсемѣстной полиціи въ пользу правительствъ; насъ прозвали *жандармами Европы*, на насъ призывали *ненависть народовъ*, которые и отомстили намъ во время Восточной войны. Наконецъ, въ самой Россіи насъ осуждали за то, что мы вмѣшиваемся въ дѣла, до насъ вовсе *некасающіяся*".

Изъ этого видно, сколько горючихъ элементовъ накопилось противъ насъ въ Европейскомъ обществѣ и въ международной политикѣ къ 1853 году. Глубокая ненависть, воспитанная въ теченіе долгихъ лѣтъ, и злоба ожидали только малѣйшаго повода, чтобы разразиться противъ этой непрошенной опеки, противъ этой честной, подчасъ донкихотской, но

все-таки грубой, ослѣпленной силы, стремившейся охранять и защищать. Европа была возстановлена противъ Россіи, которая представлялась, благодаря прежнимъ военнымъ успѣхамъ, грозною, физическою силою. Сломить это *задерживающее* вліяніе, вырваться изъ цѣпей этаго великана считалось равносильнымъ огражденію, *спасенію цивилизаціи.*

Ко враждебно настроенному общественному мнѣнію Европы присоединились, конечно, и частныя цѣли и выгоды отдѣльныхъ государствъ и даже ихъ правителей. Если еще съ прошлаго столѣтія многія державы очень недовѣрчиво смотрѣли на наши успѣхи въ турецкихъ войнахъ, частью безпокоясь за участь торговли по Дунаю, этой „Нѣмецкой рѣки", какъ считаютъ ее въ Германіи, частью страшились, что Россія завладѣетъ проливами, дающими намъ выходъ изъ Чернаго моря, то эти опасенія еще болѣе имѣли мѣсто въ 1853 году, когда необходимъ былъ только предлогъ, какой-нибудь толчекъ, чтобы составилась коалиція противъ „Сѣвернаго варвара".

Англія всегда ревниво оберегала свою внѣшнюю торговлю отъ соперничества и не прочь была задержать развитіе Россіи, какъ морской державы. Въ „неблагодарной" Австріи, за исключеніемъ молодого императора, некому было обнаружить къ Россіи на-вѣки нерушимую дружбу. Напротивъ, только-что „усмиренные" нами, разбитые Венгры призывали проклятіе на Россію и жаждали отместки. Австрійскіе славяне во время той же кампаніи 1849 года имѣли случай убѣдиться, что не отъ тогдашней Россіи ожидать имъ содѣйствія въ осуществленіи ихъ надеждъ. Все, наоборотъ, доказывало имъ, что малѣйшее поползновеніе въ этомъ направленіи сочтется въ Россіи за „бунтъ". Австрійскому правительству услужливо будутъ предложены тѣ же мѣры, которыя только-что вынесли венгры. Они видѣли тѣ же указанія и на нашихъ отношеніяхъ къ національному и освободительному движенію въ сосѣдней Румыніи, гдѣ лучшіе патріоты, преслѣдовались, какъ нарушители спокойствія и порядка. Такого-же отношенія отъ Россіи, если не прямой къ ней враждебности, требовало общественное мнѣніе и въ Германіи, гдѣ Австрія имѣла тогда главенство, не говоря уже о второстепенномъ желаніи подальше оттѣснить Русскія владѣнія отъ устьевъ Дуная. Выжавъ изъ нашей „дружбы", что нужно, Пруссія не могла жертвовать своими разсчетами на первенствующую роль въ Германіи. Къ тому-же и незавидная роль послушнаго по-

лицейскаго агента не представлялась особенно лестною, и въ Берлинѣ уже сильно тяготились Петербургскою опекою. Изъ другихъ нашихъ сосѣдей, Швеція не забыла еще старыхъ столкновеній съ Россіею и могла разсчитывать на возвращеніе утраченныхъ владѣній въ Финляндіи, какъ это и обнаружилось въ концѣ 1853—1856 годовъ. Рвавшаяся уже на свободу и объединеніе Италія не могла не видѣть врага въ Россіи, благодаря извѣстной поддержкѣ, оказанной со стороны Петербургскаго кабинета реакціонному повороту Пія IX и интимности съ Неаполитанскимъ королемъ-бомбою, деспотизмъ котораго былъ уже не по плечу даже Неаполитанцамъ. Вотъ почему мы увидѣли Пьемонтцевъ въ ряду союзной арміи. Затѣмъ главнымъ и уже вполнѣ личнымъ врагомъ Россіи является Наполеонъ III, только-что полувшій возможность своевластно распоряжаться судьбами Франціи. Традиціи дяди, родоначальника династіи, побуждали племянника занять въ европейской политикѣ то мѣсто, которое со времени Вѣнскаго трактата удерживала за собой Россія, но взамѣнъ реакціи Наполеонъ III выдвигалъ свободу и содѣйствіе новымъ требованіямъ народовъ, надувая и подавляя французовъ.

IV. Причины къ войнѣ со стороны Россіи.

Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ надъ Россіею собирались грозныя тучи. Она напоминала своимъ положеніемъ Лукрецію, которой пришлось, наконецъ, встрѣтиться лицомъ къ лицу со своими многочисленными врагами, забывшими, что предъ ними была женщина, помнящими только кровныя обиды и жаждущими мести. Трагизмъ положенія усиливался еще полною неожиданностью этого взрыва; отсутствіемъ малѣйшаго сознанія въ близости и серьезности расплаты. Наша дипломатія (что особенно характерно и важно для уясненія причинъ войны) даже и не подозрѣвала истины: настолько она было ослѣплена! Въ Россіи не было того могущественнаго орудія, которое способно лучше всего помогать въ освѣщеніи внутренняго и внѣшняго положенія, дѣйствительныхъ интересовъ,—не было *политической печати*. Въ этомъ отношеніи „мы были *беззащитны*, вслѣдствіе нашего презрѣнія къ гласности“, какъ основательно замѣчаетъ Старый Дипломатъ.

Въ то время, когда серьезная опасность висѣла надъ нашимъ отечествомъ, Петербургская дипломатія самымъ усерд-

нѣйшимъ образомъ увѣрена была въ благополучіи своей внѣшней политики и продолжала заботиться о сокрушеніи „революціонной гидры", которая, какъ сказочное чудовище, не давала ей покоя. Вотъ, что, между прочимъ, говорилось въ политическомъ отчетѣ за 1852 годъ, почти на канунѣ войны:

„Революція глухо кипитъ еще въ низменныхъ слояхъ общества. Во Франціи она доставила власть человѣку, склонному къ рискованнымъ предпріятіямъ, скрытному, способному принимать внезапныя рѣшенія; единственный его принципъ въ политикѣ—отсутствіе всякаго принципа. Изъ тщеславія или честолюбія, онъ стремится играть роль, ласкаяпоочередно державы, содѣйствіе которыхъ онъ надѣется купить, ссылаясь передъ государями на услуги, оказанныя имъ порядку, передъ революціею—на свой демократическій принципъ. Поэтому необходима бдительность. Европа должна оставаться на сторожѣ, въ состояніи вооруженнаго мира. Согласіе великихъ державъ—единственное средство въ подобныхъ обстоятельствахъ; наша задача работать всѣми силами въ этомъ смыслѣ".

Отъ этой характеристики такъ и отдаетъ пергаментною затхлостью Вѣнскаго трактата. При довольно вѣрномъ пониманіи личности Наполеона, какимъ анахронизмомъ представляются теперь эти недальновидныя опасенія!? Дѣйствительно, деспотизмъ и развратъ Наполеоновскаго режима приводитъ къ революціямъ, но въ Наполеонѣ III предвидѣли совсѣмъ другое, въ немъ боялись встрѣтить сильнаго хотя и неискренняго представителя тогдашняго Европейскаго движенія къ свободѣ. Бывшій императоръ французовъ и свобода! Какъ странно звучитъ теперь сопоставленіе этихъ словъ!

Каждое дѣйствіе, зависящее отъ двухъ сторонъ, не можетъ, конечно, состояться, если одна изъ нихъ уклоняется отъ принадлежащей ей роли. Какія-бы ни накопились въ Европѣ причины для столкновенія съ нами, оно не могло-бы состояться, если-бы Россія не пошла-бы на встрѣчу готовившемуся разрыву. Это самоистязаніе, это невольное движеніе для испытанія самыхъ горестныхъ разочарованій объясняется, прежде всего, указаннымъ уже выше ослѣпленіемъ русской политики, несознававшей истиннаго положенія не только Европы, но и самой Россіи. Подъ покровомъ наружнаго благополучія, внѣшняго порядка, при господствѣ тайны и бюрократизма, не видно было ни старыхъ прорѣхъ, ни новыхъ недостатковъ. За густымъ туманомъ задавленной, искусственно задержанной жизни, непримѣтна была наша отсталость

и трудно было разглядѣть успѣхи, достигнутые уже въ общественной и политической жизни другихъ. Напротивъ, усыпленной критической мысли, непривыкшей къ оглядкѣ, казалось даже, что Европа на краю гибели, а у насъ одно благополучіе и золотой вѣкъ. Нежеланью или неумѣнью изслѣдовать причины недавнихъ волненій во внутренней жизни Европейскихъ державъ легко было принять за признаки разложенія и паденія то, что въ сущности вело къ развитію, спокойствію и благу. По всему этому, ничего нѣтъ удивительнаго, что русской политикѣ ни на минуту не могло прійти сомнѣніе, что изъ за такого ничтожнаго вопроса, какъ „споръ о святыхъ мѣстахъ“, могла разгорѣться грозная война. Правда, было одно указаніе, которое могло послужить важнымъ предостереженіемъ. Еще недавно русская дипломатія требовала отъ Турціи, чтобы та не давала пріюта „бунтовщикамъ“, подъ которыми разумѣлись бѣжавшіе послѣ усмиренія Венгріи изгнанники и, въ частности, извѣстный тогда Бемъ. Изъ дружеской поддержки, оказанной въ этомъ случаѣ Портѣ со стороны Франціи и Англіи, можно было почерпнуть указаніе, что притязанія Россіи на вмѣшательство во внутреннія дѣла сосѣднихъ государствъ и принятая ею роль опекуна многимъ ужъ приходились не по вкусу и въ состояніи были создать враждебную коалицію. Но ослѣпленіе не можетъ обладать прозорливостью и внимать предостереженіямъ. „Не посмѣютъ“—таково было убѣжденіе, господствовавшее въ то время въ Россіи. Для опредѣленія всей величины тогдашней увѣренности въ нашемъ могуществѣ и безсиліи остальной Европы, можно припомнить одинъ, если не правдивый, то вѣроятный разсказъ, хвастливо переходившій тогда изъ устъ въ уста. Передавали, будто на внушительныя предостереженія англійскаго посла, въ самый разгаръ „спора о святыхъ мѣстахъ“, въ Петербургѣ отвѣчали: „у насъ милліонъ войска подъ ружьемъ; прикажутъ—будетъ два, попросятъ—и будетъ три“! Не менѣе характернымъ признакомъ того-же оптимистическаго настроенія служитъ уже несомнѣнный фактъ первоначальнаго плана къ принужденію Порты удовлетворить требованія, предъявленныя ей черезъ князя Меншикова. Предполагалось, какъ извѣстно, одну-двѣ дивизіи посадить на суда и, высадивъ этотъ дессантъ въ Босфорѣ, прямо идти на Константинополь, чтобы кончить разомъ, „однимъ ударомъ“. Очевидно, этотъ планъ могъ родиться только при преувеличенномъ представленіи о нашемъ парусномъ флотѣ и въ пол-

номъ презрѣніи къ силѣ и значенію пара, которымъ владѣла англо-французская эскадра, бывшая тогда уже у Дарданелъ*).

Не доставало только предлога и удобной минуты для разрѣшенія долго назрѣвавшаго кризиса. Вскорѣ то и другое представилось, когда всѣ почти Европейскія государства пережили волновавшія ихъ внутреннія событія и могли сосредоточиться на внѣшнихъ дѣлахъ. Предлогъ нашелся въ „спорѣ о святыхъ мѣстахъ". Турція, послѣ долгихъ колебаній, послѣ понятной въ ея положеніи нерѣшительности и боязни быть оставленною лицемъ къ лицу, одинъ на одинъ, съ испытаннымъ опаснымъ непріятелемъ, удостовѣрилась, наконецъ, въ серьезной готовности Франціи и Англіи оказать ей дѣятельную поддержку. Она отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ на ультиматумъ Меншикова. Россіи ничего не оставалось, какъ уступить, или привести въ исполненіе свои угрозы; хотя серьезность готовившихся событій уже и начиналась чувствоваться въ Петербургѣ, но все еще надѣялись на дружбу и содѣйствіе бывшихъ членовъ Священнаго союза, все еще разсчитывали, что можно будетъ съ честью выйти

*) Но всего замѣчательнѣе, что г. Н. Дубровинъ, весьма начитавшійся тогдашнихъ оффиціальныхъ документовъ и канцелярски обсуждающій и рѣшающій вопросы, этотъ рецензентъ „Исторіи войны 1853—1856 годовъ", даже въ настоящую минуту, считаетъ необходимымъ сдѣлать упрекъ М. И Богдановичу, почему тотъ не изслѣдовалъ причины оставленія этого плана безъ послѣдствій? „Почему это было невозможно? простодушно спрашиваетъ г. Дубровинъ, и тутъ-же поясняетъ поводы къ своей любознательности": а между тѣмъ документъ этотъ (отвѣтъ князя Меншикова о невозможности плана) весьма важенъ, потому что (sic) уничтожилъ смѣлый, какъ выразился фельдмаршалъ, великій планъ императора". Чтобы еще лучше пояснить причину своего критическаго безпокойства, г. Дубровинъ приводитъ выписку изъ письма фельдмаршала Паскевича, который, сожалѣя-что этотъ планъ не нашелъ поддержки со стороны Меншикова,' прибавляетъ: „такимъ образомъ, не только война была-бы сразу окончена, но можно было-бъ сдѣлать завоеванія въ Европейской Турціи". Очевидно, г. Богдановичъ могъ-бы посовѣтовать своему критику, для разъясненія его недоумѣнія, снова перечесть описаніе всѣхъ событій Крымской войны, всю трагическую повѣсть о кончинѣ нашего паруснаго флота, неимѣвшаго возможности состязаться съ паровыми армадами союзниковъ. Если мы и указываемъ на этотъ курьезъ, то единственно какъ на фактъ свидѣтельствующій, что даже и теперь далеко не у всѣхъ установилось сколько-нибудь твердое пониманіе тогдашняго положенія Россіи, ея отсталости во всѣхъ отношеніяхъ отъ общаго уровня той цивилизованной жизни, среди которой она мнила еще руководить и первенствовать. Что-же было четверть вѣка назадъ, въ 1853 году?

изъ затрудненій, что до Европейской войны дѣло не дойдетъ. Этимъ характеромъ проникнута циркулярная депеша графа Нессельроде (отъ 20 іюня 1853 г.). Нашимъ войскамъ приказано было занять Дунайскія княжества. Рѣшительность этой мѣры никого не устрашила и еще болѣе осложнила дѣло. Послѣдняя возможность къ отступленію была уничтожена, минута расплаты съ ошибками и заблужденіями прошлаго наступила. Всѣ дальнѣйшія событія служили только послѣдствіями указанныхъ выше общихъ причинъ. Мы должны были начать и тянуть войну безъ яснаго сознанія цѣли и необходимости ея, безъ желанія воевать, влекомые силою обстоятельствъ. Уступить считалось постыднымъ, а чѣмъ долѣе длилась война, тѣмъ все болѣе и болѣе выяснялась неизбѣжность проигрыша, тѣмъ притязательнѣе и тяжелѣе становились требованія, тѣмъ упорнѣе хотѣлось отдалить роковую развязку.

V. Причины военныхъ неудачъ.

Въ сочиненіи М. И Богдановича, а также и у его рецензента г. Дубровина, причины нашихъ неудачъ въ войну 1853—1856 годовъ выясняются по старому привычному шаблону. Пріемъ этотъ сводится, главнымъ образомъ, къ указанію стратегическихъ и тактическихъ ошибокъ. Нельзя отрицать, что для военныхъ людей очень назидательно выясненіе тѣхъ или другихъ ошибокъ въ планѣ, или веденіи войны, въ планѣ или исполненіи сраженій. Но не трудно убѣдиться, что самый процессъ этихъ выводовъ и поученій сильно затрудняется, они утрачиваютъ свою авторитетность и способны возбуждать лишь безконечные споры, если у самого изслѣдователя нѣтъ подъ ногами болѣе твердой почвы, отъ которой зависятъ и удачная стратегія, и удачная тактика. Особенно это вѣрно по отношенію къ общимъ причинамъ успѣха или неуспѣха войны. Можно указать рядъ примѣровъ, что стратегическія и тактическія ошибки нисколько не вліяли на общій удачный исходъ войны, и наоборотъ, что военные успѣхи не приносили тѣхъ результатовъ, которые имъ соотвѣтствовали-бы.

Во время послѣдней турецкой войны плохо соображенныя соотношенія нашихъ и непріятельскихъ силъ вызываютъ быстрое движеніе впередъ на всѣхъ пунктахъ и столь же поспѣшное отступленіе на обоихъ театрахъ войны. За Дунаемъ это создаетъ великое сидѣніе подъ Плевною, а въ Малой

Азіи—не менѣе продолжительное стояніе въ виду укрѣпленной позиціи Мухтара на Аладжѣ. Для военныхъ людей, безъ сомнѣнія, представляется въ этомъ поучительный примѣръ необходимости хорошо изучать непріятельскія силы и сообразовать съ ними свои планы, число своихъ войскъ. Но развѣ тутъ заключается какая-нибудь истина, развѣ прежнихъ примѣровъ было недостаточно, развѣ это не азбука всякаго предпріятія, не только военнаго дѣла? Для военнаго писателя, слѣдовательно, какъ и для всей страны, гораздо важнѣе выясненіе первоначальныхъ, основныхъ причинъ, которыя указываютъ, какія условія и обстоятельства благопріятствуютъ, соблюденію азбучныхъ истинъ, указаніе тѣхъ причинъ, которыя обнаруживаютъ, почему въ томъ или другомъ случаѣ проявилось незнаніе непріятеля, пренебреженіе къ его силамъ и т. п. Если коренныя причины будутъ въ пренебреженіи у военныхъ историковъ, будутъ считаться „не ихъ спеціальностью“, то нѣтъ никакихъ ручательствъ, что и въ случаѣ наступленія *новой войны* мы не встрѣтимся съ *прежними ошибками*. Другой примѣръ: Баязетъ и его область два раза были заняты нами въ прошлую кампанію; всѣ же штурмы высотъ, защищавшихъ Батумъ, въ томъ числѣ и злосчастное дѣло 18 января 1878 года, предпринятое наканунѣ перемирія, привели только къ напрасному кровопролитію; между тѣмъ завоеванный Баязетъ остался за турками, а неотдавшійся нашимъ войскамъ Батумъ присоединенъ къ Россійскимъ владѣніямъ. Скажутъ, что это стратегическая ошибка. Но подобный выводъ нетрудно сдѣлать и безъ помощи военнаго историка, все это само-по-себѣ ясно теперь, послѣ войны, и особенно чувствительно для тѣхъ, кто на своихъ плечахъ вынесъ, или кровью своихъ близкихъ заплатилъ за эти ошибки. Отъ военнаго историка мы въ правѣ требовать большаго: онъ долженъ намъ указать, почему допущена была стратегическая ошибка, отчего она могла произойти.

Прилагая тѣ же требованія къ исторіи войны 1853—1856 годовъ, мы должны признать, что ни у г. Богдановича, ни у его рецензента незамѣтно даже поползновенія выяснить основныя причины нашихъ военныхъ неудачъ. Какъ авторъ, такъ и его рецензентъ или доказываютъ то, что не требуетъ никакихъ доказательствъ, что и безъ того всѣмъ извѣстно, или даютъ пищу безконечнымъ спорамъ на тему „если-бы, да когда-бы“, спорамъ безполезнымъ, потому что въ основу ихъ кладутся побочныя, второстепенныя, а не коренныя условія и причины.

Для доказательства прослѣдимъ нѣсколько за безплоднымъ, никого не убѣждающимъ споромъ самого критика съ авторомъ.

Критикъ сочиненія г. Богдановича негодуетъ, напримѣръ, по поводу нерѣшительности и медлительности, которыми характеризуются наши дѣйствія на Дунаѣ, въ 1853 и 1854 гг. М. И. Богдановичъ, основываясь на запискахъ генерала Ушакова, сваливаетъ вину на князя М. Д. Горчакова; современный критикъ находитъ, что сказанное по этому поводу „все невѣрно“ и преломляетъ копье въ честь князя Горчакова, обвиняя фельдмаршала Паскевича. Очевидно, на эту тему можно спорить безъ конца. Г. Дубровинъ заключаетъ, что „надо еще удивляться, что, несмотря на положительныя предписанія князя Варшавскаго, князь Горчаковъ продолжаетъ дѣйствовать согласно желанію императора“. Основываясь на томъ-же, г. Богдановичъ не менѣе успѣшно можетъ отстаивать свое мнѣніе. Онъ, въ свою очередь, можетъ „удивляться“, что, несмотря на положительныя „желанія императора“, князь Горчаковъ продолжалъ дѣйствовать, отдавая предпочтеніе противорѣчивымъ указаніямъ фельдмаршала. Между тѣмъ, обѣ спорящія стороны (авторъ и критикъ) даже не попробовали изслѣдовать вопросъ, насколько вообще было-бы цѣлесообразно наше движеніе впередъ, за Дунай, и не навлекло ли бы оно гораздо болѣе плачевныхъ результатовъ, нежели напрасная осада Силистріи и добровольное (въ смыслѣ военномъ) очищеніе Дунайскихъ княжествъ? Напротивъ, и г. Богдановичъ, и г. Дубровинъ считаютъ неподлежащимъ сомнѣнію необходимость и возможность быстраго наступленія за Дунаемъ. Можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ непреложная истина; но не мѣшало-бы ее доказать. Правда, г. Дубровинъ предполагаетъ, что въ такомъ случаѣ союзники Турціи вынуждены были-бы дѣйствовать на непріятельской территоріи и не перенесли-бы театра войны въ Крымъ; но это дальновидное соображеніе опять-таки виситъ въ воздухѣ, ничѣмъ, кромѣ фантазіи, не подкрѣпляется. Если союзники не побоялись высадиться въ Крыму, куда ихъ влекло желаніе уничтожить нашъ флотъ, не побоялись, несмотря на подкрѣпленія, полученныя княземъ Меншиковымъ, не взирая на готовую помощь со стороны боевыхъ, испытанныхъ войскъ, если не всей, то большей части освободившейся арміи князя Горчакова,—то что же, спрашивается, могло остановить ихъ тогда, когда-бы главнѣйшія военныя силы наши втянулись

въ рискованныя и безцѣльныя предпріятія за Дунаемъ,—безцѣльныя потому, что наступательная война, какъ мы видѣли, не оправдывалась причинами ея,—рискованныя на томъ основаніи, что имѣть въ тылу готоваго противника, въ лицѣ Австріи, и оставлять безъ обороны свои собственныя границы, когда имъ со всѣхъ сторонъ угрожаетъ высадка, активная война со стороны союзниковъ, по меньшей мѣрѣ, можетъ быть приравнено къ азартной игрѣ. Правда, Дубровинъ, нещадящій упрековъ для фельдмаршала Паскевича, опасавшагося войны съ Австріей, склоненъ, очевидно, къ отважному выводу, что и Австрія *не посмѣла-бы* напасть на нашъ тылъ; но это положеніе опять-таки не можетъ быть принято на слово, его все - таки слѣдовало-бы доказать. Вѣдь, при началѣ войны, всѣ у насъ и даже Паскевичъ были увѣрены не только въ „дружбѣ“ Австріи, но и въ возможности военной поддержки съ ея стороны, въ знакъ благодарности за недавнія услуги наши въ Венгріи. Надежда эта, однако, не только не оправдалась, но Австрія прямо перешла на сторону союзниковъ; ея именно настойчивости мы были обязаны даже уступкою устьевъ Дуная. Если она не побоялась не только вынести на себѣ упрекъ „черной неблагодарности“, но собрать на нашей границѣ сильную армію, а затѣмъ занять Дунайскія княжества; если ее не устрашили готовыя, на всякій случай, нетронутыя наши войска въ Царствѣ Польскомъ и въ Юго-Западныхъ губерніяхъ, то что же можетъ служить порукою, что 200.000 австрійцевъ не появились-бы у насъ въ тылу, какъ опасался и Паскевичъ, когда-бы мы продолжали воевать за Дунаемъ и не выполнили настойчиваго приглашенія Австріи очистить Дунайскія княжества? Можетъ быть, повторяемъ, Богдановичъ и въ особенности его критикъ и правы, называя наши дѣйствія на Дунаѣ нерѣшительными и медлительными; но для основательности этихъ упрековъ нужны доказательства. Теперь, по поводу послѣдней войны, считаютъ ошибкою именно то быстрое и рѣшительное движеніе впередъ, отсутствіе котораго нашъ авторъ и его критикъ считаютъ недостаткомъ войны 1853—1856 годовъ. Очень можетъ быть, что эти довольно распространенные, попавшіе въ исторію г. Богдановича и теперь повторяемые г. Дубровинымъ упреки Дунайской арміи князя Горчакова не мало содѣйствовали старательному наступленію 1877 года. Въ послѣднюю войну были недостаточно обезпечены только фланги наступленія, по отношенію-же къ войнѣ 1853—1856 годовъ, намъ рекомендовалось даже пренебреженіе къ тылу, когда ему, вдо-

бавокъ, угрожаетъ новый непріятель. Во всякомъ случаѣ, ясно, что разслѣдованіе этихъ вопросовъ гораздо важнѣе, нежели словопреніе о томъ—Паскевичъ или Горчаковъ виновны въ медленности и нерѣшительности военныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Это устранило-бы, можетъ быть, самую почву спора, обнаруживъ, что вина усматривается въ томъ, что составляетъ въ сущности, заслугу или, по крайней мѣрѣ, естественное послѣдствіе сложившихся обстоятельствъ.

Точно тоже приходится сказать и по поводу характеристики дѣйствій нашей Крымской арміи. Г. Дубровинъ состязается съ авторомъ „Восточной войны“, стараясь положить какъ можно болѣе мрачныхъ красокъ на образъ дѣйствій князя Меншикова и выдвигая на первый планъ рыцарское содѣйствіе Крымской арміи со стороны князя Горчакова. И штаба-то не было у Меншикова, и фланговое движеніе его было чѣмъ-то необдуманнымъ, предпринятымъ чуть-ли не подъ вліяніемъ полнѣйшей растерянности, и если оно удалось, то благодаря только случаю, ошибкѣ союзниковъ, невоспользовавшихся возможностью захватить врасплохъ предоставленный на произволъ судьбы Севастополь. Всѣ остальныя дѣйствія князя Меншикова, по словамъ г. Дубровина, не лучше, и носятъ общій характеръ упадка духа, утраты вѣры въ успѣхъ, нерѣшительности и колебаній, подъ вліяніемъ которыхъ предпринимаются сраженія, когда не успѣли еще подойти подкрѣпленія, и происходитъ безплодная трата людей на бастіонахъ и отъ болѣзней, при пассивной оборонѣ, когда все говоритъ въ пользу наступательныхъ дѣйствій. Но смѣняется нерѣшительный и упавшій духомъ главнокомандующій, и на его мѣсто назначается князь Горчаковъ. У новаго начальника и штабъ есть, и войскъ гораздо больше, и пріобрѣтенный уже опытъ; мы успѣли уже оглядѣться, взвѣсить истинное политическое положеніе дѣлъ, стерпѣться съ событіями, происходившими въ Крыму; неожиданность, горькія разочарованія первыхъ минутъ, преувеличенные страхи уже прошли; мы успѣли уже пообвыкнуть и къ штуцерамъ, и къ коническимъ снарядамъ; мы знали врага, но и онъ успѣлъ уже извѣдать, что такое Севастопольскіе герои. И что-же? Тому-же г. Добровину, который, только что не находилъ словъ для достаточнаго выраженія упрековъ дѣятельности Меншикова, приходится, незамѣтно для себя, передавать точно такіе-же факты по отношенію къ дѣйствіямъ новаго главнокомандующаго: опять нерѣшительность, опять сомнѣніе въ успѣхѣ,

еще болѣе громадныя человѣческія жертвы для защиты Севастопольскихъ укрѣпленій и безуспѣшность всѣхъ активныхъ попытокъ къ изгнанію изъ Крыма непрошенныхъ гостей. Эта нерѣшительность и постоянныя опасенія, выразившіяся въ письмахъ и донесеніяхъ главнокомандующаго, вызываютъ даже въ Петербургѣ особое совѣщаніе и посылку въ Крымъ барона Вревскаго, какъ одного изъ главныхъ сторонниковъ наступленія и представителя розовыхъ надеждъ. Подъ этимъ вліяніемъ предпринимается сраженіе 4 августа 1855 года безъ всякой увѣренности, самого главнокомандующаго въ успѣхѣ дѣла. Мрачныя представленія князя Горчакова оправдались, сраженіе проиграно. и, наконецъ, послѣ новаго ряда самыхъ кровопролитныхъ дней, геройскій гарнизонъ Севастополя оставляетъ непріятелю такъ дорого стоившія развалины. Самый рыцарскій духъ князя Горчакова подвергается тяжкимъ испытаніямъ. По крайней мѣрѣ г. Дубровину, такъ много распространявшемуся объ этомъ рыцарствѣ, во время командованія князя Меншикова, приходится повѣствовать о томъ, какъ новый главнокомандующій чуть не въ каждомъ письмѣ въ Петербургъ старается оградить себя отъ отвѣтственности и сложить всю вину на прошлое, на ошибки своего предшественника. Точно также князь Меншиковъ, въ свое время, отыскивалъ вокругъ себя виновныхъ, желая оградить себя въ Петербургѣ: неудачу Альминскаго сраженія онъ сваливалъ на войска, представивъ ихъ чуть не трусами, вопреки очевидности, а потеря Инкерманскаго дѣла была взвалена на плечи генерала Даненберга.

Уже одна общность этихъ явленій и одинаковость ихъ послѣдствій, несмотря на смѣну главнокомандующихъ, могли-бы служить указаніемъ, что не въ ихъ личности, не въ числѣ войскъ, не въ ошибочности исчисленій запасовъ пороха, не въ тѣхъ или другихъ подробностяхъ диспозицій слѣдуетъ искать причины общихъ неудачъ, печальнаго исхода кампаніи. Только, опредѣливъ эти общія главнѣйшія причины, военный историкъ и критикъ получили-бы твердую почву для оцѣнки событій и дѣйствій. Когда общія причины благопріятны успѣху, тогда полезно искать второстепенныхъ причинъ, повліявшихъ на частную неудачу, задержавшихъ или умалившихъ благопріятныя послѣдствія. Но если вся основа сулитъ одни разочарованія, когда всѣ обстоятельства слагаются къ неудачѣ, то въ погонѣ за второстепенными и третьестепенными причинами—тщетно ловить объясненія. Такая непроизводитель-

ная работа еще болѣе запутываетъ дѣло и обрекаетъ изслѣдователя на ошибки и пристрастіе.

Надо удивляться, какъ не бросается въ глаза еще одно обстоятельство, свидѣтельствующее о нашемъ ослѣпленіи, въ которое незамѣтно вдается большинство представителей военной литературы относительно Крымской войны и порождаетъ еще большую путаницу въ выводахъ и заключеніяхъ. Посвящая обыкновенно самыя пламенныя страницы изображенію всѣхъ перипетій славной Севастопольской обороны, они очень рѣдко задаются вопросомъ—что-же значитъ, что столько геройства, отваги и жертвъ, столько энергіи и ума, столько истиннаго мученичества и неустанной работы потрачено даромъ, безцѣльно? Напротивъ, чѣмъ болѣе длилось сопротивленіе, чѣмъ сильнѣе напрягались всѣ помыслы и средства страны къ отраженію врага, тѣмъ менѣе оставалось вѣроятностей на успѣхъ, тѣмъ болѣе возрастала притязательность требованій отъ насъ со стороны союзниковъ, тѣмъ яснѣе и неизбѣжнѣе становилась роковая развязка. Уже давно Россія соглашалась на тѣ уступки, которыя въ началѣ казались невозможными и повели къ войнѣ, но противная сторона этимъ недовольствовалась и хотѣла большаго. Какъ-же согласить это истинно-драматическое положеніе съ тѣми красками, въ которыхъ обыкновенно описывается оборона Севастополя? Читая эти краснорѣчивыя страницы, видя эту безконечную цѣпь подвиговъ и геройства, нельзя не прійти въ полнѣйшее недоумѣнье: почему союзная армія не обратилась въ бѣгство, или покрайней мѣрѣ не обезнадежилась въ успѣхѣ своего дерзскаго предпріятія?

Это объясняется тѣмъ, что военная исторія не успѣла еще отрѣшиться отъ рутины, видящей особенную выгоду въ освѣщеніи благопріятныхъ явленій и въ умолчаніи о фактахъ противоположнаго характера. Непосредственно послѣ Крымской кампаніи, понятно, какой интересъ имѣли современники и личные участники войны выставить на первый планъ лучшія, наиболѣе блестящія стороны недавнихъ событій. Почти годовая оборона Севастополя представляла единственное нравственное утѣшеніе въ цѣломъ рядѣ горькихъ униженій и разочарованій, закончившихся оскорбительнымъ для Россіи Парижскимъ трактатомъ. Каждый подвигъ, всякое исполненіе даже долга, малѣйшій случай временнаго торжества надъ противникмоъ, удачная вылазка, взрывъ мины,—все это жадно ловилось и выставлялось на видъ. Если нѣсколько лѣтъ спустя

даже взятіе Ташкента могло послужить какъ-бы удовлетвореніемъ за понесенныя въ Крымскую войну потери и униженія, то какъ-же было не воспользоваться въ томъ-же смыслѣ самымъ благопріятнымъ для нашей чести и народной гордости эпизодомъ изъ той-же серьезной войны? Но теперь, когда время отдалило насъ на четверть вѣка отъ этихъ событій, когда мы были свидѣтелями упорнаго сопротивленія со стороны Парижа, съ его милліоннымъ населеніемъ, обреченнымъ на всѣ ужасы и страданія полнаго обложенія и голода, когда мы сами испытали пятимѣсячное сопротивленіе случайно, спѣшно укрѣпленной Плевны,—можно-бы, казалось, болѣе объективно отнестить и къ Севастопольской оборонѣ, по крайней мѣрѣ не скрывать отрицательныхъ ея сторонъ.

Не станемъ касаться спеціальнаго вопроса, на сколько вообще была цѣлесообразна столь упорная, продолжительная защита Севастопольскихъ развалинъ. Повидимому, оба главнокомандующіе сознавали, что это лишь безполезная растрата дорогихъ жизней, что черезъ эту бездонную бочку крови можно растратить по частямъ всю армію. По крайней мѣрѣ, когда Южная сторона была брошена и остатки севастопольскаго гарнизона выведены были на сѣверную сторону, то, послѣ первыхъ минутъ естественнаго сожалѣнія, всѣ скоро сознали, что это событіе само-по-себѣ не имѣетъ еще рѣшительнаго значенія для исхода всей кампаніи. Очень можетъ быть, чрезмѣрная продолжительность обороны Севастополя объясняется тѣмъ-же, чѣмъ Бородинское сраженіе, хотя оно не спасло Москвы, тѣмъ-же, чѣмъ и настойчивые, повторительные штурмы Плевны, хотя они и повели въ концѣ концовъ къ выжидательному и тѣсному обложенію этой нежданно-возникшей крѣпости, вопреки прекрасному первоначальному плану не брать крѣпостей, ограждаясь отъ ихъ гарнизоновъ лишь наблюдательными отрядами. Повторяемъ, мы не касаемся этой слишкомъ спеціальной для насъ стороны, но нельзя не замѣтить, что положительнаго, доказательнаго отвѣта на этотъ, казалось-бы, немаловажный вопросъ слѣдовало-бы ожидать отъ военнаго историка или его критика. Если скажутъ, что подобные случаи объясняются требованіями военной славы или чести, то нетрудно указать примѣры, что слава эта и честь находятъ удовлетвореніе и въ самыхъ, повидимому, противорѣчивыхъ явленіяхъ. Такъ, оставленіе Москвы и сожженіе ея считаются еще большимъ геройствомъ, нежели Бородинское сраженіе, вызванное желаніемъ защитить древнюю

столицу. Сохраненіе 50,000 людей, убитыхъ или раненныхъ въ Бородинской битвѣ, нисколько, слѣдовательно, не умалило-бы великаго пожертвованія Москвою, ради спасенія всего. Но ради пользы будущихъ изслѣдованій такихъ потрясающихъ событій въ народной жизни, какъ война, гораздо важнѣе обратить вниманіе на то странное отношеніе, которое проявляется въ исторіи и критикѣ „Восточная война 1853—1856 годовъ", когда рѣчь заходитъ о страданіяхъ, трудахъ, невзгодахъ, лишеніяхъ, даже мученичествѣ нашихъ солдатъ и офицеровъ. Все это приписывается къ длинному счету геройства, славы, подвиговъ, все это выставляется на видъ, въ назиданіе потомству, съ тѣмъ чувствомъ и тѣмъ тономъ, которые словно говорятъ: „смотрите, поучайтесь, готовьтесь на тѣ-же испытанія, поступайте не иначе"? Но тонъ и чувства того-же историка или критика разительно мѣняются, какъ только имъ приходится отмѣчать однородныя явленія у непріятеля. Г. Дубровинъ чуть не въ особое преступленіе вмѣняетъ г. Богдановичу, что авторъ скупъ на краски при изображеніи геройскихъ страданій и лишеній Севастопольскаго гарнизона. Критикъ заботливо упоминаетъ объ отсутствіи „штановъ" у Черноморскихъ пластуновъ и о другихъ изъянахъ въ ихъ туалетѣ. Между тѣмъ, это не мѣшаетъ г. Дубровину повѣствовать съ укоромъ о жалкихъ оборванцахъ туркахъ, которые, какъ тѣни, бродили по союзному лагерю и употреблялись на рытье траншей, какъ робочій скотъ; онъ не щадитъ словъ для изображенія бѣдствій осаждающихъ въ первую зиму, сообщаетъ, какъ вѣтеръ срывалъ ихъ палатки, какъ они дрожали отъ холода и голодали. Но,—странная вещь,—все это не дѣлаетъ непріятеля героями, не озаряетъ ихъ ореоломъ славы, не выставляется, какъ поученіе потомству, и передается ради доказательства слабости противника, неумѣлости, незаботливости со стороны начальниковъ, передается ради платоническихъ пожеланій критика, какъ-бы отлично было воспользоваться такимъ бѣдственнымъ состояніемъ для наказанія дерзкаго врага за его наглость, за его высадку; все это сообщается для запоздалаго, но успокоительнаго убѣжденія, что Меншиковъ могъ-бы разбить и прогнать этихъ безумцевъ на ихъ корабли. Такимъ образомъ то, что приравнивается къ геройству и ограждается ореоломъ славы, когда идетъ рѣчь о нашей арміи, то превращается въ безсиліе, недостатки и промахи, едва рѣчь коснется непріятеля. Нечего и говорить, какую путанницу ложныхъ выво-

довъ и какія ошибочныя представленія въ обществѣ создаетъ такая противорѣчивая оцѣнка, такая неодинаковая мѣрка при обсужденіи прошлаго, какіе *вредные плоды* это можетъ приносить и *настоящему*, и *будущему*. Военные историки и критики могли-бы возвыситься до болѣе безпристрастной, здравомысленной точки зрѣнія. Имъ слѣдовало-бы не забывать, что правдивое изображеніе недостатковъ гораздо поучительнѣе, нежели описаніе на разные лады однихъ и тѣхъже подвиговъ. Они могли-бы понять, что мученичество, страданіе, лишеніе дѣлаютъ честь тому, кто переноситъ ихъ ради общей пользы, ради высокой цѣли; но явленія эти не могутъ служитъ украшеніемъ для тѣхъ порядковъ, для тѣхъ лицъ, которыя создаютъ условія и необходимость подобнаго подвижничества. Если голодъ, оборванная одежда, разныя лишенія ослабляютъ духъ и способность къ борьбѣ у непріятеля, то не могутъ они служить славою и укрѣпленіемъ мощи нашей арміи. Пора перестать кичиться тѣмъ, что русскій солдатъ замерзаетъ, ходитъ босый, голодаетъ и заѣдается насѣкомыми во время войны. Тутъ рѣшительно нѣтъ ничего геройскаго: это позоръ для страны, для человѣчества; геройство въ томъ, что, несмотря на все это, люди еще сражаются и не падаютъ духомъ. Если-бы военная исторія и критика почаще-бы обращали вниманіе на эту истину, многія явленія изъ области прошлыхъ войнъ сдѣлались-бы яснѣе, и *не повторялись-бы* со стеоретипною точностью старые недостатки и ошибки.

Причины неудачъ и неудовлетворительнаго исхода „Восточной войны" лежатъ, какъ мы сказали, гораздо глубже, нежели подробности разныхъ диспозицій и сраженій. Постараемся, покрайней мѣрѣ, напомнить, какъ и гдѣ ихъ слѣдуетъ искать военному историку.

Манифестъ 14 іюня 1853 г., повелѣвшій Русской арміи двинуться для занятій Дунайскихъ княжествъ, засталъ Россію врасплохъ. Точнѣе сказать: этотъ шагъ не казался чреватымъ тѣми громадными послѣдствіями, которыя онъ въ дѣйствительности сулилъ. Для тогдашняго общества, такъ тщательно вскормленнаго на военной славѣ, гдѣ военный мундиръ игралъ такую важную роль, перспектива новой войны, да еще со старыми знакомцами, съ турками, не представляла чрезвычайнаго событія. Воевали въ 1828—1829 годахъ, усмиряли поляковъ въ 1831 году, подавили венгерцевъ въ 1849 году, не переставали сражаться на „погибельномъ

Кавказѣ“. Что-же удивительнаго, что теперь, въ 1853 году, настала опять очередь Турецкой войны? Всѣмъ извѣстна была неудача посольства князя Меншикова въ Константинополь, всѣ считали, что „Россія понесла оскорбленіе“, что, слѣдовательно, надо проучить зазнавшихся турокъ. Большинство арміи всегда непрочь повоевать, это—лучшій случай для отличій и повышеній; армія-же занимала тогда первое мѣсто въ Россіи, для нея, можно сказать, служило государство, а не она ему. Къ „оскорбленнымъ политиканамъ“ и къ любителямъ военной славы присоединялись, конечно, извѣстные „тыльные“ инстинкты: разные отцы-командиры, интендантскіе хищники, поставщики, подрядчики, хозяйственные заготовщики и пріемщики,—весь тотъ алчный хвостъ, который далеко за собою волочитъ сражающаяся армія. Все это оживилось, почуяло близость наживы, стало сочинять воинственные стихи и заговорило о патріотизмѣ. Вся-же остальная масса общества и народа, заслоненная военнымъ элементомъ, пріученная къ пассивности, воспитанная въ сознаніи, что ей суждено стоять не у дѣлъ, что государственные и общественные интересы ея не касаются,—вся эта инертная, стихійная сила осталась холодна и равнодушна. При общей характеристикѣ Турецкихъ войнъ, мы говорили уже, что съ XIX столѣтія онѣ утрачиваютъ тѣ опредѣленныя, ясныя для всего народа, естественныя цѣли, которыя обезпечивали успѣхъ прежнихъ кровавыхъ столкновеній съ наслѣдниками татаръ. Правда, въ манифестѣ говорилось о защитѣ православія; но народу очень хорошо было извѣстно, что теперь ему не угрожаетъ турецкій полонъ; что за границею и въ Турціи находятъ пріютъ многіе русскіе люди и открыто, не боясь преслѣдованій, исповѣдуютъ ту религію, которую не менѣе 8—10 милліоновъ русскаго народа считаютъ „древне-православною“. Затѣмъ, въ пріобрѣтеніи новыхъ земель, въ расширеніи границъ не чувствовалось потребности, да и въ манифестѣ было категорически заявлено, что „не завоеваній ищемъ мы, а временнымъ занятіемъ Дунайскихъ княжествъ хотимъ лишь доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство“. Такимъ образомъ, для громаднаго большинства цѣль войны слагалась въ хорошо знакомое представленіе: „Турки бунтуютъ и ихъ усмирить приказано“. Это-же понятіе не таково, чтобы воодушевлять и воздвигать, какъ одного человѣка, народныя массы.

Въ этомъ ненародномъ, отчужденномъ отъ общества,

характерѣ войны заключался уже первый залогъ неуспѣха. Конечно, армія справилась-бы съ турками, если-бы они были одни; но и результаты войны были-бы ничтожны, они не играли-бы тогда никакой роли ни въ русской исторіи, ни въ политическихъ отношеніяхъ Европы. Да, наконецъ, если-бы за спиной Турціи не скрывались ея Европейскіе союзники, столкновеніе едва-ли-бы привело къ войнѣ. Турція, безъ сомнѣнія, уступила-бы нашему скромному требованію—подтвердить тѣ обязательства, которыя она столько разъ торжественно давала и никогда не исполняла. Ничего новаго отъ нея не желалось, при сознаніи, что „человѣческая прозорливость истощается въ тщетномъ изысканіи лучшихъ средствъ, дабы выполнить въ политическомъ равновѣсіи ту пустоту, которую оставило-бы въ ономъ уничтоженіе сего государства“.

Этому періоду равнодушія, сторонняго отношенія къ войнѣ, какъ къ чужому военно-бюрократическому дѣлу, соотвѣтствуетъ наше нерѣшительное топтаніе и колебаніе у береговъ Дуная. Если само правительство не сознавало тогда всей истины, то въ обществѣ смутно чувствовалось, что готовится нѣчто неладное, не похожее на прежнее. Политическій горизонтъ видимо заволакивался, но причины готовившейся грозы ни для кого еще не были ясны. Связанная, задержанная этимъ туманомъ армія не имѣла свободы дѣйствія, не могла идти рѣшительно впередъ, не видя ясно предначертанной цѣли, не зная, съ кѣмъ еще и изъ-за чего ей придется сражаться. Ее то торопили, упрекали въ медленности, то заставляли оглядываться назадъ, на тылъ, на возможность надобности въ ней для защиты собственныхъ границъ отъ новаго, болѣе опаснаго врага, физіономія и намѣренія котораго даже не выяснились. При такихъ условіяхъ, успѣшность военныхъ дѣйствій немыслима, какимъ рѣшительнымъ характеромъ главнокомандующій ни отличался-бы.

Положеніе это значительно перемѣнилось, когда Европейская коалиція окончательно образовалась, когда со всѣхъ сторонъ пришлось ожидать нападенія, вторженія врага. Защита отечества, отстаиваніе своей земли, изгнаніе врага—своимъ яснымъ, знакомымъ каждому русскому языкомъ, безъ многословій, указывали, что необходимо дѣлать. Туманныя, невыясненныя цѣли замѣняются твердыми, опредѣленными. Необходимость обороны понятна до простоты, и все что мыслило и могло дѣйствовать въ Россіи, сосредоточивается на

этой цѣли. Поэтому и создаются лучшія страницы всей войны въ стойкой, геройской оборонѣ Севастополя, гдѣ укрѣпленіями служили, въ сущности, грудь и кровь, мужество и любовь къ родинѣ русскаго народа. Но далѣе этого тогдашняя Русь не могла пойти, она не въ силахъ была оборониться отъ тягостныхъ требованій Европы, зашедшихъ за предѣлы необходимости и тѣхъ цѣлей, которыя вызвали ее на борьбу. Причинъ тому много, и всѣ онѣ сводятся къ тогдашнему внутреннему нашему положенію, къ страшной *отсталости и застою*, на которые мы были осуждены въ теченіе многихъ лѣтъ, когда все кругомъ шло впередъ и развивалось.

Мы говоримъ объ обществѣ, о народѣ, но только потому, что безъ этого живого элемента, безъ этой души немыслимо представленіе о государствѣ. Въ дѣйствительности, со времени военныхъ торжествъ 1812—1815 годовъ и вплоть до восточной войны 1853—1856 годовъ все было сдѣлано, все было направлено къ тому, чтобы въ Россіи не было замѣтно этого общества, этого народа. Если они не были упразднены вовсе, то только потому, что это равносильно было-бы полной смерти и для самого государства. Мы видѣли, въ какую донкихотскую, чуждую духу времени, вредную интересамъ Россіи игру пускалась наша внѣшняя политика, не имѣвшая подъ собою твердой почвы. Ошибочная политика эта, невидимо для себя, безсознательно нагнала на Россію непріятеля. Если это были невзгоды искусственной парализаціи народныхъ, общественныхъ силъ, то та-же причина и не сдѣлала насъ способными отразить налетѣвшую на государство опасность съ тѣмъ успѣхомъ, какъ это было въ 1612 и 1812 годахъ. „Развѣ мы не Русскіе 1812 года“, восклицалъ не разъ покойный императоръ Николай I въ своихъ замѣчательныхъ письмахъ къ князю Меншикову, въ самыя критическія минуты отчаянной борьбы. Да, мы были тѣ-же русскіе, по крови, по чувствамъ, по любви къ родинѣ; но непріятель былъ другой. Онъ, помимо насъ, вопреки даже нашимъ полицейскимъ стараніямъ, окрѣпъ, обогатился знаніями, усовершенствовалъ условія жизни, изобрѣлъ новыя орудія борьбы. У насъ-же все было обречено на неподвижность или даже пошло вспять, ужъ по одному тому, что не двигаться въ жизни—равносильно приближенію къ смерти. Общественный пульсъ бился еще кое-какъ около немногихъ представителей наукъ, въ скромныхъ университетскихъ кружкахъ, находилъ слабое выраженіе въ литературѣ, подавленной цензурою от-

дѣленной отъ мірового движенія мысли всевозможными искусственными преградами. Наша скромная наука и литература были счастливы, если въ нихъ отражался хотя слабый отголосокъ современнаго уровня общей цивилизаціи. Народъ - же, *закрѣпощенный* подъ разными видами, представлялъ инертную, косную массу, обреченную на невѣжество и мускульную работу. Крѣпостныя путы достигли своего апогея, такъ какъ прежніе виды освобожденія и смягченія неволи, выражавшіеся въ побѣгахъ, въ переселеніи, въ исканіи вольностей и свободнаго труда въ далекихъ степяхъ, въ козачьихъ общинахъ, на Волгѣ и Уралѣ,— вся эта, такъ сказать, контрабанда, обходъ крѣпостной тягости, сдѣлались теперь невозможными, благодаря полному торжеству полицейскаго порядка. Только въ аграрныхъ преступленіяхъ, въ пассивномъ отстаиваніи „древле-православной вѣры", да развѣ еще въ заунывной, старой, исполненной печали и фатализма пѣснѣ заявлялъ еще народъ о своемъ человѣческомъ существѣ. Для большинства-же народа даже и религія обращалась въ обрядъ и внѣшность.

Въ слабыхъ, разрозненныхъ интеллигентныхъ сферахъ, унаслѣдовавшихъ крохи, уцѣлѣвшія отъ общественныхъ стремленій и сознанія первыхъ годовъ XIX вѣка, лелѣявшихъ мысль объ уничтоженіи крѣпостного права, о необходимости снять заслоны, задерживающіе жизнь русскаго народа, обращавшіе эту жизнь въ стоячее болото, проявлялось, конечно, желаніе стать на высотѣ критическаго положенія Россіи. Но какъ трудно было еще выбиться русской мысли на вѣрную дорогу, показываютъ тогдашнія воззрѣнія на войну, на отношенія къ намъ Европы, на положеніе самой Россіи со стороны кружка московскихъ славянофиловъ. Виднѣйшій представитель ихъ, достойный полнаго уваженія Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, въ „Письмѣ къ пріятелю-иностранцу", выражалъ слѣдующія мысли:

„Это—не надменное вооруженіе Англіи, это—не воинственный пылъ Франціи, нѣтъ: это—движеніе тихое и разсудительное человѣка, который спросился у своего сердца, прислушался къ своей совѣсти, справился со своимъ долгомъ, и потому только берется за оружіе, что счелъ-бы себя виновнымъ, если-бы не вооружился. Этотъ человѣкъ—народъ, и да позволено мнѣ будетъ сказать, это—великій народъ. Повѣрьте мнѣ, есть что-то важное, величественное въ подобномъ зрѣлищѣ. Русскій народъ вовсе не помышляетъ о

завоеваніяхъ: въ завоеваніи не было для него ничего соблазнительнаго. Русскій народъ вовсе не помышляетъ о славѣ: этимъ чувствомъ никогда не загоралось его сердце. Онъ помышляетъ о своемъ долгѣ, онъ помышляетъ о священной войнѣ.

„Конечно, благородное и безкорыстное чувство, одушевляющее нашъ народъ, имѣло право на сочувствіе другихъ народовъ; конечно, война, повелѣнная долгомъ настоящаго прямого братства, братства крови и духа, война, цѣль которой исторгнуть людей, людей-христіанъ изъ-подъ самаго дикаго гнета, исхитить ихъ изъ смерти и позора,—такая война должна была снискать намъ союзниковъ во всѣхъ просвѣщенныхъ народахъ. Политика могла принять свои мѣры предосторожности и потребовать гарантій; но обязанностью всѣхъ націй было соединиться съ нами, чтобы вмѣстѣ положить предѣлъ свирѣпости турокъ и освободить христіанъ отъ ига, которымъ давитъ ихъ законъ Магометовъ. Всякій противоположный этому способъ дѣйствія безнравственъ и недостоенъ, а его-то и выбрали! Не скрою отъ васъ: на наши глаза есть что-то отвратительное и безчестное въ этомъ поступкѣ народовъ, которые, ради-ли утвержденія ихъ собственнаго преобладанія, ради-ли ослабленія вліянія чужого,— объявляютъ войну самымъ истиннымъ, самымъ естественнымъ, самымъ святымъ чувствамъ человѣческаго сердца и берутъ подъ свою защиту, хоть-бы и временную, самое гнусное тиранство надъ беззащитными жертвами, совершаемое варварами, которыхъ законы ужасны, а дѣла еще ужаснѣе! Однимъ словомъ, есть что-то возмутительное въ дѣйствіяхъ людей, именующихъ себя христіанами, а подымающихъ мечъ на отнятіе у христіанъ-же права защищать своихъ братій противъ Магометанской жестокости и сластолюбія!

„Война! На чьей сторонѣ будетъ побѣда? Божьи опредѣленія еще не возвѣщены намъ, и никто не можетъ сказать съ увѣренностью, кому именно онъ присудитъ успѣхи, или неудачи въ битвахъ. Но намъ нѣтъ надобности загадывать, кому будетъ принадлежать торжество истинное. Оно уже безвозвратно укрѣплено за Россіею. Уже и въ томъ торжество, что она подняла оружіе за такое святое дѣло, за страждующее человѣчество, за христіанъ, угнетенныхъ Кораномъ, за непорочность дѣвъ, за цѣломудренность женъ, за жизнь мужей, за богослуженіе, за успѣхи разума. Эта слава укрѣплена за нами, и никто отъ насъ отнять ее не въ си-

лахъ. Мы можемъ потерпѣть неудачи, какъ испытанія нашей твердости, или какъ наказаніе (sic) за наши собственныя вины (sic, sic), которыхъ ни скрывать, ни оправдывать предъ Богомъ мы не смѣемъ. Но я смѣло утверждаю: побѣда даже матеріальная, можетъ принадлежать націямъ, соединившимся подъ предводительствомъ Англіи и Франціи только въ такомъ случаѣ, когда онѣ сдѣлаются покровителями христіанъ и врагами дѣйствительными, хотя-бы, можетъ быть, неоглашенными, ихъ притѣснителей, т. е. въ такомъ случаѣ, когдабы онѣ украли у насъ наше оружіе и наше знамя. Пусть такъ! Но разумъ человѣческій не дастся обману: онъ возвратитъ побѣдоносное знамя тому, кто водрузилъ его первый, а славу оружія тому, кто выковалъ его и поднялъ его первый. Человѣчество разсудитъ историческое мошенничество, какъбы ловко оно ни было“.

Изъ этихъ выдержекъ изъ письма Хомякова, писаннаго въ 1854 году, видно, что лучшіе представители Русской общественности не сознавали тогда истинныхъ причинъ, почему Европа оказалась въ отношеніи насъ такъ единодушно-враждебна. Чувствовалось какое-то необъяснимое противорѣчіе въ томъ, что свободолюбивая, образованная Европа мѣшала Россіи выполнить ея человѣколюбивую христіанскую цѣль. Хомяковъ, какъ и многіе другіе, не сознавали еще, какіе могущественные факты побуждали все живое и чуткое въ Европѣ невѣрить въ искренность и выполнимость этой высокой миссіи, начертанной довольно туманно къ тому-же на нашемъ знамени; онъ идеализировалъ наши отношенія къ христіанамъ Балканскаго полуострова, опережалъ ихъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ, забывая о нашемъ отношеніи къ національному движенію въ Румыніи, не обращалъ вниманія на наши торжественныя обѣщанія удержать Балканскихъ христіанъ въ повиновеніи турецкому султану и даже защиту его въ 1833 г. Хотя Хомяковъ и чуетъ „наши собственныя вины“ и упоминаетъ даже о возможности „наказанія“ за нихъ, но отъ него скрыта еще была та пропасть, которая отдѣляла рисующуюся въ его идеалѣ Россію отъ Россіи реальной. Всѣ язвы этого положенія воочію раскрылись только къ концу Крымской войны, когда лучшіе славянофилы, за одно съ западниками, забыли на время свои распри, соединились въ дружной мысли, трезво говорившей, что, прежде освобожденія другихъ, необходимо освободить свой народъ, спасти самихъ себя,

хотя-бы для того, чтобы приблизиться къ неяснымъ мечтаніямъ славянофиловъ.

Сознательнѣе относились къ событіямъ „западники“. Они не видѣли въ прошломъ золотого вѣка. Понимая все величіе и значеніе Петровскихъ преобразованій, они не отворачивались съ ужасомъ отъ Западной Европы. При застоѣ у себя дома, они съ жадностью слѣдили за расцвѣтомъ жизни въ сосѣдствѣ, за движеніемъ и борьбою, происходившими въ Европѣ съ 1815 года. Для нихъ понятнѣе, ближе, поэтому, были извѣстны событія, волновавшія Европу въ 1848 году, когда рушились старые порядки и создались новыя, улучшенныя формы общежитія. Въ то время, когда правительство, а за нимъ и славянофильство, исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія, соединились въ ошибочномъ взглядѣ на Европу и усматривали въ тогдашнихъ событіяхъ видимые признаки разрушенія, гнилости Запада, а внѣшнее спокойствіе, неподвижность принимали за благополучіе и величіе,—западники правильнѣе оцѣнили положеніе вещей, ближе были къ истинѣ. Поэтому, когда Хомяковъ и шедшіе въ его хвостѣ люди, отуманенные ложными представленіями и миражами, осыпали благородными, горячими упреками Европу, находили необъяснимое противорѣчіе въ ея стремленіяхъ, идущихъ въ-разрѣзъ съ „безкорыстными задачами“, съ „великою историческою миссіею Россіи“ на Востокѣ,—западники въ состояніи были уразумѣть истинную причину враждебности къ намъ Европы, вѣрнѣе могли опредѣлить дѣйствительный вѣсъ и настоящую стоимость нашихъ громкихъ фразъ, такъ рѣзко противорѣчившихъ всему, что совершалось внутри государства. Тамъ, гдѣ заблужденіе и отуманенное воображеніе усматривало ужасы и близость паденія цивилизаціи,—для западниковъ получалось лишь горькое сознаніе, что подобныя отношенія къ требованіямъ времени въ состояніи лишь осложнить, сдѣлать болѣе опаснымъ и затруднить естественный переходъ отъ стараго къ новому, отъ отжившаго къ болѣе совершенному. Чѣмъ болѣе проявлялось въ Россіи такого непониманія, чѣмъ болѣе внѣшняя и внутренняя политика наша обнаруживала свое ослѣпленіе, тѣмъ мрачнѣе представлялся западникамъ тотъ неизбѣжный исходъ, которымъ Россія вынуждена будетъ расплатиться за свои ошибки. Этимъ объясняется то раздраженіе, та желчь, почти ненависть и нетерпимость, съ которыми самые просвѣщенные, самые человѣчные западники относились тогда къ славянофильству.

„Эти люди противны мнѣ, какъ гробы! восклицаетъ Грановскій. Отъ нихъ пахнетъ мертвечиною. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ безплодна, потому, что основана на одномъ отрицаніи того, что сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія новѣйшей исторіи". По тѣмъ-же причинамъ, видя круговое невѣжество, заблужденіе, тупоуміе или равнодушіе и даже хуже равнодушія—грубую лесть, прислужничество, доносы и разнузданность наживы среди большинства общества, зная историческій ходъ нашихъ преобразованій и могущественное вліяніе правительства,— виднѣйшіе представители западничества все чаще и чаще помышляли о Петрѣ, о томъ, какимъ-бы благодѣяніемъ для Россіи было-бы появленіе новаго Петра Великаго. Не даромъ профессоръ Тимоѳей Николаевичъ Грановскій по цѣлымъ часамъ созерцалъ въ эти тяжкіе дни портретъ Петра I! Не трудно объяснить почему онъ писалъ о немъ вдохновенныя частныя письма, почему подстрекалъ своихъ друзей обогатить русскую литературу исторіею Петра Великаго, достойною этого имени. „Не только Петръ Великій былъ-бы намъ полезенъ теперь (говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Грановскій), но даже и палка его, учившая русскаго дурака уму-разуму. Со всѣхъ сторонъ бѣда! Не хорошо и снаружи, и внутри; но ни общество, ни литература не отзываются на это положеніе разумнымъ словомъ. Московское общество страшно возстаетъ противъ правительства, обвиняетъ его во всѣхъ неудачахъ и притомъ обнаруживаетъ, что стоитъ несравненно ниже правительства по пониманію вещей".

Дѣйствительно, „московская оппозиція" проявлялась въ извѣстныхъ своихъ краскахъ. Она все еще продолжала думать, что врага мы можемъ „шапками закидать", и кипятилась по поводу уступчивости и нерѣшительности правительства, которое начинало уже прозрѣвать и поняло истинныя отношенія къ намъ Европы. Въ относящихся къ этому періоду времени письмахъ Паскевича ясно уже сказывается, что прежнія ожиданія „благороднаго содѣйствія" со стороны Австріи и Пруссіи смѣнились опасеніями. Въ самомъ манифестѣ 11 апрѣля 1854, объявлявшемъ о войнѣ съ Франціею и Англіею, сказывалось приближеніе къ истинѣ. „Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину (говорилось въ манифестѣ), Англія и Франція объявили, что несогласіе наше съ Турціею есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая ихъ цѣль—обезсилить Россію, отторгнуть у нея часть

ея областей и низвести отечество наше съ той степени могущества, на которую оно возведено было Всевышнею Десницею“. Самый языкъ манифеста, его прокламаціонный тонъ, разсчитанный на возбужденіе патріотизма, доказывали, что чувствовалось наступленіе критической минуты. Но только немногіе люди въ Россіи, изъ числа, такъ-называемыхъ западниковъ, понимали всю опасность и значеніе кризиса; только они догадывались, на какой въ дѣйствительности ступени отсталости находилась тогдашняя Россія. Они чувствовали, что въ столкновеніи съ Европой и заключается именно та форма, въ которой намъ суждено расквитаться за застой, рабство, пренебреженіе къ наукѣ, за возвеличиніе бюрократіи и военной шагистики надъ обществомъ и народомъ. Они видѣли, что побѣда не только сомнительна, но немыслима; они не могли желать ея, какъ новаго орудія и повода къ прежнимъ заблужденіямъ, самообольщенію, застою; но они боялись и пораженій, обезсиленія Россіи, дѣйствительнаго низведенія ея съ той высоты, на которую она вышла, благодаря реформамъ Петра, благодаря лучшимъ стремленіямъ Екатерины II и Александра I, благодаря сближенію съ наукою, съ общечеловѣческой цивилизаціею. Положеніе было поистинѣ трагическое. „Будь я здоровъ (пишетъ больной уже Грановскій), я ушелъ-бы въ милицію безъ желанія побѣды Россіи, но съ желаніемъ умереть за нее. Душа наболѣла за это время“. Самъ заподозрѣнный, едва отдѣлывающійся отъ доносовъ, которые подавались тогда на лучшихъ людей Россіи и проникали даже въ печать, продолжавшую твердить о „тлетворномъ вліяніи Запада, гдѣ духъ нечестивый, духъ нечестія и безначалія входитъ въ гражданское общество и порождаетъ враждебное раздѣленіе поколѣній, а съ нимъ вмѣстѣ забвеніе преданій и исконныхъ правилъ, на коихъ зиждется семейство и государство“ („Московскія Вѣдомости“ за 1851 годъ, № 40),—Грановскій и сочувственный ему кружокъ друзей и почитателей, воодушевленные любовью къ родинѣ, съ горечью задавали вопросъ: „чѣмъ приготовились мы для борьбы съ цивилизаціей, высылающею противъ насъ свои силы“?

О томъ, какова была эта готовность, какъ отчаянно, очертя голову шли мы противъ всего, что создаетъ дѣйствительное могущество народовъ, можно судить изъ слѣдующаго очерка внутренней политики Россіи, незадолго до войны: „Въ 1849 году возникли слухи о предстоящемъ закрытіи универ-

ситетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Дворянскій институтъ въ Москвѣ былъ дѣйствительно закрытъ. Число студентовъ и вольнослушателей въ каждомъ университетѣ должно было ограничиться тремястами. Плата за слушаніе лекцій была возвышена. Издавались строгія инструкція для способа преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ и надзора за ними. Профессоры университета должны были предъявлять подробныя программы своихъ лекцій для предварительнаго просмотра со стороны начальства. Цензура журналовъ и книгъ дѣлалась все болѣе строгою. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, попытки котораго появились въ сороковыхъ годахъ, было окончательно оставлено". (А. Станкевичъ. „Біографія Т. Н. Грановскаго". Спб. 1869, стр. 239).

Въ разгаръ войны, правительство почувствовало потребность въ подъемѣ общественныхъ силъ, народнаго духа, необходимость опереться на болѣе твердую, менѣе зыбкую почву, нежели бюрократія. Но трудно создать въ нѣсколько часовъ, по приказу, то, что систематически разрушалось въ теченіе десятковъ лѣтъ. Тщетно оффиціальныя изданія распространялись о патріотизмѣ, напоминали о 1812 годѣ. Въ полицейскихъ газетахъ печатались стихотворенія, но они никого не воодушевляли; искренности ихъ не вѣрили сами стихоплеты; они способны были вызывать только горечь и сарказмъ въ наболѣвшихъ душахъ. Самые лучшіе изъ нихъ хотѣли только умереть за Россію, но не могли желать, не могли ожидать успѣха. Въ числѣ ихъ на первомъ планѣ была та именно учащаяся молодежь, которая была наиболѣе заподозрѣна, на которую сильнѣе всего опрокидывалась реакція 1849 года. Описывая свою встрѣчу съ Нижегородскимъ ополченіемъ, Грановскій сообщаетъ: „Между ними очень много бывшихъ студентовъ. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, X—ъ: „ни одинъ изъ проживающихъ въ Нижегородской губерніи воспитанниковъ Московскаго университета не уклоняется отъ выборовъ. Мы всѣ пошли. За то другіе надъ нами смѣялись". Я гордился въ эту минуту званіемъ Московскаго профессора... Вообще эта нечаянная, отрадная встрѣча съ нижегородскимъ ополченіемъ произвела на меня глубокое и свѣтлое впечатлѣніе. За то какъ мало хорошаго во всемъ остальномъ"! Такъ поступали и такъ именно чувствовали горестное положеніе Россіи тѣ именно общественные элементы, которыхъ съ такимъ ослѣпленіемъ старались подавить, обезсилить. Политика эта достигла своей

цѣли: ихъ было ничтожное число, истинныхъ гражданъ Россія могла перечесть чуть не по пальцамъ.

Посмотримъ теперь на это „остальное", которое внушало такія безотрадныя впечатлѣнія Грановскому. Вотъ что писалъ онъ изъ Москвы: „Былъ свидѣтелемъ выборовъ въ ополченіе. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе отвратительное и печальное. Я не признавалъ большого патріотизма и благородства въ русскомъ дворянствѣ; но то, что я слышалъ, далеко превзошло мои предположенія! Богатые или достаточные дворяне безъ зазрѣнія совѣсти откупались отъ выборовъ; кандидаты въ должности начальниковъ дружинъ еще до избранія проповѣдывали о необходимости предоставить начальникамъ ополченія обмундировку ратниковъ и не скрывали своихъ видовъ на поправленіе обстоятельствъ! И при этомъ такая тупость, такое отсутствіе понятій о чести и правдѣ! Крестьяне-же идутъ въ ратники безропотно. Въ другихъ губерніяхъ Средней и Южной Россіи дѣло шло не лучше. Только въ Нижнемъ, да отчасти въ Орлѣ дворянство показалось съ лучшей стороны".

Другой наблюдатель тогдашнихъ событій, съ такимъ наболѣвшимъ гражданскимъ чувствомъ передаетъ тогдашнія свои впечатлѣнія: „Со скудными преданіями и блѣдными впечатлѣніями отъ исторической старины вступалъ въ общественную жизнь даже тотъ, кто искалъ ихъ. А кто не искалъ, тотъ, конечно, являлся совершенно новымъ, если не чужимъ человѣкомъ среди тысячнаго народа. Какъ-же онъ могъ входить въ его интересы и преемственно продолжать эту жизнь? Какъ и чѣмъ могъ въ немъ пробуждаться и питаться патріотизмъ? Мое путешествіе по Россіи въ тотъ годъ, когда вооружалось народное ополченіе противъ враговъ, осадившихъ насъ съ Сѣвера и Юга, краснорѣчиво сказало мнѣ, что это былъ за патріотизмъ. Въ газетахъ разжигалось это чувство риторическими фразами, стихами и прозою; въ Петербургѣ и Москвѣ собирались закидывать врага шапками. Подъ впечатлѣніемъ этихъ фразъ и возгласовъ, я проѣхалъ по нѣсколькимъ внутреннимъ губерніямъ, думая видѣть народное воодушевленіе. Я видѣлъ нѣкоторыя дружины, видѣлъ ихъ предводителей, слышалъ откровенные разсказы немногихъ, болѣе образованныхъ и умныхъ наблюдателей, и ничѣмъ не утѣшился. Нижегородскій гражданинъ, котораго идеально рисовали Устряловъ и Загоскинъ, не повторился ни въ комъ изъ ополчившихся. Газеты лгали, свидѣтельствуя о русскомъ патріотизмѣ".

Далѣе авторъ приводитъ тѣ самыя слова, которыми онъ, въ періодъ Крымской кампаніи, записалъ свое живое впечатлѣніе.

„Въ городахъ патріотизма нѣтъ нисколько. Въ подтвержденіе этого слышу и вижу фактъ за фактомъ. Отечество не существуетъ здѣсь ни для дворянъ, ни для купцовъ; существуютъ только собственныя ихъ выгоды. Служащіе стремятся наживаться на счетъ казны и людей, съ которыми имѣютъ дѣла; помѣщики на счетъ крестьянъ; купцы и мѣщане на счетъ всѣхъ. Если-бы могли знать, съ какимъ трудомъ выжимаются здѣсь всѣ пожертвованія, о которыхъ громко возвѣщаютъ въ газетахъ? Богачи съ капиталомъ въ двѣсти и болѣе тысячъ подписываютъ по 10 и 15 рублей, и думаютъ, что сдѣлали свое дѣло. Во многихъ уѣздахъ съ трудомъ могли набрать офицеровъ для ополченія и то кое-какихъ бездомныхъ; каждый пятится и боится настоящей службы; всѣ привыкли разсчитывать на личныя выгоды отъ службы, а жертвовать собою тяжелой службѣ отечеству—ни у кого нѣтъ и въ мысляхъ. Въ Переяславлѣ года два назадъ, при открытіи на Плещеевомъ озерѣ памятника Петру Великому, одинъ богатый помѣщикъ нашелъ случай помѣстить своихъ сыновей на казенный счетъ въ учебное заведеніе, а теперь въ благодарность за то отказался служить въ ополченіи, несмотря на свое довольство и здоровье. За пятьсотъ рублей онъ нашелъ вмѣсто себя какого-то бродягу. Такихъ примѣровъ я слышу сотни. Вотъ какіе у насъ патріоты! Даже Москва, которая изстари такъ хвалится патріотизмомъ, говорятъ, и та въ настоящее время выказала жалкій патріотизмъ. Она много кричала, но какъ дошло до дѣла, то нужно было всѣхъ принуждать почти силою, чтобы не осрамиться съ первопрестольнымъ городомъ. Кто могъ-бы пожертвовать сто тысячъ, нисколько не стѣсняясь, давалъ пятьсотъ рублей. Да, всѣ общества тутъ жалки! Изрѣдка развѣ проявится какая-нибудь сильная благородная личность, но что она можетъ сдѣлать среди такихъ выродившихся дворянъ, среди такихъ жалкихъ купцовъ? Всѣ разучились любить сердечнымъ чувствомъ разграбляемую и развращаемую Россію; далѣе хвастливыхъ словъ любовь ихъ не заходитъ. Приглядѣвшись ко всему этому, благодаришь Бога, что дѣло объ ополченіи не было дано на добровольное обсужденіе дворянства; можно-бы сказать навѣрное, что наше ополченіе было-бы ничтожно... А мы, въ Петербургѣ еще разсчиты-

ваемъ на русскій патріотизмъ. А наши оффиціальные педагоги думаютъ, что въ основаніи нашего воспитанія вмѣстѣ съ другими принципами положена и народность, будто-бы въ ея духѣ воспитывается русское юношество! Все слова, фразы и ложь“! (В. Я. Стоюнинъ, „Безъ исторіи и преданій“, въ журналѣ „Древняя и Новая Россія“, 1879, № 1).

Полагаемъ, что всѣхъ этихъ данныхъ и свидѣтельствъ достаточно, чтобы характеризовать ту ступень умственнаго и нравственнаго паденія, на которой Россія обречена была встрѣтить и вынести „Восточную войну“ 1853—1856 годовъ. По одному мѣткому выраженію, „Русскій народъ умѣлъ умирать за Россію, но не умѣлъ жить для нея“. Онъ лишенъ былъ этой возможности. Въ тогдашней Россіи существовали крестьяне, какъ мускульная рабочая сила; темное царство купцовъ и промышленниковъ, сосредоточившихъ всѣ помыслы на рощеніи брюха и наживѣ; было, наконецъ, отставное дворянство, охотившееся, игравшее въ карты и ничего не дѣлающее. Но въ ней не было *гражданъ* въ полномъ смыслѣ слова; были только обыватели, жители.

Сказать, что страна *лишена нравственныхъ* и *умственныхъ силъ* для успѣха борьбы съ непріятелемъ—значитъ все сказать. Этою основною причиною объясняются всѣ послѣдствія, играющія роль второстепенныхъ и третьестепенныхъ причинъ, среди которыхъ такъ безпомощно, нелогично, или пристрастно бьются военные писатели, считающіе себя историками и критиками Восточной войны 1853—1856 годовъ. Нѣтъ гражданъ, нѣтъ знаній—не можетъ быть и матеріальныхъ средствъ для выигрыша сколько-нибудь серьезной войны. Могущественнѣйшею силою Россіи считалась армія, для нея приносилось все въ жертву, на ней сосредоточивались самые ревнивые помыслы, на нее опирался весь внутренній строй. На арміи-то, именно, и отразились прежде всего ошибки, заблужденія, застой нашей внутренней жизни.

Недостатки тогдашней военной организаціи, вызвавшіе цѣлый рядъ преобразованій по военному вѣдомству, такъ свѣжи еще въ памяти у каждаго, что мы считаемъ излишнимъ доказывать то положеніе, что именно на арміи, на этомъ возлелѣянномъ дѣтищѣ первой половины нынѣшняго вѣка, Россія понесла наказаніе за прегрѣшенія своей внутренней жизни. Напомнимъ, только, что никогда не было выставлено подъ ружье большей массы людей! Въ послѣдній годъ войны вооруженныя силы Россіи доходили до $2^1/_2$ милліоновъ лю-

дей, въ три раза превышая такія-же силы 1812 года; а между тѣмъ никогда такъ сильно не чувствовался недостатокъ въ арміи, какъ въ войну 1853—1856 годовъ. Вся военная переписка того времени представляетъ одно стенаніе о недостаткѣ войскъ, объ истощеніи послѣднихъ резервовъ. Несмотря на то, что мы были у себя дома, а непріятель издалека черпалъ свои силы, но характеристическая черта почти всѣхъ сраженій заключается въ численномъ превосходствѣ врага. Не соблюдалось, такимъ образомъ, одно изъ основныхъ условій выигрыша сраженій. Это объясняется тѣмъ, что въ сущности мы были дальше, а непріятель ближе къ своей базѣ. Это ни съ чѣмъ несообразное чудо совершилось благодаря отсутствію удобныхъ путей сообщенія, пренебреженію къ пару, то-есть вслѣдствіе все того-же умственнаго застоя, отвращенія отъ „тлетворнаго вліянія Запада“. Если для обмѣна мнѣній между Петербургомъ и Севастополемъ требовалось около двухъ недѣль, если телеграфъ проведенъ только въ концѣ войны, если даже о кончинѣ Императора Николая I Севастопольскій гарнизонъ узналъ черезъ посредство непріятеля, то можно себѣ представить сколько недѣль и мѣсяцевъ требовалось для формированія резервовъ, для подхода подкрѣпленій, для снабженія арміи продовольствіемъ, снарядами, одеждою? Невозможность быстраго сосредоточенія войскъ къ угрожаемому пункту заставляла держать вдали отъ непріятеля праздными цѣлыя массы, когда въ нихъ была настойчивая необходимость въ Крыму. Объ низкомъ уровнѣ знаній офицеровъ, о недостаткахъ вооруженія, о растерянности командировъ, этихъ профессоровъ церемоніальнаго марша и шагистики, умѣвшихъ „разносить“ на плацу и не забывавшихъ своихъ дѣлишекъ, но незнавшихъ толково написать или разобрать диспозицію для сраженія,—едва-ли нужно упоминать. Все это одно неизбѣжное, естественное послѣдствіе общаго состоянія страны, общаго упадка гражданскаго духа и пренебреженія къ знаніямъ. Г. Дубровинъ много повѣствуетъ о лишеніяхъ и матеріальныхъ недостаткахъ союзниковъ въ первую зиму ихъ пребыванія въ Крыму; но современники хорошо помнятъ, какъ комфортабельно успѣла устроиться цивилизованная армія на второй годъ, какъ появился въ виду Севастополя цѣлый городокъ, съ кофейнями, ресторанами, даже театрами, съ какимъ чувствомъ мы вынуждены были любоваться на желѣзную дорогу, которую они успѣли построить отъ своихъ позицій къ Балаклавѣ. Наша-же армія

продолжала въ то время таять какъ снѣгъ „отъ изнуренія и болѣзней“ *), утопала въ грязи, едва находила средства для своего пропитанія, тогда какъ по всѣмъ дорогамъ гнили цѣлые стоги сваленныхъ на голую землю сухарей, муки, овса. Десятки тысячъ конныхъ и воловыхъ подводъ были поставлены южнымъ населеніемъ Россіи, но волы и лошади пали отъ истощенія силъ, отъ алчности командировъ разныхъ парковъ.

Югу Россіи и даже нѣкоторымъ губерніямъ средней полосы хорошо памятны всѣ ужасы тогдашняго положенія. Начиная отъ Симферополя, далеко внутрь Россіи, за Харьковъ и Кіевъ, города наши представляли сплошь одну больницу, въ которой домирало то, что не было перебито на Севастопольскихъ укрѣпленіяхъ. Всѣ запасы хлѣба, сѣна, овса, рабочій скотъ, лошади, телѣги, все что могло дать населеніе, все было направлено къ услугамъ арміи. Но армія терпѣла постоянный недостатокъ въ продовольствіи; кавалерія, парки не могли двигаться. За то командиры военныхъ поселеній, эскадроновъ, батарей и парковъ, за то интендантскіе чиновники и поставщики потирали себѣ руки отъ удовольствія! А въ Николаевѣ, въ Херсонѣ, въ Кременчугѣ и другихъ городахъ, въ тылу арміи, день и ночь, кипѣла азартная игра, шелъ непрерывный кутежъ, и груды золотыхъ переходили изъ рукъ въ руки по зеленому полю. Кипы бумажекъ, какъ матеріалъ удобоносимый, прятались подальше. Даже солома, назначаемая для подстилки подъ раненныхъ и больныхъ воиновъ, послужила источникомъ для утолщенія многихъ кармановъ, такъ что объ этомъ возникло даже „особое дѣло“. Раненныхъ, больныхъ—и тѣхъ обирали! И ихъ не пощадили алчность и гражданская безнравственность. Почтовое сообщеніе въ сущности прекратилось, по крайней мѣрѣ для публики, для частныхъ лицъ. Частная корреспонденція запаздывала по мѣсяцамъ; на станціяхъ жили офицеры, ненаходившіе лошадей; станціонные смотрителя съ распухшими и избитыми физіономіями, несмотря на данную имъ кокарду, убѣгали въ степь, въ лѣсъ, оставляя „ввѣренную имъ часть“ на произволъ судьбы. Флигель-адъютанты, курьеры, фельдъегери нерѣдко вынуждены были охотиться за лошадьми и ямщиками, чтобы не опоздать съ донесеніями, приказами,

*) „Военно-Статистическій Сборникъ“, вып. IV, 1871, отд. II, стр. 52.

распоряженіями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, благодаря распутицѣ, эти спѣшные, важные для интересовъ арміи, переѣзды совершались на волахъ! „Еще годъ войны (писалъ Грановскій) и вся Южная Россія разорена! Надобно самому съѣздить, да посмотрѣть и послушать, что тамъ дѣлается. Когда правительство требуетъ копѣйку, мѣстное начальство распорядится такъ, что заставитъ народъ платить три, и все это безсмысленно и подло“!

Таковы-то были матеріальныя средства, съ которыми Россія выступила на борьбу противъ Европы! Развѣ мыслимъ былъ успѣхъ въ этой борьбѣ, при такомъ умственномъ застоѣ и упадкѣ гражданственности? Сама армія, этотъ могущественный оплотъ и все упованіе тогдашней политики, представляла къ концу кампаніи, вмѣсто стройной, грозной силы, какою она являлась на плацъ-парадахъ, безобразную, растрепанную массу: „Составъ войскъ на всѣхъ пограничныхъ театрахъ принялъ самый разнообразный, смѣшанный видъ; всѣ слѣды прежней организаціи какъ-бы исчезли; корпуса, постоянно содержавшіеся въ мирное время, раздробились; войска дѣйствующія перебились съ резервами, запасными и даже ополченіями; арміи и отряды всюду приняли характеръ сборныхъ. На Севастопольскихъ бастіонахъ, въ центрѣ напряженія всей выставленной Россіею двухъ съ половиной милліонной вооруженной массы, различные виды войскъ и ополченій слились въ одну геройскую толпу, воодушевившуюся до полнаго презрѣнія смерти. Но и этотъ героизмъ и всѣ жертвы народа и войска не наградили насъ удачею“. (Военно-Статистическій Сборникъ“, ibid. стр. 52). Послѣдняя фраза, несмотря на строго-статистическій характеръ изданія, невольно вырвалась у составителей книги, вѣроятно, въ сознаніи, что одного героизма умирать слишкомъ еще недостаточно для успѣха въ военномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности, эта геройская толпа была очень плохо вооружена въ матеріальномъ, умственномъ и, какъ мы видѣли, даже въ нравственномъ отношеніяхъ.

Итакъ, если-бы все сказанное не ускользало отъ вниманія военныхъ историковъ и критиковъ, то произведенія ихъ представляли-бы менѣе несогласимыхъ противорѣчій, не поддерживали-бы въ обществѣ и въ военномъ мірѣ опасныхъ заблужденій, не обрекали-бы Россію на повтореніе однажды пережитыхъ ошибокъ.

VI. Ближайшія послѣдствія войны.

Опредѣливъ извѣстныя причины войны и ея неудачъ, нетрудно оцѣнить и ея неизбѣжныя, естественныя послѣдствія. Очевидно, послѣдствія эти должны быть соотвѣтственны причинамъ, отвѣчать ихъ важности и значенію. Первымъ ближайшимъ послѣдствіемъ неудачной войны была кончина императора Николая Павловича. Теперь, на разстояніи многихъ лѣтъ, можно съ большимъ безпристрастіемъ оцѣнить этого убѣжденнаго представителя самодержавія, это воплощеніе монархическаго принципа, желавшаго служить истиннымъ интересамъ государства, искренно вѣровавшаго, что это наиболѣе совершенная форма удовлетворенія народныхъ идей, стремленій, потребностей.

Ужъ одно то обстоятельство, что кончина имератора Николая I произвела глубочайшее впечатлѣніе не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, свидѣтельствуетъ о мѣстѣ, которое занималъ онъ въ новѣйшей исторіи, и о значеніи этого событія какъ для внутренней жизни Россіи, такъ и для международной политики. Въ первую минуту, какъ громомъ пораженные неожиданной вѣстью о кончинѣ государя, многіе русскіе плакали, отчаянно спрашивая себя, „что теперь будетъ съ нами“? Наиболѣе трезвые, предубѣжденные или даже несочувственные умы призадумались: до такой степени чувствовалось, что со смертью императора исчезла извѣстная, опредѣленная сила, до такой степени въ лицѣ покойнаго императора, въ теченіе тридцати лѣтъ, образовалось средоточіе всѣхъ государственныхъ силъ Россіи, источникъ всего сущаго въ ней и во внѣшнемъ ея вліяніи.

Нельзя не признать, что императора Николая I погребла Крымская кампанія; что медленною отравою для этого могучаго, цѣльнаго, увѣреннаго въ себѣ, почти спартански-строгаго рыцаря-человѣка послужили неудачи и горькія разочарованія 1853—1856 годовъ. Онъ вѣрилъ слову и умѣлъ держать его. Онъ извѣдалъ, какъ вѣроломно оставили его тѣ, на кого онъ полагался во внѣшнихъ сношеніяхъ. Онъ испилъ горечь обращенія услуги во зло. На его глазахъ совершилось превращеніе друзей во враговъ. Боль усилилась отъ сознанія, что и не могло быть иначе, что расчеты на благодарность основаны были на слишкомъ шаткомъ фундаментѣ, такъ какъ частныя отношенія правителей перестали ужъ

играть выдающуюся роль въ международной жизни, и на политическую арену въ Европѣ выступили новые факторы, оказывающіе болѣе могущественное вліяніе на ходъ политики. Внутри было еще хуже: уколы, нанесенные съ этой стороны, были, еще глубже. Врагъ лести, продажности, обмана, покойный императоръ имѣлъ горькую участь убѣдиться, что эти пороки, какъ извивающіеся гады, съумѣли проложить дорогу во всѣ сферы, начиная отъ канцеляріи и кончая школою, печатью, религіею даже. Полагая, что его орлиный взглядъ всюду проникалъ, могъ свободно видѣть и взвѣшивать добро и зло, онъ вынужденъ былъ признать, что густыя облака съумѣли незамѣтно встать между нимъ и дѣйствительною жизнью и заслонить истинныя потребности. Ему довелось быть зрителемъ, какъ рушилось красивое, могучее, гордое и здоровое съ вида зданіе, на которое потрачены были долгіе годы заботъ и труда, какъ все это оказалось только раскрашенною декораціею, за которою обнаружились кучи мусора, поддѣлки, паутина, и гнилыя подпорки закулисной жизни. Ему пришлось сознать, что истинное, громадное зло находилось далеко отъ той стороны, гдѣ оно такъ тщательно искалось, что успѣвшіе образоваться вокругъ—подобострастіе, безпрекословіе, неправдолюбіе были способны только поддерживать это заблужденіе, эту борьбу съ вѣтренными мельницами, и часто не изъ совсѣмъ чистыхъ, небезкорыстныхъ побужденій. Достаточно прочесть письма, которыя неутомимо писалъ императоръ во время войны, чтобы составить понятіе о томъ, что выстрадалъ, что вынесъ онъ въ эту эпоху, какія тревожныя, безсонныя ночи выпали подъ конецъ царствованія на его долю. Эти письма, внушающія глубочайшее уваженіе къ личности покойнаго императора, могли-бы доставить богатый матеріалъ для трагедіи, матеріалъ, который удовлетворилъ-бы самого Шекспира! Какими человѣчными чувствами, какою любовью къ родинѣ, къ величію Россіи проникнуты эти письма! Какъ заботится писавшій ихъ о солдатѣ, о малѣйшихъ мелочахъ, могущихъ облегчить положеніе арміи! какъ горячо принимаетъ онъ къ сердцу всякую потерю, какъ радуется радостями и печалится печалью тогдашнихъ событій! Императоръ подаетъ совѣты, ободряетъ, старается вложить въ начальниковъ гражданскій духъ, взываетъ къ лучшимъ сторонамъ людей, проситъ и требуетъ правды, одной только правды, ничего кромѣ правды! Опасаясь стѣснять дѣйствія арміи,

желая видѣть въ руководителяхъ ея государственныхъ мужей, людей, а не бездушныхъ деревянныхъ солдатиковъ,—гражданъ, а не озирающихся вокругъ, угодливыхъ „службистовъ",—императоръ, при всякомъ совѣтѣ или мнѣніи, спѣшитъ оговориться, что этимъ не должно стѣсняться въ выборѣ дѣйствій, что ему трудно судить издали, что онъ не хочетъ играть роль гофкригсрата. Но поздно, все напрасно! Омертвѣлое нельзя воскресить, обезличенное нельзя вдохновить сознаніемъ, опытностью, здравымъ смысломъ; совѣты императора неумѣло выполняются, или принимаются за приказаніе и приводятся въ дѣйствіе при измѣнившихся, неблагопріятныхъ условіяхъ. На благородные призывы, или справедливые укоры императора ему отвѣчаютъ или изворотами, сваливая вину съ больной головы на здоровую, или прямо покушаются на оставленіе главы государства въ невѣдѣніи, въ невозможности быть вѣрнымъ судьею событій, полезнымъ руководителемъ. Извѣстно, что по поводу Альминскаго сраженія императоръ тяжко былъ огорченъ совершенно ложнымъ донесеніемъ будто сраженіе проиграно, благодаря „недостаточной стойкости войскъ". До глубины души огорченный неудачею сраженія, императоръ еще сильнѣе скорбитъ по поводу причины, которой это приписывалось. „Буди воля Божія—пишетъ государь князю М. Д. Горчакову—роптать не буду и покорюсь святой Его волѣ. Но больно мнѣ, что причиною поставляется малодушіе войскъ! Непонятно для меня, зная какъ хороши были по общему слуху и донесеніямъ самого князя, какой духъ между ними господствовалъ". Истинныя-же причины пораженія (дурное расположеніе войскъ на позиціи, недостатокъ общаго руководства въ сраженіи, плохое вооруженіе нашихъ солдатъ, вышедшихъ съ кремневыми самопалами противъ штуцеровъ) были скрыты отъ императора. Ровно три раза государь долженъ былъ напомнить князю Меншикову, что тотъ обязанъ доносить о всѣхъ подробностяхъ происходящаго и *ничего не таить*. Замѣчательно, что императоръ говорилъ въ этомъ случаѣ отъ имени Россіи, очевидно, сознавая, какъ важно для самого успѣха войны непрерывное духовное и умственное единеніе народа съ арміею, путемъ опубликованія правдивыхъ свѣдѣній съ театра военныхъ событій. „Теперь долженъ тебѣ откровенно признаться,—указывалъ государь князю Меншикову,—что, писавъ тебѣ уже нѣсколько разъ про необходимость мнѣ знать,—что происходитъ, и прождавъ цѣлый мѣсяцъ подробнаго донесенія о сраженіи при Альмѣ, мнѣ крайне было странно и непріятно вчера ничего

подобнаго не получить отъ тебя, вопреки даннаго мною тебѣ приказанія... Ты меня ставишь въ лицѣ Россіи въ самое непріятное положеніе, ибо всякій знаетъ мою откровенность, и что не въ обычаѣ моемъ скрывать истину, какъ-бы ни была она горька. Теперь-же никто не понимаетъ причины моего страннаго и никому непонятнаго молчанія, тогда какъ всѣ иностранныя газеты полны самыхъ мелочныхъ подробностей всего, что происходило у непріятеля и частью у насъ. Мы-же все молчимъ, даже не въ состояніи отвѣчать на все это. Никто не подозрѣваетъ, что причиною тому то, что я самъ отъ тебя ничего не знаю. Сознайся, любезный Меншиковъ, что тутъ нѣтъ приличія, и что на тебя не похоже ставить меня въ столь непріятное положеніе. Итакъ, въ послѣдній разъ прошу и приказываю тебѣ писать мнѣ подробно все. Мнѣ одному подобаетъ рѣшить, что подлежитъ тайнѣ и что слѣдуетъ сдѣлать гласнымъ, а не кому другому“.

Какъ сказывается въ этихъ словахъ государь, которому не разъ приходилось спасать литературныя произведенія, какъ напримѣръ „Ревизора“, отъ излишняго усердія услужливой цензуры. Кто помнитъ мучительное, томительное чувство неизвѣстности, съ какимъ обыкновенно ожидаются извѣстія изъ арміи во время войны, тотъ въ состояніи оцѣнить, какой запасъ воли и самообладанія долженъ былъ имѣть императоръ, чтобы такъ снисходительно переносить явныя поползновенія скрывать отъ него подробности военныхъ событій.

Получая ударъ за ударомъ, испытывая разочарованіе за разочарованіемъ, покойный государь одинъ изъ первыхъ долженъ былъ сознать горькую истину на счетъ прошлаго и настоящаго Россіи, предвидѣть неизбѣжную развязку войны. Обычный ему здравый смыслъ ясно диктовалъ, гдѣ была коренная причина этихъ горькихъ испытаній, и кто первый былъ за нихъ отвѣтчикъ. Сознавая необходимость уступокъ врагамъ, предвидя неизбѣжность уступокъ духу времени, онъ, по своему характеру, не могъ идти на сдѣлку, не могъ измѣнить себѣ. Вѣрный своей совѣсти, своему рыцарскому духу, покойный императоръ не считалъ возможнымъ дозволить себѣ то, что онъ готовъ былъ сдѣлать, какъ человѣкъ. Это была сильная натура, которая можетъ надломиться, но не согнуться. И императора Николая Павловича не стало.

Патріархальное, крѣпостное, полицейское государство

отходило въ вѣчность. Оплакавъ эту смерть, понявъ ея значеніе, многіе вскорѣ почувствовали просвѣтъ, возможность выхода изъ тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Въ Европѣ также зародилось сознаніе, что обстоятельства теперь измѣнились, что причины къ продолженію войны ослабли. По инерціи, она продолжалась, потоки крови еще лились, но возможность мира стала уже сказываться. Для Россіи весь вопросъ сводился къ тому, какъ-бы съ меньшимъ униженіемъ, съ меньшими утратами получить право заняться излѣченіемъ тѣхъ ранъ, которыя съ такою ясностью раскрылись и зіяли въ ея организмѣ. По всѣмъ швамъ треснулъ, расползался старый, узкій, казенный кафтанъ, который такъ долго, до износа, напяливали на Россію; необходимо было, хотя приличія ради, снабдить ее новыми одеждами.

Франція, являвшаяся самымъ важнымъ противникомъ нашимъ на полѣ брани, представляла въ 1855 году наиболѣе благопріятную почву для заключенія сколько-нибудь приличнаго для Россіи мира. Наполеономъ III, во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ, руководили гораздо болѣе личные, династическіе интересы, нежели потребности страны. Франціи, которая сама подпала подъ гнетъ Наполеоновскаго цезаризма, лучшіе люди которой обречены были на молчаніе, изгнаніе и ссылку, не было нужды тянуть не дешево-обходившуюся, во всякомъ случаѣ, войну. Старый шовинизмъ, воскресшія искушенія военною славою, отместка за 1812 годъ могли считаться удовлетворенными: Севастополь палъ, „обаяніе Наполеоновскаго имени“ закрѣплено, одна изъ парижскихъ улицъ переименована въ „Севастопольскій бульваръ“. Продолженіе войны не могло сулить большихъ выгодъ самому Наполеону III, а тѣмъ болѣе подпавшей подъ его власть странѣ. Русская дипломатія нашла средство открыть непосредственные переговоры съ наполеоновскимъ правительствомъ, помимо дорого достававшагося намъ посредничества Австріи и Пруссіи. Этотъ шагъ служилъ уже признакомъ возврата къ лучшему пониманію узловъ Европейской политики и залогомъ избѣжанія тѣхъ ошибокъ, въ которыя насъ вводили традиціи Священнаго союза и трактатовъ 1815 года. Соглашеніе, при посредствѣ графа Морни, готово было уже состояться, какъ вдругъ вмѣшалась Австрія, опасавшаяся, что дѣло уладится безъ посредства ея „дружескихъ услугъ“ и что ей не придется участвовать въ дѣлежѣ добычи. Под-

держанная Англіею, невполнѣ довольною еще результатами войны, Австрія поспѣшила заявить о своей готовности открыто присоединиться къ союзникамъ и выставила необходимость территоріальныхъ уступокъ со стороны Россіи, для оттѣсненія ея отъ устьевъ Дуная. Хотя князь Горчаковъ, бывшій тогда нашимъ представителемъ въ Вѣнѣ и ведшій переговоры съ графомъ Морни, и разсчитывалъ, что путемъ сближенія съ Франціею можно отстранить невыгодныя послѣдствія Австрійскаго вмѣшательства, но графъ Несельроде, по свидѣтельству стараго дипломата, не раздѣлялъ этого мнѣнія. Онъ „былъ такъ пораженъ необходимостью мира, многочисленные случаи, когда мы запаздывали съ нашими уступками, произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ не хотѣлъ рисковать еще разъ въ столь важную минуту".

На основаніи сообщеній того-же стараго дипломата, приводимъ свѣдѣнія о тѣхъ мотивахъ, которые вынудили наше правительство согласиться на тяжкія условія мира.

„3 (15) января 1856 года, Государь императоръ Александръ II изволилъ созвать совѣтъ для обсужденія предложеній Австріи въ высочайшемъ присутствіи. Къ участію въ этомъ совѣщаніи были приглашены: великій князь Константинъ Николаевичъ, графы: Воронцовъ, Орловъ, Киселевъ, Блудовъ, Несельроде, князь Долгоруковъ и баронъ Мейендорфъ. Когда Императоръ изложилъ въ самыхъ короткихъ словахъ самый предметъ совѣщанія, канцлеръ имперіи просилъ позволенія прочесть записку, которая клонилась къ принятію предварительныхъ условій мира. Канцлеръ основывалъ свое мнѣніе на соображеніяхъ весьма убѣдительныхъ. По его мнѣнію, ближайшимъ послѣдствіемъ нашего отказа было-бы прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Австріею, а вѣроятнымъ результатомъ его—присоединеніе Австріи къ коалиціи, грозящее увлечь за нею и Германію и Скандинавскія государства. Сама Пруссія, несмотря на личныя чувства короля, едва-ли могла-бы противиться оказываемому на нее давленію. Намъ угрожала такимъ образомъ, коалиція всей Европы. Наконецъ, по мнѣнію канцлера, даже и помимо этихъ крайне тяжелыхъ вѣроятностей, члены коалиціи имѣли въ рукахъ могущественное орудіе противъ насъ—блокаду, которая разобщала Россію и подрывала ея будущность въ политическомъ и торговомъ отношеніи. Такое положеніе ста-

ло-бы, наконецъ, нестерпимо, и рано или поздно намъ пришлось-бы искать мира; но тогда условія мира будутъ еще тяжелѣе настоящихъ. Напротивъ, принимая австрійскія предложенія, мы разстраивали, по мнѣнію канцлера, планы нашихъ враговъ, желающихъ продленія войны, и коалицію, состоящую изъ разнородныхъ и несочувственныхъ другъ другу элементовъ, связанныхъ единственно требованіями общей борьбы. Война заставила - бы стакнуться разнообразные интересы членовъ коалиціи, тогда какъ миръ, напротивъ, способствовалъ-бы развитію существующихъ между ними разногласій“.

„Канцлеръ сослался также на невыгоды оборонительной войны на громадныхъ пространствахъ Россіи, прилегающихъ къ морямъ, которыми владѣетъ непріятель, и на желаніе Людовика-Наполеона сблизиться съ нами. Князь Воронцовъ высказалъ мнѣніе, что какъ ни тяжелы предложенныя намъ условія, нѣтъ никакой вѣроятности добиться лучшихъ условій отъ продолженія войны. Напротивъ, по всѣмъ признакамъ можно ожидать въ будущемъ условій еще болѣе унизительныхъ, которыя ослабили-бы Россію на многіе годы, причинивъ ей неисчислимыя потери людьми, деньгами и владѣніями. Союзники могутъ способствовать отпаденію Крыма, Кавказа, даже Финляндіи и Польши. Такъ какъ надо-же когда-нибудь прекратить начатую бòрьбу, то лучше не выжидать подобныхъ возможностей. Послѣ князя Воронцова, графъ Орловъ опровергалъ возраженія противъ мира. Какъ-бы ни было сильно патріотическое настроеніе въ Россіи,—говорилъ онъ,—масса населенія, истомленная жертвами,налагаемыми войною, радостно приметъ вѣсть о мирѣ. Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ однимъ только правительствомъ, лучше знающимъ дѣло, безъ всякаго вниманія къ неосновательнымъ предубѣжденіямъ общества. Графъ Киселевъ высказался въ томъ-же смыслѣ, указывая главнымъ образомъ на опасности, соединенныя съ продленіемъ войны. Россія завоевала свои новыя провинціи только въ послѣдніе полвѣка, и еще не имѣла времени осуществить сліяніе ихъ съ остальною имперіею. Въ Волынской и Подольской губерніяхъ проповѣдуютъ эмиссары и недовольные обнаруживаютъ тамъ усиленную дѣятельность. Финляндію, при наилучшихъ ея намѣреніяхъ, соблазняютъ перейти подъ шведское владычество. Наконецъ, настроеніе Польши до того непріязненно, что она

возстанетъ вся, какъ только военныя дѣйствія союзниковъ дадутъ къ тому возможность. Всѣ области, которыхъ положеніе сомнительно, становятся для насъ источниками слабости въ виду численнаго превосходства непріятеля, и если эти области будутъ заняты имъ, то трудно предвидѣть, когда, какъ и какою цѣною мы пріобрѣтемъ ихъ обратно. Въ сравненіи съ подобными возможностями, требуемыя отъ насъ жертвы ничтожны и, по мнѣнію графа Киселева, нельзя ни минуты колебаться въ выборѣ того или другого пути. Князь Долгоруковъ вошелъ въ подробности нашего военнаго положенія, которыя также убѣждали въ невозможности продолжать войну. Баронъ Мейендорфъ подтвердилъ то-же мнѣніе ссылкою на состояніе нашихъ финансовъ. Министръ финансовъ объявилъ, что продолженіе борьбы неминуемо приведетъ насъ къ банкротству. Война уже стоила до 300 милліоновъ чрезвычайнаго расхода, между тѣмъ какъ поступленіе доходовъ постоянно уменьшалось, а производительный капиталъ страны былъ затронутъ значительнымъ числомъ рукъ, оторванныхъ отъ земледѣльческаго труда. Баронъ Мейендорфъ ссылался на Швецію, показавшую своимъ примѣромъ, какая участь постигаетъ государства, упорствующія въ неравной борьбѣ. Бывъ прежде могущественною державою, Швеція стала третьестепеннымъ государствомъ, истощенная войнами Карла XII, и съ тѣхъ поръ уже не поднималась. Въ настоящую минуту,—продолжалъ боронъ Мейендорфъ,—миръ еще можетъ быть перемиріемъ для Россіи. Но если отложить его на годъ или два, то государство будетъ до того ослаблено, что понадобится полвѣка для возстановленія его силъ. Одинъ только графъ Блудовъ говорилъ противъ мира; но и онъ не отвергалъ его рѣшительно. Прослезившись, онъ кончилъ слѣдующими словами: „скажу, какъ графъ Шуазель: такъ какъ мы не умѣемъ вести войну, то заключимъ миръ“!

Таковы были вѣскія основанія, принудившія Россію, послѣ столькихъ жертвъ, принять тягостныя условія мира. Мы видимъ и въ этомъ случаѣ, что не внѣшняя сила, не козни и интриги враговъ, а внутреннія условія страны играли тутъ первую роль. Въ два года грозная военная сила распалась; матеріальныя средства хотя и обѣщали возможность продолженія пассивной обороны, но не давали вѣроятія на побѣду. Почти несплоченныя части государства не внушали довѣрія, отвлекали массу войскъ для сохраненія въ нихъ спо-

койствія. Продолженіе войны, какъ справедливо усматривало правительство, могло навлечь на насъ новыхъ враговъ и окончиться еще болѣе тяжелыми послѣдствіями. Не было, какъ мы видѣли, и нравственныхъ силъ для отпора враговъ. Если „московская оппозиція“ и хорохорилась, то огромная масса народа, все интеллигентное въ обществѣ желали мира. Мы ознакомились уже съ тѣмъ „патріотизмомъ“, которому только и можно было приписать возраженія противъ мира. Это были или немногіе идеалисты, люди не уразумѣвшіе причинъ войны и нашего пораженія, или тѣ обильные числомъ хищники, которые недостаточно еще насытились на счетъ казны, народа, на счетъ священнѣйшихъ интересовъ государства, въ самую роковую для него минуту. На мечтателей и близорукихъ нельзя было обращать вниманія; хищниковъ-же слѣдовало устранить и предать суду. Въ трезвыхъ сферахъ общества невоинственные планы составляли теперь предметъ горячихъ помышленій. Если тутъ и сожалѣли о невыгодахъ мира, особенно объ утратѣ геройскаго Черноморскаго флота, то видѣли въ этомъ естественную расплату за ошибки прошлаго и указаніе на возможность ихъ исправленія. О настроеніи этой наиболѣе разумной части общества можно судить по слѣдующему факту. Грановскій умеръ въ октябрѣ 1855 года, не дождавшись окончанія войны. Но, по свидѣтельству его біографа, передъ смертью „опасенія его смѣнились въ душѣ его надеждами на лучшую будущность отечества, которую должны приготовить ему уроки настоящаго, общественныя преобразованія и просвѣщеніе“. Вотъ чего ждали лучшіе люди Россіи, а для этого, прежде всего, необходимъ былъ миръ.

Къ какимъ-же выводамъ приводитъ исторія Восточной войны 1853—1856 годовъ? Какое умственное и нравственное наслѣдіе оставила эта кровавая драма современникамъ и потомкамъ? О какомъ урокѣ шла рѣчь у тѣхъ людей, которые на своихъ плечахъ вынесли тягостныя причины, создавшія войну и неибѣжныя ихъ послѣдствія?

Военный историкъ г. Богдановичъ старается дать отвѣтъ на эти весьма естественные вопросы. Указавъ, что война 1853—1856 годовъ изгладила слѣды Священнаго союза, возвысила вліяніе Франціи на дѣла Европы и ввела Турцію въ „ареопагъ Европейскихъ державъ“, г. Богдановичъ присовокупляетъ: „Но, едва прошло нѣсколько лѣтъ, какъ исчезли

всѣ послѣдствія войны. Согласіе трехъ сѣверо-восточныхъ имперій казалось необходимымъ для сохраненія общаго мира, Францiя дорого поплатилась за эфемерные успѣхи своего властителя, а Турція, всемѣрно уклонявшаяся отъ вліянія Россіи, попала подъ опеку нѣсколькихъ державъ, которыя едва-ли могутъ спасти ее отъ разрушенія, неизбѣжнаго слѣдствія внутреннихъ неустройствъ и безпорядковъ. Восточный вопросъ—вопросъ времени: его развязку можно отсрочить, но отстранить ее никто не въ силахъ".

Этотъ выводъ не только не встрѣчаетъ протеста со стороны рецензента, г. Дубровина, но повторяется имъ съ видимымъ сочувствіемъ.

Такимъ образомъ, изъ словъ военнаго историка и его рецензента выходитъ, будто Европа, будучи нашимъ противникомъ, явилась въ Крымской войнѣ представителемъ зла и неправды; Россія-же выполняла священную, высокую миссію, подвизалась на пользу цивилизаціи и угнетеннаго человѣчества; въ концѣ-же концовъ, несмотря на злоухищренія, зависть и интриги тлетворнаго Запада, правое дѣло выиграло, порокъ наказанъ, а добродѣтель восторжествовала: Священный союзъ возстановленъ, Франція дорого поплатилась, Турція разрушается—отъ внутренняго неустройства и безпорядковъ. Такимъ образомъ, оказывается, что, если Крымская война и принесла намъ „урокъ", который видѣли уже Грановскій и другіе просвѣщеннѣйшіе и лучшіе люди, то развѣ въ томъ смыслѣ, что намъ надлежитъ слѣдовать тому образу дѣйствій, котораго держалась внѣшняя и внутренняя политика Россіи со временъ 1815 года,—хотя это и можетъ навлечь намъ непріязнь „гнилого Запада"; если этимъ путемъ мы и рискуемъ проиграть новую Европейскую войну, то, въ концѣ-концовъ, все обратится въ нашу пользу, а врагамъ во вредъ.

Было-бы излишне распространяться, насколько все это противорѣчитъ сколько-нибудь внимательному изученію событій Восточной войны 1853—1856 годовъ, и какое зло сулитъ укрѣпленіе такихъ поверхностныхъ взглядовъ въ обществѣ для настоящаго и будущаго Россіи. Это значитъ - черпать изъ исторіи не поученія, а заблужденія. (Это и подтвердилось новой реакціей въ концѣ вѣка и ея позорной развязкой въ 1904—1905 гг.). Если современное положеніе Европы и приноситъ что-нибудь для правильной оцѣнки Восточной

войны, то именно въ смыслѣ осужденія нашей политики съ 1815 по 1853 годъ. Францiя и Австрія пострадали вовсе не черезъ то, что воевали съ Россіею; онѣ поплатились за тѣже внутреннія свои неустройства, которыя г. Богдановичъ охотно замѣчаетъ въ Турціи, въ качествѣ причины ея разрушенія, но не хочетъ видѣть гдѣ-нибудь поближе. Если Оттоманское владычество гибнетъ отъ внутренняго своего разложенія, то къ чему-же укрѣплять въ русскомъ обществѣ сознаніе въ пользѣ войны, которая, какъ показываетъ опытъ, въ состояніи только искусственно поддерживать то, что обречено на естественную смерть? Едва прошло два года со времени появленія книги г. Богдановича, но кто-же теперь (въ 1879 г.) говоритъ о понесенномъ Франціею „наказаніи“? Не представляетъ-ли, наоборотъ, эта страна всѣ признаки окончательнаго расчета съ тѣми тяжкими испытаніями, на которыя она была осуждена упорными ошибками и недостатками внутренней жизни, создавшими катастрофу 1789 года и повторившимися въ 1870 г. Не стоитъ-ли на очереди „историческаго наказанія“ та именно держава, которая, казалось, такъ глубоко и непоправимо раздавила, унизила Францію? А между тѣмъ, Бисмаркизмъ, захватывающій чужія провинціи, мнящій обогатиться милліардными контрибуціями, опирающійся на военную силу, создавшій внутреннее недовольство, окружающій себя со всѣхъ сторонъ внѣшними врагами и претендующій на полицейское вмѣшательство во внутреннюю жизнь сосѣднихъ народовъ, представляетъ богатую почву для нѣкотораго сравненія нынѣшняго значенія Германіи съ ролью Россіи до войны 1853—1856 годовъ. Только просвѣщеніе, миръ и внутреннее развитіе могутъ избавить Германію отъ военнаго разгрома.

Нѣтъ, не тѣ уроки, которые преподаютъ намъ г. Богдановичъ и г. Дубровинъ, принесла для Россіи Восточная война 1853—1856 годовъ. Смыслъ этихъ уроковъ ясно понимался русскимъ обществомъ въ первые-же годы послѣ войны. Уроки эти поучали насъ, что успѣхи внѣшніе достигаются только путемъ внутренняго развитія страны. Народы, желающіе выполнять историческую миссію, служить на благо человѣчества, привлекать къ себѣ умы и сердца, должны прежде всего заботиться, чтобы внутренній ихъ бытъ находился на уровнѣ этой высокой задачи. Въ этомъ заключается единственное средство, единственный залогъ успѣха. Военное могущество,

не опирающееся на эту „базу“, способно разсыпаться въ прахъ при первомъ-же столкновеніи, оставивъ въ исторіи лишь мрачный, кровавый слѣдъ, свойственный татарскимъ ордамъ, турецкимъ полчищамъ или даже Наполеоновскимъ легіонамъ. Военнымъ историкамъ, если они желаютъ служить наукѣ, не слѣдовало-бы упускать эти истины изъ вида.

Если наши замѣчанія посодѣйствуютъ установленію трезваго взгляда и правильнаго пониманія Восточной войны 1853—1856 годовъ, ея истинныхъ причинъ и естественныхъ послѣдствій, то свою задачу мы сочтемъ выполненною *).

---

*) Статья эта была помѣщена въ журналѣ С. Н. Шубинскаго „Древняя и Новая Россія“, 1879 г., декабрь. Изъ-за этой статьи была опечатана и пріостановлена книжка журнала. Подробности этого эпизода разсказаны выше, въ воспоминаніяхъ—„Роковое пятилѣтіе“, стр. 52—53.,

Итоги войны
1877—1878 гг.

Статья эта была помѣщена въ „Голосѣ“, 18 марта 1878 г., № 77, по заключеніи „Санъ-Стефанскаго мирнаго договора“. Объ этой статьѣ упоминается въ „Роковомъ пятилѣтіи“, стр. 7.

Окончивъ войну и наканунѣ новаго, быть можетъ, болѣе рѣшительнаго и продолжительнаго кроваваго столкновенія, не худо оглядѣться.

Смѣшно принимать на себя роль Немезиды, особенно въ то время, когда у насъ завелось много такъ называемыхъ „историческихъ людей“ и когда у современниковъ отрицается свобода и даже право сужденія объ этихъ „историческихъ людяхъ“; если же о дѣйствіяхъ людей нельзя судить, то тѣмъ болѣе это должно считаться непозволительнымъ вольнодумствомъ относительно тѣхъ событій, которыя ужь несомнѣнно играютъ и будутъ играть историческую роль. Тѣмъ не менѣе, современники имѣютъ свои обязанности, и первая изъ нихъ— не закрывать глаза на дѣйствительность, отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ, не итти, зажмуря глаза, куда ни попало, по теченію, куда буйные вѣтры занесутъ, полагаясь на авось, да на кривую, которая вывезетъ. Настанетъ день; исторія, пожалуй, спроситъ у современниковъ: а вы гдѣ были въ это время, что дѣлали, о чемъ думали? Управляли-ли вы событіями, боролись-ли, старались-ли, по крайней мѣрѣ, ими управлять? Было-ли у васъ хоть чуточку дѣльнаго, яснаго и обоснованнаго сознанія, или же вы только перекидывались изъ стороны въ сторону, перебѣгая отъ однихъ неосмысленныхъ чувствованій къ другимъ, отъ неистовыхъ восторговъ къ унизительнымъ страхамъ, отъ надменнаго чванства къ пугливому сознанію своего безсилія, отъ писанія писемъ къ Бисмаркамъ и Биконсфильдамъ къ боязливымъ справкамъ о томъ, какое можно смѣть сужденіе имѣть?

Какъ бурный вихрь, пронеслись событія, въ которыхъ многіе изъ насъ завертѣлись, очертя голову, утративъ иногда

здравый смыслъ, потерявъ счетъ днямъ и часамъ, хотя были минуты, которыя казались вѣчностью, хотя были дни, которые, думалось, никогда не настанутъ, или никогда не окончатся. Съ того времени, какъ все это началось, прошло ни много, ни мало, два съ половиною года. Два съ половиною года ненормальной, выброшенной изъ колеи, съѣхавшей съ рельсовъ жизни! Между тѣмъ, какъ будто это было вчера. Точно и вспоминать не нужно, такъ все это еще живо въ памяти. Мнѣ чудится иногда, будто мы пережили тяжелый сонъ. Много въ этомъ снѣ было страданій, горя, разочарованій; точно молотомъ ударяли въ сердце и камнемъ давили на мозгъ. Но вотъ, вдругъ, какъ-то стало свѣтлѣе и спокойнѣе. Мрачная туча, съ глухими, ворчливыми, все затихающими перекатами грома еще чернѣетъ на Западѣ, но утреннее солнце уже грянуло изъ-за облаковъ, засинѣло небо, грудь дышетъ чистымъ, благотворнымъ воздухомъ, и вы безотчетно ожидаете чего-то радостнаго, новаго, счастливаго, когда ни во что покажутся минувшія, страшныя, выстраданныя видѣнія. Подъ вліяніемъ этой счастливой минуты, вы пробуждаетесь, спѣшите на воздухъ—и вдругъ передъ вами прежній, сѣренькій день и хмурое измѣнчивое небо; не то свѣтъ, не то тьма, все ёжится и забивается въ свой уголъ, тѣ же маленькіе помыслы и тѣ же ничтожные интересы, все то же, не лучше и не хуже, чѣмъ было вчера, когда вы засыпали, когда вы старались уйти, забыться, укрыться отъ этой будничной, унылой дѣйствительности.

Попробуемъ, однако, оглядѣться, рѣшимся заглянуть прямо въ лицо правдѣ.

Было это въ августѣ 1875 года. Нельзя сказать, чтобъ хорошо чувствовалось. Большинство самыхъ богатыхъ мѣстностей Россіи было постигнуто неурожаемъ; безкормица и падежъ скота уносили безвозвратно тысячи сбереженій народа; по всей Россіи производилась подписка на сборъ пожертвованій для облегченія бѣдственной участи погорѣльцевъ, разоренныхъ во многихъ мѣстахъ въ конецъ опустошительными пожарами *). Голодъ, падежи, пожары, истребленіе лѣсовъ! Ссуды банковыя и всѣхъ другихъ сортовъ поглащались едва-ли не прежде выдачи; сельское хозяйство въ застоѣ;

---

*) См. сборникъ „Братская помощь“, статью „Русское общество предъ лицомъ бѣдствій въ Босніи и Герцеговинѣ въ 1875 году“, стр. 481.

недоимки росли и росли; желѣзныя дороги часто приносили болѣе вреда и убытковъ, нежели пользы. Можно сказать даже—очень нехорошо чувствовалось!

Это по части экономической. По части политической было не лучше. Старое разрушено, новое далеко еще не вошло въ жизнь и въ недодѣлкѣ. Не успѣли намъ принести новое платье, какъ оно оказалось ужь намъ узкимъ и непригоднымъ. Потребовалась какая-то „галантерейность“ въ обращеніи и нѣкоторая сдержанность въ своеволіи; стали соболѣзновать о старомъ, треснувшемъ по всѣмъ швамъ и оборванномъ крымскою войною кафтанѣ, въ которомъ вольготно было валяться и прозябать гдѣ-нибудь въ Обломовкѣ. *Освобожденіе крестьянъ* — но экономическое положеніе населенія, разнузданность кабака, міроѣдовъ, волостныхъ писарей, попечительныя мѣропріятія становыхъ приставовъ давали многимъ поводъ сожалѣть о старомъ, добромъ, патріархальномъ времени, не удовлетворяли однихъ, мечтавшихъ, что съ 19 февраля золотыя груши станутъ сами къ нимъ въ ротъ падать и ничего уже дурного и злого не будетъ на землѣ, и дозволяли другимъ клеветать даже на великое и незабвенное дѣло, совершенное въ этотъ знаменательный день. *Земство, городское самоуправленіе* — но добрая часть Россіи не знала еще, что такое земство и это городское самоуправленіе, а другая часть уже успѣла испытать много разочарованій: она узнала, что, при безгласности, при отсутствіи правильнаго, неустаннаго общественнаго контроля, общественное дѣло не можетъ двигаться и развиваться, что дѣятельные, честные, лучшіе люди не всегда могутъ разсчитывать на участіе свое въ общественныхъ учрежденіяхъ, что земство, самоуправленіе могутъ часто идти въ разрѣзъ съ охранительными вожделѣніями и убѣжденіями лицъ, нежелающихъ знать, что и земскія и городскія учрежденія созданы и дѣйствуютъ въ силу той-же санкціи, благодаря которой существуютъ и должности, занимаемыя этими лицами. Преобразованная часть Россіи успѣла уже извѣдать, что во многихъ случаяхъ не только поднимался, но и практически разрѣшался вопросъ объ усиленіи той именно власти, которую законодатель желалъ ввести въ должныя границы именно земскою и городскою реформами.

Новый судъ—но, опять-таки, добрая часть государства еще не успѣла извѣдать, что такое этотъ новый, заманчивый своею „правдою и милостью“ судъ, а другая уже ознакоми-

лась съ тою разницею, которая существуетъ между „Уставами“ и ихъ примѣненіемъ; она узнала, что такое возвѣщенная несмѣняемость и независимость судей, о которой написано въ „Уставахъ“; она уразумѣла дѣйствительное значеніе основного положенія правосудія, по которому никто не можетъ быть лишенъ свободы и принадлежащаго ему права иначе, какъ по закону и суду; она услышала уже дикіе вопли противъ суда присяжныхъ — вопли, въ которыхъ, вопреки цыфрамъ судебной статистики, вопреки очевидности, слышалось, будто присяжные оправдываютъ всѣхъ разбойниковъ и мошенниковъ и „тенденціозно“ осуждаютъ людей высшихъ сословій, съ „неблагонамѣренными цѣлями“ таскаемыхъ въ судъ!...

Всеобщая воинская повинность, военная реформа — но охранительные элементы, успѣвшіе „отрезвиться отъ чада реформъ“, не доказывали-ли всему свѣту, всякими софизмами и неправдами, будто армія наша разнуздалась съ отмѣною палокъ, что дисциплина, воинскій духъ въ ней окончательно пали, что молодые солдаты побѣгутъ съ поля сраженія, растратятъ славу, добытую „старыми ветеранами“, что созданіе образовательнаго ценза, вмѣсто ценза по происхожденію, подорвало корпусъ офицеровъ, что сліяніе образованныхъ людей съ необразованными внесло развратъ и тысячу опасностей въ ряды войска?

Народное просвѣщеніе, учебная реформа—но, вѣдь, мы пришли къ уродливому выводу, будто самая ложная и опасная идея заключается въ томъ, что написано въ азбукахъ, по которымъ насъ учили читать, и въ прописяхъ, по которымъ мы стали выводить первыя буквы. Въ этихъ букваряхъ и прописяхъ утверждалось, что „ученье свѣтъ, а не ученье тьма“, дѣйствительность-же хотѣла насъ убѣдить, что блаженны невѣдящіе. На ученическихъ скамьяхъ намъ твердили, что законъ есть основа порядка и благополучія человѣческихъ обществъ, а дѣйствительность доказывала, что самый помыслъ объ этомъ крайне вреденъ. Прежніе кодексы нравственности поучали, что нужно жить честно, не гнуть спины, не измѣнять своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ изъ за благъ земныхъ даже на кострѣ, а ежедневный опытъ ставилъ твердо и напроломъ совершенно противныя внушенія, фактически обнаруживая, что со всѣмъ этимъ нравственнымъ кодексомъ далеко не уѣдешь, или, вѣрнѣе, именно *далеко уѣдешь*, только не по пути благосостоянія, почестей и общественнаго служенія.

Безъ сомнѣнія, не совсѣмъ было благополучно и въ нравственномъ отношеніи. Общіе интересы отступили куда-то на второй, на третій, даже на десятый планъ, если только такой планъ существуетъ. Идеалы запропастились. Старые обветшали, поистрепались о языкѣ разныхъ болтуновъ, новыхъ тщетно искали даже днемъ съ огнемъ. На виду опять были личныя, частныя, себялюбивыя стремленья. Неразборчивая на средства нажива, барышничанье, обирательство, минутныя наслажденія и страстишки подняли гордо голову. Гражданское мужество чуть не публично осмѣивалось; общественная честность приравнивалась къ донкихотству, обзывалась *непрактичностью*. Накипѣвшая болячка разразилась скандальными процессами, надѣлавшими шума на весь образованный міръ. Слава о нашихъ Митрофаніяхъ, Овсянниковыхъ, Струсбергахъ пронеслась далеко за предѣлы отечества. Между „отцами“ и „дѣтьми“ вышелъ полный разладъ. Ролями помѣнялись: „отцы“ бездѣйствовали или путались въ противорѣчіяхъ, тогда какъ „дѣти“ принимали на себя непосильную и непринадлежащую имъ роль вождей. Вышло что-то несообразное: отцы вознегодовали на дѣтей, отрекались отъ плоти своей плоти, отъ крови своей крови; тамъ, гдѣ должна была царить любовь, заняла мѣсто ненависть. Ненавидѣли свое *будущее*, упрямо отрицали и не хотѣли, чтобъ оно было *лучше*! Казалось, крайній, незнающій предѣловъ, дошедшій до цинизма реализмъ вступилъ въ состязаніе съ фанатическими утопіями. Въ государственную, въ общественную жизнь внесено было много недовѣрія, злобы, желчи, порицанія добрыхъ сторонъ человѣческой природы. На внѣшнюю силу возлагались бо̀льшія упованія, нежели на здравый смыслъ и качества людей. Кто не погрязъ окончательно въ дрязгахъ всевозможныхъ житейскихъ стяжаній и безнравственныхъ забавъ, тотъ вынужденъ былъ притаиться или искать утѣшенія, искать исхода для своей душевной пустоты даже въ бредняхъ спиритизма....

Таковы-то были обстоятельства, среди которыхъ засталъ насъ августъ 1875 года. Казалось, нигдѣ ни малѣйшаго просвѣта, ни малѣйшей надежды на скорое лучшее! Вдругъ, изъ тѣснинъ и ущелій невѣдомыхъ, отдаленныхъ горъ доносятся стоны и вопли, слышны отчаянные крики и мольбы о помощи. Намъ говорятъ о страданіяхъ и угнетеніяхъ, къ которымъ нельзя оставаться равнодушными. Узнаёмъ мы, что многія сердца въ Европѣ тронуты и рука милосердія протя-

сивается уже къ страждущимъ. Примѣръ заразителенъ, внутреннее состояніе требуетъ исхода, хотя бы дѣло шло о помощи ирокезцамъ, объ освобожденіи Франціи, изгнаніи Макъ-Магона—словомъ, о чемъ-бы то ни было, но лишь бы дѣло это вывело насъ на какую-нибудь новую дорогу, доставило-бы случай забыться хотя на минуту отъ окружающей насъ обстановки. Многіе поинтересовались спросить, что такое эта Боснія и эта „Жерзеговина", о которыхъ чаще и чаще стали попадаться извѣстія въ „иностранномъ отдѣлѣ" газетъ и журналовъ. Славянофилы спали, пили воды за-границею или засѣдали въ банкахъ и канцеляріяхъ; славянскіе комитеты находились на вакаціонномъ отдыхѣ. Славянофиловъ и комитеты стегнули въ нѣкоторой части печати. Они очнулись, завопили и засуетились съ просонокъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова, но, послѣ тщательныхъ оглядокъ по сторонамъ и забѣганій съ задняго крыльца, надумались, наконецъ, испросить разрѣшеніе на сборъ пожертвованій „въ пользу страждущихъ отъ возстанія славянскихъ семействъ Босніи и Герцеговины".

Первый сборъ пожертвованій состоялся 26 августа, на гуляньи въ Лѣтнемъ саду, гдѣ „страждущія отъ возстанія славянскія семейства" получили 195 р. 39 копѣекъ! Собрался наконецъ, въ засѣданіе петербургскій отдѣлъ славянскаго комитета; съ трудомъ удалось убѣдить его ассигновать хотя три тысячи рублей въ пользу несчастныхъ, въ пользу тѣхъ, защита которыхъ, по словамъ славянофиловъ, составляетъ „не только долгъ кровнаго родства и единства въ вѣрѣ, не только долгъ христіанскаго милосердія и человѣколюбія, но долгъ нашей *народной чести*". Ради удовлетворенія этихъ „долговъ" и поддержанія „народной чести", отпущены были, наконецъ, несчастныя 3,000, но и то съ условіемъ возврата ихъ изъ сбора въ пользу угнетенныхъ и голодающихъ!

И передъ собою, и передъ Европою становилось просто совѣстно въ виду такого позорнаго разлада между словомъ и дѣломъ, между возгласами, похвальбами и дѣйствительнымъ сочувствіемъ къ возставшимъ „соплеменникамъ"! Воззванія и напоминанія стали дѣломъ необходимости. Мало-по-малу, расшевелилось застоявшееся въ разныхъ запрудахъ, заплесневшее отъ всякаго сора море русской жизни. Волна за волною охватила весь народъ, все общество такъ—называемымъ „славянскимъ движеніемъ". Къ этому присоединились: оживленіе давнишнихъ славянофильскихъ идей и мечтаній, традиціонные счеты съ турками и магометанствомъ,

воскресшія идеи о задачахъ и будущемъ православія, таинственныя, невыясненныя стремленія къ Царьграду, къ „ключамъ и проливамъ“. Сказалось и вполнѣ понятное, самолюбивое желаніе окончательнаго разсчета за униженія и оскорбленія Крымской войны, за Парижскій трактатъ. Сыграли свою роль и мелкія, низменныя страстишки, начиная отъ вожделѣнія наградъ и повышеній, вплоть до утолщенія кармановъ „на счетъ солдатскаго пайка“.

Подъ тѣмъ или другимъ побужденіемъ, но все ринулось, все бросилось, очертя голову, въ это „славянское движеніе“.

Такъ пришли мы къ войнѣ Сербіи и Черногоріи съ Турціей, къ *общественному участію* Россіи въ этой войнѣ. Уже съ самаго начала, съ исторіи объявленія этой войны чувствовалось, однако, что-то не совсѣмъ ладное. Какъ уже сказано, можно, пожалуй, считать безспорнымъ, что все общество, весь народъ, за рѣдкими исключеніями, были охвачены славянскимъ движеніемъ, хотя и подъ различными побужденіями, въ иныхъ случаяхъ и невыясненными. *Если не большая часть, то, по крайней мѣрѣ, половина этихъ побужденій были безупречны, честны или хоть терпимы съ точки зрѣнія политической и гражданской нравственности. Это явленіе составляло пріятный сюрпризъ: оно обнаружило какіе добрые, жизненные соки скрываются въ русскомъ народѣ, и еще разъ доказало, какъ клеветали на этотъ народъ тѣ, которые считали его недостойнымъ даже совершенныхъ уже преобразованій.* Это явленіе было для многихъ настолько неожиданно, что породило различныя недоумѣнія и опасенія. Замѣчая, что происходитъ нѣчто необычайное, выходящее изъ казенныхъ рамокъ, иные совсѣмъ потеряли почву, не зная, какъ отнестись къ этому явленію. Благонадежно оно, или неблагонадежно, поощрить, или обуздать? По счастью, рѣшено было, что оно благонадежно и, по несчастью, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, даже недобрые люди присосались къ модному теченію и кинулись собирать пожертвованія въ пользу „угнетенныхъ славянскихъ братій“, о которыхъ и понятія не имѣли. Всякое великое народное движеніе привлекаетъ не только честныхъ людей, но и всевозможныхъ проходимцевъ, пользующихся случаемъ, чтобъ устроить свои частныя дѣлишки. Въ церковь ходятъ Богу молиться, но туда же проникаютъ и мелкіе воришки, карманщики, и чѣмъ полнѣе молящійся отрѣшается отъ всего

земного, тѣмъ лучше, тѣмъ выгоднѣе это для руки, лѣзущей въ чужой карманъ. Въ сражающуюся армію стремятся люди, готовые геройски пожертвовать жизнью, но туда же проникаютъ и тыловые патріоты, герои наживы и барыша. *Это обычное, вполнѣ естественное явленіе; но у насъ оно очень часто получаетъ чрезмѣрное, крайне вредное для успѣха дѣла развитіе.*

У насъ далеко не рѣдкость, что подобныя личности, подобныя низменныя страстишки не только пристаютъ къ общему движенію, доброму дѣлу, но и становятся во главѣ его, стараются завладѣть имъ, потому что, въ такомъ случаѣ, частныя ихъ цѣли достигаются шире, вѣрнѣе, безконтрольнѣе. Мы открыто осуждаемъ іезуитскій принципъ — всѣ средства хороши, но, по благодушію, лѣни и безпечности, часто допускаемъ отступленія отъ начала, по которому чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ. На всѣ подобныя поползновенія мы смотримъ снисходительно. Во время сербской войны, подъ неумолкаемый гулъ рептильной брани и обвиненій въ туркофильствѣ, измѣнѣ и непатріотизмѣ, мы предостерегали общество отъ невѣрной, опасной дороги, но подобныхъ предостереженій, многіе даже не могли хладнокровно выслушивать. И что же? Полемъ дѣйствія завладѣли тѣ именно общественные элементы, которые оказались наиболѣе сплоченными и организованными въ данный моментъ. Какъ уже сказано, лучшая, здравомысленная, истинно честная и просвѣщенная часть общества сидѣла „не у дѣлъ" въ ту минуту, когда нахлынуло на насъ движеніе въ пользу юго-славянъ. На верху общественной волны, благодаря указаннымъ неблагопріятнымъ условіямъ послѣднихъ лѣтъ, находились люди иного закала, разные „дѣльцы", люди съ вертлявой совѣстью.

Объявленіе войны сербами сопровождалось явной ложью. Сербовъ подстрекали тайкомъ, чтобы они „только начали", что за ними немедленно „встанетъ вся Россія"; насъ-же увѣряли, что сербы не могутъ выносить дальнѣйшихъ замедленій, что только въ угоду русскому правительству они тянули съ объявленіемъ войны, что сербское войско вполнѣ готово и рвется въ битву съ врагомъ. Послѣ повторенія саарбрюкенской трагикомедіи на Бабиной-Главѣ, эта ложь не замедлила обнаружиться, какъ только турки, выдержавшіе революцію, потерявшіе министра, реорганизовавшаго армію, успѣли сосредоточить войска. Дальнѣйшія перипитіи сербской войны какъ нельзя болѣе подтвердили тѣ опасенія, кото-

рыя не могли не являться многимъ на умъ, но которыя далеко немногіе рѣшались гласно высказать. Наши архистратиги, Гарибальди и Вашингтоны оказались тѣми же неумѣлыми и честолюбивыми генералами, которые, за неимѣніемъ выгодной службы на родинѣ, готовы были устраивать войска египетскаго ҳедива, сочинять разные „чѣмъ намъ быть", защищать палочныя расправы въ войскѣ, отстаивать „прерогативы крупной собственности", вопить противъ всесословнаго земства и суда присяжныхъ. Они окружаютъ себя „тѣлохранителями", не отдаютъ отчета въ собранныхъ по копѣйкамъ съ народа суммахъ, считаютъ самый помыслъ о подобныхъ отчетахъ дерзостью. Но за то эти вожди, поставленные реакціонерами, умѣли заводить корреспонденцъ-бюро для самовосхваленій и поощренія дружелюбныхъ газетъ, получать за свое „геройство" громадные оклады содержанія, кричать о безкорыстіи и покрывать свои долги на общественный счетъ, не умѣя даже пожертвовать собой за то великое дѣло, во главѣ котораго они самонадѣянно, съ шумомъ и помпою, рѣшились стать! Въ концѣ концовъ, о славянахъ наши освободители изъ числа попятниковъ быстро забыли; вчерашнихъ „братьевъ-героевъ" обвиняли уже въ тайныхъ „интригахъ" и, вопреки всѣмъ приличіямъ, вопреки самому обыденному здравому смыслу, разыграли комедію „провозглашенія сербскаго короля" за обѣденнымъ столомъ и въ военномъ лагерѣ, по мимо народнаго представительства.

Собственно говоря, славянское движеніе кончилось еще во время сербской войны. Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, оно стало на обратный путь. Неумѣлые герои совершили свое дѣло. Многіе, очень многіе отхлынули не только отъ своихъ недавнихъ божковъ, но и отъ самаго дѣла. Было ли это отрезвленіе или разочарованіе?

Все говоритъ въ пользу разочарованія. Сама по себѣ идея освобожденія и помощи угнетеннымъ, идея безкорыстной защиты попранной справедливости, отрѣшеніе отъ близорукихъ, временныхъ интересовъ въ пользу высшей, исторической миссіи, стремленіе выполнить возвышенную задачу— все это не можетъ не возбуждать сочувствія, не имѣть сторонниковъ въ лучшихъ людяхъ молодой, здоровой, жаждущей жизни и свободы страны. Но люди идеи скоро поняли, что они вытаскивали каштаны изъ огня и ихъ порывы и жертвы не оправдаются... „Дѣльцы" постарались напомнить всѣмъ сомнѣвающимся, что намъ далеко еще до этихъ свѣтлыхъ идей,

и до этого славнаго пути. Подъ видомъ освободительной войны, былъ поднятъ весь мусоръ прошлыхъ лѣтъ, затемняя и забрасывая грязью всѣ полезные и иногда тяжкіе уроки исторіи. Одну минуту можно было подумать, что вся работа свѣтлыхъ дней, слѣдовавшихъ за Крымскою войною, пропала даромъ. Намъ указывали на наши задачи за границей, почти насильственно заставляя закрывать глаза на самыя первостепенныя потребности дома. Проявлялась чисто инквизиторская нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ. Явную ложь, прикрытіе грѣшковъ, искаженіе истины, боязнь правды возвели на степень какого-то непреложнаго догмата, создавая „историческихъ людей“ и устанавливая произвольные сроки для сужденія о дѣйствіяхъ этихъ людей, отрицая даже въ принципѣ гласность, не признавая права суда современниковъ. Повторилось нѣчто, подобное реакціи первой четверти XIX-го столѣтія, когда, заразившись небывалымъ самохвальствомъ, мы съ комическимъ упрямствомъ поднимали вопли противъ западной науки, западной цивилизаціи, хвастаясь, что на мѣсто „европейскаго растлѣнія“ мы создадимъ нѣчто свое, небывалое, скажемъ какое-то „новое слово“, которое удивитъ весь міръ. Все это сводилось на то, что мы „всѣхъ побьемъ“ и заставляло забывать, что подобныя-же явленія привели насъ, послѣ 12-го года, къ аракчеевщинѣ и къ печальнымъ испытаніямъ Крымской войны. Аракчеевщина и слѣдовавшій за нею 30-тилѣтній застой были тѣмъ „новымъ словомъ“, которое мы поднесли міру, вмѣсто „гнилой“ цивилизаціи Запада!

Понятно, что, когда намъ опять посулили это „новое слово“, многихъ сразу кинуло въ холодъ и горькое разочарованіе. Отшатнувшихся называли измѣнниками, туркофиллами съ прежнимъ азартомъ, но надъ этою бранью уже потѣшались: она не производила прежняго дѣйствія и застывала на тѣхъ-же грязныхъ устахъ, которыя ее произносили. Изъ числа отшатнувшихся отъ этихъ провозвѣстниковъ „новыхъ словъ“, нѣкоторые пошли дальше. Случилось непредвидѣнное: неудовольствіе съ лицъ, съ фактовъ стали переносить на самую идею, на самый принципъ. Начали раздаваться даже упреки тѣмъ, кто былъ увлеченъ славянскимъ движеніемъ и видѣлъ въ немъ спасеніе отъ внутренняго застоя. Укоряли, что это увлеченіе было неразумное, указывали на „школы и ссудныя кассы для народа“, которыми не въ примѣръ производительнѣе было-бы увлекаться. Не повторяя

высказанныхъ уже основаній, по которымъ увлеченіе славянскимъ движеніемъ не можетъ лечь на совѣсть честныхъ людей, добавимъ только, что люди эти усматривали въ славянскомъ движеніи, конечно, нѣчто гораздо большее, нежели школы и кассы. Это увлеченіе, эта идея были высшаго порядка; за ними скрывалось то, что могло-бы привести насъ и къ школамъ, и къ кассамъ, и, притомъ, на прочной основѣ, безъ всякой поддѣлки, безъ шаткой почвы высокопарныхъ воззваній и кружечныхъ сборовъ, помимо перемежающихся приливовъ и отливовъ непрочныхъ сочувствій.

Первые мѣсяцы 1877 года не замедлили довершить то, что̀ не вполнѣ добила сербская война съ ея архистратигами и дырявыми делиградскими „мѣшками“. Наступили тѣ-же пасмурные, сѣренькіе дни, тѣ-же приливы желчи и недовѣрія, тѣ-же сомнѣнія въ завтрашнемъ днѣ, то же томленіе настоящимъ и тоскливые взгляды на будущее, что̀ и до августа 1875 года. Оказалось, что освободительныя идеи сами по себѣ, безъ соотвѣтственныхъ дѣлъ, ничего творческаго не заключаютъ. Разочарованіе шло быстро въ гору. Экономическое и политическое положеніе становилось день-ото-дня натянутѣе... Наша внѣшняя политика, съ сдержанностью и благоразуміемъ, испытывала всѣ мѣры, чтобъ предотвратить кровопролитіе. Славяне отошли на второй планъ. Дѣло уже касалось достоинства Россіи. Многіе помыслы были устремлены на то, какъ-бы съ честью и безъ особыхъ жертвъ избавиться отъ заваренной каши. О великихъ плодахъ и благахъ славянскаго движенія не было уже рѣчи. Въ общество, путемъ стоустой молвы, стали проникать тревожные слухи о разныхъ алчныхъ дланяхъ, простертыхъ уже надъ нашею арміей поставщиками и антрепренерами тыльнаго мародерства. Наканунѣ войны стали задаваться вопросами, „къ кѣмъ намъ воевать“, главнымъ образомъ, придется и, въ параллель съ осложнившимися обстоятельствами, указывали на тѣ увлеченія и разочарованія, которыя современны были Крымскій войнѣ и предостерегали отъ слишкомъ легкаго отношенія къ туркамъ.

„Суженаго конемъ не объѣдешь“—мы пришли къ войнѣ. Манифестъ 12 апрѣля, послѣдовавшій почти въ годовщину объявленія войны Франціи и Англіи въ 1854 году, положилъ конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и внесъ нѣкоторое успокоеніе въ взволнованные сердца и умы. Вино налито, нужно было его выпить. Всѣ стремленія соединились въ одно, всѣ разногласія смолкли, разсуждать и размышлять было поздно; самые не-

примиримые соединились въ одномъ желаніи—въ желаніи быстраго успѣха нашей арміи, въ желаніи облегчить чѣмъ только можно ея задачи.

Ходъ военныхъ событій не относится къ предмету настоящей статьи. Отмѣтимъ только, что первые успѣхи опять взбудоражили нашихъ псевдопатріотовъ и поставили ихъ на ходули; неудачи-же чуть не привели къ вожделѣніямъ покончить все дѣло на „военной чести“, на взятіи Плевны! Исконное мужество, стойкость, небывалые труды и геройскіе подвиги привели нашу армію, послѣ тяжкихъ испытаній, къ стѣнамъ Константинополя. Никогда не было нанесено Турціи болѣе полнаго, болѣе тяжкаго удара. Въ военномъ отношеніи, Турція перестала существовать.

Армія выручила Россію. Въ этой геройской арміи не скрывали, что̀ привело къ столь славному успѣху и что̀ на время затрудняло, даже ставило въ сомнѣніе его достиженіе. Мы перешли Балканы въ зимнее время при тѣхъ условіяхъ, которыя считались невозможными, непреодолимыми; но мы не знали *три мѣсяца*, что̀ такое интендантское продовольствіе, мы не имѣли полушубковъ и сапоговъ, мы довольствовались въ это время только тѣмъ, что успѣли захватить у непріятеля; намъ сослужило службу турецкое интендантство, заготовившее во всѣхъ важнѣйшихъ мѣстахъ достаточные запасы продовольствія для турецкихъ и для нашихъ войскъ. Въ арміи цѣнятъ героевъ, совершившихъ подвиги мужества, и начальниковъ, водившихъ къ побѣдамъ; но та же армія не знаетъ задирчивости и скромно приписываетъ окончательный успѣхъ помощи Божіей. Тоже упоминаніе о помощи Бога слышится и во многихъ депешахъ главнокомандующаго... Героемъ оказался все тотъ-же народъ, въ силахъ и духѣ котораго такъ часто сомнѣвались въ мирное время; народъ, который обзывали пьяницей и лѣнтяемъ, у котораго отрицали совѣсть, способную отличить вора отъ честнаго человѣка. Никогда не было трезвѣе, трудолюбивѣе и честнѣе арміи, какъ та, которую я видѣлъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ на обоихъ театрахъ войны! Самоотверженною храбростью, удалью, ловкостью, горячею, неподкупною преданностью дѣлу отличались всѣ, и та молодежь, которая наполняетъ теперь ряды арміи, молодежь, еще недавно обвиняемая, заподозриваемая, оскорбляемая въ самыхъ дорогихъ чувствахъ!

Смолкли пушечные залпы, не раздаются перекаты ружейной трескотни. Теперь заразный тифъ довершаетъ то, что

не удалось скосить пулямъ; но, во всякомъ случаѣ, война съ Турціей кончилась; миръ, хотя и прелиминарный, установленъ. Повидимому, мы у самыхъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремились въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, ради достиженія которыхъ истратили столько жизней, энергіи, вынесли столько мукъ и лишеній. Армія блистательно завершила свое дѣло. Отчего-же нѣтъ веселья на нашихъ лицахъ? Отчего миръ не принесъ намъ желаннаго успокоенія и отдыха? Отчего еще такъ холодно въ сферѣ нашей нравственной температуры? Англійскія притязанія, двусмысленность поведенія Австріи, опасенія новой войны; но развѣ можно было не ожидать англійскихъ притязаній и не предвидѣть, что главнѣйшія затрудненія настанутъ именно въ минуту развязки и представятся со стороны заинтересованныхъ западныхъ государствъ? *Никто въ Европѣ не мѣшалъ проливать намъ кровь и тратить свои силы, если ихъ избытокъ, но можно-ли было ожидать, чтобъ Европа спокойно отнеслась къ разрѣшенію Восточнаго вопроса.* Неужели мы серьезно вѣримъ нашимъ газетнымъ болтунамъ, увѣрявшимъ, что Европа „не посмѣетъ“, что „гнилой Западъ“ не рѣшится поставить преграды „освободительной миссіи“ Россіи, тому „новому слову“, которое будетъ нами сказано, или что англичане испугаются при первомъ взглядѣ на тѣ „открытыя письма“ и передовыя статьи, въ которыхъ ихъ обзываютъ „торгашами? Вѣдь, мы не меньше ругались и передъ Крымскою войною и не меньше похвалялись „новыми словами“ и „освободительными миссіями“. Мы и тогда воспѣвали:

Напрасны Запада угрозы,
Коль крестъ воздвигся на коранъ,
Когда на стонъ славянъ и слезы
Идетъ Европы великанъ!

Однако, эти пѣснопѣнія не помѣшали „Запада угрозамъ“, и Западъ вмѣшался на другой годъ послѣ начала войны съ Турціей. Если въ настоящее время Западъ предоставлялъ намъ свободу сражаться съ Турціей, то потому, что не допускалъ и предположенія, чтобъ дѣло шло объ окончательномъ раздѣлѣ наслѣдства „больного человѣка“, и хорошо сознавалъ, что на этотъ дѣлежъ явится, въ должное время, много притязаній. Англію удерживало, быть можетъ, и сознаніе, что борьба съ преобразованною, хотя отчасти, выросшею и окрѣпшею Россіей будетъ нелегка, во всякомъ случаѣ, тяжеле, нежели въ Крымскую войну. Если та-же Англія не воспользо-

валась временемъ нашихъ неудачъ и не пришла во-время на помощь Турціи, то это объясняется тѣмъ, что въ эти тяжелые дни, при наступившей провѣркѣ нашего дѣйствительнаго успѣха и развитія, въ умахъ многихъ явилось сомнѣніе: „не справится-ли съ освободительницею Россіей и одна Турція"? Вѣдь, Турція тоже прогрессировала въ послѣднія двадцать лѣтъ, настроила желѣзныхъ дорогъ, шоссе, преобразовала войско, что не мѣшало ей, однако, попрежнему оставаться злою мачихою для подвластныхъ ей населеній. Неожиданно блестящій военный успѣхъ засталъ Англію врасплохъ; она плохо разсчитала и опоздала къ развязкѣ. Ничего, однако, удивительнаго не будетъ, если она рѣшится теперь на войну; новая кровавая драма неизбѣжна, если она отыщетъ союзниковъ, какъ въ 1854 году. Начиная войну, мы должны были знать, что тотъ или другой исходъ ея будетъ обусловливаться прежде всего и главнѣе всего нашимъ внутреннимъ состояніемъ, нашимъ развитіемъ, нашими нравственными, умственными и матеріальными силами. Съ этой точки зрѣнія, славнѣе, благополучнѣе того исхода, который получился посредствомъ подписаннаго въ Санъ-Стефано 19 февраля мирнаго договора, трудно достигнуть. Намъ ничего не было-бы желательнѣе, какъ скорѣйшее успокоеніе относительно стойкости этого мира и скорѣйшій возвратъ къ внутренней работѣ, къ устраненію тѣхъ неурядицъ, которыя обнаружились, во время войны, къ залеченію полученныхъ ранъ. Что этотъ миръ не можетъ удовлетворить всѣхъ желаній—это вполнѣ понятно. Труднѣе всего удовлетворить хорошо невыясненныя цѣли, угодить тому, кто самъ не знаетъ, чего ему хочется, и особенно тѣмъ, кто хотѣлъ „войны для войны" и жаждалъ только сильныхъ ощущеній. Мы кричали объ объединеніи славянъ, о Царьградѣ и водруженіи креста на куполѣ Софіи, о торжествѣ православія, о потопленіи турокъ въ Босфорѣ и даже о желаніи хотя „новую монету поддержать въ рукахъ". Угодить всему этому трудно и, конечно, не Санъ-Стефанскому миру суждено выполнить эту задачу.

Нѣкоторые, дѣйствительно, подержали новую монету въ рукахъ; но турокъ мы не потопили въ Босфорѣ и даже толкуемъ теперь о союзѣ съ ними противъ „всесвѣтныхъ торгашей". Царьградъ не нашъ и крестъ на Софіи не водруженъ. Православіе, можетъ быть и торжествуетъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ это возвѣщали нѣкоторые, нежелавшіе знать, что православные греки считаются у болгаръ большими и

опаснѣйшими врагами, нежели сами турки, а православные румыны не имѣютъ ни малѣйшей симпатіи къ православнымъ славянамъ, и особенно къ ихъ старшимъ братьямъ. Недостигнуто и объединеніе славянъ; но развѣ такія задачи выполняются при помощи одной воинственности?

Существуютъ болѣе основательныя цѣли, достиженія которыхъ вполнѣ разумно было ожидать. Онѣ, къ сожалѣнію, достигнуты не вполнѣ нашими усиліями послѣднихъ 2½ лѣтъ. Мы въ правѣ были-бы разсчитывать хотя на чувства благодарности, довольства, дружбы отъ тѣхъ, ради кого обнажили мечъ. Между тѣмъ, *Герцеговина и Боснія*, тѣ самыя населенія, съ которыхъ началось все дѣло, съ которыхъ весь сыръ-боръ загорѣлся, предоставлены той шаткой почвѣ „административныхъ реформъ“, которую мы еще недавно считали недостаточнымъ ручательствомъ спокойствія на Балканскомъ полуостровѣ. Босняки и герцеговинцы, за исключеніемъ части, отходящей къ Черногоріи, не могутъ быть довольны. Въ этомъ нельзя винить Санъ-Стефанскій миръ; иначе трудно купить невмѣшательство Австріи, а желать теперь съ нею войны можно развѣ съ точки зрѣнія—„новую монету подержать“. *Съ сербами* мы разошлись еще съ того времени, какъ они имѣли случай ознакомиться съ нашими „архистратигами“. *Болгарія* несомнѣнно выиграла; по отношенію къ ней сдѣлано больше всего, и въ ней много задатковъ не только на чувства искренней признательности за все сдѣланное Россіей, но и на болѣе близкое, моральное сближеніе съ нами въ будущемъ. *Черногорія*, повидимому, еще полнѣе удовлетворена, нежели Болгарія, но нынѣшнія пріобрѣтенія она завоевала собственною кровью и собственнымъ мужествомъ. Что касается *Румыніи*, общеизвѣстенъ уже фактъ, что чуть не явная вражда къ намъ заступила въ ней мѣсто того отчужденія, которое побудило ее, послѣ Крымской войны, обратить всѣ помыслы къ „неправославному“ Западу, замѣнить даже славянскую азбуку латинскою, сблизиться съ западною литературою и учрежденіями—словомъ, какъ можно подальше отшатнуться отъ насъ...

Къ чему-же мы, наконецъ, пришли въ эти 2½ года, послѣ цѣлаго ряда тяжкихъ жертвъ, страданій и героическихъ подвиговъ: лучше-ли мы теперь стали? Добились-ли мы того счастья, которое, казалось-бы, заслужили? Прояснилась-ли погода? Исчезли-ли тучи съ нашего неба? Отвѣтъ, повидимому, нетруденъ. Мы пришли къ той дорогѣ, съ которой всѣ

добрые и лучшіе люди, всѣ вѣрящіе въ будущее родины совѣтуютъ никогда не сворачивать. Этотъ путь—внутреннее наше развитіе, честное и безбоязненное сознаніе своихъ ошибокъ и недостатковъ, искреннее стремленіе къ ихъ устраненію не какими-нибудь небывалыми, никѣмъ еще ясно невыраженными способами и „новыми словами“, а тѣми, которые свойственны всему образованному человѣчеству. Къ этому человѣчеству мы захотѣли принадлежатъ съ великой эпохи Петра I; эта испытанная дорога никогда не обманывала насъ и впослѣдствіи, всякій разъ, когда мы къ ней возвращались послѣ безплодныхъ шатаній изъ стороны въ сторону. Она возвеличила насъ при Екатеринѣ, она сослужила свою службу при Александрѣ Благословенномъ, она не измѣняла намъ и при Царѣ-Освободителѣ. Съ нею, дѣйствительно, не страшны намъ ни англичане, ни австрійцы, ни кто-нибудь другой. На ней мы непремѣнно удержимъ добрыя послѣдствія только что оконченной войны и получимъ твердое ручательство въ довершеніи того, чего эта война не могла намъ дать.

Бюрократизмъ.

Въ 1882 году, когда почти всѣ либеральныя газеты были закрыты, авторъ задумалъ устраивать „литературныя бесѣды“ на современныя политическія и общественныя темы. Первая бесѣда состоялась въ Петербургѣ 20 февраля 1882 г. и имѣла громадный успѣхъ. О ней заговорили не только у насъ, но и за границей. Но этотъ успѣхъ былъ первымъ и послѣднимъ. Дальнѣйшія „бесѣды“ не разрѣшались. Помѣщаемая ниже статья—„Бюрократизмъ“ должна была служить матеріаломъ для второй (не состоявшейся) бесѣды.

I.

Въ нашемъ народномъ эпосѣ существуетъ замѣчательное, по глубинѣ мысли, произведеніе. Это извѣстная былина о Святогорѣ и о его похожденіяхъ съ Ильей Муромцемъ, этимъ олицетвореніемъ самого русскаго народа. Могучая, несокрушимая, первобытная сила заключалась въ Святогорѣ; но ей не суждено одной поднять „земную тягу“, которую легко несетъ народъ. Сослужила она свою службу и должна умереть. Когда тяжелая крышка историческаго гроба захлопнулась надъ Святогоромъ, тщетно молитъ онъ о помощи, напрасно Илья Муромецъ беретъ въ могучія руки богатырскій мечъ и пробуетъ разрубить гробовыя доски. Съ каждымъ ударомъ, только новый „желѣзный обручъ ставится“ и все крѣпче и крѣпче стягиваетъ могилу отжившей силы. Въ послѣдній разъ взываетъ Святогоръ къ Ильѣ Муромцу:

— „Задыхаюсь я, мой меньшой братъ!
„Наклонись ко крышкѣ ко гробовой,
„Припади къ малой щелочкѣ:
„Дуну на тебя всѣмъ духомъ богатырскимъ,
„Передамъ тебѣ всю силу богатырскую“.

Но здравый смыслъ народнаго героя отвѣчаетъ:

— „Будетъ силушки съ меня, мой меньшой братъ—
„Передашь ты мнѣ всю силу богатырскую—
„И меня носить не станетъ мать сыра-земля“.

И старшій богатырь честно и великодушно преклоняется передъ этимъ здравымъ смысломъ. Святогоръ отвѣчаетъ Ильѣ:

— „Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,
„Что послѣдняго наказа не послушался:
„Мертвымъ духомъ-бы я на тебя дохнулъ,
„Мертвымъ самъ-бы у гроба ты легъ"...

Много у насъ говорятъ о народѣ и именемъ народа, но немногіе согласны уважать ту истину, которая сказывается и въ здравомысленномъ „непослушаніи" Ильи Муромца, и въ честной уступчивости Святогора. Эта истина приложима ко всякой отжившей идеѣ, ко всякой силѣ, выполнившей свое назначеніе, ко всякому установленію или учрежденію, несоотвѣтствующему духу времени и безпрерывно наростающимъ новымъ бытовымъ условіямъ.

Кореннымъ образомъ измѣнились наши бытовыя условія, съ великаго дня 19 февраля 1861 года; но удержались и удерживаются еще тѣ бюрократическо-полицейскіе порядки, которые соотвѣтствовали крѣпостной Россіи. Нарождающаяся, новая Россія все еще стоитъ у гроба, въ который сложила свои кости отжившая система управленія, и волею неволею обрекается на неблагодарную роль возстановителя этой былой силы. Всѣ старанія ни къ чему, однако, не приводятъ. Только грузнѣе и грузнѣе входятъ въ землю тяжелыя, одряхлѣвшія ноги отжившаго богатыря, новые и новые желѣзные обручи ложатся между живымъ и покойникомъ. Печальныя послѣдствія этой безплодной работы стали настолько очевидны и вразумительны, что теперь только развѣ лѣнивый не вопіетъ противъ бюрократизма и не требуетъ улучшеній. Въ этомъ, кажется, согласны всѣ лагери. Наше нынѣшнее положеніе приравнивается къ „отсутствію всякаго управленія". Самыя рѣзкія статьи противъ бюрократизма и казенщины неоднократно печаталъ И. С. Аксаковъ. Много горькихъ истинъ высказано противъ бюрократіи и полицейской несостоятельности въ извѣстной книгѣ „Письма о современномъ, состояніи Россіи", изданной въ Берлинѣ. Нечего и говорить, что въ настоящемъ случаѣ, какъ всегда и вездѣ происходило, консервативная печать только повторяетъ и признаетъ то, что прежде ею упорно отрицалось и за что она разсыпала громы на печать прогрессивнаго или либеральнаго направленія. Но насколько согласія въ отрицаніи бюрократическо - полицейской системы, столько - же рѣзкихъ

противорѣчій и недоумѣній заключается въ предположеніяхъ о замѣнѣ ея. Передъ очевидностью пришлось уступить.

Но ратуя противъ послѣдствій, нѣкоторые не хотятъ устраненія причинъ, ихъ порождающихъ. Мало того, сознаніе ихъ часто застилается туманомъ и, подъ видомъ борьбы съ бюрократизмомъ, проповѣдуются иногда тѣ именно начала, которыя во всѣ времена и у всѣхъ народовъ служили естественнымъ источникомъ бюрократическо-полицейской системы. Въ нашу жизнь хотятъ вдохнуть тѣ „назадъ и домой“, отъ которыхъ „мертвымъ духомъ“ вѣетъ; отъ которыхъ поспѣшилъ отказаться Илья Муромецъ, такъ какъ иначе онъ „мертвымъ самъ-бы у гроба легъ“. У современнаго Святогора все еще не хватаетъ великодушнаго сознанія, что конецъ его пришелъ, что его не въ силахъ уже носить мать сыра-земля. Онъ все силится заставить меньшаго брата наклоняться къ своей крышкѣ гробовой, припадать къ малой щелочкѣ, сквозь которую можно еще разглядѣть его нѣкогда богатырское, но теперь ужь одряхлѣвшее тѣло.

Неудивительно, при такихъ обстоятельствахъ, что бюрократическо-полицейская система продолжаетъ свое прозябаніе, несмотря на всѣ громкіе возгласы противъ нея. Понятно, что въ вдумысленныя и шаткія попытки избавиться отъ зла никто не вѣритъ. Напротивъ, онѣ производятъ только раздраженіе и недовольство.

II.

При извѣстномъ невѣжествѣ нашемъ въ собственной исторіи, нерѣдко приходится сталкиваться съ утвержденіемъ, что бюрократизмъ составляетъ у насъ чужеядное, заимствованное съ Запада явленіе. Отсюда масса тѣхъ ложныхъ заключеній, которыя способны лишь еще болѣе запутывать насъ въ сѣтяхъ отжившаго строя. Казенщина и канцеляризмъ вовсе не составляютъ продукта XVIII вѣка и искусственнаго пересажденія къ намъ западныхъ новшествъ. Къ сожалѣнію, это вполнѣ доморощенный плодъ, пріобрѣтенный нами въ московскій періодъ исторіи, подъ вліяніемъ борьбы съ татарскимъ игомъ. Бюрократизмъ сталъ замѣтно вліять на нашу государственную, общественную и частную жизнь именно съ утвержденіемъ единодержавія, со времени Ивана Грознаго. Съ половины XVI и въ теченіе XVII вѣковъ мы замѣчаемъ еще слѣды до-татарскаго склада жизни, мы видимъ,

какъ борется эта жизнь, чтобъ отстоять свои исконныя начала, нарушенныя вторженіемъ татарскихъ и византійскихъ „новшествъ"; но уже въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича московская канцелярщина, приказная система, чиновный произволъ берутъ окончательный верхъ, живыя народныя силы могутъ проявляться и протестовать лишь въ нелегальной формѣ. Въ XVIII вѣкѣ бюрократизмъ вовсе не былъ новымъ началомъ русской жизни. Напротивъ, Петръ пробуетъ даже противопоставить ему разныя преграды, въ видѣ сената и коллегій; Екатерина II полагаетъ ослабить его своими учрежденіями о губерніяхъ, сословными собраніями и привиллегіями; но все это были такія же „новшества", въ нихъ такъ-же мало слышалась наша жизненная старина, какъ и въ тѣхъ приказахъ, противъ которыхъ тщетно билось все живое въ московской Руси.

Если сравнивать московскій, приказный бюрократизмъ съ послѣ-петровскимъ, то уже, конечно, всѣ преимущества на сторонѣ послѣдняго. Отъ московскаго бюрократизма буквально житья не стало на Руси. Отъ него лишь спасались контрабанднымъ, нелегальнымъ путемъ. Отъ него люди бѣгали въ первобытные лѣса, въ непроходимыя болота, въ казачество, лишь-бы укрыться отъ загребистыхъ и удушливыхъ лапъ приказнаго дьяка. Благодаря вмѣшательству этого бюрократизма, возникъ расколъ, не было конца народнымъ смутамъ. Описывая извѣстную смуту въ Москвѣ, окончившуюся паденіемъ произвола боярина Морозова, современникъ такъ описываетъ „правосудіе" тогдашняго главнаго судьи „въ земскомъ дворѣ или приказѣ": „Онъ безъ мѣры دралъ и скоблилъ кожу съ простого народа; подарками не насыщался, но когда тяжущіеся приходили къ нему въ приказъ, то онъ высасывалъ у нихъ мозгъ изъ костей до того, что обѣ стороны дѣлались нищими". Изображая причины извѣстнаго бунта Стеньки Разина, историкъ говоритъ: „Закрѣпощеніе крестьянскаго люда въ концѣ XVI вѣка еще болѣе усилило эту партію (недовольныхъ), такъ какъ на Донъ стали толпами бѣгать крестьяне, не выносящіе новаго, почти рабскаго положенія и таившіе въ глубинѣ сердца ненависть къ своимъ притѣснителямъ. Обремененіе безчисленными повинностями вело туда-же людей изъ посадовъ и черносошныхъ селъ. Злоупотребленія воеводъ и вообще служебныхъ лицъ и дурныя стороны правосудія увеличивали тягостное положеніе жителей.Воеводы посылались на кормленіе, смотрѣли

на свою должность какъ на доходъ. Судъ, находясь въ ихъ рукахъ, до крайности былъ продаженъ. Сила выборнаго управленія со старостами и цѣловальниками въ XVII вѣкѣ упала; она подчинялась вліянію воеводъ и дьякамъ: тогда выборные сами по себѣ были грабителями, не хуже воеводъ и дьяковъ. Выборы производились подъ вліяніемъ послѣднихъ, и притомъ только богатыми членами общины“. Хотя иные изъ своего фантастическаго далека и увѣряютъ, будто все это ровно ничего не значитъ, потому что приказные утѣснители и грабители народа „были ему *свои*“; но исторія говоритъ другое: отъ этихъ *своихъ* „жители разбѣгались, пустѣли цѣлые посады и большія села“. При благодушномъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, приказная система такъ успѣла отдалить верховную власть отъ истинныхъ народныхъ нуждъ, отъ дѣйствительной жизни, что Россія впервые стала позориться продажею людей безъ земли. Прежній свободный гражданинъ обратился въ вещь, въ рабочій скотъ, которымъ можно было помыкать и торговать какъ угодно. Какъ извѣстно, самъ царь Алексѣй Михайловичъ, ставъ лицомъ къ лицу съ народомъ, во время московской смуты, вынужденъ былъ добросердечно, всенародно признать, что всѣ жестокости и неправды, чинимыя приказными, совершались „невѣдомо для него“.

Ужь одно то обстоятельство, что московская бюрократія привела къ закрѣпощенію народа, къ окончательному паденію земщины и личному безправію, должно-бы убѣдить нашихъ народолюбцевъ, что старая, до-петровская бюрократія, была хуже послѣ-петровской бюрократіи, дожившей до нашихъ дней. На ея долю выпала задача уничтоженія и ослабленія тѣхъ безобразій и нестроеній въ государствѣ, которыя созданы были московскою централизаціею, канцелярщиною приказовъ и произволомъ разныхъ воеводъ, намѣстниковъ и дьяковъ. При помощи послѣ-петровской бюрократіи все-же пало крѣпостное право.

Улучшеніе заключалось, конечно, не въ переименованіи приказовъ въ коллегіи и министерства, не въ замѣнѣ старыхъ названій должностей иностранными кличками, а въ примѣненіи тѣхъ началъ, которыя смягчали невыгоды бюрократизма на Западѣ: образованности и законности—вѣрнѣе законнаго формализма. Образованность дѣйствовала на личныя качества администраціи; законность и формализмъ смягчали ея произволъ. Эти два начала достигли наиполнѣйшаго

своего развитія въ царствованіе императора Николая Павловича. Лучшія силы тогдашняго общества привлекались въ администрацію. Герценъ, Самаринъ, Кавелинъ, Милютины, Соловьевъ — все вѣдь это служило или пробовало служить при Николаѣ Павловичѣ. Стремленіе-же къ законности, положившее въ основу нашихъ кодексовъ, что Россійская имперія управляется „на точномъ основаніи законовъ", развилась до опредѣленія самыхъ мелочныхъ дѣйствій и чуть не помысловъ управляющихъ и управляемыхъ. Все это создало извѣстный наружный порядокъ, извѣстную стройность жизни. По наружности „все обстояло благополучно". Въ Россіи было такъ же „тихо и спокойно" какъ на Шипкѣ, во время ея защиты въ зиму 1877 года. Это обманывало поверхностныхъ наблюдателей до такой степени, что создало даже партію убѣжденныхъ людей, серьезно увѣрявшихъ, будто западная Европа гибнетъ, а мы процвѣтаемъ. На западѣ борьба партій, умственныя препирательства, волненія, преобразованія: у насъ-же „все тихо и спокойно". Ясно-де, что „гнилой Западъ" доживаетъ свой вѣкъ, а Россія процвѣтаетъ и крѣпнетъ. Разочарованія Крымской войны положили предѣлъ этому пагубному самообману. Оказалось, что даже улучшенный, смягченный образованіемъ, добрыми пожеланіями и обузданный цѣлою грудою кодексовъ и инструкцій бюрократизмъ способенъ лишь задерживать, прикрывать жизнь, а не служить ея потребностямъ. Это была мертвая, удушливая петля, которая затягивалась, давила тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе прекращались контрабандные, окольные пути освобожденія изъ-подъ ея гнета. Взятка, обходъ закона и разные „не въ примѣръ прочимъ" или „по-бывшимъ примѣрамъ"—являлись единственными коррективами въ этой искусственно-сдавленной жизни.

III.

Такимъ образомъ, хотя послѣ петровскій бюрократизмъ и является своего рода прогрессомъ, но услуги его могли имѣть мѣсто только до уничтоженія крѣпостного права. Какъ только на сцену выступили освобжденный народъ и обновленное общество, бюрократическо-полицейская система обнаружила всѣ свои недостатки. Это объясняется тѣмъ, что сущность бюрократизма заключается въ отрицаніи людей, въ непризнаніи человѣка.

Какъ уже сказано, Россія давно знакома съ бюрократизмомъ, несмотря на иноземное происхожденіе этого слова. Онъ заѣдалъ Россію ранѣе реформъ Петра Великаго. Какъ мародеры, стаи воронъ и голодныхъ собакъ, хищничество и безсердечіе составляютъ хвостъ самой „священной войны“, такъ и бюрократія явилась спутникомъ великихъ цѣлей допетровскаго періода, когда происходило сплоченіе русскаго государства. Воцарившись въ московскихъ приказахъ, она убила самодѣятельность и самостоятельность лицъ, городовъ и областей гораздо далѣе тѣхъ политическихъ потребностей, которыя обусловливались борьбою съ внѣшними врагами и собираніемъ государства. Она убила живой источникъ общественныхъ и государственныхъ силъ, представлявшійся въ земскихъ соборахъ. Не успѣлъ воскресить эти силы Петръ Великій своимъ сенатомъ и коллегіями. Заѣла бюрократія даже сословныя учрежденія Екатерины II-й. Не спаслась отъ нея законодательная дѣятельность императора Николая Павловича, стремившагося парализовать канцелярскій произволъ и мертвящее значеніе бюрократизма мельчайшими опредѣленіями того, что должно дѣлать, и того, чего не должно дѣлать. Оказала бюрократія свойственныя ей медмѣжьи услуги и нашей эпохѣ.

Одно время, казалось, бюрократіи нанесены были непоправимые удары. Гласность и печать, думы и земскія собранія, законность и судъ присяжныхъ—все это непримиримые враги бюрократіи. Подъ вліяніемъ великихъ порывовъ духа, въ наши канцеляріи, департаменты и другія правительственныя учрежденія вошли совершенно чуждые бюрократизму элементы. Попали туда люди съ убѣжденіями и строго опредѣленнымъ направленіемъ, явилась совѣсть, не допускающая сдѣлокъ съ собою, зародились уваженіе къ закону, гласность дѣйствій и общее обсужденіе проектовъ и мѣръ, направленныхъ къ государственному и общественному благу. Одумалась бюрократія и не сдалась безъ боя. Она разыграла въ наше время послѣднюю отчаянную битву, отстаивая свое трехвѣковое существованіе.

Бюрократія не терпитъ мнѣній, разсужденій и доводовъ. Ей необходимы приказъ, съ одной стороны, и повиновеніе—съ другой. Приказывать гораздо легче и скорѣе, нежели убѣждать; слѣпо и равнодушно исполнять формальности гораздо удобнѣе и безотвѣтственнѣе, нежели обдумывать каждый свой шагъ и взвѣшивать его послѣдствія. Для

написанія бумаги—достаточно машины; для совершенія дѣла—нуженъ человѣкъ. Бюрократія выходитъ изъ предѣловъ канцеляріи, гдѣ она умѣстна, гдѣ находится источникъ ея, и распространяется на внѣканцелярскую, на дѣйствительную жизнь. Она входитъ въ эту жизнь со своими естественными атрибутами и, какъ палящій вѣтеръ, мертвитъ и сушитъ все на своемъ пути. Она наноситъ страшный вредъ правительству и его задачамъ; она становится темною тучею между правительствомъ и народомъ, разрушая посредствующіе общественные элементы.

Бентамъ говоритъ: „Есть только два способа, которыми можно дѣйствовать съ людьми, если хотятъ быть систематичными и послѣдовательными: абсолютная скрытность или полная открытость дѣйствій. Держать народъ въ совершенномъ незнаніи о дѣлахъ или дать ему сколько возможно большее знаніе, препятствовать ему составить себѣ какое-нибудь сужденіе или доставить ему возможность составить себѣ самое просвѣщенное сужденіе, поступать съ нимъ какъ съ ребенкомъ или считать его за взрослаго человѣка,—вотъ два плана дѣйствій, между которыми надо выбрать“.

Бюрократія поступаетъ хуже—она не выбираетъ ни одного изъ двухъ плановъ. Это и понятно. Осуществленіе перваго плана мыслимо развѣ среди кретиновъ, господствовать надъ которыми не выгодно даже бюрократіи. Второй способъ дѣйствій противенъ ея существу. Бюрократія изобрѣла свой планъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать, не дѣлая, дѣйствовать, не двигаясь съ мѣста, знать, ничего не вѣдая. Бюрократія лишаетъ правительство необходимыхъ и полезныхъ ему людей, совѣтовъ и свѣдѣній; она старается скрыть отъ общества то, что извѣстно каждому ребенку, и сама доходитъ до полнаго невѣдѣнія того, что обязательно знать каждому гражданину. Она предпочитаетъ дѣйствительное зло, лишь-бы о немъ молчали, злу воображаемому, о которомъ пишется въ ея бумагахъ. Не терпя чужихъ разсужденій и мнѣній, она отучается разсуждать сама и лишается способности здраво судить о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Это создаетъ рутину и произволъ. Къ бюрократизму примѣнима слѣдующая характеристика, сдѣланная Бентамомъ: „Онъ не хочетъ, чтобы народъ просвѣщался, и презираетъ народъ, потому что онъ непросвѣщенъ. Вы не способны судить, говоритъ онъ, потому что вы невѣжественны, и васъ

будутъ держать въ невѣжествѣ, чтобы вы не были способны судить. Вотъ вѣчный кругъ, которымъ онъ себя окружаетъ“.

Бюрократизмъ лишенъ тѣхъ нравственныхъ и умственныхъ побужденій, которыя заставляютъ людей предпочитать добро и хорошія средства злу и неразборчивости въ способахъ дѣйствій. Онъ обращаетъ общее дѣло въ частное и руководствуется выгодами тамъ, гдѣ долженъ говорить долгъ. У него на первомъ планѣ награды, крупные оклады и повышенія. Онъ вноситъ въ общественную жизнь отрицательныя добродѣтели. При господствѣ бюрократизма, достаточно не стащить двугривеннаго со стола, чтобы прослыть за неподкупнаго и честнаго дѣятеля, удостоиться юбилейнаго обѣда и стипендіи. Онъ не добивается славы и общаго сочувствія. Общественное мнѣніе ему ненавистно и потому онъ кладетъ преграды его проявленію. Суда исторіи онъ не боится, потому что самъ разсчитываетъ написать ее.

Бюрократія имѣетъ притязаніе все дѣлать и во все вмѣшиваться; но она способна лишь механически воспроизводить невообразимую груду казенной бумаги. Только тѣ дѣла совершаются, которыя успѣваютъ ускользнуть отъ бюрократизма или вступаютъ съ нимъ въ сдѣлку. При бюрократизмѣ мало имѣть законъ за себя; недостаточно получить разрѣшеніе отъ министра или другого представителя правительства: необходимо еще, чтобы канцелярія была согласна, чтобы она не помѣшала, не задавила вашего дѣла. Если дѣло это по существу своему противно бюрократизму, какъ обусловленное извѣстною самостоятельностью дѣйствій и мысли, оно никогда не разовьется, бюрократизмъ задушитъ его. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ дѣло будетъ существовать настолько, на сколько оно выгодно бюрократизму. Достигнувъ полнаго своего развитія, своей кульминаціонной точки, бюрократизмъ пожираетъ самъ себя.

Въ подобномъ положеніи онъ отличается дѣтскою наивностью въ житейскихъ дѣлахъ и обнаруживаетъ полную растерянность въ обстоятельствахъ серьезныхъ и сколько-нибудь исключительныхъ. Онъ будетъ писать тысячи предписаній, которыя совершенно безвредно могутъ оставаться нераспечатанными и накопляться въ какомъ-нибудь канцелярскомъ углу; онъ будетъ цѣлыя десятки лѣтъ собирать никому ненужныя свѣдѣнія на основаніи какого-нибудь давно позабытаго циркуляра; онъ доставитъ вамъ точныя свѣдѣнія

о числѣ пчелъ, когда вы пожелаете узнать число ульевъ, и не задумается составить смѣту падающимъ звѣздамъ, когда будетъ строжайше предписано—неукоснительно доставить объ этомъ подлежащія свѣдѣнія и заключеніе. Бюрократизмъ кладетъ подъ сукно или умѣетъ затянуть до безконечности самыя серьезныя дѣла, разсчитывая на то, что само время какъ-нибудь разрѣшитъ ихъ. Онъ способенъ вѣка мириться съ самымъ явнымъ зломъ и даже называть его добромъ, точно такъ-же какъ не существуетъ такой безспорной истины, которую онъ не былъ-бы готовъ отрицать съ величайшею услужливостью, не требующею ни ума, ни сердца.

Въ сколько-нибудь серьезныхъ дѣлахъ, во всемъ, что не подходитъ подъ канцелярскую рутину и не обусловливается циркулярами и „бывшими примѣрами“, бюрократизмъ окончательно теряетъ голову. Сначала онъ всѣми силами отбивается отъ напирающей на него волны жизни, старается не видѣть и отрицать ее. Пусть явится необходимость помочь больному или несчастному человѣку. Частное лицо не задумается въ подобномъ случаѣ, но бюрократизмъ растеряется. Онъ пойдетъ справляться, подлежитъ-ли ему это „дѣло“ или не подлежитъ, случалось или не случалось разрѣшать подобныя дѣла, какъ смотритъ на это такой-то столоначальникъ и не приличнѣе-ли свалить новое дѣло на чиновника особыхъ порученій или передать его въ какую-нибудь комиссію? Пока все это будетъ происходить, нуждающійся въ помощи человѣкъ успѣетъ умереть. Но онъ долго еще будетъ жить для бюрократіи. Поступившая о немъ бумага станетъ ходитъ изъ стола въ столъ, изъ канцеляріи въ канцелярію, рости и множиться, пока тѣмъ-же путемъ не дойдетъ до нея встрѣчная бумага и „дѣло“ не зачислится конченнымъ. Бюрократизмъ легко можетъ проглядѣть голодъ и закупать хлѣбъ тогда, когда онъ вывезенъ за-границу; онъ вполнѣ способенъ лечитъ больныхъ тогда, когда одна половина ихъ отправилась на тотъ Свѣтъ, а другая кое-какъ сама оправилась. Онъ способенъ кормить несуществующихъ людей и лошадей и оставлять безъ пищи живыхъ и работающихъ.

Еще хуже, когда бюрократизмъ, вынужденный возрастающими требованіями жизни, долженъ или явно уступить добру, нарушающему рутину, или считаться со зломъ, имъ самимъ произведеннымъ. Въ подобныхъ случаяхъ бюрократизмъ развязываетъ руки произволу, который требуетъ для себя полной свободы дѣйствій и не хочетъ признавать ника-

кихъ стѣсненій и ограниченій. Утративъ способность разсужденія и знаніе жизни, онъ обыкновенно идетъ ей наперекоръ. Дѣйствуя въ темнотѣ, онъ сыплетъ удары безъ разбора, направо и налѣво, поражая главнымъ образомъ тѣхъ, кто не думаетъ и не имѣетъ причинъ сопротивляться. Всякій призывъ къ умѣренности, благоразумію, всякая попытка къ выясненію причинъ зла и указаніе на необходимость разборчивости въ средствахъ, бюрократизмъ считаетъ противодѣйствіемъ, чуть не открытымъ возстаніемъ. Онъ еще глубже окунается въ тьму и бросается изъ крайности въ крайность, отъ противорѣчія къ противорѣчію. Онъ требуетъ отъ всѣхъ содѣйствія и всѣхъ связываетъ по рукамъ и ногамъ. Онъ ищетъ совѣтовъ и раздражается противъ тѣхъ, кто рѣшается ихъ подавать. Онъ вопіетъ объ единеніи, единодушіи и разъединяетъ всѣхъ. Пріучивъ общество и частныхъ лицъ во всемъ возлагать упованіе на бюрократизмъ и считать общіе интересы стороннимъ дѣломъ, онъ гнѣвается, если то же общество и тѣ-же частныя лица возлагаютъ на бюрократизмъ и отвѣтственность за все совершающееся.

Отвѣтственность эта является только въ видѣ глухого ропота и „неудовольствія". Правильная, законная отвѣтственность не совмѣстима съ бюрократизмомъ. Сколько разъ дѣлались попытки установить ее, но бюрократизмъ уничтожалъ своего естественнаго врага. Петръ Великій учредилъ сенатъ съ спеціальной цѣлью сдѣлать его хранителемъ закона и высшимъ органомъ государственнаго надзора за бюрократіею. Но кто же рѣшится подавать жалобу на того, кто держитъ въ своихъ рукахъ вашу судьбу, вашу честь, ваше достояніе и общественное положеніе? А бюрократизмъ держитъ все это въ своихъ рукахъ, онъ съумѣетъ и изъ челобитчика сдѣлать безпокойнаго человѣка. „Жалуйтесь"— иронически отвѣчаетъ онъ въ низшихъ рядахъ, при одномъ намекѣ на отвѣтственность. „Нечего и пытаться жаловаться"— рѣшаютъ благоразумнѣйшіе люди, когда рѣчь идетъ даже о высшихъ рядахъ.

IV.

Ознакомившись съ сущностью бюрократизма, мы видимъ на сколько онъ противорѣчитъ естественнымъ потребностямъ человѣка и общества. Съ другой стороны, исторія указываетъ, что не въ до-петровскомъ укладѣ жизни можно

отыскать спасенье отъ бюрократическо-полицейскихъ путъ. Но неужели нѣтъ другого исхода, кромѣ выбора между этою московскою стариною и существующею безурядицею? Говорятъ, что необходимо выработать что-нибудь *свое*, особенное. Это „свое“ и особенное до сихъ поръ никто не опредѣлилъ; но оно отстаивается туманными и чуждыми всякаго практическаго значенія фразами. Между тѣмъ, въ основѣ стремленій къ обособленію лежатъ два совершенно противоположныя другъ-другу воззрѣнія. Одно изъ нихъ очень унизительное для русскаго народа. Оно заключается въ отрицаніи самой способности русскаго народа къ цивилизованнымъ условіямъ общежитія. На насъ смотря какъ на негровъ или зулусовъ, подобно тому, какъ мы относимся къ азіатскимъ ордамъ, полагая, что въ Туркестанѣ, напримѣръ, необходимо особое, „самобытное“ управленіе, нѣчто среднее между азіатскими и европейскими порядками. Негры долго доказывали свою правоспособность къ свободѣ. Прошло много лѣтъ рабства, пока и русскіе крестьяне удостоились признанія за ними человѣческихъ правъ. Точно такимъ-же образомъ иные въ Европѣ до сихъ поръ относятся ко всей Россіи, несмотря на двухвѣковыя стремленія ея къ общечеловѣческой цивилизаціи. То-же унизительное недовѣріе къ человѣку и къ русскому народу сказывается и въ болѣе смягченной и хорошо знакомой намъ формѣ, въ формѣ, которая опошлилась въ устахъ всесвѣтныхъ охранителей, которая всегда и вездѣ стояла на дорогѣ всякаго улучшенія. Это извѣстное „*недозрѣли*“, это всегдашнее указываніе на „неподготовленность“, которая выступаетъ всякій разъ на сцену, когда нельзя уже отвергнуть самый принципъ.

Рядомъ съ этимъ, держится другое крайнее воззрѣніе, какъ-бы въ оправданіе закона, что уголъ паденія равенъ углу отраженія. Это воззрѣніе заносчиво не хочетъ знать чужого опыта, воскрешаетъ ветхозавѣтный взглядъ на національность, разсматриваетъ Россію, какъ „новаго Израиля“, какъ избранный самимъ Богомъ народъ. Очевидно, что истина лежитъ между этими двумя крайностями. Если-бъ наши народники и кричащіе о православіи народа дѣйствительно знали свой народъ и исповѣдовали христіанство не только на словахъ, но и на дѣлѣ, они уразумѣли-бы эту истину. Они поняли-бы тогда, какое кощунство заключается въ признаніи православія какою-то національною особенностью, вопреки извѣстному догмату, что христіанская религія *вселенская*, *общечело-*

вѣческая. Они уразумѣли-бы тогда, какое униженіе они наносятъ своему народу, отрицая примѣнимость къ нему общечеловѣческой цивилизаціи, отвергая общія всѣмъ народамъ способности вырабатывать наиболѣе совершенныя и одинаково для всѣхъ пригодныя научныя и житейскія истины. Они увидѣли-бы тогда, какая безсмыслица заключается въ ихъ опросѣ: „Какіе-же это порядки хотятъ намъ навязать? Англійскіе, французскіе или американскіе?“ Они узнали-бы тогда, что наравнѣ съ общечеловѣческою религіею и наукою, существуютъ и общечеловѣческія условія общежитія, которыя надлежитъ усвоивать всякому народу, во избѣжаніе отсталости или даже гибели.

Казалось-бы, нигдѣ не могли такъ проявиться наши особенности, какъ въ той формѣ, въ какой существовало въ Россіи крѣпостное право. Однако и здѣсь наука находитъ общія всѣмъ народамъ явленія. Точно также, лишь поверхностные взгляды или недостатокъ изученія не способны прослѣдить, что въ самыхъ системахъ управленія нашими крестьянами заключаются тѣ-же формы, которыя, на разныхъ ступеняхъ развитія, свойственны всему человѣчеству. Извѣстно, что девять девятыхъ русскаго народа находились въ разныхъ видахъ закрѣпощенія. Поэтому, очень поучительно выяснить эти формы, чтобъ убѣдиться, что кругъ изобрѣтательности въ этомъ отношеніи очень ограниченъ и что притязанія выдумать какія-то особенности приводятъ или къ донкихотству, или къ безсознательному подражанію такимъ образцамъ, которые ствойственны только низшимъ разрядамъ человѣческихъ общежитій.

Мы знаемъ, что народъ нашъ жилъ общинами или родами. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ свободенъ. Потомъ наступило закрѣпощеніе, сначала матеріальное, въ видѣ кабалы, а потомъ и юридическое, прежде во имя государственныхъ, а потомъ и во имя частныхъ интересовъ. Самою естественною формою управленія, во время закрѣпощенія, представлялось непосредственное завѣдываніе самого помѣщика своими крестьянами. Это было воспроизведеніе патріархальнаго или родового быта. Хорошъ былъ помѣщикъ, имѣлъ онъ доброе сердце и на столько здраваго смысла, чтобъ понять, что благосостояніе его находится въ зависимости отъ благополучія отданныхъ во власть его людей,—и крестьянамъ было недурно. Этотъ патріархальный бытъ, это „отческое“ управленіе имѣли достаточно своихъ апологетовъ. Не намъ повто-

рять ихъ пастушескія и идиллическія росказни о томъ, что народу, какъ у Бога за печкой, хорошо и беззаботно жилось у добрыхъ властелиновъ, подобно дѣтямъ у хорошихъ отцовъ. Мы знаемъ, что въ этихъ псевдо-семейныхъ отношеніяхъ недоставало самой существенной основы,—не хватало родственной, кровной связи, какъ смягчающаго начала этой грубой и неограниченной власти сильнаго надъ слабымъ, той природной связи, которая и тигрицу заставляетъ холить и защищать своихъ дѣтенышей. Крѣпостная власть являлась только жалкой пародіей на семейныя отношенія. Если даже семью приходится иногда защищать отъ произвола главенствующихъ въ ней членовъ, то, понятно въ какой степени и какъ часто въ подобной защитѣ нуждалась крѣпостная, искусственная семья, поддерживаемая только насиліемъ, привиллегіями одного и порабощеніемъ многихъ. Въ дѣйствительности самый обезпеченный крестьянинъ съ удовольствіемъ возвратилъ-бы себѣ свободу. Мы знаемъ, что отъ хорошихъ помѣщиковъ люди также убѣгали, какъ и отъ дурныхъ. Чѣмъ даровитѣе, чѣмъ энергичнѣе были эти люди, чѣмъ болѣе было развито въ нихъ нравственное достоинство, тѣмъ неуживчивѣе они становились, тѣмъ скорѣе они пользовались случаемъ, чтобъ избавиться отъ этой „отческой“ власти и найти независимость, драгоцѣнную свободу въ далекихъ, выбившихся изъ-подъ государственной власти казачьихъ общинахъ, въ скитахъ глухихъ, полудикихъ лѣсовъ, или, хотя-бы, наконецъ, въ шайкахъ удалыхъ разбойниковъ. Естественное влеченіе къ свободѣ создало, какъ извѣстно, даже свою крѣпостную политику, свой крѣпостной катехизисъ. Къ крестьянамъ примѣняли поговорку: „какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ“. На этомъ основаніи, полагали, что чѣмъ строже обращеніе, чѣмъ забитѣе являлся мужикъ, чѣмъ менѣе у него знаній, чѣмъ болѣе въ немъ принижено человѣческое достоинство, тѣмъ было лучше, тѣмъ безопаснѣе, выгоднѣе и спокойнѣе для помѣщичьихъ интересовъ. И иные крѣпостные Маккіавели сознательно, какъ-бы скрѣпя сердце, примѣняли къ своимъ „подданнымъ“ систему устрашенія и держанія мужика „въ черномъ тѣлѣ“. Съ другой стороны, самые добросовѣстные помѣщики, незамѣтно для себя, развращались крѣпостною властью и, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пропитывались крѣпостнымъ ядомъ, утрачивая даже ясное представленіе о томъ, что и крестьяне такіе-же люди, что и они имѣютъ совѣсть и умъ.

Непосредственная „отческая“ форма управленія крестьянами не могла, однако, удержаться повсемѣстно и неизмѣнно. Помѣщики принадлежали къ служилому классу и часто находились вдали отъ ввѣренныхъ ихъ власти людей. Независимо отъ того, владѣть и править было вольготно. Помѣстья и вотчины расширялись. Населенныя имѣнія одного и того-же владѣльца находились въ разныхъ мѣстахъ, часто на разстояніи многихъ сотень верстъ. Въ охотникахъ „водворяться“ недостатка никогда не было, точно также, какъ въ наши дни. Послѣ водворенія въ западныхъ губерніяхъ, одни и тѣ-же лица съ готовностью являлись „припущенниками“ на башкирскихъ земляхъ и на Кавказѣ, на противоположныхъ концахъ Россіи. Это въ корнѣ подрывало систему „отческаго“ управленія. Она оставалась часто только на словахъ, когда нужно было восхвалять и поддержать принципъ крѣпосничества. На дѣлѣ-же явилась потребность въ переуступкѣ, въ препоручительствѣ власти. Управленіе происходило чрезъ посредство разныхъ бурмистровъ и приказчиковъ, черезъ чиновниковъ крѣпостного барина. Эти чиновники были необходимы даже въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ самъ жилъ въ деревнѣ. Не могъ-же онъ входить во всѣ мелочи управленія, все знать и за всѣмъ присмотрѣть; да и охоты къ тому не у всѣхъ хватало. Предрасположеніе къ лѣни, къ сваливанію своей заботы на другихъ, всегда присущее человѣку, тѣмъ естественнѣе развивалось въ крѣпостномъ баринѣ, создавъ даже извѣстное предубѣжденіе противъ труда, какъ чего-то унизительнаго, неблагородного. Гораздо покойнѣе запереться въ своихъ барскихъ хоромахъ и, не ломая благородной головы, предаваться всѣмъ прихотямъ барской власти, отдавая судьбу крѣпостныхъ на произволъ и усмотрѣніе льстивой, угодливой дворни. Это искажененіе начала „отческой“ власти становилось уже неизбѣжною потребностью, когда помѣщикъ находился на далекой государевой службѣ, или не жилъ въ той или другой деревнѣ. Тутъ ужъ бурмистры, приказчики или иноязычные, нанятые управители являлись полными хозяевами, совершенными замѣстителями помѣщичьей власти. Нечего напоминать, какія послѣдствія происходили отъ этой системы управленія. Можетъ быть для барина, въ нравственномъ отношеніи, она была иногда выгодна. Онъ неразвращался непосредственнымъ примѣненіемъ крѣпостной власти, не опускался, не погружался въ эту тину, не пріучался къ жестокосердію, могъ объективнѣе относиться къ крѣпостнымъ

и возвышаться до нравственныхъ и умственныхъ истинъ. Съ другой стороны, и крестьяне могли вѣрить, что все зло происходитъ отъ обмана и хищничества и пристрастія бурмистровъ и приказчиковъ, что баринъ не такъ поступилъ-бы, если-бъ зналъ-да вѣдалъ истину; что онъ-де ихъ отецъ, а они его дѣти; что не въ его интересахъ желать имъ зла, тогда, какъ эти интересы являются сторонними, чуждыми для приказчиковъ. Престижъ крѣпостной власти могъ, слѣдовательно, даже поддерживаться въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ не управлялъ непосредственно и находился въ прекрасномъ далекѣ отъ своихъ крѣпостныхъ. Такъ, опытные жрецы не допускали простыхъ смертныхъ въ святаясвятыхъ созданныхъ ими боговъ, чтобъ слѣпо вѣрующіе не могли разглядѣть, какая мишура и какіе прорицатели скрывались за спинами тѣхъ истукановъ, которымъ поклонялся невѣжественный и наивный народъ. Крѣпостные могли питаться надеждами и терпѣливо сносить неправды и угнетенія, какъ это наглядно изображено въ извѣстной „Забытой деревнѣ“ Некрасова. Но въ этомъ-же замѣчательномъ художественномъ произведеніи указаны и послѣдствія подобныхъ упованій. Пріѣзда барина и желанной справедливости крестьяне не дождались. Взамѣнъ ихъ, въ деревню прибыло только мертвое тѣло стараго барина. „Новый“-же слезы вытеръ и уѣхалъ въ Питеръ, предоставивъ судьбу и всѣ надежды крестьянъ на произволъ тѣхъ-же или такихъ-же бурмистровъ и приказчиковъ, злоупотребленія которыхъ одинаково пагубны какъ для господина, такъ и для ввѣренныхъ ему людей.

Сознаніе существованія этихъ злоупотребленій и необходимость ихъ устраненія не могло, конечно, не зародиться въ представителяхъ крѣпостной власти. Оно возникло, если не подъ вліяніемъ нравственныхъ и умственныхъ побужденій, то подъ давленіемъ матеріальныхъ интересовъ. Хищенія и произволъ приказчиковъ угрожали разореніемъ не только крестьянамъ, но и самому барину. Явилась потребность въ установленіи разныхъ ограниченій произвола и усмотрѣній управляющихъ, въ учетѣ ихъ, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій. Исторія крѣпостного быта, какъ и вообще народная и культурная исторія Россіи, остаются еще мало разработанными. Но все-же теперь достаточно уже опубликовано разнаго сырого матеріала и стали появляться даже монографіи, по которымъ можно составить вѣрное представленіе объ этихъ интересныхъ попыткахъ урегулировать отношенія управляю-

щихъ къ управляемымъ. Прежде всего, конечно, помѣщики прибѣгали къ установленію одной власти надъ другою, къ разграниченію дѣятельности своего чиновнаго люда. Надъ бурмистрами явились управляющіе, надъ управляющими—главноуправляющіе, потомъ создались разныя конторы и подъконторы, сочинялись формы вѣдомостей и отчетныхъ книгъ, завелась обширная переписка по каждой отрасли хозяйства. Нѣкоторые помѣщики, особенно богатые, имѣвшіе много имѣній, сочиняли цѣлыя административныя учрежденія, заводили суды, издавали инструкціи, опредѣляли порядокъ рѣшенія дѣлъ, указывали, какъ и кто ихъ долженъ вѣдать и какія мѣропріятія или предположенія должны восходить на ихъ непосредственное, владѣльческое воззрѣніе. Мнѣ лично случилось видѣть любопытный документъ, свидѣтельствующій, что существовало своего рода крѣпостное законодательство, которое опредѣляло мельчайшія подробности крестьянскаго быта, отношенія къ нимъ со стороны управителей, перечисляло проступки крестьянъ и опредѣляло мѣру и родъ взысканій за нихъ, при чемъ пологались нѣкоторыя ограниченія для тѣлесныхъ наказаній, указывалось число ударовъ. Но незачѣмъ, въ настоящемъ случаѣ, вдаваться въ изученіе этихъ документовъ и будоражить покрывающую ихъ архивную пыль. Для нашей цѣли достаточно снова обратиться къ помощи той русской литературы, заслуги которой такъ рѣдко признаются. Гоголь оставилъ намъ незабвенное воплощеніе этой системы управленія, въ изображеніи извѣстнаго помѣщика Кошкарева, съ его „счетными экспедиціями“, комитетами „построенія“ и „сельскихъ дѣлъ“, „школами нормальнаго просвѣщенія поселянъ“ и т. п. Это былъ тотъ самый бюрократизмъ, тотъ формализмъ и та казенщина, которые заставляли сосѣдей Кошкарева считать его за сумасшедшаго, которые мертвили хозяйство, разоряли и помѣщика, и крестьянъ, но которые являлись только обезъяниченьемъ съ дожившаго до нашихъ дней государственнаго бюрократизма. Въ попыткахъ урегулировать крѣпостное хозяйство и отношенія приказчиковъ и крѣпостныхъ чиновниковъ къ безправнымъ и безгласнымъ людямъ узнается, такимъ образомъ, старый нашъ знакомецъ, отъ котораго и по сей день мы не знаемъ какъ избавиться. Мы можемъ убѣдиться, однако, что бюрократизмъ появляется на сцену не случайно, что это паліативъ противъ еще бо́льшаго зла, заключающагося въ отсутствіи какихъ-бы то ни было ограниченій для управителей и въ со-

вершенномъ предоставленіи на ихъ волю, на ихъ усмотрѣніе личности и интересовъ управляемыхъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, мѣсто, занимаемое бюрократизмомъ въ различныхъ системахъ управленія, можемъ прослѣдить его генетическую связь и опредѣлить, куда необходимо отъ него идти, *назадъ*, или *впередъ*, чтобы освободиться отъ его удушливыхъ объятій.

Нѣкоторые помѣщики, конечно, пробовали пятиться *назадъ* и возстановляли простой произволъ своихъ бурмистровъ и приказчиковъ, когда безплодность разныхъ переписокъ, конторъ и экспедицій построенія или наблюденія имъ черезчуръ ужъ надоѣдала, или имѣнія видимо ужь ускользали изъ рукъ. Но другіе пошли дальше. Ихъ собственные интересы заставили ихъ придумать или признать другія, болѣе совершенныя формы управленія. Тѣ-же документы и монографіи, о которыхъ уже упомянуто, свидѣтельствуютъ о попыткахъ возсоздать крестьянское самоуправленіе, рядомъ съ независимостью крѣпостной или помѣщичьей администраціи. Нѣкоторыя дѣла предоставлялись міру, суду стариковъ. Вмѣшательство приказчиковъ въ семейныя, внутреннія дѣла и хозяйство крестьянъ нѣсколько ограничивалось; имущество, личность ихъ получали извѣстную долю обезпеченности. Все это, безъ сомнѣнія, было поставлено на почву случайности, во многомъ зависило отъ достоинствъ управителей. Ловкіе, пронырливые, радѣющіе только о своихъ частныхъ интересахъ, приказчики имѣли полную возможность повернуть и это самоуправленіе въ свою выгоду, вмѣшивались въ него, подтасовывали сходы, устраняли изъ него тѣхъ людей, которые были имъ неугодны, выдавали ихъ за неблагонадежныхъ. Такъ какъ крестьяне были безгласны, такъ какъ жалобы ихъ доходили къ помѣщику только черезъ посредство приказчиковъ, то понятно, что эти послѣдніе всегда имѣли возможность извратить истину, выставить черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ и нерѣдко навлекать неудовольствіе помѣщичьей власти на мужиковъ болѣе стойкихъ, убѣжденныхъ, честныхъ и вѣрившихъ въ справедливость своего барина и въ серьезность дарованныхъ имъ льготъ.

Исторія крѣпостного быта, наконецъ, свидѣтельствуетъ, что самою выгодною въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ системою управленія представляло такъ называемое оброчное положеніе. Все имѣніе отдавалось въ полное и независимое управленіе самихъ крестьянъ, которые сами себѣ избирали властей и управлялись въ своихъ дѣлахъ, уплачи-

вая барину извѣстный оброкъ. При этихъ условіяхъ, благосостояніе крестьянъ быстро развивалось, личность ихъ не подавлялась, бунтовъ и сопротивленій не происходило, между ними и помѣщиками устанавливались добрыя отношенія, и баринъ всегда исправно получалъ слѣдующій ему доходъ. Нѣкоторые изъ этихъ оброчныхъ крестьянъ, какъ извѣстно, составляли себѣ громадное состояніе и выходили въ купечество, въ городскія сословія; другіе пріобрѣтали земли на имя своего помѣщика. Это оброчное положеніе было предвозвѣстникомъ полнаго избавленія народа отъ крѣпостной зависимости, возврата его къ той свободѣ, къ тѣмъ самостоятельнымъ общинамъ, которыя существовали въ древнія времена. Къ сожалѣнію, удерживающаяся до сихъ поръ и даже во многихъ случаяхъ возросшая бюрократическо-полицейская система государственнаго управленія стала поперекъ дороги этого освобожденія и съ успѣхомъ замѣнила самые неприглядные виды крѣпостной власти.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, наши собственные опыты въ управленіи. Мы видѣли ихъ происхожденіе, знаемъ, какое мѣсто занимаетъ среди нихъ бюрократизмъ и какимъ путемъ можно отъ него избавиться. Какое-же основаніе предполагать, что иныя изъ этихъ системъ свойствены русскому народу, а другія нѣтъ? Напротивъ, мы видимъ, что всѣ онѣ возникли въ Россіи и примѣнялись въ ней въ разныя времена, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ. Если тѣже формы свойствены и другимъ народамъ, то это не можетъ служить ни къ нашему возвеличенію, ни къ униженію. Мы можемъ, слѣдовательно, не прибѣгая ни къ англійскимъ, ни къ французскимъ образцамъ, сдѣлать выборъ, основываясь не на проблематическихъ особенностяхъ народа, а на указаніяхъ нашей-же политики, если ужь научные, теоретическіе выводы такъ намъ противны. Выборъ этотъ составляетъ дѣло нравственности и ума. Мы видимъ, что при одной системѣ личность человѣка подавляется, происходитъ нравственное, умственное и матеріальное „нестроеніе", а при другой всѣ эти недостатки смягчаются. Если вкусъ нашъ склоняется къ первой системѣ, то это нисколько не докажетъ нашей „самобытности", такъ какъ на Земномъ шарѣ много существовало,

да и теперь еще существуетъ народовъ, которые не доросли до „правового порядка“ жизни, до признанія и обезпеченія „свободы личности, слова и духа“, до гражданственности. И наоборотъ, всѣ тѣ національныя особенности, которыми обладаетъ русскій народъ, нисколько не пострадаютъ отъ усвоенія болѣе совершенныхъ формъ управленія, такъ какъ формы эти обще-человѣческія, выработанныя совокупными усиліями всѣхъ образованныхъ народовъ.

Среди разрушителей.
(1894 г.).

Послѣдовало правительственное сообщеніе объ учрежденіи особой комиссіи для преобразованія новыхъ судовъ. Неизвѣстно, въ чемъ будетъ заключаться это преобразованіе. По этому поводу, газеты самаго противоположнаго оттѣнка высказываются съ крайней нерѣшительностью. Происходитъ то самое, что наблюдалось, при обсужденіи первой рѣчи министра юстиціи Н. В. Муравьева, котораго „Гражданинъ" называетъ не иначе, какъ „начальникомъ юстиціи" и даже „хозяиномъ юстиціи".

Касаясь этой рѣчи, мы сказали: „Никто не сомнѣвается въ талантахъ и знаніяхъ этого государственнаго дѣятеля; но не всѣ нашли во вступительной рѣчи его твердыя и безспорныя основанія для опредѣленія ближайшей программы новаго управленія". Такою-же неопредѣленностью страдаетъ и нынѣшнее сообщеніе министерства юстиціи о предстоящемъ преобразованіи. Весь смыслъ этого сообщенія сводится къ желанію сохранить все, оказавшееся пригоднымъ въ „Судебныхъ Уставахъ", и устранить недостатки, обнаружившіеся въ теченіе 30 лѣтъ, со дня утвержденія этихъ уставовъ. Но существуетъ, какъ извѣстно, полная разногласица въ признаніи того, что пригодно, и что слѣдуетъ считать недостаткомъ. Министерская декларація указываетъ на ту „пестроту", которая произошла въ судебной организаціи, вслѣдствіе всевозможныхъ „поправокъ", произведенныхъ въ „Судебныхъ Уставахъ" при предшественникахъ Н. В. Муравьева, главнымъ-же образомъ при Н. А. Манассеинѣ. Нынѣшнее министерство желаетъ устранить эту „пестроту", придавъ судебной организаціи болѣе *единства*; но единства можно вѣдь достигнуть и путемъ распространенія исключеній и дополненій въ такой степени, что отъ основныхъ началъ реформы 1864 года ни-

чего не останется. Повторяемъ, изъ деклараціи нельзя составить вполнѣ яснаго представленія, въ какомъ направленіи будетъ работать новая комиссія.

Знакомые съ „Судебными Уставами“ 20 ноября 1864 г. очень хорошо знаютъ, что этотъ законодательный актъ, основанный на вполнѣ опредѣленныхъ началахъ, представлялъ замѣчательное *единство*, за исключеніемъ развѣ только слѣдственной части, въ которой удержались канцелярскіе и розыскные порядки. При распространеніи судебной реформы на окраины, по политическимъ и этнографическимъ условіямъ, хотя и приходилось допускать различныя изъятія или отступленія въ судебной организаціи, но за-то въ коренной Россіи, гдѣ уставы были введены,—по оффиціальному выраженію,—„въ полномъ объемѣ“, судебная часть представляла стройное, величественное зданіе. Положеніе было вполнѣ нормальное и чрезвычайно полезное для государственнаго единства, для культурныхъ и нравственныхъ задачъ русскаго народа. Построенная на справедливыхъ и вполнѣ научныхъ началахъ, организація судебной части въ коренной Россіи вполнѣ удовлетворяла тому началу, въ силу котораго государственный центръ, ядро народа, не должны лишаться тѣхъ или другихъ благъ и усовершенствованій только потому, что на тѣхъ или другихъ окраинахъ политическое положеніе не дозволяетъ подобныхъ учрежденій или устройствъ. Россія—„дистанція огромнаго размѣра“, владычество ея распространяется на громадныя пространства, охватывая самые противоположные въ культурномъ отношеніи народы. Подводить подъ „одинъ знаменатель“ всѣ условія управленія, суда и общественности было-бы немыслимо въ такомъ государствѣ. Исторія нашего государственнаго сложенія приводила къ такимъ печальнымъ несообразностямъ, что на нѣкоторыхъ, ближайшихъ къ европейскимъ границамъ, окраинахъ существовали законы, нравы и общественные порядки, которымъ приходилось завидывать русскому народу; объяснялось это крѣпостнымъ бытомъ, умственною и культурною отсталостью русскаго народа; но было-бы ни съ чѣмъ несообразно, заставлять тотъ-же народъ, въ интересѣ „единства управленія“, довольствоваться тѣми законами и порядками, которые приходится временно допускать относительно калмыковъ, киргизкихъ ордъ, тэкинцевъ, въ Ташкентѣ или Бухарѣ. Напротивъ, чтобъ русскій народъ вѣрнѣе достигалъ своихъ политическихъ и культурныхъ задачъ, не только желательно, но

и необходимо, чтобъ онъ являлся центромъ лучшей государственной и общественной организаціи, служилъ образцомъ правды, чести и возвышенныхъ идеаловъ, представлялъ наивысшее воплощеніе образованности, эстетическаго развитія и нравственности. Къ такой нравственной и умственной высотѣ сами собой и естественно тяготѣютъ народы, безъ всякихъ насилій и исключительныхъ мѣръ, какъ цвѣтокъ тянется къ свѣту, какъ птицы летятъ туда, гдѣ тепло и возрождаются дары природы, подъ благодатнымъ вліяніемъ весны.

Такая весна, такое тепло и свѣтъ наступили было у насъ съ великаго дня 19-го февраля 1861 года, когда пали крѣпостныя узы, когда русскій народъ получилъ свободу, когда созданная усиліями Петра Великаго и Екатерины II русская общественность могла отрѣшиться отъ позорной и разлагающей основы рабства, приниженія и отрицанія личности. Настало время, когда Россія смѣло, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, могла сказать подвластнымъ ей народамъ: пріидите ко мнѣ, живите мирно и дружно съ нами, и вы получите всѣ блага, доступныя человѣческимъ обществамъ. Съ упраздненіемъ крѣпостного быта, съ введеніемъ новыхъ судовъ, земства, городской реформы, съ появленіемъ политической печати, съ признаніемъ гласности, съ облегченіемъ условій умственной и духовной жизни, съ развитіемъ законности и правовыхъ порядковъ, мы получили полное основаніе обратиться съ этимъ приглашеніемъ не только къ азіатскимъ народностямъ, но и къ тѣмъ частямъ населенія, которыя имѣли возможность гордиться передъ нами своими болѣе опредѣленными и прочными связями съ европейской культурой. Мы могли сказать и дѣйствительно говорили одно время полякамъ, прибалтійскимъ нѣмцамъ и шведамъ Финляндіи: волей историческихъ судебъ вы связаны съ Россіей; примкните къ намъ, не злоумышляйте противъ нашей общей государственности, сблизьтесь съ русской общественностью, не чуждайтесь нашей науки, литературы, языка, и мы дадимъ вамъ взамѣнъ совершеннѣйшіе устои правосудія, земское и городское самоуправленіе, котораго вы не найдете даже въ большинствѣ сосѣднихъ государствъ, и распространимъ на вашихъ крестьянъ то земельное и общественное устройство, какого вы не знали подъ вліяніемъ удержавшихся до сихъ поръ у васъ средневѣковыхъ, сословныхъ порядковъ.

Для людей поверхностныхъ, мало знакомыхъ съ исторіей и не привыкшихъ къ изслѣдованію явленій текущей жизни,

многое представляется случайнымъ или произвольнымъ. Но просвѣщенные и истинно любящіе свое отечество люди вполнѣ сознавали и сознаютъ, какія блага принесли Россіи, ея государственному могуществу и культурному вліянію величайшія въ мірѣ преобразованія 60-хъ годовъ. Просвѣщенные люди знаютъ прежде всего, что эти преобразованія не были дѣломъ моды или увлеченія; всѣ "освободительныя реформы" были глубоко продуманы въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ и вызваны самыми настоятельнѣйшими потребностями государства и народа; въ числѣ ихъ нѣтъ ни одной, которая не была-бы болѣе или менѣе подготовлена и сознательно намѣчена въ предшествующую эпоху, частью еще въ началѣ столѣтія. Извѣстно, напримѣръ, что Императоръ Николай I, въ первый же годъ своего царствованія, учредилъ комиссію для обсужденія вопроса объ упраздненіи крѣпостной зависимости; резолюція императора Николая Павловича, осуждавшая старые суды, ихъ вопіющую медленность и неправосудіе, послужила основою всѣхъ трудовъ по судебному преобразованію. Слѣды стремленій къ строгой законности, обузданію произвола властей и заботы о неприкосновенности личности и гражданскихъ правъ явно сказываются въ изданіи Свода законовъ. Все было подготовлено къ преобразованіямъ, обновившимъ Россію, въ такой степени, что эпоху, предшествовавшую Крымской войнѣ, укоряли часто въ искусственномъ застоѣ и въ нерѣшительности сдѣлать неизбѣжный шагъ,—въ нерѣшительности, всѣ печальныя послѣдствія которой раскрылись при столкновеніи съ европеской коалиціей въ 1853—1855 гг.

Не случайностями объясняются и тѣ успѣхи, которые мы пріобрѣли въ Азіи, въ послѣднія 30 лѣтъ; не случайно всѣ угнетенные на Балканскомъ полуостровѣ и въ Австріи славянскіе народы стали было искать въ Россіи защиты и осуществленія своихъ надеждъ; не случайно мы дожили до того дня, когда свободнѣйшіе и образованнѣйшіе народы Америки и Европы съ уваженіемъ стали относиться къ русской литературѣ, прислушиваться къ голосу русской печати и искать непосредственныхъ дружескихъ, политическихъ и торгово-промышленныхъ связей съ Россіей. Не случайно мы достигли въ войну 1877—78 г. положительныхъ цѣлей, которыхъ тщетно добивались въ крѣпостную эпоху, не смотря на полную увѣренность въ своемъ „военномъ могуществѣ".

Все это произошло только потому, что Россія отрѣшилась отъ крѣпостного быта, вышла на путь свободы и прав-

ды; все это естественныя и вполнѣ ожиданныя послѣдствія преобразованій, государственнаго и бытоваго обновленія, прироста русской общественности. Эти благія послѣдствія всегда предсказывались наиболѣе свѣтлыми и прозорливыми умами тѣхъ приверженцевъ свободы и правовой жизни, которые не хвастались своимъ патріотизмомъ, но словомъ и дѣломъ, искренно, убѣжденно, неуклонно, пренебрегая своими личными интересами, подготовляли и осуществляли реформы 60-хъ годовъ, или отстаивали, боролись за ихъ сущность.

Подъ вліяніемъ мрачныхъ событій и неблагопріятныхъ условій, сознаніе безусловной необходимости и жизненности этихъ преобразованій поблекло и вышло изъ числа тѣхъ господствующихъ идей, которыя, обыкновенно, вліяютъ на толпу. Семидесятые годы особенно способствовали затмѣнію этого сознанія. Въ это десятилѣтіе новые порядки не успѣли еще окрѣпнуть и оправдать свою плодотворность; старое, дореформенное время, старые нравы и привычки не отжили своего вѣка. Одни стали отрицательно относиться къ реформамъ 60-хъ годовъ, желая убѣдить въ ихъ незаконченности, чтобъ выставивъ ихъ недостатки и недодѣланность, требовать и домогаться лучшаго, дальнѣйшаго движенія впередъ; другіе, съ неменьшимъ рвеніемъ, воспользовались этимъ отрицательнымъ настроеніемъ, чтобъ подкрѣпить свои безсознательныя предубѣжденія противъ всякихъ „новшествъ“. Эпохѣ преобразованій наносились, такимъ образомъ, удары съ двухъ сторонъ. Одни буквально „взрывали“ ее, въ погонѣ за тѣми головными, заоблачными идеями, которыя не находили еще ни малѣйшаго отзвука въ дѣйствительныхъ потребностяхъ русскаго народа и русской жизни, которыя и для самыхъ передовыхъ народовъ, даже въ настоящее время, представляются еще далеко не ясной и даже опасной, несвоевременной мечтой; другіе податливо и очень охотно примкнули къ этой „радикальной“, нелегальной и въ иныхъ случаяхъ даже преступной оппозиціи, усматривая въ ней лучшее оправданіе своего недовѣрія къ реформамъ, своихъ опасеній. На ряду съ „радикальной“, создалась не менѣе рѣзкая и крутая *реакціонная* оппозиція.

Въ колеблящемся положеніи дѣйствительная жизнь не можетъ долго оставаться. Изъ шаткихъ условій и сомнѣній она отыскиваетъ тотъ или иной исходъ. Въ 1880 году казалось, что побѣда склоняется въ пользу „радикальной“ реформы, въ надеждѣ, что этимъ путемъ лучше всего обузда-

ются крайнія и насильственныя стремленія. Но 1-ое марта 1881 года, погубившее Государя, стяжавшаго имя Царя-Освободителя, въ то время, когда предрѣшены были новыя преобразованія, повело лишь къ усиленію реакціи. Лицемѣры негодовали на словахъ, но стали разрушать славу и „освободительныя дѣянія „Александра II“. Черезъ 10 лѣтъ, „Гражданинъ“ *чествовалъ* годовщину 1-го марта и нагло утверждалъ, что съ этого дня настало-де счастье и благополучіе русскаго народа, спасеннаго отъ чуждыхъ ему „свободъ“. Среди подавленной мысли и безправія, конечно, трудно было разобраться. Одни по невѣдѣнію, другіе умышленно стали сближать преступленія анархистовъ съ либеральными преобразованіями 60-хъ годовъ, забывая или умалчивая, что первыми и наиболѣе яркими отрицателями и врагами преобразованій, какъ и всякаго постепеннаго и мирнаго прогресса, всегда и вездѣ являлись и являются крайнія партіи. Тѣхъ самыхъ „либераловъ“, которыхъ ретоградныя газеты навязываютъ въ друзья анархистамъ, послѣдніе гораздо болѣе ненавидятъ и ненавидѣли, нежели реакціонеровъ. Между анархистами и попятниками радикальнаго оттѣнка гораздо болѣе точекъ сближенія, нежели это обыкновенно думается. Соединенными силами, съ одинаковою страстностью, нетерпимостью и разрушительностью, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія, наши крайнія партія сдѣлали все возможное, чтобы поколебать въ умахъ самыя основы жизненнаго, мирнаго и плодотворнаго прогресса, починъ котораго у насъ всегда исходилъ сверху, по мысли и при участіи просвѣщеннѣйшихъ людей русскаго общества.

Анархисты успѣли дискредитировать себя во всей Европѣ, во всѣхъ государствахъ, не исключая самыхъ свободныхъ и прогрессивныхъ республикъ. Они выказали себя явными врагами всякаго общественнаго порядка и государственнаго устройства. Ретограды, съ своей стороны, никогда и нигдѣ не давали положительныхъ результатовъ. Обѣ крайнія партіи видимо ослабли въ своемъ вліяніи на толпу и должны уступить мѣсто тѣмъ, кому по праву принадлежитъ и охраненіе существующаго порядка, неизмѣнныхъ устоевъ нравственной, умственной жизни и матеріальнаго благосостоянія народовъ, и спокойное, обдуманное, вполнѣ легальное, но *коренное* усовершенствованіе государственной и общественной жизни.

Въ самый разгаръ разрушительныхъ и отрицательныхъ

отношеній къ жизни, со всѣхъ сторонъ раздавались сомнѣнія и унылые возгласы: никакихъ идеаловъ нѣтъ, мы во всемъ извѣрились и ничего не желаемъ! Нѣкоторые утратили даже представленіе о томъ, для чего мы рождаемся и живемъ. Мистицизмъ, метафизика, спиритизмъ, рядомъ съ отвратительнымъ прожиганіемъ жизни и чисто животными отношеніями къ ней, были естественными послѣдствіями и спутниками такого настроенія. Дикія завыванія реакціи, какъ и анархическія насилія, не могутъ создать иныхъ настроеній и дать другихъ послѣдствій. Разочарованность, безнадежность, уныніе, тягота жизнью и своего рода „пиръ во время чумы"— всегдашній удѣлъ ихъ.

Но здоровые духомъ и просвѣщенные люди хорошо знаютъ, что такіе періоды не разъ переживало человѣчество. Твердо сознаютъ они также, что въ исторіи человѣчества, при всѣхъ сомнѣніяхъ, при колебаніи философскихъ системъ, измѣнчивости общественныхъ, экономическихъ и всякихъ другихъ условій, ясно очерчивается свѣтлая черта, какъ вѣковѣчный, прямоѣзжій путь, по которому шли народы и люди, стяжавшіе себѣ общее и навсегда упроченное уваженіе, ту вѣчную и добрую память, которую мы всегда возглашаемъ, когда стоимъ предъ лицомъ смерти. Эта свѣтлая черта опредѣляется вполнѣ точно для всѣхъ истинно просвѣщенныхъ и честныхъ людей. Она ясно опредѣляется весьма простыми и всѣмъ доступными предписаніями нравственности—возлюбить ближняго болѣе, нежели себя самого, обогощать свой умъ знаніями, которыя даютъ человѣку возможность торжествовать надъ силами природы, и стремиться къ справедливости, къ тому общественному устройству, при которомъ цѣлое заботилось-бы о малѣйшей своей части, а каждая индивидуальность твердо сознавала-бы, что счастье и благополучіе ея зависятъ отъ общаго блага. Всѣ народы и всѣ люди, не отдѣлявшіеся отъ этой свѣтлой черты, удостоивались въ концѣ-концовъ и *земного благополучія*, и доброй, вѣчной славы. Они живы, живутъ и будутъ жить на лучшихъ страницахъ исторіи. Имъ воздвигаются памятники, ихъ изучаютъ и имъ стараются подражать. Грѣшно сказать, чтобы русскому народу не былъ извѣстенъ этотъ свѣтлый, праведный путь. Нѣтъ, онъ извѣстенъ. Мы умѣли находить его въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, не смотря на всѣ превратности и тяжкія условія. Мы найдемъ его и теперь, какъ только просвѣтлѣетъ наше сознаніе.

Польскій вопросъ, націонализмъ и славянофильство.

(1894 г.).

Въ печати прошло почти незамѣченнымъ весма знаменательное событіе, совершившееся въ Варшавѣ въ первыхъ числахъ апрѣля, не смотря на то, что нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, съ обстоятельнѣйшими коментаріями, были сообщены „Варшавскимъ Дневникомъ“, оффиціальной газетой русской Польши.

По словамъ этой газеты, 5 (17) апрѣля, въ Варшавѣ была *публичная демонстрація* „въ память столѣтней годовщины революціоннаго возстанія, происшедшаго въ семъ городѣ и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ *Варшавской заутрени*“. Эта „Варшавская заутреня“ состояла въ томъ, что русскій отрядъ, расположенный въ Варшавѣ и поддерживавшій *послѣдняго польскаго короля*, былъ перерѣзанъ, причемъ большинство убито *безоружными* въ церкви, на улицахъ, въ казармахъ и домахъ. Въ эту кровавую „заутреню“, напоминающую „Варѳоломеевскую ночь“, изъ семитысячнаго русскаго отряда, состоявшаго подъ начальствомъ генерала Игельстрома, погибло 2.265 человѣкъ; многіе были живьемъ сожжены въ домахъ или добиты раненными. Въ числѣ жертвъ этой рѣзни находились женщины и дѣти. Вожакомъ варшавской бойни былъ сапожникъ Килинскій, котораго Костюшко произвелъ затѣмъ—„въ полковники“. Домъ, гдѣ жилъ генералъ Игельстромъ, былъ разграбленъ и сожженъ.

Вотъ къ этимъ-то кровавымъ событіямъ и была пріурочена демонстрація 5 (17) апрѣля текущаго года. „Варшавскій Дневникъ“ очень ловко воспользовался сообщеніями заграничныхъ польскихъ газетъ и съ ихъ-же словъ описываетъ демонстрацію такъ:

„Узнаемъ мы изъ этихъ газетъ, что богослуженіе въ Свято-Янскомъ каѳедральномъ костелѣ (Фара) состояло изъ заупокойной „мши“ по „полковникѣ“ Янѣ Килинскомъ, какъ главномъ организаторѣ „Варшавской за-

утрени", и затѣмъ изъ „благодарственнаго" молебствія по поводу годовщины этого событія, „въ присутствіи довольно многочисленной публики изъ разныхъ слоевъ общества"; узнаемъ, что послѣ демонстраціи передъ домомъ Килинскаго, процессіонное шествіе намѣривалось отправиться для манифестацій, но совсѣмъ уже противнаго характера, на Медовую улицу, къ дому, гдѣ сто лѣтъ назадъ квартировалъ русскій генералъ Игельстромъ, командовавшій небольшимъ отрядомъ русскихъ войскъ въ Варшавѣ; узнаемъ, наконецъ, что наканунѣ этой годовщины, 4 числа вечеромъ, по городу было разбросано въ разныхъ мѣстахъ и въ значительномъ числѣ „приглашеніе на богослуженіе", а въ предшествовавшіе дни разбрасывались и циркулировали въ мѣстной польской публикѣ краткія прокламаціи съ напоминаніемъ о предстоящей годовщинѣ".

Съ своей стороны, русская оффиціальная газета никакихъ подробностей о демонстраціи 5 апрѣля не передаетъ, не считая ихъ, вѣроятно, дойстойными вниманія русскаго общества; но высказываетъ по этому поводу слѣдующія соображенія:

„Много лѣтъ уже со стороны заграничныхъ польскихъ публицистовъ и агитаторовъ идетъ возбужденіе и натравливаніе поляковъ на русскихъ; довольно долго результаты ихъ агитаціи оставались безъ всякихъ внѣшнихъ проявленій, но за послѣдніе два года стали все болѣе выясняться— до сихъ поръ, правда, незначительныя, но все-же осязательныя—доказательства того, что въ нѣкоторыхъ сферахъ польскаго общества находятся уже люди, сбитые съ панталыку этими агитаторами, которые теперь, очевидно, не ограничиваютъ уже свою дѣятельность одною печатью. Демонстрація, бывшая въ Варшавѣ, именно въ день годовщины предательскаго и гнуснаго нападенія на русскихъ, притомъ устроенная польскою интеллигенціею, а не какими-либо неучами и невѣжественною уличною толпой, указываетъ на то, что польское общество снова и все сильнѣе охватывается прежнимъ, издавна преслѣдовавшимъ его недугомъ, въ острыхъ припадкахъ котораго, въ былыя времена Рѣчи-Посполитой, интеллигентная шляхта устраивала такъ называемыя конфедераціи, т. е. узаконенные мятежи, а послѣ раздѣла—возстанія, за которыя приходится расплачиваться полякамъ несравненно дороже, чѣмъ въ былыя времена вольному шляхтичу-конфедерату. Подождемъ—увидимъ, къ чему приведетъ видимое crescendo внѣшнихъ проявленій извѣстнаго безпорядка въ умахъ и въ настроеніи нѣкоторыхъ слоевъ здѣшняго общества, но отъ всей души желаемъ, чтобы все это улеглось и прошло безвозвратно.

Въ особенности жаль намъ ту часть несчастной польской молодежи, которая затѣваетъ подобныя демонстраціи, не задавая себѣ труда даже вникнуть въ нравственный смыслъ событія, чествуемаго ею. Мы глубоко сожалѣемъ объ отсутствіи въ этой демонстрирующей молодежи благоразумнаго здравомыслія и скорбимъ о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, какія она создаетъ сама себѣ и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Какой смыслъ въ этихъ демонстраціяхъ и—повторяемъ—какой цѣли думаютъ ими достигнуть?—Развѣ одной только: окончательнаго закрытія разъ навсегда университета въ Варшавѣ. Неужели-же это для нихъ такая пріятная перспектива, ради которой стоило-бы махнуть рукой на всю свою будущность?!. Все это крайне печально".

Надо полагать, что всѣ охотно согласятся съ заключеніемъ „Варшавскаго Дневника", что *все это крайне печально*; но далеко не всѣ захотятъ вникнуть въ причины этихъ крайне прискорбныхъ проявленій русско-польскихъ отношеній, а еще менѣе можно разсчитывать на единомысліе въ вопросѣ о средствахъ устраненія ихъ. Предположенное, напримѣръ, „Варшавскимъ Дневникомъ" закрытіе „разъ навсегда университета въ Варшавѣ" едва-ли многіе найдутъ наиболѣе пригоднымъ средствомъ къ предупрежденію демонстрацій и того „безпорядка въ умахъ", на который указываетъ варшавская газета, какъ на источникъ дурного настроенія польскаго общества. „Полковникъ" Килинскій, память котораго чествовалась теперь въ Варшавѣ, былъ сапожникомъ, и не имѣлъ ничего общаго съ университетомъ; однако, въ умѣ его бродили мысли гораздо болѣ опасныя по своимъ послѣдствіямъ, нежели среди той молодежи, которая служила теперь „заупокойную мшу" въ память иниціатора „варшавской заутрени". Требоватъ закрытія университета, въ качествѣ цѣлебнаго средства противъ демонстрацій, еще не разумнѣе, чѣмъ предлагать закрытіе всѣхъ сапожныхъ мастерскихъ, чтобъ не было „сапожниковъ" Килинскихъ. Отъ русской газеты, издающейся въ Варшавѣ, можно было-бы ждать болѣе умнаго предложенія, свидѣтельствующаго о менѣе поверхностномъ отношеніи къ тѣмъ задачамъ, который она призвана поддерживать въ Царствѣ Польскомъ.

Ровно тридцать лѣтъ прошло со времени послѣдняго польскаго возстанія (1863—1864 гг.). Одно время существовала увѣренность, что эти кровавыя событія никогда не повторятся. Въ этотъ періодъ времени много разъ возникала рѣчь о возможности братскаго сближенія между русскими и поляками, подъ вліяніемъ „славянской идеи", и даже о необходимости общей самозащиты противъ нѣмцевъ, которые, не довольствуясь систематическимъ онѣмеченіемъ Познаніи и Силезіи, совершили весьма крупныя *мирныя завоеванія* и въ Царствѣ Польскомъ.

Отчего-же обстоятельства такъ круто перемѣнились? Въ Галиціи поляки торжествуютъ, открыто чествуютъ столѣтнюю годовщину возстанія Костюшки и систематически гнетутъ мѣстное русское населеніе, пользуясь его раздѣленіемъ (на украинофильскую и великорусскую партіи). Познанскіе поляки поддерживаютъ *теперь* германскую имперію, предоставляя свои голоса въ распоряженіе германскаго правитель-

ства каждый разъ, когда дѣло идетъ о новыхъ вооруженіяхъ. Наши-же поляки, въ столицѣ Царства Польскаго, на глазахъ всесильной русской администраціи, устраиваютъ манифестаціи не только враждебныя нашему государственному единству, но и оскорбительно затрогивающія русскія народныя чувства.

Какъ мы дожили до такихъ печальныхъ явленій! Причина ихъ кроется въ общемъ политическомъ положеніи Европы. Господство такъ называемыхъ „національныхъ идей", выразившееся въ объединеніи Италіи и Германіи, въ политическомъ возрожденіи второстепенныхъ народностей и въ преобладаніи „національной политики" внутри большинства европейскихъ государствъ, не могло не отразиться и на польскомъ народѣ, расчлененномъ съ прошлаго столѣтія на три части. „Національная идея" представляется обоюдо-острымъ оружіемъ. Въ иныхъ мѣстахъ она ведетъ къ усиленію государственнаго единства (въ Италіи и Германіи), въ другихъ —въ результатѣ ея получаются какъ разъ обратныя явленія: развитіе сепаратизма, центробѣжныхъ стремленій къ обособленію, возбужденіе національныхъ страстей и враждебной розни. Итальянцы и нѣмцы знали, что дѣлали, выдвигая національную идею; этимъ путемъ они восторжествовали надъ „партикуляризмомъ" и сплачивали воедино различныя итальянскія и нѣмецкія государства, одно перечисленіе названій которыхъ долго представляло предметъ мученій на гимназическихъ экзаменахъ. Многіе ученики весьма часто были расположены признать величіе князя Бисмарка уже за то, что онъ избавилъ ихъ отъ необходимости зубрить безчисленные главные города и государственныя границы всѣхъ составныхъ частей прежняго „Германскаго Союза". Но та же „національная идея" принесла не мало хлопотъ, осложненій и непріятностей другимъ государствамъ. Въ Скандинавіи она вооружаетъ мирныхъ норвежцевъ противъ шведовъ; въ Великобританіи она превращаетъ почти въ политическій сепаратизмъ чисто экономическій или соціальный *ирландскій* вопросъ, поднимая отчасти и *шотландскій*. Въ Австріи „національная политика" привела уже къ дуализму, къ раздѣлу государства между нѣмцами и венграми, и создаетъ всевозможные сепаратизмы или стремленія къ политическому обособленію чеховъ, сербовъ, поляковъ, русскихъ, словомъ, всѣхъ національностей, составляющихъ Австрію, изъ которыхъ каждая враждебна другъ-другу и всѣ враждебны цѣлому.

Торжество „національной идеи" и соотвѣствующей ей политики можетъ выразиться только въ двухъ формахъ: или поглощеніемъ одной національностью всѣхъ другихъ, входящихъ въ составъ государства, или въ такомъ признаніи національныхъ особенностей и правъ каждой отдѣльной народности, которое побуждало-бы ихъ дорожить государственнымъ единствомъ. Послѣдняя форма ведетъ къ федераціи, къ чему, вѣроятно, и придетъ Австро-Венгрія, а за нею и балканскія народности. Но для многихъ государствъ лучше всего было-бы не возбуждать національнаго вопроса, въ интересахъ своего государственнаго единства. Къ числу такихъ государствъ принадлежитъ Швейцарія, гдѣ мирно уживаются три различныхъ національности: французская, нѣмецкая и итальянская. Но наиболѣе выдающимся примѣромъ могутъ служить С.-А. Соединенные Штаты, гдѣ выходцы со всѣхъ странъ Европы составили могущественнѣйшее политическое цѣлое, которое въ силу *культуры* объединяется однимъ языкомъ и одними политическими учрежденіями, не затрогивая ни религіозныхъ различій, ни національныхъ страстей.

Предоставляемъ каждому рѣшить, какая внутренняя политика представляется наиболѣе выгодной для Россіи, какъ могущественнаго государства, главная масса населенія котораго состоитъ изъ одного народа, создавшаго государство, имѣющаго общій литературный языкъ, общее происхожденіе, общее, тысячелѣтнее прошлое, и въ то же время, подчиняющее своей власти, какъ разъ на западныхъ и восточныхъ границахъ, самыя различныя народности, имѣвшія свое политическое прошлое. Надо-ли доказывать, что заимствованная извнѣ „національная идея" (самое названіе иностранное) или „національная политика", съ выкраденнымъ у итальянцевъ (нашими яко-бы „патріотическими" газетами) варварскимъ, антихристіанскимъ афоризмомъ *„Россія для русскихъ"* — ничего кромѣ вреда, внутренней вражды и разложенія принести намъ не могла.

Въ минуту заключенія Парижскаго мирнаго договора, послѣ Крымской войны, наше внѣшнее и внутреннее политическое положеніе обрисовывалось въ весьма печальномъ видѣ. Объ этомъ положеніи можно составить приблизительное понятіе по тѣмъ соображеніямъ, которыя были высказаны 3-го января 1856 года въ особомъ совѣтѣ, рѣшившемъ принять тяжкія условія мира. Матеріальныя условія были истощены настолько, что министръ финансовъ прямо заявилъ,

что продолженіе войны „неминуемо приведетъ насъ къ банкротству“; войска было много по числу людей, но оно было безоружно, разстроено и разобщено отсутствіемъ усовершенствованныхъ путей сообщенія и безцѣльно погибало отъ болѣзней и недостатка продовольствія; крѣпостной бытъ, невѣжество, безгласность, подавленная общественность подрывали гражданскій духъ и плодили всевозможныя хищенія. Тогдашняя Россія, опиравшаяся только на внѣшнія силы (полицію и войско), не обладала притягательной и умственной мощью. По мнѣнію князя Воронцова, союзники могли способствовать отпаденію Крыма, Кавказа, даже Финляндіи и Польши. Одинъ изъ лучшихъ государственныхъ людей николаевскаго времени заявилъ: „Россія завоевала свои новыя провинціи только въ послѣдніе полвѣка и еще не имѣла времени осуществить сліяніе ихъ съ остальною имперіею. Въ Волынской и Подольской губерніяхъ проповѣдываютъ эмиссары и недовольные обнаруживаютъ тамъ усиленную дѣятельность. Финляндію, при наилучшихъ ея намѣреніяхъ, соблазняютъ перейти подъ шведское владычество. Наконецъ, настроеніе Польши до того непріязненно, что она возстанетъ вся, какъ только военныя дѣйствія союзниковъ дадутъ къ тому возможность. Всѣ области, положеніе которыхъ сомнительно, становятся для насъ источниками слабости въ виду численнаго превосходства непріятеля, и если эти области будутъ заняты имъ, трудно предвидѣть, когда, какъ и какою цѣною мы пріобрѣтемъ ихъ обратно“.

Таково было положеніе Россіи послѣ Крымской войны, въ то дореформенное время, о возвратѣ котораго мечтаютъ реакціонеры. При такихъ обстоятельствахъ, ясно сказалась потребность въ коренныхъ государственныхъ и бытовыхъ преобразованіяхъ. Надо было освободить русскій народъ изъ рабства, создать русскую общественность, поднять нравственныя, умственныя и матеріальныя силы Россіи, доставивъ русской народности и русской государственной власти то обояніе, которое естественно сплачиваетъ, какъ цементъ, разнородныя части населенія. На этотъ вѣрный путь и вступила было наша внутренняя политика, уничтоживъ крѣпостное право, создавъ „правый и милостивый судъ“, давъ широкое самоуправленіе земству и городамъ, расширивъ рамки гласности и печати, ожививъ въ обществѣ гражданское самосознаніе, стремленіе къ образованію. Обновленная Россія могла во многомъ послужить привлекательнымъ образцомъ для под-

властныхъ ей народностей, не только на восточной, но и на западной границахъ.

Но эта политика сознательно продолжалась недолго. Въ семидесятыхъ годахъ уже обнаруживается реакція, и на сцену является „славянофильская идея", которая вовлекаетъ насъ во внѣшнія приключенія, подъ вліяніемъ внутренней неудовлетворительности. На „славянофильскую идею" и на извѣстное „славянское движеніе" возлагались самыя противоположныя упованія. Но ложь въ основѣ могла привести только къ разочарованіямъ. Убѣдившись, что освобожденныя русской кровью народности нисколько не прельщаются политическими взглядами Каткова и даже Аксакова, а весьма недвусмысленно тянутся къ „гнилому Западу" и его европейской культурѣ, мы пришли къ безмолвному заключенію, что „славянофильство" не болѣе какъ блестящій самообманъ. Не всѣ хотятъ сознаться въ этомъ, и даже довольно снисходительно, какъ-бы по инерціи, продолжаютъ слушать рѣчи, которыми изрѣдка угощаетъ насъ растерявшее своихъ членовъ „Славянское общество"; но въ дѣйствительности славянская идея построена на совершенно лживой основѣ. Въ отношеніи христіанства и общечеловѣческой культуры, это не болѣе, какъ реакція въ пользу отжившаго племеннаго начала; относительно отдѣльныхъ національностей, готовыхъ пользоваться ею, это лишь *временное средство* или для полнаго національнаго и политическаго обособленія (такъ смотритъ на „славянскую идею" большинство славянскихъ народностей, желающихъ освободиться отъ турецкой или нѣмецко-венгерской власти) или для сліянія „славянскихъ рѣкъ въ русскомъ морѣ". На прозаическомъ языкѣ, послѣднее означаетъ просто на просто: обрусѣніе, обращеніе славянъ-католиковъ въ православіе, поглощеніе одной народностью всѣхъ другихъ. И въ первомъ, и въ послѣднемъ случаяхъ, очевидно, „славянская идея" фактически убивается, ведетъ къ совершенно противоположнымъ ей послѣдствіямъ.

Несостоятельность славянофильства, при содѣйствіи таго заразительнаго примѣра, который данъ былъ господствомъ „національной идеи" въ Средней Европѣ, незамѣтно преобразила его въ *русскую національную идею*, которая въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ выразилась, на страницахъ „патріотическихъ" газетъ, въ плохо осмысленный возгласъ: „Россія для русскихъ", опять-таки взятый на прокатъ отъ итальянцевъ и даже болгаръ, которые, въ свою очередь,

тупо повторяли „Болгарія для болгаръ“,—быстро позабывъ, какой идеѣ они обязаны своимъ освобожденіемъ.

Возглашать „Россія для русскихъ“—это означало прежде всего оскорблять, отталкивать, ставить искусственно во враждебное положеніе все то населеніе Россіи, которое не подходитъ подъ это выраженіе; а не русскихъ въ нашемъ громадномъ государствѣ насчитывается не менѣе *четвертой части*; это означало возбуждать, вполнѣ естественно, обратно-враждебныя національныя страсти и предубѣжденія. Началась открытая, необузданная газетная травля евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ, финляндцевъ; задѣты даже мирные и православные грузины и ярмяне. Какъ-бы нарочно для того, чтобъ усилить это центробѣжное, отталкивающее вліяніе, на сцену явились обычные спутники „національной идеи“—обособленіе отъ *общей* культуры и религіозная нетерпимость.

Если на громадное большинство русскаго общества, воспитаннаго въ идеяхъ Петра Великаго и помнящаго преданія до-татарской Руси, тѣсно связанной съ тогдашней европейской культурой (сношенія Кіева съ Византіей, выходъ русской княжны въ замужество за французскаго короля, оживленныя торговыя связи Новгорода съ сѣверо-западной Европой), раздражающимъ образомъ дѣйствовала воскрешенная изъ до-реформенной эпохи проповѣдь о китайской самобытности и о томъ, что Россія-де не Европа,—то можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производила она въ умахъ всѣхъ тѣхъ народностей, которыя, въ качествѣ европейцевъ, вошли въ составъ нашего государства.

О послѣдствіяхъ возгорѣвшихся заботъ о православіи можно было-бы написать цѣлую монографію. Мы ограничимся только немногими указаніями. Во время войны, подъ вліяніемъ общаго сознанія, что мы идемъ освободить родственныя намъ народности отъ турецкаго деспотизма и религіознаго фанатизма, пишущій эти строки былъ крайне пораженъ, увидѣвъ на снѣжныхъ вершинахъ малаго кавказскаго хребта, далеко за Тифлисомъ, и на самой бывшей турецкой границѣ, цѣлыя поселенія коренныхъ великорусовъ. Это были наши сектанты, выселенные изъ Россіи въ видѣ наказанія за отпаденіе отъ православія. Еще болѣе были мы поражены, переѣхавъ западную границу, въ Молдавіи. Въ Яссахъ и Бухарестѣ всѣ извозчики были коренные русскіе. Эти „румынскіе поданные“ нашли себѣ покровительство и пріютъ на чужбинѣ. Мы вспомнили тогда, что въ Австріи существуетъ

Бѣлая-Криница, гдѣ русскіе раскольники отыскали себѣ то, что было отнято у нихъ собственнымъ отечествомъ. Мы поняли тогда, какія условія могутъ лишать государство преданнѣйшихъ сыновъ, и какъ вліяютъ эти условія на тѣ части населенія, которыя,—какъ выразился графъ Кисилевъ,—не успѣли еще слиться съ остальной имперіей. Между тѣмъ, въ наши дни, по поводу развитія штундизма среди малорусскаго неселенія, никогда не знавшаго сектантства,—намъ приходилось слышать и даже читать прямыя заявленія, что духовенство, растерявшее свою паству, не можетъ-де справиться, вернуть или удержать своихъ духовныхъ чадъ—безъ помощи становыхъ приставовъ, урядниковъ и уголовныхъ каръ! Всѣ, даже не особенно покровительствуемыя религіи—не нуждаются въ такихъ внѣшнихъ пособникахъ, а наша *господствующая* церьковь не можетъ будто-бы безъ нихъ обойтись!

Какъ-бы то ни было, но эти ошибочныя, отталкивающія понятія, вытѣснившія уже не мало чисто-русскаго народа заграницу, возродились, въ добавокъ къ національной травлѣ. Въ довершеніе всего,—но опять-таки вполнѣ согласно съ господствующимъ настроеніемъ,—реакція противъ преобразованной, обновленной Россіи усилилась. На „освободительные" законы и учрежденія стали нападать съ утроеной силой, какъ на сочиненныя и будто-бы чуждыя Россіи, непригодныя для русскаго народа „новшества" (хотя въ нихъ,—по достопамятному выраженію старообрядцевъ,—„старина наша слышится"). Открыто проповѣдывается возвратъ къ крѣпостному строю, къ тому самому бозпомощному, опасному положенію, которое вынудило насъ,—по признанію самыхъ выдающихся государственныхъ людей николаевской эпохи,—согласиться на тяжкія условія мира и поспѣшить съ осуществленіемъ давно намѣченныхъ жизнью преобразованій.

При такихъ обстоятельствахъ, съ какимъ добромъ могли мы явиться,—въ качествѣ центростремительной, сплачивающей, объединяющей силы, на наши окраины, когда это самое добро попиралось у насъ дома, когда свой народъ мы оставляли въ невѣжествѣ, когда самодѣятельность мы отрицали даже для общества, а нашими умственными вождями явились рептиліи, шарлатаны и невѣжды, съ ихъ постыдною проповѣдью о пользѣ розогъ и казней, съ отрицаніемъ судебной власти, законности и т. д.

Не ясно-ли, что всѣ условія складывались такъ, чтобъ національная вражда противъ Россіи, сепаратизмъ, всякія

обособленія должны были получить новую и весьма благопріятную почву, взамѣнъ чувствъ привязанности и твердаго сознанія необходимости *единенія* съ общимъ государствомъ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, когда наставали осложненія, заставлявшія опасаться войны (которую одно время открыто проповѣдывалъ Скобелевъ, ссылаясь на упадокъ духа „въ мирное затишье“), мы съ ужасомъ помышляли о томъ, какія непоправимыя бѣдствія можетъ причинить эта война нашему отечеству *). Не всегда имѣя возможность высказаться печатно, мы перечитывали приведенныя слова графа Киселева: „Всѣ области, которыхъ положеніе сомнительно, становятся для насъ источниками слабости въ виду численнаго превосходства непріятеля, и если эти области будутъ заняты имъ, то трудно предвидѣть, когда, какъ и какою цѣною мы пріобрѣтемъ ихъ обратно“. Перечитывая эти слова бывшаго министра императора Николая I, мы задавались вопросомъ, что будетъ, если нашимъ войскамъ придется отступить, какая встрѣча ожидаетъ австро-венгерскія и германскія арміи не только среди поляковъ, евреевъ, нѣмцевъ нашихъ пограничныхъ областей, которымъ внушалось, что „Россія для русскихъ“, но и со стороны даже штундистовъ, которые хорошо знаютъ, что въ Австріи и даже Румыніи русскіе сектанты пользуются покровительствомъ закона, а становые пристава и урядники не приглашаются вѣдать дѣла совѣсти и спасать души отъ религіозныхъ заблужденій.

Мы горячо привѣтствовали франко-русскій союзъ, не только какъ сближеніе двухъ народовъ, не только какъ нравственное пораженіе славянофильскаго лжеученія и китайщины, но и какъ упроченіе мира, обезпечивающаго за Россіей ея достояніе, дающее намъ *передышку*, полную, возможность заняться своими внутренними дѣлами, наверстать потерянное, поставить русскій народъ на такую высоту, создать въ нашей жизни ту правду, тѣ культурныя условія, при которыхъ сама собой создается великая, вполнѣ непринужденная, привлекательная, объединяющая людей *нравственная сила*.

Какъ объяснить варшавскую демонстрацію 5-го (17-го) апрѣля въ память избіенія русскихъ сто лѣтъ тому назадъ? Что означаютъ враждебныя поминки той кровавой рѣзни, которую лучше было-бы забыть и полякамъ, и русскимъ?

---

*) Предсказаніе это оправдалось въ 1904—1905 гг.

Это не болѣе, какъ отголосокъ недавняго прошлаго, созданнаго и внѣшними вліяніями, и условіями внутренней нашей жизни. Польскіе демонстраторы и чтители „подвига" сапожника Килинскаго запоздали и проявили политическое недомысліе. Эта демонстрація представляетъ отзвукъ того настроенія, которое родилось подъ вліяніемъ „національныхъ идей", въ разсчетѣ на неизбѣжность войны между Россіей и членами тройственнаго союза. Но опасность эта миновала. Теперь мы можемъ разсматривать варшавскія поминки исключительно съ точки зрѣнія нашей внутренней политики, какъ симптомъ отношеній русскихъ поляковъ къ Россіи. Мы должны признать, что ничего подобнаго не бывало съ эпохи последняго польскаго возстанія, которое—и русскіе, и поляки искренно, казалось, хотѣли предать вѣчному забвенію.

Для насъ ясно, что надо дѣлать, чтобы утихла національная вражда и чтобы варшавская демонстрація не повела къ болѣе опаснымъ явленіямъ.

Неужели,— спросятъ многіе,—повторятся опыты, приведшіе уже два раза, въ теченіе XIX вѣка,—къ открытымъ возстаніямъ, въ 1831 и въ 1863—1864 годахъ?

Дѣйствительно, русскіе поляки вполнѣ заслужили постановку этого вопроса всякій разъ, когда заводится рѣчь о примиреніи. Послѣ 1815 года возстановлено было польское государство, связанное только намѣстничествомъ съ русской властью, да и то въ весьма сомнительной дозѣ. Императоръ Николай приносилъ присягу польской конституціи и даже враги его признавали, что это былъ государь, умѣвшій быть вѣрнымъ своему слову. Поляки отплатили за это мятежемъ, цѣлой войной, которая дорого обошлась и имъ, и Россіи. Вслѣдствіе мятежа, поляки надолго лишились свободы, но и Россію толкнули на путь реакціи, затормазивъ первоначальныя намѣренія императора Николая I, выразившіяся въ учрежденіи коммиссіи объ освобожденіи крестьянъ и въ избавленіи нашей внутренней жизни отъ аракчеевщины. Въ эпоху обновленія Россіи, послѣ Крымской войны, полякамъ опять было возвращено довѣріе. Они получили многія облегченія, прежде самой Россіи. Въ отвѣтъ на это послѣдовало возстаніе 1863—1864 годовъ, которое, въ свою очередь, унеся тысячи жертвъ, принесло много вреда и полякамъ, и нашему внутреннему развитію, послуживъ первымъ источникомъ реакціи.

Подъ вліяніемъ воскрешенныхъ поляками воспоминаній о „варшавской заутренѣ“, несвоевременно говорить о дарованіи Царству Польскому тѣхъ правъ, которыми пользуется Финляндія и которыя наши поляки безразсудно утратили. Но мы хорошо сознаемъ, что *надо дѣлать* державному *русскому народу*, чтобъ не создавалось такого положенія, при которомъ приходится самимъ русскимъ просить о производствѣ „въ нѣмцы“. Необходимо возвратиться къ тѣмъ преобразованіямъ, которыя обновили, подняли Россію изъ крѣпостного запустѣнія и отсталости; надо *укрѣпить и развить пріобрѣтенное*, слѣдуетъ уважать самихъ себя, *довѣрять совѣсти, уму и здравому смыслу русскаго народа;* надо скорѣе научиться хотя читать и писать по-русски. Широкое, безостановочное внутреннее развитіе,—служащее образцовъ и притягательной силой,—само собой порѣшитъ наши центробѣжные, окраинные вопросы, уничтожитъ національныя страсти и предубѣжденія, доставитъ намъ возможность распространить наши законы, государственные и общественные порядки,—какъ даръ, добро и правду, какъ свѣтъ и знаніе,—на всѣ народности и области, входящія въ составъ русскаго государства, поставивъ во главѣ ихъ обояніе русской жизни, русской народности. Вѣдь, по существу своему, по своимъ качествамъ, по своей государственности, талантливости, добрымъ чувствамъ, уму и идеальности—русскій народъ вполнѣ способенъ *выполнить эту задачу*.

Народное образованіе.

Ожидается съѣздъ представителей учебнаго дѣла въ провинціи, посвященный вопросу о болѣе правильной постановкѣ начальныхъ школъ и порядка завѣдыванія ими.

Подробности программы съѣзда намъ неизвѣстны, да и о самомъ съѣздѣ мы знаемъ изъ частныхъ источниковъ; но нельзя не порадоваться, что о необходимости двинуть народное образовапіе теперь особенно горячо заговорили. *).

Причина *всѣхъ нашихъ бѣдствій* и разстройствъ въ хозяйствѣ, всѣхъ болѣзней, падежей, пьянства, избіеній врачей, разгромовъ больницъ и распространенія самыхъ невѣроятныхъ сектъ кроется въ народномъ невѣжествѣ.

Когда совершилось освобожденіе крестьянъ, всѣ здравомыслящіе люди ясно сознавали, что надо освободить и умъ народа отъ вѣковаго усыпленія и невѣжества. Возникли воскресныя школы; графъ Л. Н. Толстой самъ обратился въ школьнаго учителя и издавалъ свою „Ясную Поляну"... Только немногіе прозорливо ворчали, что школа создаетъ-де поддѣлывателей паспортовъ и кредитныхъ билетовъ. Но потомъ святое дѣло народнаго просвѣщенія затормазилось; дальновидныя соображенія объ увеличеніи числа подлоговъ должно быть возобладали.

Въ 1870 году, въ виду военныхъ успѣховъ Пруссіи, потребность въ образованіи сказалась съ новой силой. Заговорили, что Пруссія обязана своими побѣдами народной школѣ, обязательному образованію; всѣ повторяли, въ видѣ афоризма: „Теперь побѣждаетъ школьный учитель"... Выработался даже планъ введенія обязательнаго образованія и у насъ. Но когда подсчитали, что на это потребно по меньшей

---

*) Но разговорами и кончилось! Даже и теперь болѣе „говорятъ", нежели дѣйствуютъ, уступая вліянію черносотенцевъ.

мѣрѣ 12 милліоновъ рублей ежегоднаго расхода, то руки опустились передъ головоломнымъ вопросомъ: откуда взять такія средства, когда и весь-то бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія простирался въ то время до 17 милліоновъ рублей.

Это было, примѣрно, въ 1875 году; а черезъ два года (1877 г.) мы пошли освобождать славянъ и истратили однѣми прямыми издержками такую сумму, что по бюджетной статьѣ „погашеніе государственныхъ долговъ“ пришлось добавить не менѣе 100 милліоновъ рублей новаго ежегоднаго расхода. Съ тѣхъ поръ государственный бюджетъ почти удвоился, а народное образованіе осталось на прежнемъ мѣстѣ, напоминая тотъ баснословный возъ, который тянули лебедь, ракъ и щука.

Потомъ настала такая нравственная и умственная сумятица, среди которой Л. Н. Толстой, забывъ свои учительскіе труды, заговорилъ противъ „научной науки“, Достоевскій сталъ увѣрять, что русскій народъ и безъ образованія, одной молитвой „Спаси Господи люди Твоя“—весь „гнилой Западъ“ покорить можетъ, и даже Глѣбъ Успенскій чуть не съ болѣзненнымъ стономъ восклицалъ: „Не отнимайте у народа псалтиря“. Само собою разумѣется, что такія отрицательныя воззрѣнія нашихъ умственныхъ вождей и пророковъ встрѣтили весьма гостепріимную почву въ той китайщинѣ, которая увѣряла, что всѣ наши бѣды заключаются въ „интеллигенціи“. въ избыткѣ ея и оторванности отъ народа, и что неизсякаемый источникъ мудрости кроется не въ образованности, а въ неграмотномъ мужикѣ и именно до тѣръ поръ, пока онъ неграмотенъ.

Гдѣ ужь тутъ было думать о народномъ просвѣщеніи! При такихъ взглядахъ приходилось чуть не оправдываться тѣмъ, кто получилъ кое-какое образованіе, да ссылаться, въ видѣ извиненія, на слова князя Курбскаго, писавшаго три вѣка тому назадъ:

„Бога ради, не потакаемъ безумнымъ или, лучше сказать, лукавымъ прелестникамъ, выдающимъ себя за учителей. Я самъ отъ нихъ слыхалъ: прельщаютъ они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ навыкнуть писанію, говорятъ имъ: не читайте книгъ многихъ, и указываютъ: вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ этотъ въ ересь впалъ. О, бѣда! отъ чего бѣсы бѣгаютъ и исчезаютъ, чѣмъ еретики обличаются, а нѣкоторые даже исправляются, это оружіе они

отнимаютъ и это врачество смертоноснымъ ядомъ называютъ!.. Господи, Христе Боже нашъ! отвори намъ мысленныя очи и избави насъ отъ такихъ".

Князь Курбскій, какъ видно, былъ логичнѣе и послѣдовательнѣе современныхъ нашихъ пророковъ, которые сами читаютъ, пишутъ и даже поучаютъ своими писаніями, но всѣ орудія просвѣщенія „смертоноснымъ ядомъ" считаютъ для народа.

Теперь моленіе Курбскаго какъ-бы исполняется, отворились наши умственныя очи... О необходимости образованія заговорила вся печать, за исключеніемъ развѣ одного „Гражданина".

Дѣло народнаго образованія находится у насъ, какъ извѣстно, *по меньшей мѣрѣ* въ трехъ вѣдомствахъ: духовномъ, министерствѣ народнаго просвѣщенія и въ рукахъ земскаго и городского управленія. Казалось-бы, при многочисленности завѣдующихъ, число школъ должно-бы множиться; но получается обратное явленіе: обязанности сваливаются съ одного вѣдомства на другое, а гдѣ и возникнетъ или существуетъ школа, тамъ нерѣдко выходятъ весьма прискорбныя столкновенія и „пререканія". Вообще, у насъ не установился сколько-нибудь опредѣленный взглядъ на порядокъ завѣдыванія этимъ дѣломъ. Во всѣхъ государствахъ, даже такихъ, какъ С. А. Соединенные Штаты, дѣло начальнаго образованія не предоставлено на усмотрѣніе даже родителей и опекуновъ, а считается дѣломъ первостепенной государственной важности, которое нельзя подвергать всякимъ случайностямъ. Высшее и среднее образованіе въ нѣкоторыхъ государствахъ не вызываетъ никакихъ государственныхъ заботъ и расходовъ; общество тамъ на столько развито, что само знаетъ цѣну образованія, учреждаетъ университеты и жертвуетъ на учебное и научное дѣло десятки милліоновъ: но начальное образованіе считается обязательнымъ и государство или само даетъ средства и беретъ это дѣло въ свои руки, или зорко слѣдитъ за тѣмъ чтобъ общины, мѣстныя управленія и города выполняли общіе законы и правила о доставленіи извѣстнаго minimum'а образованія каждому мальчику и каждой дѣвочкѣ „школьнаго возраста". Признается, что невѣжество, дѣйствительно, „тьма, а ученіе свѣтъ" (какъ говорится въ прописяхъ) и что государство во всѣхъ отношеніяхъ обязано заботиться о томъ, чтобъ по крайней мѣрѣ начальное образованіе было всеобщимъ,

чтобъ въ населеніи не было безграмотныхъ людей, не имѣющихъ понятія о религіи, законахъ, и своемъ отечествѣ. Въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ все, вообще, образованіе, начиная съ низшихъ школъ и кончая университетами, даровое; въ другихъ же государствахъ даровымъ (т. е. существующимъ исключительно на государственный или земскій счетъ) является только первоначальное образованіе (народныя школы). Само собою разумѣется, что государственныя или земскія учебныя заведенія нисколько не стѣсняютъ существованія частныхъ школъ или начальнаго образованія. получаемаго въ семьѣ; но учебная инспекція удостовѣряется въ томъ, что этимъ путемъ не совершается уклоненій въ сторону невѣжества.

У насъ высшее и среднее образованіе считается „казеннымъ" дѣломъ, а начальное образованіе какъ-бы предоставляется на усмотрѣніе всѣхъ и каждаго. Но эта свобода существуетъ только въ пользу невѣжества; безграмотнымъ предоставляется быть кому угодно; только попавшіе въ солдаты и тюрьмы подвергаются запоздалому обязательному обученію. Самое-же открытіе и существованіе школъ обставлено такими формальностями и хлопотами, которыя служатъ не малымъ тормазомъ въ развитіи этого дѣла. Странно сказать, но въ уголовномъ кодексѣ имѣется даже особое, едва-ли извѣстное гдѣ-либо преступленіе: открытіе школъ или обученіе грамотѣ безъ надлежащаго разрѣшенія или аттестата. Въ доброе старое время, по крайней мѣрѣ, пономари и отставные солдаты безпрепятственно учили чтенію и письму отечественныхъ Митрофанушекъ...

Если упомянутый съѣздъ состоится, то ему, очевидно, будетъ надъ чѣмъ поработать. Мы думаемъ, что осторожнѣе и правильнѣе всего не разрушать, не подрывать того, что уже существуетъ; поддержавъ и обезпечивъ развитіе существующаго, можно идти дальше. Земскія и городскія школы принесли и приносятъ несомнѣнную пользу; надо ихъ утвердить, какъ обязательныя учрежденія. Затѣмъ, тамъ, гдѣ нѣтъ земскихъ установленій, государство само должно взять это дѣло въ свои руки; изъ казны-же придется, вѣроятно, оказывать поддержку и нѣкоторымъ земствамъ, особенно въ виду бѣдности земскихъ средствъ. О недостаткѣ денегъ на такое дѣло, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Къ еврейскому вопросу.
(1884 г.).

Въ 1884 году, издатель журнала „Восходъ“, покойный А. Е. Ландау, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ, обратился ко мнѣ съ просьбой написать что-нибудь по еврейскому вопросу.—Хорошо,—отвѣчалъ я,—напишу, но не по еврейскому, а по русскому вопросу, который называется *юдофобствомъ*.—Статья была написана и напечатана; А. Е. Ландау и его сотрудники отблагодарили меня обѣдомъ; но она осталась неизвѣстной для русскихъ читателей, среди которыхъ „Восходъ“ не былъ распространенъ.

Черезъ 22 года, въ 1906 году, эта самая статья была самовольно, безъ моего вѣдома, издана въ Варшавѣ, отдѣльной брошюрой. Издатели извинились передъ мною, объясняя свое своеволіе увѣренностью, что меня давно уже на свѣтѣ нѣтъ. Я этимъ вполнѣ удовлетворился; многіе считали меня мертвымъ. Но самый фактъ изданія старой статьи свидѣтельствуетъ, что она не утратила своего значенія. Этимъ объясняется и воспроизведеніе ея въ „сборникѣ“, тѣмъ болѣе, что другія мои статьи по еврейскому вопросу остались не розысканными.

I.

Въ „Восходѣ“ помѣщенъ былъ трогательный разсказъ объ одномъ изъ тѣхъ истинныхъ героевъ, которые совершаютъ свои подвиги незримо для толпы и гибнутъ, не имѣя даже утѣшенія, что имя ихъ станетъ извѣстнымъ тѣмъ, за кого они положили свою душу.

Это старая, но вѣчно новая исторія! Она служитъ показателемъ справедливости суда человѣческаго и приговоровъ толпы. Сотни и тысячи героевъ совершаютъ чудеса храбрости, выносятъ тысячи невзгодъ и страданій, жертвуютъ жизнью и здоровьемъ, а лавровые вѣнки и болѣе существенныя и осязаемыя вознагражденія достаются на долю немногихъ счастливцевъ и часто даже незаслуженно. Мы обыкновенно слышимъ, какъ говорятъ, и сами говоримъ: такой-то генералъ взялъ крѣпость, такой-то командиръ столько-то недѣль выдерживалъ осаду, голодая и отбиваясь отъ многочисленнаго непріятеля; но не знаемъ и не хотимъ знать, что

не будь въ такой-то ротѣ солдатика, который въ самую критическую минуту боя, когда не только генерала вблизи не было, но онъ не могъ даже подозрѣвать, что творится тамъ, впереди, въ пороховомъ дыму,—не будь этого солдатика, который подавилъ въ себѣ естественное чувство самосохраненія, поставилъ выше своей личности интересы общаго дѣла, честь войска и народа, вскочилъ и бросился впередъ, увлекая словомъ и личнымъ примѣромъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, въ которыхъ остывалъ уже пылъ боя, притупились нервы и начало уже проникать сознаніе неудачи, трудности одолѣть противника или невозможности защищаться,—не будь этого невѣдомаго и незримаго героя, въ сѣрой, безцвѣтной, пропаленной и протертой шинели,—и командиръ не совершилъ-бы торжественнаго въѣзда въ побѣжденный городъ, или непріятельскій натискъ не былъ-бы отбитъ, а въ реляціи не пришлось-бы писать, какія умныя и своевременныя приказанія отдавались и какъ храбро развозили ихъ во всѣ стороны скачущіе ординарцы, а одною побѣдой, новымъ славнымъ подвигомъ не обогатилась-бы военная исторія. Между тѣмъ, этотъ невѣдомый, сѣрый, непримѣтный для глаза герой палъ на непріятельскихъ окопахъ, зарытъ въ общей могилѣ, оставивъ на произволъ судьбы осиротѣлую семью, или вернулся домой, не будучи даже увѣренъ, что его гостепріимно встрѣтитъ та среда, которая успѣла уже попривыкнуть обходиться безъ него, и гдѣ появленіе его производитъ очень часто такія-же затрудненія и такой-же переполохъ, какъ если-бъ умершіе явились занять свои прежнія мѣста и стали-бы возстановлять тѣ права, утратою которыхъ давно уже успѣли воспользоваться живые.

Одинъ армейскій офицеръ говорилъ мнѣ, на другой день послѣ паденія Плевны (28 ноября 1877 года): „Куда нашему брату до геройства! Намъ нужно два раза умереть, да еще такъ, чтобъ начальство замѣтило, и мало, чтобъ замѣтило, но чтобъ это понравилось начальству и входило въ его выгоды или разсчеты. Мы Тушины, насъ лишь-бы не распекли, не усмотрѣли какого самовольства.. Мы и тѣмъ счастливы“.

И кто былъ на войнѣ, кто знаетъ ее не по однѣмъ реляціямъ, тотъ признаетъ горькою истину этихъ словъ и подтвердитъ новый разъ справедливость словъ геніальнаго автора „Войны и Мира“, обрисовавшаго истинное геройство въ образѣ тѣхъ скромныхъ Тушиныхъ, которые совершаютъ

свои подвиги невѣдомо для самихъ себя, безъ шарлатанства, безъ театральныхъ эфектовъ, не разсчитывая на зрителей и рукоплесканія.

Нельзя усмотрѣть, поэтому, ничего удивительнаго и небывалаго въ тѣхъ подвигахъ самоотверженія, человѣческой любви и истиннаго, непоказнаго геройства, о которыхъ разсказано въ статьѣ „Восхода“. Для мыслящихъ и понимающихъ людей не поразительно и то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ рѣчь шла о врачѣ. Военные подвиги не принадлежатъ однимъ офицерамъ и солдатамъ, однѣмъ боевымъ единицамъ арміи. Героями являются и тѣ, кто никого не убиваетъ и на чью жизнь никто не посягаетъ, но ежеминутно подвергаются боевой опасности, спасая жизнь и здоровье, другихъ. Развѣ мало врачей, сестеръ милосердія и санитаровъ гибнетъ отъ пуль и гранатъ, на перевязочныхъ пунктахъ или въ осажденной крѣпости, развѣ мало ихъ умираетъ отъ заразного тифа и непосильной работы? Новымъ и небывалымъ въ означенномъ разсказѣ, для людей ослѣпленныхъ и отвращающихся отъ правды, могло показаться развѣ только-то обстоятельство, что на этотъ разъ дѣло шло о героѣ-врачѣ—*евреѣ*.

II.

Вполнѣ можно понять и оцѣнить то чувство горечи и желчи, съ которымъ авторъ ведетъ свой разсказъ. Тяжело, невыносимо терпѣть несправедливость, видѣть, какъ все доброе забывается или не признается, и какъ недостатки и пороки, обычные всѣмъ людямъ, преувеличиваются, обобщаются и навязываются поголовно той націи, къ которой принадлежишь. Существуетъ, однако, неменьшая, если не большая обида. Это—созиавать справедливость укоровъ въ неблагодарности, это—раздѣлять общій грѣхъ, въ которомъ неповинно большинство, нести упрекъ въ жестокости, въ глупости, въ грубости нравовъ, недобросовѣстности и разнузданности дикихъ страстей. Подобнаго рода укоры и упреки слышатся теперь со стороны евреевъ по отношенію къ русскому народу. Эта нотка звучитъ и въ разсказѣ о героѣ-врачѣ. Больно слышать эти укоры и еще больнѣе сознавать основательность ихъ происхожденія. Не въ защиту евреевъ, поэтому, пишутся эти строки, а въ защиту русскихъ. Пусть тѣ евреи, которые хотятъ быть русскими, не впадаютъ въ крайность, не при-

бѣгаютъ къ тѣмъ-же несправедливымъ обобщеніямъ, отъ которыхъ сами они терпятъ. Пусть тѣ изъ нихъ, которые прокладываютъ пути къ братскому единенію, укрѣпятся сознаніемъ, что далеко не вся Россія и не весь русскій народъ повинны въ несправедливости, способны отталкивать цѣлую націю, не признавать добродѣтели, талантовъ, знанія и геройства на томъ основаніи, что дѣло идетъ о евреѣ. Нѣтъ, русскій народъ не повиненъ въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ. Онъ первый страдаетъ за грѣхи той горсти, которая проповѣдуетъ національную рознь и вражду, которая расчленяетъ населеніе государства на враждебные лагери и нарушаетъ всѣ условія общежитія, всѣ выработанныя человѣчествомъ высокія истины. Россія и весь русскій народъ не менѣе, если не болѣе евреевъ, теряютъ отъ всѣхъ этихъ „погромовъ", отъ всѣхъ этихъ дикихъ страстей, отъ того невѣжества и той недобросовѣстности, мутные потоки которыхъ изливаются со всѣхъ этихъ яко-бы „истинно-русскихъ" изданій.

Это не парадоксы и не софизмы. Это печальная, неподдѣльная истина, которая непремѣнно будетъ сознана, и горе намъ, если-бъ ее пришлось признать слишкомъ поздно или утратилась всякая надежда на своевременное ея признаніе. Здѣсь невозможно привести всѣхъ доказательствъ, но укажемъ на нѣкоторыя. Когда юдофобы, обращающіе печать въ какой-то „истинно-русскій" кабакъ, кричатъ противъ евреевъ-шинкарей, евреевъ-ростовщиковъ, евреевъ содержателей ссудныхъ кассъ и публичныхъ домовъ, евреевъ-перекупщиковъ и подрядчиковъ,—отымая въ то-же время у евреевъ всѣ другія отрасли труда, всѣ профессіи и занятія, вооружаясь противъ включенія ихъ въ ряды русскихъ гражданъ, какъ равныхъ съ равными,—невольно содрогаешься, именно въ качествѣ русскаго.

Ну, что если-бы и на самомъ дѣлѣ могло такъ случиться, чтобъ были изобрѣтены такія правила, такія мѣропріятія и, главное, если-бы нашлись такіе полицейскіе чины и администраторы, которые дѣйствительно, не поддаваясь подкупу, не входя въ компромиссы, прямолинейно и безъ оглядки добились-бы того, что именуется „избавленіемъ русскаго народа отъ еврейской эксплоатаціи"? Что, если-бъ всѣ эти правила и мѣропріятія не существовали только для того, чтобъ, слово „дадено" появлялось въ „жизнеописаніяхъ" опекаемаго населенія, и ради того, чтобъ разные „патріоты" имѣли возможность продавать себя „для обхода закона", для пріобрѣтенія

евреями на ихъ имя имѣній, кабаковъ и ссудныхъ кассъ? Что вышло-бы тогда, если-бъ евреи могли похваляться, что между ними нѣтъ ни одного кабатчика, ростовщика, апраксинца, ни одного кулака и міроѣда? Какое униженіе и оскорбленіе для русскаго народа получилось-бы, если-бъ каждый еврей съ гордостью могъ-бы сказать: „между нами, евреями, нѣтъ спаивателей народа, нѣтъ продажныхъ интендантскихъ чиновниковъ и тѣхъ, кто существуетъ „на животахъ тяжущихся“, нѣтъ обирателей казны, нѣтъ Юханцовыхъ, Свиридовыхъ и Мельницкихъ, нѣтъ профессоровъ, учитывающихъ свою науку въ банкахъ и думахъ; все это, всѣ эти темныя дѣла и пороки составляютъ удѣлъ только русскихъ; кабатчиками, содержателями ростовщическихъ кассъ, публичныхъ домовъ и издателями пресмыкающихся газетъ—могутъ быть только русскіе. Если-бъ это была правда, если-бъ все это осуществилось—бо̀льшаго позора и большей бѣды невозможно было-бы и выдумать для русскаго народа. Между тѣмъ, этого-то именно и добиваются наши освободители отъ „еврейской эксплоатаціи“.

Не ясно-ли, что отъ невѣжества, недобросовѣстности и себялюбивыхъ, алчныхъ инстинктовъ страдаютъ прежде всего Россія и русскій народъ. Эксплоатація остается эксплоатаціей зло пребываетъ зломъ, бѣдность и нужда не исчезаютъ, но увеличиваются еще позоромъ и затемнѣніемъ самого сознанія какими путями достигается избавленіе отъ соціальныхъ бѣдъ.

Не менѣе поучительную и еще болѣе рельефную картину представляетъ исторія раскола и борьбы съ нимъ. Кто, спрашивается, выигралъ и кто проигралъ отъ всѣхъ этихъ мѣропріятій, преслѣдованій, стѣсненій, ограниченій, отъ брани и травли,—тѣ-ли, кто подвергался гоненіямъ за свои религіозныя убѣжденія, или тѣ, для спасенія душъ и обереженія умовъ которыхъ все это творилось цѣлые вѣка? Религіозность, умъ, грамотность, зажиточность, трезвость, гражданское развитіе, взаимопомощь, трудолюбіе, способность постоять за свои интересы—все это на сторонѣ преслѣдуемыхъ, а противоположные недостатки и пороки росли и множились среди именно тѣхъ, во имя которыхъ создавалась вся эта нетерпимость, все это нарушеніе обычныхъ условій жизни и добрыхъ отношеній.

Не въ видѣ игры словами, поэтому, а вполнѣ серьезно повторяю: Россія и русскій народъ гораздо болѣе евреевъ страдаютъ отъ тѣхъ юдофобовъ, которые проповѣдуютъ и создаютъ на дѣлѣ національную рознь, возбуждаютъ дикія страсти, изобрѣтаютъ полицейскія ограниченія и стѣсненія.

Вотъ, въ силу приведенныхъ причинъ, не только больно и досадно видѣть, что лучшіе люди еврейскаго происхожденія терпятъ разныя стѣсненія и подвергаются поруганіямъ, въ качествѣ какихъ-то отверженцевъ человѣческаго рода, но еще больнѣе и возмутительнѣе сознавать, что возбужденіемъ этой средневѣковой тьмы и гнили обирается русскій народъ умственно и нравственно, а государство обрекается надолго на такую-же безплодную или вѣрнѣе—вредную борьбу и напрасную растрату силъ, какъ и въ дѣлѣ борьбы съ расколомъ.

Всѣ эти соображенія невольно приходятъ на мысль подъ вліяніемъ впечатлѣнія, которое производитъ разсказъ о врачѣ-евреѣ, исполнявшемъ свой человѣчный долгъ подъ градомъ пуль, въ теченіе продолжительной осады Геокъ-Тепе, и убитомъ въ траншеѣ, вмѣстѣ съ ея защитниками, когда текинцамъ удалось врасплохъ произвести нападеніе на нашъ лагерь. Нѣсколько лѣтъ только прошло съ тѣхъ поръ, какъ подъ вліяніемъ человѣчнаго духа шестидесятыхъ годовъ, евреи получили нѣкоторые права гражданства. И вотъ мы видимъ среди насъ евреевъ, ставшихъ гордостью Россіи, слившихъ свои нравственные, умственные и матеріальные интересы съ такими-же интересами русскаго народа. Съ шестидесятыхъ годовъ, нѣтъ такого общаго и высокаго дѣла, нѣтъ даже, такихъ ошибочныхъ увлеченій и заблужденій, нѣтъ такой отрасли русскаго искусства и творчества или профессіи, въ которыхъ евреи не заявили-бы себя истинно русскими людьми, не слились-бы вполнѣ съ лучшими силами русскаго народа. И неужели мы станемъ разрушать все это, отталкивать эти стремленія и опустошать свои ряды, обирать себя собственными руками, создавая отчужденіе и поддерживая ту вѣковую рознь и вражду, которыя приносятъ столько вреда русскимъ и евреямъ и которыя едва начали было ослабѣвать?

III.

Въ „Новомъ Времени" помѣщена была замѣтка, подъ заглавіемъ „Новые свидѣтели". Въ этой замѣткѣ говорилось о какой-то брошюрѣ, составленной кавалерійскими офицерами, при описаніи Минской губерніи. Авторы завели, между прочимъ, рѣчь о евреяхъ. Они повторяютъ тотъ общеизвѣстный и весьма естественный фактъ, что главная масса евреевъ, лишенная свободы выбора труда, существуетъ ремесломъ, торговлей, арендой оброчныхъ статей, и вообще тѣми заня-

тіями, на которыя ихъ наталкивали вѣковыя „мѣропріятія". Брошюрка, однако, не ограничивается установленіемъ подобныхъ фактовъ, но покушается и на политическія опредѣленія. Взвѣшивая такъ называемую „политическую благонадежность" населенія и степень приверженности его къ Россіи, авторы выражаются относительно евреевъ будто-бы въ такомъ смыслѣ: „Евреи, конечно, какъ всегда и вездѣ, будутъ на той сторонѣ, которая восторжествуетъ"—въ случаѣ войны и непріятельскаго нашествія. Такимъ образомъ, цѣлая народность, входящая въ составъ русскаго государства, обвиняется въ постоянной готовности къ измѣнѣ.

Собственно говоря, не было-бы ничего удивительнаго, если-бъ евреи оставались равнодушными къ интересамъ того государства, которое ведетъ противъ нихъ систематическую борьбу, устанавливаетъ всевозможныя стѣсненія и лишаетъ тѣхъ правъ, ради огражденія которыхъ люди и создаютъ государственные союзы. Некрасовцы, выселившіеся въ турецкія владѣнія, не смотря на свое русское происхожденіе и православіе, не только не спѣшили принимать сторону Россіи во всѣхъ нашихъ войнахъ съ Турціей, но являлись въ турецкихъ рядахъ, сражались противъ насъ. Ничего не было-бы страннаго и въ томъ явленіи, если-бъ русскіе евреи, даже послѣ сравненія ихъ въ правахъ съ русскими, оставались нѣкоторое время равнодушными къ интересамъ Россіи. Старое отчужденіе изглаживается не вдругъ; новыя чувства, понятія и привязанности не могутъ создаться по мановенію волшебнаго жезла. Было-бы смѣшно, напримѣръ, требовать, чтобъ недавно присоединенные къ Россіи текинцы или мервцы сразу восприняли близко къ сердцу всѣ интересы русскаго народа и являлись-бы нашими друзьями только потому, что мы пока сторона торжествующая. Случись теперь,—чего Боже упаси,—война съ Англіей или даже съ Персіей, и текинцы очутятся на той сторонѣ, „которая восторжествуетъ". Потребуется много лѣтъ, должна произойти смѣна по крайней мѣрѣ одного или двухъ поколѣній, прежде нежели между русскими и текинцами сдѣлаются возможными тѣ прочныя связи, нравственныя, умственныя и матеріальныя, которыя заставляютъ людей приносить великія жертвы во имя государственныхъ интересовъ. Мало того, недостаточно и одной совмѣстной, продолжительной жизни. Для прочнаго сліянія различныхъ національностей необходимо, чтобъ это время не было потрачено даромъ и не послужило только для усиленія взаим-

ной вражды и отчужденности. Никто не удивится, если населеніе Эльзаса и Лотарингіи „измѣнитъ" нѣмцамъ, въ случаѣ войны Германіи съ Франціей; напротивъ, всѣ изумились-бы, если-бъ этого не произошло. Точно также, ничего не было-бы невозможнаго и позорнаго въ томъ обстоятельствѣ, если-бъ еврейское населеніе западныхъ губерній и Польши осталось-бы равнодушнымъ къ политическимъ послѣдствіямъ войны, если-бъ она возгорѣлась на нашей западной границѣ или даже привѣтствовали тотъ исходъ ея, который сулилъ-бы евреямъ лучшее гражданское положеніе. Всевозможныя стѣсненія и запреты, погромы, безпрерывныя униженія и оскорбленія, газетная травля національностей—способны создавать только центробѣжные помыслы и стремленія. Если находились русскіе, которые яко-бы въ интересахъ государства и во имя будто-бы русскаго народа проповѣдывали новое египетское выселеніе нѣсколькихъ милліоновъ евреевъ, то очень естественно, если и среди евреевъ зарождаются и поддерживаются мысли и чувства, соотвѣтственныя желанію найти новую обѣтованную землю.

Намъ неизвѣстна та брошюра, въ которой „Новое Время" отыскало „новыхъ свидѣтелей" въ пользу своего юдофобства. Очень можетъ быть, что „Новое Время" вычитало въ этой брошюрѣ не то, что хотѣли сказать ея авторы. Если-же брошюра, дѣйствительно, содержитъ утвержденіе, будто евреи „всегда и вездѣ" являются только на сторонѣ торжествующей,—то это можетъ служить развѣ „новымъ свидѣтельствомъ" той легкости, съ какой иные люди способны клеветать или разсуждать о томъ, о чемъ не имѣютъ ровно никакого понятія. Для опроверженія этой неправды, намъ нечего даже ссылаться на тѣхъ евреевъ, которые слились съ Франціей, Англіей или Германіей. Что евреи далеко не всегда и не вездѣ остаются равнодушными къ горю и испытаніямъ того народа, съ которымъ сжились, можно видѣть изъ примѣра именно русскихъ евреевъ.

IV.

Не евреи должны напоминать намъ, что они не относятся равнодушно къ интересамъ обитаемой ими страны, а мы, русскіе,—если только чувства благодарности и справедливости не изсякли въ насъ. Не одна ахалтекинская экспедиція доставляетъ поводы для описанія тѣхъ подвиговъ, со-

вершенныхъ евреями, которыми можетъ гордиться человѣчество. Гораздо болѣе важныя для Россіи и несравненно болѣе близкія сердцу русскаго народа событія обнаруживаютъ, что евреи всегда и вездѣ способны къ высокимъ подвигамъ любви и самоотверженія, въ интересахъ человѣчества и во славу даже того народа, который не спѣшитъ къ признанію братскаго и гражданскаго съ ними единенія. Ограничиваясь одною только почвою военныхъ и международныхъ столкновеній, постыдно было-бы отрицать то участіе, которое русскіе образованные евреи принимали въ русско-славянскомъ движеніи 1876 года. Нѣкоторые изъ нихъ были въ рядахъ добровольцевъ, сражавшихся въ Сербіи. Одинъ изъ самыхъ видныхъ подвиговъ, ознаменовавшихъ несчастную сербско-турецкую войну, принадлежитъ Д. А. Гольдштейну. Онъ отправился въ Сербію корреспондентомъ, вовсе даже не расчитывая на военные лавры; но увидѣвъ критическое положеніе сербовъ и той горсти русскихъ, на которыхъ лежала отвѣтственность за эту войну, Гольдштейнъ не задумался превратиться въ воина. Онъ сталъ не на торжествующую сторону, а примкнулъ къ людямъ, которымъ оставалось только умирать, чтобъ спасти достоинство русскаго имени и доказать, что освобожденіе и помощь угнетеннымъ—не пустыя слова въ ихъ устахъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ самъ генералъ М. Г. Черняевъ описывалъ подвигъ Гольдштейна.

„Съ прибытіемъ его сюда и до конца, онъ постоянно находился въ огнѣ. 11-го августа, при нападеніи турокъ на Шуматовскій редутъ (подъ Алексинцемъ), Гольдштейнъ обратилъ на себя собственное мое вниманіе отвагой и хладнокровіемъ, и когда былъ убитъ начальникъ редута Протичъ, я сейчасъ назначилъ Гольдштейна вмѣсто его. Подъ начальствомъ Гольдштейна гарнизонъ окончательно отбилъ отчаянную аттаку турецкихъ массъ, за что ему дана мною медаль за храбрость. По отраженіи турокъ подъ Алексинцемъ, я взялъ его въ главный штабъ. 30-го августа, при Бобившитѣ, находясь на батареѣ, наиболѣе подвергавшейся непріятельскому огню, Гольдштейнъ былъ раненъ въ правое плечо. На перевязочномъ пунктѣ я присутствовалъ при наложеніи гипсовой повязки. Онъ былъ бодръ. Я объявилъ о пожалованіи ему креста Такова. Съ перевязочнаго пункта Гольдштейнъ былъ перевезенъ въ Рафаны, гдѣ и скончался. Въ продолжительную мою боевую карьеру, мнѣ рѣдко случалось встрѣчать такое безупречное мужество и хладнокровіе, которыя

Гольдштейнъ выказалъ среди величайшей опасности, и я считаю священнымъ для себя долгомъ этимъ заявленіемъ почтить помять покойнаго“.

Къ этому описанію нечего прибавлять. Подобные факты должны-бы вызвать краску стыда у тѣхъ „новыхъ свидѣтелей“, которые смѣло рѣшаются утверждать, будто евреи „всегда и вездѣ“ способны только передаваться на сторону торжествующую. Если-же этого стыда нѣтъ, если мы не способны краснѣть, читая подобныя обвиненія,—то подвиги Гольдштейновъ становятся еще возвышеннѣе. Они жертвуютъ своею жизнью за тѣхъ, которые „не вѣдаютъ, что творятъ“, которые отвѣчаютъ на это обидой и неблагодарностью. Полагая свою жизнь въ рядахъ освободителей славянъ, сливая свои интересы съ завѣтнѣйшими интересами русскаго народа, Гольдштейнъ имѣлъ-бы полное право повторить слова поэта:

Нѣтъ, мнѣ нетяжко умирать,
Ставъ жертвой въ битвѣ за свободу,
И это благо пожелать,
Хочу я русскому народу *)!

V.

Гольдштейнъ, положившій свою душу за свободу славянъ, и тотъ врачъ, который выполнялъ свой человѣколюбивый подвигъ въ передовой траншеѣ, при осадѣ Геокъ-Тепе,—все это были образованные люди. Они всецѣло принадлежали къ лучшимъ слоямъ нашей интеллигенціи, воспитались съ нами, вошли въ міръ нашихъ идей, болѣли русскимъ горемъ и радовались нашими радостями. Могутъ сказать, что никто и не думаетъ отрицать достоинствъ, талантовъ, сердечныхъ влеченій, нравственныхъ и умственныхъ качествъ такихъ людей, какъ Рубинштейнъ, Антокольскій, Гольдштейнъ и др., которыми должна гордиться всякая страна, имѣющая счастье считать ихъ въ числѣ своихъ согражданъ. Говоря о евреяхъ, разумѣются обыкновенно массовыя ихъ черты, общій ихъ душевный и умственный уровень. Вотъ къ этимъ-то заурядным евреямъ и можетъ относиться утвержденіе авторовъ брошюры: „евреи всегда и вездѣ будутъ на той сторонѣ, которая восторжествуетъ“. Эти-то евреи систематически уклоняются отъ воинской по-

*) Изъ „Русск. Обозр.“. 1877 г.

винности, а трусость ихъ и неспособность къ подвигамъ самоотверженія признаны-де всѣми. Въ такомъ родѣ слышатся всякій разъ возраженія, когда обличается несостоятельность поголовныхъ обвиненій и позорныхъ выходокъ противъ еврейской національности.

Не стоило-бы останавливаться на подобныхъ возраженіяхъ, которыя составляютъ, собственно говоря,—логическую уступку и сами по себѣ изобличаютъ ошибочность тѣхъ будто-бы „новыхъ свидѣтелей", на утвержденіяхъ которыхъ зиждется политическая и общественная мудрость юдофобовъ. Какъ ни изворачиваться, все-же въ концѣ концовъ выходитъ, что при извѣстныхъ условіяхъ евреи не только не въ тягость той странѣ, въ которой живутъ, но приносятъ ей нравственныя и умственныя богатства даже тогда, когда общія отношенія къ евреямъ крайне неблагопріятны и скорѣе подавляютъ, нежели вызываютъ лучшія стороны человѣческой природы и гражданственности. Не болѣе, однако, логики и правды и въ этихъ уже болѣе ограниченныхъ обвиненіяхъ. Необразованные евреи такіе-же люди, какъ и всѣ другіе. Добрыя и дурныя стороны у нихъ находятся, можетъ быть, въ иныхъ соотношеніяхъ или проявляются иначе, нежели въ другихъ національностяхъ, но огульныя осужденія и въ этомъ случаѣ не выдерживаютъ критики. Если евреи уклоняются отъ воинской повинности гораздо болѣе, нежели русскіе, то это явленіе временное и условное, а не вытекающее изъ прирожденныхъ свойствъ или особенностей націи. Во всѣхъ торговыхъ или бюргерскихъ классахъ замѣчается то-же явленіе. Русскіе торговцы не составляютъ исключенія. Они не особенно жалуютъ военную службу и не добиваются военной славы. Для нихъ предпочтительнѣе чествовать военные подвиги другихъ, нежели совершать ихъ лично. Патріотическій порывъ купца выражается скорѣе всего въ пожертвованіи той или другой сотни или тысячи рублей, нежели въ готовности стать въ ряды защитниковъ отечества. Еще недавно (въ 1884 г.) на страницахъ „Кіевлянина", было отмѣчено, что русскіе купцы, въ видахъ уклоненія отъ воинской повинности, пріобрѣтаютъ для своихъ упитанныхъ сынковъ свидѣтельства на званіе учителя, обращая эти документы въ своего рода рекрутскія квитанціи. Когда можно было прямо откупаться отъ воинской повинности, всѣ торговые классы, ничуть не меньше евреевъ, пользовались этимъ средствомъ, не особенно доблестнымъ съ точки зрѣнія „священной обязанности

защищать отечество“. Это вовсе не означаетъ предательства или даже равнодушія къ государственнымъ интересамъ. Тутъ главную роль играетъ зажиточность, та ожирѣлость, которая принижаетъ въ человѣкѣ умственныя потребности, идейныя стремленія и душевныя движенія. Имѣетъ свое значеніе здѣсь и атавизмъ, наслѣдственность занятій, стремленій, понятій. Дѣтищу мелочной торговли хочется сдѣлаться оптовымъ, точно также какъ сынъ офицера естественно хочетъ пойти по дорогѣ отца, поступить въ кадетскій корпусъ, маршируя съ дѣтскимъ ружьемъ, мечтать уже о командованіи хотя-бы ротою. Если военный человѣкъ помышляетъ о войнѣ, какъ о желанномъ явленіи и считаетъ себя въ нормальномъ положеніи въ лагерѣ или на полѣ битвы, то купцу и фермеру простительно желать мира и находить полное удовлетвореніе лишь въ удачѣ своего хозяйства, промысла или торговли. Къ тому-же, отбываніе воинской повинности, въ большинствѣ случаевъ, представляется именно въ формѣ этого отбыванія и вовсе еще не предполагаетъ защиты отечества или какой-бы-то ни было внѣшней опасности для государства. Уклоняющійся отъ этой повинности въ обычное время еще не предрѣшаетъ вопроса, какъ поступилъ-бы онъ въ томъ случаѣ, если-бъ родинѣ его угрожало непріятельское нападеніе. Для русскихъ евреевъ всѣ эти обстоятельства получаютъ тѣмъ большее значеніе, что всѣми условіями своего положенія, созданнаго не ими и поддерживаемаго изъ поколѣнія въ поколѣніе, они втиснуты въ наименѣе воинственные классы населенія. Этого еще недостаточно; невыгоды евреевъ въ этомъ отношеніи осложняются еще болѣе. Для евреевъ воинская повинность можетъ являться только повинностью и не можетъ имѣть никакихъ усладъ. На военной службѣ еврей можетъ только утратить здоровье и жизнь, но взамѣнъ этихъ благъ онъ не получитъ даже увѣренности, что онъ или его семья выйдутъ изъ дѣйствія тѣхъ ограниченій и стѣсненій, которыя тяготѣютъ на евреѣ и матеріально, и нравственно. Военная служба требуетъ отъ еврея всѣхъ обязанностей гражданина и воина, но не доставляетъ ему ничего, не исключая даже права на свободное мѣсто въ отечествѣ, за которое онъ проливаетъ свою кровь. Извѣстная поговорка—„плохой тотъ солдатъ, который не разсчитываетъ быть фельдмаршаломъ“,—приложима къ еврею только въ одномъ крайне неблагопріятномъ смыслѣ. Еврей не только не имѣетъ права мечтать о фельдмаршальствѣ, но ему запрещено думать даже о первомъ офицерскомъ чинѣ.

Вотъ при какихъ условіяхъ евреи уклоняются отъ воинской повинности и не видятъ соблазновъ въ военныхъ подвигахъ. Надо утратить совѣсть и здравый смыслъ, чтобъ упрекать ихъ за эти вполнѣ естественныя послѣдствія того положенія, въ которое они поставлены. Это все равно, что укорять раскольниковъ въ эгоизмѣ, въ предпочтеніи личныхъ интересовъ, въ равнодушіи къ общественной и гражданской службѣ—въ то время, когда самимъ закономъ запрещено ихъ выбирать на общественныя должности и принимать на государственную службу; это равносильно тому, если-бъ крестьянъ стали обвинять въ неспособности къ самоуправленію на томъ основаніи, что лучшіе изъ нихъ уклоняются отъ тѣхъ „излюбленныхъ должностей", которыя вталкиваютъ людей не только въ низшіе ряды полиціи, но и въ даровыхъ и безотвѣтныхъ прислужниковъ становыхъ, обращающихся съ ними, какъ съ холопами, и помыкающихъ ими, какъ помыкалъ плохой помѣщикъ своей дворнею.

VI.

При всѣхъ невыгодахъ, отталкивающихъ евреевъ отъ военной службы и отягощающихъ для нихъ воинскую повинность, ряды русской арміи наполнены евреями. Службу они несутъ не хуже другихъ. Никто не упрекнетъ евреевъ въ нарушеніи воинской дисциплины. Дезертирство, уменьшившееся теперь вообще въ нашей арміи, благодаря военной реформѣ, уменьшилось и относительно евреевъ. Измѣнниковъ между евреями не было; они не бросали своихъ знаменъ и не перебѣгали къ непріятелю. Если-бъ хотя малѣйшее пятно, въ этомъ смыслѣ лежало на евреяхъ, его не задумались-бы расширить и обобщить юдофобы.

Ужь подобныхъ, отрицательнаго свойства, фактовъ было-бы достатачно, чтобъ вывести наружу всю ложь утвержденія, будто переметчивость составляетъ свойство евреевъ „всегда и вездѣ". Военныя лѣтописи, однако, богаты и такими фактами, которые свидѣтельствуютъ, что между простыми, необразованными евреями нерѣдко встрѣтить храбрецовъ и героевъ, которыми должна гордиться самая славная армія.

Въ извѣстномъ дѣлѣ подъ Шипкою или подъ Шейновымъ, 28 декабря 1877 года, когда Скобелевъ рѣшился, наконецъ, поддержать сражавшійся уже второй день отрядъ князя Святополкъ-Мирскаго,—давно уже рвавшіяся въ бой

и на выручку своихъ войска пылко двинулись на непріятеля, засѣвшаго въ земляныхъ укрѣпленіяхъ, у самаго подножья Балканъ. Въ передовой линіи находился, между прочимъ, Устюжскій полкъ, 16-ой дивизіи. Страшный ружейный огонь турокъ произвелъ нѣкоторое замѣшательство въ рядахъ. Пылъ началъ остывать и движеніе, что называется, замялось. Командиръ полка, желая воодушевить солдатъ, беретъ знамя и бросается впередъ. Въ эту критическую минуту, первымъ поспѣваетъ къ командиру барабанщикъ и подъ градомъ пуль начинаетъ бить „наступленіе". Голосъ командира и привычные звуки барабана, призывающаго къ атакѣ, благотворно дѣйствуютъ на нервы солдатъ. Они подымаются, раздается „ура" и окопы непріятеля—въ нашихъ рукахъ. Этотъ барабанщикъ—былъ еврей.

Разсказъ объ этомъ подвигѣ мнѣ лично довелось слышать отъ офицеровъ Устюжскаго полка, вскорѣ послѣ сраженія. Съ другой стороны, наоборотъ, ни разу и ни отъ кого, во все продолженіе послѣдней восточной войны, ни въ Малой Азіи, ни въ Болгаріи, мнѣ не приходилось узнать хотя-бы малѣйшій фактъ, могущій въ какомъ-бы то ни было отношеніи опозорить воинскую честь евреевъ-солдатъ.

Мы можемъ привести еще одно свидѣтельство, которое сочтется, конечно, въ данномъ случаѣ болѣе авторитетнымъ, нежели наше. Извѣстный начальникъ штаба Скобелева, г. Куропаткинъ, въ своей статьѣ „Ловча, Плевна и Шейново" ("Воен. Сбор." 1882—1883 гг.), затрогиваетъ, мимоходомъ, вопросъ о нравственномъ духѣ арміи и объ условіяхъ поддержанія воинской доблести, указывая, что послѣ несчастныхъ, опустошительныхъ боевъ подъ Плевною, 30 и 31 августа 1877 г., въ Скобелевскомъ отрядѣ нашлось нѣсколько сотъ нижнихъ чиновъ, „которые лежали, притаившись въ различныхъ ямкахъ, рвахъ или ушли далеко въ тылъ, съ цѣлью уклониться отъ опасности и дальнѣйшаго боя". Генералъ Куропаткинъ опровергаетъ мнѣніе, которое склонно было отнести это явленіе, главнымъ образомъ, на счетъ татаръ и евреевъ, а не на счетъ общихъ, подавляющихъ впечатлѣній продолжительнаго и неудачнаго боя, невыгодно дѣйствующихъ вообще на людей, независимо отъ ихъ національности. Авторъ не отрицаетъ, что въ числѣ означенныхъ сотень могли быть и татары, и евреи, но, признавая подобныя явленія „одиночными случаями", говоритъ: „въ массѣ-же и татары, и евреи умѣли и будутъ впредь умѣть такъ-же ге-

ройски драться и умирать, какъ и прочіе русскіе солдаты,— надо только умѣть повести ихъ" *).

VII.

Утверждая фактъ, что евреи являются такими-же прекрасными воинами, какъ и самые коренные русскіе, генералъ Куропаткинъ прибавляетъ: „надо только умѣть повести ихъ". Къ сожалѣнію, въ задачу автора не входило разъясненіе, въ чемъ заключается это „умѣнье". Тѣмъ не менѣе, надо полагать, что совершенно противоположныя явленія, то-есть факты полнѣйшаго неумѣнія, слишкомъ бросаются въ глаза, черезчуръ уже часты и общи, если г. Куропаткинъ счелъ необходимымъ указать на нихъ. Въ примѣчаніи къ только что приведеннымъ словамъ, авторъ говоритъ: „Отмѣтимъ здѣсь, что мы были свидѣтелями, какъ штабъ-офицеры 2-й дивизіи, еще до боя подъ Ловчею, неосторожно высказывали при нижнихъ чинахъ свое полное недовѣріе къ татарамъ. При пылкомъ, мстительномъ характерѣ татаръ, такое мнѣніе должно было, среди самыхъ прекрасныхъ, храбрыхъ солдатъ-татаръ, произвести глубокое и вредное впечатлѣніе. Мы видѣли также, какъ штабъ-офицеръ Ярославскаго полка, въ составѣ котораго было много евреевъ, при переправѣ полка у деревни Иглау черезъ р. Осму, выходя изъ себя, бранилъ евреевъ „паршивыми жидами".

Нисколько не удивляемся этимъ фактамъ. Мы знаемъ не менѣе отвратительныя явленія. Мы видѣли, какъ нѣкоторые офицеры (составляющіе, по счатью, исключеніе) били по щекамъ и полосовали нагайкими погонцевъ, ругательски ругаясь и, вообще, отличаясь такимъ поведеніемъ, которое явно доказывало, что нравственный и умственный ихъ уровень ниже, нежели у самаго послѣдняго изъ нижнихъ чиновъ. Это большею частью „герои тыла", ловившіе рыбу въ мутной водѣ и устраивавшіе разные „гешефты" во время войны. Не менѣе извѣстно, что при неудачахъ быстро развиваются всевозможныя подозрѣнія, и люди очень охотно готовы сваливать общую вину и свои собственные промахи и недостатки на совершенно побочныя и даже стороннія обстоятельства. Большею частью, въ подобныхъ случаяхъ про-

*) „Военый Сборникъ" 1883 г., № 7, стр. 50.

является одна лишь близорукость, незнаніе или неспособность къ правильному мышленію, но немаловажное значеніе имѣютъ и дурныя побужденія. Очень ужь легко и дешево выслуживаться и выказываться патріотомъ и усерднымъ, не ударивъ пальцемъ о палецъ, ограничившись лишь наушничаньемъ и пошлыми заподозрѣваніями. Къ числу легкомысленныхъ объясненій можно, напримѣръ, отнести недавно еще вычитанное нами утвержденіе, будто причиною временныхъ неудачъ въ послѣднюю войну и безурядицъ по интендантской части—слѣдуетъ считать введеніе военно-окружной системы, отсутствіе въ мирное время корпусовъ и постоянныхъ армій, съ ихъ штабами и управленіями, какъ этого требовалъ покойный генаралъ Ѳаддеевъ, вопреки опыту прежнихъ временъ и полнѣйшаго неудобства, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, обращенія страны въ военный лагерь. Въ видѣ-же примѣра ложныхъ и продиктованныхъ скверными пубужденіями обвиненій, можно указать, что были дни, когда въ нѣкоторыхъ штабахъ пробовали взваливать причины неудачъ на газеты и ихъ корреспондентовъ. Я лично имѣлъ очень непріятное столкновеніе съ однимъ изъ тѣхъ „штабныхъ" которые, какъ говорится, пороху не нюхали и обнаруживали свою храбрость развѣ только въ смѣлости своихъ беззастѣнчивыхъ выводовъ. Этотъ господинъ счелъ нужнымъ и приличнымъ указать мнѣ, что неудачи слѣдуютъ за неудачами съ тѣхъ поръ, какъ на театръ войны прибыли корреспонденты, и что съ прибытіемъ этимъ совпадаетъ и появленіе прокламацій *). Если за неудачи и безурядицы отвѣтствовала даже печать, то что-же удивительнаго, что причины ихъ нѣкоторые отыскивали или желали видѣть въ присутствіи въ рядахъ арміи татаръ и евреевъ.

Можно убѣдиться, однако, что подобные розыски и обвиненія являются не только несправедливыми и неумѣстными, но ихъ слѣдуетъ счесть положительно вредными, со-

*) Эта дикая инсинуація впослѣдствіи объяснилась. Оказалось, что турецкіе разъѣзды подбрасывали въ наши передовыя линіи литографированные листки, въ которыхъ, на самомъ безграмотномъ польско-русскомъ жаргонѣ, говорилось о свободолюбіи турецкаго султана и русская армія приглашалась къ братскому единенію съ турками. И вотъ эта глупость эксплуатировалась -- находились люди, не только желающіе придать ей серьезное значеніе, но и пробовавшіе на ней выслуживаться, позоря русскую печать и ея представителей, на чемъ, какъ извѣстно, многіе основываютъ свои „гешефты" и въ мирное время.

гласно авторитетному мнѣнію генерала Куропаткина. Всѣ эти заподозрѣванія и глумленія, приниженія личности и оскорбленія, особенно когда они захватываютъ самыя дорогія человѣческія чувства, посягаютъ на религіозныя убѣжденія и на національное достоинство,—способны только поколебать дисциплину, охладить людей къ выполненію своего долга, сдѣлать ихъ равнодушными къ успѣху и даже, въ крайнемъ случаѣ, оттолкнуть на сторону враговъ, вызвать злорадство и полнѣйшій разладъ. Вотъ на что указываетъ мимолетное свидѣтельство генерала Куропаткина и вотъ чему онъ приписываетъ тѣ единичные случаи,—если только они были,— которые могутъ быть поставлены въ укоръ солдатамъ-евреямъ.

Не смотря на все это, не взирая на неумѣнье „повести ихъ", генералъ Куропаткинъ категорически утверждаетъ, что „евреи умѣли и будутъ впредь умѣть такъ-же геройски драться и умирать, какъ и прочіе русскіе солдаты". Изъ этого-же можно вывести еще цѣлый рядъ поучительныхъ заключеній. Необходимо, въ интересахъ самой русской арміи, чтобъ въ ней невозможны были подобныя явленія, какъ посягательство на національное чувство солдатъ. Можно-ли, однако, ожидать, чтобъ въ арміи не отражалось то, что составляетъ повседневное явленіе въ обычной жизни? Возможно-ли требовать, чтобъ иной офицеръ, въ горячности, не выбранилъ евреевъ „паршивыми жидами", если подобными ругательствами наполняются столбцы иныхъ газетъ и если другихъ отношеній евреи не встрѣчаютъ со стороны тѣхъ публицистовъ и политиковъ, которые не умѣютъ выразить иначе свой ремесленный и напускной патріотизмъ, какъ бранью, доносами, заподозрѣваніями, обвиненіями, возбужденіемъ національной вражды? Въ арміи и во время войны отражаются вѣдь, какъ въ зеркалѣ, всѣ хорошія и дурныя стороны мирнаго времени, всѣ достоинства и всѣ пороки и болячки общей и обычной жизни. Если выраженіе „недовѣрія" къ татарамъ и евреямъ и презрительное съ ними обращеніе производятъ „глубокое и вредное впечатлѣніе" во время войны и неблагопріятно отражается на интересахъ арміи, то какое-же пагубное значеніе для всей страны, для всей нашей жизни, имѣетъ систематическое, поголовное и непрестанное раздраженіе національнаго чувства, приниженіе человѣческаго достоинства, стѣсненія и ограниченія граждан-

скихъ правъ цѣлыхъ милліоновъ населенія, стариковъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ?

Вотъ почему, повторяю, еврейскій вопросъ слѣдуетъ считать прежде всего русскимъ вопросомъ, точно въ такомъже смыслѣ, какъ раскольничій вопросъ являлся и является прежде всего вопросомъ объ оживленіи и оздоровленіи религіозной жизни всѣхъ русскихъ. Вотъ почему, не только для евреевъ, но еще болѣе для русскихъ должны считаться оскорбительными и вредными всѣ эти ограниченія, униженія и неблагодарныя отрицанія добрыхъ качествъ и заслугъ евреевъ. Какъ генералъ Куропаткинъ, не только во имя справедливости и безпристрастія, но и въ интересахъ русской арміи, выражаетъ порицаніе непризнанію за татарами и евреями воинской и гражданской доблести, такъ и всѣ мыслящіе и добросовѣстные русскіе, воодушевленные любовью къ своему отечеству, обязаны—во имя важнѣйшихъ интересовъ Россіи—бороться съ тѣмъ невѣжествомъ, съ тѣми Колупаевыми и Разуваевыми, которые выѣзжаютъ на отрицаніи гражданскаго полноправія цѣлой національности.

VIII.

Когда велась идейная борьба за уничтоженіе крѣпостного права, крѣпостники сначала увѣряли, что въ холопствѣ заключается божеское установленіе и одна изъ „основъ" и „особенностей" русскаго быта и государства. Когда эта ложь была, наконецъ, изобличена, крѣпостники уступили въ принципѣ, но стали опираться на условныя возраженія. „Нельзя,—говорили они,—дать свободу милліонамъ людей, носящихъ только человѣческій образъ, но неспособныхъ къ сколько-нибудь самостоятельной жизни, не имѣющихъ понятія о гражданскихъ обязанностяхъ. Необходимо-де прежде подготовить этихъ людей къ свободѣ, нужно, чтобъ они доказали, что достойны ея".

Передъ подобными софизмами не остановилась и не утратила своей силы великая идея освобожденія. Лучшіе люди признали, наконецъ, что зло ни къ чему хорошему не можетъ подготовлять, а въ состояніи только усиливать разложеніе и извращеніе доброй природы человѣка. Литература, въ лицѣ виднѣйшихъ своихъ представителей, занялась изслѣдованіемъ закрѣпощеннаго быта и разглядѣла и въ рабѣ человѣка и такія достоинства, которымъ могли позавидовать

многіе изъ господъ. Изъ этого получился естественный выводъ, что освобожденіе, признаніе человѣческихъ правъ, обращеніе къ добрымъ сторонамъ человѣческой природы не можетъ нанести вреда, и что странно ожидать, чтобъ сохраненіе крѣпостного права или его суррогатовъ могло служить воспитательною школою гражданства.

Почти подобные-же доводы и мнѣнія встрѣчаются и при обсужденіи такъ называемаго еврейскаго вопроса. Оставляя въ сторонѣ тѣхъ полудикихъ людей, которые проповѣдуютъ изгнаніе или избіеніе евреевъ, нерѣдко приходится слышать, какъ разные колеблющіеся и нерѣшительные говорятъ: „Пусть евреи прежде докажутъ, что они русскіе и что они способны быть полезными гражданами Россіи; пусть они прежде обнаружатъ свою готовность выполнять обязанности русскаго гражданства и тогда только заявятъ свои притязанія на его права". Мы видѣли, что одно лишь ослѣпленіе и несправедливость въ состояніи не видѣть или отрицать способности и готовность евреевъ быть вполнѣ русскими, не хуже и не лучше ихъ. Требовать, чтобъ евреи были болѣе русскими и болѣе граждане, нежели мы сами, просто унизительно. Если, даже при нынѣшнихъ условіяхъ, нѣтъ такого жизненнаго движенія, гдѣ-бы мы не встрѣчали русскихъ евреевъ въ самой достойной роли, если нѣтъ, наконецъ, такой бѣды или невзгоды, которую не несли-бы вмѣстѣ съ нами лучшіе изъ евреевъ; если многіе изъ нихъ кровью и жизнью своей запечатлѣли свою преданность Россіи и на поляхъ битвъ,—гдѣ такъ легко уклониться отъ долга,—выказали себя наравнѣ съ отборнѣйшими нашими воинами; если они умѣютъ съ нами и ради насъ „геройски драться и умирать"—то чего-же больше, какихъ еще нужно доказательствъ?

Никогда и нигдѣ не видано, чтобъ недовѣріемъ, оскорбленіями, ограниченіями и ругательствами можно было привлекать людей на свою сторону. Это отталкивающая, а не притягательная сила. Теперь, даже дрессировщики лошадей и собакъ убѣдились, что кнутъ и жестокое обращеніе—плохія воспитательныя средства.

Признавая все это, мы не только выполнимъ долгъ справедливости и безпристрастія, но и освободимъ самихъ себя отъ вреднѣйшаго изъ заблужденій, имѣющаго распространеніе и пагубное значеніе далеко за предѣлами еврейскаго вопроса. Я буду счастливъ, если эти строки до-

ставятъ хотя-бы только поводъ для провѣрки тѣхъ ходячихъ теперь легкомысленныхъ взглядовъ на еврейскій вопросъ, которымъ, къ сожалѣнію, нѣтъ должнаго отпора въ современномъ обществѣ и которые поддерживаются и разжигаются невѣжественною частью журналистики. Желалъ-бы я также, чтобы и евреи, наши сограждане, убѣдились, что далеко не всѣ русскіе подчиняются юдофобской мудрости и способны разыгривать роль „панургова стада". Непризнаніе этого со стороны евреевъ было-бы, въ свою очередь, несправедливостью и только усиливало-бы въ нихъ то чувство желчи и раздраженія, которое хотя и вполнѣ понятно, но не сулитъ ничего добраго ни самимъ евреямъ, ни Россіи, вообще.

Не терзайте Россіи.

Это первая статья, написанная по выздоровленіи. Она появилась въ газетѣ „Слово“ (издаваемой въ Петербургѣ М. М. Өедоровымъ), 13, 14 и 15 іюля 1907 года. По поводу этой статьи мною было получено много привѣтствій; но за выдержки изъ нея нѣкоторыя московскія и провинціальныя газеты были подвергнуты значительнымъ денежнымъ штрафамъ, этому новому виду стараго произвола. Дозволенное въ Петербургѣ оказалось вредоноснымъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, по „высмотру“ мѣстныхъ властей. Хотя „каждый баронъ имѣетъ свою фантазію“, но едва-ли подобное фантазерство, хотя-бы и на „охранной“ почвѣ, допустимо въ сколько-нибудь благоустроенномъ государствѣ, особенно среди борьбы съ „экспропріаціями“.

I.

Въ настоящее время, положеніе опаснѣе революціи и войны. Всѣ государственные устои разрушены или подорваны. Здравыя, наукой и историческимъ опытомъ установленныя, цѣлебныя средства находятся еще въ рецептахъ, почти не использованы; тяжко больного лѣчили и продолжаютъ лѣчить доморощеннымъ знахарствомъ, упрямо сохраняя тѣ условія, которыя создали болѣзнь. И это знахарство пуще прежняго возвышаетъ свой одичалый голосъ, кричитъ и шумитъ на весь міръ, попирая истину, увертываясь отъ отвѣтственности, сваливая очевиднѣйшую вину съ больной головы на здоровую. Знахари, видите-ли, непрестанно заботились о Россіи и благодѣтельствовали ей; но что-же дѣлать,—русскій народъ оказался не на высотѣ этихъ попеченій. Они и теперь соблаговолили испробовать кое-что изъ тѣхъ благъ и свободъ, которыми пользуются просвѣщенные народы; но все это оказалось непригоднымъ. Надо опять попятиться назадъ, къ тѣмъ яко-бы самобытнымъ устоямъ, которыми пробавляется теперь развѣ только злосчастная Турція. Невѣжество, ложь, лицемѣріе, всякія насилія и беззаконія—все пущено въ ходъ, чтобъ задержать, исказить или вовсе отмѣнить самыя необходимыя,

давно сознанныя преобразованія. Сущность этихъ преобразованій выразилась довольно удачно въ манифестѣ 17 октября 1905 года. Вся, сколько-нибудь честная, здравая, рвущаяся впередъ, къ свѣту и правдѣ, Россія привѣтствовала этотъ манифестъ, какъ радостный, торжественный благовѣстъ въ Свѣтлый праздникъ, какъ воскресенье русской жизни. Обѣщалось и торжественно признавалось то, что довершало лучшія дѣянія Петра I и Екатерины II. Къ „новому счастью", возвѣщенному 17 октября 1905 года, Россія стремилась не менѣе ста лѣтъ. Пора-же, наконецъ, и осуществить то, что начиналось еще въ царствованіе Александра I, за что положили свою жизнь декабристы.

Надобно-ли укрѣплять правительственную власть и отстаивать русскую государственность? Можно-ли сомнѣваться въ этомъ!... Никакого вопроса тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Русскій народъ создалъ могучее государство, высвободилъ его изъ татарскаго полона, возстановилъ послѣ смуты, вызванной своеволіемъ и сумасбродствомъ московскаго царя Ивана Грознаго. И изъ нынѣшней смуты Россія желаетъ выйти обновленной, мощной, равной по нравственному уровню, по умственному и матеріальному богатству, по политическому и соціальному устройству—всему просвѣщенному человѣчеству.

Народное самосознаніе, народная гордость и любовь къ родинѣ до боли, до мученичества задѣты тѣмъ приниженнымъ положеніемъ, которое насильственно навязала намъ ложная, ошибочная политика, обобравшая Россію во всѣхъ отношеніяхъ, въ области религіи, просвѣщенія, честности, въ дѣлѣ, народнаго здравія и благосостоянія.

На протяженіи полувѣка, два раза мы несли послѣдствія этой противо-государственной, противо-народной политики.

Эпоха застоя, безправія, полицейскаго произвола, мыслебоязни и безгласности, затормазившая освобожденіе крестьянъ и всѣ преобразованія, намѣченныя еще XVIII-мъ столѣтіемъ, довела насъ до крымскаго разгрома. Зловредное стремленіе къ возстановленію той-же политики привело Россію къ позору и всѣмъ ужасамъ манчжурскихъ хищеній и пораженій.

Удивительно-ли, что всѣ эти бѣдствія поколебали довѣріе къ старымъ устоямъ и порядкамъ и воочію обнаружили необходимость возможно скорѣйшаго обновленія государственныхъ учрежденій и нашей общественности, на тѣхъ началахъ, которыя усваиваются теперь даже азіатскими народами?

Со дня обнародованія манифеста 17 октября, казалось,

что наша политика неуклонно и безповоротно вступила на путь либеральной, конституціонной монархіи. Но это упованіе, которое заставило-бы позабыть и проститъ невзгоды и ошибки прошлаго, въ значительной мѣрѣ подорвано. Вышло нѣчто въ родѣ бумажной реформы; въ дѣйствительности, мы опять пятимся назадъ. Завѣдомые трубадуры и прихлебатели реакціи не только подняли голову, но составили заговоръ противъ всѣхъ новшествъ и открыто приводятъ его въ исполненіе, пользуясь обрывками тѣхъ „свободъ“, которыя отрицаются для всѣхъ, но предоставляются въ исключительное пользованіе ретроградной партіи, наживавшейся въ то время, когда вся Россія гибла отъ беззаконій и голода. Ретрограды явно, въ своихъ печатныхъ органахъ, приглашаютъ измѣнить слову, отмѣнить самыя торжественныя обѣщанія. Они всѣми способами, не исключая даже скандаловъ, сорвали Государственную Думу. Теперь проявляются явныя стремленія сорвать и третью Думу или низвести ее до ничтожной роли многолюдной, раболѣпной, безавторитетной комиссіи, въ родѣ тѣхъ сборищъ „свѣдущихъ людей“, которыми въ 1882 году забавлялся графъ Н. П. Игнатьевъ, въ видѣ фальсификаціи „земскихъ соборовъ“.

Ретроградный заговоръ дѣйствуетъ и ширится при той же поддѣлкѣ общественнаго мнѣнія и самаго народа, какая продѣлывалась и въ разгаръ прежняго застоя. Излюбленными средствами насильниковъ, приверженцевъ хищеній и тьмы всегда были и будутъ безгласность, клевета, доносы, лживыя сообщенія. Если даже во время войны возможны были утайки, невѣрныя изображенія дѣйствительности и явные обманы Верховнаго Вождя арміи (обличаемые обвинительнымъ актомъ по дѣлу Стесселя и ком.), то чего-же ждать отъ бюрократическихъ тайнъ и газетныхъ рептилій, не перестающихъ основывать свое благополучіе на подавленіи всякаго независимаго мнѣнія, на безстыдныхъ требованіяхъ возврата цензуры и административныхъ расправъ надъ печатью. Если-бъ у этихъ господъ оставалась хотя капля совѣсти, мы сказали-бы имъ:

— Перестаньте обманывать, перестаньте терзать Россію. Вы опять ведете ее къ разгрому, къ распаду!..

II.

Недавно членъ государственнаго совѣта и бывшій министръ А. С. Ермоловъ, въ статьѣ, напечатанной въ „Новомъ

Времени", высказалъ мнѣніе, что „теперь нужнѣе всего" борьба съ революціей, а не забота о сохраненіи и упроченіи конституціи. Все вниманіе и репрессіи, по мнѣнію А. С. Ермолова, должны быть направлены влѣво, на крайнія прогрессивныя партіи. Къ заговорщикамъ справа авторъ статьи относится съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ. Противники „новаго строя" изъ лагеря реакціонеровъ не пойдутъ-де „противъ воли самого Царя", и бороться съ ними все равно, что сражаться съ вѣтряными мельницами.

Удивительное ослѣпленіе! Если всѣ наши государственные люди раздѣляютъ мнѣніе А. С. Ермолова, то намъ не двинуться съ мѣста и нынѣшняя смута затянется до безконечности. Опасность въ этомъ страшная!

Съ революціонерами, устраивающими бунты, насилія, убійства, грабежи, конечно, государство обязано бороться; иначе теряется смыслъ его существованія; но не менѣе необходима борьба съ тѣми элементами и приверженцами беззаконія, насилій и хищеній, которые разрушаютъ государственную и народную жизнь *справа,* добиваясь самыхъ своекорыстныхъ цѣлей, подкапываясь подъ драгоцѣннѣйшія основы человѣческаго существованія.

Никакой революціи не было-бы и не могло-бы быть, если-бъ отсталыя государственныя учрежденія, дурные законы и отжившіе полицейско-административные навыки не плодили всеобщаго недовольства, не подрывали уваженія къ власти и порядка, не колебали-бы въ корнѣ безопасности внѣшней и внутренней.

А кто-же въ настоящее время наслаждается спокойствіемъ и испытываетъ довольство въ Россіи? Неудовольствіе, жалобы, опасенія слышатся вездѣ и непрестанно. Негодуютъ и правые, и лѣвые, не говоря уже о среднихъ обывателяхъ, которымъ никакъ не дается превратиться въ полноправныхъ гражданъ.

Громадное большинство народа и общества утѣсняется съ двухъ сторонъ. Для крайнихъ лѣвыхъ русское общество и народъ нѣчто въ родѣ „буржуевъ", подлежащихъ искорененію и рабству по соціалистическимъ утопіямъ; а по требованіямъ ретроградовъ, всѣхъ насъ надо обуздать, какъ „революціонеровъ". И обуздываютъ! Держатъ въ „ежовыхъ рукавицахъ", лишаютъ гражданскихъ правъ, лишаютъ по произволу имущества, занятій, ремесла, права выбора мѣстожительства; гонятъ за предѣлы отечества или ссылаютъ, „по

бездоказанности вины", по какимъ-то подозрѣніямъ или извѣтамъ; лишаютъ права собраній, мысли и слова, всего, что обѣщано на бумагѣ и чего нѣтъ на дѣлѣ!.. На этой почвѣ общаго недовольства растутъ, *множатся и углубляются* революціонныя чувства и усиливается отчаянное пренебреженіе къ чужой и своей жизни. На комъ-же, спрашивается, лежитъ отвѣтственность за подобное положеніе государства и за отчаянное, звѣрское настроеніе населенія!

Революціонеры, по самому существу своихъ воззрѣній, близкихъ къ произволу и анархіи, не могутъ быть правящей средой; но нѣтъ у насъ и правительства; оно изчезло давно.

Неужели А. С. Ермоловъ и другіе государственные люди, обязанные править государствомъ, вести его на путь обновленія, законности и гражданственности, не замѣчаютъ, что они вытѣсняются, подавляются озлобленной кликой *крайнихъ правыхъ*, черносотенцами.

Эта группа „заговорщиковъ справа" устроила нѣчто въ родѣ *масонской ложи*; учредила какіе-то совѣты, палаты, губернскія и уѣздныя управы. Самовольные правители разсылаютъ повелительныя телеграммы, одобряютъ или порицаютъ повелѣнія и дѣйствія Верховной власти; требуютъ смѣны министровъ, не говоря ужь о провинціальныхъ администраторахъ. Законно-организованное представительство они отрицаютъ; но свои учрежденія и самозванныя требованія, прямо враждебныя народу и обществу, они дерзко навязываютъ, прикрываясь языкомъ преданности и лести. Соберется десять—двадцать ничтожностей изъ числа бывшихъ цензоровъ, репортеровъ, бездарныхъ учителей и объявляютъ себя „партіей", выражающей будто-бы „истинный народъ" и монопольную, истинную любовь къ отечеству... Въ чемъ-же заключается ихъ государственная мудрость?

Они ея не скрываютъ, они ею похваляются! Эта мудрость требуетъ „разгона" народныхъ представителей, военной диктатуры, уничтоженія свободы печати, преслѣдованія и изгнанія всѣхъ чиновниковъ сколько-нибудь либеральнаго образа мыслей. Законностью они называютъ лишь такія постановленія, которыя предоставляютъ администраціи все запрещать и уничтожать, расправляясь по произволу со всѣми, кто не пользуется вліяніемъ и не огражденъ покровительствомъ этой попятной клики. Всѣ преобразованія Императора Александра II имъ ненавистны, начиная съ крестьянской реформы и земельнаго надѣла, и кончая земствомъ и

судомъ присяжныхъ. Одичалое „міровоззрѣніе“ попятниковъ сводится къ насиліямъ, усмиреніямъ, смертнымъ казнямъ, тѣлеснымъ наказаніямъ, къ тюрьмамъ и ссылкамъ...

Вотъ что А. С. Ермоловъ приравниваетъ къ невинному донкихотству! Но подвиги рыцаря Ламанчскаго были хотя и отсталымъ, но честнымъ, благороднымъ явленіемъ. Наши-же попятники дѣйствуютъ ложью, доносомъ, подавленіемъ чужого мнѣнія погромами, безчинствами. Всякое изобличеніе неправды и беззаконія они объявляютъ „подрывамъ основъ“ и подстрекательствомъ къ революціи; но сами они называютъ измѣнникомъ даже графа Витте и требовали казни его за манифестъ 17 октября и заключеніе мира. Это показатель уваженія ихъ къ „самодержавію“, волю котораго исполнялъ С. Ю. Витте. Они распинаются въ любви къ Монарху и монархіи, носятъ по улицамъ игрушечныя знамена, при участіи архіереевъ и хоровъ военной музыки; задѣваютъ прохожихъ, скандалятъ и не сознаютъ даже, въ какой мѣрѣ все это кощунственно и колеблетъ достоинство той власти, которую они признаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда она служитъ ихъ узкимъ, частнымъ интересамъ.

Явное, постыдное глумленіе надъ отечествомъ и государственной властью; повторное стремленіе къ внутреннему разложенію и внѣшнему погрому выдаются за „истинно-русскій патріотизмъ“!..

Доколѣ-же, Господи, будутъ длиться эти испытанія и терзанія Россіи?..

Заповѣди Христа, церковь, школу, литературу,—все опошлили, принизили, вынесли на рынокъ и обратили въ полицейскій участокъ.

III.

Можно было-бы охотно согласиться съ А. С. Ермоловымъ, что самозванная группа закулисныхъ благодѣтелей Россіи заслуживаетъ лишь пренебреженія; но въ своихъ воззваніяхъ, публикаціяхъ и газетахъ ретрограды прямо заявляютъ, что на нихъ опирается правительство. Они приглашены-де спасать Россійскую державу и искоренять враговъ ея! Самъ А. С. Ермоловъ получилъ уже внушеніе въ этомъ смыслѣ на страницахъ „Русскаго Знамени“. Даже его болѣе

чѣмъ умѣренно-консервативное мнѣніе считается революціоннымъ и вызвало угрозу обузданія „мечомъ правосудія", ретроградовъ.

Подобными угрозами терроризуются судъ, администрація, крестьяне, а озлобленіе и неудовольствіе накопляются, создаютъ „войну всѣхъ противъ всѣхъ". Кому-же лестно состоять подъ „властной рукой" какого-нибудь Грингмута или Дубровина! Правительства, полиціи, чиновниковъ бездна, а законности, спокойствія, здраваго, благожелательнаго, всѣми уважаемаго *управленія* не чувствуется. И это не со вчерашняго дня.

Тутъ-то и кроется источникъ нашего недуга.

Поучительно просмотрѣть записки гр. П. А. Валуева за 1880 годъ, чтобъ убѣдиться, съ какой поры и какими путями совершалось разложеніе нашей государственности и паденіе правительственнаго уваженія. Почти на каждой страницѣ, бывшій предсѣдатель комитета министровъ щедро разсыпаетъ самые презрительные отзывы о своихъ товарищахъ по государственному управленію. Иныя характеристики замѣчательно вѣрны. Маковъ—жалкій и невѣжественный чиновникъ. Грейгъ не имѣетъ понятія о финансахъ, которыми вѣдаетъ. Князь Урусовъ (кодификаціонный) приравниваетъ себя къ министрамъ Наполеона III и усматриваетъ „революцію" во всякомъ преобразованіи. Большинство молчитъ, прислушивается откуда вѣтеръ вѣетъ и поглощено интригами, заботясь лишь о сохраненіи своего мѣста и казеннаго пайка.

— И это правительство! — постоянно восклицаетъ Валуевъ.

Государственный совѣтъ и комитетъ министровъ заняты пустяками, а засѣданія ихъ проходятъ больше всего въ болтовнѣ, сплетничаньи и „разнюхиваніяхъ". Это вполнѣ „послушныя" учрежденія, какъ и та Государственная Дума, которую хотѣли-бы создать, ради приличія и украшенія. Все существенное и важное рѣшалось внѣ этихъ учрежденій, въ частныхъ совѣщаніяхъ, комиссіяхъ, даже въ гостиныхъ или пріемныхъ, близкихъ къ „сферамъ".

П. А. Валуевъ все это осуждаетъ. Онъ скорбитъ о Россіи, но лишь до тѣхъ поръ, пока застарѣлая неурядица отжившаго строя, близкая къ анархіи, совершается помимо него и умаляетъ его личное вліяніе. Въ этихъ случаяхъ Валуевъ очень правильно указываетъ, что подобные „порядки" пахнутъ Константинополемъ.

Но когда водворившаяся у насъ анархія управленія не миновала участія Валуева и привлекала его къ бюрократическому сотрудничеству, нашъ государственный мужъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ, бодрился, принималъ увѣренный тонъ, дѣлалъ визиты, составлялъ какіе-то протоколы по бумажнымъ дѣламъ и изобрѣталъ на каждомъ шагу всевозможныя препоны сколько-нибудь рѣшительной и цѣнной реформѣ. Онъ, видимо, гнѣвается на гр. Лорисъ-Меликова; называетъ его не иначе, какъ „ближнимъ бояриномъ“ или даже Michel I... Самъ обличитель обнаруживаетъ полную готовность подкопаться подъ вліяніе другихъ министровъ и „сковырнуть“ диктатора. Онъ вмѣшивается въ политическіе процессы, заочно, внѣ суда; подаетъ совѣты, кого казнить, кого помиловать; тормазитъ реформу законовъ о печати и непрерывно жалуется на „разнузданность“ ея. Отъ Макова, для котораго создано было министерство почтъ и телеграфовъ, Валуевъ узнаетъ содержаніе тайныхъ телеграммъ, обмѣнивавшихся между Государемъ и Лорисъ-Меликовымъ. Онъ негодуетъ, что плохого министра финансовъ замѣняютъ болѣе пригоднымъ, и хвастливо заноситъ въ свои „мемуары“—всякіе обѣды, рауты, посѣщенія. П. А. Валуевъ даже не замѣчаетъ, что среди той бюрократической разладицы, до верховъ которой онъ успѣлъ достигнуть, несмотря на самую неудачную и двусмысленную дѣятельность,—онъ самъ является лучшимъ объясненіемъ отсталости и смуты, причиной разстройства и извращенія всѣхъ преобразованій Царя-Освободителя. П. А. Валуевъ,—авторъ романа „Графъ Лоринъ“,—свысока судящій обо всѣхъ и обо всемъ, не подозрѣваетъ, что ближайшее знакомство съ нимъ, при посредствѣ его-же записокъ,—еще сильнѣе и прямѣе приводитъ къ восклицанію:

— И это правительство!..

Самые рѣзкіе отзывы о правительствѣ содержатся и въ недавно опубликованной перепискѣ К. П. Побѣдоносцева, котораго гр. Валуевъ очень удачно называетъ *китайскимъ приказнымъ*. И Побѣдоносцевъ утверждаетъ, что государственныхъ людей нѣтъ, что истиннымъ виновникомъ смуты является правительство; но всѣ эти жалобы Побѣдоносцевъ пускаетъ въ оборотъ лишь ради закулисной интриги, въ видѣ ябеды и нашептыванія, чтобъ упрочить свое вліяніе. Взамѣнъ преобразованій, онъ отстаиваетъ военное положеніе и казни, совѣтуетъ бѣжать изъ Петербурга въ Москву; четверть вѣка назадъ первопрестольная столица пользовалась еще благо-

надежностью въ глазахъ прозорливыхъ царедворцевъ и не была доведена ими до баррикадъ.

Далѣе произвола, безправія и подавленія гражданственности попятная премудрость не идетъ!

Почти тѣ-же рѣчи, совѣты и мѣропріятія и у quasi-либеральнаго Валуева, и у quasi-консервативнаго Побѣдоносцева.

Просвѣщенный абсолютизмъ XVIII вѣка подмѣнился абсолютизмомъ застоя и невѣжества. Прежде тащили насъ, какъ Митрофанушекъ, впередъ; правительство было вождемъ и двигателемъ прогресса; а съ прошлаго вѣка, за исключеніемъ немногихъ лѣтъ нерѣшительныхъ, незаконченныхъ преобразованій, Россію упорно тащатъ назадъ, къ своеобразной *китайщинѣ*.

И не можетъ быть иначе, когда усиливаются совмѣстить несовмѣстимое, согласить совершенно противоположныя начала. Отжившее охраняютъ, не сознавая, что оно должно уступить дорогу новому. Очень часто ссылаются на благотворность политики императора Николая Павловича. Но этотъ государь не разъ заявлялъ, что *слово Монарха должно быть свято и ненарушимо*. Онъ былъ врагъ конституціи, но все же соблюдалъ ее въ Царствѣ Польскомъ (до возстанія) и открыто порицалъ французскаго короля Карла X за его произвольныя и реакціонныя дѣйствія, которыя и привели къ революціи. „Столоначальники", среди безгласности, сумѣли, однако, обойти и непреклонныя рѣшенія Николая I. Онъ хотѣлъ водворить вездѣ и во всемъ законность, а бюрократія превратила всѣ эти попытки въ удушливое бумагописаніе и хищеніе—въ войскѣ и администраціи, въ судахъ и откупахъ.

Въ концѣ вѣка, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, пытались вернуться къ отжившему. Вполнѣ естественно, что получились тѣ же послѣдствія, но въ еще болѣе тяжкихъ и грозныхъ проявленіяхъ.

Нельзя оставаться, да еще и насильственнымъ путемъ, при тѣхъ „устояхъ", которые и въ крѣпостное время давали отрицательные, зловредные плоды. Даже тотъ Востокъ, который, по образному выраженію поэта, „шапку на брови надвинулъ и навѣкъ уснулъ",—оживаетъ и обгоняетъ насъ. Нешуточнымъ „правымъ" патріотамъ, притязающимъ на руководящую роль, постыдно не понимать этого.

— Да будетъ правительство, да воскреснетъ наша истинно-русская, просвѣщенная, человѣколюбивая государственность!

Вотъ что намъ нужно не только теперь, но и всегда. Правительство, достойное своего призванія, обязано быть *выше всѣхъ партій*, а не являться игралищемъ самой узкой, своекорыстной, ретроградной клики, всегда и вездѣ губившей государства. Застой и произволъ довели до паденія даже самыя популярныя династіи: Валуа, Бурбоновъ, Стюартовъ, Бонапартовъ и т. п.

IV.

Искренніе и разумные приверженцы монархіи обязаны отстаивать основные законы и конституцію. „Неработоспособная“ Государственная Дума, встрѣчавшая всевозможныя преграды, все же оказалась болѣе полезной, нежели бюрократія, доведшая свое бездѣйствіе, свою импотенцію до того, что въ восемь мѣсяцевъ пришлось ей наскоро сочинить около 300 законопроектовъ! Все сколько-нибудь цѣнное и жизненное въ этомъ сочинительствѣ давнымъ давно и неустанно предлагалось либеральной печатью, но упорно тормазилось и подводилось подъ обвиненія и упрямыя отрицанія ретроградовъ.

Современные „попятники“ сами гнѣваются и ворчливо признаютъ непригодность всѣхъ законодательныхъ актовъ, изданныхъ помимо законодательныхъ палатъ. Достаточно припомнить статьи рептилій по поводу недавнихъ „землеустроительныхъ“ постановленій и по поводу прежнихъ и новыхъ избирательныхъ законовъ. Поистинѣ изумительна логика, охраняющая тѣ порядки, которые сплошь и рядомъ создаютъ законы и распоряженія неудовлетворительные и далекіе отъ требованій жизни, по мнѣнію тѣхъ-же охранителей. Государственный хаосъ дошелъ до того, что расшаталось самое понятіе о правительствѣ. Подъ этимъ именемъ разумѣются министры, губернаторы, даже становые пристава и урядники, но отнюдь не законодательныя палаты и сенатъ, хотя искаженное учрежденіе Петра Великаго и именуется „правительствующимъ“.

Съ любой, заурядной бюрократической комиссіей болѣе церемонятся, нежели съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Допустимъ, будто нижняя палата являлась источникомъ „революціи“; но Государственный Совѣтъ ни малѣйшей строптивости не проявлялъ. Въ немъ царятъ прежніе навыки; но „послушность“ эта не спасла Совѣтъ отъ пренебрежительныхъ отношеній. Даже слабыя попытки къ

дѣятельности и самостоятельности Государственнаго Совѣта встрѣчали весьма внушительныя препоны со стороны министерства. Сочтено было излишнимъ совѣтоваться съ этимъ Совѣтомъ даже при изданіи новаго избирательнаго закона.

Подобныя отношенія къ высшимъ учрежденіямъ подрываютъ государственный строй и порядокъ. Печать преслѣдуютъ; но въ печати не отражается и сотой доли того, что говорится въ народѣ, на всѣхъ перекресткахъ и въ лавочкахъ. Стоустую молву можно обуздать лишь гласностью и правдой. Казнями, произвольными штрафами не поднять правительственнаго достоинства и не уничтожить тѣхъ идей и стремленій, которыя назрѣли до очевидности и много разъ признавались въ самыхъ торжественныхъ государственныхъ актахъ.

Просимъ, уговариваемъ министерство подняться до истинно государственной высоты, отрѣшиться отъ ретроградной клики, причинившей такъ много зла Россіи и монархическому началу. Надо вернуть къ работѣ лучшія земскія и общественныя силы, тѣсно связанныя съ образованнѣйшими честными дѣятелями бюрократіи. Никто не вѣритъ въ самую возможность „преступности“ цѣлой партіи „народной свободы“ и тѣхъ ея представителей, которые подписали необдуманное, безвредное, хотя и ошибочное, выборгское „воззваніе“. Это было неумѣлое подражаніе Англіи. Безконечная судебная волокита надъ ничтожнымъ документомъ и произвольные отказы въ легализаціи „кадетской“ партіи не болѣе какъ придирчивая, нерасчетливая политика. Если борьба съ реакціей безцѣльна,—какъ увѣряетъ г. Ермоловъ,—то упрямое преслѣдованіе самой просвѣщенной и дѣятельной общественной партіи равносильно вредной растратѣ общественнаго добра. Здравыя, просвѣщенныя силы надо привлекать къ дѣлу, а не отталкивать и загонять въ подполье, въ „революцію“.

Но всего важнѣе и необходимѣе осуществить *обѣщанную свободу мысли и слова*, обезпечить независимую печать отъ произвола администраціи и подобострастнаго, извращеннаго суда! Мысль предшествуетъ всякому дѣлу, и безъ свободы обсужденія нѣтъ и не можетъ быть сколько-нибудь успѣшной дѣятельности, правительственной и общественной.

Была-ли хотя одна здравая мысль, которая не находила бы себѣ, прежде всего, отклика въ литературѣ и публицистикѣ? Можно-ли назвать хотя одно преобразованіе или улучшеніе, за которое не приходилось-бы бороться въ печати? Можно-ли

вообразить сколько-нибудь правильную жизнь и плодотворвую дѣятельность—помимо гласности, безъ зоркаго глаза и критики независимой печати?

Въ былое время, славословили Булгарины, а обрекались на молчаніе геніальнѣйшіе и наиболѣе просвѣщенные писатели и умственные вожди. Пушкина и Лермонтова извели, умертвили „свободы, генія и славы палачи"... Чаадаева объявили сумасшедшимъ; Грановскому не разрѣшали изданія историческаго журнала. Достоевскій и Плещеевъ едва не были казнены. Герценъ и Огаревъ вынуждены были бѣжать за границу. Бѣлинскій и Добролюбовъ спаслись отъ общей участи русскихъ писателей преждевременной смертью отъ чахотки. Некрасовъ, Тургеневъ, Салтыковъ-Щедринъ, Левъ Толстой— не избѣжали преслѣдованій и инквизиціонныхъ пріемовъ какихъ-нибудь Валуевыхъ, Маковыхъ, Дурново и Побѣдоносцевыхъ. Даже Аксаковъ и другіе лучшіе славянофилы обрекались на молчаніе и объявлялись врагами отечества!..

Безъ преувеличенія можно сказать, что страданіями и костями русской литературы и печати устланъ путь русскаго народа къ освобожденію, къ общему благу и справедливости.

Наша отсталость поразительна. Только теперь приходится знакомиться съ тѣми книгами и мыслями, которыя были въ ходу въ Европѣ 50—60 лѣтъ назадъ. Надо возродить любовь къ наукѣ, къ литературѣ, къ чтенію. Сколько-нибудь выдающіеся дѣятели и вожди всегда отличались непреодолимымъ влеченіемъ къ книгѣ; только Фамусовы предавали ихъ огню. Чѣмъ бездарнѣе и грубѣе правители, тѣмъ враждебнѣе относились они къ литературѣ и печати.

Распускать или „разгонять" законодательныя палаты легко. На это много мудрости не надо. Отъ правящихъ государственныхъ людей требуется выдающаяся талантливость и любовь къ отечеству, чтобы водворить новые порядки, приличествующіе великому народу, доказать свою „работоспособность" и уживчивость съ народнымъ представительствомъ и стяжать общее уваженіе. Отъ правительства народъ ждетъ свѣта, добра, справедливости, а не произвола и чрезвычайныхъ охранъ, угашающихъ духъ правовой жизни, растлѣвающихъ и правителей, и управляемыхъ.

II

КЪ ИСТОРІИ ПЕЧАТИ.

Исторія „Русскаго Обозрѣнія".

(Изъ журнала „Русская Старина", 1882 года, №№ 2 и 3).

„На страницахъ „Русской Старины" всегда получали мѣсто матеріалы, служащіе къ изученію тѣхъ условій, въ которыхъ находилась въ нашемъ отечествѣ умственная дѣятельность, занимающая первостепенное мѣсто въ развитіи всякого народа. Большинство этихъ матеріаловъ, весьма понятно, относилось еще къ дореформенной и крѣпостной Россіи, когда надъ умственною сферою жизни всецѣло господствовала полицейско-бюрократическая опека, въ формѣ предварительной цензуры. Матеріалы эти давали понятіе о томъ, какія послѣдствія приносила эта опека русской литературѣ, выясняли, что̀ подвергалось преслѣдованіямъ и считалось вреднымъ въ области мысли и насколько государство, общество и отдѣльныя лица спасались этимъ путемъ отъ воздѣйствія „превратныхъ идей" или „лжеученій". Слѣдующій затѣмъ періодъ исторіи русской умственной жизни, ознаменовавшійся обильнымъ нарожденіемъ и развитіемъ политическихъ идей и направленіемъ мысли къ изслѣдованію народнаго быта и основъ общественной организаціи, создалъ, какъ извѣстно, новыя или, вѣрнѣе, видоизмѣненныя внѣшнія условія для нашей печати. Условія эти выразились въ положеніяхъ о печати 6-го апрѣля 1865 года, заимствованныхъ изъ законовъ, господствовавшихъ во Франціи въ первое время второй имперіи, и заключались, главнымъ образомъ, въ освобожденіи нѣкоторой части печати отъ предварительной цензуры, съ установленіемъ двоякаго рода отвѣтственности для редакторовъ, издателей и авторовъ: передъ судомъ, въ случаяхъ нарушенія какого нибудь уголовнаго или полицейскаго закона, и передъ администраціею, въ случаяхъ обнаруженія въ періодическомъ изданіи или сочиненіи „вреднаго направленія".

Этотъ періодъ, видимо, доживаетъ свои послѣдніе дни, о чемъ можно заключить уже изъ того, что практика допустила много уклоненій отъ закона 6-го апрѣля 1865 года, какъ въ пользу печати, такъ и въ ограничительномъ смыслѣ, а въ 1880 году, самимъ правительствомъ возбужденъ былъ вопросъ о необходимости пересмотра законовъ о печати. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ начали уже появляться матеріалы, могущіе выяснить какія именно услуги оказали эти внѣшнія условія печати государству, обществу, русской литературѣ и вообще успѣхамъ умственнаго развитія Россіи. Къ числу любопытнѣйшихъ матеріаловъ этого рода слѣдуетъ отнести воспроизведенный газетою „Русь" (въ ноябрѣ и декабрѣ 1881 г.) „судебный процессъ" о воспрещеніи въ 1868 году газеты „Москва", выходившей подъ редакціей И. С. Аксакова.

При такихъ обстоятельствахъ, мы сочли своевременнымъ дать мѣсто въ „Русской Старинѣ" не безъинтересному очерку изъ исторіи другаго періодическаго изданія, воспрещеннаго въ 1878 году, безъ всякаго уже „процесса", въ самомъ концѣ той административной дѣятельности, въ планы которой входило прекращеніе существованія газеты „Москва". Изъ сопоставленія этихъ матеріаловъ можетъ получиться, такимъ образомъ, довольно цѣльная картина изъ исторіи внѣшнихъ условій русской печати, за десятилѣтній періодъ времени 1870—1879 г.г.".

I.

Въ 1876 году я вздумалъ издавать еженедѣльную, политическую и литературную газету. Необходимо напомнить тогдашнія обстоятельства и условія печати. Мнѣ онѣ были очень хорошо знакомы, я не былъ новичкомъ въ дѣлѣ. Основаніе независимой газеты, съ чисто политическими, общественными и литературными цѣлями—составляло мой давнишній идеалъ. Я питалъ его съ университетской скамьи, когда и началось участіе мое въ журналистикѣ.

Съ 1862 г. и до конца 1869 г., я почти исключительно писалъ въ подцензурныхъ и притомъ провинціальныхъ газетахъ. Можетъ быть, то время было другое, но о предварительной цензурѣ у меня не сохранилось неблагопріятныхъ впечатлѣній. Случалось, цензоръ зачеркнетъ два-три слова, иногда цѣлую фразу. Помню, однажды, цензорское перо наложило красный крестъ на всю мою статью, уничтожило ее цѣликомъ; но старичекъ-цензоръ тутъ-же поинтересовался узнать кто авторъ и, удовлетворивъ свое любопытство, черезъ посредство редактора, просилъ мнѣ передать свое извиненіе. „Очень хорошо, мнѣ очень жаль, прибавилъ онъ,—но что-же дѣлать—нельзя". Вообще отношенія были довольно благодушныя и не разъ случалось, что цензоръ, редакторъ и авторъ совокупно ломали голову, какъ-бы такъ выразить и закутать въ такія неуловимыя формы вѣрную мысль или полезный совѣтъ, чтобы не пропала статья, чтобы извѣстное явленіе не было обойдено молчаніемъ, но чтобы не вышло и какого-нибудь „недоразумѣнія" или „нахлобучки" со стороны мѣстной администраціи или изъ Петербурга.

Перебравшись въ столичную печать и связавъ съ тѣхъ поръ съ нею свою личную судьбу самыми тѣсными, неразрывными узами, я надѣялся, что тутъ-то и откроется широкое поле для независимаго литературнаго труда. Мнѣ казалось, что это все равно, что моряку выбраться въ открытое

море, или выброшенной на берегъ рыбѣ снова очутиться въ родной стихіи. Самое названіе „столичная печать"—означало „свободу" и самостоятельность, говорило объ избавленіи мысли и слова отъ цензурныхъ пеленокъ, отъ унизительной и раздражающей опеки надъ человѣческимъ умомъ и творчествомъ. Оказалось, однако, что „столичная свобода" печати не болѣе какъ плохо намалеванная, далеко не блестящая, скоро продырявившаяся и обезцвѣтившаяся декорація. Цензура царила надъ этой печатью не только во всей мертвящей силѣ, но въ измѣненной своей оболочкѣ создала надъ умственною жизнью и словомъ новый, гораздо болѣе опасный для литературы гнетъ. Это былъ гнетъ редакторскаго и издательскаго страха, это гнетъ излишней осторожности, разсчета, усердія и податливости. Съ предварительною цензурою *боролись*; изобрѣтенную-же въ столицахъ „свободу" уступали, съуживали и спускали по такой наклонной плоскости, что приходилось сомнѣваться въ человѣческомъ разумѣ и приравнивать къ донкихотству простой гражданскій долгъ и обыденное самоуваженіе. Нѣкоторые черезчуръ пугливые издатели превосходили самую опасливую цензуру, являлись бо̀льшими цензорами, нежели сама цензура. Во время предварительной цензуры, я не видѣлъ, чтобы редакторамъ и авторамъ приходилось ломать свои убѣжденія, извращать свое нравственное и умственное *я*. Подъ цензурой могли вычеркнуть фразу, запретить всю статью, книгу, нумеръ газеты, но мы оставались тѣмъ, чѣмъ были, насъ ничто не заставляло склоняться сегодня передъ администраторомъ, завтра—передъ публикою. Мы постоянно были въ *наступательномъ* положеніи относительно цензуры и подъ этимъ напоромъ случалось, что она уступала сегодня то, что считала недозволеннымъ вчера. Въ „свободной"-же печати происходило совершенно обратное явленіе. Мы вынуждались собственноручно налагать оковы на свою „свободу", на свою мысль, на свое творческое вдохновеніе...

Насколько интересы издателей, редакторовъ и сотрудниковъ были общи по отношенію къ предварительной цензурѣ, настолько они разъединились, разбились на личные и частные во время этой мнимой „столичной свободы". Прежде, если не всѣ, то главнѣшіе изъ этихъ интересовъ тянули въ пользу независимой мысли и убѣжденнаго печатнаго слова; теперь, наоборотъ, большинство „дѣятелей печати" выдавало одинокихъ борцовъ за права печати, ставило ихъ въ исклю-

чительное положеніе, подвертывало подъ удары, которые тѣмъ болѣе получали оправданіе, чѣмъ сговорчивѣе, изворотливѣе становился общій тонъ журналистики. Среди свободныхъ и независимыхъ людей самое рѣзкое слово и самая смѣлая, допустимъ, даже невѣрная, мысль проходитъ безбоязненно; но въ средѣ людей, придавленныхъ административнымъ гнетомъ, даже нѣсколько возвышенный тонъ и убѣжденный голосъ кажутся чѣмъ-то опаснымъ, тревожнымъ.

Въ началѣ 1876 г., все это не было, однако, для меня такъ ясно, какъ теперь. Правда, циркуляры графа К. И. Палена и графа Д. А. Толстаго обвиняли въ неблагонадежности даже родителей, вносили разладъ въ семью и приглашали казенныхъ учителей и прокуроровъ взять на себя родительскія обязанности, но подобныя заблужденія и колебанія „семейныхъ основъ“ печать имѣла возможность тогда-же смягчить и ввести въ должныя границы. Точно также не осталось безъ должнаго разъясненія и извѣстное дѣло съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, которыя изъ академическаго изданія, въ нарушеніе вѣковой традиціи, были обращены въ оброчную статью министерства народнаго просвѣщенія. Интрига, лежавшая въ основѣ этого дѣла, скоро вышла наружу и привела къ тому, что старѣйшее русское изданіе поступило въ ликвидацію вмѣстѣ съ лошадьми и прочимъ хламомъ неудачно спекулировавшей банкирской конторы. Какъ ни неблагопріятны были эти признаки, но ничто не предвѣщало, что для русской печати могутъ наступить гораздо худшія условія и болѣе тягостныя времена. Напротивъ, имѣлись основанія къ болѣе радужнымъ и успокоительнымъ надеждамъ. Въ началѣ 1876 г. разгорѣлось уже то „славянское движеніе“, которое скромно началось въ августѣ 1875 г., съ денежнаго сбора въ пользу босняковъ и герцеговинцевъ. Многіе были увѣрены, что вниманіе къ ужасамъ турецкаго гнета, къ невыгоднымъ послѣдствіямъ турецкаго управленія и искреннее увлеченіе идеей освобожденія балканскихъ славянъ, соболѣзновеніе къ ихъ страданіямъ и помощь въ ихъ борьбѣ—окажутъ благопріятное вліяніе...... Какъ нарочно, къ этому же времени умеръ М. Н. Лонгиновъ, и на мѣсто начальника главнаго управленія по дѣламъ печати былъ назначенъ В. В. Григорьевъ. Правда, одна газета, въ видѣ напутственнаго слова новому начальнику, объявила, что главнѣйшая заслуга покойнаго М. Н. Лонгинова заключалась въ томъ, что онъ энергически преслѣдовалъ „разбойниковъ пера и

мошенниковъ печати", но независимые, честные, убѣжденные писатели вздохнули свободнѣе, узнавъ объ этой смѣнѣ. Извѣстно, что въ теченіи трехъ лѣтъ, благодаря М. Н. Лонгинову, не появлялось ни одной новой газеты, ни одного новаго журнала. Мнѣ лично случилось имѣтъ довольно характерное объясненіе съ Лонгиновымъ по этому поводу.

Это было еще въ началѣ его поприща по обузданію и пресѣченію русской умственной жизни.

Я пришелъ, чтобъ узнать о судьбѣ одного издательскаго предположенія. Меня заставили нѣсколько пообождать. Затѣмъ растворилась дверь изъ „кабинета", и ко мнѣ выбѣжалъ черномазый, коренастый человѣкъ, съ быстрыми, развязными манерами и въ какомъ-то юношескомъ пиджакѣ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ такимъ тономъ, какимъ говоритъ человѣкъ, привыкшій быть вѣжливымъ только передъ начальствомъ и желающій сразу внушить, что разговаривать „со всякимъ" онъ не намѣренъ.

Получивъ желаемое объясненіе, Лонгиновъ прервалъ его не менѣе короткимъ и рѣзкимъ „нельзя" и повернулся, чтобъ скрыться въ своемъ „кабинетѣ". Меня взорвала эта чиновничья безцеремонность въ обращеніи съ просителями и людьми, во всякомъ случаѣ привыкшими къ порядочному обществу. Не помню теперь, какимъ путемъ, но я удержалъ Лонгинова въ пріемной и побудилъ его дать объясненіе отказу. Тогда между нами произошелъ, приблизительно, слѣдующій разговоръ:

— Общія или частныя причины служатъ къ отказу?

— Общія, въ частности противъ просителя ничего не имѣется.

— Но чѣмъ-же мотивируются эти общія причины? Вѣдь по закону о печати каждому не возбранено предпринимать новое изданіе, лишь-бы не было отрицательныхъ препятствій?

— Дозволеніе принадлежитъ министру... Министръ приказалъ никому не разрѣшать.

— Но вѣдь это уничтоженіе закона, ограниченіе правъ...

— Это ужь какъ вамъ угодно!... Можете жаловаться въ Сенатъ... Не вы одни, вотъ ихъ тутъ цѣлая куча подобныхъ прошеній... Даже московскому генералъ-губернатору отказано, хотя онъ усиленно ходатайствовалъ въ пользу одного лица... Это общее теперь правило, обижаться нечего.

— Сколько я понимаю, эта мѣра означаетъ общее недовольство печатью... Но какъ-же, въ такомъ случаѣ, объяснить, что существующія изданія обращаются въ концессію, въ монополію?... Эта мѣра закрѣпощаетъ читателей за тѣми изданіями, которыми вы сами недовольны!

— И такъ ихъ расплодилось много... Намъ читать, услѣдить за ними даже невозможно!...

— Въ такомъ случаѣ назначьте новаго чиновника. За что-же должна отвѣчать и закрѣпощаться читающая публика?

— Это ужь вы подите объясниться съ министромъ, если ему угодно будетъ дать вамъ отчетъ въ правительственныхъ распоряженіяхъ!...

На этомъ разговоръ нашъ кончился, и это было первое и послѣднее мое свиданіе съ М. Н. Лонгиновымъ. Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ трехъ лѣтъ, онъ былъ вѣренъ своей системѣ. Новыя изданія не разрѣшались, и этимъ объясняется, что образовалась своего рода торговля неосуществившимися или неудавшимися изданіями. Общее издательское право обратилось въ концессіонное, въ привиллегію.

Въ декабрѣ 1875 года, вскорѣ послѣ смерти М. Н. Лонгинова, попривыкшій уже къ этой „системѣ" литературный міръ пораженъ былъ вдругъ пріятною неожиданностью: въ газетахъ появилось объявленіе объ изданіи съ 1876 года въ Петербургѣ новой газеты. Честь сломленія „лонгиновой системы" выпала на долю издающейся на нѣмецкомъ языкѣ газеты „St.-Petersburger Herold". Первоначально, по поводу прошенія издателей, изъ Главнаго управленія по дѣламъ печати послѣдовалъ стереотипный, хорошо знакомый многимъ, отвѣтъ: „на ходатайство просителей г. министръ не соизволилъ". Но, видно, нѣмцы несговорчивѣе насъ, русскихъ, и болѣе привыкли къ защитѣ своихъ правъ. Они не удовольствовались отказомъ и отправились къ министру. Тогда обнаружился, какъ передавали, слѣдующій курьезъ: три года Главное управленіе по дѣламъ печати, именемъ министра, отказывало по всѣмъ просьбамъ о новыхъ изданіяхъ, даже не безпокоясь докладывать ему объ этомъ. Три года умственная жизнь Россіи вгонялась въ произвольныя, обращенныя въ монополію и привиллегію, рамки, а глава министерства даже и не подозрѣвалъ, что его властью чинится подобное насиліе и стѣсненіе правъ, обезпеченныхъ закономъ за каждымъ образованнымъ, незаподозрѣннымъ и неопороченнымъ человѣкомъ. Оказалось, что М. Н. Лонгинову, еще въ началѣ

его „поприща“, удалось провести свою „систему“ въ формѣ какого-то „общаго доклада“, о которомъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ забылъ вскорѣ и думать. Во всякомъ случаѣ, редакція „St.-Petersburger Herold“ добилась разрѣшенія, не смотря на этотъ „общій докладъ“, и съ тѣхъ поръ предать его забвенію возможно было уже и журнальному міру. Вскорѣ потомъ, при В. В. Григорьевѣ, стали возникать другія новыя изданія. Въ числѣ ихъ первое мѣсто принадлежало „Дневнику писателя“ Ѳ. М. Достоевскаго. Наконецъ, стало извѣстно, что А. С. Суворину, въ компаніи съ В. И. Лихачевымъ, разрѣшено пріобрѣсти и издавать газету „Новое Время“.

Все это, какъ сказано уже, предвѣщало тогда благопріятный поворотъ для нашей внутренней жизни и для связанныхъ съ нею судебъ печати. Меня особенно привлекалъ примѣръ Ѳ. М. Достоевскаго, и я приступилъ къ осуществленію свой завѣтной мечты. Съ В. В. Григорьевымъ я былъ немного знакомъ. Никто даже не могъ тогда и подозрѣвать, что при немъ общее положеніе печати дойдетъ до такихъ невзгодъ, до такого паденія, что даже тяжелыя времена М. Н. Лонгинова будутъ казаться „красными днями“...

Какъ-бы то ни было, въ январѣ 1876 г., исполненный надеждъ, я очутился въ кабинетѣ В. В. Григорьева, въ томъже Главномъ управленіи по дѣламъ печати. Онъ принялъ меня любезно и словохоотливо. Желаніе мое онъ выслушалъ терпѣливо, какъ человѣкъ ученый и любознательный, привыкшій читать и имѣть дѣло со всякими „фантазіями“. Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько любимыхъ своихъ фразъ о самонадѣянности петербургскихъ журналистовъ, о безпочвенности ихъ и незнаніи дѣйствительности; но охотно согласился, когда я замѣтилъ ему, что при нынѣшнихъ государственныхъ и общественныхъ условіяхъ никто не можетъ ручаться, что онъ стоитъ „на почвѣ“ и выражаетъ дѣйствительные интересы жизни. Въ концѣ концовъ, В. В. Григорьевъ просилъ дать ему время подумать, сообразить и приглядѣться къ моимъ статьямъ. Ровно черезъ мѣсяцъ, въ назначенный срокъ, я снова явился въ управленіе. Въ пріемной меня ожидало хорошее предзнаменованіе. Я встрѣтилъ г. Суворина. Его дѣло было уже рѣшено въ благопріятномъ смыслѣ. Я пожелалъ ему полнаго успѣха...

Когда я увидѣлся съ В. В. Григорьевымъ, мнѣ показалось, что онъ былъ захваченъ какъ-бы врасплохъ моей настойчи-

востью. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ обѣщалъ, однако, „поговорить съ министромъ“. Я не удовольствовался этимъ обѣщаніемъ. Я сказалъ, что очень хорошо знаю бюрократическіе пріемы и термины. Мнѣ нужно „предстательство“, а не докладъ, такъ какъ министру я неизвѣстенъ. В. В. Григорьевъ улыбнулся по поводу этой прозорливости и сталъ распространяться о томъ, что у него, В. В. Григорьева, „свой взглядъ на людей и на журналистовъ, въ частности. Всѣ ихъ выходки, все это „либеральничанье“ хороши, пока отвѣчаютъ чужая газета, чужой карманъ. Личный интересъ приводитъ къ благоразумію и сдержанности. Вотъ „бѣдный N. N. пострадалъ черезъ своихъ сотрудниковъ“, а онъ, В. В. Григорьевъ, вполнѣ увѣренъ, что каждый изъ нихъ, неукротимость которыхъ главнымъ образомъ ставилась въ вину N. N. (Григорьевъ назвалъ быв. редактора газеты), остепенится и совсѣмъ иначе поведетъ себя въ своей газетѣ. „Своя-то рубашка ближе къ тѣлу“.

Меня удивилъ этотъ циничный взглядъ на журналистовъ; но я не могъ не сознавать, что извѣстный издательскій страхъ и уступчивость давали В. В. Григорьеву поводъ къ подобной практической философіи. Подъ вліяніемъ горячаго желанія достигнуть излюбленной цѣли, человѣкъ не обращаетъ должнаго вниманія на преграды и неудобства; онѣ кажутся ему несущественными и одолимыми. Такъ и я не придалъ особаго значенія означенной философіи. Мнѣ показалась она просто въ видѣ доброжелательнаго предостереженія. Я отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія издатель и редакторъ ближе заинтересованы въ существованіи изданія и расположены къ бо̀льшей осторожности, но и сотрудникамъ не чужды тѣ-же интересы. Во всякомъ случаѣ, съ полною искренностью, я увѣрилъ В. В. Григорьева, что мое изданіе будетъ въ предѣлахъ закона и правительственныхъ распоряженій, тѣмъ болѣе, что борьба слишкомъ не равна и во власти Главнаго управленія находится столько могущественныхъ средствъ къ обузданію и покаранію строптивыхъ. Замѣтивъ, что эти обузданія не такъ легки, какъ кажется, В. В. Григорьевъ, въ концѣ концовъ, обѣщалъ мнѣ свое „предстательство“ предъ министромъ, а не простой докладъ. Дѣйствительно, въ мартѣ 1876 г., я получилъ желаемое разрѣшеніе на изданіе еженедѣльной, политической и литературной газеты „Русское Обозрѣніе“.

II.

Я желалъ начать изданіе съ осени; но разгорѣвшаяся въ Сербіи война и живое участіе русскаго общества къ ней побудили измѣнить первоначальное предположеніе. Первый нумеръ „Русскаго Обозрѣнія“ вышелъ 11-го іюля 1876 года. До конца августа, въ теченіе семи недѣль, все обстояло благополучно, разумѣя цензурныя условія... За этотъ короткій промежутокъ времени, нельзя не отмѣтить, однако, того явленія, которое должно быть знакомо многимъ изданіямъ, но которое недостаточно взвѣшивается. Между тѣмъ, оно служитъ къ характеристикѣ журнальной среды и съ новою силою свидѣтельствуетъ, какъ тяжело обставлена у насъ идейная борьба и насколько нынѣшнія условія печати не благопріятствуютъ сплоченію и взаимопомощи даже въ дѣлахъ и случаяхъ несомнѣнно общаго интереса . . . .

. . . .

„Русское Обозрѣніе“ испытало всю безотрадность этихъ условій, во все время своего существованія. Ни разу въ журналистикѣ оно не встрѣтило поддержки, когда эта нравственная помощь была крайне необходима не только въ интересахъ изданія, но въ интересахъ всей печати и общества. Газету *обходили молчаніемъ* одни, въ то время, когда градъ насмѣшекъ, площадной брани и искаженій сыпался со стороны другихъ изданій, составлявшихъ большинство журнальнаго міра. Чувство одинокости, безнадежности, незаслуженной обиды, явной несправедливости не разъ овладѣвало редакціей. Какъ возмущается желчь и безсильно опускаются руки, какой запасъ энергіи и вѣры въ добро необходимо имѣть, среди равнодушія и безъучастія тѣхъ, сочувствіе и нравственное одобреніе которыхъ особенно дорого среди злобы и несправедливости враждебнаго лагеря! При такихъ условіяхъ, небольшому, матеріально-небогатому, начинающему изданію, основанному литературными труженниками, почти нѣтъ возможности пробиться, сдѣлаться даже извѣстнымъ обществу, въ интересахъ котораго оно выходитъ на борьбу . . . .

. . . .

Одинокому, предоставленному своимъ собственнымъ силамъ, новому изданію оставалось на долю только горькое сознаніе, что ему не найти ни друзей, ни поддержки въ раз-

розненныхъ рядахъ печити. Содѣйствія однихъ оно не въ состояніи было пріобрѣсти, другіе привыкли болѣе обращать вниманіе на враговъ, нежели на друзей, третьи считали невыгоднымъ (въ издательскихъ интересахъ) вниманіе къ своему собрату, четвертые находили это неудобнымъ въ виду цензурныхъ соображеній; всѣ же остальные считали и выгоднымъ, и удобнымъ противодѣйствовать ему, убивать его въ общественномъ мнѣніи, не говоря конечно о тѣхъ, которые по своимъ искреннимъ убѣжденіямъ, политическимъ и общественнымъ принципамъ, не могли быть въ союзѣ съ новымъ журналомъ и должны были враждовать съ нимъ. Спрашивается, развѣ все это нормальныя, желанныя явленія, развѣ такіе пріемы, обычаи и условія благопріятны для всей печати, для достоинства журналистики, для поддержанія честныхъ литературныхъ труженниковъ, для развитія литературныхъ направленій и освобожденія печати отъ издательской спекуляціи? Тѣмъ не менѣе, и съ этими неблагопріятными условіями можно было-бы бороться, надъ ними можно было-бы торжествовать и они сами, вѣроятно, измѣнились-бы къ лучшему, еслибъ на помощь имъ и во вредъ истиннымъ интересамъ литературы не являлись стороннія обстоятельства. Исторія „Русскаго Обозрѣнія" представляетъ тому лучшій, поучительный и ободряющій примѣръ.

Журналъ этотъ не только успѣлъ стать на ноги, пробиться сквозь общественное равнодушіе и невѣдѣніе, онъ не только вправѣ гордиться нравственнымъ успѣхомъ, пріобрѣтеннымъ въ сравнительно короткое время, но, какъ будетъ показано ниже, „Русское Обозрѣніе" успѣло достигнуть такого матеріальнаго положенія, что могло-бы оплачивать всѣ издержки изданія и служить самостоятельно опорою литературнаго труда. Но тутъ-то и явились тѣ обстоятельства, которыя мы привыкли называть „независящими". По счастью, ихъ открыто называютъ теперь—нынѣшними законами и условіями печати. На нихъ обращено уже должное вниманіе и, можетъ быть, при дружномъ содѣйствіи всей журналистики, при помощи подобныхъ разоблаченій, онѣ измѣнятся къ лучшему, не будутъ стоять на дорогѣ умственной жизни, не станутъ подрывать независимое, убѣжденное печатное слово. (Розовыя надежды эти выражались въ 1880 году, во время извѣстныхъ „вѣяній" и „диктатуры сердца").

III.

Первое предостереженіе „Русское Обозрѣніе“ получило 24-го августа 1876 г., на сорокъ пятый день послѣ своего рожденія. Самъ инспекторъ типографій почтилъ редакцію своимъ визитомъ, выразилъ чувство своего соболѣзнованія, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ относительно „непріятной обязанности“, вручилъ бумагу, заставилъ расписаться и уѣхалъ.

Я охотно повѣрилъ „непріятной обязанности“ г. инспектора, но еще болѣе почувствовалъ непріятность положенія тѣхъ, которые предостерегались. Читая прекрасно написанную бумагу, видя въ ней ссылки на законъ, на какія-то статьи, и заключеніе, во всемъ согласное съ основаннымъ на нихъ „распоряженіемъ“, я находился въ положеніи человѣка, внезапно оторваннаго отъ работы, отъ своихъ мыслей и разсчетовъ и очутившагося, нежданно, передъ судилищемъ, изрекающимъ велѣнія рока. Мало того, что человѣка невѣдомо за что потянули къ суду, но уже и судили, и наказали, не потрудившись даже объявить, въ чемъ заключалась его вина, нисколько не признавая даже, что у него могутъ найтись какія нибудь оправданія; недостаточно того, что писатель чувствуетъ, что какая-то невѣдомая рука налегаетъ на его мозгъ, толкаетъ и тащитъ его, но остается неизвѣстнымъ даже, куда и почему производится это „давленіе“...

Распоряженіе было на этотъ счетъ очень лаконично. Оно просто указывало, что первое предостереженіе дано за фельетонъ въ №7-мъ газеты „Русское Обозрѣніе“. Въ этомъ фельетонѣ, какъ и въ большинствѣ, говорилось не объ одномъ предметѣ. Если трудно, чтобъ составилось два совершенно одинаковыхъ мнѣнія объ одной и той-же статьѣ, посвященной одному цѣльному вопросу, если и въ этомъ случаѣ, даже при одинаковости вкусовъ и убѣжденій, одному придется по сердцу такое-то мѣсто, такое-то выраженіе, а другой найдетъ, что именно здѣсь-то и слѣдовало-бы выразиться иначе, яснѣе, осторожнѣе или, наконецъ, совсѣмъ даже промолчать,—то можно себѣ представить тѣ недоумѣнія, которыя являются по поводу предостереженія, даннаго за фельетонъ!

Причины административныхъ взысканій съ печати не только не объяснялись, но ихъ тщательно скрывали отъ

ближайше заинтересованныхъ лицъ—редакторовъ и издателей. Только нѣкоторымъ, въ особыхъ, благопріятныхъ случаяхъ, когда изданія пользовались расположеніемъ и взысканія вызывались со стороны, помимо „заключеній“ Главнаго управленія, удавалось проникать въ эти „элевзинскія таинства“. Вообще-же, это считалось празднымъ любопытствомъ и неумѣстнымъ притязаніемъ на проникновеніе въ бюрократическіе виды и соображенія. Подвергавшимся взысканіямъ предоставлялась свобода предостерегаться вообще и опасаться всего. Прежде бывало, по примѣру бонапартистскихъ „considerant“, въ текстъ предостереженій вставлялось—„принимая въ соображеніе“ и объяснялись мотивы взысканія. Редакторъ, а съ нимъ и публика узнавали, напримѣръ, что въ статьѣ, говорящей о разъединенности земствъ и о пользѣ земскихъ съѣздовъ, усматривается явное порицаніе существующему порядку и прямое стремленіе къ измѣненію установленнаго образа правленія. (Такое предостереженіе получено было, однажды, прежними „С.-Петербургскими Вѣдомостями“). Хотя отъ заинтересованныхъ взоровъ и въ этихъ случаяхъ скрывались тѣ логическіе пути и головоломныя соображенія, при помощи которыхъ получались подобныя заключенія, но редакторъ узнавалъ, по крайней мѣрѣ, что о земскихъ съѣздахъ говорить не слѣдуетъ и о другихъ съѣздахъ надлежитъ выражаться „осторожно“. Точно также и публика могла изъ этого понять, что газеты недаромъ помалчиваютъ о той или другой потребности, что тутъ кроется что-то опасное, подрывчатое... „Мотивы“ все таки обязывали нѣсколько, соблюдали видъ причинности, приглашали хотя къ послѣдовательности и нѣкоторому безпристрастію. При нихъ нельзя было, по крайней мѣрѣ, давать предостереженія безъ всякаго повода... Все это сдѣлалось возможнымъ, когда всякія церемоніи были отброшены и взысканія стали налагаться безъ всякихъ объясненій. „Преобразованіе“ это совершилось во времена М. Н. Лонгинова, безъ измѣненія закона, административнымъ путемъ, и съ тѣхъ поръ долго покоилось на „незыблемыхъ основахъ“, не въ примѣръ прочимъ реформамъ, не смотря на смѣну лицъ, вѣяній и эръ.

Первое предостереженіе я перенесъ стоически, съ восточною покорностью судьбѣ. Я перечелъ провинившійся фельетонъ, желая отыскать преступленіе и исправиться. Тамъ говорилось о пріѣздѣ Бразильскаго императора, выражалось, сочувствіе его нежеланію пользоваться оффиціальнымъ прі-

емомъ, но вмѣстѣ иронически указывалось, что въ этомъ нежеланіи кроется для насъ опасность. Оставаясь частнымъ путешественникомъ, Донъ-Педро усмотритъ, пожалуй, у насъ такія вещи, которыя всякая опытная хозяйка любитъ припрятать отъ глазъ гостя. Онъ узнаетъ, чего добраго, что посѣщенные имъ университеты висятъ на волоскѣ, въ виду Любимовскихъ проектовъ, и что за показанными школами скрываются сотни дѣтей, не имѣющихъ доступа къ образованію даже въ столицѣ. Все это была совершенная правда и заслуживала, казалось-бы, вниманія, а не наказанія тѣхъ, кто не довольствовался блестящими декораціями нашего школьнаго дѣла на разныхъ выставкахъ и въ музеяхъ. Далѣе, упоминалось о пріостановкѣ, постигшей „Русскій Міръ“, указывалось, что взысканіе это привлекло вниманіе публики къ инкриминированной статьѣ, которая прошла было безслѣдно, и что сотрудники пріостановленнаго изданія остались безъ заработка; при этомъ сообщено было о печальной участи одного молодого человѣка, который, послѣ долгихъ поисковъ, только за нѣсколько дней передъ тѣмъ, получилъ въ этой редакціи занятія. Опять, все это были факты и хотя разсужденія клонились къ неодобренію распоряженія и самой системы административныхъ взысканій съ печати, но вѣдь это было ея право, обезпеченное закономъ, по отношенію ко всѣмъ административнымъ дѣйствіямъ. Наконецъ, въ заключеніе фельетона говорилось о журналистикѣ, именно объ ея разъединенности и равнодушіи къ своимъ интересамъ. Въ этомъ случаѣ тоже, казалось-бы, не изъ-за чего было цензурѣ безпокоиться и предостерегать. Словомъ, если читатели угадаютъ, за что̀ дано это предостереженіе, если они согласятся, что во всемъ этомъ было что-то опасное, какое нибудь „лжеученіе“, какая-нибудь „вредная идея“, если они признаютъ, что они не читали и сами не думали тысячу разъ на подобныя-же темы и въ такомъ-же родѣ,—то они будутъ очень счастливы. Мнѣ-же и до сихъ поръ приходится только удивляться и недоумѣвать.

Тутъ, кстати, привести новый примѣръ, какъ легко налагались на печать разныя тягости. Можно сказать, что только лѣнивый не заносилъ своего копыта на эту пресловутую „свободу мысли и обсужденія“; удары эти наносились, конечно, безъ всякихъ справокъ съ закономъ. Печать-же съ покорностью выносила урѣзки своихъ правъ... Ни жалобы, ни даже

однороднаго ходатайства нельзя было добиться со стороны тѣхъ, кто ежедневно поучалъ публику въ правосознаніи...

Съ первыхъ-же недѣль изданія „Русскаго Обозрѣнія“, редакціи пришлось убѣдиться, что въ Петербургѣ заведены были какія-то особыя, крайне невыгодныя для газетъ и для читателей правила розничной продажи нумеровъ. Все это дѣло было отдано въ руки семи или восьми кулаковъ, избранныхъ типографскимъ надзоромъ и утвержденныхъ тогдашнимъ петербургскимъ градоначальствомъ. Этимъ кулакамъ, однимъ почеркомъ пера, закабалены были интересы публики, изданій и, наконецъ, дѣйствительныхъ продавцевъ газетъ. Изъ свободнаго труда и заработка, правила создали монополію, такую-же концессіонную систему, какую М. Н. Лонгиновъ изобрѣлъ для самихъ изданій. Нѣсколько десятковъ тысячъ рублей попадали въ руки этихъ семи или восьми избранныхъ концессіонеровъ, безъ всякаго съ ихъ стороны риска и труда. Помимо ихъ воли и согласія, нельзя было купить или продать ни одного нумера газеты или журнала на улицахъ Петербурга и въ окрестностяхъ. Свои громадные барыши они тянули, съ кого Богъ пошлетъ: то съ редакцій, то съ продавцевъ газетъ, то съ публики, смотря по обстоятельствамъ. Отъ этихъ кулаковъ до извѣстной степени зависѣло пустить въ ходъ газету, или стѣснить ея распространеніе. Они требовали, напримѣръ, такихъ уступокъ, что отдѣльная продажа нумеровъ становилась убыточной и потому невозможной. Такъ какъ благополучіе этихъ кулаковъ находилось въ полномъ распоряженіи градоначальства, потому что отъ послѣдняго зависѣло отнять это монопольное право и связанные съ нимъ барыши отъ Евлампьева и передать Семенову,—то и для градоначальства, такимъ образомъ, получалась возможность оказывать давленіе на столичную печать Испытавъ на себѣ всѣ невыгоды этихъ правилъ. получивъ отъ читателей нѣсколько заявленій по этому поводу, „Русское Обозрѣніе не замедлило выступить печатно противъ этой монополіи, этой своего рода „откупной системы“. По наведеннымъ справкамъ, оказалось, что правила эти созданы произвольно, усмотрѣніемъ градоначальства, вопреки закону, подъ предлогомъ удобства надзора. Дѣйствительно, было *удобно*, но не всякое удобство полиціи согласуется съ правомъ и можетъ быть навязываемо публикѣ. Полиціи, напримѣръ, очень удобно было-бы, для соблюденія наружной тишины и порядка, запереть всѣхъ жителей въ домахъ, не выпускать никого на улицы

или выслать въ отдаленныя мѣста всѣхъ сомнительныхъ. Тогда, пожалуй, и однимъ городовымъ на весь Петербургъ можно было-бы ограничиться; но такія полицейскія удобства находятся въ полномъ противорѣчіи съ потребностями населенія и государства и нигдѣ не могутъ быть терпимы. Между тѣмъ, подобное удобство создало для себя петербургское градоначальство въ указанномъ случаѣ. Вмѣсто того, чтобъ надзирать за 100—200 продавцами газетъ, оно предоставило это дѣло только семи или восьми лицамъ, которыя очутились хозяевами дѣла, а дѣйствительные торговцы попали къ нимъ въ кабалу, въ батраки, вмѣстѣ съ изданіями и интересами публики. Въ законѣ сказано, что уличная продажа газетъ, журналовъ и книгъ разрѣшается градоначальникомъ. Истинный смыслъ закона тотъ, что это свободный трудъ и пользованіе имъ предоставлено каждому, кому это не будетъ запрещено градоначальствомъ. Правила-же, созданныя административнымъ порядкомъ, вывернули этотъ законъ наизнанку: на основаніи ихъ, торговля эта никому не разрѣшалась, за исключеніемъ нѣсколькихъ произвольно избранныхъ лицъ; свободный трудъ сданъ былъ на откупъ, обращенъ былъ въ привиллегію. Другими словами, въ этомъ случаѣ повторилось то же самое, что и съ издательскимъ правомъ, которое въ теченіе трехъ лѣтъ, по благоусмотрѣнію М. Н. Лонгинова, обращено было въ концессію.

„Русское Обозрѣніе“ все это разъяснило и печатно пригрозило даже жалобою въ сенатъ на подобное безцеремонное обращеніе съ закономъ и правомъ. Безъ сомнѣнія, ни одинъ голосъ не раздался въ журналистикѣ для поддержки этого справедливаго протеста, удача котораго могла ограничить произвольныя нарушенія интересовъ общества и частныхъ лицъ въ другихъ, болѣе важныхъ случаяхъ; но за то редакція вскорѣ имѣла удовольствіе принимать у себя депутацію отъ торговцевъ газетъ и нѣсколькихъ лицъ, которымъ упорно отказывали прежде въ разрѣшеніи и грозили даже высылкою за повтореніе этихъ домогательствъ. Всѣмъ имъ, совершенно неожиданно, разрѣшеніе было выдано. Незаконно созданная монополія была сломлена. Изъ того, что этого такъ легко было добиться, можно заключить, что тогдашній градоначальникъ и не подозрѣвалъ даже истиннаго значенія подсунутыхъ ему „правилъ“ и того произвола, который чинился подъ ихъ покровомъ. А между тѣмъ, порядокъ этотъ очень долго практиковался и печать молча ему подчинялась!

Первый шагъ только труденъ. За первымъ предостереженіемъ, 16 ноября 1876 г. послѣдовало и второе. Виновнымъ оказался опять фельетонъ, появившійся въ № 18; но на этотъ разъ къ нему была пристегнута еще статья подъ заглавіемъ: „Разладъ жизни съ успѣхами науки и послѣдствія такого разлада“. Передавать содержаніе этихъ статей и разгадывать, что въ нихъ не цензурнаго, было-бы излишне. Истинная причина кары разъяснилась, какъ читатели увидятъ, болѣе прямымъ путемъ. Ограничусь лишь, курьеза ради, указаніемъ, что та самая статья, которая такъ не понравилась цензурѣ, не пришлась по вкусу и какому-то „либеральному кружку“. По крайней мѣрѣ, въ редакціи было получено безъименное заявленіе въ этомъ смыслѣ, съ указаніемъ, что по поводу этой статьи № 18 газеты былъ „изорванъ въ клочки“. Такого „либеральнаго“ отношенія къ чужому мнѣнію редакція не могла, конечно, оставить безъ вниманія. Все неприличіе подобныхъ „либеральныхъ манипуляцій“ было указано въ № 19 „Русскаго Обозрѣнія“, а въ слѣдующемъ выпускѣ пришлось напечатать распоряженіе о второмъ предостереженіи за ту-же самую (№ 18) статью. Такимъ образомъ выходило, что или либеральныя руки рвали ту статью, за которую газета подверглась взысканію, или административная кара преслѣдовала то, что не согласовалось со вкусами таинственнаго либеральнаго кружка. Въ обоихъ случаяхъ выходило явное противорѣчіе. Оба предостереженія, какъ либеральное, такъ и охранительное, свидѣтельствовали лишь объ одинаковой нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ.... Слѣдуетъ замѣтить, кстати, что неоднократно случалось, что тѣ самыя статьи, которыя появлялись въ „свободной“ столичной печати и вызывали строгія административныя взысканія, очень благополучно перепечатывались въ провинціальныхъ изданіяхъ, съ разрѣшенія подчиненныхъ Главному управленію по дѣламъ печати цензоровъ.

Въ исторіи „Русскаго Обозрѣнія“ такіе курьезы повторялись неоднократно, при чемъ провинціальной перепечатки удостоивались, конечно, самыя выдающіяся мѣста инкриминированныхъ статей. Можетъ быть провинціальные цензора и получали потомъ должныя внушенія за обнаруженіе подобной непрозорливости; но фактъ остается фактомъ: отъ свободной столичной печати требовалось, чтобъ она была осторожнѣе, воздержаннѣе и цензурнѣе самихъ цензоровъ!...

Дать газетѣ или журналу второе предостереженіе—это

все равно, что привязать человѣка къ бочкѣ съ порохомъ. Второе предостереженіе—это постоянно висящій надъ изданіемъ, надъ редакціей и сотрудниками дамокловъ мечъ. Послѣ второго предостереженія, никогда нельзя быть покойнымъ, невозможно дѣлать никакихъ разсчетовъ, нельзя быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. Издатель долженъ ежеминутно ожидать, что раздавшійся у его двери звонокъ возвѣщаетъ, что онъ приговоренъ таинственнымъ рокомъ къ громадному штрафу или обреченъ на полное раззореніе; сотрудники, пробудясь послѣ безсонной трудовой ночи, могутъ узнать пріятную новость, что ихъ работа пропала даромъ, что задуманныя ими статьи утратили всякое значеніе, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ имъ придется жить впроголодь и потомъ столько-же времени оправляться; типографія и весь связанный съ нею людъ точно также ежеминутно рискуютъ остаться безъ дѣла, безъ заработка... Вотъ что означаетъ второе предостереженіе, потому что за нимъ также легко можетъ послѣдовать и третье, съ неизбѣжною пріостановкою изданія на срокъ отъ двухъ и до шести мѣсяцевъ. Главное управленіе по дѣламъ печати очень хорошо знало, какія тяжелыя оковы налагало второе предостереженіе на журналистику и какая отсюда получалась „свобода" мнѣній и оглашеній. Въ тяжкія времена оно любило, поэтому, держать подъ этимъ гнетомъ всѣ сколько-нибудь независимыя изданія. Были примѣры, что въ такомъ шаткомъ, невыносимомъ положеніи журналы и газеты держались многіе годы. Можно представить, какого мытарства, какой заботливости, какихъ уступокъ и оглядокъ все это стоило такимъ издателямъ и ихъ сотрудникамъ. Нужно было выворачивать мысль, притворяться глухими и нѣмыми; все это осложнялось неисчислимыми умственными и нравственными терзаніями для сколько-нибудь добросовѣстныхъ изданій и журналистовъ... Легко теперь взвѣсить, какъ затемнялись истина, недостатки и потребности нащей жизни. Можно себѣ цредставить, чтó это былъ за „либерализмъ". Не трудно догадаться, какія услуги способенъ былъ оказывать и тотъ „консерватизмъ", который продиктованъ былъ опасеніемъ административныхъ каръ и соединенныхъ съ ними убытковъ. И все это было послѣдствіемъ предоставленія установленной закономъ свободы печати на произволъ административныхъ взысканій, все это зависѣло отъ какихъ-то вторыхъ и третьихъ предостереженій, появлявшихся нежданно-негаданно, безотчетно, изъ нѣдръ

управленія по дѣламъ печати, которое совершенно изолировано отъ дѣствительной жизни...

Получивъ 16 ноября 1876 года второе предостереженіе, такъ же неожиданно и непонятно, какъ и первое, я рѣшился, скрѣпя сердце, отправиться въ Главное управленіе по дѣламъ печати, чтобы попытаться узнать, наконецъ, что означали эти кары?

Смирившись духомъ и подготовивъ себя къ воспріятію всевозможныхъ внушеній и наставленій, тѣмъ болѣе, что я чувствовалъ себя нѣсколько обязаннымъ передъ В. В. Григорьевымъ (за его ходатайство о разрѣшеніи газеты), я снова очутился въ знакомомъ кабинетѣ. Передо мною былъ уже не прежній В. В. Григорьевъ, но возсѣдалъ вполнѣ освоившійся съ своею ролью и потому увѣренный въ себѣ и въ своей мощи блюститель благочинія въ русской мысли. Въ голосѣ его слышались раздражительныя нотки. Вмѣсто прямого отвѣта на мой вопросъ, Григорьевъ распространился о „господахъ журналистахъ", которые позволяютъ себѣ судить и рядить обо всемъ, осмѣливаются навязывать совѣты и мнѣнія правительству, а въ сущности говорятъ только пустяки и глупости, ровно ничего не вѣдая и не понимая. Я осмѣлился замѣтить на это, что „обсуждать дѣйствія" дозволяетъ законъ; если-же подъ выраженіемъ „обсужденіе" слѣдуетъ разумѣть только похвалы, то такое толкованіе составляетъ для всѣхъ еще новость и что во всякомъ случаѣ, во избѣжаніе недоразумѣній, необходимо, чтобъ оно было разъяснено закономъ-же. Что касается до неосновательности и даже глупости, то очень странно, что противъ глупости не выступаютъ основательность и умъ, а предпочитаются никого не убѣждающія и ничѣмъ не объяснимыя кары. Для умныхъ мнѣній всегда найдется мѣсто и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", и въ другихъ, частныхъ изданіяхъ, которымъ за эти услуги даже и платить не придется. Въ заключеніе, такъ какъ все это было „вообще", относилось ко всей журналистикѣ, я попросилъ категоричнѣе указать, въ чемъ именно заключались преступленія „Русскаго Обозрѣнія" противъ логики, знанія и истины? Тогда В. В. Григорьевъ еще болѣе раздраженно замѣтилъ, что оба предостереженія даны „за нахальный тонъ" газеты. Такимъ образомъ, отъ мнѣній, разума и истины, мы перешли уже на музыкальную почву. „Нахальное" опредѣленіе тона газеты истощило весь запасъ моего смиренномудрія. Я поспѣшилъ отвѣтить, что дѣйстви-

тельно „Русское Обозрѣніе" не говоритъ лакейскимъ языкомъ и услужливый тонъ не въ его природѣ; но едва-ли найдется и цензурное постановленіе, предоставляющее карать изданіе за то, что ему свойственны тотъ языкъ и тотъ тонъ, которые общи всѣмъ свободнымъ и уважающимъ себя людямъ. По крайней мѣрѣ, добавилъ я, можно поручиться, что во всѣхъ сужденіяхъ и логическихъ пріемахъ газеты не найдется даже и слова „нахальный". В. В. Григорьевъ, безъ сомнѣнія, понялъ сущность этой реплики, сдѣлалъ приличную случаю оговорку, смягчился и съ начальническаго тона перешелъ на болѣе благодушный.

Въ началѣ января 1877 г., „Русское Обозрѣніе" получило третье предостереженіе, съ пріостановкою изданія на два мѣсяца—до 12 марта 1877 г.

Эта тяжкая кара, послѣдовавшая въ горячее время подписки, объяснялась фельетономъ № 1 и передовою статьею № 2 газеты. Я не пробовалъ уже ѣздить за разъясненіями въ Главное управленіе по дѣламъ печати. Опытные журналисты говорили мнѣ, что тяжелое взысканіе постигло газету „за мрачныя краски". Дѣйствительно, и фельетонъ, и передовая статья были посвящены обычному обзору политической и общественной жизни за истекщій годъ. Свѣтлаго въ этой жизни было очень мало. Тогда назрѣвали тѣ бѣдствія, которыя теперь для всѣхъ стали ясными. Ихъ не желали замѣчать и предупредить еще болѣе гибельныя послѣдствія. Согласовалось-ли такое отношеніе къ жизни съ обязанностями независимой и „свободной" печати? По-неволѣ выходили „мрачныя краски"... Газета каралась за то, что не измѣняла публицистическому долгу. Кары эти не могли уловить ни одного дѣйствительнаго нарушенія цензурныхъ постановленій, общихъ законовъ или правительственныхъ распоряженій. Онѣ послѣдовали за „тонъ" и за „краски"—по части музыки и живописи.

IV.

„Русское Обозрѣніе" испытало всѣ невзгоды пріостановки изданія въ тотъ періодъ времени, когда болѣе практичныя редакціи не допускаютъ „никакого либерализма". По этой именно причинѣ, нашлись въ журнальной средѣ прозорливые люди, которые объясняли пріостановку газеты „выгодами" редакціи, неудачею подписки. Честный образъ дѣй-

ствій и вѣрность публицистическому долгу до такой степени были немыслимы, что казались многимъ чѣмъ-то въ родѣ самаго тонкаго плутовства. Въ глазахъ другихъ, по меньшей мѣрѣ, это было смѣшное донкихотство! Прозорливые люди, однако, обманулись.

Ровно въ назначенный срокъ, не запоздавъ ни однимъ днемъ, „Русское Обозрѣніе“ снова появилось.

Выпуская двойные нумера, газета могла просуществовать только до 17-го апрѣля 1877 года, включительно. Изъ шести выпусковъ, только одинъ ускользнулъ отъ кары. Предостереженія аккуратно слѣдовали черезъ нумеръ, но относились къ каждому изъ нихъ. Можно было думать, что каждый нумеръ заслуживалъ только половину предостереженія; но двѣ половины складывались въ какой-то таинственной лабораторіи и образовывали цѣлое, которое появлялось уже въ формѣ извѣстнаго „распоряженія“. Пропускъ одного нумера объясняется, надо полагать, тѣмъ, что онъ вышелъ на Свѣтлый праздникъ. Такимъ образомъ, одинъ день въ году, цензура прониклась (въ 1877 году) терпимостью и христіанскимъ всепрощеніемъ: въ этотъ день умолкъ ея всегдашній вопль „распни!“ Зато послѣдовавшее затѣмъ распоряженіе, объявившее газетѣ второе предостереженіе, не удовольствовалось однимъ этимъ взысканіемъ: одновременно была воспрещена и розничная продажа нумеровъ „Русскаго Обозрѣнія“. Необходимо замѣтить, что прерванная первою пріостановкою подписка побудила публику быть осторожной; „Русское Обозрѣніе“ расходилось, главнымъ образомъ, путемъ розничной продажи нумеровъ. Теперь, простымъ административнымъ распоряженіемъ, отымалось у изданія и это матеріальное подспорье, хотя отчасти исправлявшее несправедливость первой пріостановки. Необходимо замѣтить, что запрещеніе розничной продажи, въ іерархической лѣстницѣ взысканій, считается слабѣйшимъ и потому обыкновенно предшествуетъ предостереженіямъ. Оно, такъ сказать, предостерегаетъ отъ предостереженія. Газета получившая „запрещеніе розничной продажи“, удваиваетъ осторожность и всѣ издательскіе помыслы клонятся къ тому, чтобъ заслужить прощеніе. Съ разрѣшеніемъ розничной продажи, возвращается нѣкоторое спокойствіе и надежда, что гроза предостереженій миновала. Но „Русское Обозрѣніе“ не считали нужнымъ предохранять отъ предостереженій предварительнымъ запрещеніемъ розничной продажи. Зато, когда стало извѣстно, что розничная продажа нумеровъ

этого еженедѣльнаго изданія доходитъ до такихъ размѣровъ, о которыхъ только мечтаютъ многія ежедневныя газеты, то взысканіе это незамедлило явиться въ видѣ сверхсмѣтной добавки ко второму предостереженію. Едва-ли это не былъ единственный примѣръ одновременнаго примѣненія двухъ строгихъ каръ за одну и ту же вину. Но въ принципы тогдашней практики Главнаго Управленія по дѣламъ печати, еще со временъ дальновиднаго М. Н. Лонгинова, входило правило: „бей независимое слово рублемъ" и только особенно несговорчивыхъ валяй уже „дубьемъ". Эта практическая философія, хотя и противорѣчила „охранительнымъ" возгласамъ противъ разрушителей основъ и собственности, но относительно печати въ то время считалось, что всѣ средства хороши. Примѣненіе ея, къ сожалѣнію, находило оправданіе въ безпринципности, разъединенности и узкой разсчетливости большинства журналистики.

Останавливаясь на вопросѣ, что̀ вызывало такое систематическое преслѣдованіе „Русскаго Обозрѣнія", приходится опять теряться въ недоумѣніяхъ. Мы въ это время были наканунѣ войны. Теченіе тянуло насъ въ тотъ-же грозный потокъ, который нанесъ намъ столько ранъ и разрушеній въ 1853—1855 годахъ. Приходилось измѣнять убѣжденіямъ, вкоренившимся послѣ Крымской войны. Во всѣхъ инкриминированныхъ статьяхъ „Русское Обозрѣніе" старалось противодѣйствовать слишкомъ легкимъ разсчетамъ на успѣхъ и презрительнымъ отношеніямъ къ непріятелю. Изъ опасенія, чтобъ не повторились разочарованія Крымской войны, газета напоминала тогдашнія неурядицы, предостерегала отъ хищничества интендантства и подрядчиковъ. Она указывала на опасность новой европейской коалиціи, которую можно было-бы обезоружить лишь въ томъ случаѣ, если-бъ наше внутреннее положеніе отвѣчало тѣмъ высокимъ гуманнымъ идеямъ, которыя заявлялись въ дѣлѣ защиты славянскихъ народностей отъ турецкаго гнета. Газета выражала опасеніе, чтобы и неудача, и побѣды не были-бы одинаково невыгодны для Россіи. Прискорбныя послѣдствія неудачи сами по себѣ понятны; военный-же успѣхъ, хотя-бы и надъ такимъ слабымъ и раздираемымъ внутренними безпорядками врагомъ, какъ турки, могъ лишь отуманить наше сознаніе и усилить реакцію.

„Русское Обозрѣніе", со времени сербскихъ неудачъ, не разъ выставляло и старалось вкоренить въ общественномъ сознаніи убѣжденіе, что освободителемъ можетъ быть только

тотъ, кто самъ свободенъ отъ своего внутренняго зла, неправды и хищеній; а приходить въ негодованіе отъ внутреннихъ неурядицъ чужой жизни имѣютъ основаніе лишь тѣ, кто сознаетъ и исправляетъ собственное нестроеніе. Наши воинственные возгласы противъ турокъ слишкомъ напоминали легкомысленные крики парижской толпы: „въ Берлинъ, въ Берлинъ“, и нашу собственную самоувѣренность наканунѣ Крымской войны. Обязанностью трезвой печати было предостерегать отъ подобныхъ увлеченій, за которыя приходится расплачиваться горькими униженіями и разочарованіями.

Спрашивается, что-же тутъ было или могло быть противоправительственнаго или вреднаго? Если газета ошибалась, если предостереженія ея были излишней мнительностью, тѣмъ лучше. Само правительство заявляло о своемъ миролюбіи и приступало къ войнѣ съ тою осторожностью, которая дѣлаетъ ему честь. Предостереженія печати могли имѣть отношеніе только къ обществу, чтобъ умѣрить его пылъ и легкомысліе тѣхъ, которые разжигали воинственныя страсти и шутили такимъ страшнымъ, безчеловѣчнымъ дѣломъ, какъ война.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ извѣстно, значительнѣйшая часть опасеній, выраженныхъ въ „Русскомъ Обозрѣніи“, оправдалась на дѣлѣ. Если-бъ печати была предоставлена законная свобода, можетъ быть у насъ были-бы строже взвѣшены турецкія силы; гг. Грегеры и Горвицы, съ интендантствомъ во главѣ, не предоставили-бы продовольствіе арміи на произволъ случая, а всегда возможныя на войнѣ частныя неудачи не были-бы встрѣчены такъ растерянно; легкомысленный воинственный пылъ не смѣнился-бы такимъ унизительнымъ и трусливымъ разочарованіемъ, какъ это случилось послѣ плевненскихъ штурмовъ и снятія первой осады Карса. Наконецъ, какъ мы знаемъ теперь, и опасеніе, что самый успѣхъ войны не принесетъ пользы нашему внутреннему развитію, вполнѣ оправдалось. Не только общее положеніе наше въ 1878 и 1879 гг. значительно ухудшилось, но и самое сознаніе необходимости его улучшенія и преобразованій со всею силою возникло только въ началѣ 1880 года.

За что-же, повторяемъ, преслѣдовалось независимое слово въ печати. Кому и чему эти кары и стѣсненія умственной дѣятельности приносили пользу?

Само собою разумѣется, что всѣ указанныя опасенія выражались въ „Русскомъ Обозрѣніи“ до объявленія войны.

Какъ только послѣдовалъ Высочайшій манифестъ отъ 12 апрѣля 1877 года, газета поспѣшила присоединиться ко всей печати съ пожеланіями полнаго успѣха нашей арміи. Чаша испытаній была налита—приходилось ее испить. Подавать совѣты было уже несвоевременно; слѣдовало заботиться о томъ, какъ-бы довершить съ честью и безъ особыхъ потерь начатое дѣло.

Желая успокоить Главное управленіе по дѣламъ печати и имѣя въ виду, что большинство придирокъ вызывалось фельетонами, редакція рѣшилась болѣе не помѣщать ихъ, сосредоточивъ вниманіе уже не на вопросахъ и недугахъ нашей внутренней жизни, но на сообщеніи извѣстій съ театра войны, которыя подвергались особой, тогда-же установленной цензурѣ. Въ такомъ видѣ и вышелъ 17 апрѣля 1877 года № 12—13 „Русскаго Обозрѣнія“. Все это ни къ чему доброму, однако, не повело.

Черезъ два дня по выходѣ № 12—13, ко мнѣ зашелъ одинъ знакомый предупредить, что на счетъ „Русскаго Обозрѣнія“ онъ слышалъ весьма неутѣшительную вѣсть. Готовится, будто-бы, третье предостереженіе и продолжительная пріостановка. Крайне обезпокоенный и возмущенный этимъ извѣстіемъ, я отправился на Театральную улицу, чтобъ узнать въ чемъ дѣло. Почти у воротъ цензурнаго комитета встрѣчаю цензора, которому доставлялся экземпляръ газеты до выпуска его изъ типографіи. Я сообщилъ ему свои опасенія и получилъ довольно успокоительный отвѣтъ. Онъ жаловался на безпокойство, причиненное ему „Русскимъ Обозрѣніемъ“: благодаря газетѣ, онъ не спалъ въ ночь съ 16-го на 17-е апрѣля, предшествующую выходу послѣдняго нумера. Оказалось, что цензоръ получилъ отъ начальника Главнаго управленія по дѣламъ печати В. В. Григорьева записку, въ которой было приказаніе отправиться въ типографію, просмотрѣть нумеръ „Русскаго Обозрѣнія“ и задержать его, если въ немъ будетъ хотя что-нибудь сомнительное въ цензурномъ отношеніи. Цензоръ исполнилъ приказаніе своего начальства и въ нарушеніе закона, безъ вѣдома редакціи, пересмотрѣлъ газету въ типографіи, передъ самымъ печатаніемъ ея. „Вы понимаете,—добавилъ цензоръ къ этому разсказу,—своя рубашка ближе къ тѣлу; если-бъ я нашелъ что-нибудь сомнительное, я задержалъ-бы нумеръ; но въ немъ не было даже и фельетона. Однако, вы видите, какое противъ васъ настроеніе, а потому вамъ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ“. Поблагодаривъ за любезное объясненіе цен-

зора, отъ котораго дѣйствительно не встрѣчалось никакихъ придирокъ и который, въ данномъ случаѣ, творилъ лишь волю пославшаго его,—я зашелъ на всякій случай въ цензурный комитетъ. Здѣсь тоже ровно ничего не знали и не подозрѣвали даже о ночной экскурсіи цензора въ типографію. Послѣдній нумеръ „Русскаго Обозрѣнія" никакихъ недоумѣній не возбуждалъ и никакихъ представленій по его поводу цензурный комитетъ не дѣлалъ. Совершенно успокоенный всѣмъ этимъ, я не отправился за дальнѣйшими справками въ Главное управленіе по дѣламъ печати. Мнѣ претило входить въ это управленіе, изъ котораго сыпались кары и прежде, не справляясь даже съ мнѣніемъ цензуры, поверхъ, такъ сказать, ближайшихъ блюстителей благочинія въ русской мысли. Къ тому-же, мнѣ казалось непрактичнымъ самому возбуждать тревогу и сомнѣнія въ благонамѣренности своей газеты.

Въ тотъ-же день, позднимъ вечеромъ, одинъ изъ инспекторовъ типографій, съ свойственною имъ вѣжливостью, вручилъ мнѣ „распоряженіе", въ силу котораго за № 12--13 „Русскаго Обозрѣнія" объявлялось третье предостереженіе, съ пріостановкою изданія на высшій срокъ—*шесть мѣсяцевъ*.

Въ жгучее время войны, когда даже лѣнивые и полуграмотные люди жадно читаютъ газеты, „Русское Обозрѣніе" приговаривалось къ шестимѣсячной смерти.

Поводомъ такой кары послужилъ тотъ самый нумеръ, который былъ строго просмотрѣнъ и пропущенъ самою цензурою. Комментаріи, полагаемъ, излишни.

Сознавая, что отъ этого удара газета, всѣ потраченные на нее труды, заботы и средства могутъ окончательно погибнуть и зная очень хорошо, что многіе подписчики не выписываютъ другой газеты, я поспѣшилъ принять мѣры, чтобъ хотя нѣсколько ослабить бѣду. Во время этой шестимѣсячной пріостановки подписчикамъ на „Русское Обозрѣніе" высылались другія изданія. Обезоруженный, приговоренный къ молчанію и бездѣйствію, въ то горячее время, когда не только публицистъ, но всякій мыслящій человѣкъ жаждетъ печатнаго слова и обмѣна мыслей,—я не въ силахъ былъ сидѣть сложа руки. Я рѣшился отправиться на театръ войны и съ этою цѣлью предложилъ редакціи „Голоса" быть ея военнымъ корреспондентомъ. Такъ какъ на Дунаѣ имѣлось уже много корреспондентовъ, то мое намѣреніе было отправиться въ Малую Азію, въ Кавказскую армію, о которой, казалось, въ то время всѣ забыли, полагая, что тамъ дѣло

ограничится лишь оборонительнымъ положеніемъ. Редакція „Голоса" охотно приняла мое предложеніе, и всѣ сборы, начиная съ разрѣшенія со стороны военнаго начальства, улажены были въ нѣсколько дней.

Передъ отъѣздомъ, я отправился къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанту А. Е. Тимашеву. Мнѣ хотѣлось хотя что-нибудь сдѣлать въ пользу газеты и разъяснить то шаткое, невыносимое положеніе, въ которомъ находилась печать, пользующая кличкою „свободная". А. Е. Тимашевъ принялъ меня очень любезно, какъ свѣтскій, воспитанный человѣкъ. Моя жалоба на Главное управленіе по дѣламъ печати была выслушана съ большимъ тактомъ. А. Е. Тимашевъ заявилъ, что лично противъ меня онъ рѣшительно ничего не имѣетъ и упорно отрицалъ мое предположеніе, что ему некогда слѣдить за всей печатью. Я полагалъ, что почти всегда ему приходится опираться исключительно на представленія главнаго управленія, которое увлекается и отрывочныя мѣста и фразы статей, безъ связи съ общимъ направленіемъ газеты, возводитъ въ преступленія. Министръ, напротивъ, завѣрялъ, что онъ очень внимателенъ и строгъ къ этимъ представленіямъ, всегда *самъ* просматриваетъ заподозрѣнныя статьи и иногда умѣряетъ рвеніе Главнаго управленія. Это навело разговоръ на войну, на общее наше положеніе и на положеніе печати, въ частности. А. Е. Тимашевъ упрекалъ печать въ легкомысленности, въ подстрекательствѣ общества къ войнѣ; онъ говорилъ о тягости войны и объ опасности со стороны тѣхъ державъ, которыя косвенно поддерживаютъ Турцію и готовы, при случаѣ, подать ей прямую помощь. Онъ нѣсколько удивился, когда я выразилъ полное согласіе со всѣми этими опасеніями и заявилъ, что „Русское Обозрѣніе" получало кары за тѣ статьи, которыя противорѣчили легкомысленнымъ отношеніямъ къ войнѣ. Я вполнѣ убѣдился, что истинное направленіе газеты оставалось неизвѣстнымъ министру, который лишенъ и физической возможности услѣдить за всей печатью. Изъ этого разговора, я сдѣлалъ еще одно открытіе, очень характерное для выясненія взглядовъ, господствовавшихъ во вліятельной средѣ по отношенію къ печати въ пережитое нами тяжкое время. Слыша самые презрительные отзывы А. Е. Тимашева о нѣкоторыхъ газетахъ и журналистахъ, объ ихъ двоедушіи, продажности и готовности изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ на всякія сдѣлки съ совѣстью и на всевозможныя выходки

передъ публикою, — я выразилъ мнѣніе, что существующія условія печати и система административныхъ взысканій не благопріятствуютъ независимой, честной, не спекулятивной печати, а поощряютъ именно ту нравственную разнузданность и то торгашество, которыя такъ возмущаютъ министра. Каково-же было мое удивленіе, когда въ отвѣтъ на это, я услышалъ, что администраціи удобнѣе справляться и имѣть дѣло съ тѣми журналистами, которые преслѣдуютъ чисто коммерческія цѣли. Я пробовалъ представить соображенія, какая опасность грозитъ государству и обществу отъ растлѣнія такой силы, какъ печать, отъ уничтоженія независимаго, искренняго слова, но убѣдился, что журналистика разсматривается только какъ зло, которое по необходимости приходится терпѣть, и что въ полезныя, плодотворныя услуги ея истиннымъ интересамъ государства, правительства и общества—нѣтъ ни малѣйшей вѣры.

Какъ извѣстно, заблужденіе это не ново и за него нельзя винить тѣхъ или другихъ лицъ. Эти заблужденія были отмѣчены еще покойнымъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, по отношенію къ тому времени, когда Дельвигъ, Пушкинъ и другіе лучшіе представители литературы пытались создать и противоповставить честную журналистику той монопольной журнальной кликѣ, которая подъ фирмою Булгарина, Греча и Сеньковскаго „торговала благонамѣренностью и патріотизмомъ“ *). Упоминая о тѣхъ тонкостяхъ и ухищреніяхъ. которыя пускались въ ходъ для удержанія этой вредоносной монополіи и объясняя, какимъ образомъ возникновеніе честной журналистики встрѣчало противодѣйствіе въ правительственныхъ сферахъ, князь В. Ѳ. Одоевскій говоритъ: „Одинъ глубокомысленный человѣкъ, и не безъ вѣса, громко говорилъ, что лучше монополія въ рукахъ людей, съ которыми нечего церемониться, чѣмъ распространеніе журналовъ“. Подъ вліяніемъ этихъ „глубокомысленныхъ“ соображеній и ошибочныхъ взглядовъ на печать, воспитались люди той среды, изъ которой большею чтстью вышли дѣятели современной намъ эпохи. Неудивительно, что подобныя заблужденія возродились въ пережитое нами критическое время и что возымѣла свое вліяніе старая привычка видѣть опасность въ гласномъ обмѣнѣ мнѣній, забывая сокрушительную силу, при-

*) Выраженіе П. В. Анненкова.

страстіе и увлеченія стоустной молвы, всегда таинственной и безконтрольной. Только случайно благопріятныя обстоятельства могли-бы создать въ современныхъ намъ государственныхъ дѣятеляхъ убѣжденіе, что лучшее орудіе противъ всякихъ „превратныхъ толковъ“ и противъ злоупотребленій печатнымъ словомъ заключается въ самой печати, *при условіи ея независимости*. Считается азбучною истиною, что государственная власть обязана поддерживать нравственность. Очевидно, одно только заблужденіе можетъ допускать исключенія изъ этого правила да еще по отношенію къ такой могучей силѣ, какъ печать.

Мы обязаны тутъ отмѣтить еще одинъ, очень грустный фактъ, но также весьма важный для объясненія недавняго прошлаго русской печати.

Если въ 1830—1840 гг., небрежное обращеніе съ печатью и противодѣйствіе независимой журналистикѣ находили поддержку и отчасти оправданіе въ умственномъ и нравственномъ обликѣ тѣхъ журналистовъ, „съ которыми нечего церемониться“,—то совершенно аналогичны явленія соотвѣтствуютъ и нашей эпохѣ. Выше было упомянуто, что большинство каръ, постигшихъ „Русское Обозрѣніе“, примѣнено было по непосредственному почину Главнаго управленія по дѣламъ печати, помимо ближайшихъ цензурныхъ учрежденій. Оказывается, что и въ *починѣ* главнаго управленія былъ иногда еще *починъ*. Онъ возникалъ съ той стороны, съ которой всего менѣе можно было его ожидать, всѣ интересы которой, казалось, противорѣчили преслѣдованіямъ печатнаго слова. Находились руки, которыя преподносили Главному управленію совсѣмъ готовые, просмотрѣнные, подчеркнутые и коментированные цензорскіе доклады на поляхъ „Русскаго Обозрѣнія“. Эти *добровольцы* по цензорской части выходили изъ учено-литературной среды... Они не стѣснялись отбивать хлѣбъ у чиновниковъ цензурнаго вѣдомства, не разъ тяготившихся своими обязанностями, и подводили ихъ подъ начальническіе выговоры за нерадѣніе. Мнѣ совѣстно называть этихъ лицъ, изъ уваженія къ ихъ положенію; но живы еще непосредственные свидѣтели этого постыднаго явленія, которые не откажутся, въ случаѣ надобности, подтвердить его. Да и дѣло не въ именахъ теперь, а въ фактахъ. Подобныя явленія вполнѣ объясняютъ тотъ презрительный тонъ, съ которымъ А. Е. Тимашевъ и другія административныя власти

отзывались, въ пережитые тяжелые годы, о „либеральной“ печати и о тѣхъ или другихъ газетахъ и журналистахъ. Сами лезли подъ ярмо и подводили подъ него другихъ!...

V.

Въ сентябрѣ 1877 года, передъ истеченіемъ шестимѣсячнаго срока пріостановки изданія, я возвратился изъ Малой-Азіи въ Петербургъ, для возобновленія „Русскаго Обозрѣнія“. Проѣхавъ изъ конца въ конецъ, съ юга на сѣверъ, всю Россію, я былъ пораженъ рѣзкою перемѣною въ общественномъ настроеніи. Исчезли прежніе удалые взгляды на войну, безусловная вѣра въ успѣхъ, презрительныя отношенія къ туркамъ.

Невзгоды войны повсюду уже чувствовались. Множество семействъ осиротѣло, многіе города переполнены были ранеными и больными. Недостатки въ организаціи медицинской помощи, интендантская безурядица и хищничество тыла арміи и, главнымъ образомъ, неудачные, кровавые штурмы и отступленія производили замѣтное смущеніе. Недовольство, негодованіе, преувеличенныя опасенія, безнадежность провожали меня отъ Александрополя до Петербурга. Болѣе, нежели когда-нибудь сознавалъ я тогда, какія услуги могла-бы оказать печать, если-бъ она не была у насъ стѣснена передъ войною, не была-бъ обращена въ льстивые листки, заискивавшіе то у толпы, то у администраціи. Стѣсненія гласности совершили свое дѣло и во время войны. Многіе не вполнѣ довѣряли корреспонденціямъ, предполагая, что не вся истина могла въ нихъ проскользнуть. Изъ тѣхъ-же мѣстъ, изъ которыхъ не было вовсе корреспонденцій, росли самые чудовищные слухи, подливавшіе масло въ огонь. Такъ было, напримѣръ, по поводу извѣстнаго возстанія на Кавказѣ, гдѣ у многихъ были родные, знакомые, которыхъ считали погибшими. Съ трудомъ приходилось успокаивать черезчуръ взволнованныхъ и умѣрять, не тотъ здоровый, смѣло глядящій въ глаза опасности скептицизмъ, который обыкновенно у насъ преслѣдовался, но скептицизмъ позорный, трусливый, недостойный великаго народа, который всегда находилъ себѣ приволье въ общественной бездѣятельности, въ безправіи, и всегда приводилъ къ безсилію и упадку духа. Чтобъ характеризовать, до какой степени рѣзко измѣнилось общественное настроеніе въ эти шесть мѣсяцевъ, достаточно привести

слѣдующій примѣръ. Осажденный со всѣхъ сторонъ тревожными вопросами объ общемъ положеніи Кавказской арміи, я рѣшился печатно отвѣчать на нихъ, тѣмъ болѣе, что не всѣ-же могли меня лично слышать. Я свидѣтельствовалъ о прекрасномъ духѣ Кавказской арміи, о томъ, что единственною причиною (ближайшею, конечно) временной пріостановки наступленія былъ недостатокъ войскъ, и что въ отрядѣ М. Т. Лорисъ-Меликова (нынѣ графа) интендантская часть въ безупречномъ состояніи. Все это было сущею правдою и не замедлило подтвердиться; но подало поводъ одному лицу съостроумничать: скептикъ заявилъ въ печати, что по всему видно, что я собираюсь поступать въ интенданскіе чиновники! А шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ, одно предположеніе о возможности военныхъ неудачъ и интендантскихъ безпорядковъ вызывало обвиненія въ „туркофильствѣ" и административныя преслѣдованія со стороны Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

Въ Петербургѣ и Москвѣ общее недовольство какъ-бы сосредоточивалось и вызывало серьезное безпокойство въ правительственныхъ сферахъ. Сами чиновныя власти не могли не сознавать, что поводы къ недовольству и сомнѣніямъ существовали. Особенный переполохъ произошелъ въ Петербургѣ, когда дѣла подъ Телишемъ и Горнымъ-Дубнякомъ заставили петербургское общество убѣдиться, что война не маневры въ Красномъ Селѣ и почувствовать то, что ранѣе переносили многіе другіе города, успѣвшіе сродниться съ тѣмъ или другимъ полкомъ. Къ сожалѣнію, причинъ неудачъ всѣ искали на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ поступкахъ или распоряженіяхъ отдѣльныхъ лицъ, тогда какъ корень ихъ лежалъ въ условіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ и прежде всего—въ нашей мыслебоязни. Имѣвъ случай бесѣдовать въ то время со многими остававшимися въ Петербургѣ представителями правительственной власти, я вынесъ убѣжденіе, что тревога и тотъ опасливый, нездоровый скептицизмъ, о которомъ говорено выше, проникли далеко за предѣлы чисто общественной сферы, но вѣрнаго взгляда на причины почти буквальнаго повторенія уроковъ Крымской войны не было замѣтно и не чувствовалось даже сознанія въ необходимости его выясненія. Этимъ въ достаточной мѣрѣ объясняется, почему—послѣ одержаннаго въ концѣ концовъ военнаго успѣха, мы обречены были перенести еще два года (1878—1879) наиболѣе тягостной реакціи.

Это отступленіе необходимо было для уясненія тѣхъ обязанностей, которыя возлагались въ то время на печать. Должна-ли была честная, независимая, преданная государственнымъ интересамъ журналистика выкрикивать противъ Грегера и Горвица и натравливать общество, съ *предугаданнаго* дозволенія, на тѣхъ или другихъ начальниковъ арміи, или долгъ ея заключался въ томъ, чтобъ выяснить коренныя причины повторившихся неблагопріятныхъ явленій эпохи Крымской войны? Возобновившееся „Русское Обозрѣніе“ стояло на этой объективной точкѣ зрѣнія. Изъ этого уже ясно, что оно заранѣе обречено было на смерть.

VI.

Осенью 1877 года, однако, все это не могло такъ ясно сознаваться, какъ теперь. Напротивъ, были нѣкоторые благопріятные и обнадеживавшіе признаки. Они заключались въ неожиданномъ оборотѣ, который произошелъ въ отношеніяхъ ко мнѣ, лично, со стороны тогдашнихъ правительственныхъ лицъ. Возвратившись въ Россію, я не только былъ порадованъ сочувственнымъ отношеніемъ къ моимъ военнымъ корреспонденціямъ со стороны общества, но и пріятно удивленъ одобреніемъ ихъ въ правительственной сферѣ. Военная цензура почти не касалась моихъ корреспонденцій. Въ самомъ Главномъ управленіи по дѣламъ печати, съ которымъ я разстался при полномъ разрывѣ, мнѣ довелось слышать много любезностей. Министръ внутреннихъ дѣлъ не только привѣтливо меня встрѣтилъ и разспрашивалъ, но и, не ожидая выхода „Русскаго Обозрѣнія“, отмѣнилъ запрещеніе розничной продажи. Словомъ, уѣхавъ на театръ войны страшно неблагонадежнымъ, я возвратился самымъ благонамѣреннымъ человѣкомъ. Такъ какъ въ эти шесть мѣсяцевъ во мнѣ не произошло никакой внутренней перемѣны, то и было основаніе надѣяться, что измѣненій слѣдуетъ искать въ самыхъ цензурныхъ условіяхъ, во взглядахъ на независимое печатное слово. Я возобновилъ, поэтому, газету съ надеждою на лучшія и болѣе безпристрастныя къ ней отношенія.

Въ это время, „Голосъ“ предложилъ мнѣ опять ѣхать спеціальнымъ военнымъ корреспондентомъ, но на этотъ разъ уже за Дунай. Оказалось, что бывшіе въ Дунайской арміи спеціальные корреспонденты этой газеты были удалены, и ей запрещалось вовсе ихъ имѣть въ арміи. „Голосъ“ пробовалъ

послать новаго корреспондента, но онъ не былъ допущенъ. Тогда-то редакція и обратилась ко мнѣ, въ надеждѣ, авось для меня будетъ сдѣлано исключеніе. Такъ какъ военная жилка болѣе или менѣе сидитъ въ каждомъ, такъ какъ всѣ наши помыслы и чувства въ то время устремлены были къ родной арміи, то весьма понятно, что я согласился. Къ тому жѐ и предложенныя мнѣ тогда матеріальныя условія давали надежду пополнить хотя отчасти опустошенія, произведенныя въ кассѣ „Русскаго Обозрѣнія" предшествовавшими карами. Устроивъ редакціонную часть, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, я опять уѣхалъ изъ Петербурга, успѣвъ выпустить при себѣ только одинъ нумеръ газеты.

Должное разрѣшеніе изъ главной квартиры Дунайской арміи я получилъ очень легко и притомъ дѣйствительно „*по исключенію*", о чемъ и упомянуто въ сохраняющихся у меня документахъ. Упираю на этотъ фактъ собственно для того, чтобъ показать, что „благонадежность" моя не только продолжалась, но получила новое, блистательное подтвержденіе. Въ ноябрѣ 1877 г., во время войны, передъ паденіемъ Плевны, во время новой неудачи подъ Еленою, мнѣ лично, на мою отвѣтственность, было разрѣшено то, въ чемъ отказывалось цѣлой редакціи одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ Россіи. Я пробылъ за Дунаемъ 4½ мѣсяца, перешелъ за Балканы и дождался въ Санъ-Стефано заключенія предварительнаго мира. Изъ всего этого можно заключить, что вредоносность моей публицистической дѣятельности, если она только существовала, во всякомъ случаѣ не была особенно велика и не выдавалась изъ общаго уровня. Не могъ же я въ такой короткій промежутокъ времени измѣниться? Тѣмъ не менѣе, возвратившись въ Россію, черезъ Константинополь и Одессу, въ послѣднихъ числахъ февраля 1878 г., меня разомъ поразили двѣ горестныя вѣсти. За пять недѣль передъ тѣмъ, въ послѣднемъ дѣлѣ 18-го января 1878 г. (повтореніе батумскихъ штурмовъ) мой родной братъ былъ убитъ наповалъ на непріятельскихъ окопахъ, подавая примѣръ храбрости разстроеннымъ солдатамъ. Хотя я лично и отдѣлался счастливо отъ опасностей войны, но не менѣе тягостная нравственная и матеріальная невзгода разразилась надо мною во время моего пребыванія на театрѣ войны.

„Русское Обозрѣніе" успѣло получить за это время *пять* предостереженій, съ прежними *шестью*—всего одиннадцать.

Два изъ нихъ подошли подъ амнистію, дарованную печати въ декабрѣ 1878 года, а остальныя послѣдовали за пять новогоднихъ нумеровъ. Съ 8-го февраля 1878 года, „Русское Обозрѣніе“ опять было пріостановлено и опять на шесть мѣсяцевъ. Негостепріимно встрѣтила меня на этотъ разъ родина!...

Бóльшая часть предостереженій была дана опять за мои статьи, присланныя съ театра военныхъ дѣйствій. Я писалъ ихъ подъ вліяніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя поражали болѣе или менѣе каждаго, кто былъ въ Дунайской арміи.

Ихъ испытывали отчасти, какъ мнѣ случалось не разъ убѣдиться, весьма многіе. Дѣло въ томъ, что въ бѣдной Арменіи, представляющей развалины отжившаго, удаленнаго отъ вліянія новой цивилизаціи народа, наши внутренніе недостатки нисколько не бросались въ глаза. Напротивъ, все наше казалось неизмѣримо выше. Тамъ не чувствовалось никакого разлада, тамъ вашъ умъ и сердце находились въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что совершалось. Вы видѣли, что сильный пришелъ на помощь слабому, что цивилизованные люди борются противъ варваровъ, что богатый и свободный народъ протягиваетъ руку бѣдному и угнетенному. Понятно, что и въ корреспонденціи мои не могло вкрасться никакой горечи, никакого сомнѣнія въ самой умѣстности нашей помощи и освободительной роли. Совсѣмъ иное чувствовалось на Дунайскомъ театрѣ войны. Уже при первомъ шагѣ черезъ границу, при сравненіи, напримѣръ, чистенькаго, благоустроеннаго, прекрасно вымощеннаго и освѣщеннаго, кипучаго жизнью городка Яссы съ нашимъ мертвеннымъ Кишиневымъ—становилось какъ-то неловко. Тутъ-же, въ Яссахъ, не давая оправиться, васъ поражало другое, гораздо болѣе тягостное сознаніе. На козлахъ прекрасныхъ парныхъ фаэтоновъ вы встрѣчали родныхъ вамъ людей, слышали родной вамъ языкъ. Ваше понятное любопытство быстро удовлетворяется. Вы узнаете, что эти зажиточные, гражданами смотрящіе люди вытѣснены въ маленькую Румынію, во время ихъ вытѣсненія бывшую еще турецкой провинціей, религіозными преслѣдованіями. А вѣдь мы кричимъ, что „за крестъ мечъ нашъ поднятъ“, а у насъ еще не изгладились отголоски высокопарныхъ возгласовъ противъ „угнетателей православія!“ Въ какомъ-же положеніи долженъ очутиться человѣкъ, незараженный лицемѣріемъ, подъ вліяніемъ подобнаго

впечатлѣнія? Онъ разбѣжался спасать, сражаться за попранную вѣру, и вдругъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ соотечественниками, отыскавшими здѣсь именно ту религіозную свободу, во имя которой „поднятъ мечъ“!

И чѣмъ далѣе по Румыніи, тѣмъ хуже, тѣмъ сильнѣе чувствуется какая-то фальшь всего предпринятаго дѣла, тѣмъ болѣе приходится краснѣть и краснѣть за наши порядки, за наше высокомѣріе и ослѣпленіе. При переѣздѣ въ другія части Европы тоже совѣстно, но не такъ, какъ здѣсь, гдѣ вы ожидали совсѣмъ иныхъ впечатлѣній. Вы видите во всякой общинѣ школу, когда у насъ только разсуждаютъ—не повредитъ-ли образованіе и какой за нимъ удесятиренный надзоръ надо учинить. Вы видите обезпеченную личность, слышите открытую, свободную рѣчь. Полная свобода печати, ничѣмъ не стѣсненная книжная торговля васъ поражаютъ на каждомъ шагу въ Бухарестѣ. Всѣмъ этимъ люди пользуются во время войны, подъ всесильной властью Турціи. О предупрежденіяхъ и запретахъ и о многомъ другомъ недобромъ здѣсь забыли и думать. Цѣлое поколѣніе успѣло вырости, не подозрѣвая даже, что *внѣ*-судебныя расправы могутъ гдѣ-нибудь существовать. Вы замѣчаете, наконецъ, на окнахъ книжныхъ магазиновъ, въ рукахъ нашихъ чиновниковъ, офицеровъ, тѣ „запрещенныя“ русскія и иностранныя изданія, одно названіе которыхъ произносилось у насъ шепотомъ, съ оглядкою. Вы чувствуете, что здѣсь совѣстно даже спросить, не можетъ-ли грозить отъ всего этого какая-нибудь опасность государственному и общественному порядку? Васъ не поймутъ, на васъ поглядятъ, какъ на какого-нибудь чудака. И вы знаете, въ то-же время, что весь этотъ замѣтный, бросающійся въ глаза благопріятный переворотъ произошелъ въ какихъ-нибудь 25 лѣтъ, въ то самое время, когда мы опасались „скользкой покатости прогресса“; вы сознаете, что эта маленькая страна неизмѣримо менѣе „подготовлена“ къ этому положенію, что у нея нѣтъ такой богатой литературы, какъ въ Россіи, что вообще нравственные, умственные и матеріальные источники ея быта гораздо ниже нашихъ. А вѣдь мы и ее нѣкогда спасали и спасли изъ-подъ турецкаго ярма, да и теперь никто, какъ мы,—несемъ ей свободу, самостоятельность! Что-же это сонъ, тяжкій кошмаръ, или все это происходитъ на яву? Вы спѣшите отдѣлаться отъ всего этого, отъ этой горечи, отъ этихъ тягостныхъ сравненій и переѣзжаете за Дунай. Тутъ-то, думаете вы, настоящая наша

миссія. Но безпощадная правда изготовляетъ для васъ неожиданность въ видѣ явнаго благосостоянія, необыкновенной зажиточности болгарскаго населенія. Его нельзя и сравнивать съ крестьянствомъ многихъ нашихъ губерній. Многіе, при видѣ благосостоянія болгаръ, говорили: „Ну, ужь братушки! И это имъ не житье! Бунтовать вздумали!... Одно слово—балованный народъ“. И на лицахъ, говорившихъ это, мелькали оттѣнки тѣхъ-же недоумѣній, той-же раздвоенности, того-же чувства горечи, которые невидимо накопляются въ васъ съ самаго переѣзда черезъ границу. Вы очень хорошо знаете, что они будутъ сражаться, съумѣютъ умереть и постоять за честь русскаго оружія; но все-же для многихъ изъ нихъ внутренній смыслъ войны исчезъ.

Спрашивается, послѣ всего этого, если вы честный публицистъ, если вы любите родину и дорого вамъ ея развитіе,—могли-ли вы скрыть отъ своего общества всѣ эти впечатлѣнія, могли-ли вы содѣйствовать тому невѣдѣнію, въ которомъ задыхалась страна и которое стоило ей такихъ тяжкихъ жертвъ? Обязаны-ли вы были таить истину, какъ-бы она горька не казалась? Вотъ за стремленіе разоблачить все это, помочь нашему прозрѣнію и посыпались новыя кары на „Русское Обозрѣніе“. Остальныя взысканія вызывались такими-же отношеніями газеты къ внутреннимъ нашимъ событіямъ. Особаго вниманія заслуживаетъ предостереженіе, послѣдовавшее за напечатаніе письма бывшаго оренбургскаго прокурора г. Павлова-Сильванскаго, разоблачившаго въ самой сдержанной формѣ тѣ, между прочимъ, явленія, которыя впослѣдствіи вызвали сенаторскую ревизію Уфимской губерніи со всѣми извѣстными запоздалыми взысканіями.

Такимъ образомъ, я засталъ изданіе „Русскаго Обозрѣнія“ пріостановленнымъ на шесть мѣсяцевъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ, т. е. 8-го августа 1878 г., я готовился возобновить изданіе. Публикаціи были сдѣланы, часть нумера была уже набрана. Но за четыре дня до выхода, именно 4-го августа, совершилось извѣстное уличное убійство генерала Мезенцова. Я узналъ объ этомъ происшествіи въ 5 часовъ; въ тотъ-же день, около 12 часовъ ночи, получено мною приглашеніе явиться въ Главное управленіе по дѣламъ печати для выслушанія „особаго правительственнаго распоряженія“. На другой день, В. В. Григорьевъ мнѣ объявилъ, что „Русское Обозрѣніе“ приговорено къ смерти. Оно осуждено было еще

разъ за прежнія вины и въ предвидѣніи новыхъ, по совершенно стороннему печати поводу!.. За все она у насъ отвѣтчица...

VII.

Такъ кончилось кратковременное существованіе газеты, не имѣвшей спекулятивныхъ цѣлей и, благодаря преслѣдованіямъ, не принесшей редакціи ничего, кромѣ значительнаго убытка и долговъ. Подъ такими-то давленіями приходилось существовать столичной „свободной печати“. Самая исторія окончательнаго запрещенія „Русскаго Обозрѣнія“ въ высшей степени характерна для выясненія недавняго нашего прошлаго и заслуживала-бы описанія; но это слишкомъ было еще недавно *). Ограничусь лишь замѣчаніемъ, что по усвоенной привычкѣ, печать, помѣщающая всевозможные некрологи, ни однимъ словомъ не помянула погибшую газету. Зато нашлись такія лица, которыя сочли долгомъ заявить, что „Русское Обозрѣніе“ исчезло съ лица земли отъ равнодушія публики, по недостатку читателей.

Извѣстно, что, когда была запрещена первая честная и независимая газета на Руси, основанная Дельвигомъ, другомъ Пушкина, и запрещена за усмотрѣнную въ ней неблагонадежность, то разорительная и нравственная тягость этой расправы, безъ суда и оправданія, такъ потрясла Дельвига, что онъ заболѣлъ и умеръ. Съ тѣхъ поръ нервы наши успѣли пообвыкнуть къ подобнымъ „случайностямъ“, и плохой тотъ литераторъ, который не разсчитываетъ на нихъ, вдаваясь въ публицистику. Онъ заранѣе долженъ готовиться на всѣ испытанія. Тѣмъ не менѣе, несправедливости всегда тяжело переносить, и благо тому обществу, которое оберегаетъ и оберегается отъ нихъ.

По поводу запрещенія „Литературной Газеты“ Дельвига, находившійся тогда еще въ цвѣтѣ силъ князь П. А. Вяземскій, самъ на себѣ испытавшій всяческія заподозрѣванія и обвиненія, писалъ:

— „Есть-ли послѣ того возможность писать, не имѣвъ духа быть Ѳаддеемъ Булгаринымъ, который рѣшительно казнитъ и милуетъ кого угодно? И какая польза отъ того,

---

*) См. разсказъ объ этомъ въ статьѣ „Роковое пятилѣтіе“ (стр. 38—49), напечатанной 28 лѣтъ спустя.

что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія Блудовъ, а не какой-нибудь Фотій, когда ни тотъ ни другой не могутъ отстаивать существующій законъ и писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что Государь уважилъ-бы истину, если-бъ кто раскрылъ ее передъ нимъ. *Но всѣ молчатъ*“.

Намъ также были дарованы Государемъ-Освободителемъ новые законы и свобода, но никто не хотѣлъ уважать ихъ. Насъ освобождали отъ цензуры для того, чтобы честные, некривящіе совѣстью, уважающіе печать люди и журналы *страдали и погибали*, для вяшщаго торжества лицемѣрной, низкоуслужливой, растлѣнной печати, во славу и утѣшеніе современныхъ Гречей и Булгариныхъ. При подобныхъ условіяхъ печати (въ 1870—1879 гг.) тоже никто не считалъ долгомъ „отстаивать существующій законъ и писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ“; никто не хотѣлъ „раскрыть истину“ и „всѣ молчали“.

20-го декабря 1880 г.
С.-Петербургъ.

Два документа.

Въ началѣ 1895 года, подъ вліяніемъ надеждъ, вызванныхъ новымъ царствованіемъ, петербургскіе и московскіе писатели, удрученные безправіемъ печати и цензурнымъ удушьемъ, обратились къ Верховной власти съ просьбой о возстановленіи свободы мысли и слова, возвѣщенной еще закономъ 6 апрѣля 1865 года. Къ всеподданнѣйшему прошенію (составленному Н. К. Михайловскимъ) была приложена объяснительная записка, написанная мною и единогласно одобренная уполномоченными по подачѣ прошенія, въ числѣ которыхъ были: К. К. Арсеньевъ, А. А. Бекетовъ, В. А. Бильбасовъ, С. А. Венгеровъ, Г. К. Градовскій, Н. К. Михайловскій, М. Л. Песковскій и В. И. Семевскій.

Тогдашніе представители власти первоначально дѣлали видъ, что сочувствуютъ справедливымъ желаніямъ писателей, но послѣ 18 января разомъ охладѣли къ этому вопросу и совѣтовали „повременить". Даже предсѣдатель Комитета министровъ, Н. Х. Бунге, несмотря на свои давнія связи съ наукой и литературой, уклонился отъ всякаго содѣйствія этому дѣлу, а иные „государственные мужи" прямо заявили, что странно даже предполагать, чтобы въ „самодержавномъ государствѣ" могла осуществиться свобода устнаго и печатнаго слова. Тѣмъ не менѣе, избраннымъ для подачи прошенія лицамъ удалось выполнить возложенное на нихъ порученіе, чрезъ просвѣщенное посредство главнаго начальника комиссіи прошеній, генералъ-адъютанта О. Б. Рихтера, испросивъ на подачу предварительное Высочайшее разрѣшеніе.

Событіе это вызвало цѣлую бурю въ бюрократическихъ сферахъ, особенно среди тѣхъ бюрократовъ, которые „вѣдали печать" болѣе или менѣе непосредственно или были заинтересованы въ безгласности и въ зависимомъ положеніи русскаго печатнаго слова. По столицѣ пошли слухи о дерзостномъ посягательствѣ на „правительственный авторитетъ", о нарушеніи установленныхъ формъ обращенія къ власти, о скопѣ и заговорѣ. Отъ печати-де всѣ бѣдствія и крамолы исходятъ, а она дерзаетъ притязать на свободу и законность!... Грозили ссылками и „примѣрнымъ наказаніемъ" челобитчикамъ, отъ которыхъ всегда-де бывала „докука великая" правящимъ „болярамъ", и утверждали, что законное большинство русской журналистики счастливо, довольно и наслаждается полнымъ благополучіемъ при „существующихъ порядкахъ", а свободы добиваются лишь „подстрекатели", безпокойные „смутьяны", отъ зловредной пропаганды которыхъ благодѣтельное правительство не знаетъ, какъ оградить свой авторитетъ и русскій народъ.

Никакихъ, однако, каръ „челобитчикамъ" не послѣдовало; но недѣль шесть спустя, на страстной недѣлѣ 1895 года, черезъ околоточнаго над-

зирателя, было объявлено, что *„прошеніе русскихъ писателей оставлено безъ всякаго уваженія“*.

И содержаніе этого рѣшенія, и самая форма, придуманная для его объявленія, вполнѣ отвѣчали умственному и нравственному уровню бюрократіи, узурпировавшей „царское самодержавіе“. Нѣкоторые изъ представителей этой бюрократіи, какъ-бы устыдясь этого рѣшенія, оговаривались, что правительство, главнымъ образомъ, возмущено рѣзкой критикой его дѣйствій относительно печати и самимъ починомъ писателей; правительство-де само знаетъ, когда и какъ облегчить положеніе печати. Конечно, всѣ подобныя оговорки были лишь *слова, слова и слова*. Проходили мѣсяцы, годы, а бюрократія и не думала объ „облегченіяхъ“. По поводу коронаціи ожидались разныя „милости“, но печать была изъята изъ нихъ. Мало того, подъ давленіемъ оберъ-прокурора св. синода К. П. Побѣдоносцева, Главное управленіе по дѣламъ печати перешло въ вѣдѣніе малоизвѣстнаго чиновника Соловьева, который еще усилилъ произвольныя вторженія въ печатное слово и въ редакціонныя дѣла, ссылаясь на своего покровителя. Самъ вдохновитель тогдашней политики Побѣдоносцевъ издалъ „Московскій Сборникъ“, въ которомъ, съ чужого голоса, было соединено все то, что гдѣ-либо высказывалось изувѣрствомъ и невѣжествомъ противъ современнаго строя передовыхъ государствъ и особенно противъ свободы мысли и слова.

При такихъ условіяхъ, пишущій эти строки, никогда не утрачивавшій вѣры въ силу правды и убѣжденія, рѣшился обратиться прямо къ источнику того зла, въ которомъ безоглядно и безотчетно удерживала Россію слѣпая и самоуправная бюрократія. Я написалъ К. П. Побѣдоносцеву письмо, мечтая открыть глаза ему на бѣдственное положеніе Россіи и зловредныя послѣдствія безгласности и подавленія независимой мысли и слова.

Вліяніе Побѣдоносцева до сихъ поръ еще держится въ бюрократическихъ сферахъ, и всѣ репрессивныя мѣры очень часто оправдываются „авторитетомъ“ издателя „Московскаго Сборника“. Еще недавно, въ Государственномъ Совѣтѣ, графъ С. Ю. Витте ссылался на Побѣдоносцева, какъ на сторонника казенной „водочной монополіи“. На того же Побѣдоносцева опирались и недавнія ходатайства духовенства, желающаго возстановленія цензуры. Небезполезно, поэтому, огласить записку, приложенную къ прошенію писателей, и означенное письмо, какъ историческій документъ, обрисовывающій и положеніе печати 11 лѣтъ тому назадъ, и самого Побѣдоносцева.

Записка къ прошенію русскихъ писателей.

О пересмотрѣ законовъ о печати. Съ 1865 года, съ изданія закона 6 апрѣля, русское печатное слово пріобрѣло нѣкоторую долю независимости и свободы. Съ того времени, однако, законодательство о печати не только не совершенствовалось, но во многихъ отношеніяхъ вернулось къ прошлымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ гласности и свободы обсужденія. Практическое примѣненіе законовъ о печати еще болѣе усилило недостатки юридическаго ея положенія. Во всей

Европѣ и въ образованнѣйшихъ государствахъ міра печать подчинена лишь ограниченіямъ закона и воздѣйствію суда; у насъ она находится или въ полной зависимости отъ цензуры, или подъ дѣйствіемъ такихъ административныхъ взысканій и мѣръ, которыя въ иныхъ случаяхъ тяжелѣе и неблагопріятнѣе для гласности и свободы обсужденія, а тѣмъ болѣе для издательской и литературной собственности, нежели предварительная цензура—въ самыя строгія времена ея проявленія.

Въ 1880 году была учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, для улучшенія законовъ о печати; въ засѣданія этой комиссіи призывались, въ качествѣ „свѣдущихъ людей", представители печати; но труды ея были прерваны. Взамѣнъ этого, въ 1882 году, 27 августа, были изданы „временныя правила" относительно печати, изъятой отъ цензуры, которыя, соотвѣтственно тогдашнимъ исключительнымъ обстоятельствамъ, признавались необходимыми „впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующихъ постановленій о печати". Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 12 лѣтъ, а исключительныя и „временныя правила" не только продолжаютъ свое дѣйствіе, но и введены, путемъ кодификаціи, въ дѣйствующій „Уставъ о цензурѣ и печати" (томъ XIV Св. Зак.).

Услуги, оказываемыя русской печатью, вліятельное положеніе ея, пріобрѣтенное талантами, знаніями и добросовѣстностью виднѣйшихъ русскихъ писателей, не только въ нашей общественной жизни, но и за предѣлами Россіи, даютъ основаніе желать, чтобы осуществился, наконецъ, возвѣщенный еще въ 1880 году и подтвержденный въ 1882 году, въ видѣ предстоящей необходимости, пересмотръ въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующаго „Устава о цензурѣ и печати", для уравненія ея съ положеніемъ журналистики въ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ, на основахъ законности и правосудія.

Дѣйствующія постановленія о печати. Законъ о печати 6 апрѣля 1865 года (носившій, въ свою очередь, временный характеръ) создалъ раздѣленіе русской печати на два главныхъ отдѣла: подцензурную и изъятую отъ предварительной цензуры. Освобожденіе отъ предварительной цензуры распространяется лишь на нѣкоторую часть столичной печати; вся-же провинціальная печать и значительная часть столичной не пользуется закономъ 1865 года и состоитъ подъ

цензурой. Такъ какъ общее улучшеніе юридическаго положенія печати зависитъ отъ пересмотра постановленій о безцензурной печати, т. е. закона 6 апрѣля 1865 года и послѣдовавшихъ въ немъ измѣненій, то важнѣе всего остановиться на этихъ узаконеніяхъ и условіяхъ ихъ примѣненія.

Разрѣшеніе книгъ и повременныхъ изданій. До 1865 года разрѣшеніе изданія книгъ зависѣло отъ цензуры и тѣхъ вѣдомствъ, которыхъ касалось содержаніе сочиненій. Съ 1865 года, дозволено издавать книги (оригинальныя до 10 печатныхъ листовъ, а переводныя до 20) безъ предварительной цензуры, по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ подлежащихъ духовной цензурѣ. Администраціи, однако, предоставлено не выпускать книги изъ типографіи, если содержаніе ея вредно или преступно. Такая книга можетъ быть уничтожена или судомъ (независимо отъ наказанія виновнаго автора или издателя) или Комитетомъ министровъ. На провинцію правила эти вовсе не распространяются, почему изданіе безцензурныхъ книгъ сосредоточивается исключительно въ столицахъ. Разрѣшеніе повременныхъ изданій, зависѣвшее прежде отъ Высочайшаго соизволенія и, вообще, представлявшее не мало трудностей, предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ. По существу дѣла, всѣ подобныя разрѣшенія должны создавать издательское право для всѣхъ безупречныхъ гражданъ и входить въ область гражданскихъ законовъ; недозволеніе издательской дѣятельности равносильно лишенію или ограниченію гражданскихъ правъ; оно можетъ являться лишь исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Такъ и смотрѣли многіе министры на предоставленное имъ право разрѣшенія изданій, но бывали примѣры и обратныхъ усмотрѣній. Проходили иногда періоды въ нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ вовсе и никому не разрѣшалось новыхъ изданій. Кромѣ того, по прямому указанію закона (ст. 122 Уст. о ценз. и печ.) разрѣшенное изданіе можетъ свободно переходить въ другія руки; для законности этого перехода требуется лишь простое заявленіе отъ стараго и новаго издателей, но Главное Управленіе по дѣламъ печати уничтожило это право, требуя отъ издателя подписку въ томъ, что онъ не передастъ изданія другому лицу безъ особаго разрѣшенія.

Вслѣдствіе такой неопредѣленности и шаткости издательскаго права, оно превращается въ привилегію, а разрѣшенія пріобрѣтаютъ значеніе концессіи. Число періодическихъ, особенно политическихъ изданій, не только не возра-

стаетъ, несмотря на приростъ населенія и увеличивающуюся потребность въ чтеніи, но даже уменьшается. Такъ, въ Петербургѣ, въ настоящее время гораздо меньше политическихъ газетъ, нежели въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ.

Обезпечивается-ли этимъ концессіоннымъ, способомъ нелегальнымъ выдачи разрѣшеній хотя нравственная и умственная доброкачественность издателей? Этого не только нельзя сказать, но достаточно сравнить нынѣшнихъ издателей съ прежнимъ ихъ составомъ, чтобы убѣдиться въ противномъ. Въ прежнія времена издателями журналовъ и газетъ были сами писатели; въ настоящее время въ это литературное дѣло все болѣе и болѣе вторгается промышленникъ, сообщая изданію промышленное направленіе. Многіе писатели даже не покушаются на издательское дѣло, въ виду шаткости издательскаго права, и обречены на роль вѣчно зависимыхъ работниковъ; за то имѣются другіе, которые спекулируютъ выдаваемыми имъ разрѣшеніями, несмотря на не разъ доказанную уже на опытѣ несостоятельность ихъ передъ подписчиками.

Подобная-же неопредѣленность господствуетъ и въ редакторскомъ правѣ. Бывали случаи, когда изданію отказывалось въ утвержденіи цѣлаго ряда редакторовъ—безъ объясненія причинъ отказа.

Выдающимся примѣромъ въ этомъ родѣ служитъ исторія, разыгравшаяся съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“, при переходѣ ихъ, съ дозволенія надлежащаго вѣдомства, въ руки банкира Баймакова. Нравственный и умственный цензъ редакторовъ, въ свою очередь, скорѣе понизился, нежели возвысился. Нѣкоторые изъ нихъ прямо являются въ подставной роли.

Запрещеніе изданій. По закону 6 апрѣля 1865 года и по дѣйствующему уставу, запрещеніе изданія, обнаруживающаго вредное направленіе, принадлежитъ власти Правительствующаго Сената (по первому департаменту) или же суду, въ случаѣ преступленія. По суду не было прекращено ни одного повременнаго изданія; при посредствѣ-же Правительствущщаго Сената была запрещена лишь газета „Москва“ покойнаго И. С. Аксакова. Такимъ образомъ, ст. 148 устава о цензурѣ и печати, хотя и не отмѣнена, но оставляется въ полномъ бездѣйствіи. До 1882 года, если нѣкоторыя изданія и были запрещены, то по всеподданнѣйшимъ докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ, а съ 1882 года, по соглашенію четырехъ министровъ, указанныхъ во „временныхъ прави-

лахъ" 27 августа. Но, помимо прямого запрещенія, многія повременныя изданія прекратили свое существованіе не вслѣдствіе явно установленнаго вреднаго направленія ихъ, а вслѣдствіе непосильной тяжести налагаемыхъ на нихъ административныхъ взысканій, изъ-за физической невозможности подчиненія „временнымъ правиламъ" 1882 года, которыя требуютъ, чтобы ежедневная газета была отпечатана и представлена въ подлежащія учрежденія не позже 11 часовъ вечера, предшествующаго дню выхода. Это требованіе лишаетъ газету возможности своевременно помѣщать всѣ вечернія извѣстія и телеграммы. Подъ давленіемъ подобныхъ мѣръ и каръ прекратили свое существованіе, въ числѣ многихъ другихъ, газеты: „Молва", „Порядокъ" и „Голосъ", изъ которыхъ послѣдній имѣлъ самое широкое распространеніе и оцѣнивался по меньшей мѣрѣ въ три милліона рублей, а „Молва" обошлась своему издателю въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Помимо нравственной и умственной стороны, заключающейся въ прекращеніи или ограниченіи литературной дѣятельности, подобныя потери въ издательскомъ дѣлѣ, вызываемыя простыми административными распоряженіями, безъ слѣдствія, защиты и суда, не могутъ не колебать чувства законности и начала собственности. Въ большинствѣ подобныхъ случаевъ являлись: разореніе издателей-писателей, неспособныхъ обращать литературное призваніе свое въ промышленное дѣло, самое безысходное, угнетенное положеніе данной группы сотрудниковъ и безработица для всѣхъ служащихъ въ конторахъ и типографіи погибшаго изданія.

Административныя взысканія. По закону 1865 года установлено лишь одно административное взысканіе для освобожденныхъ отъ цензуры повременныхъ изданій, въ формѣ предостереженій, при чемъ третье предостереженіе влечетъ пріостановку изданія на срокъ до шести мѣсяцевъ.

Эта форма взысканій заимствована изъ французскаго закона о печати временъ Второй имперіи и въ настоящее время не существуетъ ни въ одномъ просвѣщенномъ государствѣ.

Право предостереженій предоставлено единоличной власти министра внутреннихъ дѣлъ. Неудобства такого единоличнаго руководства общимъ направленіемъ русской мысли, зависящія отъ взглядовъ и преходящихъ усмотрѣній одного министра, не разъ сообщали печати весьма одностороннее направленіе и создали неодинаковость отношеній ея къ тѣмъ

или другимъ вѣдомствамъ, учрежденіямъ, дѣйствующимъ законамъ и предметамъ обсужденія. Относительно внѣшней политики, финансовъ, суда и даже высшихъ государственныхъ установленій печать фактически пріобрѣла несравненно болѣе свободы, права оглашенія и критики, нежели относительно учрежденій и предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, особенно со времени упраздненія III-отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Въ то время, какъ дѣятельность Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ, Финансовъ, Юстиціи, а одно время и Военнаго, подвергалась не разъ самой придирчивой критикѣ, дѣйствія полиціи, общей и врачебной, не исключая даже урядниковъ, почти совершенно изъяты изъ гласности; голодъ, эпидеміи и эпизоотіи не разъ незамѣтно и врасплохъ застигали Россію, вслѣдствіе такой односторонности въ фактическомъ осуществленіи правъ и обязанностей печати, а дѣятельность суда, общественныхъ учрежденій, земствъ и городскихъ думъ получала невыгодное освѣщеніе, сравнительно съ административною и бюрократическою дѣятельностью.

Система „предостереженій“, влекущихъ за собою пріостановку изданія, помимо указаннаго уже разорительнаго значенія ея, отличающаяся всѣми элементами случайности и неравномѣрности взысканія, падающая не только на прямыхъ виновниковъ „вреднаго направленія“, но на всѣхъ причастныхъ къ изданію и на имущественное положеніе многихъ семействъ, усиливаетъ свои неудобства тѣмъ еще обстоятельствомъ, что въ законѣ не опредѣлено никакой давности для обязательной ихъ силы. Случалось не разъ, что третье предостереженіе, влекущее за собою пріостановку изданія, дѣлалось много лѣтъ спустя послѣ первыхъ двухъ; этотъ продолжительный промежутокъ времени, наглядно указывающій на полное желаніе изданія не противорѣчить взглядамъ администраціи, нисколько не смягчаетъ и не устраняетъ тяжести послѣдствій, соединенныхъ съ третьимъ предостереженіемъ; а между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, обнаруживалось, что первыя два предостереженія, сохраняющія свою карательную силу, даны за тѣ взгляды или оглашеніе такихъ фактовъ, которые признаются или установлены въ данное время самимъ правительствомъ. Такъ, напримѣръ, при отсутствіи давности, сохраняли свою силу предостереженія, данныя за осужденіе политики бывшаго болгарскаго князя, принца Александра Баттенбергскаго, за разоблаченіе уфимской раздачи

участковъ, за указанія на пользу разныхъ съѣздовъ, за мнѣнія о малоземеліи или упадкѣ крестьянскаго хозяйства, за сомнѣнія въ плодотворности гимназической реформы 70-хъ годовъ и т. п. Неудобства безграничности дѣйствія первыхъ двухъ предостереженій не разъ вызывали сложеніе ихъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Но такая амнистія по дѣламъ печати послѣдовала въ послѣдній разъ 12 декабря 1877 года. Въ настоящее время, почти всѣ наиболѣе распространенныя и вліятельныя газеты и многіе журналы находятся подъ дѣйствіемъ двухъ предостереженій, изъ которыхъ первыя насчитываютъ за собою 10—15 лѣтъ. Недостатки этой карательной системы, равносильной фактической отмѣнѣ правъ, дарованныхъ печати закономъ 6 апрѣля 1865 года, сознаются, очевидно, и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, которое въ послѣднее время прибѣгаетъ къ вовсе неустановленной въ законѣ формѣ воздѣйствія на свободную печать, въ видѣ внушеній, изъ которыхъ гласное послѣдовало относительно „Новаго Времени“ годъ тому назадъ, по поводу статей о морскомъ цензѣ, а остальныя, сопровождаемыя угрозами, дѣлаются келейно, при посредствѣ главнаго управленія по дѣламъ печати или даже цензурнаго комитета.

Пріостановка изданій за нарушеніе циркуляровъ. Въ 1873 году, 16 іюня, послѣдовалъ законъ слѣдующаго содержанія: „Если по соображеніямъ высшаго правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность чрезъ Главное управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ (ст. 140 Уст. о ценз. и печ.). На случай нарушенія этихъ распоряженій, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется останавливать изданіе на срокъ до трехъ мѣсяцевъ“ (ст. 156).

Если-бы законъ 1873 года соблюдался въ точности, въ установленныхъ имъ предѣлахъ и по вполнѣ ясному разуму его, то эта вторая административная кара не возбуждала-бы никакихъ сомнѣній или неудобствъ. На дѣлѣ получилось, однако, совершенно иное. Весьма важные вопросы и явленія государственной и общественной жизни устранялись отъ обсужденія въ то именно время, когда печать могла содѣйствовать правильному и разностороннему ихъ истолкованію. Административныя распоряженія, дѣлаемыя на основаніи указан-

нія закона, рѣже всего зиждутся на „соображеніяхъ высшаго правительства“, менѣе всего относятся къ тѣмъ „вопросамъ государственной важности“, оглашеніе которыхъ могло-бы принести какой-либо вредъ, и дѣйствуютъ не въ предѣлахъ „нѣкотораго времени“, а безгранично. Вмѣсто „соображеній высшаго правительства“, источниками запретительныхъ распоряженій являются нерѣдко личныя желанія того или другого начальника, даже частныхъ учрежденій и лицъ. Къ „вопросамъ государственной важности“ причислялись, напримѣръ, крупный проигрышъ въ карты частнаго лица, несчастный случай на желѣзной дорогѣ, оскорбленіе, нанесенное въ дворянскомъ собраніи, городскіе выборы, неправильныя дѣйствія общественныхъ банковъ и т. п. Кандидатъ въ городскіе головы, опасавшійся, что критика его дѣйствій повредитъ успѣху его избранія, исхлопатывалъ распоряженіе о воспрещеніи печати касаться этого „вопроса“; директоръ акціонернаго банка или страхового общества, разорявшаго своихъ кліентовъ, добывалъ распоряженіе объ изъятіи дѣятельности этого акціонернаго учрежденія изъ предметовъ оглашенія и обсужденія, печатая въ то-же время объявленія, рекламы и балансы, вводившіе публику въ заблужденіе. Невозможно привести въ извѣстность все число подобныхъ запретительныхъ распоряженій, которыя сообщаются лишь для прочтенія, безъ обозначенія срока дѣйствія ихъ и безъ всякихъ мотивовъ; но ихъ можно извлечь изъ дѣлъ Главнаго управленія по дѣламъ печати. Такъ какъ трудно упомнить, какихъ только фактовъ или вопросовъ не касаются эти безсрочные циркуляры, самое число которыхъ указываетъ, что они далеко выходятъ за предѣлы, предусмотрѣнные закономъ, то любая газета и любой журналъ нарушаютъ эти распоряженія, основываясь лишь на томъ, что они давно послѣдовали или устранились вліянія тѣхъ лицъ, которыя исходатайствовали ихъ. Въ числѣ подобныхъ распоряженій любопытно указать на ограниченія гласности, послѣдовавшія относительно желѣзныхъ дорогъ и даже путешествій министра путей сообщенія. При посредствѣ этихъ распоряженій получается то, чего не достигается иногда системой предостереженій, отсутствіемъ давности для нихъ и сохраненіемъ Дамоклова меча въ видѣ двухъ предостереженій надъ большинствомъ газетъ и журналовъ.

Запрещеніе розничной продажи. Въ уставѣ о цензурѣ перечислены всѣ тѣ административныя кары, которыя при-

мѣнимы къ безцензурной журналистикѣ. Онѣ сводятся къ пріостановкамъ изданія послѣ третьяго предостереженія или за нарушеніе циркуляровъ о воспрещеніи касаться „вопросовъ государственной важности“. О правѣ запрещенія розничной продажи газетъ вовсе не упоминается. Но въ отдѣлѣ о торговлѣ произведеніями печати содержится указаніе, что „министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется указывать полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ оными дозволеній на розничную продажу на улицахъ, площадяхъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ и торговыхъ заведеніяхъ разнаго рода дозволенныхъ книгъ и повременныхъ изданій отдѣльными номерами, тѣ періодическія изданія и брошюры, которыя не должны быть допускаемы къ розничной продажѣ“. Очевидно, это торговое ограниченіе относится къ тѣмъ изданіямъ, которыя по своему содержанію и постоянному направленію не должны имѣть широкаго распространенія. Но на практикѣ, изъ этого ограниченія книжной торговли выработалась особая административная кара для газетъ, въ видѣ неопредѣленнаго по времени и размѣрамъ денежнаго штрафа, причемъ запрещеніе относится къ редакціямъ, къ ихъ конторамъ, а не только къ перечисленнымъ въ законѣ „публичнымъ мѣстамъ и торговымъ заведеніямъ“. Обращенное въ административную кару воспрещеніе розничной продажи, дается на срокъ и безсрочно, въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ, за какіе-либо промахи и мелкія нарушенія правилъ о печати, вполнѣ опредѣленныя въ законѣ, и за которыя въ судебномъ порядкѣ полагаются незначительные денежные штрафы. Отступая отъ закона и не обращаясь къ суду, управленіе по дѣламъ печати замѣняетъ эти незначительныя и легальныя взысканія неопредѣленнымъ и часто весьма разорительнымъ денежнымъ штрафомъ, по административному усмотрѣнію.

Запрещеніе объявленій. Этой кары также нѣтъ въ законѣ объ административныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на безцензурную печать; она была установлена для подцензурной печати въ 1863 году и не подтверждена закономъ 6-го апрѣля 1865 г.; но тѣмъ не менѣе, кодификаціоннымъ путемъ, этотъ родъ взысканія попалъ въ Уставъ о цензурѣ и печати, и были примѣры примѣненія его къ безцензурнымъ изданіямъ, въ очевидный ущербъ торгово-промышленнымъ интересамъ и той публикѣ, которая нуждается въ публикаціяхъ. Въ 1863 г. объявленія и публикаціи не имѣли еще важнаго эко-

номическаго и общественнаго значенія, какъ въ настоящее время, да и существовавшая тогда исключительно подцензурная печать фактически встрѣчала менѣе стѣсненій, нежели нынѣшняя „свободная" отъ предварительной цензуры.

Общее заключеніе. Изъ изложеннаго видно, что законъ 6 апрѣля 1865 года желалъ создать въ Россіи независимую печать, обезпеченную отъ случайностей и превратностей цензурныхъ усмотрѣній, гласность и свободу обсужденія. Злоупотребленія печатнымъ словомъ предусмотрѣны карательными законами и подчинены общимъ органамъ правосудія, съ нѣкоторыми лишь изъятіями изъ правилъ о подсудности и судопроизводствѣ. Для ограниченія или-же пресѣченія вреднаго направленія, администраціи предоставлено было право временныхъ пріостановокъ и, въ крайнемъ случаѣ, запрещенія изданія при посредствѣ представленій, разсматриваемыхъ и утверждаемыхъ Правительствующимъ Сенатомъ.

Въ дѣйствительности, за исключеніемъ дѣлъ объ оскорбленіяхъ частныхъ и второстепенныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій, вся отвѣтственность по дѣламъ печати происходитъ въ административномъ порядкѣ, безъ предварительнаго разслѣдованія. безъ объясненій и защиты, помимо суда.

По духу закона и по мотивамъ его, изложеннымъ въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта, въ Россіи должны существовать гласность и свобода обсужденія. На дѣлѣ ни того, ни другого нѣтъ. Вслѣдствіе приведенной системы примѣненія какъ легальныхъ, такъ и нелегальныхъ административныхъ взысканій, внушеній и распоряженій, утратилось даже сознаніе, что законъ 1865 г., уничтожившій предварительную цензуру, тѣмъ самымъ обезпечилъ гласность и свободу обсужденія. Въ самомъ „Уставѣ о цензурѣ и печати" тщетно было-бы искать указаній на права печати, дарованныя въ 1865 г.; о нихъ упоминается лишь косвенно въ „Уложеніи о наказаніяхъ", въ примѣчаніи къ карательной ст. 1035, въ такомъ видѣ: „Не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей". При такого рода кодификаціи закона 1865 г., можно заключить, что оглашеніе фактовъ и обсужденіе ихъ не влекутъ лишь уголовнаго на-

казанія для „виновныхъ“, но не освобождаютъ ихъ отъ административныхъ взысканій и усмотрѣній. Подобный взглядъ на „права печати“ укореняется въ такой мѣрѣ, что въ прошломъ, 1894 г., во время возобновившейся въ Петербургѣ холеры, по поводу газетныхъ указаній и мнѣній о противогигіеничномъ положеніи столицы и неудовлетворительности врачебно-полицейскаго надзора, простымъ распоряженіемъ Министер. Внутрен. Дѣлъ была распространена предварительная цензура на освобожденныя отъ нея повременныя изданія, относительно всѣхъ статей и извѣстій по холерѣ (которая, кстати напомнить, застала все населеніе врасплохъ, подъ вліяніемъ подобнаго-же запрещенія, и вызвала панику въ Баку, Астрахани и другихъ поволжскихъ городахъ). Въ данномъ случаѣ, цензура не только была возстановлена въ нарушеніе закона 1865 г., но и возложена на непредусмотрѣнные закономъ органы ея. Разрѣшеніе всѣхъ извѣстій и статей по холерѣ въ Петербургѣ не было поручено цензурному комитету, а предоставлено тому же градоначальству, дѣйствія котораго подвергались обсужденію.

„Свободная“ столичная печать безропотно покорилась такому нелегальному распоряженію, потому что не разъ убѣждалась, что подъ цензурой чисто промышленная издательская дѣятельность несравненно устойчивѣе и сопряжена съ меньшимъ рискомъ, нежели безъ цензуры, хотя, какъ извѣстно, цензурное разрѣшеніе не обезпечиваетъ изданій отъ пріостановокъ и запрещеній административнымъ путемъ.

Въ Высочайше утвержденномъ 16 іюня 1873 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта, по поводу необходимости временныхъ ограниченій гласности и свободы обсужденія, выражены были слѣдующія соображенія:

„Изданіемъ этого постановленія, созидающаго законную основу для распоряженій, неизбѣжно вызываемыхъ иногда высшими интересами государства, нисколько не стѣсняются тѣ предѣлы, въ которыхъ донынѣ предоставлялось печати обсуждать политическіе и общественные вопросы. Новое постановленіе, по самому разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ и рѣдкихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что органы печати, правильно понимающіе призваніе свое служить пользамъ отечества, и сами собою, безъ всякаго принужденія, подчинялись-бы въ сихъ обстоятельствахъ приглашенію правительства. Посему особое о семъ правило и взысканіе за неисполненіе онаго можетъ

относиться лишь къ тѣмъ совершенно исключительнымъ, однако, какъ показываетъ опытъ, возможнымъ случаямъ, когда одно чувство долга и нравственной отвѣтственности не удержитъ отъ опасной по своимъ послѣдствіямъ нескромности. Предполагаемая для огражденія отъ подобной нескромности мѣра не будетъ отступленіемъ и отъ утвердившагося у насъ съ 1865 года основного начала, въ силу коего правительство, съ отмѣною предварительной цензуры, устраняетъ себя отъ стѣснительнаго тяготѣнія надъ сущностью высказываемыхъ въ печати мнѣній, преслѣдуя въ ней лишь нарушенія закона, неприличіе формы и явно вредное направленіе. Это начало сохранится съ полной силой, ибо цѣль и дѣйствія новаго постановленія будутъ состоять не въ томъ, чтобы направлять сужденія прессы въ какомъ-либо опредѣленномъ смыслѣ, а только въ томъ, чтобы въ случаяхъ особой необходимости вовсе устранять изъ области печатной полемики предметы, которые временно не должны подлежать гласности. Такимъ образомъ, правительство останется, какъ и теперь, непричастнымъ разнообразію встрѣчающихся въ печати воззрѣній, и нравственная отвѣственность за вѣрность печатаемыхъ свѣдѣній, за правильность и разумность сужденій будетъ попрежнему всецѣло лежать на самихъ органахъ печати“.

Приведенныя соображенія и цѣли законодателя не могли осуществиться при тѣхъ постановленіяхъ, въ которыя означенныя намѣренія вылились и примѣняются въ дѣйствительности. Это служитъ добавочнымъ указаніемъ на необходимость коренного пересмотра и улучшенія дѣйствующаго Устава о цензурѣ и печати.

Желательныя улучшенія въ законахъ о печати. 1. Повременныя изданія и печатаніе книгъ не слѣдуетъ подчинять предварительному разрѣшенію; достаточно установленнаго заявленія о приступѣ къ изданію и условіяхъ его, на основаніи существующихъ уже программъ, или предъявленія отпечатанной книги или брошюры въ надлежащее учрежденіе, до выпуска ея изъ типографіи. Если необходимо установить какія-либо ограниченія относительно издательской дѣятельности или лицъ, которымъ не можетъ быть предоставляемо издательское право, то таковыя ограниченія должны быть обозначены въ законѣ.

2. Запрещеніе книгъ, изданій или издательской дѣятельности должно быть предоставлено суду, за опредѣленныя въ законѣ или повторительныя правонарушенія.

3. Предостереженія повременнымъ изданіямъ и пріостановки ихъ слѣдуетъ вовсе отмѣнить, такъ какъ уголовныя и исправительныя наказанія, вмѣстѣ съ возможностью ареста, совершеннаго уничтоженія книгъ или прекращенія изданій, вполнѣ обезпечиваютъ государство, общество и частныхъ лицъ отъ возможныхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ.

4. За незаконное оглашеніе въ печати фактовъ или вопросовъ особой государственной важности, достаточно установить надлежащее наказаніе, по степени вреда, могущаго произойти отъ такого оглашенія, и примѣнять таковое наказаніе въ общемъ судебномъ порядкѣ. Самое установленіе неподлежащихъ оглашенію фактовъ (напримѣръ, плана мобилизаціи войскъ, оборонительныхъ предположеній, тайныхъ дипломатическихъ переговоровъ и т. п.) можетъ быть обозначено въ законѣ.

5. Запрещеніе розничной продажи или объявленій, въ видѣ взысканій, должно быть отмѣнено.

6. За правонарушенія, совершенныя путемъ печати, взысканія съ виновныхъ должны налагаться исключительно по суду, съ воспрещеніемъ или уничтоженіемъ изданій или книгъ въ подлежащихъ, указанныхъ въ законѣ случаяхъ. Для немедленной отмѣны системы административныхъ взысканій и для подчиненія печати судебной отвѣтственности имѣются въ настоящее время вполнѣ готовыя нормы, какъ въ уложеніи о наказаніяхъ, такъ и въ законахъ о судопроизводствѣ; достаточно лишь нѣкотораго пополненія ихъ въ указанныхъ выше случаяхъ, или для предупрежденія развитія шантажа и порнографіи. За преступленія и проступки по дѣламъ печати наши законы налагаютъ весьма строгія наказанія, доходящія до лишенія всѣхъ правъ состоянія и каторжной работы. Если о существованіи подобныхъ наказаній многіе даже не подозрѣваютъ, то это лишь указываетъ, что общее направленіе печати вполнѣ легально и безупречно. Вообще было-бы ошибочно предполагать, будто воздѣйствіе уголовныхъ законовъ и суда будетъ болѣе потворствовать злоупотребленіямъ печатнымъ словомъ, нежели цензура или административныя взысканія; напротивъ, въ дѣйствительно важныхъ случаяхъ судебная отвѣтственность гораздо строже, нежели отвѣтственность передъ цензурой; но вмѣстѣ съ тѣмъ получаются и твердо обезпеченныя нормы для гласности и свободы печати, для осуществленія принадлежащихъ ей правъ и обязанностей въ служеніи государственнымъ и общественнымъ интересамъ.

7. Дѣйствіе закона и суда надлежитъ распространить на всю печать, какъ столичную, такъ и провинціальную.

Примѣчаніе. Постановленія о литературной собственности и нѣкоторые уголовные законы, относящіеся къ печати, въ свою очередь, устарѣли и требуютъ пересмотра; но это, надо надѣяться, входитъ въ кругъ обязанностей комиссій, трудящихся надъ разработкой новаго уложенія по гражданскому и уголовному *праву.*

Съ осуществленіемъ означенныхъ предположеній умственная жизнь Россіи войдетъ въ правильныя, устойчивыя нормы, а созданная починомъ Петра Великаго печать, вѣрная завѣтамъ геніальнѣйшихъ представителей русской литературы, получитъ возможность оберечь себя отъ той порчи, которая начала вкрадываться въ нее въ послѣдніе годы, подъ дѣйствіемъ постановленій, заимствованныхъ изъ наполеоновской Франціи и извратившихъ французскую журналистику въ такой мѣрѣ, что въ настоящее время потребовались особыя усилія для очищенія ея отъ дурной накипи. Законность и правосудіе избавятъ русскихъ писателей отъ ярма, налагаемаго на печать промышленною предпріимчивостью и угодничествомъ низменнымъ вкусамъ. Освобожденное отъ излишнихъ стѣсненій, печатное слово будетъ неизмѣнно сѣять „разумное, доброе, вѣчное".

Письмо къ К. П. Побѣдоносцеву *). (1896 г.).

Ко дню 50-лѣтняго юбилея вашей служебной и ученопублицистической дѣятельности появился „Московскій Сборникъ", на которомъ значится ваше имя. Въ означенномъ сборникѣ, между прочимъ, сказано: „Горе той власти, которая тяготится „людьми правды" и „предпочитаетъ имъ людей склоннаго нрава, уклончиваго мнѣнія и языка льстиваго". О самой книгѣ этой появились уже печатные отзывы „языка льстиваго"; обречены-же на молчаніе о ней именно тѣ, кто

*) Черновая письма этого не сохранилась въ бумагахъ автора, часть которыхъ погибла во время пожара; но копіи съ этого документа имѣлись у нѣсколькихъ литераторовъ. Благодаря этому, авторъ получилъ возможность огласить его въ настоящее время, 11 лѣтъ спустя, когда положеніе печати едва-ли не ухудшилось. (Было напечатано въ газетѣ „Слово", 20 дек. 1907 г., № 335).

желалъ-бы сказать свое искреннее слово, присоединиться къ одному и возразить на другое. Хотя въ частныхъ бесѣдахъ и общественныхъ пересудахъ и возмѣщаются съ избыткомъ тлетворныя послѣдствія „языка льстиваго“, но „горе власти“ черезъ то не умаляется, а паче бываетъ. Тѣмъ болѣе не умаляется горе тѣхъ, кому приходится жить подъ тою властью, которая не только не замѣчаетъ указаннаго вами горя, но и принимаетъ его за основу своей силы и общаго благополучія.

Можно-ли разсчитывать, что Фамусовы не станутъ окружать себя Молчалинами, если въ самую основу государственной жизни положены умолчаніе о злоупотребленіяхъ власть имущихъ, искаженіе дѣйствительности и правило, что никто не долженъ „смѣть свое сужденіе имѣть“.

Пользуясь возможностью „вязать и рѣшать“, вы выступаете печатно, убѣждаете и обличаете. Прекрасно и назидательно. Правое слово, въ концѣ концовъ, всегда побѣждаетъ. Но если слово это, хотя искреннее, но ошибочное, если заключенія не всегда даже основаны на вѣрныхъ фактахъ, хорошо-ли выходить съ дреколіями цензуры и административными расправами противъ возможныхъ возраженій или поправокъ? Умѣстно-ли водворять въ умственной жизни эти „дреколія“, и не придется-ли, рано или поздно повстрѣчаться съ подобнаго-же рода „доводами“, но *съ другого конца*?

Вы признаете громадную опасность, когда народная вѣра расходится съ государствомъ; но если умственная жизнь расходится съ правительственнымъ сознаніемъ, неужели это благо? Отъ такого разлада и происходятъ революціи, приписываемыя вами воздѣйствію печати. Революціи были и тогда, когда не было еще печати, и происходятъ и тамъ, гдѣ она подавлена. Китай, Персія, Турція представляютъ постоянный очагъ внутреннихъ волненій, возстаній и усобицъ, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ наиболѣе распространена печать, гдѣ она пользуется наибольшей свободой, даже анархическіе листки, взывающіе къ самымъ разрушительнымъ инстинктамъ, не могутъ поколебать государственный порядокъ. Нашъ пугачевскій бунтъ, чумные, военно-поселенческіе, холерные, картофельные и всякіе другіе бунты происходили, конечно, не отъ избытка свободной печати въ Россіи...

Въ прошломъ году, мнѣ доводилось слышать и даже читать, въ качествѣ офиціознаго утвержденія, будто подчиненіе печати закону и суду несовмѣстно съ русской само-

державной властью, да и вообще законность хороша-де для Англіи, а не для насъ... И подобное утвержденіе выдается за *правительственное*, считается показателемъ благонадежности, получаетъ клеймо цензурнаго одобренія! Ну, а что, если русскій народъ, въ самомъ дѣлѣ, впадетъ въ подобное заблужденіе и разувѣрится въ томъ, что свобода совѣсти и мнѣній, законъ и законность присущи самодержавной власти? Что будетъ тогда, когда въ народѣ изсякнутъ надежды и упованія на то, что существующая государственная власть есть источникъ правды и истины? И теперь уже многіе сгораютъ отъ стыда, что изъ всей Европы только въ Россіи, да въ Турціи—нѣтъ мѣста честному, правдивому, независимому печатному слову,—безъ риска вызвать цензурныя расправы...

Истинно говорю вамъ, Константинъ Петровичъ, не проходитъ дня, чтобы обиженные и угнетенные не обращались въ редакціи съ жалобами и обличеніями, въ единственномъ упованіи, что Государь и высшее правительство узнаютъ путемъ печати правду. Что же будетъ, если и этотъ путь уничтожится, если отчаянное сознаніе, что „до Бога высоко, до Царя далеко“ возьметъ верхъ, и устрашенная и извращенная цензурнымъ произволомъ русская печать станетъ потворствовать тѣмъ Сквозникамъ-Дмухановскимъ, которые далеко не перевелись еще на Руси, и въ той или другой формѣ лезутъ въ казенный и обывательскій карманъ, а при малѣйшей ссылкѣ на законъ и права, имъ установленныя, угрожаютъ всякими притѣсненіями, разореніемъ и административными расправами, глумясь и потѣшаясь при этомъ, что расправы эти будутъ-де примѣнены „на законномъ основаніи“? Подобныя угрозы приходится слышать даже самой печати, отданной на произволъ какого-нибудь современнаго Красовскаго, и не только слышать, но и на дѣлѣ нести всѣ послѣдствія этого узаконеннаго беззаконія. Спросите любого типографщика, и онъ вамъ скажетъ, что только взятками можно откупиться отъ придирокъ. А вы все давите и давите печать, отказывая ей даже въ такой простой справедливости, какъ снятіе „предостереженій“, невѣдомо за что данныхъ 10—20 лѣтъ назадъ. Стыдно говорить даже объ этомъ... Въ сборникѣ вашемъ (стр. 15) упоминается о необходимости для государства „духовнаго единенія съ народомъ“ и поясняется, что „только подъ этимъ условіемъ поддерживается и укрѣпляется въ средѣ народной и гражданской жизни чувство законности, уваженіе къ закону и довѣріе къ государственной власти“. Но какое

же, спрашивается, довѣріе, какое „единеніе“ и какая „законность“ возможны тамъ, гдѣ умственная жизнь поставлена внѣ закона? Вы весьма рѣзко опровергаете мнѣнія и порицаете дѣйствія „умныхъ и ученыхъ людей“, государственныхъ дѣятелей (вродѣ Кавура), оказавшихъ общепризнанныя и величайшія услуги своему отечеству; вы уличаете въ ошибкахъ и заблужденіяхъ цѣлыя правительства и отвергаете самыя основы современной политики; всѣ нынѣшнія учрежденія, по вашему убѣжденію, пропитаны ложью. И такія печатныя рѣчи ваши не считаются „опасными“: вы не боитесь, что эти огульныя осужденія „подорвутъ довѣріе“ къ тѣмъ, на комъ лежитъ отвѣтственность за всѣ эти „лжи“; вамъ никто не даетъ „предостереженій“; васъ никто не преслѣдуетъ, не разоряетъ за вѣрность убѣжденіямъ,—никто не вторгается произвольно въ вашу душу и въ вашъ умъ, чтобы грубо, поаракчеевски, рѣшить, что вы мыслите „превратно“, колеблете „существующій порядокъ“; отъ васъ не отнимаютъ возможности выражать свои мысли печатно, въ назиданіе современниковъ и потомства; вамъ не возбранено пользоваться божественнымъ даромъ слова и духовно наслаждаться дѣйствіемъ своего творчества... Въ силу какихъ-же основаній создаются преграды и всевозможныя преслѣдованія, *внѣ закона и суда*, для людей иного мнѣнія и убѣжденія, да еще при посредствѣ вашего служебнаго вліянія и подобострастнаго усердія даже не подчиненныхъ вамъ чиновъ, жаждущихъ выслужиться или удержаться на видномъ мѣстѣ?

Много говорите вы о церкви и о вліяніи ея на государственную и общественную жизнь. Но церковь учитъ исповѣдывать заповѣди Христовы не на словахъ только, не лицемѣрно, а на дѣлѣ, добровольно, а не по принужденію. Когда Христа заушали прислужники тогдашнихъ церковныхъ владыкъ, „Распятый за насъ“ изрекъ: „Аще зле глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ; аще-ли добре, что мя біеши“. На этой богооткровенной истинѣ и зиждется свобода совѣсти и мнѣній, свобода печати. Объязыченные инквизиторы ее отрицали, но каждому христіанину и каждому христіанскому государству обязательно признавать эту истину. Больно и горько читать тѣ строки (стр. 69), гдѣ ваше обличительное слово, безъ всякихъ исключеній и оговорокъ, огульно осуждаетъ печать и ея представителей. И мнѣ, какъ и многимъ другимъ, приходилось не разъ дѣлать подобныя обличенія относительно *нѣкоторой* части журналистики; въ печати, однако, всѣ равноправны и возвы-

шается лишь тотъ, кто не нуждается въ насиліяхъ надъ чужимъ мнѣніемъ и глубоко вѣритъ въ нравственную силу своихъ доводовъ... Напомню, что объ этомъ извращеніи части нашей журналистики упомянуто и въ той запискѣ, которая была приложена къ прошенію, поданному въ прошломъ году русскими писателями, съ Высочайшаго разрѣшенія, Государю Императору.

Самообличеніе, сознаніе своихъ грѣховъ, всегда и для всѣхъ открытая возможность привлеченія къ нравственной и всякой другой отвѣтственности представляютъ лучшее обезпеченіе правильной дѣятельности человѣка и учрежденія. А какое-же учрежденіе, болѣе печати, поставлено въ это положеніе? Какой дѣятель подвергается нападкамъ и критикѣ болѣе, чѣмъ писатель? Кто только не заушаетъ, не преслѣдуетъ нашу печать и ея дѣятелей, не говоря уже о ея собственной способности къ самообличенію и совершенствованію? При всѣхъ тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ какія поставлена русская журналистика, она, однако, сумѣла и смогла возвыситься до міроваго значенія. Имена иныхъ русскихъ литераторовъ уважаются далеко за предѣлами отечества, а мнѣнія ихъ очень часто опережаютъ на много лѣтъ то, что совершается потомъ дипломатіей и выполняется въ дѣлахъ внутренней политики. Инымъ кажется, что они „собственнымъ умомъ“ дошли до извѣстнаго рѣшенія или дѣйствія, потому что они не отдаютъ себѣ отчета въ той общей умственной работѣ, въ которой сами дѣятели эти очень рѣдко участвуютъ. Если печать не всегда и не вполнѣ отражаетъ общественное мнѣніе (имѣющее и другіе способы выраженія), то не она тому виной, а тѣ, кто не пользуется этимъ орудіемъ общественнаго сознанія и умственнаго единенія, и тѣ, кто извращаетъ печатное слово подкупами, полицейскими и всякими другими произвольными и постыдными мѣрами.

Главная-же услуга печати заключается въ томъ, что въ ней всегда находили и будутъ находить мѣсто мнѣнія тѣхъ искреннихъ, свѣтлыхъ умовъ и болѣе дальновидныхъ людей, которые способны до самопожертвованія, вопреки своимъ личнымъ выгодамъ и поощреніямъ толпы, возвышать свой голосъ какъ противъ общественнаго мнѣнія, когда оно ошибочно направлено, такъ и противъ правительственныхъ дѣятелей, когда они сбиваются съ пути чести и добра. Печать способна выступать и на защиту тѣхъ, кто даже и не подозрѣваетъ, кто за нихъ подвизается. Нѣтъ лучше учрежденія,

какъ то, гдѣ всѣ могутъ находить отраженія господствующихъ мнѣній и въ то же время каждому дана возможность нравственно возстать противъ неправды и стадныхъ заблужденій.

„Любой уличный проходимецъ,—сказано на стр. 60 вашего сборника,—любой болтунъ изъ непризнанныхъ геніевъ, любой искатель гешефта можетъ издавать газету, собрать около себя „толпу писакъ“ и стать въ положеніе власти, судящей всѣхъ и каждаго“. Это говорится во имя правды и въ обличеніе лжи! Но вся правда тутъ лишь въ томъ, что подобная печать, дѣйствительно, завелась и развилась у насъ въ послѣднія 15—20 лѣтъ.

Но въ Россіи не любой „проходимецъ“ можетъ издавать газету, а только тотъ „проходимецъ“, которому дана на то концессія министромъ внутреннихъ дѣлъ и у кого не отнята эта концессія не менѣе произвольно, безъ опроса и оправданія, по тайному *усмотрѣнію* четырехъ министровъ, всегда охотно, изъ „любезности“ другъ къ другу, соглашающихся на подобныя расправы. Не ссориться-же имъ изъ-за такихъ пустяковъ, какъ газеты или журналы, изъ-за „толпы писакъ“! Вамъ не безызвѣстны эти министры, ибо къ числу инквизиціонныхъ карателей нашей печати принадлежитъ и оберъ-прокуроръ св. синода.

У насъ „любой болтунъ“ можетъ „стать въ положеніе власти, судящей всѣхъ и каждаго“, только съ прямого или косвеннаго одобренія цензуры и тѣхъ, кто властвуетъ надъ печатью. Вотъ такія-то печальныя послѣдствія полицейской опеки и административнаго произвола надъ печатью и привели всѣ просвѣщенныя государства къ сознанію, что лучше, дѣйствительно, предоставить издательское право на волю всѣхъ и каждого, какъ и всякое другое гражданское право, чѣмъ брать на отвѣтственность государства тотъ концессіонный порядокъ, при которомъ „любой уличный проходимецъ“ можетъ издавать газету или журналъ, а заслуженные и уважаемые обществомъ писатели, безъ всякаго суда, беззащитно, лишаются своихъ правъ, подвергаются разоренію, выбрасываются на улицу, обрекаются на молчаніе или отдаются въ руки „проходимцевъ“. Какія муки могутъ сравниваться съ насиліями надъ совѣстью и мыслью? И просвѣщенныя государства не ошиблись, подчинивъ печать закону и суду. Если тамъ и существуютъ, какъ и у насъ, шантажныя и промышленныя изданія, то дѣйствительная, нравственная сила и умст-

венное вліяніе принадлежатъ не имъ, а тѣмъ газетамъ и журналамъ, которые основываются, поддерживаются и руководятся политическими партіями, умственными и государственными вождями, „людьми правды“, а не „уклончиваго нрава и языка льстиваго“. Не думаю, чтобы Гладстоны и Тьеры могли опасаться „проходимцевъ“ или утратить свой авторитетъ по волѣ „любыхъ болтуновъ“.

Константинъ Петровичъ, ознаменуйте юбилейный годъ свой великой услугой Россіи, услугой той самой печати, къ которой вы такъ отрицательно относитесь, но съ которой вы все-же связаны своими публицистическими трудами. Отъ васъ зависитъ сказать свое авторитетное слово Государю и облегчить поистинѣ тягостное и вредное для государства положеніе печати. Не Государю, не Россіи можетъ быть опасно печатное слово, подчиненное закону и праведному суду. На васъ общественный говоръ возлагаетъ отвѣтственность за неудачный исходъ принятаго Государемъ ходатайства русскихъ писателей. Вамъ, ученому и писателю, приписываются въ обществѣ всѣ невзгоды, постигающія русскую печать. Достойно-ли это васъ? „Любые уличные проходимцы“ умѣли прилаживаться и сумѣютъ приспособиться къ самымъ унизительнымъ условіямъ печатнаго слова; но мы, писатели, задыхаемся... Христа ради, простите „аще злѣ глаголахъ“; но если въ моихъ доводахъ заключается хотя крупица добра, то извлеките ее и не принебрегите ею“. *29 іюня 1896 г. С.-П.Б.*

— —

Письмо это осталось безъ отвѣта. Положеніе печати продолжало ухудшаться; только рептиліи наслаждались и благодѣнствовали. Среди подавленной мысли, въ искаженной дѣйствительности, бюрократія безгранично властвовала, подрывала правосудіе, уничтожала самое понятіе о законности, держала народъ въ невѣжествѣ и тянула Россію къ внѣшнему безсилію и безславію.

Отъ автора.

Въ историческомъ журналѣ „Русская Старина“, въ мартовской книжкѣ текущаго (1908) года, помѣщенъ мой портретъ съ чрезвычайно лестной характеристикой моей литературной и общественной дѣятельности.

Пользуясь этой страницей, оказавшейся, — по техническимъ условіямъ печатнаго дѣла,—свободной среди двухъ отдѣловъ „сборника“, — считаю долгомъ своимъ выразить сердечную благодарность редактору-издателю „Русской Старины“, глубокоуважаемому Павлу Николаевичу *Воронову*, а также и автору означенной характеристики, хотя и прикрытому анонимомъ, но хорошо мнѣ извѣстному по его талантливому и трудолюбивому перу.

III.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Воспоминанія.

Печатались эти воспоминанія въ 1902—1903 гг. большею частью въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и частью въ „Кіевлянинѣ“, который не впадалъ еще тогда въ крайнее ретроградство.

I.

Дѣтскіе и учебные годы.

До исхода десятилѣтняго возраста, я жилъ безвыѣздно въ деревнѣ (въ селѣ Макарихѣ, Александрійскаго уѣзда, Херсон. губ.), подъ родительскимъ кровомъ, въ старомъ, деревянномъ помѣщичьемъ домѣ, въ которомъ было не менѣе 14-ти комнатъ, съ двумя половинами, мужской и женской, съ балкономъ въ старый, запущенный садъ, занимавшій 20 десятинъ, съ вѣковыми липами, грушами и кленами, бѣлыми акаціями, сиреневыми бесѣдками и множествомъ вишень, съ фигурчатыми цвѣтниками передъ домомъ.

У насъ, то-есть у отца и матери моихъ, была старая прадѣдовская усадьба, а у дяди, верстахъ въ двухъ, была новая усадьба, имъ самимъ устроенная, послѣ полюбовнаго раздѣла, съ новымъ англійскимъ садомъ, съ оранжереей, множествомъ фруктовыхъ деревьевъ, ягодныхъ кустовъ и новыхъ цвѣтовъ, розъ, георгинъ и проч., выписываемыхъ изъ Риги.

Отецъ былъ отставной кирасиръ принца Альберта Прусскаго полка (бѣлый и черный мундиры съ зелеными петлицами и золотымъ приборомъ). Тогда въ арміи кавалерія предпочиталась пѣхотѣ, а въ кавалеріи *первыми*, такъ сказать, *аристократичными* войсками считались кирасиры; за ними слѣдовали гусары, потомъ уланы, и послѣ нихъ уже, на четвертомъ мѣстѣ, драгуны, какъ болѣе близкіе къ „*пѣхтурѣ*“ и менѣе взрачные мундиры, по выпушкамъ и петличкамъ. Артиллерія стояла особнякомъ, занимая среднѣе мѣсто, и принадлежала къ *ученому* войску. Въ кавалеріи хотя и служили образованные, свѣтскіе и богатые люди, но учености не требовалось, и можно было обходиться даже „домашнимъ“ образованіемъ Мой отецъ кончилъ курсъ гимназіи, былъ большой любитель и знатокъ люшадей, умѣлъ отлично строить

дома, хозяйственныя службы, конюшни, амбары и даже мельницы и молотилки, нигдѣ этому не учившись; любилъ общество, карты, дворянскія собранія и выборы. Въ какомъ-нибудь критическомъ случаѣ, надо-ли было купить лошадь, дрожки, или сдѣлать какую-нибудь постройку, дядя обращался за помощью къ отцу; но у отца всегда были долги, всегда его кто-нибудь надувалъ; наоборотъ, у дяди долговъ не было, онъ никуда, кромѣ насъ, не выѣзжалъ, и увлекаясь садоводствомъ, былъ аккуратнѣйшій человѣкъ, съ самыми строгими правилами. Въ уѣздѣ нашемъ дядя былъ своего рода *рѣдкостью*. Онъ окончилъ Харьковскій университетъ *кандидатомъ* словеснаго (филологическаго) факультета, служилъ въ Одессѣ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Воронцовѣ, былъ членомъ англійскаго клуба; но, получивъ чинъ надворнаго совѣтника, вдругъ вышелъ въ отставку и 20 лѣтъ безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ, занимаясь своимъ садомъ и записывая каждый день погоду (барометръ и температуру).

У дяди была прекрасная библіотека, такъ какъ, закабалившись въ деревню и сиднемъ сидя въ ней 20 лѣтъ, онъ „книги сталъ читать“. Онъ выписывалъ, конечно, „Отечественныя Записки“, „Современникъ“, какую-нибудь газету и отдѣльныя книги на русскомъ и французскомъ языкахъ. Читая самъ, дядя любилъ читать громко намъ, то-есть отцу и матери, и кому-нибудь, кто жилъ у насъ. Въ долгіе, зимніе вечера дядя пріѣзжалъ къ намъ съ новой книгой или журналомъ и читалъ русскіе или переводные романы. Лѣтъ 7—8 и мы, дѣти, слушали это чтеніе. Благодаря дядѣ, я съ дѣтства полюбилъ книгу; въ 12 лѣтъ сталъ читать газеты, въ томъ числѣ „L'Indépendance Belge“. Вліянію и примѣру дяди обязанъ я и тѣмъ, что меня отвезли въ Харьковъ, отдали въ гимназію и поставили мнѣ *идеаломъ* университетъ, хотя я всегда любилъ военную службу и не могъ равнодушно видѣть войсковой строй. Изъ своихъ дѣтскихъ впечатлѣній, укажу еще на холеру, которая разразилась въ концѣ— сороковыхъ годовъ. Помню, какъ часто раздавался погребальный перезвонъ на колокольнѣ нашей церкви; помню, какъ отецъ ѣздилъ къ крестьянамъ нашимъ и сосѣднимъ, чтобъ ихъ *оттирать* щетками и *перцовкой* (настой краснаго стручковаго перца на крѣпкой водкѣ). У насъ жилъ кто-то въ родѣ лѣкаря, не настоящій врачъ, но и выше фельдшера. Съ нимъ и ѣздилъ отецъ по избамъ. Дыни, арбузы, огурцы

въ то лѣто были уничтожены и, къ великому огорченію, не подавались къ столу. У насъ былъ особый шкафъ, именовавшійся *аптечкой*, и въ немъ всегда имѣлись разныя лекарственныя снадобья, начиная съ липоваго цвѣта, сушеной малины, разныхъ пластырей и кончая каплями отъ кашля и желудочнаго разстройства. Когда собаки искусали мнѣ ногу и руку (у отца была *охота*, то-есть гончія и борзыя собаки), то довольно глубокія и кровоточивыя раны были заживлены домашними средствами; но когда я заболѣлъ воспаленіемъ желудка, то меня возили въ уѣздный городъ, и мы въ немъ жили мѣсяца два.

Въ концѣ августа 1852 года (полвѣка назадъ), когда мнѣ былъ десятый годъ на исходѣ, меня отвезли въ Харьковъ.

Ѣхали мы въ четырехмѣстной каретѣ, запряженной шестерикомъ сѣрыхъ битюковъ, съ форейторомъ и лакеемъ, дѣлая отъ 60-ти до 70-ти верстъ въ день, двумя упряжками. Ѣхали большой, почтовой дорогой, на Кременчугъ и Полтаву. Не только о желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ, но даже о шоссе въ нашихъ мѣстахъ въ то время и понятія не имѣли. Только послѣ Крымской войны увидѣлъ я въ первый разъ телеграфъ, а нѣсколько лѣтъ спустя и шоссе, которое доведено было до Харькова отъ Москвы; но у Харькова и застряло, далѣе не пошло. Строителемъ этого шоссе былъ знаменитый Дьяченко, болѣе удачный драматургъ, нежели инженеръ, авторъ „Гувернера" и другихъ въ свое время очень любимыхъ пьесъ. А между тѣмъ почтовая дорога отъ Харькова на Югъ была главнѣйшимъ нашимъ сообщеніемъ и представляла громаднѣйшую важность въ военномъ отношеніи, что и сказалось съ особою силою въ войну 1853—1855 годовъ. Въ мирное время это былъ важнѣйшій промышленный и торговый путь. По этой большой почтовой дорогѣ тянулись безконечные *валки* (какъ тогда говорили) обозовъ, въ одну лошадь или тройками; тащились и пароволовые возы, съ чумаками въ залитыхъ дегтемъ рубахахъ. Чумаки везли соль изъ Крыма, а конныя подводы изъ Великороссіи были нагружены всевозможнымъ товаромъ, желѣзнымъ, посуднымъ, стекломъ, мануфактурой, бакалеей. Бывало, по виду возовъ и по упряжкѣ, можно было узнать, откуда и что везутъ. Въ ночное время, въ хорошую погоду,

эти обозы не заѣзжали въ трактиры, во множествѣ расположенные по сторонамъ дороги, а останавливались прямо на ней, кормили лошадей или воловъ, раскладывали костры и варили себѣ пищу. Во имя интересовъ этихъ-то ямщиковъ, наша отсталость и боязливость долгое время открещивались, какъ чортъ отъ ладона, отъ такихъ *новшествъ*, какъ желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы.

На этой, хорошо знакомой, по 13-лѣтней ѣздѣ, большой дорогѣ случалось мнѣ опрокидываться 15-ть разъ счетомъ на протяженіи 20-ти верстъ, во время метели и зимнихъ сугробовъ; случалось наѣзжать на встрѣчную почтовую телѣгу въ облакахъ пыли, настолько густой во время продолжительнаго бездождья, что даже колокольчика подъ дугой („даръ-Валдая“) нельзя было разслышать далѣе двухъ-трехъ саженъ.

На этой, государственной дорогѣ, въ темную, дождливую, *воробьиную ночь*, когда молнія ослѣпляла, а мгновеніе спустя наступалъ непроглядный мракъ, случалось незамѣтно повернуть назадъ и проѣхать нѣсколько верстъ къ той почтовой станціи, откуда выѣхалъ. По этимъ примѣрамъ можно судить, въ какомъ положеніи находились наши второстепенные пути сообщенія, и что творилось на нихъ во время суровой зимы или въ распутицу, когда можно было потонуть въ грязи.

Въ Крымскую войну, наше херсонское дворянство *пожертвовало* нѣсколько тысячъ подводъ для надобностей военнаго вѣдомства. Изъ отцовской деревни были снаряжены двѣ воловьи подводы и одна троечная, лошадиная, съ тремя погонцами. Изъ Крыма вернулся только одинъ изъ нихъ, который и былъ у насъ долго кучеромъ. Волы, лошади, возы и два человѣка безслѣдно пропали. Вернувшійся передавалъ, что онъ возилъ снаряды и сухари изъ Симферополя въ Севастополь, а изъ Севастополя тащилъ раненыхъ, „пока кони не подохли“... Что сталось съ его товарищами,—онъ не знаетъ, такъ какъ *воловьи парки* дѣйствовали особо.

Но я упреждаю событія. Въ Харьковѣ меня отдали къ учителю французскаго языка 1-й гимназіи (тогда ихъ было двѣ) Августу Степановичу Менжо (Maingeaud), человѣку доброму, не особенно свѣдущему, но все-же имѣвшему библіотечный шкафъ, наполненный французскими книгами, которыя мнѣ и удалось прочесть отъ первой до послѣдней, въ теченіе шестилѣтняго пансіонерства. Менжо былъ добрымъ сы-

номъ и содержалъ своихъ родителей, которые прибыли въ Россію съ „великой арміей". Отецъ Менжо былъ въ этой арміи не то барабанщикомъ, не то цирульникомъ. Въ мое время онъ дѣлалъ парики, которые и носилъ самъ, являясь то брюнетомъ, то сѣдымъ. По-русски онъ не умѣлъ даже ругаться. Это служило въ пользу нашей практики во французскомъ языкѣ. А. С. Менжо пригласилъ нѣсколько учителей, своихъ товарищей по гимназіи, давать мнѣ уроки. Я тосковалъ по родинѣ, переболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, но все же весной 1853 года сдалъ очень легко экзаменъ во-второй классъ той-же первой (университетской) гимназіи. Въ ней преподавались тогда латинскій и греческій языки; но ни тотъ, ни другой *не были обязательны*. Оба языка учили только тѣ, кто шелъ на филологическій факультетъ; на остальные факультеты требовался только латинскій, а кто не желалъ поступать въ университетъ, тотъ и не учился древнимъ языкамъ. Въ этомъ отношеніи было свободно. Можно было и въ университетѣ сдать экзаменъ по латинскому языку, не учившись ему въ гимназіи. Требованія были скромныя, хотя на медицинскомъ факультетѣ исторіи болѣзней писались по-латыни, а иные профессора обращали болѣе вниманія на слогъ, нежели на содержаніе этихъ сочиненій.

Лѣто, какъ всегда и послѣ, во время своего ученія, я провелъ въ деревнѣ, а осенью вернулся въ Харьковъ и сталъ посѣщать гимназію. Ученикомъ былъ я *среднимъ*, не попадая ни на красную, ни на черную доску, легко переходя изъ класса въ классъ. Въ $16^1/_2$ лѣтъ кончилось мое гимназическое ученіе, и я поступилъ (въ 1859 г.) въ университетъ, на юридическій факультетъ. Въ гимназіи у меня никогда не было репетитора, а къ переводнымъ экзаменамъ я всегда готовился съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей. Было всегда весело и свободно во время этихъ подготовокъ. Своему учителю французу я много обязанъ тѣмъ, что онъ не надоѣдалъ мнѣ своей опекой и придирчивостью. Я вволю читалъ, абонируясь въ единственной тогда въ Харьковѣ частной библіотекѣ, кажется, за 5 рублей въ годъ.

Гимназія наша находилась на углу Московской улицы, у моста черезъ рѣку Харьковъ; а домъ, въ которомъ я жилъ у Менжо, стоялъ противъ большой площади или плаца, между церквами Михайловской и Вознесенской. Упоминаю объ этомъ потому, что вскорѣ по вступленіи моемъ въ гимназію мимо нашихъ оконъ потянулись войска. Проходили они по Мо-

сковской улицѣ, такъ какъ она служила тогда (до устройства шоссе) продолженіемъ большой дороги. По этой-же улицѣ въѣзжали въ Харьковъ государи, скакали фельдъ-егеря и возили почту; а на площади производились войсковые смотры, ученія харьковскому гарнизону и устраивались качели и другія увеселенія на Свѣтлой недѣлѣ. Все это доставляло неописуемое развлеченіе и удовольствіе, послѣ того наслажденія, которое получалось отъ чтенія и товарищескихъ игръ, большею частью въ мячъ, на обширномъ дворѣ нашего дома.

Если не ошибаюсь, войска начали проходить черезъ Харьковъ съ осени 1853 года (для занятія Дунайскихъ княжествъ, нынѣшней Румыніи). Бывало, сидимъ въ классѣ, вдругъ раздаются мѣрные удары турецкаго барабана, звуки военной музыки или залихватская солдатская пѣсня, съ присвистомъ, съ звономъ тарелокъ. Всѣ, не только мы, ученики, но часто учитель, бросаемся къ окнамъ и любуемся молодцовато двигающимися рядами пѣхоты. Года два продолжалось это шествіе войскъ. Шли пѣхотные полки въ каскахъ, тянулась артиллерія, звеня своими орудіями и громыхая зарядными ящиками; красиво проходили кавалерійскіе полки, гусары, уланы, драгуны. Потомъ промелькнули казаки, донцы и уральцы. Подъ конецъ шли уже ополченскія дружины, безъ музыки, съ барабанами и визгливыми рожками, плохо и нестройно, въ формѣ, похожей на нынѣшнюю, съ крестами на шапкахъ и надписью: „За вѣру, царя и отечество“. У пѣхоты нашей были кремневые самопалы, а у этихъ ратниковъ были такія ружья, которыя и для ручной драки были мало пригодны. Разсказывали тогда, что курское ополченіе, очутившись на севастопольскихъ бастіонахъ, болѣе работало *топориками*, нежели прикладами, которые разсыпались въ щепы, или штыками, которые гнулись отъ однаго удара.

Проходившія войска всегда имѣли въ Харьковѣ дневку, и на плацу имъ часто производились смотры. Все это было красиво и парадно. Но затѣмъ уже никто не шелъ на югъ, а отъ него взамѣнъ потянулись къ сѣверу подводы съ больными, увѣчными, ранеными. Многіе дома на той-же Московской улицѣ превращены были кое-какъ въ больницы. Зрѣлища и впечатлѣнія стали печальнѣе и печальнѣе.

Доходили до Харькова и плѣнные. Мой учитель всегда приглашалъ человѣкъ 10—12 своихъ компатріотовъ къ обѣду, по воскресеньямъ. Помню хорошо, что эти французы, под-

кутивши, показывали пріемы борьбы и разсказывали, какъ они били русскихъ. Я не выдержалъ и сказалъ одному изъ нихъ, болѣе крикливому:

— Ну, а теперь покажите, какъ васъ взяли въ плѣнъ?

- -

Осенью, кажется, того-же 1853-го года, проѣзжалъ черезъ Харьковъ императоръ Николай Павловичъ, по пути въ Николаевъ. Это было его послѣднее путешествіе. Помню хорошо, что въ числѣ нѣсколькихъ товарищей я долго стоялъ на плацу, мимо котораго пролегала Московская улица; моросилъ мелкій дождикъ. Наконецъ, послышалось "ура". Государь ѣхалъ въ открытой, дорожной коляскѣ. Съ нимъ сидѣлъ какой-то генералъ. Ѣхали по городу не особенно скоро, и мы отлично видѣли царя и въ свою очередь, снявъ шапки, крикнули „ура", не щадя горла. Государь повернулся въ нашу сторону и приложилъ руку къ козырьку.

Сколько я помню, въ этотъ проѣздъ, государь не останавливался въ Харьковѣ. Но, будучи разъ въ Харьковѣ (какъ разсказывали мнѣ), Николай Павловичъ заѣхалъ въ нашу гимназію и прошелъ прямо̀ въ больницу. Перепуганные ученики, смотрѣвшіе въ окна на проѣздъ государя, бросились къ кроватямъ и перепутали свои мѣста. Государь вошелъ, сталъ разспрашивать, кто чѣмъ боленъ, и замѣтилъ, что надписи на кроватяхъ не совпадали съ отвѣтами. Государь разгнѣвался и сдѣлалъ выговоръ директору. Въ это время выступилъ гимназическій врачъ, старикъ Рейпольскій, и началъ оправдываться:

— Осмѣлюсь доложить...

— Ты кто таковъ?—рѣзко спросилъ государь.

— Вашего царскаго величества надворный совѣтникъ и св. Анны 3-й степени *всадникъ*,—отвѣтилъ Рейпольскій.

— Посадить этого *всадника* на гауптвахту,—произнесъ государь и вышелъ изъ больницы.

Старикъ Рейпольскій принадлежалъ къ числу тѣхъ славянофиловъ, которые упорно хотѣли избѣгать всякихъ иностранныхъ словъ и говорили шарокатъ, а не бильярдъ, мокроступы—вмѣсто калоши и всадникъ—вмѣсто кавалеръ. Зиму и лѣто Рейпольскій ходилъ неизмѣнно въ одномъ вицъ-мундирѣ, съ открытой манишкой, не носилъ перчатокъ и т. п. Старикъ дожилъ до глубокой старости, и его зналъ весь городъ.

———

Въ концѣ февраля 1855 года, во время уроковъ, раздался рѣзкій звонокъ, означавшій всегда пріѣздъ начальства· Черезъ нѣсколько минутъ, входитъ въ нашъ классъ, ближайшій къ пріемной, директоръ, блѣдный, разстроенный. Вынувъ фуляровый платокъ изъ кармана, директоръ приложилъ его къ глазамъ и, заикаясь, объявилъ:

— Приготовьтесь къ печальной, горестной вѣсти!... Не стало нашего отца-благодѣтеля, осиротѣла Россія. Богу угодно было призвать къ Себѣ нашего государя...

Затѣмъ, всхлипывая, директоръ обратился къ инспектору съ приказаніемъ вести насъ въ церковь, къ панихидѣ и къ присягѣ тѣхъ изъ насъ, кто достигъ 12-лѣтняго возраста.

Слѣдуя примѣру директора, многіе расплакались, но всѣмъ, вообще, понравилось, что уроковъ въ этотъ день уже не будетъ и что мы будемъ присягать.

Въ числѣ имѣвшихъ право на присягу новому государю, царю-освободителю, находился и я, ибо мнѣ было тогда 12½ лѣтъ. Съ умиленіемъ принесъ я эту присягу.

Передавали, что одинъ изъ учителей, услышавъ печальную вѣсть отъ директора, воскликнулъ:

— Пропала Россія!—и грохнулся на полъ въ обморокѣ.

Многіе такъ думали тогда, сознавая, въ какомъ печальномъ положеніи была Россія. Можно представить, что почувствовали севастопольскіе герои, узнавъ о смерти государя.

Но Россія не пропала. Хотя кровавая борьба, по инерціи, продолжалась еще, но съ осени уже открылись пути къ миру. Тяжелый, непривычный былъ этотъ миръ, выразившійся въ Парижскомъ трактатѣ, но съ этой поры началось возрожденіе Россіи, возможное наверстываніе долговременной отсталости.

Зимою вздумалось моему учителю-французу поѣхать въ Одессу, поближе къ театру войны, и онъ взялъ меня съ собою, полагая завезти меня въ нашу деревню и прогостить у насъ часть рождественскихъ каникулъ. Мы выѣхали на почтовыхъ и по хорошей зимней дорогѣ быстро доѣхали до Полтавы; но далѣе невозможно было двинуться. Два дня мы прожили на станціи, тщетно ожидая лошадей. Станція была наполнена офицерами. Даже ѣхавшіе по казенной надобности ожидали очереди по два, по три дня. Чѣмъ далѣе къ югу,

тѣмъ долѣе становились задержки. Намъ совѣтовали нанять лошадей и ѣхать на долгихъ. Это нарушило всѣ расчеты. Пришлось вернуться назадъ, въ Харьковъ. Тутъ насъ выручилъ изъ бѣды одинъ раненый въ руку офицеръ, морякъ, ѣхавшій курьеромъ въ Петербургъ. Онъ взялъ насъ въ кибитку и довезъ до Харькова.

Были почтовыя станціи, съ которыхъ убѣгали смотрители. Всѣмъ имъ дали право на 14-й классъ, чтобъ возвысить отвѣтственность за *рукоприкладство*, какъ выражается М. И. Драгомировъ. Проѣзжіе гонялись за ними.

Лошади выбивались изъ силъ, и иные переѣзды приходилось дѣлать на волахъ—такова была распутица.

. . .

Въ царствованіе Николая Павловича, въ Харьковѣ было генералъ-губернаторство, распространявшееся на три губерніи: Харьковскую, Полтавскую и Черниговскую. Во время Крымской войны, при мнѣ генералъ-губернаторомъ былъ генералъ-адъютантъ Кокошкинъ. Онъ-же былъ, по тогдашнему обычаю, и попечителемъ учебнаго округа. Генерала Кокошкина ставили въ одинъ рядъ съ Закревскимъ и Бибиковымъ (московскимъ и кіевскимъ генералъ-губернаторами). Къ Закревскому онъ подходилъ, но ему было далеко до государственнаго ума Д. Г. Бибикова. Это былъ хорошій оберъ-полицеймейстеръ—не болѣе. Для Харькова, какъ говорили, Кокошкинъ много сдѣлалъ въ смыслѣ внѣшняго благоустройства. Но, вѣроятно, этихъ успѣховъ можно было достигнуть и помимо него и при посредствѣ менѣе крутыхъ мѣръ. Когда городской голова, купецъ Рудаковъ, осмѣлился проявить кое-какую самостоятельность, Кокошкинъ промолчалъ; но недѣльки черезъ двѣ, къ дому Рудакова подъѣзжаетъ тройка, съ жандармами, и городского голову увозятъ въ Пермь, не давъ ему одуматься, проститься съ семьей. Эта ссылка продолжалась три года.

Какъ попечителя, мы никогда не видѣли Кокошкина; но разъ въ годъ, подъ Свѣтлый праздникъ, отъ каждаго класса наряжали по два ученика христосоваться и разговляться съ генералъ-губернаторомъ. Въ числѣ этихъ избранниковъ случилось и мнѣ быть. Помню, что мы долго стояли, вытянувшись въ струнку, въ какой-то проходной комнатѣ генералъ-губернаторскаго дома. Мимо насъ проходили всевозможные чины, военные и гражданскіе. Было нѣсколько плѣнныхъ

офицеровъ, въ томъ числѣ англичанъ, въ красивыхъ красныхъ мундирахъ. Наконецъ, къ намъ подошелъ маленькій, невзрачный, черномазый генералъ и быстро сталъ подставлять свои нарумяненныя щеки для поцѣлуевъ. Потомъ насъ подвели къ особому столику и очень гостепріимно угостили. Объ этихъ парадныхъ розговинахъ сохранилось у меня очень хорошее впечатлѣніе, такъ что лично ничего, кромѣ благодарности, я къ Кокошкину не имѣлъ. Но знаю, что всѣ радовались и вздохнули свободно въ Харьковѣ, когда генералъ-губернаторство было упразднено, и Кокошкинъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ и умеръ отъ какого-то несчастнаго случая.

Изъ Москвы взяли Закревскаго. Это были предвѣстники освободительной эпохи.

Въ раннемъ дѣтствѣ, помню, гостила у насъ въ деревнѣ родственница, которую внушили мнѣ особенно почитать, какъ извѣстную писательницу. Это была *Марковичъ*, писавшая подъ псевдонимомъ *Марко-Вовчекъ*. Прабабушка моя съ материнской стороны, Марья Ивановна Ангелова, помнившая времена Павла I и умершая въ глубокой старости, во второй половинѣ 60-хъ годовъ, была урожденная Марковичъ. Кромѣ этихъ голыхъ фактовъ, ничего не знаю или не помню объ этой писательницѣ.

Гораздо цѣльнѣе мои впечатлѣнія о другомъ литературномъ знакомствѣ. Это было въ первую мою поѣздку на каникулы. За мною прислали троечный тарантасъ, съ кучеромъ и старымъ слугой, Даніиломъ, служившимъ еще дѣду и котораго я любилъ, какъ родного. По моей просьбѣ, еще задолго до 19-го февраля, ему дарована была *воля* и усадьба, лучшая въ нашемъ селѣ, напротивъ церкви. Но въ 1853 году это былъ еще крѣпостной слуга, везшій *барчука*, или, какъ у насъ называли, *панича* (отъ слова панъ), въ родную имъ обоимъ деревню. Выѣхавъ изъ Харькова, мы свернули съ почтовой дороги, шедшей кружно на г. Валки, и остановились на ночлегъ въ сел. *Перекопъ*. Не успѣлъ я разглядѣть иконы и лубочныя картинки, украшавшія стѣны лучшей горницы постоялаго двора, какъ въ нее вошли помѣщикъ въ соломенной шляпѣ и въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и довольно зрѣлая уже на видъ дама.

Ласково поздоровавшись со мною, разспросивъ, кто я

и куда ѣду, посѣтители пригласили меня на прогулку съ ними. Мы ходили по какимъ-то валамъ и старымъ, заброшеннымъ землянымъ укрѣпленіямъ. Помѣщикъ показывалъ это своей спутницѣ и объяснялъ, что село Перекопъ являлось когда-то крѣпостью, сооруженной противъ татаръ. Здѣсь была *граница* Русской земли, и на югъ, за этимъ землянымъ *валомъ* или *перекопомъ*, тянулась уже пустынная степь, по которой совершались набѣги крымскихъ татаръ. Весьма понятно, съ какимъ любопытствомъ слушалъ я эти объясненія. Въ концѣ прогулки, мои любезные спутники проводили меня на постоялый дворъ. Тогда я позволилъ себѣ спросить, *съ кѣмъ* я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться, чтобъ знать, кому я обязанъ доставленнымъ удовольствіемъ. Помѣщикъ называлъ себя—*Абаза*.

— А эта дама,—добавилъ онъ,—г-жа Ишимова.

— Ишимова!..—невольно воскликнулъ я:—сочинительница прелестныхъ книгъ?

Оказалось, что это была дѣйствительно знаменитая въ свое время писательница *для дѣтей*. Она видимо была довольна и моимъ восторженнымъ восклицаніемъ, и той широкой извѣстностью, которой пользовалось ея имя даже среди дѣтей. Ишимова разспросила, что я читалъ изъ ея сочиненій, и, похваливъ меня, пожелала мнѣ счастливаго ученія въ гимназіи и университетѣ.

Лѣтъ двадцать спустя, въ Петербургѣ пожаловала однажды ко мнѣ весьма почтенная старушка, чтобы выразить сочувствіе по поводу какой-то моей статьи. На мой вопросъ, кому я обязанъ этимъ привѣтомъ, послѣдовалъ отвѣтъ:

— Я—Ишимова.

— Боже мой!.. Позвольте въ такомъ случаѣ возобновить старое знакомство и представиться въ качествѣ вашего *ученика* и почитателя...

И я напомнилъ Ишимовой нашу встрѣчу и прогулку въ Перекопѣ. Маститая писательница растрогалась и прослезилась. На другой или третій день Ишимова прислала мнѣ свои книги, которыя пришлось читать уже моимъ дѣтямъ.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Въ декабрѣ 1881 года, праздновалось 50-лѣтіе литературной дѣятельности Ишимовой. Мнѣ пришлось быть въ составѣ тѣхъ депутацій, которыя поздравляли маститую писательницу. И опять, въ *третій разъ*, я представился ей въ качествѣ усерднаго ученика.

— Помню, хорошо помню!—отвѣчала она.

Происходило это въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, на Коломенской улицѣ.

Въ другой разъ, по пути изъ Харькова въ Полтаву, на почтовой станціи *Ѳедоровка*, встрѣтился я съ семьей *Гулакъ-Артемовскаго*. Онъ былъ когда-то ректоромъ Харьковскаго университета и извѣстнымъ малороссійскимъ писателемъ. Кромѣ ласковаго обращенія и угощенія чаемъ изъ дорожнаго погребца, ничего другого не помню изъ этой встрѣчи.

Въ Харьковѣ въ то время имѣлись и другіе литераторы или эмбріоны ихъ, но въ весьма ограниченномъ числѣ.

Въ числѣ ихъ были уже упомянутый мною драматургъ Дьяченко, водевилистъ военнаго быта Турбинъ и Григорій Петровичъ Данилевскій. Изъ нихъ только съ Г. П. Данилевскимъ мнѣ пришлось познакомиться и часто встрѣчаться въ Петербургѣ, когда авторъ „Мировича" былъ помощникомъ, а потомъ редакторомъ „Правительственнаго Вѣстника".

Съ самаго вступленія моего въ гимназію меня преслѣдовалъ вопросъ: „не родственникъ-ли мнѣ Николай Дмитріевичъ Градовскій?" и всякій разъ я объяснялъ, что это *воронежскіе* уроженцы, а я *херсонскій*, и родства между нами нѣтъ. Только гораздо позже я узналъ, что мы происходимъ отъ общаго рода.

Съ Николаемъ Дмитріевичемъ Градовскимъ мнѣ пришлось познакомиться только въ Петербургѣ, какъ съ авторомъ книги по еврейскому вопросу (если не ошибаюсь). Съ меньшимъ братомъ его *Александромъ*, впослѣдствіи извѣстнымъ публицистомъ, ученымъ и профессоромъ государственнаго права, я познакомился въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ былъ старше меня на *два курса*; но я помню хорошо его—худенькаго, съ всегдашней иронической усмѣшкой на устахъ, съ блестящими, умными глазами. Въ университетѣ всѣ тогда поклонялись профессору международнаго права Д. И. Каченовскому, краснорѣчивому оратору и западнику.

Д. И. Каченовскій принадлежалъ къ числу нашихъ *англомановъ*, прекрасно зналъ англійскую литературу, восхищался англійскимъ консервативно-либеральнымъ укладомъ и даже во внѣшнемъ своемъ обликѣ старался напомнить англійскаго *джентельмена*. Лекціи Каченовскаго всегда посѣща-

лись, а иной разъ его аудиторію наполняли студенты всѣхъ факультетовъ.

Были, однако, и *скептики*, не раздѣлявшіе господствовавшаго увлеченія Каченовскимъ. Эти скептики появлялись среди смутно зарождавшихся тогда *націоналистовъ* и *соціалистовъ*.

Александръ Дм. Градовскій, сколько помню, не принадлежалъ къ числу поклонниковъ Каченовскаго, вѣроятнѣе всего, подъ вліяніемъ *прогрессивнаго славянофильства*, вождями котораго являлись въ то время И. С. Аксаковъ, Юр. Ѳ. Самаринъ и другіе. Тѣмъ не менѣе, первые публицистическіе труды А. Д. Градовскаго появлялись въ *англоманскомъ* и *западническомъ* журналѣ, каковымъ былъ въ первые годы „Русскій Вѣстникъ“ М. Н. Каткова, и гдѣ участвовали тогда такія литературныя и ученыя силы, какъ Тургеневъ, Левъ Толстой, Ал. Толстой, Салтыковъ (Щедринъ), Кавелинъ, Безобразовъ и другіе. Всѣ они постепенно отошли отъ Каткова, по мѣрѣ превращенія его въ Ѳаддея Булгарина новѣйшаго изданія; отошелъ и А. Д. Градовскій. Въ славянофильскихъ изданіяхъ онъ не участвовалъ, за исключеніемъ развѣ „Русской Рѣчи“ Навроцкаго, но статьи его иной разъ были не чужды славянофильскихъ вѣяній. Тутъ нѣтъ ничего страннаго и предосудительнаго. Каждый человѣкъ, а тѣмъ болѣе выдающійся ученый и публицистъ, слагается постепенно, беретъ свое добро въ разныхъ лагеряхъ и вырабатываетъ *свою* самостоятельную личность. Катковъ и Аксаковъ были совершенныя противоположности; насколько англоманъ и западникъ мѣнялся и превращался въ доморощеннаго самодура и нахлѣбника, настолько славянофилъ и приверженецъ „свободы духа и слова“ упорно и недвижно стоялъ на своемъ „назадъ и домой“, въ московскую Русь. Однако, на дѣлѣ оба *вождя* очень часто сходились и болѣе разрушали, нежели созидали. Оба они, Аксаковъ и Катковъ, не могли простить Ал. Д. Градовскому сочиненіе „органическаго устава“ для освобожденной Болгаріи, хотя это *сочиненіе* было сдѣлано по приглашенію правительства. *Сочиненіе* это оказалось настолько жизненнымъ, что его пришлось возстановить и удержать послѣ всѣхъ тѣхъ *узурпацій*, которыя происходили въ Болгаріи подъ поощрительнымъ одобреніемъ или вліяніемъ означенныхъ умственныхъ *вождей* нашихъ, или попросту въ силу рабскихъ привычекъ, вынесенныхъ изъ многовѣковаго турецкаго ига.

Какъ самостоятельный ученый и публицистъ, Ал. Д. Градовскій не могъ уложиться въ узкія рамки той или другой газеты или журнала; эта самостоятельность замѣчалась въ немъ еще во времена студенчества.

Знакомство мое съ нимъ возобновилось въ Петербургѣ, во время совмѣстнаго сотрудничества въ „Голосѣ“; но затѣмъ мы разошлись во взглядахъ на нѣкоторыхъ дѣятелей (какъ, напримѣръ, М. Г. Черняева) и на правѣ современниковъ судить о нихъ. А. Д. полагалъ и даже печатно утверждалъ, что право это принадлежитъ лишь *исторіи*. Мнѣ это *ограниченіе* казалось страннымъ, особенно для публициста. Безъ сомнѣнія, *окончательный судъ* принадлежитъ *исторіи*, но и исторія захочетъ узнать и неизбѣжно спроситъ современниковъ, какъ они относились къ тѣмъ или другимъ дѣятелямъ, вопросамъ и событіямъ. Если современники умѣютъ только молчать или льстятъ и потакаютъ тому, что вредно и не заслуживаетъ одобренія, то *исторія* ихъ за это не похвалитъ. Расходясь въ этихъ взглядахъ, я, конечно, всегда признавалъ ученыя заслуги и литературный талантъ своего знаменитаго однофамильца и отчасти товарища.

Очень жаль, что смерть такъ рано унесла этого выдающагося ученаго и публициста.

Хочется мнѣ сказать еще объ одной харьковской *знаменитости*, но съ *другой стороны*. Я разумѣю *Заруднаго*. Онъ принадлежалъ къ очень хорошей помѣщичьей фамиліи. Сестра его была замужемъ за княземъ Ф. Г. Голицынымъ, попечителемъ 1-ой харьковской гимназіи и предводителемъ дворянства. Нѣкоторое время я пользовался покровительствомъ этого попечителя (какъ товарища отца по военной службѣ) и помню его дочь, Матильду, бывшую потомъ замужемъ за генераломъ Духовскимъ (начальникъ штаба кавказскаго корпуса въ войну 1877—1878 годовъ и впослѣдствіи генералъ-губернаторъ на Амурѣ и въ Туркестанѣ). Г-жа Духовская, какъ извѣстно, была не чужда литературѣ.

Но возвращаюсь къ Зарудному. Это былъ первый *слетокъ* изъ числа тѣхъ дворянъ, которые признали, что *эмансипація* обрекаетъ ихъ не только на *оскудѣніе*, но и на всякаго рода *дѣятельность*, при которой менѣе всего надо быть разборчивымъ въ средствахъ. Будучи въ долгу, какъ въ шелку, не умѣя работать, эти господа рѣшили зачис-

литься въ *дѣльцы свободной* Россіи. Иные стали *торговать*, другіе пустились въ *учредительство*, пытались попасть въ *концессіонеры*, въ директора *акціонерныхъ* банковъ и т. п.

Зарудный вздумалъ заняться *увеселительными развлеченіями*. Онъ устроилъ въ Харьковѣ нѣчто въ родѣ „Минеральныхъ водъ" Излера или „шато-кабака", какъ теперь выражаются. Въ увеселительномъ саду Зарудный показывалъ Юлію Пастрану (женщину съ бородой, походившую на обезьяну) и извѣстныхъ сіамскихъ близнецовъ; жгли фейерверки и танцовали на эстрадѣ. Зимой танцы и ужины переносились въ комнаты этого увеселительнаго заведенія. Въ концѣ концовъ, Зарудный прогорѣлъ и очутился въ Петербургѣ, гдѣ явился учредителемъ *увеселительной* печати, такъ называемой „малой прессы". Плоды этого газетнаго учредительства стали пожинать послѣдователи Заруднаго; онъ-же кончилъ свои предпринимательскія похожденія весьма плохо.

Къ ряду первыхъ литературныхъ знакомствъ и впечатлѣній слѣдуетъ отнести и тѣ отношенія, которыя мнѣ удалося пріобрѣсти со стороны старшаго учителя математики и физики въ 1-ой харьковской гимназіи, Валеріана Ильича *Дементьева*.

По виду, это былъ сухой, аккуратнѣйшій, не пропускавшій ни одного урока педантъ и холостякъ; на дѣлѣ же онъ являлся сердечнѣйшимъ человѣкомъ, никому и никогда ни малѣйшаго зла не причинившимъ. Всѣ ученики любили и уважали его; преподавать и заохотить умѣлъ онъ такъ, что даже самые тупые и лѣнивые усвоивали необходимое изъ математической „суши". Никто не несъ наказанія черезъ В. И. Дементьева, и всѣ у него исправно переходили изъ класса въ классъ. Никогда и никого онъ не *ловилъ* въ незнаніи урока, чѣмъ занимались обыкновенно другіе учителя и злорадствовали, когда эта ловля или охота удавалась. Дементьеву можно было смѣло сказать, что къ уроку *не готовился*, и онъ начиналъ тогда повторять свои объясненія. Въ высшихъ классахъ онъ слѣдовалъ такой системѣ: три недѣли преподаетъ, объясняетъ, втолковываетъ намъ, а послѣднюю недѣлю каждаго мѣсяца назначалъ для репетицій. Тутъ ужь каждый долженъ былъ отвѣчать, но по своей охотѣ, въ тотъ день, когда подготовился. Въ періодъ этихъ репетицій можно было просить новыхъ объясненій, и Валеріанъ Ильичъ охотно

давалъ ихъ. Двери его квартиры всегда были открыты для учениковъ.

Особымъ вниманіемъ и любовью В. И. Дементьева пользовался нашъ классъ. Когда Дементьевъ получилъ должность инспектора и былъ переведенъ во 2-ю гимназію, то онъ ни за что не хотѣлъ бросить насъ и передать въ руки новаго и незнакомаго учителя. Онъ безвозмездно продолжалъ свое преподаваніе и довелъ насъ до университета, исхлопотавъ на это особое разрѣшеніе.

Среди любимаго класса, у вполнѣ безпристрастнаго и справедливаго Валеріана Ильича были избранные, особенно любимые ученики. Это не были *первые* по балламъ ученики, но способные и развитые. Въ число этихъ избранниковъ имѣлъ счастье попасть и я. Бывало Валеріанъ Ильичъ зазоветъ насъ 3—4 къ себѣ, въ свою чистенькую и скромную квартирку, угоститъ чаемъ и разными сластями; но главное удовольствіе этихъ *вечеровъ* заключалось въ *чтеніи* и въ оживленной, свободной и добродушной бесѣдѣ по поводу этого чтенія. Валеріанъ Ильичъ выписывалъ два—три журнала, изъ которыхъ и выбиралъ какую-нибудь выдающуюся статью для прочтенія намъ. Мнѣ особенно дороги были эти чтенія, напоминавшія мнѣ деревню. Такимъ образомъ поощрялась и развивалась привычка къ самостоятельному чтенію и осмысливанію прочитаннаго.

Въ одинъ изъ такихъ незабвенныхъ вечеровъ, Валеріанъ Ильичъ сообщилъ намъ, что въ Петербургѣ учреждается общество, имѣющее цѣлью помогать литераторамъ и ученымъ, что это общество организуется по примѣру англійскаго „*Литературнаго фонда*“, что каждый просвѣщенный человѣкъ долженъ поддержать это общество, и что онъ поступилъ уже въ его члены.

Прощаясь со мною въ этотъ вечеръ, Дементьевъ шутливо замѣтилъ:

— Не забудьте поступить въ члены „Литературнаго фонда“.

Изъ всѣхъ моихъ товарищей, мнѣ одному удалось осуществить совѣтъ добрѣйшаго учителя и истиннаго наставника-друга.

Безъ сомнѣнія, я не воображалъ даже тогда, что съ 1870 года, черезъ 11 лѣтъ послѣ означеннаго назиданія, мнѣ придется быть въ Петербургѣ, вступить въ число членовъ „Литературнаго фонда“ и принимать болѣе или менѣе дѣя-

тельное участіе въ его задачахъ, въ теченіе около 30-ти лѣтъ *).

Одно время меня укоряли во враждѣ и даже въ попыткахъ погубить „Литературный фондъ“; но я возставалъ лишь противъ бездѣятельности, застоя и превращенія благихъ цѣлей этого общества въ ту банальную *филантропію*, которая обличена была еще Диккенсомъ, а затѣмъ и у насъ Григоровичемъ. Мнѣ больно было за тѣхъ, кому выдавались жалкія, ничтожныя подачки, на почвѣ всевозможныхъ случайностей, не исключая даже *настроенія* духа *благотворителей*, да еще и весьма часто съ худо скрытымъ пренебреженіемъ къ благотворимымъ, къ тѣмъ несчастнымъ, которые попали въ бѣдственное положеніе, вызываемое иной разъ *независящими обстоятельствами*.

Поскольку „Литературный фондъ“ былъ чуждъ подобной *филантропіи*, постольку я любилъ, уважалъ и по мѣрѣ силъ поддерживалъ это учрежденіе. Да процвѣтаетъ и разростается оно во вѣки вѣковъ, на пользу родной литературы и русскаго народа.

II.

Начало журнальной дѣятельности.

Первая моя статейка появилась въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“,—единственномъ тогда періодическомъ изданіи въ университетскомъ городѣ!.. Это было осенью 1862 года, когда мнѣ оканчивалось 20 лѣтъ. Въ театрѣ была поставлена мелодрама Загоскина—„Рославлевъ, или русскіе въ 1812 году“, съ участіемъ кантонистовъ и деревянныхъ пушекъ, прибывшихъ изъ Чугуева. Замѣтка моя отзывалась объ этомъ представленіи съ ироніей и относилась отрицательно къ самой пьесѣ знаменитаго автора „Юрія Милославскаго“, котораго въ дѣтствѣ я читалъ съ восторгомъ, наравнѣ съ „Тремя мушкатерами“ или „Айвенго“.

Насколько бѣдна была харьковская печать, настолько славился тогда харьковскій театръ. Первое мѣсто въ немъ

*) Осенью 1907 г., послѣ десятилѣтней болѣзни, я снова принятъ въ члены „Литературнаго фонда“.

занималъ извѣстный трагикъ Рыбаковъ, а потомъ Милославскій. Комическую старуху представляла Ладина, одно появленіе которой возбуждало уже въ зрителяхъ неудержимый смѣхъ. Ее не разъ приглашали на столичную сцену, но она не хотѣла разстаться съ Харьковомъ, за что ее еще больше любили. Комикомъ былъ Павелъ Васильевъ, умѣвшій и смѣшить, и трогать до слезъ. Первымъ любовникомъ былъ Пронскій, холодный, но приличный актеръ. Оба послѣдніе, какъ извѣстно, перешли потомъ въ Петербургъ и окончили дни свои на Александринской сценѣ.

Въ составѣ харьковской труппы были всегда и очень хорошіе исполнители малороссійскихъ пьесъ и оперетокъ, какъ, напримѣръ, Дмитревскій, Дорошенко и другіе предшественники М. Л. Кропивницкаго и М. К. Заньковецкой, съ которыми я имѣлъ удовольствіе познакомиться въ Петербургѣ, лѣтъ 25 спустя. Кіевъ, наоборотъ, былъ совершенно нищимъ въ театральномъ отношеніи, но за то щеголялъ передъ Харьковомъ въ дѣлѣ развитія періодической печати, какъ въ 1863 году, когда я перешелъ въ кіевскій университетъ, такъ и въ послѣдующіе годы. На сценѣ кіевскаго театра подвизалась плохенькая италіанская опера, а съ типографскихъ станковъ выходили многія духовныя изданія, „Университетскія Извѣстія“, медицинскія газета, „Губерн. Вѣд.“ и частная газета „Кіевскій Телеграфъ“. Съ 1 іюля 1864 года началъ издаваться „Кіевлянинъ“, разомъ ставшій въ ряды лучшихъ газетъ.

Издавать газету въ провинціи было тогда нелегко, а въ Кіевѣ въ особенности. Прежде всего не доставало читателя. Поляки русскихъ газетъ не читали, а русское общество было весьма немногочисленно. На улицахъ, въ торговлѣ, въ семейной и частной жизни, даже въ канцеляріяхъ и учебныхъ заведеніяхъ до 1863—64 гг. раздавался почти исключительно польскій говоръ. Общественной жизни не чувствовалось, суды были безгласны, думскія дѣла прикрывались канцелярской тайной, биржевыхъ и акціонерныхъ собраній не существовало, телеграммъ объ европейскихъ, столичныхъ или внутреннихъ событіяхъ не получалось...

Свѣдѣнія о томъ, что творилось на Божьемъ свѣтѣ, черпались изъ столичныхъ газетъ, да изъ тѣхъ иностранныхъ изданій, которыя не были задержаны. Но, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, газеты не спѣшили приходить. Почта тянула ихъ пять-шесть дней даже въ наши „умственные цент-

ры". Чѣмъ дальше „въ глушь, въ Саратовъ", въ уѣзды, тѣмъ условія эти становились хуже. Само собою разумѣется, что извѣстія, донесенія, событія ползли тѣмъ-же черепашьимъ шагомъ въ столицы и не безъ разныхъ „препонъ" попадали въ столичную печать изъ тѣхъ или другихъ уголковъ Россіи. Все это вредило общественному самочувствію, замедляло умственное кровообращеніе страны, порождая болѣзненные застои, худосочіе, государственное самоослѣпленіе и глухонѣмоту. Давно было сказано: „cogito,—ergo sum", давно выражалось желаніе: „Дай Богъ поболѣе журналовъ,—плодятъ читателей они"; но этими афоризмами мы или боялись пользоваться на дѣлѣ, или не могли пользоваться при тѣхъ техническихъ условіяхъ, въ которыхъ находилась Россія 40—50 лѣтъ назадъ.

Предъ редакторомъ-издателемъ возникалъ рядъ гамлетовскихъ вопросовъ: для кого издавать газету, о *чемъ* писать и *можно-ли* писать, если даже и являлись событія и вопросы, достойные обсужденія; чего ради тратить силы и средства, вызываемыя рискованной и тяжелой газетной работой? Тѣмъ болѣе чести, тѣмъ болѣе заслуги слѣдуетъ отдать тѣмъ *піонерамъ* русской журналистики, которые не побоялись взяться за рѣшеніе этихъ жизненныхъ вопросовъ, пробудили общество отъ долговременной спячки, создали и собрали русскихъ читателей, укрѣпили среди нихъ общественныя связи и вниманіе къ общимъ дѣламъ и потребностямъ, дали могучій толчекъ нравственной и умственной жизни.

Хотя и очень скромное, но все-же нѣкоторое значеніе въ этомъ смыслѣ принадлежитъ и „Кіевскому Телеграфу". Издателемъ и редакторомъ его былъ Альфредъ Августовичъ *Юнгъ*, отставной офицеръ. Онъ былъ высокаго роста, носилъ очень длинные бакенбарды и усы, но обладалъ очень короткими свѣдѣніями и публицистическими талантами. Однако, Юнгъ проявлялъ извѣстную издательскую сноровку, умѣлъ со всѣми ладить, былъ достаточно настойчивъ въ своемъ трудномъ дѣлѣ и, несмотря на грозный видъ, былъ въ сущности добрѣйшій и смиреннѣйшій человѣкъ, стоически переносившій всевозможныя тягости и непріятности, сопряженныя съ издательствомъ въ провинціи.

Цензура въ то время находилась еще въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое чаще всего обращалось за этими услугами къ университетскимъ профессо-

рамъ. Вообще, когда я началъ писать, это былъ едва-ли не самый *свѣтлый* промежутокъ въ цензурной дѣятельности. Министерство Головина, какъ извѣстно, считалось либеральнымъ и благорасположеннымъ къ печати и гласности. Въ Кіевѣ цензорами были профессоръ философіи *Новицкій* и *Лазовъ*, другой профессіи котораго я не помню. Одна изъ моихъ статей не была пропущена, но на ней значилась слѣдующая надпись красными чернилами: „Очень сожалѣю, что не могу разрѣшить эту статью; желалъ-бы узнать, кто этотъ *талантливый авторъ?*“.

Показывая мнѣ эту первую и очень лестную для меня цензорскую резолюцію, добрѣйшій Юнгъ предлагалъ мнѣ пойти къ цензору, познакомиться и попросить о пропускѣ статьи: но я предпочелъ остаться въ неизвѣстности, опасаясь, что подобное знакомство можетъ стѣснить меня. Большинство моихъ статей въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“ разрѣшалось цѣликомъ или съ самыми незначительными выпусками. У меня осталось даже такое впечатлѣніе, что въ то время въ Кіевѣ гораздо свободнѣе и пріятнѣе было писать подъ цензурой, нежели послѣ, въ *свободной* столичной печати, подъ дамокловымъ мечемъ двухъ предостереженій, никогда не снимаемыхъ, среди лабиринта никогда неотмѣняемыхъ *циркуляровъ*, запрещавшихъ *временно* касаться тѣхъ или иныхъ вопросовъ или событій *особой государственной важности*, въ число которыхъ попадали иной разъ выборы городского головы, или даже какой-нибудь яхтъ-клубный проигрышъ въ карты.

Главную часть своего времени я удѣлялъ, конечно, чтенію тѣхъ сочиненій, которыя въ оригиналѣ и въ переводахъ появлялись въ то время въ небываломъ дотолѣ обиліи, по всѣмъ предметамъ цикла юридическихъ наукъ, по государственному праву, политической экономіи и исторіи; но это чтеніе еще болѣе подстрекало браться за перо и пользоваться малѣйшимъ досугомъ для статей въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“. Число этихъ статей было не менѣе 25-ти за осень 1863 и зиму 1864 года, а такъ какъ газета выходила только три раза въ недѣлю, то писанія мои являлись достаточно часто предъ глазами кіевскихъ читателей.

Окончательные университетскіе экзамены, конечно, поглотили все мое время и прервали мою публицистику. Нуждаясь въ деньгахъ и преодолѣвъ долгія колебанія, я рѣшился, наконецъ, спросить Юнга: не причитается-ли чего-нибудь за мой трудъ?

— Какъ-же, какъ-же, засуетился добрѣйшій Юнгъ,—я давно хотѣлъ вамъ предложить, но все не рѣшался... Я прикажу сдѣлать подсчетъ въ конторѣ и пришлю вамъ.

Черезъ нѣсколько дней, на редакціонномъ бланкѣ, я получилъ заглавный списокъ моихъ статей, съ обозначеніемъ, что въ нихъ было 275 *вершковъ*, и что за нихъ, считая по *10 копѣекъ за вершокъ*, причитается *27 рублей 50 коп.*, кои при семъ и имѣетъ-де удовольствіе препроводить редакція „Кіевскаго Телеграфа", приглашая и на будущее время не отказать въ своемъ сотрудничествѣ.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, я не слыхалъ о тѣхъ *измѣреніяхъ*, которыми руководствовался „Кіевскій Телеграфъ", исчисляя мой гонораръ; выходило что-то около рубля съ копѣйками за статью; но мнѣ извѣстно было, что Юнгъ далеко не былъ богатъ денежными средствами, и это было *первое вознагражденіе* за самостоятельный трудъ, первое посвященіе въ литераторы, первый вѣнокъ изъ тѣхъ терній, которыя суждены россійскому публицисту. Я принялъ этотъ вѣнокъ съ особымъ удовольствіемъ и поблагодарилъ редакцію. Въ Кіевѣ въ то время 27 рублей составляли не малую сумму. За комнату со столомъ и прислугой я платилъ 12 рублей въ мѣсяцъ. Многіе студенты „столовались" за 3 р. въ мѣсяцъ. Одинъ мой публицистическій *вершокъ* равнялся цѣлому обѣду, цѣною *въ 10 копѣекъ!* Жить можно было *припѣваючи*.

Въ іюнѣ 1864 года я выдержалъ кандидатскій экзаменъ. Число окончившихъ курсъ на юридическомъ факультетѣ не превышало въ этотъ годъ 30—35 чел,—въ такой степени университетъ св. Владиміра былъ опустошенъ злосчастными и, надо надѣяться, послѣдними увлеченіями польской части населенія. На лѣтніе мѣсяцы я уѣхалъ въ деревню, не подозрѣвая, что это былъ послѣдній мой отдыхъ и послѣднее пребываніе на родинѣ. Обычные каникулы никогда уже для меня не повторялись.

Осенью, возвратившись въ Кіевъ, я занялся кандидатскимъ сочиненіемъ, избравъ темой „Земскія повинности", въ виду только что совершившейся земской реформы. Трудъ этотъ отнялъ у меня около трехъ мѣсяцевъ и не дозволилъ принимать прежнее участіе въ „Кіевскомъ Телеграфѣ"; но я отдалъ Юнгу довольно обширную, еще раньше написанную

рукопись, которую разсчитывалъ послать въ одинъ изъ столичныхъ журналовъ. Эта статья касалась событій 1863—64 годовъ, предвидѣла наступленіе реакціи и стремилась успокоить общественное мнѣніе, направивъ его снова на плодотворный путь внутреннихъ преобразованій. „Кіевскій Телеграфъ“ долго ее печаталъ и, по обыкновенію, съ большими опечатками. Гонорара за нее я не получалъ.

Изъ числа статей, помѣщенныхъ въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“, помню еще довольно придирчивую рецензію на диссертацію Драгоманова, касавшуюся римской исторіи. Молодой, талантливый ученый возражалъ на эту рецензію, а я не смогъ дать отвѣтъ на его дѣльное возраженіе.

Къ этому-же времени относится и мое литературное знакомство съ профессоромъ Александромъ Петровичемъ *Вальтеромъ*, извѣстнымъ анатомомъ, которому Кіевскій университетъ и многія поколѣнія врачей обязаны правильной, научной постановкой изученія этого основного предмета медицины. А. П. Вальтеръ былъ даже по внѣшности очень красивымъ, привлекательнымъ ученымъ, нѣмецкаго типа; чрезвычайно простой въ обращеніи, чуждый всякой чиновности, онъ внѣ службы походилъ на бурша и умѣлъ остро и больно кольнуть въ случаѣ надобности, горячо отстаивая свои мнѣнія и интересы науки. Студенты въ большинствѣ его любили и уважали, особенно тѣ, кто серьезно учился; другіе боялись. Самъ профессоръ шутя разсказывалъ, что недовольные студенты о немъ говорили: въ Англіи былъ Вальтеръ-*Скоттъ*, а у насъ, въ Кіевѣ, имѣется Вальтеръ-*скотина*.

Въ свободные часы, я иногда посѣщалъ лекціи Вальтера по физіологіи. Какъ извѣстно, тогда позитивные методы начали поставляться въ основу всѣхъ наукъ, въ противность прежней метафизикѣ. Изученіе прошлаго и настоящаго, у себя и у другихъ, естествознаніе, вліяніе природы, ея законовъ и силъ на человѣка и на цѣлые народы и ихъ развитіе—стали привлекать тогда большинство. У меня всегда были товарищи и друзья среди студентовъ-медиковъ. Увлекаясь государственными и общественными науками, я старался прислушиваться и къ тому необычайному движенію, которое совершалось во второй половинѣ прошлаго вѣка въ области естествознанія и медицины, въ особенности. Вотъ почему бывалъ я на лекціяхъ Вальтера, въ аудиторіи анатомическаго театра. Замѣтивъ какъ-то мое присутствіе и перечисляя имена и заслуги болѣе извѣстныхъ паталого-анатомовъ,

Вальтеръ добавилъ, что, судя по свѣдѣніямъ такой компетентной газеты, какъ „Кіевскій Телеграфъ", число этихъ замѣчательныхъ ученыхъ слѣдуетъ увеличить еще однимъ громкимъ именемъ—Оливера Кромвеля, котораго газета именуетъ *прозекторомъ*. Рѣчь шла, какъ разъ о моей статьѣ, гдѣ коварная редакція пропустила опечатку и вмѣсто *протектора* — Кромвель былъ названъ *прозекторомъ Англіи...* Понятно, что вся аудиторія разразилась дружнымъ смѣхомъ. Послѣ лекціи, почтенный профессоръ подошелъ и познакомился со мной. Вскорѣ послѣ того А. П. Вальтеръ предложилъ мнѣ побывать въ годовомъ засѣданіи Кіевскаго общества врачей, подъ предсѣдательствомъ профессора Гюббенета, извѣстнаго хирурга, и не стѣсняясь описать это засѣданіе для „Современной Медицины", газеты, которую издавалъ и почти всецѣло наполнялъ самъ Вальтеръ. Я исполнилъ это порученіе довольно удачно. Вальтеръ нашелъ мое описаніе очень удовлетворительнымъ, добавилъ съ своей стороны кое-гдѣ „аттической соли" и напечаталъ въ своей газетѣ, подписавъ псевдонимомъ: „докторъ Простофиловъ".

По этому поводу возгорѣлась цѣлая буря въ кіевскомъ врачебномъ мірѣ. Была издана особая брошюра протестовъ и опроверженій; состоялось чрезвычайное засѣданіе общества и на немъ, послѣ горячихъ преній, постановлено было: *исключить профессора Вальтера* изъ числа *членовъ* ученаго учрежденія.

Черезъ десять лѣтъ, въ Петербургѣ, въ моей квартирѣ раздается звонокъ, и я слышу, что посѣтитель говоритъ горничной: — Скажите, что докторъ Простофиловъ желаетъ видѣть Г. К.

Я разомъ вспомнилъ, чей это псевдонимъ и кіевскую его исторію и, выбѣжавъ на встрѣчу, обнялъ почтеннаго проф. А. П. Вальтера. Онъ занималъ въ то время мѣсто медицинскаго инспектора въ Варшавѣ и, пріѣхавъ въ Петербургъ, не забылъ навѣстить меня. Это было послѣднее наше свиданіе.

Прошло еще 20 лѣтъ и я, познакомился съ сыномъ уважаемаго ученаго, также извѣстнымъ врачемъ въ Петербургѣ: а въ Москвѣ встрѣтился и возобновилъ знакомство съ дочерью А. П.—Софьей Александровной. Она была замужемъ за докторомъ П. П. Викторовымъ, спеціалистомъ по органотерапіи, неутомимымъ изслѣдователемъ и замѣчательно об-

разованнымъ человѣкомъ. Сама Софья Александровна писала небольшіе разсказы и повѣсти, а дочь ихъ, будучи еще въ гимназіи, проявляла большія склонности къ поэзіи.

Такимъ образомъ, получался довольно рѣдкій примѣръ *наслѣдственности* въ положительную сторону, наслѣдственности учено-литературной въ трехъ сряду поколѣніяхъ. Чаще всего наблюдается противоположное явленіе: дѣти не любятъ и разрушаютъ то, чѣмъ жили ихъ отцы.

Съ 1 іюля 1864 года, какъ было уже упомянуто, началъ выходить „Кіевлянинъ", подъ редакціей и съ издательской отвѣтственностью профессора, извѣстнаго историка Виталія Яковлевича Шульгина. Вступительная статья „Кіевлянина" начиналась знаменательными словами: „Это край *русскій, русскій, русскій*".

Этими словами опредѣлялась программа и главнѣйшія задачи новой газеты. Въ то время приходилось не только говорить это, но надо было еще и доказывать, убѣждать въ исторической и фактической справедливости этой истины. Само собою разумѣется, „Кіевлянину" приходилось считаться съ тѣми общими условіями нашей печати, о которыхъ сказано выше и которыя въ Кіевѣ усугублялись отсутствіемъ общественности и наличностью противоположныхъ политическихъ интересовъ, истекавшихъ изъ разноплеменности верхнихъ слоевъ населенія. При безгласности и умственномъ застоѣ, которые господствовали у насъ до конца Крымской войны, многіе были убѣждены, что на правомъ берегу Днѣпра начинается уже Польша, съ нѣкоторымъ развѣ только исключеніемъ въ пользу древняго Кіева.

Съ слѣдами и пережиткомъ подобныхъ заблужденій приходится встрѣчаться даже въ настоящее время.

Недавно появились въ печати очень интересныя записки Вѣры Ивановны Анненковой, жены генералъ-адъютанта Н. Н. Анненкова, бывшаго генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ, въ 1863—64 годахъ. Эта умная и просвѣщенная женщина, восхваляя дѣятельность своего мужа, ставитъ въ особую заслугу ему, что онъ не прибѣгалъ къ крутымъ мѣрамъ относительно поляковъ, держался строго законности и безпристрастія и не поощрялъ разнузданности и своеволія крестьянъ. Особенно старательно управленіе Анненкова противопоставляется послѣдующимъ дѣйствіямъ администраціи западныхъ губер-

ній, при чемъ Муравьевъ смѣшивается съ Кауфманомъ, а Кауфманъ съ Потаповымъ. Точно между ними не было ни малѣйшаго отличія, а Анненковъ являлся образцомъ человѣчности, мягкаго и либеральнаго управленія!

Мнѣнія и утвержденія, весьма понятныя въ устахъ любящей жены; но они не встрѣтили ни малѣйшаго замѣчанія или оговорки со стороны тѣхъ, кто не обязанъ руководствоваться родственными взглядами въ самыхъ важныхъ, жизненныхъ дѣлахъ и вопросахъ. Мягкость, человѣколюбіе и законность Анненкова не помѣшали разгорѣться и вспыхнуть безсмысленному возстанію или, вѣрнѣе, покушенію на возстаніе не только въ Юго-Западномъ краѣ, но и около самаго Кіева, а крестьянское дѣло до такой степени было извращено во вредъ русскому народонаселенію и въ нарушеніе инвентарей, что во многихъ мѣстахъ выкупные договоры навязывались силой, при посредствѣ войскъ и экзекуцій. И происходило это вовсе не потому, что Анненковъ „тянулъ въ польскую сторону" или былъ „слабъ", какъ его обвиняли когда-то (въ этомъ случаѣ посмертная защита жены его вполнѣ основательна), а просто потому, что онъ раздѣлялъ общее невѣдѣніе, что въ дѣйствіяхъ его сказывались тѣ-же послѣдствія тьмы, безгласности, недостаточнаго самопознанія, которыми страдала вся дореформенная Россія, какъ въ общественныхъ, такъ и въ правительственныхъ рядахъ.

Указанныя заблужденія обнаруживаются и въ тѣхъ ошибочныхъ взглядахъ на первые годы „Кіевлянина" и на публицистическую дѣятельность В. Я. Шульгина, которые относятъ эту газету и ея руководителя къ числу *ретроградовъ*, враговъ россійскаго прогресса и чуть-ли не къ прислужникамъ мѣстной администраціи!

По поводу моего участія въ „Кіевлянинѣ", мнѣ въ свою очередь приходилось не разъ слышать и читать, будто я началъ свою дѣятельность въ консервативномъ, реакціонномъ лагерѣ, а потомъ перешелъ въ либеральный. Хотя переходъ въ тотъ лагерь, который „не обрѣтается въ авантажѣ", не представляетъ ничего предосудительнаго, но истина прежде всего. Истина-же заключается въ томъ, что „Кіевлянинъ" являлся оффиціознымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой взгляды его редакціи совпадали со взглядами мѣстной администраціи. Хотя газета возникла во времена Анненкова, но она съ перваго-же дня вполнѣ ясно не была на сторонѣ его политики и въ цѣломъ рядѣ статей выясняла *хорошія* стороны управ-

ленія Д. Г. Бибикова. Дѣятельность генералъ-губернатора А. П. Безака „Кіевлянинъ“ горячо поддерживалъ, но лишь потому, что дѣятельность эта совпадала со взглядами В. Я. Шульгина. При одномъ случаѣ, когда обнаружилась попытка къ нѣкоторому давленію на независимость „Кіевлянина“, В. Я. Шульгинъ не задумался немедленно заявить, что онъ отдаетъ газету въ полное распоряженіе генералъ-губернатора, а самъ отказывается отъ всякаго къ ней отношенія. Мнѣ удалось устранить этотъ разладъ и эти недоразумѣнія, и „Кіевлянинъ“ остался въ рукахъ Шульгина, какъ полная его собственность. Со смертью А. П. Безака и съ перемѣнами во взглядахъ мѣстной администраціи — „Кіевлянину“ пришлось отдѣлаться даже отъ всякаго призрака оффиціозности. Дѣятельность князя Дондукова-Корсакова не встрѣчала одобренія въ „Кіевлянинѣ“ въ тѣхъ границахъ, конечно, которыя опредѣлялись общими цензурными условіями.

„Кіевлянинъ“ былъ неустаннымъ защитникомъ крестьянскаго дѣла, улучшенія быта духовенства, гласности и свободы печати, развитія общественности; въ цѣломъ рядѣ статей доказывалась необходимость скорѣйшаго распространенія на Юго-Западный край судебной реформы, городского самоуправленія и земства. Исключительные законы противъ поляковъ или евреевъ поддерживались лишь по стольку, поскольку это было необходимо для возможно скорѣйшаго усиленія русскаго землевладѣнія, какъ неизбѣжной опоры русской общественности и земщины. По еврейскому вопросу „Кіевлянинъ“ стоялъ скорѣе за разселеніе, нежели за принудительное скучиваніе ихъ въ чертѣ осѣдлости. Желаніе, чтобы какъ можно болѣе земли было у крестьянъ и у русскихъ образованныхъ людей, едва-ли требуетъ поясненій. Нашествіе нѣмцевъ, чеховъ въ такой-же мѣрѣ не желательно, какъ и переходъ имѣній къ иноземцамъ. Еще настоятельнѣе „Кіевлянинъ“ требовалъ самыхъ неустанныхъ заботъ о народномъ образованіи, причемъ предпочиталъ министерскую или земскую школу церковно-приходской.

Въ какой мѣрѣ „Кіевлянинъ“ былъ якобы „ретроградeнъ“, лучше всего доказываетъ та ожесточенная, горячая полемика, которую вела противъ него крѣпостническая „Вѣсть“,—эта первая реакціонная газета въ пореформенной Россіи. Такое-же *показательное* значеніе имѣлъ и процессъ, возбужденный противъ В. Я. Шульгина однимъ изъ русскихъ помѣщиковъ Кіевскаго уѣзда. Иные русскіе землевладѣльцы добивались,

чтобы въ ихъ имѣніяхъ крестьянское дѣло разрѣшилось иначе нежели въ имѣніяхъ польскихъ. Само собою разумѣется, что „Кіевлянинъ" возставалъ противъ подобнаго различія, въ нарушеніе интересовъ крестьянъ, и доказывалъ, что русскимъ не грѣшно было-бы показать примѣръ полякамъ въ справедливости и правильности отношеній къ крестьянамъ. Въ статьяхъ по данному предмету проскользнула какая-то колкая фраза, которая сочтена была за обиду и послужила поводомъ къ процессу.

Въ то время въ Кіевѣ существовала соединенная палата уголовнаго и гражданскаго суда, съ нѣкоторыми упрощеніями въ судопроизводствѣ, какъ переходной ступенью къ судебной реформѣ. Допускалось „судоговореніе" и нѣкотораго рода защита. Предсѣдателемъ палаты былъ Колмаковъ, изъ числа оберъ-секретарей *стараго* сената. Подъ крыломъ *стараго* сената, какъ извѣстно, слагались такія поговорки, какъ „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись"... Старая Ѳемида часто прислушивалась и приглядывалась къ стороннимъ вѣяньямъ и склоняла вѣсы правосудія къ господствовавшему настроенію. В. Я. Шульгинъ самъ защищалъ себя отъ крѣпостническаго нападенія, произнесъ блестящую рѣчь, но пріятельская Ѳемида склонила свои вѣсы въ обвинительную сторону.

Не предупреждая В. Я. Шульгина, я описалъ этотъ процессъ и послалъ это описаніе въ „Московскія Вѣдомости". М. Н. Катковъ напечаталъ громовую статью по этому поводу. Въ дѣло вмѣшалась прокуратура, которая тогда, для общаго и своего благополучія, не ограничивалась однѣми обвинительными функціями и являлась нерѣдко въ роли защитника закона и справедливости. Обвинительный приговоръ палаты былъ опротестованъ, Сенатъ отмѣнилъ его, и крѣпостническая выходка, уголовный походъ противъ „Кіевлянина", кончились ничѣмъ.

Подробную характеристику первыхъ годовъ „Кіевлянина" и личности В. Я. Шульгина можно найти въ біографіи его, которую я написалъ по его кончинѣ и помѣстилъ въ 1879 году въ „Древней и Новой Россіи"; въ данномъ-же случаѣ я желалъ лишь напомнить о несомнѣнныхъ заслугахъ и о высокихъ достоинствахъ основателя „Кіевлянина", и еще разъ оградить его память отъ ошибочныхъ взглядовъ и укоровъ. В. Я. Шульгинъ былъ глубокій ученый, талантливѣйшій профессоръ, ораторъ и публицистъ, гуманнѣйшій, добрѣй-

шій человѣкъ, всегда имѣвшій вполнѣ опредѣленные взгляды и искреннія, стойкія убѣжденія. Даже оставивши университетъ и каѳедру всеобщей исторіи, В. Я. Шульгинъ не переставалъ оказывать сильное вліяніе на университетскія дѣла. Къ мнѣнію его всегда прислушивались лучшія силы университета св. Владиміра. Сотрудничество мое въ „Кіевлянинѣ“ началось со второй половины 1865 года, т. е. на второй годъ существованія газеты, и прервалось съ переѣздомъ въ Петербургъ, въ концѣ 1869 г.; но до самой смерти В. Я. Шульгина, я всегда считалъ за особое счастье имѣть его своимъ добрымъ другомъ-учителемъ и руководителемъ въ публицистической дѣятельности.

III.

Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ.

При всей скромности моего общественнаго и служебнаго положенія, мнѣ выпало счастье нѣсколько разъ видѣть императора Александра II. Я думаю, что даже малѣйшій фактъ, относящійся къ личности Царя-Освободителя, окажется нелишнимъ для будущихъ историковъ второй половины XIX-го вѣка. Хотя и поздно, и тяжело мнѣ, при моемъ болѣзненномъ состояніи, постараюсь выполнить этотъ долгъ современника передъ потомствомъ и разсказать то, чему былъ очевидцемъ.

Въ 1859 году, осенью, въ Харьковѣ ожидали императора Александра II, проѣздомъ изъ Чугуева, гдѣ былъ смотръ войскамъ.

По обычаю, государя ждали въ каѳедральномъ соборѣ; но, что далеко не всегда случалось, всѣ знали, что царскаго посѣщенія удостоится и университетъ. Какъ извѣстно, Харьковскій университетъ занимаетъ особую улицу, на которой нѣтъ другихъ домовъ, и размѣщается въ отдѣльныхъ зданіяхъ, по обѣ стороны улицы, носящей и названіе „Университетская“. Въ главнѣйшемъ изъ этихъ зданій помѣщались: библіотека, церковь и торжественный залъ. Въ этомъ-то залѣ и собраны были профессора, студенты и высшее учебное начальство. Лекцій и другихъ занятій не было.

Стоялъ великолѣпный, осенній, солнечный день, одинъ изъ тѣхъ дней, которыми даритъ насъ замирающая природа не только на югѣ, но часто даже и на берегахъ Невы, до конца сентября. Вся Университетская улица была наполнена народомъ. Вѣрнѣе сказать—не народомъ, а харьковскимъ обществомъ, среди котораго преобладали дамы. Многіе студенты, соскучившись ожиданіемъ въ залѣ, находились въ этой толпѣ и любезничали съ дамами, знакомыми и незнакомыми.

Надо замѣтить, что въ то время студенты занимали первое мѣсто среди харьковскаго общества. Студенческій мундиръ пользовался почетомъ и открывалъ дорогу въ высшіе ряды общества. Въ Харьковѣ не было военныхъ, за исключеніемъ баталіона внутренней стражи. Офицеры хотя и наѣзжали изъ Чугуева и другихъ военныхъ поселеній, но постоянными „кавалерами“ была университетская молодежь. Студенты наполняли театръ, посѣщали маскарады, были первыми танцорами на балахъ дворянскаго собранія, устраивали спектакли и т. п. Харьковское общество состояло изъ дворянъ и купцовъ. Въ дворянской-помѣщичьей средѣ студенты были своими людьми, а купеческія свадьбы считали за особую честь, когда въ числѣ гостей находились „танцоры“ изъ университетской молодежи. Студенты играли роль „свадебныхъ генераловъ“. Само собою разумѣется, что въ этихъ случаяхъ главное мѣсто принадлежало студентамъ первыхъ двухъ курсовъ, или тѣмъ „Ларинымъ“, которые не спѣшили оставлять университетъ, любили студенческую жизнь и пользовались ею иной разъ до 10 и болѣе лѣтъ.

До 1860-хъ годовъ, до преобразованій, предъявившихъ запросъ на образованныхъ дѣятелей, лучше студенческой жизни, дѣйствительно, не было, даже въ томъ случаѣ, если приходилось жить уроками, а не на даровыя средства, которыми располагало тогда большинство студентовъ, какъ и ихъ родителей. Серіозное ученіе началось только съ 1860-хъ годовъ, точно такъ-же, какъ и болѣе научная обстановка университетскаго преподаванія. Поступивъ въ университетъ въ 1859 году, я еще засталъ такихъ профессоровъ, которые читали лекціи по окаменѣлымъ *запискамъ*, не измѣнявшимся въ теченіе 25—30 лѣтъ. Статистика и физіологія, напримѣръ излагались на какой-нибудь сотнѣ страничекъ. Исторія болѣзни писалась на латинскомъ языкѣ, а профессоръ клиники обращалъ болѣе вниманія на грамматическія ошибки, нежели

на содержаніе этихъ „исторій“. Научныя книги и руководства стали появляться только съ 1860-хъ годовъ. Въ сентябрѣ 1859 года, въ общественной атмосферѣ чувствовалось уже наступленіе новыхъ условій жизни и коренного переворота. Молодежь рвалась навстрѣчу новымъ вѣяніямъ, водила дамъ на лекціи, учила въ воскресныхъ школахъ. Старики ворчали и сочиняли всякія небылицы, среди которыхъ доставалось болѣе всего на долю Государя. Разладъ приближался уже, подготовляя почву для той борьбы между крѣпостнической и свободной Россіей, которая разразилась такъ тяжко впослѣдствіи, привела къ катастрофѣ 1-го марта и не улеглась до сихъ поръ. Конечно, среди взрослыхъ были люди *средины*, приверженцы преобразованій, постепенности и умѣренности; но большинство было реакціонное, судорожно хватавшееся за отжившее. Ворчали даже на измѣненіе формы, по поводу замѣны фрачныхъ мундировъ кафтанами, хотя новая форма была и свободнѣе, и приличнѣе. „Колоколъ“ съ великимъ удовольствіемъ читался не только молодежью, но и тѣми приверженцами стараго порядка, которые злорадствовали по поводу всякой насмѣшки надъ „реформаторами“.

Въ такую-то общественную *погоду* ожидался пріѣздъ будущаго Царя-Освободителя въ Харьковъ.

Наконецъ, дождались. Государь пріѣхалъ прямо къ собору, откуда, среди криковъ „ура“, направился къ торжественному залу университета. Толпа студентовъ бросилась туда-же, обгоняя и сопровождая Государя. Вышелъ шумъ и безпорядокъ. Государь уже былъ среди зала и началъ говорить, а студенты спѣшили занять свои мѣста съ лѣвой стороны, противъ профессоровъ и университетскаго начальства, расположивихся на правой сторонѣ.

— Тише, вы мнѣ мѣшаете говорить!—раздался громкій голось Государя.

Все смолкло и замерло. На лицѣ Государя и въ тонѣ его голоса явственно сказывалось неудовольствіе. Государь прямо и выразилъ это, все болѣе и болѣе возвышая голосъ и придавая ему необычайную, чуждую ему строгость.

— Я вами недоволенъ, господа студенты!... Кто изъ васъ—не знаю и не желаю знать, но отъ вашего имени я получилъ доносъ... Писать доносы—подло, низко, и тѣмъ болѣе безыменные. Неужели вамъ неизвѣстно, что такіе доносы оставляются безъ послѣдствій!... У многихъ я замѣчаю воротнички... Чтобъ этого не было!... Форму надо соблюдать, для того она и дана!..

Затѣмъ, Государь повернулся къ профессорамъ и не менѣе рѣзко сказалъ:

— Вы, господа, должны отвѣчать за нравственность молодыхъ людей и, за всякія отступленія отъ дисциплины,—я буду съ васъ взыскивать!...

И, проговоривъ это, Государь быстро вышелъ изъ залы, съ сопровожденіи губернатора и попечителя учебнаго округа.

Трудно передать то тягостное впечатлѣніе, которое произвела эта сцена. Всѣ какъ-бы оцѣпенѣли; нѣкоторые изъ профессоровъ были блѣдны и дрожали отъ страха. Въ толпѣ студентовъ послышались разспросы и возгласы недоумѣнья Большинство не знало и не понимало, за что разразился надъ ними царскій гнѣвъ. Всѣ ожидали отъ Государя чего-то новаго, добраго, и были поражены рѣзкимъ призывомъ къ соблюденію формы, которая такъ надоѣдала въ прошлое царствованіе, когда перевернутая пуговица приравнивалась къ преступленію.

Изъ разспросовъ оказалось, что въ Чугуевѣ Государю былъ поданъ пакетъ, подъ видомъ прошенія, и въ немъ излагались какія-то жалобы на губернатора и какія-то указанія на необходимость улучшенія университетскихъ порядковъ. Хорошо, однако, никто не зналъ ни содержанія этой бумаги, ни того, въ какой мѣрѣ отвѣтственность за нее падала на студентовъ.

Осматривая университетскія зданія, Государь переходилъ черезъ улицу, направляясь изъ клиникъ въ аудиторіи. Въ раздвинувшейся толпѣ, въ первомъ ряду, случайно очутился я, только что выйдя изъ залы. При видѣ Государя, я приложилъ руку къ треуголкѣ, какъ это полагалось. Вдругъ, Государь направляется ко мнѣ, и я слышу его слова:

— Что вы чести не отдаете!

Я ужь перепугался, но, слѣдя за взглядомъ Государя, скоро убѣдился, что взоръ его только на одно мгновеніе остановился на мнѣ, и что слова его относились къ студенту, стоявшему позади меня. Я посторонился, и этотъ студентъ, блѣдный и перепуганный, очутился передъ Государемъ. Студентъ растерялся и видимо не зналъ, что надо дѣлать.

— Руку къ шляпѣ!..—почти крикнулъ государь и дернулъ за обшлагъ рукава.

Перепуганный студентъ медленно и неловко поднялъ руку къ треуголкѣ.

Государь пошелъ далѣе, но вдругъ обернулся:

— Посадить его на гауптвахту!—произнесъ онъ.

И студента арестовали.

Черезъ полчаса, я съ двумя товарищами возвращался домой. Мы шли противъ Дворянскаго собранія, около Никольской церкви, какъ позади послышались крики „ура“. Обернувшись, мы увидѣли Государя, который ѣхалъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ. Наученные опытомъ, мы вытянулись въ струнку и отдали честь. Къ нашему изумленію, коляска Государя останавливается среди площади и мы явственно слышимъ слова:

— Господа студенты, пожалуйте сюда!..

Мы подошли.

— Такъ-то вы соблюдаете мои приказанія?.. Долой воротнички!..

Я и мой товарищъ стали одной рукой уминать воротнички подъ галстухъ, не отымая правой руки отъ шляпы. Надо-же было другому студенту оправдываться:

— Ваше величество, мы не успѣли переодѣться...

— Вы еще разсуждать!.. Ступайте на гауптвахту!..

И Государь поѣхалъ далѣе, а мы проводили своего товарища къ присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ была гауптвахта.

Оба студента отсидѣли два или три дня, и другихъ послѣдствій эти случаи не имѣли.

Никакихъ строгостей не послѣдовало. Напротивъ, университетская жизнь все болѣе и болѣе становилась свободнѣе, а скоро и самая форма была отмѣнена.

Въ 1868 году, осенью, будучи чиновникомъ особыхъ порученій при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ, генералъ-адъютантѣ Ал. Павл. Безакѣ, я былъ командированъ въ Петербургъ для участія въ комиссіи при министерствѣ финансовъ (министромъ былъ М. Х. Рейтернъ) по вопросу о реорганизаціи процентнаго сбора съ имѣній польскихъ помѣщиковъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ и о расходахъ изъ этого сбора.

Къ декабрю, занятія этой комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта князя А. М. Дондукова-Корсакова, закончились; но я остался въ Петербургѣ, въ ожиданіи генералъ-адъютанта Безака, который обыкновенно

каждую зиму бывалъ въ столицѣ, для поддержанія тѣхъ или другихъ дѣлъ и представленія отчета Государю по управленію Юго-Западнымъ краемъ.

Генералъ-адъютантъ Безакъ пріѣхалъ и поразилъ меня своимъ болѣзненнымъ видомъ. Оставаясь при немъ, въ качествѣ завѣдующаго походной канцеляріей, я видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ въ день и всякій разъ убѣждался, что онъ уже не жилецъ этого міра. (Квартира А. П. Безака находилась тогда на Сергіевской улицѣ, въ домѣ Кондоянаки, тогда деревянномъ, одноэтажномъ, а теперь каменномъ).

Во время болѣзни, А. П. Безака посѣщали генералъ-адъютанты: К. В. Чевкинъ, предсѣдатель департамента государственной экономіи, военный министръ Д. А. Милютинъ и министръ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленый. Эти лица поддерживали дѣятельность А. П. Безака, оказавшаго столько услугъ крестьянскому дѣлу въ Юго-Западномъ краѣ. Но та же дѣятельность встрѣчала уже сильную опозицію, съ явной реакціонной окраской. Въ главѣ этой опозиціи находились: графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, бывшій тогда главнымъ начальникомъ III-Отдѣленія и шефомъ жандармовъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ А. Е. Тимашевъ. Они готовили уже и кандидата на смѣну А. П. Безаку, въ лицѣ князя Дондукова-Корсакова, который и былъ поэтому назначенъ предсѣдателемъ упомянутой комиссіи.

Въ концѣ декабря, А. П. Безакъ не вставалъ уже съ постели, и дѣло шло лишь о томъ, какъ-бы не обидѣть умирающаго удаленіемъ отъ должности, на которой онъ вѣрой и правдой служилъ государю и отечеству.

27-го декабря, навѣстивъ утромъ больного и сообщивъ ему кое-какія свѣдѣнія о нѣсколькихъ важныхъ дѣлахъ, я вышелъ въ залу и случайно подошелъ къ окну. Вдругъ, вижу, ѣдетъ Государь въ окрытыхъ саняхъ, въ одну лошадь, съ собакой, лежащей на полости, поперекъ колѣнъ. Сани остановились у подъѣзда.

Предупредивъ Л. Ив. Безакъ (жену Ал. Павл.), я бросился навстрѣчу Государю и засталъ его уже въ передней. Зима была холодная. Государь былъ въ пальто и шинели съ мѣховымъ воротникомъ. Скидывая эти верхнія одежды, Государь спросилъ:

— Можно видѣть Александра Павловича?

— Можно, ваше императорское величество,—отвѣчалъ я,—но онъ въ постели.

— Предупредите его.

И Государь прошелъ въ залу и остановился. По счастью, въ это время появилась г-жа Безакъ. Государь обратился къ ней, повторилъ свои вопросы и затѣмъ прошелъ въ спальню, гдѣ лежалъ больной. Двери за нимъ затворились, и мнѣ неизвѣстны подробности этого свиданія.

Черезъ четверть часа, Государь вышелъ, поцѣловалъ руку г-жѣ Безакъ и сказалъ ей нѣсколько утѣшительныхъ словъ.

— Много онъ занимается дѣлами?—обратился Государь ко мнѣ.

— Съ каждымъ днемъ все меньше и меньше, ваше императорское величество.

— Не надо утруждать его, пока не поправится.., Удивительно свѣжа голова!

И, поклонившись еще разъ г-жѣ Безакъ, по лицу которой лились слезы, Государь вышелъ въ переднюю.

Чтобъ пояснить послѣднія слова Государя, надо сказать, что по Петербургу распускались слухи, будто А. П. Безакъ давно уже страдаетъ размягченіемъ мозга и не владѣетъ умомъ. Государь лично убѣдился въ лживости этихъ толковъ.

Я проводилъ Государя до саней, у которыхъ оставалась его собака (черный сетеръ), и съ непокрытой головой, въ одномъ вицъ-мундирѣ, помогъ Государю усѣсться.

Дня черезъ три, 30-го декабря, къ вечеру, генералъ-адъютантъ А. П. Безакъ скончался.

Въ тотъ-же день, около 11 или 12 час. ночи, ко мнѣ пріѣхалъ дежурный флигель-адъютантъ и по высочайшему повелѣнію спросилъ, не осталось-ли какихъ-либо бумагъ или докладовъ, которые покойный генералъ-губернаторъ намѣревался, но не успѣлъ представить Государю.

Былъ заготовленъ докладъ объ увольненіи кіевскаго губернатора, и имѣлась записка о положеніи крестьянскаго дѣла и о достигнутыхъ успѣхахъ въ дѣлѣ обезпеченія быта крестьянъ. По указанію флигель-адъютанта, обѣ эти бумаги были мною вложены въ большой конвертъ, надписаны на высочайшее имя и запечатанными вручены для доставленія его императорскому величеству.

Во время отпѣванія тѣла А. П. Безака, въ Сергіевскомъ соборѣ, прибылъ Государь съ великими князьями и свитой. По вынесеніи гроба, Государь лично скомандовалъ войскамъ

и сопровождалъ печальную колесницу верхомъ, до угла Пантелеймоновской улицы. На Знаменской площади войска отдали воинскія почести, и въ тотъ-же день вечеромъ, съ экстреннымъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги, тѣло А. П. Безака было отвезено въ Кіевъ, для погребенія въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Черезъ мѣсяцъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, но командованіе войсками возложено было на генерала Н. Ф. Козлянинова.

Въ первые годы пребыванія моего въ Петербургѣ, я пользовался особымъ вниманіемъ графини Антонины Дмитріевны Блудовой. Она занимала помѣщеніе въ первомъ этажѣ Зимняго дворца, съ подъѣзда императрицы, гдѣ прежде была *разводная площадка*, а теперь устроенъ палисадникъ.

Графиня А. Д. Блудова, обыкновенно, приглашала меня на вечера телеграммами, желая сблизить меня съ высшими сферами столицы. На вечерахъ этихъ встрѣчались самыя разнообразныя лица, какъ, напримѣръ, К. Д. Кавелинъ и графъ Д. А. Толстой, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія, К. П. Побѣдоносцевъ съ своей молодой женой и т. п.

Само собою разумѣется, что въ такіе дни, какъ Новый годъ и Пасха, я ѣздилъ къ гр. А. Д. Блудовой съ поздравленіями. Съ тою-же цѣлью былъ я у нея и въ первый день Свѣтлаго праздника въ 1873 году. У нея въ это время находился съ визитомъ молодой полковникъ, который поразилъ меня своимъ иностраннымъ выговоромъ, точно переодѣтый въ русскій мундиръ французъ. Когда онъ ушелъ, графиня объяснила мнѣ, что это князь Мещерскій, воспитывавшійся за границей, а теперь женихъ или мужъ (хорошо не помню) княжны Маріи Михайловны Долгоруковой, сестры будущей княгини Захарьевской-Юрьевской. Встрѣча эта заинтересовала меня, такъ какъ я былъ очень хорошо знакомъ съ братомъ этихъ двухъ сестеръ, княземъ Вас. Мих. Долгоруковымъ, служившимъ одно время въ Кіевѣ, при генералъ-адъютантѣ А. П. Безакѣ. Сколько мнѣ извѣстно, означенный князь Мещерскій былъ убитъ на Шипкѣ въ 1877 году.

Едва графиня Блудова разговорилась со мною, какъ входитъ торопливо камерлакей и докладываетъ:

— Его величество!..

Не успѣла графиня встать, какъ вошелъ Государь Императоръ, въ полной парадной формѣ, въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, въ андреевской лентѣ и съ каской въ рукахъ.

Государь поцѣловалъ руку графини, поздравилъ ее съ праздникомъ, и по ея пригласительному жесту прошелъ въ слѣдующую комнату. Предварительно, однако, Государь бросилъ мимолетный взглядъ на меня и кивнулъ головой въ отвѣтъ на мой почтительный поклонъ.

Во взглядѣ Государя не было ни малѣйшей строгости, но я почувствовалъ трудно выразимую неловкость, сравнивая парадный мундиръ и сіяющій видъ царя съ своимъ двубортнымъ сюртукомъ, въ которомъ, по вошедшему тогда обычаю, полагалось дѣлать визиты даже въ торжественные дни, надѣвая фракъ только на званные обѣды и вечера.

Вотъ, думалось мнѣ, Государь въ своемъ дворцѣ соблюдаетъ такую утонченную вѣжливость, выказывая особое уваженіе и къ Свѣтлому дню, и къ своей подданной; а на мнѣ будничный, нецеремонный сюртукъ, да еще и борода, которой не любилъ Государь, и которая въ то время приравнивалась къ признакамъ вольномыслія.

И, вдругъ вспомнились мнѣ строгія слова, слышанныя мною отъ Государя въ харьковскомъ университетскомъ залѣ:

— Надо соблюдать форму!..

Всѣ эти мысли и воспоминанія о харьковскомъ эпизодѣ 1859 года, въ одно мгновеніе, промелькнули въ моей головѣ. Мнѣ почему-то вздумалось, что и графиня Блудова могла быть недовольной моимъ видомъ и моимъ присутствіемъ во время посѣщенія Государя.

Я поспѣшилъ стушеваться, уйти, не ожидая возвращенія хозяйки и не простившись съ нею. И, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ я не бывалъ у нея.

Бываютъ минуты, которыя неожиданно и необъяснимо кладутъ неодолимое разстояніе между людьми; такая минута наступила и въ знакомствѣ моемъ съ графиней А. Д. Блудовой, обративъ разомъ въ ничто всѣ ея добрыя намѣренія—проложить мнѣ дорогу въ вліятельныя сферы столицы *).

---

*) О встрѣчахъ съ императоромъ Александромъ II во время войны, при паденіи Плевны,—см. ниже.

IV.

Изъ литературныхъ замѣтокъ.

Многихъ замѣчательныхъ людей приходилось мнѣ встрѣчать въ своей жизни, быть съ ними въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ, но никогда не имѣлъ я удовольствія видѣть „великаго писателя земли Русской", гр. Л. Н. Толстого; единственный лишь разъ удалось мнѣ быть и въ обществѣ И. С. Тургенева, хотя нѣтъ, кажется, сколько-нибудь извѣстныхъ писателей второй половины минувшаго столѣтія, съ которыми я не былъ-бы знакомъ. Случилось это осенью 1880 г., на знаменитомъ обѣдѣ, данномъ въ Петербургѣ въ честь И. С. Тургенева, въ ресторанѣ Бореля (нынѣ Кюба), чтó на Большой Морской, противъ стараго Дюссо, который увѣковѣченъ былъ Пушкинымъ. Это было время, оставившее по себѣ глубокіе слѣды. М. Н. Катковъ обзывалъ его „диктатурой сердца", а всѣ вѣровавшіе въ прогрессъ усвоили этому, къ сожалѣнію, краткому времени ласковое, добродушное наименованіе „новыхъ вѣяній". Казалось, наша дорогая, тысячелѣтняя Россія снова вступила въ эпоху свѣта и тепла. Многимъ хотѣлось отдыха и спокойствія, послѣ бурь, невзгодъ и утратъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ „освободительную войну"; желалось новой плодотворной работы, чтобъ довершить полнѣе и лучше осуществить начатое въ 1861—1865 годахъ. Открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ и бывшія по этому поводу торжества, словно, разогнали мрачныя тучи и освѣжили, оздоровили воздухъ. Въ августѣ 1880 года, была закрыта „Верховная распорядительная комиссія", по представленію гр. М. Т. Лорисъ-Меликова; прекратило свое обособленное существованіе III-Отдѣленіе; назначалась сенаторская ревизія для выясненія недостатковъ мѣстнаго управленія и собранія данныхъ, необходимыхъ для развитія и лучшей постановки земскаго, городского и крестьянскаго самоуправленія. Пересмотрѣны и смягчены были административныя взысканія. Подъ предсѣдательствомъ графа П. А. Валуева, образовалась комиссія для улучшенія законовъ о печати. Въ литературныхъ и издательскихъ кружкахъ состо-

ялось нѣсколько собраній для выработки тѣхъ заключеній, которыя должны были представить въ эту комиссію „свѣдущіе люди“, приглашенные съ этою цѣлью. Правительственные ряды стали оживляться новыми дѣятелями, повсюду слышались голоса въ пользу законности и порядка, о необходимости новыхъ школъ и широкаго просвѣщенія; въ обществѣ и печати проявлялось необычайное оживленіе. Среди этихъ-то „новыхъ вѣяній“ и, можетъ быть, подъ вліяніемъ ихъ, состоялся обѣдъ въ честь автора „Записокъ охотника“, „Рудина“ и „Отцовъ и дѣтей“. Онъ находился въ Петербургѣ, на обратномъ пути въ Парижъ, откуда прибылъ въ Россію нарочито для участія въ пушкинскихъ торжествахъ. Въ залѣ было многолюдно и тѣсно. Участвовали почти всѣ наличные представители петербургской литературы, публицистики, художники, артисты. На такихъ обѣдахъ, какъ извѣстно, яства и питья отходятъ на второй планъ; всѣ ждутъ рѣчей и тостовъ. На тургеневскомъ обѣдѣ, особенно удачную рѣчь произнесъ И. Ѳ. Горбуновъ, отъ имени прославленнаго имъ, всѣмъ извѣстнаго „генерала Дитятина“. Его превосходительство заявилъ, что онъ давно слѣдитъ за дѣятельностью отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева, и въ первые годы относился къ ней съ понятнымъ сомнѣніемъ и даже безпокойствомъ; но въ настоящее время всѣ недоумѣнія разсѣялись, и онъ готовъ даже поощрить ее, сказать: „продолжайте, хорошо“, въ надеждѣ получить въ отвѣтъ усердный откликъ: „рады стараться“... Поощрительное слово генерала Дитятина, произнесенное Горбуновымъ со свойственнымъ ему комизмомъ, вызвало общее сочувствіе и добродушнѣйшую улыбку на лицѣ Тургенева. Говорили Григоровичъ и многіе другіе. Наконецъ, всталъ Тургеневъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ поблагодарить за чествованіе и сказать заключительное, отвѣтное слово. Всѣ бросились къ срединѣ главнаго стола, за которымъ находился маститый писатель. За шумомъ шаговъ и отодвигаемыхъ стульевъ трудно было разслышать первыя слова. Тургеневъ говорилъ тихо, скромно и какъ-бы стѣсняясь. Онъ извинялся, что не умѣетъ и не привыкъ говорить, да и принадлежитъ къ тому времени, когда молчаніе предпочиталось дару слова. Онъ просилъ, поэтому, разрѣшенія прочесть то, что ему хотѣлось сказать, принимая приглашеніе на обѣдъ. Затѣмъ, Тургеневъ вынулъ изъ кармана четвертушку бумаги и прочелъ коротенькую рѣчь, въ которой указывалось, что привѣтствія его

глубоко трогаютъ, что онъ относитъ ихъ ко всей литературѣ, которой желаетъ дальнѣйшаго процвѣтанія, среди новыхъ и лучшихъ порядковъ, свойственныхъ всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ. Читалъ Тургеневъ безъ всякихъ подчеркиваній и „выразительныхъ" пріемовъ, съ старческимъ спокойствіемъ, добродушно, но съ увѣренностью и искренностью въ тонѣ. Взрывъ рукоплесканій покрылъ слова писателя; но громче ихъ раздался шипящій, желчный возгласъ Ѳ. М. Достоевскаго. Онъ подскочилъ къ Тургеневу съ трудомъ передаваемою раздражительностью и злобно закричалъ:

— Повторите, повторите, что вы хотѣли сказать, разъясните прямо, чего вы добиваетесь, что хотите навязать Россіи!..

Тургеневъ отшатнулся, выпрямился во весь свой ростъ, подавлявшій небольшого и тщедушнаго Достоевскаго, и развелъ руками, тѣмъ жестомъ, которымъ выражается глубочайшее недоумѣніе и негодованіе.

— Что я хотѣлъ сказать, то сказалъ... Надѣюсь, всѣ меня поняли... А на вашъ *допросъ*, хотя-бы и съ пристрастіемъ, отвѣчать не обязанъ!

Таковъ былъ отвѣтъ Тургенева. „Поняли, поняли"!— раздались голоса... Многіе были возмущены неумѣстной выходкой Достоевскаго, и всѣ были огорчены плохой развязкой тургеневскаго чествованія. Въ виду извѣстной вражды, существовавшей между двумя знаменитыми писателями, иные надѣялись, что участіе Достоевскаго въ обѣдѣ служитъ явнымъ признакомъ примиренія; а получились новые поводы къ розни и отчужденію. Началось за здравіе, а свелось на упокой. Такимъ и оказался этотъ литературный праздникъ. Во всѣхъ отношеніяхъ,—вышелъ *прощальный обѣдъ*. Обоихъ писателей чествовали уже только послѣ ихъ смерти.

Очень скоро, въ январѣ 1881 года, оставилъ насъ Достоевскій. Ему первому и былъ оказанъ особый почетъ, въ видѣ необычайной погребальной процессіи, съ вѣнками впереди. Недолго пожилъ и Тургеневъ. Хоронили его въ сентябрѣ 1883 года, когда останки его были привезены изъ Парижа. Похороны Тургенева, по ихъ торжественности, по числу вѣнковъ и депутацій, превзошли всѣ прежнія и послѣдующія почести этого рода; съ тѣхъ поръ вѣнки возятъ только на колесницахъ. Въ свою очередь, и „новыя вѣянія" оказались непрочными; съ ними быстро пришлось распрощаться... Но то, что было въ нихъ добраго и здороваго, рано

или поздно оживетъ; возродится и благодарная память къ тѣмъ, кто прежде боролся и страдалъ за правду и пролагалъ дорогу къ свѣту и добру, опираясь на силу *слова* и убѣжденія.

При похоронахъ И. С. Тургенева, произошло нѣсколько эпизодовъ, достойныхъ вниманія въ бытовомъ отношеніи. Необычайно длинная процессія растянулась отъ Варшавскаго вокзала до Загороднаго проспекта.

Стоялъ тихій, солнечный, сентябрскій день. Всѣ окна были растворены и наполнены публикой не только въ частныхъ домахъ, но и въ казармахъ Измайловскаго, Егерскаго и Семеновскаго полковъ. Простой народъ виднѣлся на крышахъ. По мѣрѣ появленія депутацій съ вѣнками (числомъ не менѣе 270) читались надписи и дѣлились впечатлѣніями. За гробомъ шли лица, снабженныя особыми билетами. Около Царскосельскаго вокзала, къ провожавшимъ погребальную колесницу подошелъ генералъ, въ полной парадной формѣ, въ лентѣ и другихъ орденахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, къ нему подбѣжалъ полицейскій и, отдавая честь, заявилъ:

— Ваше превосходительство, безъ билета и военнымъ запрещено участвовать въ процессіи.

Генералъ молча продолжалъ итти.

— Ваше превосходительство,—настаивалъ полицейскій офицеръ,—нельзя-съ, есть приказъ...

— Не мѣшайте мнѣ молиться и итти за гробомъ писателя, котораго я съ дѣтства читалъ и почиталъ,—раздраженно и внушительно отвѣтилъ генералъ. Полицейскій опять взялъ подъ козырекъ и отошелъ въ сторону, а генералъ снялъ шапку и, распахнувъ шинель, еще ближе подошелъ къ гробу съ останками Тургенева. Провожавшіе сочувственно давали ему дорогу и мѣсто. Съ Загороднаго проспекта, процессія повернула на Звенигородскую улицу и направилась далѣе къ Волкову кладбищу. При поворотѣ на Разстанную улицу, стояли рогатки съ узкимъ проходомъ по серединѣ. Усиленный отрядъ полиціи пропускалъ только депутаціи, которыя располагались по обѣ стороны улицы, до главной, каменной кладбищенской церкви; образовалась длинная аллея вѣнковъ, зелени и цвѣтовъ, по которой прослѣдовала колесница. За ней рогатки еще болѣе сдвинулись, и началось нѣчто въ родѣ свалки. Требовалось предъявленіе билетовъ; всѣ спѣшили пройти скорѣе, толпились и многіе пробовали проскользнуть безъ билетовъ. Градоначальникъ, генералъ

Грессеръ, по свойственной ему привычкѣ, принялъ личное участіе въ соблюденіи порядка.

— Безъ билета нельзя, не угодно-ли назадъ!... раздавался его голосъ.

— Не угодно-ли не толкаться... Прикажите генералъ, пропустить меня,—говорилъ какой-то господинъ, усиливаясь пройти.

— Кто вы такой, я прикажу васъ арестовать за безпорядокъ!...

— Я—Буренинъ...

— А-а! проходите скорѣе...

И В. П. Буренинъ былъ пропущенъ. Нѣтъ правила безъ исключеній. Кажется, подобныя исключенія въ данномъ случаѣ были умѣстны: одно въ пользу военнаго генерала, другое—„генерала отъ критики“.

Во время обѣдни и отпѣванія, далеко не всѣ могли помѣститься въ церкви. Большинство толпилось у могилы и ожидало конца на паперти. Распоряжавшійся похоронами Д. В. Григоровичъ нѣсколько разъ суетливо выходилъ изъ церкви, съ безпокойствомъ подходилъ къ могилѣ и просилъ поберечь это послѣднее жилище своего стараго друга. Замѣтивъ меня, Григоровичъ подошелъ и торопливо, какъ-бы участливо спросилъ:

— Вы, конечно, скажете нѣсколько словъ...

По глазамъ, по тону голоса, ясно было, что Григоровичъ не безъ тревоги ожидалъ моего отвѣта и опасался непрошеннаго ораторства.

— Не собираюсь, Дмитрій Васильевичъ,—поспѣшилъ я успокоить его.—Мнѣ приходится говорить только у тѣхъ могилъ, которыя забываются друзьями и почитателями, или когда у нихъ языкъ прильпне къ гортани... Отъ избытка чувствъ, должно быть.,.

— Нѣтъ, отчего-же?.. Мнѣ хотѣлось только знать, чтобъ соблюсти порядокъ рѣчей...

— Порядка я не нарушу, Дмитрій Васильевичъ.

Успокоенный Григоровичъ пожалъ мнѣ руку и возвратился въ церковь. Рѣчей надъ могилой Тургенева было мало, и особаго значенія онѣ не имѣли.

- - - -

Черезъ годъ, лѣтомъ 1884 года, умеръ В. Ѳ. Коршъ... Хоронили его на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, напро-

тивъ памятника Некрасова. Почти буквально сбылось то, о чемъ я говорилъ Григоровичу. Проводить почтеннаго публициста и редактора весьма вліятельныхъ при немъ „С-Петербургскихъ Вѣдомостей“ собралось только нѣсколько десятковъ родныхъ и знакомыхъ; литераторовъ было очень мало. Во время отпѣванія, ко мнѣ подошелъ родственникъ В. Ѳ. Корша, сынъ извѣстнаго критика Григорьева, и просилъ сказать рѣчь.

— Если вы не скажите,—прибавилъ онъ:—будетъ очень досадно;—обидно замолчать такого человѣка, страдальца!..

— Постараюсь,—отвѣчалъ я.

Рѣчь была произнесена по вдохновенію, безъ подготовки, и растрогала многихъ. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, подъ редакціей В. Ѳ. Корша, началось мое сотрудничество въ столичной печати; съ добрѣйшимъ Валентиномъ Ѳедоровичемъ пришлось мнѣ работать и много лѣтъ спустя, когда ему суждено было превратиться въ бѣднаго, необезпеченнаго кускомъ хлѣба, газетнаго работника и переводчика... Горькая участь русскаго публициста, лучше всякаго краснорѣчія,—хватала за сердце у этого гроба.

Въ 1891 г., 15 іюля, исполнилось 50-лѣтіе со дня кончины М. Ю. Лермонтова. По порученію комитета „Литературнаго фонда“ и правленія учрежденной при немь Кассы взаимопомощи, на мнѣ лежала обязанность заказа возможно болѣе торжественной панихиды. По давнему опыту зная, что начальство не слѣдуетъ утруждать излишними ходатайствами и сомнѣніями, ведущими къ „перепискѣ“, къ собиранію „свѣдѣній и заключеній“, я поѣхалъ въ канцелярію градоначальства съ заготовленнымъ объявленіемъ о панихидѣ и безъ всякаго затрудненія получилъ обычное разрѣшеніе на напечатаніе его въ газетахъ. На другой день, 14 іюля, появилось во всѣхъ газетахъ извѣщеніе о предстоящей годовщинѣ, и я отправился въ Казанскій соборъ, чтобы переговорить и условиться съ духовенствомъ и старостой собора. Дождавшись конца службы, я попросилъ доложить обо мнѣ служившему протоіерею. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ въ лѣвый придѣлъ алтаря и спросилъ, что мнѣ угодно. Я объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Вотъ такъ вы всегда, господа, поступаете: вольнодумничаете, а затѣмъ панихиды просите служить... Никакихъ демонстрацій и скандаловъ я не допущу!..

Пораженный этимъ неожиданнымъ „репримандомъ“, я попробовалъ объяснить протоіерею, что учрежденія, устраивающія въ данномъ случаѣ панихиду, далеки отъ всякихъ демонстрацій, и выразилъ удивленіе, что на весьма почтительную просьбу получился такой рѣзкій и обидный отвѣтъ, безъ малѣйшаго къ тому повода и основанія.

— Какъ безъ основанія!.. — воскликнулъ протоіерей:—а вотъ, къ примѣру сказать, Иванъ Тургеневъ... Бросилъ отечество, отщепился отъ церкви, братался съ анархистами, а какую демонстрацію устроили изъ его похоронъ!..

Не могу передать, какъ взволновали меня эти слова.

— Тургеневу были возданы тѣ почести, которыя подобаютъ великому писателю. Я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ отцомъ Васильевымъ, бывшимъ священникомъ нашей церкви въ Парижѣ, а затѣмъ членомъ святѣйшаго синода. Отецъ Васильевъ въ самыхъ дружескихъ и почтительныхъ выраженіяхъ отзывался о Тургеневѣ, какъ и всѣ, близко знавшіе его... Да и вообще, едва-ли умѣстно въ данномъ случаѣ тревожить прахъ великаго писателя, восемь лѣтъ уже покоящійся въ землѣ. Тургеневъ оказалъ такія услуги русскому народу и обществу, которыя никогда не забудутся... Духовенству слѣдовало-бы не отрекаться, не отторгаться отъ вождей русской литературы...

— Ну, на сей счетъ можно быть и иного мнѣнія!..

— Прошу васъ, батюшка, кончимте эти тягостныя препирательства, къ которымъ, повторяю, я не подалъ ни малѣйшаго повода... Угодно-ли вамъ отслужить панихиду, на которую имѣется уже надлежащее разрѣшеніе, о чемъ и объявлено въ газетахъ?

— И совершенно напрасно!.. Лермонтовъ убитъ на дуэли... Это приравнивается къ самоубійству... По самоубійцамъ панихидъ не служатъ...

— Пушкинъ тоже убитъ на дуэли, по немъ служили самыя торжественныя панихиды въ 1880 году въ Москвѣ и Петербургѣ... Въ 50-лѣтнюю годовщину смерти Пушкина, 29-го января 1887 года, по моему-же заказу, духовенство Казанскаго собора служило панихиду, въ этомъ самомъ храмѣ... Какое-же основаніе къ нынѣшнимъ препятствіямъ?

— Прежняя ошибка или неправильность не оправдываетъ новыхъ...

— Это ваше послѣднее слово?

— Безъ особаго разрѣшенія владыки, служить не стану!

Высказавъ это рѣшеніе, протоіерей повернулся и ушелъ въ алтарь.

Разсуждать и медлить было нельзя. Я поспѣшилъ домой, надѣлъ фракъ и поѣхалъ въ лавру.

По счастью, митрополитъ Исидоръ былъ въ своемъ лѣтнемъ, скромномъ помѣщеніи, и принялъ меня милостиво и любезно. Маститый архипастырь выразилъ удивленіе по поводу требуемаго отъ него разрѣшенія и, выслушавъ объясненія, поручилъ передать причту Казанскаго собора, что со стороны его препятствій къ служенію панихиды нѣтъ, и что „судить Лермонтова не намъ, а Богу"...

На выраженное мною опасеніе, что моимъ словамъ протоіерей можетъ не повѣрить, высокопреосвященный владыка сказалъ:

— Какъ онъ можетъ не повѣрить!.. Пускай въ такомъ случаѣ явится сюда.

Изъ лавры я заѣхалъ къ себѣ, составилъ оффиціальное письмо о полученномъ разрѣшеніи и о словахъ, въ которыхъ оно было выражено, и повезъ это увѣдомленіе протоіерею.

Всѣ препятствія разомъ исчезли. На другой день панихида была отслужена соборнѣ, при участіи архимандрита, духовнаго цензора, а протоіерей произнесъ даже приличествующую случаю проповѣдь. Отъ платы не отказались.

На панихидѣ присутствовало достаточное число литераторовъ, много учителей и учащихся, несмотря на лѣтнюю опустѣлость Петербурга. Конечно, никакихъ „скандаловъ" и „демонстрацій" не произошло.

Послѣ панихиды, нѣкоторая часть литераторовъ и учителей отправилась въ ресторанъ „Медвѣдь", и здѣсь, за скромнымъ завтракомъ, была поднята чара въ память великаго поэта... Помянули его и добрымъ словомъ, въ оживленной, не подготовленной бесѣдѣ.

V.

Генералъ Шульцъ и Лермонтовъ.

Въ отрывкѣ изъ моихъ воспоминаній, помѣщенномъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (іюнь 1902 г.), встрѣчается имя генерала Шульца. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ героѣ прошлаго столѣтія можно найти въ моихъ корреспонденціяхъ, изданныхъ въ 1877 г., подъ заглавіемъ „Война въ Малой Азіи". Здѣсь-же приведу одинъ изъ

разсказовъ генерала Шульца, въ убѣжденіи, что разсказъ этотъ имѣетъ и бытовой, и историко-литературный интересъ. Генералъ Шульцъ давно уже умеръ, и если и я умру, не передавъ того, что сообщилъ мнѣ этотъ ветеранъ, то весьма любопытный матеріалъ пропадетъ, безслѣдно канетъ въ Лету.

Напомню, что генералъ Шульцъ, будучи израненнымъ кавказцемъ, былъ уже комендатомъ Александропольской крѣпости во время войны 1853—1855 годовъ. Тяготясь бездѣйствіемъ и не получая назначенія въ дѣйствующихъ отрядахъ Кавказа, Шульцъ беретъ отпускъ и отправляется въ Крымъ, гдѣ и принимаетъ участіе въ Севастопольской оборонѣ, начальствуя нѣсколько мѣсяцевъ, если не ошибаюсь, четвертымъ бастіономъ. По заключеніи мира, генерала Шульца опять сдаютъ „на покой“, на мѣсто коменданта одной изъ второстепенныхъ крѣпостей Прибалтійскаго края, кажется, Дюнамюнда; но едва началась война 1877 года, какъ маститый воинъ (ему было уже за 70 лѣтъ) снова очутился на поляхъ битвъ, въ хорошо знакомой ему Карсской области.

Тутъ-то я имѣлъ удовольствіе сблизиться съ генераломъ Шульцемъ, слышать его воркотню по поводу того, что его обрекаютъ на роль празднаго зрителя, тогда какъ онъ могъ-бы еще пригодиться на что-нибудь активное. Неужели не дадутъ старику пасть на полѣ чести, показать примѣръ молодежи; неужели ему суждено умереть отъ какой-нибудь болѣзни, а не отъ вражеской пули или ядра, подъ которыми онъ такъ часто находился? Такъ ворчалъ этотъ герой, когда былъ не въ духѣ. Но, въ обычное время, это былъ неистощимый, просвѣщенный, любезный собесѣдникъ и добрѣйшій человѣкъ. По-русски Шульцъ говорилъ не совсѣмъ свободно, по-французски хорошо, а по-нѣмецки, какъ на родномъ языкѣ.

— Знаете-ли, какъ я очутился на Кавказѣ?—спросилъ меня однажды Шульцъ.

— Будьте добры, разскажите.

— Былъ я молодымъ офицеромъ, безъ связей, безъ средствъ. Но тогда все дворянство служило въ войскѣ и пріобрѣтало положеніе на военной службѣ. Служилъ я въ Петербургѣ. Военному всѣ двери были открыты... Познакомился я съ однимъ семействомъ, гдѣ была дочь красавица... Конечно, я влюбился, но и я ей понравился. По тогдашнему обычаю, сдѣлалъ предложеніе родителямъ дѣвушки и получилъ *носъ*. Они нашли меня недостаточно заслуженнымъ и мало пригоднымъ женихомъ... Тогда-то я и поѣхалъ на Кав-

казъ, заявивъ, что буду или на щитѣ, или подъ щитомъ. Она обѣщала *ждать*. Это обѣщаніе и горячая къ ней любовь и окрыляли меня, смягчали горечь разлуки. На Кавказѣ въ то время не трудно было отличиться; въ дѣлахъ и экспедиціяхъ недостатка не было. Чины и награды достались и на мою долю... Въ извѣстномъ дѣлѣ подъ Ахульго я получилъ нѣсколько ранъ, но не вышелъ изъ строя, пока одна пуля въ грудь не повалила меня замертво... Среди убитыхъ и раненыхъ пролежалъ я весь день... Затѣмъ меня подобрали, подлѣчили, послали за границу на казенный счетъ для окончательной поправки. За это дѣло получилъ я георгіевскій крестъ. За границей, уже на возвратномъ пути въ Россію, былъ я въ Дрезденѣ. Конечно, пошелъ въ знаменитую картинную галлерею... Подхожу и смотрю на Мадонну... Вдругъ, чувствую, будто электрическій токъ пробѣжалъ по мнѣ, сердце застучало, какъ молотъ... Оглядываюсь и не вѣрю своимъ глазамъ... Воображеніе или дѣйствительность?.. Возлѣ меня, около той-же картины, стоитъ она... Достаточно было одного взгляда, довольно было двухъ словъ... Мы поняли другъ друга и придали особое значеніе чудесному случаю, сведшему насъ послѣ долгихъ лѣтъ разлуки. Моя мадонна осталась вѣрна мнѣ. Родные уже не возражали, и мы обвѣнчались. Сама судьба соединила насъ!

— Прелестный романъ, - сказалъ я.

— Но вы не знаете, почему я разсказалъ вамъ эту старую исторію... Дѣло въ томъ, что такъ-же, какъ вамъ, я разсказалъ ее Лермонтову... Давненько это было: васъ и на свѣтѣ тогда еще не было... Мы съ нимъ встрѣчались на Кавказѣ... Разсказалъ, а Лермонтовъ спрашиваетъ меня: скажите, что вы чувствовали, когда лежали среди убитыхъ и раненыхъ?—Что я чувствовалъ? Я чувствовалъ, конечно, безпомощность, жажду подъ палящими лучами солнца; но въ полузабытьѣ мысли мои часто неслись далеко отъ поля сраженія, къ той, ради которой я очутился на Кавказѣ... Помнитъ-ли она меня, чувствуетъ-ли, въ какомъ я жалкомъ положеніи?.. Лермонтовъ промолчалъ, но черезъ нѣсколько дней, при встрѣчѣ, говоритъ: *благодарю васъ за сюжетъ*. И онъ прочелъ мнѣ свое извѣстное стихотвореніе—„*Сонъ*“:

„Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
„Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
„Глубокая еще дымилась рана,
„По каплѣ кровь точилася моя“ и т. д.

— Вотъ для чего затронулъ я эту древнюю исторію... Мнѣ суждено было, совершенно случайно, *вдохновить* такого поэта, какъ Лермонтовъ.. Это великая честь, и мнѣ думается, что вамъ пріятно узнать происхожденіе этого стихотворенія; извѣстно, что оно положено на музыку и долго распѣвалось, а можетъ быть и теперь поется, какъ прелестнѣйшій, трогательный романсъ.

Разсказъ маститаго генерала Шульца, правдиваго воина, чуждаго всякой хлестаковщины, хорошо запечатлѣлся въ моей памяти, и мнѣ даже на одно мгновеніе не приходило малѣйшее сомнѣніе въ истинности этого сообщенія.

Въ какомъ очарованномъ, возвышенномъ ореолѣ жили, мыслили и дѣйствовали такіе герои, какъ Шульцъ, показываетъ еще слѣдующій эпизодъ.

Послѣ тяжелаго перехода и томительнаго выжиданія обоза (при отступленіи отъ Зивина), мы разбили палатку и улеглись, наконецъ, на покой. Но генералъ Шульцъ, по обыкновенію, что-то бормоталъ невнятное, ворочался и кончилъ тѣмъ, что возобновилъ разговоръ со мною.

— Допускаете-ли вы возможность, чтобъ такіе старцы, какъ я, способны были возгорѣться любовью, какъ какой нибудь юноша?

— Еще-бы! И подъ снѣгомъ иногда бѣжитъ кипучая вода!

— Нѣтъ, я говорю о самой идеальной, о самой чистой, *дѣвственной* любви, той любви, которую можно питать къ божеству... Помните рыцарей?.. Они любили даму своего сердца, носили ея цвѣта, обнажали мечъ свой въ честь ея на турнирахъ, но не покушались на ея свободу, не требовали взаимности... Вотъ о какомъ идеальномъ, высокомъ чувствѣ я говорю... Всякое иное, болѣе земное, болѣе низменное, недостойно, непригодно для такихъ старцевъ, какъ я, или для чистыхъ еще, свѣжихъ юношей... Допускаете-ли вы возможность такого чувства въ нашъ матеріальный вѣкъ?

— Вполнѣ допускаю, тѣмъ болѣе, что вы такъ горячо говорите объ этомъ, несмотря на усталость, не спите...

Хотѣлось мнѣ добавить: и *не даете спать другимъ*. Но генералъ Шульцъ не замѣтилъ моей ироніи и продолжалъ свое вдохновенное изображеніе идеальной, чистой любви.

При другихъ условіяхъ, я подумалъ-бы, не тронулся-ли, не спятилъ-ли мой старикъ; но генералъ Шульцъ въ такой мѣрѣ пріучилъ меня къ высокой атмосферѣ своихъ мыслей

и чувствъ, что я отнесся къ этому неожиданному признанію съ полнымъ уваженіемъ, нисколько не сомнѣваясь въ добромъ здоровьѣ моего собесѣдника. Я уже засыпалъ, а старый кавказскій воинъ все еще ворочался и бормоталъ что-то про себя. Можетъ быть, мадригалы сочинялъ, или воображалъ себя на турнирѣ, въ рыцарскихъ доспѣхахъ, съ копьемъ въ рукѣ, готовясь вызвать на бой каждаго, кто не признаетъ первой красавицей „дамы его сердца“.

Какая сила, какая жизненность одухотворяла подобныхъ людей, тысячу разъ жертвовавшихъ жизнью, здоровьемъ, соединявшихъ кипучую дѣятельность съ *поэзіей*,—не на словахъ, а на дѣлѣ!

Поучиться-бы у нихъ нынѣшнимъ молодымъ людямъ, которые или „атлетическимъ спортомъ“ всецѣло поглощаются, или „отцвѣтаютъ, не успѣвши расцвѣсть“, не зная для чего жить и какъ жить...

Генералъ Шульцъ умеръ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ войны; ему не удалось пасть на полѣ битвы, какъ онъ этого желалъ.

VI.

Во время военныхъ неудачъ.

Въ числѣ сотрудниковъ „Русскаго Обозрѣнія“ былъ талантливый молодой поэтъ—Николай Васильевичъ *Симборскій* (см. его стихотворенія: „Илья Муромецъ“, „Святогоръ“, „Въ ожиданіи войны“).

Въ апрѣлѣ 1877 года, Симборскій заходитъ ко мнѣ и съ перваго слова заявляетъ:

— Война рѣшена и на-дняхъ будетъ объявлена.

— Почему вы знаете?

— Интендантскіе чиновники гуляютъ по Невскому въ новыхъ мундирчикахъ, высокихъ сапогахъ и *бѣлыхъ перчаткахъ*!..

Это было сказано съ такимъ юморомъ и съ такимъ *провидѣньемъ* тѣхъ дѣйствій, которыя имѣли мѣсто въ Дунайской арміи, что я невольно расхохотался.

— Знаете, что я вамъ посовѣтую?—сказалъ я Симборскому:—отправляйтесь-ка на войну и не иначе, какъ въ Малую-Азію, черезъ Кавказъ... Побывайте въ тѣхъ мѣстахъ,

которыя вдохновляли Пушкина и Лермонтова, пишите корреспонденціи... Вы и сами обновитесь и увидите то, чего другіе не замѣтятъ...

Н. В. Симборскій послушался. По моему совѣту пошелъ къ О. Ѳ. Миллеру, тотъ порекомендовалъ его „Новому Времени“ и черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ.

Я не предвидѣлъ тогда, что и мнѣ скоро придется уѣхать (вслѣдствіе пріостановки газеты), и что для бѣднаго Симборскаго поѣздка эта окажется гибельной. Онъ любилъ *кутить* и, вмѣсто обновленія, погибъ на гостепріимномъ Кавказѣ.

Засталъ я Симборскаго въ лагерѣ подъ Карсомъ. Онъ очень обрадовался мнѣ, жилъ со мною въ одной палаткѣ, но большую часть времени проводилъ у маркитантки или въ кругу молодого офицерства, за стаканами кахетинскаго, среди шутокъ и прибаутокъ.

Какъ остроумный собесѣдникъ, онъ былъ постоянно окруженъ толпой... Корреспонденцій отъ него „Новое Время“ не дождалось, о чемъ даже телеграфировало въ штабъ. Мои уговоры сердили Симборскаго, и однажды онъ даже назвалъ меня „непрошеннымъ гувернеромъ“...

Послѣ неудачнаго дѣла (штурма) подъ Зивинымъ, Симборскій написалъ шутливое стихотвореніе:

„Былъ день тринадцатый іюня,
„Отпоръ турецкій былъ не слабъ,
„Войска дрались звѣремъ втуне,
„Тринадцать разъ напуталъ штабъ... и т. д.

Все вертѣлось на несчастномъ 13 числѣ и кончалось тѣмъ, что въ дѣлѣ было 13-ть генераловъ, вернувшихся благополучно, но изъ 13 тысячъ солдатъ многихъ не досчитались (въ дѣйствительности, около 800 убитыхъ и раненыхъ).

Стихотвореніе это разнеслось по всему лагерю, списывалось и т. д., и, конечно, дошло до свѣдѣнія „13-ти генераловъ“, чрезъ услужливыхъ наушниковъ.

Однажды, въ пору томительнаго бездѣйствія, когда войска занимали оборонительное положеніе, отступивъ отъ Карса, въ ожиданіи подкрѣпленій, вызванныхъ изъ Москвы и Саратова (1-я гренадерская дивизія и 40-я пѣхотная), приходитъ ко мнѣ въ палатку жандармъ или писарь (не помню хорошо) и спрашиваетъ, не знаю ли я, гдѣ Симборскій?

Я зналъ, что Симборскій былъ въ *гостяхъ*, день или два, въ другомъ лагерѣ (верстахъ въ 10-ти), но счелъ за лучшее промолчать и справиться, зачѣмъ онъ понадобился.

— Да его приказано арестовать и вывезти съ жандармами... Уже и лошади готовы.

Таковъ былъ отвѣтъ.

Встревоженный, я пошелъ къ правителю походной канцеляріи, полковнику Чернявскому (кажется, такъ его фамилія), къ которому требовали Симборскаго. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно приказано выслать Симборскаго, и принялъ со мной весьма рѣзкій тонъ, когда я попросилъ объясненія этой мѣры. Онъ говорилъ о какихъ-то *польскихъ прокламаціяхъ*, разбрасываемыхъ въ лагерѣ.

— Вообще, — заявилъ правитель канцеляріи, — съ тѣхъ поръ, какъ появились корреспонденты, пошли разныя неудачи, прокламаціи, и еслибъ моя воля, то я всѣхъ бы корреспондентовъ выслалъ изъ лагеря, а не только Симборскаго, который только пьянствуетъ и скандалитъ.

Выслушавъ такую дерзость, я вспылилъ и сказалъ, что если прокламаціи появились, то это совпало съ *его* пріѣздомъ, а до него корреспонденты были, а о прокламаціяхъ ничего не было слышно... (такъ оно и было въ дѣйствительности).

— Не кричите, не то командующій корпусомъ услышитъ!

— Пусть слышитъ, и я даже желаю, чтобъ онъ узналъ о тѣхъ дерзостяхъ, которыя мнѣ пришлось выслушать отъ васъ.

Впослѣдствіи, графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ *громкій* разговоръ мой съ Чернявскимъ; но что изъ турецкаго лагеря дѣйствительно подбрасывались прокламаціи, писанныя ломаннымъ русскимъ языкомъ, не имѣвшія, конечно, ни малѣйшаго значенія, крайне глупаго содержанія.

Вернувшись къ себѣ въ палатку и будучи въ крайнемъ возбужденіи, я написалъ Мих. Тар. Лорисъ-Меликову письмо, въ которомъ просилъ *свиданья* для необходимыхъ объясненій, убѣждалъ его отмѣнить высылку Симборскаго, ссылаясь на извѣстное стихотвереніе гр. Толстого:

„Какъ 8-го сентября,
Мы за вѣру и царя,
Отъ француза шли,
Отъ француза шли“!..

Неужели,—писалъ я,—теперь не умѣстна та шутка, которая была терпима въ Крымскую войну, да еще со стороны военнаго, а не корреспондента? Въ заключеніе, я предупреждалъ, что отказъ въ объясненіи я сочту за указаніе, что и мнѣ остается только уѣхать изъ лагеря, въ Петербургъ.

Вручивъ письмо дежурному ординарцу, я ждалъ отвѣта не болѣе ½ часа, когда меня позвали къ командующему корпусомъ. М. Т. встрѣтилъ меня съ улыбкой, добродушно и любезно, разомъ внушивъ тѣмъ, что дѣло уладится. Онъ сослался сначала на крайнее неудовольствіе „генераловъ", задѣтыхъ стихотвореніемъ, на необходимость какого-нибудь взысканія, упомянулъ о праздности и безполезности пребыванія Симборскаго въ лагерѣ; но, въ концѣ концовъ, уступилъ, когда я указалъ ему, что высылка съ жандармами можетъ пагубно отразиться на дальнѣйшей судьбѣ Симборскаго.

— Ну, хорошо,—кончилъ Лорисъ-Меликовъ:—я отмѣняю эту мѣру, но съ тѣмъ, чтобы Симборскій самъ уѣхалъ, куда хочетъ... Передайте ему объ этомъ.

Симборскій уѣхалъ въ Тифлиссъ. Оттуда онъ уже не вернулся въ Петербургъ, и я его не видѣлъ. Онъ участвовалъ въ тифлисскихъ газетахъ, издавалъ сатирическій листокъ „Фаланга", а года черезъ два или три застрѣлился.

Собранія его стихотвореній до сихъ поръ не издано, о чемъ слѣдуетъ пожалѣть.

Когда мнѣ случалось видѣться съ Лорисъ-Меликовымъ въ Петербургѣ, онъ часто вспоминалъ этотъ эпизодъ и шутя говорилъ:

— Кланяется вамъ пріятель вашъ, Чернявскій.

Уѣзжая болѣе или менѣе вынужденно съ театра войны, Н. В. Симборскій, въ видѣ отместки—сказалъ слѣдующій экспромтъ:

Изъ шутки, сказанной вполпьяна,
Устроить грязненькій скандалъ
Не смѣлъ-бы *рыцарь Ардагана*,—
Сумѣлъ *зивинскій генералъ*!

Этотъ экспромтъ вспомнился мнѣ даже черезъ 25 лѣтъ потому, что въ основѣ его лежитъ весьма *вѣрное впечатлѣніе*. Во время побѣдъ и успѣшнаго хода военныхъ дѣйствій, начальство въ хорошемъ настроеніи, и оно распространяетъ вокругъ, среди подчиненныхъ и въ отношеніяхъ къ печати, здоровое, добродушное, человѣколюбивое вліяніе. Но одна—двѣ неудачи, и пойдутъ толки, сомнѣнія, послышится

змѣиный шепотъ интригъ и злорадства; начальственное раздраженіе начинаетъ отыскивать *причину* неудачъ и видитъ ее, большею частью, гдѣ нибудь въ сторонѣ, въ какомъ-нибудь единичномъ явленіи, въ мелочномъ случаѣ, а приспѣшники, наушники подслуживаются и выслуживаются, отыскивая подобныя мелочи, подставляя ножку своимъ врагамъ и соперникамъ, подстрекая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ и строгостямъ, за которыя отвѣчать придется не имъ, а тѣмъ же вождямъ и общему ходу дѣлъ. Въ такія времена, даже очень добрые и умные вожди или начальники становятся жертвой, игрушкой въ рукахъ дурныхъ и злыхъ людей и утрачиваютъ обычное благоразуміе, волю, чувство законности и справедливости. Въ Малой-Азіи хотѣли выслать Симборскаго, а за Дунаемъ выслали всѣхъ корреспондентовъ „*Голоса*“ и искали виновниковъ Плевны среди англійской печати!

Замѣчательно, что лазутчики и, вообще, получаемыя и собираемыя штабными негласныя свѣдѣнія о непріятелѣ, какъ-бы согласуются съ ихъ видами и расположеніемъ духа. Въ періодъ побѣдъ и успѣховъ получались самыя пренебрежительныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Турки трусы, только и думаютъ о сдачѣ или бѣгствѣ, оружіе плохое, мрутъ отъ голода, пушекъ мало и т. п. Напротивъ, наткнувшись на неудачу, послѣ Плевны и Зивина, появляются *преувеличенныя* свѣдѣнія: тысячи турокъ превращаются въ десятки тысячъ, запасы неистощимы, орудія самыя лучшія и безчисленныя и т. п. Случалось, что послѣ побѣды недоумѣвали, гдѣ-же тѣ „многочисленные таборы и тѣ батареи“, которые удесятерялись въ не въ мѣру напуганномъ воображеніи поставщиковъ и собирателей „достовѣрныхъ“ свѣдѣній (тайныхъ).

На урочищѣ Мелидюзъ была *дневка*. Это было почти то самое мѣсто, гдѣ когда-то получалъ свои впечатлѣнія Пушкинъ, во времена Паскевича.

Мы медленно отступали, послѣ неудачнаго Зивинскаго штурма. Съ тыла за нами надвигался Мухтаръ-паша, а впереди находился Карсъ съ гарнизономъ, ободреннымъ нашей неудачей. Намъ предстояло пройти мимо этой первоклассной крѣпости, имѣя на плечахъ непріятеля, межъ двухъ огней, чтобъ соединиться съ 39-й дивизіей, которая оставалась съ сѣверной стороны Карса, гдѣ было выставлено нѣсколько осадныхъ батарей, противъ Карадага и Арабъ-Табіи.

Задача эта была выполнена, какъ извѣстно, съ полнымъ успѣхомъ. Обремененные большимъ обозомъ, нѣсколькими

сотнями раненыхъ, которыхъ везли и частію несли на носилкахъ, мы безъ малѣйшихъ потерь, въ полномъ порядкѣ, совершили это отступленіе, сняли осаду и со всѣми тяжестями отодвинулись назадъ, къ р. Арпачаю, гдѣ и заняли оборонительное положеніе въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Россіи. Кавказъ не могъ ихъ дать, такъ какъ разгорѣлось возстаніе, которое приходилось довольно долго усмирять.

Только инертность турокъ да престижъ славныхъ кавказскихъ войскъ могли объяснить все благополучіе этого отступленія.

Но во время дневки на Мелидюзѣ, на Саганлугскихъ высотахъ, будущее было неизвѣстно, и мы переживали тревожныя минуты, какъ вслѣдствіе неудачнаго штурма, такъ и трудныхъ условій отступленія.

Палатка генерала Шульца, гостепріимно принявшаго меня, была разбита въ двухъ шагахъ отъ палатки командующаго корпусомъ. Я только что вернулся съ похоронъ трехъ убитыхъ офицеровъ и съ перевязочнаго пункта, гдѣ безъ устали работали врачи. Впечатлѣнія были невеселыя. Вдругъ, слышу раздраженный голосъ, почти крикъ генералъ-адъютанта М. Т. Лорисъ-Меликова.

— Тебя повѣсить мало!.. Я прикажу заколоть мерзавца и бросить въ яму...

Что-то въ этомъ родѣ. Выхожу изъ палатки и вижу: передъ карауломъ, среди двухъ часовыхъ, сидитъ, поджавши ноги, рядовой иррегулярнаго Чеченскаго полка, блѣдный, безъ оружія. Часовые глядятъ сумрачно; всѣ какъ будто не въ своей тарелкѣ. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, сильно раздраженный, распекаетъ кого-то.

Оказалось, что наши разъѣзды захватили этого чеченца въ тылу отряда и приняли его за дезертира. По-русски онъ не зналъ, а его татарской болтовни наши драгуны не понимали. Молодца обыскали и нашли при немъ записку. Состоявшій при штабѣ переводчикъ прочелъ эту бумагу и заявилъ, что это не болѣе и не менѣе, какъ письмо или увѣдомленіе Мухтара-паши, въ которомъ зивинскому пашѣ предписывается держаться, какъ можно долѣе. Держись, молъ; посылаю тебѣ въ подкрѣпленіе мою *кавалерію* и самъ скоро прибуду на помощь. Таковъ былъ смыслъ найденной у чеченца записки, по словамъ переводчика. Этому тѣмъ скорѣе повѣрили, что записка подтверждала все то, что происходило въ Зивинѣ, и чѣмъ объясняли неудачи нашего штурма.

Въ такомъ видѣ дѣло было представлено на усмотрѣніе М. Т. Лорисъ-Меликова. Дезертиръ и его измѣна были на-лицо. Всѣ требовали быстрой и примѣрной расправы. Командующій корпусомъ раскричался и приказалъ *заколоть штыками* измѣнника, давъ ему полчаса на приготовленіе къ смерти.

И вотъ истекали эти тягостные полчаса. Осужденный сидѣлъ, хорошо не сознавая своей участи, а надъ нимъ стояли люди, блѣдные, разстроенные, которымъ предстояло выполнить ужасное дѣло, тяжкое, но справедливое чужое рѣшеніе.

Какъ нарочно, въ это время впереди лагеря проѣзжалъ верхомъ командиръ того иррегулярнаго полка, къ которому принадлежалъ осужденный. Лорисъ-Меликовъ замѣтилъ его и приказалъ позвать.

— Какъ вы смотрите за своими людьми, вы распустили полкъ!..

Надъ головой полкового командира разразилась гроза.

— Но въ чемъ-же дѣло, ваше высокопревосходительство?

-- А вотъ полюбуйтесь, вашъ рядовой схваченъ съ письмомъ Мухтара...

Растерянный полковой командиръ оглянулся, но, увидѣвъ осужденнаго на казнь измѣнника, заявилъ:

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, какой-же это дезертиръ!.. Это мой конюхъ!... Я посылалъ его за сѣномъ... Онъ все время былъ при мнѣ и не могъ получить письмо Мухтара... Позвольте взглянуть на это письмо...

По счастью, полковой командиръ немного зналъ, могъ разбирать по-татарски. Пресловутое письмо Мухтара оказалось свидѣтельствомъ, выданнымъ туземцу въ удостовѣреніе принадлежности ему его лошади. Слово „мухтаръ“, дѣйствительно, значилось въ этой бумагѣ, но оно означаетъ *старшину*, старосту того аула, къ которому принадлежалъ мнимый дезертиръ. Переводчикъ не умѣлъ перевести этого свидѣтельства, не зная мѣстнаго нарѣчія, но, разобравъ два слова—„мухтаръ“ и „лошадь“, подслужился и сочинилъ записку Мухтара-паши.

Убѣдившись въ обманѣ, вызвавшемъ неправедное рѣшеніе,—Лорисъ-Меликовъ приказалъ позвать переводчика и перенесъ на него свой гнѣвъ.

— Тебя самого надо повѣсить!..

По счастью, никто не былъ на этотъ разъ казненъ, и несчастный конюхъ былъ отпущенъ къ своему командиру. Но

если-бъ прошло полчаса, если-бъ скорый, суровый судъ свершился надъ „очевиднымъ“ злодѣемъ!

Къ сожалѣнію, подобныя ошибки не составляютъ единичнаго исключенія...

VII.

Въ память освободительной войны.

(По поводу 25-лѣтней годовщины).

Дунайская переправа.

Подготовительныя дѣйствія къ переправѣ длились болѣе двухъ мѣсяцевъ, несмотря на самыя спѣшныя мѣры и весьма быстрое, почти стремительное движеніе нашей арміи.

Въ самый день объявленія войны, 12 апрѣля, передовыя войска перешли уже границу. Затѣмъ, произведено весьма трудное и небезопасное фланговое передвиженіе войскъ, вдоль рѣки, занятой непріятельской флотиліей, передъ фронтомъ турецкихъ силъ, густо занимавшихъ противоположный берегъ, и въ виду сильно укрѣпленныхъ крѣпостей, для взятія которыхъ въ былое время намъ приходилось тратить много времени и крови.

Въ 1877 году, рѣшено было обойти эти укрѣпленія, заслониться отъ нихъ; но все-же надо было прорваться черезъ эту оборонительную линію, переправиться черезъ глубокую и широкую рѣку и отбросить непріятеля.

Успѣхъ былъ обезпеченъ лишь въ томъ случаѣ, если турки не рѣшатся сами перейти въ наступленіе и если переправа будетъ произведена въ наименѣе занятомъ и укрѣпленномъ мѣстѣ, возможно неожиданнѣе и скрытнѣе.

Все это было выполнено съ чрезвычайною умѣлостью и съ блестящимъ успѣхомъ. Такіе подвиги, такую распорядительность и предусмотрительность пріятно и поучительно вспомнить и чествовать.

Передвинуть армію въ составѣ 180—200 тысячъ человѣкъ, въ чужой странѣ, на протяженіи 250—300 верстъ, передъ лицомъ непріятеля, дѣло нешуточное; тѣмъ труднѣе была задача перебросить эту армію черезъ Дунай. Надо было уничтожить турецкую флотилію, что и исполнили наши

моряки. Необходимо было оградить мѣсто переправы минами— и это было исполнено. Надо было подвезти понтоны, пароходы, лѣсные матеріалы для плотовъ, канаты, якоря и т. п. матеріалы, дѣйствуя какъ можно болѣе осторожно и скрытно. Эта задача выполнена саперами. Надо было устроить фальшивую переправу, чтобъ ввести въ заблужденіе непріятеля. Сдѣлано было это у Галаца. Въ Добруджу былъ переправленъ цѣлый корпусъ (генерала Циммермана), которому пришлось оберегать тылъ и лѣвый флангъ нашихъ войскъ. Необходимо было оставить вдоль всего берега Дуная достаточныя силы для охраны нашего сообщенія съ базой, съ Россіей, и возможно скрытнѣе подвести и сосредоточить главнѣйшія дѣйствующія силы къ мѣсту настоящей переправы.

Совершалась она, какъ извѣстно, у Зимницы, расположенной почти противъ Систова (на болгарскомъ берегу). Зимница представляла тогда ничтожное мѣстечко. Теперь Зимница заняла мѣсто въ исторіи нашихъ войнъ и въ подвигѣ освобожденія балканскихъ славянъ. Такое *историческое пожалованіе* совершено трудами и кровью русскихъ войскъ, 4 и 5 понтонными баталіонами.

Кромѣ саперъ и моряковъ, несшихъ тяжелые труды по переправѣ, *боевая* честь ея принадлежитъ и 14-й пѣхотной дивизіи. Этой дивизіей командовалъ М. И. Драгомировъ, полки ея участвовали въ первыхъ эшелонахъ, или отрядахъ, переплывшихъ Дунай на понтонахъ и пароходахъ, въ томъ числѣ и Минскій полкъ, шефомъ котораго теперь назначенъ нынышній князь Болгарскій, пріѣзжавшій поклониться древнему Кіеву, матери городовъ русскихъ.

Переправа у Зимницы была совершена въ такой степени скрытно, что даже наши войска, назначенныя въ первую очередь, узнали о выпавшей на ихъ долю задачѣ лишь за нѣсколько часовъ до начала дѣла, въ ночь съ 14 на 15 іюня. Первый переѣздъ произведенъ въ тиши и благополучно. Но едва стали высаживаться войска на болгарскомъ берегу, иной разъ выскакивая въ воду, какъ турки всполошились. Раздались выстрѣлы, поднялась тревога. Высадившимся надо было подняться на крутыя высоты болгарскаго берега Дуная и, нещадя себя, вступить въ неравную борьбу съ болѣе численнымъ непріятелемъ. Понтонамъ надо было спѣшить назадъ, чтобы возможно скорѣе посадить и подвезти вторые и слѣдующіе эшелоны.

Вотъ тутъ-то и начались наши потери, тутъ-то и приходилось явить всю самоотверженность и доблесть русскаго воина. Все это и было проявлено въ избыткѣ, щедро, нашими молодыми, еще не обстрѣленными войсками, преобразованными послѣ Крымской войны, сынами свободной, не крѣпостной Россіи.

Каждую минуту, по мѣрѣ обнаруженія переправы, турки стягивали свои силы, старались отбросить, истребить высадившіеся отряды, и надъ Дунаемъ, какъ пчелы, вылетѣвшія изъ улья, понеслись тысячи ружейныхъ пуль. Эти пули не только ранили и убивали переправлявшихся, но и пробивали желѣзные понтоны. Былъ самый опасный и критическій моментъ переправы. Нѣсколько понтоновъ было пробито и пошло ко дну. Люди, обременные амуниціей, тонули, немногіе спаслись вплавь. Погибъ понтонъ съ двумя орудіями артиллеріи гвардейскаго отряда, съ офицерами и прислугой. Несли тяжкія потери и понтонеры, работавшіе подъ выстрѣлами въ потѣ лица. Но переправа продолжалась безостановочно.

Съ каждымъ рейсомъ росли и росли наши силы на болгарскомъ берегу; по мѣрѣ роста этихъ силъ оттѣснялись турки, и переправа шла успѣшнѣе и безопаснѣе.

Мостъ начали строить и устанавливать уже тогда, когда главное дѣло было совершено, когда на правомъ берегу Дуная была уже вся 14-я пѣхотная дивизія и нѣсколько орудій. Извѣстно, что, когда генералъ Драгомировъ лично переправился и принялъ непосредственное начальство надъ высадавшимися войсками, къ нему присоединился М. Д. Скобелевъ. Онъ очутился на томъ берегу самовольно, въ качествѣ добровольца, и помогалъ М. И. Драгомирову въ устройствѣ нашихъ войскъ, въ роли простого ординарца. Не выдержала военная жилка и понесла его въ бой. Такая навязчивость противна строгой дисциплинѣ, но допускается, какъ исключеніе, и обращается въ геройскій подвигъ. Говорили даже, что Скобелевъ переправился черезъ Дунай вплавь, держась за хвостъ лошади, чтобъ показать примѣръ казакамъ.

При переправѣ у Зимницы, мы потеряли 800 человѣкъ. Это было много для передовыхъ частей, но ничтожно для всей арміи и для такого важнаго дѣла, особенно въ сравненіи съ дальнѣйшими утратами и жертвами всей войны.

Первое дѣйствіе освободительной войны произошло съ полнымъ успѣхомъ, и 15 іюня 1877 г. навсегда будетъ праздничнымъ днемъ русскаго воинства.

Какъ извѣстно, послѣ переправы, былъ взятъ штурмомъ Никополь, для расширенія нашей наступательной линіи. Къ сторонѣ турецкихъ крѣпостей былъ направленъ, въ видѣ заслона, такъ называемый рущукскій отрядъ, подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича. Въ составъ этого отряда входили кіевскія войска, 12 корпусъ, которымъ командовалъ П. С. Ванновскій, впослѣдствіи военный министръ и недавній глава нашего народнаго просвѣщенія. Съ образованіемъ рущукскаго отряда, П. С. Ванновскій былъ назначенъ начальникомъ отряднаго штаба, а 12-й корпусъ поступилъ подъ начальство Великаго Князя Владиміра Александровича.

За Балканы былъ направленъ передовой отрядъ генерала Гурко, состоявшій изъ болгарскаго ополченія, знаменитой 4-й стрѣлковой бригады и кавалерійской дивизіи. Турки какъ-бы исчезли не оказывая сопротивленія, и въ двѣ—три недѣли мы заняли широкую полосу Болгаріи, отъ Рущука до сербской почти границы и отъ Дуная до Малыхъ-Балканъ и долины Тунджи или „долины розъ".

Съ 8 іюля начался періодъ тяжкихъ испытаній и несчастныхъ дѣлъ, объясняемыхъ частью пренебрежительными взглядами на боевыя средства и способности турокъ, а частью недостаточнымъ числомъ войскъ. Въ первый разъ произносится названіе Плевны, столь знакомое съ тѣхъ поръ по неудачнымъ щтурмамъ 8 и 18 іюля и 30 августа 1877 года. Только 28 ноября, послѣ прибытія за Дунай гвардіи, двухъ гренадерскихъ и нѣсколькихъ другихъ пѣхотныхъ дивизій, когда сдался Османъ-паша, мы получили возможность продолжать наступательное и побѣдоносное движеніе къ Константинополю, такъ блестяще начатое 15 іюня удачной и славной переправой черезъ Дунай, который въ пѣсняхъ именуется синимъ и знакомъ русскому народу не менѣе Днѣпра, Волги и Дона.

Трудно было устроить переправу, но нелегко было и оберегать и сохранять въ цѣлости плавучій мостъ черезъ Дунай. Это единственное сообщеніе съ резервами и источниками продовольствія и снабженія арміи пришлось беречь, какъ зѣницу ока, не только отъ покушеній непріятеля, но и отъ неосторожной ѣзды. Каждый день тянулись черезъ плавучій мостъ безчисленныя подводы, артиллерійскіе парки, больничные транспорты; двигались въ Болгарію и возвращались обратно, на румынскій берегъ. Надо было неустанно, днемъ и ночью, слѣдить за цѣлостью моста и соблюденіемъ

строгаго порядка на немъ. Послѣ несчастнаго дѣла 18 іюля во время паники и извѣстнаго бѣгства, вызваннаго ложнымъ, слухомъ о наступленіи Османа-паши, мостъ едва не былъ потопленъ. Зимой, въ началѣ декабря, послѣ паденія Плевны, пошелъ ледоходъ и мостъ былъ прорванъ и разведенъ. Около двухъ недѣль не было сообщенія черезъ Дунай и наша армія оказалась оторванной. Готовили какой-то желѣзный мостъ и части его были даже привезены къ Дунаю, но онъ не поспѣлъ во время. Сообщеніе возобновилось только тогда, когда Дунай замерзъ и ледъ достаточно окрѣпъ.

Вотъ какимъ важнымъ и отвѣственнымъ дѣломъ заняты были саперы и другія войска, охранявшія переправу, тылъ и фланговую линію дунайской арміи.

Этимъ войскамъ было тѣмъ тяжелѣе, что такая служба не заносится въ число героическихъ подвиговъ, не ведетъ къ быстрымъ повышеніямъ и наградамъ. Между тѣмъ и тутъ приходится напрягать нервы, наживать ревматизмы, терять здоровье, подвергаться лихорадкамъ и тифамъ. Извѣстно, что отъ всѣхъ этихъ спутниковъ войны войска теряютъ, обыкновенно, гораздо болѣе, нежели отъ самыхъ кровопролитныхъ сраженій. Морозы и та ужасная стихія, которая носитъ названіе невылазной грязи, причинили намъ въ войну1877—78 гг. гораздо болѣе потерь, нежели пули, ядра и штыки.

Гибли не только военные, но и врачи, сестры милосердія, погонцы или подводчики, которыхъ тысячами нанимали въ южныхъ и въ Юго-Западныхъ губерніяхъ.

Слава героямъ, слава ихъ мужеству и подвигамъ; но не слѣдуетъ забывать и другихъ невидныхъ жертвъ войны.

Велика заслуга безкорыстной помощи, оказанной Россіей дѣлу освобожденія балканскихъ народностей; но не мѣшаетъ бережно относиться и къ силамъ, и средствамъ своего народа.

Тяжелая, ужасная человѣческая бойня всегда дорого обходится, отнимая лучшія силы народа, обременяя государство страшными долгами, налагающими тяжкое бремя на цѣлый рядъ послѣдующихъ поколѣній.

Вотъ почему все болѣе и болѣе цѣнится миръ, даже плохой, а война оправдывается лишь въ смыслѣ обороны.

Слава военнымъ подвигамъ и героямъ; но еще болѣе славы устроителямъ хорошей, здоровой и правильно развивающейся мирной жизни на благо народа, всѣхъ и каждаго.

Паденіе Плевны.

Утромъ, 27 ноября, выѣхавъ изъ Порадима, я былъ въ Боготѣ, гдѣ находилась главная квартира нашей арміи. Вся дорога, съ расширявшимися объѣздами, представляла сплошное море грязи, въ которой ноги лошади тонули до колѣнъ; но верхомъ можно было пробираться по сторонамъ, полемъ или лѣскомъ.

Получивъ въ штабѣ, изъ рукъ полковника Газенкампфа, удостовѣреніе на фотографической карточкѣ, что Его Императорское Высочество главнокомандующій разрѣшаетъ мнѣ, „въ видѣ исключенія“, быть корреспондентомъ „Голоса“, я, не медля ни минуты, поѣхалъ въ Тученицу, гдѣ находился штабъ отряда обложенія Плевны. Отрядъ этотъ состоялъ, какъ извѣстно, подъ почетнымъ начальствомъ князя Карла Румынскаго (жившаго въ Порадимѣ), а дѣйствительнымъ начальникомъ русскихъ и румынскихъ войскъ, облагавшихъ Плевну, былъ старый севастополецъ Тотлебенъ. Онъ не пользовался любовью и популярностью; но его уважали. Всѣ мѣры и распоряженія его внушали твердую увѣренность, что успѣхамъ Османа-паши настанетъ скорый конецъ.

Въ Тученицѣ мнѣ надобно было явиться въ штабъ и получить разрѣшеніе на посѣщеніе и объѣздъ нашихъ позицій. Къ счастью, въ этомъ штабѣ я встрѣтилъ знакомаго, генерала Н. Д. Новицкаго, добрѣйшаго и любезнѣйшаго человѣка. Онъ былъ начальникомъ штаба злополучнаго 4-го корпуса (генерала Зотова), а при обложеніи Плевны состоялъ помощникомъ князя Имеретинскаго, исполнявшаго должность начальника штаба въ отрядѣ Тотлебена. Благодаря Н. Д. Новицкому, всѣ формальности были соблюдены въ пять минутъ. Я засталъ его въ землянкѣ, на-скоро пристроенной къ болгарской избѣ. Она обсушивалась желѣзной переносной печью, но въ ней пахло сыростью и глиной.

— Устраиваемся на зиму, сказалъ Н. Д.

— Какъ, удивился я,—развѣ Плевна затянется на зиму?

— Надѣемся, что нѣтъ... Со дня на день ожидаемъ... По нашимъ свѣдѣніямъ, у Османа продовольствія не болѣе какъ на двѣ, на три недѣли, а кто его знаетъ... На войнѣ надо предвидѣть всякія случайности...

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Н. Д. Новицкимъ я вывелъ заключеніе, что паденіе Плевны близко, и что мнѣ лучше

всего перебраться изъ Порадима въ Тученицу. Отсюда ближе и удобнѣе было начать предположенный мною объѣздъ линіи обложенія Плевны.

— Переѣзжайте, какъ-нибудь устроимъ васъ,—сказалъ мнѣ на прощаньи Н. Д. Новицкій.

Сгорая любопытствомъ увидѣть хотя частицу пресловутой Плевны, я отправился въ Радищево, впереди котораго находились ближайшія наши батареи. Въ поѣздкахъ по Болгаріи великую помощь оказывали мнѣ австрійскія карты, купленныя въ Бухарестѣ. Малѣйшій поселокъ, ручей, всякая дорожка были ясно, точно и вѣрно обозначены на этихъ картахъ. Почти всегда можно было обходиться безъ разспросовъ.

Впереди Радищева, на крутой горѣ, находилась наша осадная батарея, изъ большихъ орудій, числомъ не менѣе 12-ти. Это былъ юго-восточный уголъ нашихъ позицій. На батареѣ было тихо и уныло, когда я взъѣхалъ на нее. Изъ землянки вышелъ артиллерійскій офицеръ. Онъ видимо оживился и обрадовался, узнавъ, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ...

— Изнываемъ отъ тоски... Зайдите, пожалуйста, обогрѣться въ землянкѣ...

Лошадь мою взялъ солдатикъ, и я вошелъ въ офицерскую землянку. Въ живой бесѣдѣ, начальникъ батареи объяснилъ мнѣ тогдашнее положеніе дѣлъ подъ Плевной. Теперь не только Османъ, но птица не вылетитъ-де изъ Плевны незамѣченной и неперехваченной... Тотлебенъ даже репетиціи устраивалъ, гдѣ кому быть и что дѣлать на случай выхода или вылазки турокъ, если только они не предпочтутъ сдаться безъ сраженія... Измором рѣшено взять... Это неизбѣжно и вѣрно, но ужасно тяжело и скучно. Изрѣдка перестрѣливаемся, безъ особой надобности... Мы вышли на верхъ. Принесли подзорную трубу и батарейный командиръ сталъ объяснять мнѣ, гдѣ расположены турецкія укрѣпленія. Правѣе находился занятый уже 30 августа Гривицкій редутъ; впереди его, наискосокъ, холмъ со ставкой Османа. Городъ Плевна едва виднѣлся въ ложбинѣ. Съ нашей осадной батареи снаряды долетали туда. Не только въ подзорную трубу, но и простымъ глазомъ можно было разглядѣть траншеи, ровики ружейной обороны и батареи турокъ. Непосредственно у батареи начинался пологій спускъ, а на турецкой сторонѣ мѣстность возвышалась...

— Да что это у нихъ такъ тихо сегодня, замѣтилъ командиръ батареи... Не хотите-ли, я немного, пошевелю ихъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Раздался приказъ. Солдаты, занимавшіеся каждый своимъ дѣломъ, подошли къ орудіямъ, зарядили, навели и нѣсколько гранатъ понеслись къ туркамъ въ гости... Видно было, какъ взметалась земля въ мѣстахъ паденія и взрыва снарядовъ. Но турки молчали. Унылый, пожелтѣлый видъ поздней осени вполнѣ соотвѣтствовалъ этому безжизненному молчанію.

— Не отвѣчаютъ... Что-то подозрительно... Словно вымерли, замѣтилъ офицеръ.

Вечерѣло, до Порадима, было не менѣе 15 верстъ... Надо было ѣхать. Я простился, обѣщая побывать въ другой разъ... Но этому не суждено было случиться. Подозрѣніе офицера оправдалось.

Было еще темно въ Порадимѣ, когда со стороны Плевны, 28 ноября 1877 г., послышались выстрѣлы. Пальба возрастала съ каждой минутой. Хозяинъ болгарской избы вбѣжалъ ко мнѣ и знаками и словами сталъ объяснять, что турки ушли изъ Плевны, что Государь, князь Карлъ и „всички" уѣхали уже изъ Порадима...

Черезъ полчаса и я скакалъ туда, по направленію выстрѣловъ, стараясь попасть на вчерашнюю дорогу.

Государь со своей свитой, князь румынскій, военный министръ Д. А. Милютинъ, часть конвоя, вообще всѣ, кто могъ покинуть Порадимъ, не нарушая служебнаго долга, выѣхали при первыхъ выстрѣлахъ и находились на возвышенномъ холмѣ, между Радищевымъ и Гравицей, откуда можно было издали наблюдать за происходившимъ на ближайшихъ позиціяхъ и получать донесенія о ходѣ сраженія.

Первыя вѣсти были тревожныя. Османъ-паша незамѣтно вышелъ изъ своихъ укрѣпленій, сосредоточилъ свои силы въ скрытой горами долинѣ р. Видъ и, передъ разсвѣтомъ, бросился на наши батареи, находившіяся впереди Дольняго Дубняка. Нападеніе было нежданное и стремительное. Турки подкрались молча. Едва ихъ замѣтили, какъ раздалась бѣшенная ружейная стрѣльба и лучшіе, закаленные въ бояхъ таборы ихъ насѣли въ подавляющемъ числѣ на нашу линію обложенія. Завязался рукопашный бой; многіе тутъ пали смертью храбрыхъ, но турки одолѣли, захватили наши орудія...

Таковы были первыя извѣстія... Понятно настроеніе этой тяжелой минуты. Что если подкрѣпленія не успѣли подойти и Осману-пашѣ удалось пробиться, уйти изъ той Плевны, которую онъ такъ долго и такъ успѣшно защищалъ?

Положимъ, его догонятъ, окружатъ на пути отступленія, но все-же это было-бы новое торжество турокъ, новая неудача, новыя заботы и потери...

Канонада все усиливалась и удостовѣряла, что туркамъ нелегко дается ихъ смѣлая, отчаянная, вылазка. У нихъ было около 45,000 человѣкъ и не болѣе 70 орудій; у насъ и румынъ вокругъ Плевны было не менѣе 100,000 чел. и 400 орудій; эти силы были велики, но разбросаны на громадной окружности, среди пресѣченной мѣстности. Попытка Османа могла имѣть и удачу, при неожиданномъ натискѣ на одну часть растянутой линіи обложенія.

Минута была тяжелая. Вдругъ, усиленная канонада смолкла. Всѣ вздохнули свободнѣе... Прошло еще нѣсколько времени тягостнаго ожиданія, какъ со стороны Плевны показался всадникъ. Онъ не скакалъ, а летѣлъ на конѣ по направленію къ императорскому холму. Вотъ видно, что онъ снялъ фуражку и машетъ ею надъ головой... Еще минута и доносится „ура" всадника... Всѣ сомнѣнія исчезли.

Это былъ полковникъ М., помощникъ коменданта главной квартиры. Онъ соскочилъ съ коня почти на ходу и не обращая ни на кого вниманія, не отвѣчая на вопросы встрѣчныхъ, подбѣгаетъ къ Государю Императору и произноситъ:

— Плевна, Османъ-паша, турецкая армія -- у ногъ Вашего Императорскаго Величества!..

Громкое, торжественное „ура" огласило воздухъ... Государь тутъ-же поздравилъ благого вѣстника флигель-адъютантомъ. Не успѣлъ пройти общій восторгъ этой сцены, какъ прискакалъ другой вѣстникъ, ординарецъ Великаго Князя главнокомандующаго, офицеръ л.-гв. уланскаго полка Дерфельденъ. Онъ былъ посланъ къ Государю съ донесеніемъ Великаго Князя, съ мѣста развязки боя, и подтвердилъ безусловную сдачу Османа-паши, который былъ раненъ въ ногу. Полковникъ М. явился добровольнымъ вѣстникомъ и чрезъ нѣсколько дней былъ произведенъ въ генералы съ отчисленіемъ изъ свиты.

Первый успѣхъ неожиданнаго ночного нападенія и первыя усилія загнать турокъ назадъ, въ долину Вида, обошлись намъ недешево. У насъ выбыло изъ строя болѣе 2,000 чел.

Турокъ полегло не менѣе 6,000 чел. Едва прошелъ первый переполохъ ночной вылазки, какъ взвилась ракета, раздались условные сигналы, заработалъ военный телеграфъ. Войска быстро поднялись, собрались и стали подходить къ мѣсту боя. Первымъ подошелъ Астраханскій гренадерскій полкъ. Командиръ гренадерскаго корпуса И. С. Ганецкій подъѣхалъ къ полку на ходу и крикнулъ:

— Астраханцы! Умри, но выручи своихъ, отбей наши орудія!..

Русское побѣдное „ура“ было отвѣтомъ, и гренадеры бѣгомъ кинулись на занятыя турками батареи. Скоро подоспѣли гренадеры Кіевскаго полка и другія ближайшія части отряда Ганецкаго.

Въ резервѣ были еще войска М. Д. Скобелева, но дѣло обошлось безъ нихъ. Турки были отбиты, оттѣснены назадъ къ Плевнѣ. Тѣмъ временемъ, были заняты всѣ опустѣвшія турецкія укрѣпленія, и на высотахъ, надъ долиной р. Видъ, показались румыны и наши войска сѣверныхъ и восточныхъ участковъ обложенія. Началось разстрѣливаніе непріятеля, сбитаго въ одну безпорядочную кучу... Османъ-паша былъ раненъ и приказалъ поднять бѣлый флагъ... Заиграли рожки, послышался сигналъ отбоя... Все было кончено... Плевна пала, болѣе 40,000 уцѣлѣвшихъ турокъ стали бросать и ломать ружья... Ни одному изъ нихъ не удалось выбраться изъ западни, устроенной старымъ севастопольцемъ...

Генералъ Ганецкій поздравилъ свои войска съ побѣдой и подъѣхалъ къ шоссейному домику у моста черезъ р. Видъ, гдѣ находился раненый Османъ-паша. Тутъ турецкій „гази“ вручилъ свою саблю русскому генералу и просилъ, какъ милости, чтобъ его не отдавали въ плѣнъ румынамъ... Турокъ стыдился и опасался прежнихъ вассаловъ и рабовъ Порты... Извѣстно, что просьба Османа была исполнена, онъ былъ отправленъ въ Харьковъ... На другой день паденія Плевны, послѣ молебна, Государь возвратилъ Осману-пашѣ его саблю, изъ уваженія къ храброму врагу.

Положеніе турокъ было доведено до крайности, продовольствіе было почти истощено... Всѣ дома были наполнены ранеными и больными... Умирающіе валялись рядомъ съ трупами... Съ первыхъ дней декабря, выпалъ снѣгъ и начались морозы... Надъ бивуаками плѣнныхъ стонъ стоялъ... Послѣ каждаго перехода десятки падали отъ истощенія силъ и холода... Ужасное дѣло война! Много гибнетъ отъ пуль и сна-

рядовъ, но гораздо болѣе уничтожается людей отъ менѣе почетныхъ причинъ: отъ голода, мороза, тифа и другихъ болѣзней и военныхъ тягостей.

Послѣ паденія Плевны, снова открылся путь къ нашему наступленію и къ окончательному разгрому турокъ. Наша армія подошла къ Константинополю и могла занять его... Съ паденіемъ Плевны соединено и другое событіе... Царь-Освободитель возвратился въ Россію, успокоенный относительно дальнѣйшаго хода военныхъ событій, и 12 декабря 1878 г., въ столѣтнюю годовщину рожденія Александра I, повелѣлъ сложить всѣ взысканія, лежавшія на русской печати. Это была послѣдняя милость! Съ того дня русская печать опять попала въ цензурное удушье и до сихъ поръ преслѣдуется.

Послѣ Плевны.

На другой день паденія Плевны, 29 ноября 1877 года, назначенъ былъ торжественный молебенъ, на томъ самомъ холмѣ, гдѣ стояла палатка Османа-Паши (во время осады), между знаменитымъ Гривицкимъ редутомъ и городомъ, скрывавшемся въ лощинѣ.

Я выѣхалъ изъ Парадима пораньше и приближался уже къ мѣсту молебна, какъ позади послышался топотъ кавалерійскаго отряда. Впереди неслись десятка два лейбъ-казаковъ, съ пиками на перевѣсъ, затѣмъ коляска, запряженная четверкой, около нея свита верхомъ и опять казаки. Посторонившись, чтобы дать дорогу поѣзду, я скоро убѣдился, что ѣхалъ главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ. Онъ сидѣлъ въ коляскѣ съ начальникомъ штаба арміи, генераломъ Непокойчицкимъ. Поровнявшись со мною и замѣтивъ на рукавѣ моего полушубка корреспондентскую перевязь (георгіевская лента съ государственнымъ гербомъ), Великій Князь привѣтливо отвѣтилъ на мой поклонъ и еще разъ оглянулся. Я понялъ это за приглашеніе и подскакалъ къ коляскѣ, чтобы поблагодарить Его Высочество за полученное нѣсколько дней назадъ „исключительное“ разрѣшеніе быть корреспондентомъ „Голоса“.

— Очень радъ, очень радъ, сказалъ Великій Князь, отвѣчая на мой поклонъ.

— Позвольте благодарить Ваше Императорское Высочество и поздравить съ блестящей побѣдой!

— Спосибо... Читалъ ваши корреспонденціи изъ Малой Азіи.

— Къ сожалѣнію, приходилось говорить только о печальныхъ событіяхъ... За то теперь я счастливъ, что поспѣлъ за Дунай къ сдачѣ Плевны и къ окончательному торжеству нашего оружія...

— Постараемся, постараемся, шутливо сказалъ Великій Князь и, кивнувъ мнѣ еще разъ головой, обратился къ кому-то изъ свиты съ замѣчаніемъ относительно дѣйствія нашихъ орудій и укрѣпленій Плевны.

Насколько я могъ разслышать, Великій Князь выразилъ удивленіе по поводу поразительной цѣлости турецкихъ траншей и земляныхъ укрѣпленій. Онѣ были какъ съ иголочки, а нѣкоторые изъ артиллерійскихъ снарядовъ валялись кое-гдѣ неразорванными. Но въ послѣдніе дни осады огонь нашихъ орудій поддерживался слабо, а турки умѣли окапываться и исправлять поврежденія.

На площадкѣ, избранной для молебна, была выстроена часть войскъ, между прочимъ—Калужскій пѣхотный полкъ, шефомъ котораго былъ императоръ Вильгельмъ. Передъ фронтомъ, на сѣверо-востокъ, въ сторону далекой Россіи, былъ приготовленъ аналой, стояло военное духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ и нѣсколько пѣвчихъ.

Всѣ спѣшились, Великій Князь обошелъ войска и здоровался. Поджидали Государя и князя Карла Румынскаго. Среди толпы генераловъ, штабныхъ и свитскихъ офицеровъ, я замѣтилъ Тотлебена, который былъ фактическимъ начальникомъ отряда обложенія Плевны (почетное начальство предоставлено было Румынскому князю), и начальника его штаба князя Имеретинскаго, впослѣдствіи главнаго военнаго прокурора и варшавскаго генералъ-губернатора.

Передъ паденіемъ Плевны, я былъ въ Тученицѣ и представлялся кн. Имеретинскому, чтобы получить разрѣшеніе на посѣщеніе плевненскихъ позицій. Поздоровавшись и поздравивъ его съ окончаніемъ томительной осады, я спросилъ, гдѣ Скобелевъ и нельзя-ли меня познакомить съ нимъ.

— А вотъ онъ... разговариваетъ съ Левицкимъ.

И кн. Имеретинскій подвелъ меня и представилъ знаменитому „бѣлому генералу“. Чтобъ начать разговоръ, я и Скобелеву повторилъ свое стереотипное поздравленіе, не

зная еще тогда, какое участіе принималъ онъ въ развязкѣ плевненскаго сидѣнія.

— Есть съ чѣмъ! Позорное дѣло!

— А вамъ, ваше превосходительство,—довольно рѣзко и язвительно замѣтилъ на это кн. Имеретинскій, кажутся славными только тѣ дѣла, гдѣ можно уложить 10—20 тысячъ человѣкъ!...

— Что прикажете!.. какъ военный, предпочитаю дѣйствовать оружіемъ, а не голодомъ!.. сказалъ Скобелевъ и сталъ продолжать свой разговоръ съ Левицкимъ. Я спросилъ князя Имеретинскаго, что значитъ это неудовольствіе Скобелева, который былъ мрачнѣе тучи, сравнительно съ веселыми лицами всѣхъ другихъ.

— А вотъ онъ сердится, что ему не дозволили учинить четвертаго штурма!..

Впослѣдствіи, отъ генерала Ганецкаго и многихъ другихъ, я узналъ, что М. Д. Скобелевъ сердился въ этотъ день еще и потому, что ему не удалось лично обезоружить Османа-пашу, который вручилъ свою саблю Ганецкому, и что 28 ноября Скобелевъ, вообще, не игралъ никакой видной роли.

Послышались возгласы—„Государь ѣдетъ"!.. и всѣ засуетились и бросились къ своимъ мѣстамъ. Едва коляска Государя показалась на возвышеніи, какъ Великій Князь главнокомандующій снялъ фуражку и сказалъ:—„Господа, пойдемъ на встрѣчу Государю, ура"!.. И всѣ, за исключеніемъ прикованныхъ къ фронту, сняли шапки и съ восторженнымъ „ура" двинулись къ Царю-Освободителю, вслѣдъ за Великимъ Княземъ.

Коляска остановилась. Государь привсталъ, сбросилъ съ себя шинель и, опершись одной рукой о козлы, снялъ свою фуражку съ извѣстнымъ большимъ козырькомъ. Надъ окружавшей толпой возвышалось Его нѣсколько болѣзненное, но доброе, сіявшее радостью и улыбающееся лицо. Онъ сдѣлалъ жестъ. Все на минуту смолкло, и раздались привѣтливыя, ласковыя царскія слова.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вамъ, всѣмъ вамъ великое спасибо, не мнѣ, а вамъ „ура"... И Государь съ непокрытой головой, махая своей фуражкой, вышелъ изъ коляски и обнялъ Великаго Князя главнокомандующаго.

Черезъ минуту всѣ увидѣли, что Государь надѣлъ Великому Князю черезъ плечо ленту ордена св. Георгія 1-й

степени. Великій Князь такъ и оставался въ ней. Новое восторженное „ура“ привѣтствовало слова Государя и эту награду.

Были розданы награды и другимъ начальникамъ. Государь обошелъ войска, горячо благодарилъ ихъ за подвиги, труды и лишенія. Начался молебенъ. Впереди всѣхъ, на разостланомъ коврикѣ, стоялъ Государь; возлѣ Него, нѣсколько отступя, князь Карлъ Румынскій и Великій Князь Николай Николаевичъ, затѣмъ толпа генераловъ и свиты. Былъ и военный министръ Д. А. Милютинъ, заслуженно получившій орденъ св. Георгія 2-й степени, еще наканунѣ, послѣ перваго извѣстія о плѣненіи арміи Османа-паши.

Среди молебна, Государь подозвалъ дьякона и шепнулъ ему нѣсколько словъ. Тотъ передалъ эти слова священнику. Скоро, въ надлежащемъ мѣстѣ раздались заупокойныя молитвы о тѣхъ, кто палъ на полѣ брани, кто жизнь свою отдалъ за отечество, не посрамивъ земли русской, кто умеръ за ближнихъ, спасая, освобождая родственный, но мало даже знакомый народъ. Много ихъ пало подъ Плевной, десятки тысячъ легли по всей Болгаріи и въ Малой-Азіи. Государь, какъ всѣмъ извѣстно, избѣгалъ этого кровопролитія, но сила событій и общее настроеніе рѣшили иначе. Государь лично видѣлъ и пережилъ всѣ неудачи и тягости войны. При первыхъ-же звукахъ заупокойной молитвы, Государь опустился на колѣни и припалъ головой къ землѣ, оставаясь такъ до окончанія заупокойнаго моленія. Когда онъ поднялся, на глазахъ Царя-Освободителя ясно виднѣлись слѣды слезъ.

Но... мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій.—Раздались могучіе, торжественные возгласы діакона: „Христолюбивому, побѣдоносному, всероссійскому воинству многая лѣта“!!!

Не успѣли пѣвчіе подхватить „многая лѣта“, какъ шипя взвилась ракета, лопнула высоко въ ясномъ солнечномъ небѣ и со всѣхъ батарей и укрѣпленій, на 50 верстъ окружавшихъ Плевну, раздалась торжественная пальба. На этотъ разъ она несла не смерть и разрушеніе, а радость и предвкушеніе мира.

Государь еще разъ обошелъ фронтъ и благодарилъ войска.

Затѣмъ всѣ сѣли на лошадей и вслѣдъ за Государемъ направились въ Плевну, переполненную больными и ранеными турками.

Въ одномъ изъ лучшихъ уцѣлѣвшихъ домовъ, былъ приготовленъ завтракъ, во время котораго Государю былъ представленъ Османъ-паша. Во вниманіе къ его мужеству и ранѣ, Государь возвратилъ ему саблю.

Послѣ завтрака, Государь вернулся въ Порадимъ, поручивъ князю Карлу поблагодарить войска генерала Ганецкаго.

Царскій смотръ состоялся позже.

Черезъ три-четыре дня, по паденіи Плевны, Государь, какъ извѣстно, отбылъ въ Россію съ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ.

Я былъ на этихъ проводахъ, видѣлъ и слышалъ, какъ Государь прощался съ своимъ конвоемъ и княземъ Карломъ Румынскимъ.

— Съ Богомъ! раздался голосъ Государя.

Лошади двинулись, коляска гронулась, и навсегда опустѣлъ Порадимъ, бывшій въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣдней резиденціей Царя-Освободителя въ Болгаріи.

За нѣсколько минутъ до отъѣзда, я имѣлъ случай еще разъ убѣдиться въ необычайной добротѣ и любезности Д. А. Милютина.

Увидѣвъ, что я хлопочу о передачѣ письма къ семьѣ и корреспонденціи въ „Голосъ“, Д. А. Милютинъ самъ вызвался исполнить это. Какъ я узналъ впослѣдствіи, письма мои были доставлены по адресу въ самый день возвращенія военнаго министра въ Петербургъ.

Изъ опустѣлаго Порадима, я отправился въ отрядъ генерала Ганецкаго, отбившаго вылазку Османа-паши; но предварительно посѣтилъ еще разъ Боготъ, главную квартиру арміи. Мнѣ хотѣлось собрать необходимыя справки, чтобы пробраться въ передовой отрядъ генерала Гурко, подъ начальствомъ котораго состояла тогда вся гвардія.

По разнымъ причинамъ, предположеніе это не осуществилось, и генерала Гурко я увидѣлъ уже въ Адріанополѣ, послѣ разгрома арміи Сулеймана-паши.

Въ Боготѣ, посѣщая бывшій тамъ госпиталь, я встрѣтилъ въ первый и послѣдній разъ знаменитаго Пирогова. Маститый ученый и хирургъ довершалъ свой человѣколюбивый подвигъ, если не дѣломъ, то словомъ и совѣтомъ. Онъ выглядѣлъ согбеннымъ, едва двигавшимся старцемъ и производилъ чарующее впечатлѣніе... Невольно воскресали въ памяти событія севастопольской обороны...

Въ Боготѣ-же находился тогда раненый Османъ-паша. Я не рѣшился его безпокоить, въ виду его раны, да и разговориться съ нимъ было очень трудно: онъ говорилъ только по-турецки. Но мнѣ удалось видѣть начальника его штаба. Это былъ юркій, подвижной человѣкъ, имѣвшій на видъ очень мало сановитости, такъ часто свойственной даже простымъ туркамъ. Я забылъ фамилію этого турецкаго генерала, говорившаго довольно бѣгло по-французски. Я слышалъ, что ему-то Плевна и была обязана своими укрѣпленіями, выроставшими, какъ грибы послѣ дождя. Онъ былъ и начальникомъ штаба, и главнымъ инженеромъ Плевны. Я спросилъ его, между прочимъ, какого онъ мнѣнія о возможности взятія Плевны новымъ штурмомъ.

— Мы ждали, каждый день ждали его,—отвѣчалъ онъ весело, какъ-бы оживившись. Могу васъ увѣрить, что четвертый штурмъ имѣлъ-бы такія-же послѣдствія какъ и первые три... Плевны нельзя было взять!

— Однако, извѣстно, что крѣпости на то и строятъ, чтобъ ихъ брали.

— Повѣрьте, хуже той мышеловки, въ которую засадилъ насъ Тотлебенъ, нельзя было ничего придумать...

— Нашъ „акъ-паша“ держится, какъ я слышалъ, мнѣнія, что съ Плевной легко было покончить гораздо ранѣе 28 ноября и этимъ путемъ развязать себѣ руки... Иныя потери искупаются болѣе быстрымъ концомъ всего дѣла, всей войны...

Турецкій генералъ замоталъ головою и поразилъ меня вопросомъ:

— Кто это „Акъ-паша“?

— Акъ-паша, бѣлый генералъ... вѣдь у васъ-же такъ прозвали Скобелева!

— Въ первый разъ слышу!.. Не знаю...

Вотъ какъ „пишется исторія“—подумалъ я.

— Почему вы пробовали пробиться и напрасно потеряли 6,000 человѣкъ? спросилъ я.

— Напрасно! Почему напрасно?.. Мы могли разсчитывать на счастливую случайность... Безъ боя нельзя сдаваться, за это у насъ предаютъ военному суду!

Я вспомнилъ 23-дневную защиту окруженнаго со всѣхъ сторонъ Баязета... Геройская оборона окончилась освобожденіемъ. Османъ-паша могъ разсчитывать на помощь и, кромѣ того, сознавалъ, что его задача какъ можно долѣе удержи-

вать русскую армію подъ Плевной. Но въ такомъ случаѣ, можетъ быть, и Скобелевъ былъ правъ, если полагалъ, что Плевну можно было взять силой, гораздо ранѣе наступленія суровой зимы.

Обоюдоострые и спорные вопросы. Привожу ихъ, какъ отраженіе того, о чемъ всѣ тогда говорили и разнорѣчили. Послѣ событій, легко поучать, почему произошло то, а не другое, и что было-бы лучше.

Характерно, что Османъ-паша, какъ милости просилъ, чтобъ его перевезли скорѣе въ Боготъ и затѣмъ въ Россію. Онъ ни за что не хотѣлъ-бы остаться въ плѣну у румынъ. Недавнему властителю тяжело быть плѣнникомъ тѣхъ, кого онъ привыкъ считать своими рабами и подвластными.

Около 10 или 12 января 1878 г., мнѣ пришлось ночевать въ Казанлыкѣ, по пути въ Адріанополь, гдѣ въ то время находилась главная квартира.

Всѣ уцѣлѣвшіе дома въ Казанлыкѣ были биткомъ набиты турецкими больными и ранеными. Вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, полковникомъ генеральнаго штаба Тихменевымъ (съ которымъ я случайно съѣхался и познакомился по дорогѣ изъ Тырнова къ Шипкѣ), я воспользовался гостепріимствомъ нашего мѣстнаго военнаго губернатора, если не ошибаюсь, Иванова.

Усталые, послѣ тяжелаго шипкинскаго перевала, мы уже спали въ отведенной для насъ комнатѣ, какъ вдругъ шумъ, стукъ въ двери и говоръ разбудили насъ.

Оказалось, что въ Казанлыкъ прибылъ генералъ-адъютантъ гр. Н. П. Игнатьевъ, бывшій нашъ посолъ въ Турціи. Онъ ѣхалъ по Высочайшему повѣленію, для переговоровъ съ турками о мирѣ. Приказано было всѣмъ и каждому чинить всякое содѣйствіе къ благополучному и скорѣйшему слѣдованію графа Игнатьева. Пришлось и намъ оказать это содѣйствіе. Мы уступили послу свою комнату, какъ лучшее помѣщеніе, а сами перебрались въ какое-то служебное зданіе во-дворѣ губернаторскаго дома.

На другой день утромъ, я засталъ графа Н. П. Игнатьева за чаемъ. Онъ любезно извинился за причиненное безпокойство, а я воспользовался случаемъ и задалъ вопросъ:

— Когда вы, графъ, порадуете насъ, миромъ?

— 19 февраля, не задумываясь и рѣшительно отвѣчалъ графъ Игнатьевъ.

Лошади были уже готовы, и полномочный посолъ укатилъ къ ближайшей станціи желѣзной дороги, любезно оставленной намъ поспѣшно отступившими турками. Вдоль этой дороги потащились и мы верхомъ, среди разрушенныхъ селеній и городовъ, встрѣчая на каждомъ шагу неубранные еще трупы людей, лошадей и буйволовъ.

Во время мирныхъ переговоровъ въ Адріанополѣ, турки поспѣшно свозили остатки своихъ войскъ къ Константинополю и сильно укрѣпляли послѣднія свои позиціи около Санъ-Стефано. Это вызвало наступленіе нашихъ войскъ къ Царьграду, въ подкрѣпленіе ультиматума объ очищеніи означенныхъ позицій. Неизвѣстно было, уступятъ-ли турки безъ боя, или попробуютъ еще разъ защищаться, вызвавъ новое кровопролитіе. При такихъ условіяхъ, штабъ генерала Гурко отправился изъ Адріанополя въ Чорлу и затѣмъ въ Чаталджу, по желѣзной дорогѣ, по счастью уцѣлѣвшей. Турки уничтожали города, села, людей, но страннымъ образомъ оставляли намъ желѣзныя дороги, мосты и громадные склады продовольствія. Самые любезные въ этомъ отношеніи враги.

Пока въ вагоны грузили верховыя лошади, я осмотрѣлъ вблизи станціи брошенный турками, но вполнѣ подготовленный редутъ. Дорого достался-бы намъ Адріанополь, если-бы армія Сулеймана успѣла занять его, не была-бы разгромлена и отброшена въ сторону нашей гвардіей!

Съ надлежащаго разрѣшенія, я отправился съ офицерами штаба передового отряда. На одной изъ станцій, въ наше купэ входятъ два интендантскихъ чиновника. Сравнительно съ нами, они показались щеголями; все было чистенькое и новенькое на нихъ. Изъ разговора ихъ можно было видѣть, что они недавно прибыли изъ Россіи.

— Много преувеличеній,—сказалъ одинъ изъ нихъ. Я проѣхалъ всю Болгарію и никакихъ труповъ, разореній и особыхъ ужасовъ не видалъ.

— А вотъ мы,—вмѣшался въ разговоръ штабной офицеръ,—видѣли много разрушенныхъ и опустошенныхъ городовъ и селъ, и очень много убитыхъ болгаръ, даже стариковъ, женщинъ и дѣтей... Но васъ, господа интендантскіе чиновники, имѣемъ удовольствіе видѣть въ первый разъ. Вы

были рѣдкостью во время войны и пріятно съ такою рѣдкостью встрѣтиться, хотя-бы при разборѣ шапокъ! И офицеръ, съ комическою важностью, снялъ фуражку и отвѣсилъ поклонъ чиновникамъ.

Мы всѣ невольно разсмѣялись. Эта выходка, можетъ быть, была и несправедлива по отношенію къ даннымъ лицамъ, но какъ нельзя лучше отвѣчала общему впечатлѣнію и настроенію.

Въ Чорлу, расположенъ былъ штабъ гвардейскаго корпуса, состоявшаго во время войны подъ командой гр. П. А. Шувалова, бывшаго впослѣдствіи посломъ въ Берлинѣ. Это былъ типъ хорошаго, добраго, гостепріимнаго и образованнаго русскаго барина. Частному лицу негдѣ было питаться въ Чорлу, и гр. Шуваловъ каждый день звалъ меня къ себѣ обѣдать, поражая своимъ радушіемъ. За его столомъ было весело, остроумно и изыскано-вѣжливо. Въ Чорлу господствовалъ образцовый порядокъ, сравнительно даже съ такими нетронутыми войною городами, какъ Тырновъ и Адріанополь. Я сказалъ какъ-то объ этомъ гр. Шувалову и прибавилъ, что коменданта Чорлу слѣдовало-бы сдѣлать петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ.

— А вотъ неугодно-ли познакомиться съ виновникомъ этого порядка, отвѣчалъ графъ.

Совершенно неожиданно для меня, „виновникъ порядка“ оказался за обѣденнымъ столомъ. Это былъ полковникъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Р. Т. Мевесъ. Оберъ-полицеймейстеромъ онъ не сдѣлался, но впослѣдствіи командовалъ Павловскимъ полкомъ и умеръ корпуснымъ командиромъ.

Въ Чаталджѣ расположенъ былъ отрядъ М. Д. Скобелева, который, въ качествѣ подчиненнаго, встрѣтилъ генерала Гурко, при его пріѣздѣ на передовыя позиціи (на случай сопротивленія турокъ).

Въ тотъ-же день, за завтракомъ, генералъ Гурко, вообще серьезный и даже суровый на видъ, шутливо спросилъ:

— А что, не пахнетъ-ли отъ меня духами?

Общее изумленіе.

— Я пожималъ руку раздушеннаго генерала! прибавилъ Гурко.

Эти слова хорошо сохранились въ моей памяти. Они выясняли и личности двухъ героевъ войны, и взаимныя ихъ отношенія.

Въ Санъ-Стефано мы вступили 12 февраля 1878 г. Турки уступили безъ боя и возобновили начатые въ Адріанополѣ переговоры о мирѣ. Они длились ровно недѣлю.

Ожиданіе исхода переговоровъ было томительно. Хотѣлось побывать въ Константинополѣ, который очень хорошо виднѣлся изъ Санъ-Стефано; но доступъ туда былъ запрещенъ, во избѣжаніе столкновеній, недоразумѣній, взрыва фанатизма между представителями враждующихъ сторонъ. Предосторожность разумная и понятная, но относится-ли она къ корреспондентамъ? Я рѣшилъ, что лучше не утруждать начальство подобными сомнѣніями. На пароходной пристани, однако, стояли часовые и загородили мнѣ дорогу.

— Не велѣно пущать на пароходъ, объявилъ часовой.

На пароходъ „не велѣно“, но о лодкахъ, во множествѣ стоявшихъ у пристани, ничего не сказано, подумалъ я. Безъ особыхъ затрудненій, я нанялъ великолѣпный четырехвесельный каикъ и черезъ минуту, на виду многихъ офицеровъ, гулявшихъ по набережной, отплылъ въ Константинополь.

Только въ открытомъ морѣ, очутившись глазъ на глазъ съ двумя дюжими гребцами, совершенно невѣдомой мнѣ національности, почувствовалъ я весь рискъ этой прогулки. Однимъ взмахомъ весла, безнаказанно и легко было покончить со мною, ограбить и бросить въ море... Неизвѣстно, что можетъ случиться и въ турецкой столицѣ, если удастся добраться туда къ наступавшей уже ночи. Такъ думалъ, я, любуясь живописными берегами Эгейскаго моря и Принцевыхъ островов, около которыхъ стояла англійская эскадра.

Но все обошлось благополучно, и часовъ въ девять вечера, я первый изъ русскихъ, послѣ войны, очутился въ Галатѣ и безъ боя занялъ Царьградъ. Пробылъ я въ Константинополѣ около сутокъ и никто не спросилъ у меня даже паспорта. Я осмотрѣлъ все, что было достойно вниманія въ Перѣ и Стамбулѣ, побывалъ въ главныхъ мечетяхъ и у дервишей, посѣтилъ усыпальницы султановъ, въ томъ числѣ и злосчастнаго Абдулъ-Азиса; побывалъ въ нашемъ посольствѣ, которое, хотя и походило на опустѣлый улей, но находилось въ полномъ порядкѣ... Только окутанный клеенкой государственный гербъ на воротахъ посольства наглядно говорилъ о войнѣ и прерывѣ сношеній. Нигдѣ, никакихъ препятствій и недоразумѣній я не встрѣтилъ... Лишь вездѣ надо было щедро давать „на чай“, не исключая и мечетей.

Не останавливаюсь на другихъ подробностяхъ, обрисовывающихъ состояніе Константинополя во время войны. Но не могу не упомянуть, что телеграммы и письма мои изъ Константинополя были приняты и дошли безпрепятственно. Понятно, съ какимъ удовольствіемъ, послѣ долгаго газетнаго голоданія, накинулся я на двѣ французскія газеты, выходившія тогда въ турецкой столицѣ.

Въ одной изъ нихъ, было „предостереженіе", данное въ той хорошо знакомой намъ формѣ, какая была изобрѣтена правительствомъ Наполеона III: „Принимая въ соображеніе" и т. д. Предостереженіе было объявлено за то, что газета упорно утверждала, что выпускъ каиме (турецкихъ кредитныхъ билетовъ) продолжается, тогда какъ фабрика ихъ давно-де закрыта.

Въ дѣйствительности, этими каиме былъ наводненъ Константинополь и въ каждой лавочкѣ на нихъ устанавливался различный и произвольный курсъ, если только торговцы соглашались принимать эти бумажки. На пароходной пристани ихъ уже не брали.

Другое газетное извѣстіе было тоже офиціознаго значенія. Оно было переведено изъ турецкихъ газетъ и возвѣщало о томъ, что султанъ, въ видѣ особой милости, желая явить свое милосердіе и въ заботливости о скорѣйшемъ очищеніи Турціи отъ непріятеля, разрѣшилъ допустить русскихъ къ берегамъ Эгейскаго моря, чтобы избавить ихъ отъ вѣрной гибели и возможно скорѣе прогнать во свояси.

Это были плоды восточной фантазіи и турецкое истолкованіе военныхъ событій, нарочито предназначенное для правовѣрныхъ турокъ. Вспомнилась наша „гласность".

Настало 19-е февраля. Утромъ, въ греческой церкви Санъ-Стефано отслужены были обѣдня и молебенъ. Праздновался, какъ обычно, день восшествія на престолъ. Ожидали тѣхъ благъ, которыя должны были прибавиться къ этому знаменитому и, безъ того уже незабвенному, дню. Но ждать пришлось довольно долго.

Въ этотъ, день съ утра, были собраны и выстроены войска, гвардія и знаменитая 4-я стрѣлковая бригада, на полѣ между Санъ-Стефано и Константинополемъ; но турецкіе уполномоченные медлили и безпрерывно ѣздили въ Константинополь или требовали отвѣтовъ изъ Ильдызъ-Кіоска. Только

въ сумеркахъ, между 6—7 часами вечера, графъ Игнатьевъ доложилъ Великому Князю Николаю Николаевичу, что миръ подписанъ. Главнокомандующій сѣлъ на коня, подъѣхалъ къ войскамъ и, снявъ фуражку, объявилъ:

— Благодарю и поздравляю васъ... Богъ благословилъ насъ миромъ! Ура!

Никогда я не слышалъ такого „ура“, какое раздалось въ отвѣтъ. Мало того, шапки полетѣли вверхъ и застлали небо, какъ стая птицъ. Войско по народному привѣтствовало давно желанную вѣсть о мирѣ, вопреки обычной дисциплинѣ, и никого не удивило это явленіе. Надо было видѣть, какими молодцами прошли потомъ эти войска передъ своимъ любимымъ вождемъ, какъ радостно и восторженно отвѣчали они на его привѣтствія. Я видѣлъ смотры на Царицыномъ лугу и въ Красномъ Селѣ, но лучшаго и болѣе внушительнаго парада, какъ санъ-стефанскій, не было и не будетъ! Къ сожалѣнію, миръ санъ-стефанскій былъ передѣланъ въ Берлинѣ.

На другой день, по заключеніи мира, 20 февраля 1878 г., я выѣхалъ изъ Санъ-Стефано и отправился въ Одессу на первомъ отходившемъ изъ Константинополя французскомъ пароходѣ.

Въ Босфорѣ было тихо, пахло весной, и ничто не мѣшало любоваться чарующими красотами этого пролива; но едва мы вышли изъ него, какъ пароходъ, не имѣвшій груза, стало подбрасывать, какъ жалкую щепку. Черное море волновалось и сердито бурлило. Въ Одессѣ еще лежали мины, заграждавшія портъ, и нашъ пароходъ былъ остановленъ выстрѣлами съ брандвахты.

Такъ негостепріимно встрѣтила меня родина. Таможенныя власти не хотѣли меня пускать безъ заграничнаго паспорта, хотя личность мою удостовѣряли разрѣшительныя свидѣтельства нашей арміи. По счастью, я захватилъ съ собой заграничный паспортъ и не утерялъ его съ брошенными вещами.

Не въ веселомъ настроеніи возвращался я въ Петербургъ. Война была тяжела, но и мирныя перспективы были не изъ лучшихъ.

Въ Москвѣ, между двумя поѣздами, я успѣлъ побывать у Иверской и поговорить съ Н. Н. Страховымъ, съ которымъ случайно встрѣтился на Николаевскомъ вокзалѣ.

Извѣстный критикъ и философъ поразилъ меня вопросомъ:

— Очень-ли огорчены войска окончаніемъ войны?

— Напротивъ, радость общая..

-- Но какъ-же Константинополь? Неужели не думаютъ, не рвутся къ Константинополю?

— Думаютъ болѣе всего о томъ, какъ-бы скорѣе вернуться на родину.

— Но все-таки, хотя-бы вошли, хотя-бы временно заняли Константинополь...

— Но вѣдь всѣ,—а славянофилы громче другихъ,—кричали о безкорыстіи нашей войны. Всѣмъ было извѣстно, что заранѣе было дано слово, что мы не захватимъ Константинополя. Русская политика дѣлала ошибки, но всегда отличалась честностью, вѣрностью обѣщаніямъ... Неужели, желательно нарушить эти традиціи? Войти-же въ Константинополь только для того, чтобы выйти изъ него, повторить нѣчто въ родѣ германскаго парада въ Парижѣ—неужели подобная комедія желательна?

— Все-таки нѣкоторое удовлетвореніе...

— Мнѣ кажется, оно не въ характерѣ русскаго народа... Воевать такъ воевать, миръ такъ миръ... Для чего напрасно унижать и раздражать врага?

Н. Н. Страховъ не возражалъ противъ этихъ доводовъ, но былъ видимо недоволенъ результатами Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго мира, подлежавшаго еще пересмотру въ Берлинѣ.

— Если вы хотите сказать, что очень досадно, что столько жертвъ понесено опять Россіей, а пресловутый вопросъ о проливахъ и Константинополѣ остается попрежнему нерѣшеннымъ, то противъ этого спорить и прекословить не стану... Въ этомъ случаѣ, я вполнѣ раздѣляю вашу неудовлетворенность, замѣтилъ я въ заключеніе нашего разговора, прощаясь со Страховымъ.

И въ томъ-же видѣ остается этотъ проклятый вопросъ и въ настоящее время, четверть вѣка спустя. Отдать Константинополь болгарамъ—не заслуженно; возвратить его грекамъ—не выгодно; сдѣлать вольнымъ, нейтральнымъ городомъ—опасно и тревожно; оставлять въ турецкихъ рукахъ—опять-таки не безопасно для общаго спокойствія и мира. Хочется вѣрить, что когда-нибудь сила вещей возьметъ верхъ,

что мирно и съ общаго согласія ключи отъ нашего дома очутятся въ нашихъ рукахъ и сбудется легенда объ обращеніи софійской мечети снова въ православный храмъ, на этотъ разъ и навсегда русскій.

Гласность и война.

Исполнившееся 25-лѣтіе „освободительной войны“ подняло, между прочимъ, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ общество, участвовавшее въ означенныхъ событіяхъ, было знакомо съ дѣйствительностью, знало и хотѣло знать совершавшееся, въ его истинномъ свѣтѣ.

Этотъ вопросъ сводится къ положенію гласности до войны, во время нея и послѣ замиренія.

Если даже такіе народы, какъ французы въ 1870 году, были весьма плохо освѣдомлены на счетъ своего собственнаго положенія, не говоря уже о непріятелѣ, и ринулись въ войну съ торжествующими возгласами „въ Берлинъ, въ Берлинъ“, легкомысленно воображая, что это будетъ быстрая и побѣдоносная „военная прогулка“, а не ужаснѣйшій и постыдный разгромъ, подготовленный Бисмаркомъ и Мольтке, то само собою разумѣется, что наше положеніе въ этомъ смыслѣ было еще хуже и рискованнѣе, хотя, по счастью, намъ пришлось имѣть дѣло только съ турками.

Нечего напоминать, что мы очень мало знали о тѣхъ, кого освобождали, а стараго своего врага, котораго мы столько разъ побѣждали, считали гораздо слабѣе и ничтожнѣе, нежели онъ оказался на дѣлѣ. Упорное сопротивленіе турокъ, ихъ превосходное вооруженіе и новая тактика оказались для насъ полнѣйшей неожиданностью.

Тѣмъ не менѣе, надо признать, что война 1877—78 гг. хотя и не была достаточно освѣщена въ періодъ своего подготовленія, но все же велась гораздо сознательнѣе и дала большій просторъ гласности, нежели было прежде, до войны и послѣ нея. Въ первый разъ русская печать получила возможность имѣть своихъ корреспондентовъ на театрѣ войны. Это глаза и уши общества, а отчасти и всего государства.

Чѣмъ быстрѣе, вѣрнѣе и подробнѣе освѣщаются военныя событія, тѣмъ живѣе и непосредственнѣе поддерживаются связи народа съ арміей, тѣмъ шире и глубже проявляются

патріотическія чувства, тѣмъ лучше уходъ за ранеными и больными, тѣмъ обезпеченнѣе участь инвалидовъ, тѣмъ осторожнѣе вчиняются такія грозы, какъ война, тѣмъ болѣе растетъ число приверженцевъ хорошаго мира и плодотворнаго внутренняго развитія для упроченія общаго порядка и благоденствія, того спокойствія, которое выражается въ неустанной работѣ, направляемой знаніемъ, талантомъ и добрыми, благожелательными чувствами.

Въ Крымскую войну было очень ужъ темно и безгласно. Самъ Государь Николай Павловичъ былъ плохо освѣдомленъ о томъ, что дѣлалось въ Крыму. О высадкѣ непріятеля, объ альминскомъ сраженіи, о понесенномъ нами пораженіи и причинахъ его Государь узналъ изъ иностранныхъ газетъ.

Первые шаги къ гласности военныхъ событій все-же слѣдуетъ отнести къ эпохѣ Крымской войны. Во время севастопольской осады, издавался художественный листокъ, кажется, Тимме и два раза въ мѣсяцъ выходили книжки подъ названіемъ „Патріотизмъ Россіи". Издателемъ ихъ былъ извѣстный предприниматель и заводчикъ Н. И. Путиловъ, имя котораго увѣковѣчено петербургскимъ портомъ и извѣстнымъ стале-прокатнымъ заводомъ. Но эти изданія были крайне односторонняго содержанія. Они наполнялись большею частью запоздалыми реляціями, приказами, списками наградъ, перепечатками изъ „Русскаго Инвалида". Частныя извѣстія и описанія были очень кратки и скудны. Зато много было „патріотическихъ стиховъ", изобиловавшихъ лестью и хвастовствомъ, въ родѣ извѣстныхъ виршей:

„Вотъ въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ"...

Истинное освѣщеніе и разоблаченіе Крымской войны, извѣстное отрезвленіе, обусловившее обновленіе Россіи и открывшее страшную отсталость нашу, наступили гораздо позже.

Кавказская война, завершившаяся плѣненіемъ Шамиля въ 1859 году, происходила почти безгласно и не привлекала особеннаго вниманія. Польское возстаніе 1863—64 годовъ застало насъ опять врасплохъ. Громадное большинство не вѣ-

дало ни причинъ этого возстанія, ни истиннаго положенія западныхъ губерній. Но эти печальныя событія дали новый толчекъ гласности. Столичная печать, а благодаря ей и общество занялись изученіемъ окраинныхъ вопросовъ. Газеты стали наполняться корреспонденціями. Приходилось установлять и доказывать такіе факты, которые кажутся теперь азбучными. Начала развиваться и мѣстная печать, особенно въ Кіевѣ.

Собственно военныхъ корреспонденцій было мало; но историческое, политическое и просто фактическое освѣщеніе получили небывалыя дотолѣ широту и глубину, оказавъ громадныя услуги государству и общественному сознанію.

Затѣмъ, однако, наступили рецидивы безгласности и сугубаго молчанія. Особенно отличались въ этомъ отношеніи С.-З. губерніи, когда „русское дѣло“ передѣлывалось въ нихъ въ обратномъ направленіи. Въ управленіе генерала Потапова, молчаніе и таинственность считались основой мѣстнаго благополучія и не только частные корреспонденты, но и русскіе чиновники, заподозрѣнные въ сношеніяхъ съ редакціями московскихъ и петербургскихъ газетъ, увольнялись и высылались изъ края.

Франко-прусская война возбуждала громадный интересъ. Всѣ понимали, что тотъ или другой исходъ ея отразится весьма вліятельно на общемъ положеніи Европы и глубоко затронетъ интересы Россіи. Сами по себѣ событія этой войны были чрезвычайно драматичны, оправдывали давнія желанія однихъ и поражали своею неожиданностью другихъ. Наши столичныя газеты удвоили число подписчиковъ и выпускали вечернія прибавленія. Но своихъ корреспондентовъ на театрѣ войны русская печать не имѣла. По крайней мѣрѣ, никакихъ слѣдовъ этого не осталось и не сохранилось въ памяти. Довольствовались свѣдѣніями, заимствованными изъ иностранныхъ газетъ, и телеграфными извѣстіями берлинскихъ и лондонскихъ агентствъ.

Въ 1873 году, происходилъ извѣстный хивинскій походъ. Русская печать опять довольствовалась только оффиціальными свѣдѣніями объ этомъ интересномъ походѣ, хотя ни Д. А. Милютина, ни генерала Кауфмана никакъ нельзя назвать приверженцами тайны и молчанія. Хивинскій походъ съ нашими войсками совершилъ извѣстный американецъ Макъ-

Гаханъ. Корреспонденціи его, чрезвычайно безпристрастныя и талантливыя, были переведены и появились въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, но это было уже послѣ похода, когда современность превратилась въ прошлое, историческое событіе.

Если не считать Н. Берга, писавшаго о гарибальдійскомъ движеніи въ Италіи, то первымъ русскимъ военнымъ корреспондентомъ слѣдуетъ признать этого американца. Какъ извѣстно, Макъ-Гаханъ женился на русской, находился въ числѣ русскихъ корреспондентовъ въ Болгаріи и умеръ отъ тифа подъ конецъ войны 1877—78 гг. Это была доблестная смерть, при исполненіи долга, послѣ тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ во имя гласности и общественной пользы.

Ахалтекинская экспедиція, какъ и предшествовавшіе ей походы въ Закаспійскую область, происходили среди молчанія печати. Во время этой экспедиціи, извѣстія,—такъ какъ корреспонденты не были допущены,—чрезвычайно скудны.

Недавнія войны, за исключеніемъ столкновенія, вызваннаго Китаемъ, происходили тоже помимо непосредственнаго участія нашей печати. Такимъ образомъ, военныя событія 1877—78 гг представляютъ въ этомъ отношеніи довольно исключительное и назидательное явленіе.

На Мало-Азіатскомъ театрѣ войны было неособенно много корреспондентовъ, но въ Болгаріи ихъ считали сотнями.

Большинство изъ нихъ были иностранцы, многіе изъ нихъ не ѣздили далѣе Бухареста и оставались очень короткое время. Въ зимній періодъ войны, остались очень немногіе.

Во время паденія Плевны, кромѣ меня, былъ только г. Стоммель, корреспондентъ нѣсколькихъ германскихъ газетъ (что допускается въ нѣмецкой печати). Въ Адріанополѣ и вообще за Балканами я только встрѣчался и даже жилъ вмѣстѣ съ В. И. Немировичемъ-Данченко (съ которымъ и прежде, и послѣ войны были у меня самыя дружественныя отношенія).

Въ Санъ-Стефано и при наступленіи къ нему я не видѣлъ ни русскихъ, ни иностранныхъ корреспондентовъ.

Въ главной квартирѣ Дунайской арміи, корреспондентскимъ „дѣломъ“ завѣдывалъ полковникъ Генеральнаго Штаба Газенкампфъ—нынѣ помощникъ главнокомандующаго въ Петербургскомъ военномъ округѣ. У него имѣлся альбомъ, наполненный фотографическими карточками корреспондентовъ. Многіе изъ нихъ ничего не писали и запаслись разрѣшеніями, чтобы удовлетворить только чувству любопытства. Утвер-

ждали, будто иные являлись и съ промышленными цѣлями, чтобъ попытаться, нельзя-ли нажить что-нибудь; но я лично такихъ не встрѣчалъ и ничего положительнаго о нихъ не знаю; но за то несомнѣнно, что было много и иностранныхъ, а тѣмъ болѣе и русскихъ корреспондентовъ, которые, нещадя силъ и здоровья, рискуя жизнью, выполняли свои обязанности.

-

Послѣ войны 1877—78 гг., многіе были неудовлетворены, но получились и благопріятныя послѣдствія.

Недовольны были тѣмъ, что Константинополь и проливы попрежнему остались во власти турокъ; досадовали, что Австро-Венгрія задаромъ пріобрѣла Боснію и Герцоговину, изъ-за которыхъ загорѣлся было сыръ-боръ въ 1875 году, но о которыхъ почти забыли три года спустя; наконецъ, считали весьма унизительнымъ берлинскій пересмотръ Санъ-Стефанскаго трактата, хотя это вполнѣ согласовалось съ прежними договорами и началами международнаго права. Всего хуже, безъсомнѣнія, было то, что освободители вернулись домой съ большими потерями въ цвѣтѣ населенія, съ громаднымъ долгомъ, съ необходимостью новыхъ податныхъ тягостей. Но матеріальныя потери—дѣло наживное. Мы видѣли, какъ быстро оправилась Франція послѣ войны 1870—71 гг., несмотря на отторженіе двухъ провинцій и аптекарскіе счеты Бисмарка. Не оскудѣла-бы и Россія, если-бъ миръ принесъ ей то обновленіе и ту положительную работу, которыми ознаменовались первые годы царствованія императора Александра II.

Еще досаднѣе стало, когда освобожденные нами „братья“ передрались между собою, подпали подъ произволъ Стамбуловыхъ и Милановъ, а въ видѣ благодарности Россіи и въ противорѣчіе съ „освободительными“ идеями и чувствами стали проповѣдывать—„Болгарія для болгаръ“, и „не надо намъ ни вашего жала, ни вашего меда“. Этотъ политическій эгоизмъ беззастѣнчиво говорилъ: „мы рады загребать жаръ вашими руками, но вовсе не хотимъ сообразоваться съ вашими интересами и желаніями“.

Благопріятныя стороны войны 1877—78 гг. заключались въ томъ, что она доказала на дѣлѣ, что *свободная* Россія несравненно здоровѣе и сильнѣе—Россіи *крѣпостной*. Потерянное въ Крымскую войну было возвращено, всѣ невыгодныя и унизительныя послѣдствія Парижскаго трактата уни-

чтожены. Мы пріобрѣли Батумъ и ту Карскую область, которую прежде столько разъ напрасно обливали своею кровью.

Всего важнѣе было оправданіе тѣхъ преобразованій, которыя послѣдовали послѣ Крымской войны. Извѣстно, что крѣпостническая „Вѣсть“ утверждала, будто Россія гибнетъ и разлагается отъ свободнаго труда и избытка народнаго просвѣщенія, отъ земскаго и городского самоуправленія, отъ гласнаго, равноправнаго суда, вообще, и суда присяжныхъ— въ особенности. Въ „Русскомъ Мірѣ“ два „не у дѣлъ“ генерала, Черняевъ и Фаддеевъ, поддерживая всѣ эти реакціонныя утвержденія, съ особымъ рвеніемъ убѣждали, будто военныя преобразованія погубили нашу армію, подорвали духъ и дисциплину ея.

Всю эту реакціонную напраслину обличила война, доказавъ воочію, что новая, молодая и болѣе просвѣщенная армія во многихъ отношеніяхъ лучше прежней, что геройскій духъ, самоотверженность, стойкость, выносливость и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчность, доброта и состраданіе не только не утрачены, но возрасли въ русскомъ народѣ и его воинствѣ.

Если война была начата въ темную, безъ достаточнаго знанія и освѣщенія, то послѣ нея глаза наши во многихъ отношеніяхъ раскрылись. Этимъ прозрѣніемъ мы обязаны той степени гласности, которая была допущена во время войны и выразилась въ корреспонденціяхъ, статьяхъ и книгахъ, явившихся по ея поводу. Хотя реакція и извѣстныя неблагопріятныя явленія и усилились послѣ войны, но это произошло не отъ избытка гласности и развитія печатнаго слова. Всѣмъ памятно, что много газетъ и журналовъ подверглось уничтоженію, а законъ 6 апрѣля 1865 года былъ измѣненъ въ обратномъ смыслѣ, создавъ болѣе тягостныя условія и разныя ограниченія для нашей печати.

Тѣмъ не менѣе, воинственное настроеніе, продолжавшееся три-четыре года послѣ войны, пытавшееся превратить даже М. Д. Скобелева, этого прирожденнаго воина, въ политическаго мыслителя и агитатора,—смѣнилось мало-помалу „миротворческимъ“ направленіемъ.

Союзъ съ Франціей, состоявшійся вопреки извѣстнымъ предубѣжденіямъ и опасеніямъ, укрѣпилъ миролюбивую политику, обезпечилъ оба народа отъ угрозъ и опасности „вооруженной лиги“ и проложилъ дорогу къ конференціи въ Гаагѣ, при общемъ сочувствіи всего просвѣщеннаго человѣчества.

Около полувѣка назадъ, многіе доказывали необходимость и даже пользу войны, но все-же пришлось признать, что „человѣчество не хочетъ войны“.

VIII.

Изъ военныхъ событій въ Малой-Азіи.

(1877 г.).

Это было въ первыхъ числахъ августа 1877 года. Начальникъ Эриванскаго отряда, генералъ Тергукасовъ требовалъ подкрѣпленій, чтобы оттѣснить Измаилъ-пашу, который успѣлъ безъ боя занять Чингильскіе горные проходы. Безнаказанное появленіе турокъ на нашей территоріи довело пламенное воображеніе мусульманскаго люда на Кавказѣ до крайности. Повсюду ходили чудовищные толки о нашихъ неудачахъ и о торжествѣ турокъ. Возстаніе кипѣло уже во многихъ мѣстностяхъ. Русское населеніе, грузины и армяне трепетали за свою жизнь, ежеминутно опасаясь рѣзни. Повсюду только и слышались сѣтованія на недостатокъ войскъ, на беззащитность мирныхъ жителей. Наружное, чисто внѣшнее замиреніе Кавказа вполнѣ сказалось: достаточно было малѣйшей искры, чтобы полудикіе, но свободолюбивые туземцы подняли оружіе. Немалый переполохъ производило все это и въ оффиціальныхъ сферахъ Кавказа. По объявленіи войны, только и помышляли, что о подвигахъ; только и заботы было, какъ-бы турки не убѣжали, не доставивъ случая одержать надъ ними побѣду. Теперь-же, послѣ занятія Сухума, и блокады Баязета, вслѣдъ за Зивинскимъ „урокомъ“ и снятіемъ осады Карса,— появленіе Измаилъ-паши на Чингильскихъ высотахъ возбуждало представленія діаметрально противоположнаго характера: прежнее презрѣніе ко врагу смѣнялось опасеніемъ за участь нашихъ старыхъ пріобрѣтеній и за исходъ всей кампаніи. Фантазія уже рисовала вторженіе непріятеля въ Эриванскую губернію, въ тылъ нашему дѣйствующему корпусу, и поголовное возстаніе всѣхъ мусульманъ. Шайки курдовъ смѣло уже заносились въ наши предѣлы и неистовствовали въ армянскихъ поселкахъ. При такихъ условіяхъ, неудивительно, что всѣ помыслы сосредоточивались на томъ, какъ-бы

оттѣснить Измаилъ-пашу, или не дозволить ему, по крайней мѣрѣ, опрокинуть небольшой отрядъ Тергукасова, обезсиленный къ тому-же недавнимъ отступленіемъ. Какъ часто случается, коренныя причины упускались изъ вида; ихъ не хотѣли видѣть и признавать, предпочитая бороться со слѣдствіями, которыя всегда тѣмъ грознѣе, чѣмъ упорнѣе нежеланіе или боязнь обнаружить и устранить ихъ источникъ. Какъ-бы то ни было, вмѣсто исправленія ошибки, вмѣсто усиленія главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса, его ослабляли отдѣленіемъ въ отрядъ Тергукасова испытанныхъ, вооруженныхъ берданками баталіоновъ 39-й пѣхотный дивизіи. Это совершалось, вопреки прямымъ представленіямъ и горячимъ настояніямъ командующаго дѣйствующимъ корпусомъ, М. Т. Лорисъ-Меликова. Люди, знакомые съ темнымъ міромъ Кавказскихъ интригъ и закулиснаго соперничества, находили еще другое объясненіе въ фактѣ искусственнаго перенесенія центра тяжести кампаніи изъ главныхъ силъ въ побочный отрядъ; но въ настоящемъ случаѣ достаточно констатировать голые факты: въ концѣ іюля къ Тергукасову были уже отправлены бригада кавалеріи и восемь баталіоновъ 39-й пѣхотной дивизіи, съ нѣсколькими батареями; теперь, въ началѣ августа, къ нему-же отдѣлялось отъ главныхъ силъ еще пять баталіоновъ той-же дивизіи, съ соотвѣтственною частью артиллеріи.

Все это, обрекая главныя силы на пассивную роль, заставляло предвидѣть рядъ наступательныхъ дѣйствій и сраженій въ Эриванскомъ отрядѣ. Неудивительно, поэтому, что корреспонденты газетъ „Times" и „New-Iork Herald", а также пишущій эти строки, какъ корреспондентъ „Голоса", пожелали присоединиться къ послѣдней, отправляемой къ Тергукасову подмогѣ, которой, какъ многимъ тогда казалось, только и не доставало ему, чтобъ возстановить въ памяти турокъ черезчуръ скоро забытыя ими побѣды, одержанныя нашими войсками.

Вспомогательный отрядъ, какъ всегда, отправлялся съ разными таинственными предосторожностями, имѣющими благую цѣль обмануть непріятеля. Отъ Мухтаръ-паши, дѣйствительно, очень важно было скрыть новое ослабленіе стоявшаго противъ него отряда; до крайности было необходимо, чтобъ на Аладжѣ и въ Карсѣ продолжали думать, что предъ ними все еще находятся наши „главныя силы". Въ какой степени удаются эти таинственности, ведущія большею частью къ самообману, показало дѣло 13-го августа.

Назначенные въ помощь генералу Тергукасову баталіоны уходили скрытно, ночью, со своей позиціи у развалинъ Ани. Мы догнали ихъ на переправѣ черезъ Арпачай. Проблуждавъ довольно долго въ темнотѣ, мы услышали, наконецъ, плескъ воды въ рѣкѣ, переходимой солдатами въ бродъ, и глухой шумъ артиллеріи; это убѣдило насъ, что мы не сбились съ дороги и не опоздали. По заведенному обычаю, нужно было представиться начальнику отряда. Перебравшись на ту сторону рѣки, мы увидѣли, что центръ суетни, столпившихся войскъ, пушекъ и обоза находится около какого-то невзрачнаго четыреугольнаго зданія, похожаго не то на заѣзжій дворъ, не то на загонъ для скота. Это оказалась одна изъ опустошенныхъ курдами пограничныхъ заставъ, дворъ которой обнесенъ былъ стѣнами, могущими, въ случаѣ нужды, доставить нѣкоторую оборону не только отъ снѣжныхъ метелей, въ тамошнія продолжительныя и суровыя зимы, но и отъ весьма обычныхъ въ этомъ краѣ разбойничьихъ набѣговъ. Въ довольно толстыхъ, прикрытыхъ навѣсомъ стѣнахъ, были прорѣзаны тамъ-и-сямъ бойницы для ружей. Снаружи этого зданія, составивъ ружья въ козла, толпились, или лежали сѣрыми клубками солдаты. Нѣкоторые изъ нихъ еще обувались послѣ ножной ванны въ холодной, быстрой рѣкѣ; другіе только что выходили изъ воды и, проходя еще рядами, съ ружьями на пчелахъ, несли свои штаны и сапоги въ рукахъ, отряхиваясь босыми ногами и разсыпая брызги по сторонамъ. Сдержанная руготня, понуканья, плескъ воды, хлесткій ударъ нагайки по бокамъ заупрямившагося коня, торопливые вопросы „гдѣ третья рота“, „гдѣ штабъ полка“—нарушали со всѣхъ сторонъ безмолвіе темноты. Костровъ не раскладывали, чтобы не привлечь вниманія турокъ.

Избравъ наиболѣе свободнаго во всей этой суетнѣ офицера, мы обратились къ нему съ вопросомъ: „кто начальникъ отряда, и гдѣ его найти“?

— Богъ его знаетъ, какой-то генералъ!

— А гдѣ его можно видѣть?

— Видѣть!.. Тутъ развѣ только съ кошачьими глазами не разобьешь себѣ носа.

— Развѣ это новый генералъ?

— Да, новый! Есть такіе, знаете, генералы, которыхъ дѣвать некуда. Полковой командиръ очень хорошо могъ-бы довести пять батальоновъ, но нѣтъ, нужно генерала назначить. Генералъ для препровожденья!.. Въ бою ихъ куда

какъ мало, а гдѣ не нужно, тамъ они какъ грибы ростутъ... Извините пожалуйста, мнѣ роту нужно собрать. И офицеръ исчезъ во тьмѣ.

Такова была обстановка, при которой мнѣ пришлось въ первый разъ встрѣтиться съ генераломъ И. Д. Лазаревымъ. Онъ именно и оказался тѣмъ начальникомъ отряда, о которомъ такъ нелестно и ворчливо отозвался офицеръ.

Мы нашли генерала Лазарева въ грязной, тѣсной комнаткѣ казарменнаго домика, походившей на писарское или фельдфебельское помѣщеніе. При слабомъ мерцаніи свѣчного огарка, предъ нами высилась чуть не до потолка громадная, широкоплечая фигура, въ разстегнутомъ, поношенномъ генеральскомъ сюртукѣ, съ огромной загорѣлой головою, на которой въ безпорядкѣ торчала густая щетина почти совсѣмъ еще черныхъ волосъ. На изъ синя-красномъ, одутловатомъ, неподвижномъ лицѣ, съ большимъ носомъ и толстыми губами, нельзя было прочесть ничего интеллигентнаго. Вся внѣшность генерала говорила, что эта громадная, богато одаренная мускулами и кровью фигура прожила свой вѣкъ, что называется, не ломая благородной головы, не волнуясь общественными интересами и не задаваясь философскими вопросами. Но изъ-за большихъ, нависшихъ бровей виднѣлись умные, дышавшіе рѣшительностью глаза, ясно доказывавшіе, что голова, которой они принадлежатъ, „себѣ на умѣ“ и при случаѣ „охулки на руку не положитъ“. Добродушный видъ, чуждая всякой напыщенности простота обращенія и отсутствіе той казарменной и паркетной выправки, которая такъ непріятно выдается у многихъ военныхъ и начальниковъ, производили вообще хорошее впечатлѣніе. Это была не кукла, наряженная въ мундиръ и двигающаяся на пружинахъ, а своеобразный, естественный человѣкъ.

Въ минуту нашего появленія, генералъ Лазаревъ, стоя среди комнаты, очень аппетитно уничтожалъ обрѣзокъ арбуза и кусокъ мѣстной, костлявой рыбы. Не выпуская этихъ интересныхъ предметовъ изъ рукъ, съ засаленными толстыми пальцами, Иванъ Давидовичъ постарался, однако, принять оффиціальную позу начальника отряда. Но узнавъ, кто мы такіе и что намъ нужно, генералъ быстро сбросилъ церемоніальную оболочку и радушно насъ привѣтствовалъ.

— Извините, не могу руки подать, но вы, вѣрно, проголодались и не откажетесь закусить, чѣмъ Богъ послалъ на походѣ... Позвольте познакомить... И Лазаревъ протянулъ

руку съ кускомъ полуобглоданной рыбы, указывая на состоявшихъ при немъ офицеровъ.

По окончаніи взаимнаго представленія, мы, конечно, не отказались, послѣ 25-ти верстной поѣздки верхомъ, большею частью на рысяхъ, принять участіе въ радушно предложенной закускѣ, „чѣмъ Богъ послалъ на походѣ“.

— Скоро мы тронемся, спросилъ я генерала.

— Не ранѣе, какъ завтра... Подводы съ провіантомъ не пришли еще.

И какъ-бы вспомнивъ что-то, Лазаревъ подозвалъ сумрачную фигуру армянина, въ рыжей грибовидной папахѣ, со всѣми доспѣхами азіатскаго вооруженія, торчавшаго тутъ-же въ комнатѣ, и отдалъ ему по-армянски какое-то приказаніе. Армянинъ вышелъ, и минуту спустя мы услышали стукъ копытъ его лошади.

— Я послалъ его гнать подводы... Интендантство вѣчно замѣшкается, пояснилъ генералъ.

Дѣйствительно, несмотря на всѣ понуканія, подводы явились только на другой день, послѣ полудня, и мы выступили лишь къ вечеру.

Походъ, какъ и путешествіе, сближаетъ людей. Заброшенные въ отрядъ, гдѣ не было даже маркитанта, мы рисковали умереть съ голода, если-бъ не гостепріимство И. Д. Лазарева. Мы ѣхали почти всегда вмѣстѣ и дорогою, какъ и на привалахъ, часто бесѣдовали. Генералъ Лазаревъ съ особеннымъ любопытствомъ относился къ иностраннымъ корреспондентамъ и, казалось, былъ польщенъ, что два представителя первѣйшихъ въ свѣтѣ газетъ являются его спутниками. Такъ какъ мои сотоварищи не говорили по-русски, а генералъ Лазаревъ, кромѣ русскаго, не зналъ другого европейскаго языка, то на меня выпала роль посредника и переводчика въ его сношеніяхъ съ иностранными корреспондентами. Они съ понятною любознательностью разспрашивали о Кавказѣ, о прошломъ генерала, а Лазаревъ очень охотно разсказывалъ. Особенно въ яркихъ краскахъ описывалъ онъ богатую природу Дагестана и, подъ конецъ, такъ увлекъ нашихъ иностранцевъ, что они дали слово предпринять особое путешествіе, чтобы видѣть восточную часть Кавказа.

Внесли иностранные корреспонденты въ свои записныя книжки и интересный разсказъ генерала Лазарева о взятіи Шамиля. Лазаревъ, тогда еще полковникъ, былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ того послѣдняго акта продолжительной

Кавказской эпопеи, который разыгрался въ 1859 году на Гунибѣ. Зная хорошо обычаи и нравы горцевъ, одаренный мужествомъ и рѣшимистью, Лазаревъ рискнулъ тогда пойти къ Шамилю, окруженному поклявшимися умереть за него мюридами, и уговорилъ его сдаться. Съ особеннымъ прискорбіемъ отзывался Лазаревъ, уже одному мнѣ, о происходившихъ тогда, въ 1877 году, волненіяхъ въ Дагестанѣ. Хотя, въ этомъ случаѣ, Лазаревъ выражался намеками, съ понятною сдержанностью, но все-же ясно было, что безпорядки онъ приписывалъ, главнымъ образомъ, неумѣлости администраціи: —„Это отличный, лучшій народъ Кавказа,—говорилъ Лазаревъ;—Дагестанцы даже во времена Шамиля склонялись на нашу сторону. Съ ними нужно умѣть обращаться, нужно ихъ знать, не оскорблять и не обижать. Они тогда, какъ дѣти, какъ барашки. Съ сотнею ихней-же Дагестанской милиціи я берусь уничтожить возстаніе и захватить зачинщиковъ. Регулярныя войска пригодились-бы въ другомъ мѣстѣ, гдѣ они нужнѣе. Теперь, срамъ сказать, по недостатку войскъ мы вынуждены отступать передъ турками, допустили ихъ въ свои предѣлы!

Дѣйствительно, какъ-бы въ оправданіе словъ Лазарева, я не разъ видѣлъ его потомъ, разъѣзжавшаго съ конвоемъ изъ однихъ дагестанцевъ, которые горделиво гарцовали вокругъ генерала и съ неистовымъ усердіемъ оглашали воздухъ дикими завываніями зурны.

Проѣзжая мимо развалинъ Ани и узнавъ, что я осматривалъ ихъ, генералъ Лазаревъ особенно распространился о значеніи этихъ остатковъ армянской столицы. По его мнѣнію, правительству непремѣнно слѣдовало-бы возстановить Ани, священное уваженіе къ которому распространено среди всѣхъ армянъ. Теперь Мало-Азіатскіе армяне волею-неволею тянутъ къ Эрзеруму; возстановленіе-же Ани, этого армянскаго Іерусалима, привлекло-бы ихъ на нашу сторону. Ани лежитъ ближе къ Персіи, нежели Эрзерумъ, и на дорогѣ къ морскимъ портамъ. Здѣсь могла-бы возстановиться торговля, но главное—велико было-бы нравственное его вліяніе.—„Не думайте, что я говорю это, какъ армянинъ, прибавилъ генералъ; нѣтъ, я говорю, какъ старый русскій офицеръ и опытный человѣкъ, искренно желающій добра Россіи и тѣсной привязанности къ ней всѣхъ ея народовъ".

Во время похода, мы узнали, что Лазареву, въ сущности, поручена защита нашей границы отъ набѣговъ курдовъ и

другихъ разбойничьихъ шаекъ. Но не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ войскъ, кромѣ жалкаго сброда туземной милиціи, Лазаревъ, конечно, не могъ обезопасить пограничное населеніе. Набѣги совершались часто, и на всемъ пути мы встрѣчали ихъ слѣды. Лазаревъ ясно сознавалъ, что лучшею мѣрою для обузданія курдовъ можетъ служить только побѣда надъ турками и оттѣсненіе ихъ отъ нашей границы. Въ этомъ смыслѣ генералъ повсюду успокаивалъ мѣстное населеніе, которое встрѣчало нашъ отрядъ, какъ избавителей и защитниковъ.

Хотя Лазаревъ и не получилъ основательнаго образованія, и весь его учебный курсъ ограничивался, кажется, уѣзднымъ училищемъ, тѣмъ не менѣе мы не разъ имѣли случай убѣдиться, что Иванъ Давыдовичъ уважалъ образованіе и зналъ ему цѣну. Сколько помню, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ указывалъ, что сынъ его находится въ университетѣ. Уваженіе свое къ образованію Иванъ Давыдовичъ не простиралъ, однако, на офицеровъ генеральнаго штаба. По примѣру многихъ кавказцевъ, онъ сильно не долюбливалъ „моментовъ“ (какъ называли, „штабныхъ“) и не безъ удовольствія принималъ похвалы по поводу порядка, въ которомъ слѣдовалъ нашъ отрядъ. Дѣйствительно, испытавъ ту суетню, особенную манерность и, главное, неуваженіе къ солдатскимъ ногамъ, ко сну ихъ, отдыху, ѣдѣ,—чѣмъ очень часто сопровождаются распоряженія нѣкоторыхъ штабовъ, во время похода или расположенія войскъ лагеремъ; видѣвъ примѣры, что ради 12-верстнаго перехода, войска подымались съ зари и устраивались только къ вечеру,—пріятно было встрѣтить въ отрядѣ генерала Лазарева совершенно противоположныя явленія.

Войска подымались во̀-время, не стояли по цѣлымъ часамъ подъ ружьемъ, избѣгали жары, были накормлены и весело шли съ музыкой и пѣснями. Генералъ Лазаревъ всегда распоряжался хладнокровно, съ полнымъ спокойствіемъ. Если это „генералъ для препровожденія“, думалъ я, то, по крайней мѣрѣ, онъ у мѣста.

Хотя Лазаревъ и старше былъ Тергукасова, но онъ охотно подчинился начальнику Эриванскаго отряда. Мы застали генерала Тергукасова въ то время, когда онъ дѣлалъ рекогносцировки, желая разузнать, съ какой стороны выгоднѣе выбить турокъ изъ тѣхъ нагорныхъ позицій, въ которыя они были допущены безъ выстрѣла съ нашей стороны. Лихо подбо-

ченясь и заломивъ шапку на бекрень, разъѣзжалъ генералъ Тергукасовъ, въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя и окруженный баталіонами, вокругъ непріятельскихъ позицій; но турки не пугались и не обнаруживали ни малѣйшаго поползновенія покинуть свои окопы. Несмотря на то, что Эриванскій отрядъ теперь утроился, генералъ Лазаревъ, оглядѣвъ взаимное положеніе сторонъ, высказался въ томъ смыслѣ, что штурмъ непріятельскихъ позицій былъ-бы дѣломъ безумія. Не говоря уже о жертвахъ, которыхъ это стоило-бы, при самой удачѣ штурма, мы очень мало выигрывали, не имѣя возможности двинуться впередъ, пока армія Мухтаръ-паши стоитъ на Алажинскихъ высотахъ, угрожая движеніемъ на Александрополь. Генералъ Лазаревъ тогда-же мнѣ сказалъ, что, по его мнѣнію, не усиливать Тергукасова нужно, а сосредоточить силы и разбить Мухтара. Въ этомъ случаѣ войска Измаила-паши вынуждены были-бы отступить и безъ боя отдали-бы въ руки Эриванскаго отряда тѣ грозныя позиціи, которыя генералъ Тергукасовъ разсчитывалъ у нихъ отнять силою. Да и не было, къ тому-же, никакого ручательства въ успѣхѣ штурма.

Убѣдившись, что въ Эриванскомъ отрядѣ не суждено дождаться серьезнаго дѣла, мы поспѣшили вернуться въ главный лагерь. Сдѣлали это мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что со стороны генерала Тергукасова и его начальника штаба полковника Филиппова не только не встрѣтили обычнаго гостепріимства, но даже условныхъ приличій. Мы полагали, что Эриванскій отрядъ обиженъ былъ тѣмъ, что подвиги его до тѣхъ поръ не имѣли безпристрастныхъ свидѣтелей, въ лицѣ корреспондентовъ, и не были описаны въ истинномъ свѣтѣ. Дѣйствительно, такіе упреки слышали мы со стороны захудалыхъ, истощенныхъ, обтрепанныхъ войскъ Эриванскаго отряда. Но другого мнѣнія держался начальникъ штаба, полковникъ Филипповъ. По его словамъ, тутъ „не представлялось для насъ и для публики никакого интереса“, все, что нужно было довести до свѣдѣнія общественнаго мнѣнія, то уже опубликовано имъ, Филипповымъ. Для большаго убѣжденія насъ въ отсутствіи въ Эриванскомъ отрядѣ всякаго предмета или явленія, достойнаго вниманія общества, полковникъ Филипповъ выхлопоталъ у своего начальника бумагу, которою намъ запрещалось, безъ особаго разрѣшенія, слѣдовать съ войсками и присутствовать на рекогносцировкахъ, производимыхъ цѣлыми отрядами, въ сопровожденіи азіат-

ской свиты генерала Тергукасова. Когда мы пожелали имѣть объясненіе такого акта недовѣрія и найти хотя малѣйшій смыслъ въ распоряженіи, противорѣчившемъ нашей роли и тѣмъ, наконецъ, разрѣшеніямъ, которыя мы имѣли отъ главнокомандующаго и командующаго корпусомъ, то полковникъ Филипповъ наговорилъ намъ съ цѣлый коробъ „военно-научныхъ“ положеній, сводившихся къ тому, что принятая противъ насъ мѣра оправдывается *„военною тайною“*. Не удовлетворившись этимъ объясненіемъ и не желая играть роль арестованныхъ въ штабѣ, гдѣ не было маркитанта и гдѣ не считали даже нужнымъ справиться, имѣютъ-ли пріѣзжіе что поѣсть, мы поспѣшили избавить генерала Тергукасова отъ нашего присутствія. Это было даже въ интересахъ отряда, такъ какъ, по увѣренію одного изъ штабныхъ, „нервы генерала Тергукасова не могли переносить штатскихъ, особенно тѣхъ, которые пишутъ въ газетахъ“. Понимая, какъ важно здоровое состояніе нервной системы при командованіи отрядомъ, мы распростились съ нашимъ радушнымъ Лазаревымъ, видимо сконфуженнымъ оказаннымъ намъ пріемомъ, и пустились въ обратный путь.

Въ Кюрюкъ-Дара, несмотря на кратковременное отсутствіе, мы застали много перемѣнъ. Несчастное ночное дѣло 13-го августа, передавшее въ руки турокъ фланговую возвышенность, доказало до очевидности, что Мухтаръ-паша только и ожидалъ ослабленія нашего главнаго отряда и какъ нельзя лучше воспользовался отдѣленіемъ трехъ полковъ пѣхоты и бригады кавалеріи къ генералу Тергукасову. Явившись къ командующему корпусомъ, я откровенно передалъ ему все видѣнное и слышанное въ Эриванскомъ отрядѣ, не скрывъ и мнѣнія генерала Лазарева о безцѣльности штурма Чингильскихъ окоповъ Измаила-паши. Тогда-же я имѣлъ случай убѣдиться, что тѣхъ-же взглядовъ придерживался и М. Т. Лорисъ-Меликовъ, еще въ то время, когда производилось усиленіе Эриванскаго отряда на счетъ главныхъ силъ.

Новый урокъ, полученный отъ турокъ, не прошелъ, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ безслѣдно. Значительная часть войскъ, отправленныхъ въ Эриванскій отрядъ, была возвращена и генералу Тергукасову приказано было воздержаться отъ штурма Чингильскихъ высотъ. Главныя силы возросли съ прибытіемъ 1-й гренадерской дивизіи изъ Москвы и съ присоединеніемъ другихъ частей Кавказскихъ войскъ. Скоро мы имѣли удовольствіе видѣть въ главномъ отрядѣ и гене-

рала Лазарева, которому было поручено начальство надъ лѣвымъ крыломъ.

Послѣ еще одного неудачнаго дѣла, 22 сентября, начался для Кавказской арміи рядъ успѣховъ, въ которыхъ видное участіе принималъ генералъ Лазаревъ. Оказалось, что „генералъ для препровожденія" съумѣлъ выказать себя отличнымъ генераломъ и для разгрома непріятеля.

Уже не на поляхъ битвъ, а въ Петербургѣ, въ комфортабельномъ нумерѣ Европейской гостинницы, въ ноябрѣ 1878 года, довелось мнѣ слышать лично отъ генерала Лазарева, бывшаго тогда уже генералъ-адъютантомъ, съ Георгіемъ 2-й степени на шеѣ, интересный разсказъ объ его обходѣ Аладжинской позиціи Мухтара-паши.

Переправившись, сначала, на нашу сторону Арпачая у Кигяча, генералъ Лазаревъ, съ достаточнымъ отрядомъ, совершилъ фланговое движеніе и, перейдя снова Арпачай, вышелъ на турецкій берегъ у Камбинскаго поста, въ тылъ Аладжинскихъ высотъ. По обычаю, окрестные жители, армяне и турки, явились привѣтствовать генерала. Разузнавъ черезъ армянъ, кто изъ турецкихъ жителей посмышленнѣе и преданнѣе родинѣ, генералъ Лазаревъ велѣлъ позвать этого туземца къ себѣ. Положивъ передъ допрашиваемымъ кучку золота, Иванъ Давидовичъ сталъ разспрашивать, какая дорога ведетъ прямо́ на Аладжу, высшую точку турецкой позиціи. Словомъ, изъ разспросовъ генерала турокъ вынесъ полное убѣжденіе, что русскіе пойдутъ штурмовать съ тыла Аладжу. Для большаго еще убѣжденія въ этомъ, генералъ велѣлъ небольшому отряду кавалеріи сдѣлать рекогносцировку въ этомъ направленіи, причемъ приказалъ взять проводникомъ того-же турка. Это происходило 1-го октября. Когда наступила ночь, Лазаревъ распорядился незамѣтно наблюдать надъ дѣйствіями турка, но не мѣшать ему, чтобы онъ ни дѣлалъ. Ночью генералу донесли, что турокъ-проводникъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ турецкій лагерь. Это только и нужно было Лазареву. Утромъ, 2-го октября, онъ еще болѣе убѣдился, что уловка его удалась и приносила уже плоды. Турки стали сходить съ Базарджикскихъ высотъ, укрѣпленныхъ ими, для обезпеченія своего тыла, и начали стягиваться къ Аладжѣ, на которой замѣтна была усиленная работа, для увеличенія окоповъ. Не дожидая тогда сосредоточенія всего своего отряда, генералъ Лазаревъ двинулся впередъ съ кавалеріею и съ первыми подошедшими бата-

ліонами. Движеніе это совершалось параллельно Аладжѣ, на которой ожидали турки, къ Базарджикской позиціи, за которой скрывались Орлокскія высоты. Занятіе Орлока совершенно отрѣзывало-бы армію Мухтара-паши отъ Эрзерума, а при наступленіи главныхъ нашихъ силъ на Визинкевъ съ фронта, преградило-бы ему путь отступленія даже и въ Карсъ. Турки, увидя разставленную имъ ловушку, стали поспѣшно спускать подкрѣпленія для отпора нашей обходной колоны. Видно было, какъ таборы ихъ пустились бѣгомъ, чтобы опередить нашихъ. Часть турокъ успѣла даже вскочить въ окопы, но Дербентскій полкъ быстро подоспѣлъ и съ налета выбилъ турокъ изъ передовыхъ укрѣпленій. Сознавая, что во что̀ бы то ни стало необходимо предупредить турокъ на дальнѣйшихъ позиціяхъ, генералъ Лазаревъ находчиво двинулъ на рысяхъ кавалерію, приказавъ ей упорно держаться до тѣхъ поръ, пока подоспѣетъ пѣхота. Драгуны и казаки лихо исполнили порученіе. Заскакавъ впередъ къ желанной позиціи, они спѣшились и заняли укрѣпленія ранѣе турецкихъ таборовъ. Скоро явились на подмогу Дербентцы, а за ними остальные баталіоны. Турки были отбиты, Базарджикскія и Орлокскія высоты очутились въ нашихъ рукахъ. На другой день, 3-го октября, армія Мухтара-паши не могла выдержать соединеннаго нападенія нашихъ силъ съ фронта и съ тыла. Несмотря на энергичное сопротивленіе, Аладжинская армія частью сдалась въ плѣнъ, частью безпорядочно бѣжала.

Участіе генерала Лазарева въ паденіи Карса извѣстно. Напомню только, что, раздѣляя мысль о возможности взятія этой первоклассной крѣпости посредствомъ нечаяннаго, стремительнаго штурма съ юго-восточной линіи, Лазаревъ явился дальнѣйшимъ исполнителемъ этого героическаго предпріятія, подъ руководствомъ М. Т. Лорисъ-Меликова. Въ качествѣ начальника всѣхъ штурмующихъ колонъ, сохраняя свойственное ему хладнокровіе въ опасности, генералъ Лазаревъ не растерялся въ пору первыхъ неудачъ штурма и вовремя поддержалъ хотя и случайное, противорѣчившее диспозиціи, нападеніе небольшой части Кутаискаго полка на неприступный Карадагъ, захваченный удачно *съ тыла*.

Выдержавшему всѣ невзгоды послѣдовавшей затѣмъ зимней кампаніи генералъ-адъютанту И. Д. Лазареву нежданно пришлось сложить голову (отъ карбункула) среди недоведенной до конца Ахалтэкинской экспедиціи. Во всякомъ случаѣ,

русская армія потеряла въ немъ одного изъ тѣхъ генераловъ, которые выдвинулись силою самихъ обстоятельствъ, во время войны.

Приведу здѣсь, кстати, сообщенныя мнѣ близкимъ къ Лазареву лицомъ, свѣдѣнія о штурмѣ Карса. Указывая, что удачный штурмъ этой грозной крѣпости не былъ дѣломъ случая, авторъ письма говоритъ:

Незадолго до начала штурма, предъ объѣздомъ войскъ, Лазаревъ въ присутствіи генерала Алхазова обратился къ полковнику Фаддееву со словами:

— Фаддеевъ, другъ мой, я на тебя возлагаю священную задачу. Ты долженъ взять Карсъ, занявши Карадагъ. Нашъ военный совѣтъ недостаточно цѣнитъ значеніе Карадага и не рѣшается его штурмовать. Не занявъ его, намъ трудно будетъ удержаться въ нижнихъ укрѣпленіяхъ. Я взялъ штурмъ на свою полную отвѣтственность. Возьми два баталіона, зайди съ тыла, со стороны города, и накрой турокъ. Съ Богомъ! Только на тебя могу надѣяться въ такомъ важномъ порученіи. Пусть это будетъ тайной.

— Свято будетъ исполнено, ваше превосходительство! задрожавъ отъ волненія и радости, воскликнулъ въ отвѣтъ храбрый Фаддеевъ.

Онъ, дѣйствительно, блистательно исполнилъ свое порученіе, и недаромъ Лазаревъ всегда отвѣчалъ, когда его спрашивали, кто взялъ Карсъ:

— Фаддеевъ.

Въ такомъ измѣненіи диспозиціи, только черезъ мѣсяцъ, послѣ штурма, покаялся Лазаревъ.

— А что если-бы отбили васъ? спросили его.

— Что-же, легли-бы всѣ костьми, или взяли-бы Карсъ!.. *).

---

*) Статья эта была напечатана въ „Древней и Новой Россіи", въ 1879 году. Она наглядно обличаетъ зловредность той національной вражды, которую вносятъ современныя рептиліи даже въ ряды нашей арміи.

IX.

Византійское наслѣдіе.

(Къ вопросу о Константинополѣ и проливахъ).

Македонскія неурядицы вызвали дипломатическое вмѣшательство въ турецкія дѣла. „Больной человѣкъ“ снова тревожитъ Европу. Неудивительно, что общественное вниманіе привлекается къ этимъ событіямъ и старыя раны „восточнаго вопроса“ такъ или иначе даютъ о себѣ знать, возбуждая давніе споры и противорѣчивыя мнѣнія. Особую чуткость нашего общества и печати слѣдуетъ приписать совпаденію означенныхъ событій съ недавними поминками „освободительной войны“ и съ наступающимъ 25-лѣтіемъ берлинскаго трактата. Весьма благодарный матеріалъ для переоцѣнки послѣдствій этой войны и плодовъ берлинскаго „честнаго маклерства“ доставляетъ вышедшее недавно сочиненіе С. С. Татищева—„Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“, а современные устои германской политики, подмѣнившей прежнее равнодушіе къ балканскимъ дѣламъ дружелюбными изліяніями въ Ильдызъ-Кіоскѣ и услужливымъ сооруженіемъ богдадской желѣзной дороги, вызываетъ къ чрезвычайной осторожности и осмотрительности.

При нынѣшнихъ условіяхъ, необходимъ удвоенный, утроенный разумъ и опаснѣе всего отдаваться безотчетнымъ чувствованіямъ и увлеченіямъ.

Жизнь безъ идеальныхъ стремленій тосклива и недостойна великаго народа; умственная спячка и нравственное оскудѣніе омертвляютъ людей и разрушаютъ общественность; но въ опредѣленіи идеальныхъ стремленій необходима тщательнѣйшая разборчивость и менѣе всего умѣстна погоня за внѣшними призраками, въ ущербъ безусловнымъ и настоятельнѣйшимъ, давно вопіющимъ народнымъ потребностямъ. Иные не только подымаютъ теперь вопросъ: почему не былъ взятъ Константинополь въ 1878 году, но и храбро рѣшаютъ, что нашимъ „византійскимъ наслѣдіемъ“ легко и необходимо было завладѣть въ то время. Этимъ мѣриломъ даже оцѣниваютъ тогдашнихъ руководителей нашей политики и отвѣтственныхъ дѣятелей войны. Были-де у открытыхъ дверей Константинополя и не вошли, видѣли Св. Софію и не водрузили креста на ней!.. Великіе патріоты, истинные сыны оте-

чества предлагали-де довершить этотъ „историческій подвигъ“, но ихъ старанія и услуги были отвергнуты. Возобладали-де страхъ и нерѣшительность. Россію, послѣ ея славныхъ побѣдъ и подвиговъ, повлекли въ Берлинъ, въ видѣ какой-то „подсудимой“; на этомъ судбищѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ унизительныхъ уступокъ и передѣлокъ санстефанскаго прелиминарія, а затѣмъ мы вернулись домой, посрамленные и угнетенные, къ своимъ будничнымъ, канцелярскимъ „текущимъ дѣламъ“, возобновили борьбу съ крамолой и дошли до катастрофы 1-го марта... Начиная освободительную войну, мы надѣялись и для себя поймать благодѣтельную „золотую рыбку“, а вернувшись домой очутились передъ полуразрушенной избой и старымъ, „разбитымъ корытомъ“.

Во всѣхъ этихъ іереміадахъ вѣрно только то, что и самая идеальная и побѣдоносная война не приноситъ счастья, если она не вызвана безусловной необходимостью, потребностью самообороны. Сказывается тутъ и невольное самосознаніе, что внутреннее зло и болячки не излечиваются внѣшними приключеніями. Для этого необходима неустанная работа къ свѣту и добру, безъ вредныхъ шатаній и сомнѣній, обусловливающихъ застой и попятные шаги.

Константинополь не былъ взятъ въ 1878 году по весьма уважительнымъ и неустранимымъ причинамъ. Начиная войну, Россія торжественно и гласно отрекалась отъ всякихъ пріобрѣтеній и стяжаній въ свою пользу, кромѣ возврата того, что было утрачено послѣ крымскаго погрома.

Относительно Константинополя и проливовъ, не только передъ войною, но и во время нея, наша дипломатія и Государь ручались русскимъ словомъ, что никакихъ завладѣній Россія не имѣетъ въ виду. Это обѣщаніе было положено и въ основу перемирія, и санстефанскаго *предварительнаго* договора. Появленіе англійской эскадры въ Мраморномъ морѣ вызвало возобновленіе стратегическаго движенія къ Константинополю и угрозу *временнаго* занятія его; но турки благоразумно уступили, дозволили безпрепятственно занять Санъ-Стефано и не пустили англичанъ въ Босфоръ. Какіе-же поводы и основанія могли служить къ вторженію въ Константинополь? Завладѣть имъ нельзя было, не измѣнивъ самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ. Войти въ чужую столицу для *парада*, для нанесенія лишняго униженія бывшему врагу, послѣ заключенія мира, совершенно не въ духѣ русскаго народа. Лежачаго не бьютъ, просящихъ пощады милуютъ, а

не топчатъ въ грязь. Не только правительство и наша дипломатія, но и печать, общественное мнѣніе Россіи и сами славянофилы, старые и новоявленные, истинные и притворные, громко возглашали о безкорыстіи освободительной войны и о величіи подвига, взятого на себя Россіей. При такихъ условіяхъ, не могло быть и рѣчи о завладѣніи Константинополемъ и проливами, да еще и путемъ обмана. Подобнаго грѣха не было и не будетъ въ политикѣ и дѣйствіяхъ Россіи.

Внесеніе мирного договора на обсужденіе и одобреніе конгресса само-по-себѣ не представляетъ ничего унизительнаго. Это было вполнѣ согласно съ Парижскимъ трактатомъ и основами русской политики, побуждающими ее и въ настоящее время дѣйствовать *сообща* въ восточномъ вопросѣ. По русскому-же почину, пролагаются пути къ мирному, третейскому разбирательству и рѣшенію международныхъ дѣлъ и столкновеній. Гораздо хуже, опаснѣе и позорнѣе было-бы, если-бъ насильственнымъ и обманнымъ *завладѣніемъ* Константинополя мы навязали-бы Россіи новую, тяжелую и разорительную войну. Насильники всегда расположены думать, что побѣдителей не судятъ и совершившіеся факты всѣ признаютъ. Но Наполеону пришлось бѣжать изъ Москвы, а союзникамъ 1853—55 годовъ—уйти изъ Крыма, не смотря на побѣды.

Существовало полное вѣроятіе, что Австро-Венгрія и Англія „посмѣли-бы“ не только потребовать удаленія нашего изъ Царьграда, но и приступили-бы немедленно къ явно враждебнымъ дѣйствіямъ для достиженія этой цѣли. Наша балканская армія очутилась-бы тогда въ разоренной странѣ, съ необезпеченнымъ тыломъ и припертой къ морю, господство въ которомъ принадлежало-бы непріятельскимъ эскадрамъ... Можно-ли было идти на подобный рискъ ради Константинополя, даже въ разсчетѣ на успѣхъ новой войны?..

Думается, что Константинополь не стоилъ и не стоитъ подобныхъ жертвъ и опасностей.

Можно, конечно, привести много красивыхъ доводовъ въ пользу „византійскаго наслѣдія“. Еще во времена Новгорода-Великаго существовало стремленіе „изъ варягъ въ греки“. Кіевская Русь имѣла прямыя сношенія съ Византіей. Щитъ вещаго Олега былъ прибитъ къ вратамъ Царьграда. Оттуда получили мы христіанство и зачатки общечеловѣческаго просвѣщенія. Московскіе цари, какъ только справились съ татарами, возобновили эти сношенія, усвоили греческій гербъ и не переставали помышлять объ изгнаніи турокъ, ко-

гда подъ ихъ ударами рушилась Византія. Послѣ Петра, возгорѣлась борьба съ татарами и турками, которые завладѣли даже Подоліей. Существуетъ легенда, что въ 1829 году, когда наши войска были уже въ четырехъ переходахъ отъ Константинополя, фельдмаршалъ Дибичъ зарылъ свою саблю около Чорлу и объявилъ болгарамъ, что русскіе придутъ въ другой разъ, освободятъ ихъ отъ турецкаго ига, отроютъ эту саблю и войдутъ въ Константинополь. Другая легенда, воспроизведенная въ поэтичномъ стихотвореніи Розенгейма, гласитъ, что во время вторженія турокъ въ св. Софію, въ силу горячей молитвы престарѣлаго іерея, совершилось чудо: изъ земли поднялась стѣна и закрыла алтарь, въ которомъ совершалось таинство евхаристіи. Когда русскіе овладѣютъ Царьградомъ и войдутъ въ бывшій храмъ св. Софіи, свершится новое чудо: опустится каменная стѣна, откроется алтарь и изъ него выйдетъ на встрѣчу освободителямъ престарѣлый іерей съ чашей въ рукахъ...

Все это очень красиво и поэтично. Однако, тѣ-же легенды и несомнѣнныя историческія событія, какъ нельзя яснѣе доказываютъ, что Россія жила, развивалась и стала европейской могущественной державой помимо Константинополя и „византійскаго наслѣдія". Дѣйствительно, въ 1829 году существовали наиболѣе благопріятныя условія для завладѣнія Константинополемъ, но вся политика императора Николая Павловича, вѣрная основамъ Вѣнскаго трактата, противорѣчила освобожденіямъ и завладѣніямъ. Въ 1833 году, русскія войска обречены были даже укрѣплять шаткій тронъ турецкаго султана. Послѣ забалканскаго похода Дибича, Россія вынесла еще двѣ войны; но Константинополь все не дается. Въ 1853 г. покойный Паскевичъ доказывалъ, что дорога къ Константинополю лежитъ черезъ Вѣну. Правильность этого заключенія подтвердилась не только въ Крымскую войну, но и въ 1877—78 гг. Теперь надо признать, что та-же дорога пролегаетъ еще кружнѣе и идетъ черезъ Берлинъ.

Требованія безопасности, самозащиты, потребности торговли и промышленности заставляютъ насъ желать, чтобъ Черное море было ограждено отъ непріятельскихъ эскадръ. Это достигается въ настоящее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы достаточно свободно пользуемся выходами въ Средиземное море даже для военныхъ грузовъ и транспортовъ.

Всѣ помыслы и заботы Россіи необходимѣе всего сосредоточить на возрожденіи и оживленіи своихъ духовныхъ

и матеріальныхъ силъ, для возмѣщенія тѣхъ бѣдъ и потерь, которыя нанесены войнами, удачными и неудачными, внутренними неурядицами и застоемъ.

Военныя силы—болѣе, нежели когда-либо—опасно растрачивать на призрачныя цѣли; ихъ слѣдуетъ приберечь на случай самообороны и на коренное и рѣшительное избавленіе отъ бѣдствій вооруженнаго мира. Никакой грозы не ожидается для насъ съ Юга; славяне получили уже достаточно русской крови и русскихъ жертвъ; въ Константинополѣ разложилось слишкомъ много государствъ и народовъ и въ этомъ лучшее предостереженіе противъ ретивыхъ стремленій къ завладѣнію такимъ гнилымъ наслѣдствомъ. Оно не избѣжитъ предопредѣленной ему участи, при коренномъ устраненіи золъ, удручающихъ теперь Европу и колеблящихъ блага общаго мира и спокойствія по самымъ маловажнымъ даже поводамъ. И дальній, и ближній „восточные вопросы“ требуютъ особой осторожности.

Русское сердце и русскій умъ всегда были открыты для дружелюбныхъ отношеній и возвышенныхъ цѣлей. Будемъ вѣрны этимъ началамъ. Прибѣгающій къ мечу, отъ меча и погибнетъ.

1902 г.

X.

Во имя человѣколюбія.

(Во время Дальне-Восточной войны).

Манджурская армія бросила Ляоянъ и отступила „на Сѣверъ“... Гдѣ окончится это отступленіе неизвѣстно. Этой „военной тайны“ не откроютъ даже тѣ стратеги и тактики, которые не переставали десятками тысячъ истреблять японцевъ на страницахъ военныхъ или воинственныхъ газетъ, послѣ каждаго сраженія, нещадно опустошая вражескіе ряды и разнаго рода болѣзнями, холерой, спячкой и даже голодомъ... Если сдѣлать подсчетъ этого рода „побѣдамъ“, то окажется, что Японія потеряла уже сотни тысячъ отборнаго войска и истощаетъ „послѣднія“ свои запасныя силы. Тѣмъ не менѣе, японскія дивизіи все росли и росли, каждое столкновеніе обнаруживало преобладаніе ихъ численности, силы орудійнаго и ружейнаго огня, медленность подготовки но быстроту, стремительность и непоколебимость въ выпол-

неніи данной задачи... Наши центры прорывались и фланги обходились... Въ бояхъ подъ Ляояномъ, который укрѣплялся въ продолженіи 4—5 мѣсяцевъ, дѣло шло уже объ охранѣ нашего тыла и сообщеній съ Россіей, съ основной „базой"...

Теперь не только утратились надежды на скорое движеніе на Югъ и освобожденіе Портъ-Артура, но заговорили уже о зимнихъ квартирахъ и о возобновленіи военныхъ дѣйствій весною, съ новыми силами и подкрѣпленіями, которыя къ тому времени соберутся въ должномъ мѣстѣ и достаточномъ числѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, возникаетъ вопросъ: умѣстно-ли продолжать ту ужасную, кровопролитную бойню, которая длится около Портъ-Артура вотъ уже семь мѣсяцевъ? Переоцѣнивая многія даже безспорнѣйшія цѣнности, вполнѣ дозволительно обсудить, что дороже, что важнѣе для насъ — портъ-артурская крѣпость съ ея плохимъ портомъ, или ея геройскій, многострадальный гарнизонъ?

Думается, что нѣтъ никакой надобности продолжать оборону Портъ-Артура, если освобожденіе его въ ближайшее время невозможно. Для этой цѣли нельзя рисковать арміей и идти на авось. Защита Портъ-Артура выполнила уже свою важную задачу. Она приковала къ себѣ все вниманіе и значительныя силы врага. Благодаря героической борьбѣ горсти нашихъ войскъ и моряковъ, заброшенныхъ въ эту „мышеловку", задержано было наступленіе японцевъ и стало возможнымъ сформированіе и усиленіе манджурской арміи. Если эта армія, рано или поздно, разгромитъ японцевъ и погонитъ ихъ назадъ, портъ-артурская „драгоцѣнность" сама собой возвратится въ наши руки.

Очень важными были для насъ Инкоу, Дашицяо, Ляоянъ, съ ихъ запасами; но мы ихъ бросили по тѣмъ или инымъ причинамъ, охраняя важнѣйшее.

Сорокъ девять лѣтъ назадъ, 27 августа, были оставлены развалины южной части Севастополя, но сожалѣть о прекращеніи 349-дневнаго кровопролитія не пришлось; напротивъ, съ этого дня открылась дорога къ возстановленію мира и возрожденію не только крымской твердыни, но и всей Россіи. Въ 1812 году была отдана Москва, послѣ знаменитой битвы 26 августа, подъ Бородиномъ... Это былъ ударъ въ самое сердце Россіи, но Москва, „спаленная пожаромъ", обратилась въ могилу вражеской мощи и съ ея попелища началось освобожденіе не только Россіи, но и всей Европы отъ завоевательныхъ насилій и вторженій.

———

Россія не погибнетъ, если-бъ Портъ-Артуръ пересталъ даже существовать какъ военный портъ или крѣпость; но всякому народу тяжело утрачивать выдающихся людей и доблестныхъ воиновъ. Государство обязано беречь свои силы и не расточать ихъ безцѣльно. Нѣтъ сомнѣній, что безъ особаго приказа и повѣленія доблестные защитники Портъ-Артура будутъ продолжать свое самоотверженное, мученическое дѣло; если понадобится, они взорвутъ себя, уничтожатъ суда, пушки, склады, но не сдадутся. Но надо-ли требовать этого разрушительнаго исхода? Никакой существенной пользы отъ этихъ новыхъ жертвъ не прибудетъ. На Квантунскомъ полуостровѣ удерживается теперь сравнительно незначительная часть японскихъ войскъ; часть ихъ останется тамъ и послѣ паденія или сдачи крѣпости.

Въ настоящую минуту вполнѣ своевременно было-бы обратить вниманіе на предложеніе Японіи открыть свободный пропускъ нашему портъ-артурскому отряду, съ полнымъ вооруженіемъ и воинскими почестями; того-же самого можно потребовать и для остатковъ нашей израненной эскадры. Въ данномъ случаѣ вполнѣ было-бы умѣстно дружелюбное *посредничество нейтральныхъ державъ*. Японцы согласятся, тѣмъ болѣе, что и имъ невыгодно длить осаду и тратить силы на дальнѣйшіе штурмы; а не согласятся, нравственная отвѣтственность ляжетъ на нихъ.

Нашъ долгъ сдѣлать все, что возможно для освобожденія и облегченія печальной участи самоотверженныхъ защитниковъ Портъ-Артура. Мужество заключается не только въ готовности умирать на поляхъ сраженій, но и въ смѣломъ, правдивомъ сознаніи своихъ неудачъ или ошибокъ. Если утратилась увѣренность въ возможности освобожденія гарнизона Портъ-Артура силой оружія, то надо испробовать другіе способы. Своевременная уступка гораздо почетнѣе *запоздалой принудительной сдачи*. Отступленіе неравносильно пораженію. Французы говорятъ: „надо отступить, чтобы лучше прыгнуть“.

Тысячи родныхъ, друзей, вся Россія восхищаются и гордятся славной борьбою портъ-артурскихъ героевъ; но съ потоками этой родной крови неразрывно соединены слезы, незалѣчимое горе и сиротство... Если нѣтъ особой, настоятельной надобности (а ея не видно), необходимо прекратить дальнѣйшія жертвы. Надо-же чтобъ осталось кому зачесть мѣсяцъ за годъ тяжелой, мученической службы... Освобожденіе этихъ героевъ было-бы первою радостью въ несчаст-

ной, нежданной и нежелательной войнѣ. Новый свѣтлый лучъ присоединился-бы къ источнику свѣжаго воздуха и добра, которымъ повѣяло на Руси при первой вѣсти объ уничтоженіи позорныхъ наказаній, тяготѣвшихъ надъ народомъ, и о болѣе справедливыхъ отношеніяхъ къ составнымъ частямъ государственнаго населенія.

Человѣколюбіе, обереженіе личности, совѣсти и мысли всегда и вездѣ вознаграждались сторицею и являются вѣрнѣйшей основой общаго благополучія и государственной мощи *).

25 августа 1904 года.

Черезъ три года, послѣ того, какъ написаны были эти строки,—въ блестящемъ „военномъ дворцѣ“ въ Петербургѣ (на углу Литейнаго пр. и Кирочной), мнѣ пришлось видѣть главнѣйшихъ руководителей Портъ-Артурской обороны. Во время войны ихъ прославляли, вѣнчали лаврами и награждали; теперь они, во всемъ внѣшнемъ блескѣ своихъ мундировъ, находились передъ „Верховнымъ военнымъ судомъ, отпираясь отъ тяготѣвшихъ на нихъ обвиненій и увертываясь отъ отвѣтственности.

Это были генералъ Смирновъ, фиктивный комендантъ Портъ-Артура, генералъ Фокъ, неудачный юмористъ и строгій критикъ чужихъ дѣйствій, *издали* защищавшій важнѣйшія передовыя позиціи, не использовавъ необходимыхъ подкрѣпленій, и генералъ Рейсъ, не въ мѣру усердный сотрудникъ по *позорной* сдачѣ крѣпости. Одинъ лишь главнѣйшій и самовольный вождь обороны, плодовитый мастеръ стѣснительныхъ приказовъ и ненавистникъ печати, генералъ Стессель былъ уже въ отставномъ видѣ, въ гражданскомъ сюртукѣ, хотя и съ почетнымъ орденомъ св. Георгія на шеѣ.

Эти „подвижники“, ссорившіеся и воевавшіе другъ съ другомъ въ Портъ-Артурѣ, не имѣли гражданскаго мужества и достоинства на судѣ, путаясь въ показаніяхъ и противорѣчіяхъ, въ стараніяхъ ввести въ заблужденіе судей.

*) Эта замѣтка, какъ и предшествующая (стр. 418--422),—не попали своевременно въ печать. У насъ боятся независимой мысли, а нетерпимостью, кружковщиной и казенщиной страдаютъ не однѣ бюрократическія сферы. Преобладаютъ *стадныя* чувства, застарѣлые навыки. Вмѣсто почетной конвенціи, которая могла-бы повести и къ мирнымъ переговорамъ, получились новыя пораженія, новыя тысячи плѣнныхъ и позорная сдача Портъ-Артура.

Истинные герои Портъ-Артура или пали въ безнадежной защитѣ плохо сооруженной крѣпости, не имѣвшей ни хорошихъ орудій, ни достаточнаго числа снарядовъ, или являлись въ качествѣ свидѣтелей.

Приговоръ суда совершенно совпадаетъ съ тѣми впечатлѣніями, которыя я вынесъ, присутствуя при разборѣ этого дѣла. Нельзя допускать, чтобъ начальники не отвѣчали за свои дѣйствія, колеблящія государство и подрывающія славу и доблестные завѣты русскаго воинства. Защита должна быть исчерпана до послѣдней крайности. Стессель сдалъ крѣпость вопреки мнѣнію военнаго совѣта, самовольно, когда она могла еще продержаться. Турки боролись до конца въ Плевнѣ и попробовали даже пробиться, хотя это и была отчаянная попытка. Стессель опозорилъ Россію и ея воинство небывалой, преждевременной сдачей. Онъ и долженъ нести наказаніе. Дѣйствія адмирала Небогатова имѣютъ много оправданій, сравнительно съ виной Стесселя. Никуда негодные корабли Небогатова были окружены многочисленнымъ флотомъ и были беззащитны. Съ ними можно было утопиться, но подобной, безцѣльной жертвы нельзя требовать, какъ нельзя никому навязывать самоубійства. Мы рады, что сомнительные герои избавлены отъ смертной казни: сильнѣйшее наказаніе заключается въ осужденіи общественнаго мнѣнія и исторіи. Стессель и и его „сотрудники" по сдачѣ,—названной и въ Высочайшемъ приказѣ „*позорной*",—хотя виновны, но все-же они являются второстепенными отвѣтчиками и за Портъ-Артуръ, и за всѣ неудачи войны. Главные виновники нашей неподготовленности, ложныхъ донесеній и пораженій избѣгли суда. Это объясняется, быть можетъ, тѣмъ что и ихъ отвѣтственность разлагается въ общей нашей отсталости и безгласности и въ „тайнахъ" отжившаго бюрократизма, отъ котораго мы и теперь не спѣшимъ отдѣлаться, несмотря на новый государственный строй, пребывающій еще во многомъ лишь на бумагѣ.

Если-бъ Портъ-Артуръ былъ очищенъ *по конвенціи*, еще осенью,—по почину намѣстника, успѣвшаго своевременно спастись изъ своихъ Дальне-Восточныхъ дворцовъ,—то Россія и наша армія избавились-бы отъ позорной сдачи, которая долго еще будетъ удручать нашъ духъ, если наши воители будутъ одерживать „побѣды" не надъ врагомъ, а надъ печатью.

IV.

ФЕЛЬЕТОНЫ.

ФЕЛЬЕТОНЫ.

Въ этомъ отдѣлѣ воспроизводятся нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ въ бумагахъ автора фельетоновъ, не утратившіе интереса и обрисовывающіе прошлое.

I.

Дѣло Вѣры Засуличъ.

Процессъ этотъ разбирался въ Петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ, въ пятницу, 31-го марта 1878 года. Подробности этого выдающагося процесса и его реакціонныхъ послѣдствій изложены въ статьѣ—„Роковое пятилѣтіе“ (стр. 10—38). Фельетонъ по поводу этого дѣла былъ помѣщенъ въ „Голосѣ“, въ воскресенье, 2-го апрѣля 1878 года, № 92. Здѣсь приводится лишь та часть фельетона, которая непосредственно относится къ означенному процессу.

Я былъ въ засѣданіи по дѣлу Вѣры Засуличъ, и только-что вернулся изъ суда. Я такъ нравственно разбитъ, я такъ подавленъ смѣною сильныхъ ощущеній, которыя пришлось испытать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ судебнаго засѣданія, что не знаю, въ состояніи-ли выполнить свою задачу. Нужно перенести общество въ эту судебную залу, необходимо заставить его перечувствовать, перестрадать все тò, чтò вынесли мы, попавшіе въ судъ въ этотъ день! Прошло только нѣсколько часовъ, но, кажется, будто годы развернулись передъ вами, будто долго сдержанная, накоплявшаяся въ теченіе многихъ лѣтъ нравственая буря разразилась надъ вашею головою, потребовала къ оцѣнкѣ все, чтò есть у васъ хорошаго и дурного, выворотила вашу душу и бросила на безпристрастный, строгій судъ. Такой драмы вы не увидите ни на одномъ театрѣ; никакой Росси не заставитъ васъ пережить то, чтò пережито нами 31-го марта въ петербургскомъ окружномъ судѣ.

Кто жь, однако, эти „мы“, эти „бывшіе на судѣ“? О, все это *избранная* публика, это сливки петербургскаго общества, петербургской интеллигенціи. Зала полнёхонька. Я вижу судей на ихъ красныхъ стульяхъ, съ высокими спинками, различаю новаго предсѣдателя г. Кони, вижу присяжныхъ засѣ-

дателей, которые, говорятъ, больше изъ чиновниковъ, стало быть, изъ „благонадежнаго элемента“. Сзади судей цѣлая плеяда сановниковъ; мундиры, вицмундиры, звѣзды, звѣзды такъ тѣсно, какъ на млечномъ пути. Тутъ и государственный канцлеръ, и члены государственнаго совѣта, и сенаторы. Начиная отъ скамей присяжныхъ засѣдателей, сидятъ представители суда, знаменитости адвокатуры, журнальныя, литературныя извѣстности. Въ обоихъ входныхъ коридорахъ тѣснится еще толпа вицмундировъ и фраковъ. Въ мѣстахъ, обыкновенно занимаемыхъ публикою, внизу и наверху, пестрѣютъ дамскія платья; называютъ нѣсколько громкихъ именъ петербургской аристократіи; между ними опять вицмундиры и фраки. Ничего сѣренькаго, ничего обыденнаго. Публика впускалась по билетамъ, заранѣе распредѣленнымъ...

Но гдѣ же обвиняемая? На скамьѣ подсудимыхъ виднѣется моложавая, довольно симпатичной наружности дѣвушка. Она брюнетка, средняго роста, съ скромною прическою, въ скромномъ, черномъ нарядѣ. Умные, черные глаза ея свѣтятъ сердечностью, добротою. Недюжинная душа искрится въ этомъ взглядѣ. Блѣдныя, исхудалыя черты лица ея носятъ слѣды душевныхъ страданій и физическихъ лишеній. Говорятъ, это подсудимая! Но, странная вещь, чѣмъ больше длится засѣданіе, чѣмъ шире и подробнѣе развивается судебная драма, тѣмъ больше исчезаетъ личность подсудимой. Со мною творится какая-то галюцинація...

Мнѣ чудится, что это не ее, а меня, всѣхъ насъ—общество—судятъ! Мнѣ кажется, что эти свидѣтели обвиненія уличаютъ насъ, что прокурорская рѣчь представляетъ слабую, изъ приличія только предпринятую попытку оправдать насъ передъ этимъ судомъ, а жгучее слово защиты, ударъ за ударомъ, какъ молотъ по наковальнѣ, разбиваетъ наши надежды на оправданіе.

Но ваши нервы дергаютъ, васъ стараются отрезвить Вотъ доза нравственнаго морфія: не вы, а она виновница; вотъ истинная преступница! Этотъ револьверъ былъ въ ея рукахъ, тутъ „заранѣе обдуманное намѣреніе“, тутъ убійство, неудавшееся „по независящимъ обстоятельствамъ“; она взяла на себя самоуправную роль, произвольно соединила въ себѣ обвинителя, судью и исполнителя рѣшенія. Нельзя-же допустить, чтобъ всѣ средства были хороши!.. Но подсудимая тихо, скромно, безъ малѣйшей афектаціи, безъ рисовки прозноситъ: „Я не хотѣла убивать; мнѣ было все равно; я добивалась

только, чтобъ не прошло безнаказанно, чтобъ обратили, наконецъ, вниманіе, чтобъ затруднить, по крайней мѣрѣ, легкость повтореній“... И обвинительныя чары опять разлетѣлись, и я вѣрю ей, и всѣ вѣрятъ: на креслахъ судей вѣрятъ, на почетныхъ мѣстахъ, за судьями, вѣрятъ; вѣрятъ присяжные, публика, вѣритъ самъ обвинитель. О, правду такъ нетрудно отличить—нужно только не притуплять воспріимчивости къ ней!

Читается показаніе „потерпѣвшаго отъ преступленія“. Онъ упалъ, онъ не слышалъ выстрѣла, но не потерялъ сознанія; ясно видѣлъ, какъ боролась подсудимая, желая нанести новый ударъ. Но вы ужь предупреждены противъ этого показанія: это послѣдствія крайне взволнованнаго состоянія. Изъ показаній свидѣтелей, выставленныхъ обвиненіемъ, въ нашемъ воображеніи слагается ясная картина событія 24-го января.

Вотъ стоитъ блѣдная, нервная дѣвушка. Въ рукѣ ея какое-то прошеніе; но не за этимъ она здѣсь. Она пришла сюда, чтобъ совершить что̀-то, найти исходъ изъ того тяжелаго, болѣзненно нравственнаго состоянія, которое тяготѣетъ надъ нею уже нѣсколько мѣсяцевъ, Да̀, да̀, она именно за этимъ сюда пришла. Свободная рука нервически опускается въ карманъ и пальцы судорожно сжимаютъ холодную сталь... Но вотъ вышелъ *онъ*, спокойно становится передъ нею, беретъ прошеніе, хладнокровно бросаетъ два—три мимолетные вопроса. Что̀-же она? гдѣ ея миссія? гдѣ сила воли? отчего-же не пользуется она давно жданною минутой? Вотъ ужь все кончено: онъ отошелъ и говоритъ съ другою просительницею. Еще мгновеніе—и онъ отдалится еще больше, а потомъ опять безконечныя нравственныя муки, опять эта борьба съ собою, съ этою неотвязчивою мыслью, съ этими упреками въ безсердечіи, въ себялюбіи, что нѣтъ человѣка, который рѣшился-бы пожертвовать собою. И вдругъ передъ нею плотная фигура полицейскаго штабъ-офицера: глазами, жестами онъ показываетъ ей, что нужно уйти, что аудіенція кончена. Глаза его вразумительно мигаютъ—но она стоитъ, какъ остолбенѣлая. Ей кажется, что глаза эти говорятъ: „куда тебѣ, слабое, жалкое существо, взявшееся за непосильную задачу“! Какъ нарочно, это тотъ самый человѣкъ, что̀ былъ начальникомъ тюрьмы 13 іюля; это онъ исполнялъ роль „наказывателя“; а вотъ, въ двухъ шагахъ, и тотъ, кто надругался надъ осужденнымъ, кто занесъ на него руку, кто приказалъ наказать несчастнаго.

Оба безотвѣтстнны, какъ ни въ чемъ не бывало! А тутъ настойчиво приказываютъ уйти... Судорожно сжались пальцы; что-то грохнуло изъ-подъ тальмы и револьверъ полетѣлъ на полъ изъ обезсилѣвшей руки. Раздался крикъ; все смѣшалось; кто-то кинулся къ нему, какія-то руки набросились на нее... Что случилось? что такое произошло? Совершилось убійство, неудавшееся „по независящимъ обстоятельствамъ“, „съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“...

Но, гдѣ же убійца? Ея тутъ невидно. Не случись чего-то, что случилось, что судорожно, болѣзненно сжало пальцы, выстрѣла не послѣдовало-бы. Пуля полетѣла безцѣльно, по случайному направленію. Пословица говоритъ—„пуля виноватаго найдетъ“, но обвиняемая первая рада, что онъ остался живъ. Нѣтъ, убійцы здѣсь нѣтъ...

Но я опять принуждаю себя; я снова стараюсь „отрезвить“ свои чувства, возбудить въ себѣ негодованіе противъ личнаго произвола, самоуправства. Я хочу знать, что же произошло, наконецъ, 13-го іюля въ предварительной тюрьмѣ; какая связь, какое отношеніе можетъ имѣть это событіе къ событію 24-го января? Какое, наконецъ, право подсудимой вмѣшиваться не въ свое дѣло? Какъ осмѣлилась она поставить себя выше дѣйствій тѣхъ, кто исполнялъ, быть можетъ, только долгъ службы, буквальныя предписанія закона? Мое любопытство удовлетворяется: показанія свидѣтелей, рѣчь защиты развертываютъ картину событія 13-го іюля.

Вотъ небольшой, внутренній дворъ тюрьмы. На дворѣ прогуливаются арестанты. Это все молодые люди; это не плуты, это не грабители, это не злостные банкроты, это не поживившіеся въ чужомъ карманѣ кассиры—нѣтъ, это та молодёжь, которая, при иныхъ бытовыхъ условіяхъ, умирала-бы въ первыхъ рядахъ арміи, вмѣстѣ съ другими своими товарищами, самоотверженно ухаживала-бы за больными и ранеными. Большая часть изъ нихъ виновна въ томъ, что прочла какую-то запрещенную книжку, передала ее другому, помечтала о какомъ-то фантастическомъ, идеальномъ устройствѣ міра, объ устраненіи зла и воцареніи добра по ея вкусу, какъ свойственно мечтать всякой молодёжи, на всемъ земномъ шарѣ. Одни только обвиняются или заподозрѣны въ этихъ мечтаніяхъ, другіе уже осуждены, хотя приговоръ не вошелъ еще въ силу—это, вѣдь, „предварительная“ тюрьма. Вдругъ отворяются ворота и появляется начальство, въ сопровожденіи суетливыхъ подчиненныхъ.

— Зачѣмъ арестанты вмѣстѣ гуляютъ? раздается рѣзкій вопросъ.

Начальникъ тюрьмы молчитъ, или бормочетъ что-то невнятное. Ближайшіе арестанты слышатъ, видятъ это, подозрѣваютъ, что дѣло идетъ, можетъ быть, о новомъ ихъ стѣсненіи, о лишеніи воздуха, о прекращеніи возможности видѣться, говорить съ себѣ подобными. Они не забываютъ, что они еще люди, что они не лишены еще правъ, что законъ человѣколюбиво, осторожно предписываетъ какъ можно менѣе лишеній въ предварительной тюрьмѣ. Одинъ изъ случайно находившихся ближе другихъ арестантовъ вѣжливо приподнимаетъ фуражку и рѣшается исполнить то, что́ долженъ былъ-бы сдѣлать болѣе уважающій себя, болѣе преданный дѣлу директоръ тюрьмы. Онъ скромно заявляетъ, что ужь осужденъ, по другому дѣлу, и нѣтъ связи между его обвиненіемъ и обвиненіями другихъ.

Правила всѣхъ сколько-нибудь благоустроенныхъ тюремъ, здравый смыслъ, само человѣколюбіе предписываютъ какъ можно болѣе щадить человѣческое достоинство заключеннаго, не раздражать, стараться о душевномъ спокойствіи, примиреніи человѣка, и безъ того раздраженнаго, уязвленнаго лишеніемъ свободы. Это обращеніе предписывается существующимъ закономъ, о немъ краснорѣчиво трактуется въ запискахъ и проектахъ тюремной реформы, о немъ разсуждалось въ засѣданіяхъ еще недавнихъ тюремныхъ комиссій и комитетовъ. Оно тѣмъ болѣе обязательно въ предварительной тюрьмѣ, относительно лицъ, заподозрѣнныхъ или обвиненныхъ въ политическихъ проступкахъ.

— Молчать! ка̀къ ты смѣешь разговаривать? раздается отвѣтъ на заявленіе арестанта, и слѣдуетъ приказаніе посадить его въ карцеръ.

Что̀ такое этотъ карцеръ, какое, вообще, обращеніе, какая жизнь въ этой новой, усовершенствованной, образцовой тюрьмѣ—не станемъ говорить. Объ этомъ производится слѣдствіе. Слыша эту оскорбительную фразу, чуя незаслуженное наказаніе, арестанты приходятъ въ волненіе; но они еще сдерживаютъ себя. Вдругъ, новый ударъ на ихъ нервы, новое возбужденіе, новое страданіе.

— Ка̀къ ты смѣешь стоятъ въ шапкѣ? шапку долой! и начальническая рука замахивается къ головѣ заключеннаго, чтобъ сбить шапку.

Ропотъ негодованія вырывается изъ груди всѣхъ гуляю-

щихъ на дворѣ; имъ, какъ эхо, отвѣчаетъ крикъ изъ оконъ тюрьмы, куда шумъ привлекъ заключенныхъ. Услужливыя руки ужь подхватили и влекутъ оскорбленнаго, униженнаго въ карцеръ. Но этого мало; нужно довести зло до конца...

Я не стану передавать, что̀ потомъ случилось. Вы прочтете это въ рѣчи защитника. Вы слышали разсказы о неистовствахъ башибузуковъ въ Болгаріи, о крестахъ и ремняхъ, вырѣзываемыхъ на спинахъ мучениковъ; я видѣлъ отрѣзанныя головы; я приходилъ въ содроганіе при зрѣлищѣ поруганныхъ тѣлъ нашихъ офицеровъ и солдатъ; я наталкивался на кучи несчастныхъ, изрубленныхъ дѣтей и женщинъ; но все это были мертвые: я видѣлъ тутъ послѣдствія фанатической борьбы, но никогда не былъ свидѣтелемъ, ка̀къ вырѣзываются у живого, разумнаго существа его нравственное, человѣческое достоинство, ударъ за ударомъ, систематически. 31-го марта намъ довелось прочесть и эту страницу человѣческой жестокости. Я не въ силахъ этого передать; читайте сами...

И опять странное явленіе! Негодованіе, нервы не возбуждались ни противъ кого лично. Я сочувственно отнесся къ тому такту, съ которымъ защитникъ щадилъ личность „потерпѣвшаго отъ преступленія“. Мнѣ, признаюсь, жаль стало полицейкаго штабъ-офицера, видимо недоговорившаго на судѣ, не хотѣвшаго обнаружить, ка̀къ онъ исполнялъ свои ликторскія обязанности и ка̀къ не умѣлъ выполнять роль директора тюрьмы. Я съ удовольствіемъ прислушивался ко всѣмъ указаніямъ экспертовъ-врачей, указаніямъ, которыя могли засвидѣтельствовать, что жизнь „потерпѣвшаго„ находится внѣ опасности. Но почему это?

Потому, что мнѣ чувствовалось будто эти ужасы совершены не этимъ полицейскимъ, будто не лично „потерпѣвшій“ вызвалъ событіе 24-го января, а я самъ, а всѣ мы и вы, бывшіе и небывшіе на судѣ. Намъ даны законы, уставы, положенія, созданы учрежденія; но кто-же ихъ не соблюдаетъ, кто проповѣдываетъ систему всевозможныхъ охраненій и усмотрѣній, запретовъ и недовѣрій? кто прямо или косвенно потворствуетъ разладу между словомъ и дѣломъ? Что̀ дѣлало общество? отчего молчала печать? Не раздавались-ли, наоборотъ, протесты противъ малѣйшихъ поползновеній обуздать вопіющее своеволіе? не находились-ли рептиліи, которыя извергали ругательства, требовали публичныхъ экзекуцій, розогъ и плетей на площадяхъ? Когда зашла рѣчь, что Вѣра Засу-

личъ тщетно ждала взрыва общественнаго негодованія, громоносныхъ статей печати по поводу расправы 13-го іюля, наконецъ, правосудія—словомъ, всего того, что̀ можетъ удовлетворить нарушенную справедливость, успокоить взволнованныя страсти, поддержать увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, мнѣ стало ясно, что выстрѣлъ 24-го января долженъ быть принятъ не однимъ „потерпѣвшимъ", но и всѣми нами, всѣмъ обществомъ.

Однако, что̀-же дало право именно Вѣрѣ Засуличъ, почему именно она, а не кто другой взялъ на себя роль карателя? Защита выяснила это право. Общество отняло у нея лучшіе годы молодости, оно томило ее напрасно въ тюрьмахъ, оно бросило ее въ безсрочную ссылку, безъ вины, безъ приговора, безъ опоры и поддержки. Она находила сочувствіе только среди тѣхъ, кто, подобно ей, былъ заключенъ или сосланъ. Ей чуждъ, незнакомъ Боголюбовъ, она никогда его не видѣла, но онъ близокъ ей былъ по несчастью, по общей участи, по общимъ страданіямъ. Она бросала отчаянные взоры кругомъ, не защититъ-ли, не вступится-ли кто за попранную справедливость? Ей отвѣчали только равнодушіемъ, безсердечностью; у нея отняли не только молодость, но и малѣйшую надежду на лучшее будущее. Мы воздвигли ея руку—имѣли-ли мы право карать ее за это?

Тѣмъ не менѣе, когда присяжные удалились для совѣщанія, далеко еще не у всѣхъ была увѣренность въ томъ или другомъ содержаніи приговора. Наиболѣе опытные пророчили обвиненіе. Проходитъ томительное полчаса. Все спѣшитъ опять въ залу засѣданія, все стѣснилось, притаило дыханіе. Вотъ медленно возвращаются присяжные. Старшина вышелъ и читаетъ: „Виновна-ли подсудимая, Вѣра Засуличъ"... Кажется, конца нѣтъ сложному вопросу, никогда, думается, не кончатся эти слова и слова. Непремѣнно скажетъ „да̀, виновна"; лучше буду думать, что обвинятъ...

Вдругъ, раздался не то стонъ, не то крикъ. Разомъ ахнула толпа, какъ одинъ человѣкъ. Точно вамъ не хватало воздуха, васъ душило что̀-то, какой-то страшный кошмаръ, и вдругъ вы стали дышать, вдругъ тяжелый камень свалился съ плечъ. Раздались оглушительные крики восторга, радости, „ура", рукоплесканія; звонкіе голоса̀ женщинъ выдавались рѣзче другихъ. Звонки предсѣдателя, суетня судебныхъ приставовъ—ничто не могло сдержать этого порыва, этого взрыва общественнаго сочувствія къ оправданію. Мнѣ казалось, что я самъ

оправданъ, что внезапно очутился въ объятіяхъ давно желанныхъ, любимыхъ друзей, что все теперь пойдетъ хорошо, послѣ ряда неудачъ и горя... Не забудьте, изъ кого состояла эта публика, это общество, присутствовавшее на судѣ...

Неужели-же опять пойдетъ разладъ между словомъ и дѣломъ? неужели снова недоразумѣнія, недовѣріе, страхи? Да зачѣмъ-же? да противъ кого-же все это? Нѣтъ, хочется вѣрить, что дѣло Вѣры Засуличъ оставитъ слѣдъ въ нашей внутренней жизни, что это тотъ кризисъ, тотъ переломъ, которые такъ обычны въ тяжкихъ болѣзняхъ, это та желанная, хотя и тяжелая минута, съ которой начинается выздоровленіе... *).

II.

Обывательскія грезы.

(Въ попятное время).

Чудится мнѣ, что я ребенокъ. Слышится чей-то голосъ: „да, онъ горитъ, какъ въ огнѣ"! Чья-то рука нѣжно проводитъ по разгоряченному лбу. Я силюсь раскрыть глаза, и узнаю свою няню. Вотъ сидитъ няня, лицо ея неподвижно, только глаза полны тревоги и горя; тихо мурлычитъ она свою колыбельную пѣсню, слышится ея вѣчный припѣвъ: „баюшки-баю".

Да́, да̀, нужно спать, нужно успокоиться, ни о чемъ не думать—это главное. Припоминаю, я адвокатъ. Вотъ роскошная пріемная; въ ней тѣснятся Овсянниковы, Мясниковы, Юханцевы, Струсберги. Они жмутъ мнѣ съ чувствомъ руку, они благодарятъ за слёзы, пролитыя мною въ судѣ; я ощущаю въ рукахъ туго набитый бумажникъ; такіе-же бумажники торчатъ изъ всѣхъ кармановъ. Но отъ нихъ мнѣ больно: они колятъ, они жгутъ меня. Я съ ужасомъ бросаю ихъ на полъ, какъ сумасшедшій убѣгаю отъ нихъ, и мнѣ, дѣйствительно, говорятъ, что я сумасшедшій, непрактическій человѣкъ. Я слышу злое гоготанье.

— „Не вы, такъ другой найдется"! раздается практическая философія.

*) Началась, вмѣсто выздоровленія, усиленная, ослѣпленная реакція.

Вызываю лучшія стороны души, укрѣпляю себя наукою, примѣрами исторіи, подвигами лучшихъ людей. Я устоялъ, я поборолъ искушеніе—это ужь для меня не жертва, это потребность нравственнаго существа. Убѣгаю въ свою скромную квартирку. На мой четвертый этажъ взбирается болѣе убогій людъ, тотъ, кто обездоленъ, кому нужна не только защита, но и дружба. Что-жь? вѣдь, это установлено закономъ; по мысли закона слѣдуетъ оказать защиту, какъ-бы вина ни казалась велика, хотя-бы кліенту и нечѣмъ было платить, хотя-бы онъ былъ изъ сѣрыхъ рядовъ. Я знакомлюсь съ дѣломъ, изучаю все прошлое, стараюсь отыскать всѣ человѣческія, добрыя, извиняющія стороны въ кліентѣ, изучаю и вижу, чтó натолкнуло его на проступокъ, убѣждаюсь въ случайности нарушенія закона, въ отсутствіи испорченности; нахожу, что все злое вызвано сторонними, наносными причинами, что достаточно прикоснуться съ словомъ любви и милосердія къ этому существу,—чего такъ долго недоставало въ его прошломъ,—и все доброе опять воскреснетъ въ немъ. Я произношу въ этомъ смыслѣ рѣчь, дѣлаю то, что велитъ моя совѣсть, что предписываетъ законъ; прочувствованное слово вызываетъ слезы у тѣхъ, кто обязанъ слушать, и у тѣхъ даже, кто пришелъ сюда, какъ въ театръ, развлечься, убить часокъ-другой свободнаго дня. Даже ихъ прошибло, даже и они почувствовали, что, пришедши на любопытную сцену, попали на раздирающую душу драму; даже и у нихъ, вмѣсто улыбки, слёзы... Но эти-то слёзы не прощаются... Апофеозъ преступленія!... Опять бѣжать, скорѣе бѣжать...

— Няня, мнѣ снилось, я былъ адвокатомъ!

— Успокойся, дитятко, Богъ избавилъ, уговариваетъ няня, и опять слышится тихій припѣвъ:

„Баю-баю, баю-баю,
„Баю-баюшки, баю"!..

Да, Богъ избавилъ. Славная няня! Какъ-бы уснуть, чтобъ ничего этого не было, чтобъ все забыть? Но нельзя забыть. Я въ засѣданіи; вотъ гласные, и я гласный. Обсуждается важный вопросъ. Я вижу, многіе сознаютъ, что предложеніе невыгодно, что оно обременитъ земство; есть другія, болѣе неотложныя потребности. Я встаю, чтобъ возразить. „Но позвольте, говорятъ, это мнѣніе его превосходительства"... А мнѣ чтò такое, что это мнѣніе его превосходительства? Его превосходительство исполняетъ свой долгъ, а я свой; я говорю, какъ мнѣ велитъ совѣсть, я опираюсь на законъ, дав-

шій мнѣ право голоса въ этихъ дѣлахъ... Большинство молчитъ, остальные неистовствуютъ, накидываются. Отпоръ встрѣчаетъ угрозы, обѣщаютъ насолить на выборахъ, возбудить какое-нибудь слѣдствіе, кричатъ о неблагонадежности, прозрачно намекаютъ на репрессивныя мѣры... Что-жь, уйти, или бороться до конца? Гдѣ взять силъ, гдѣ поддержка? А гоготанье, эти упитанныя, улыбающіяся физіономіи, гордящіяся успѣшнымъ пролазничествомъ черезъ житейскія кавдинскія ущелья, эти попреки въ неумѣньи ловить счастье, пользоваться удобнымъ случаемъ... Да гдѣ же спастись, куда укрыться?

— Богъ съ тобой, успокойся!

— Ахъ, няня, я былъ гласнымъ!..

— Нѣтъ, дитятко, это только сонъ; это мерещится, и затягиваетъ старушка свое:

„Баю-баю, баю-баю,
„Баю-баюшки-баю“!..

Добрая, славная няня. Я, славу Богу, не гласный — я судья. Не нужно забывать своихъ обязанностей, слѣдуетъ свято чтить правду, не кривить душою, не заискивать. Это въ прописяхъ еще сказано. Теперь настаетъ испытанье, примѣненіе того, чему насъ учили, что вкладывали мать и честное товарищество въ нашу душу. Ну, суди! Вотъ законъ и совѣсть, суди безъ оглядки, помня верховное указаніе—„да правда и милость царствуетъ въ судахъ“, не забывая, что „лучше десять виновныхъ отпустить, нежели одного невиннаго покарать“. Будь безпристрастенъ—ты пользуешься независимостью; твой приговоръ обязателенъ. Произносится рѣшеніе... Вдругъ, неистовые крики, радость и негодованіе, привѣтъ и брань. „Это геройство“! слышится отъ однихъ; „это измѣна, разбой“! вопятъ другіе. Поднимаются кулаки протягиваются руки, чтобъ стащить независимаго судью съ его несмѣняемаго мѣста; каждый притязаетъ перевершить приговоръ по своему усмотрѣнію. Нужно бѣжать, необходимо скрыться отъ этого ужаснаго хаоса, но на ногахъ точно пудовики...

— Чтó съ тобой, дитятко, что съ тобою? Раздается мягкій, успокоительный голосъ.

— Няня, меня сдѣлали судьею!..

— Нѣтъ, это тебѣ приснилось; это дурныя грёзы, и опять раздается заунывное:

„Баю-баю, баю-баю,
Баю-баюшки-баю“!..

Дурныя грёзы! Гдѣ-же хорошія? Дайте мнѣ хорошихъ, хоть на минуту свѣтлыхъ грёзъ. Чего-же лучше? Я у денегъ; что можетъ быть свѣтлѣе, какая радуга сравниться съ цвѣтомъ этой кучи билетовъ, бумагъ? „Надѣемся, милостивые государи, что блистательное положеніе нашихъ дѣлъ не требуетъ доказательствъ. Мы не даромъ трудились: наши заботы увѣнчались успѣхомъ. Вы насъ подарили довѣріемъ; мы отвѣчаемъ вамъ 33% дивидента“! Раздаются оглушительные крики „браво“, „ура“, „благодаримъ“; у всѣхъ разгораются глаза отъ удовольствія. Но вотъ кто-то встаетъ, проситъ слова. Снисходительно улыбаясь, ему даютъ поговорить. Онъ говоритъ, онъ указываетъ на неясность нѣкоторыхъ счетовъ, на умолчанія доклада, на ходящіе слухи, на рискованность предпріятій, дающихъ такой громадный дивидентъ. Но на предсѣдательскомъ креслѣ не даромъ-же сидитъ „особа“: она на этотъ случай нарочно и поставлена. „Чтó, слухи? Вамъ угодно затѣять скандалъ, подорвать кредитъ? Чтó-жъ удивительнаго, если неграмотный не можетъ уразумѣть книги; какое намъ дѣло до того, что вамъ *кажутся* неясными нѣкоторыя мѣста отчета“? Рѣзко обрываетъ „особа“, а кругомъ раздаются оглушительные возгласы негодованія противъ „дерзкаго“. Но „особа“ хочетъ до конца добить дерзкаго. „Угодно вамъ, м.м. г.г., балотировать предложеніе господина“? великодушно спрашиваетъ особа. „Не надо, не надо! Грязная инсинуація! Вонъ, вонъ“! Раздается отвѣтъ отуманенный, раболѣпной толпы. Нѣтъ, плохая картина, избитое зрѣлище. Лучше поддаться теченію; надоѣло это противленіе, эта вѣчная борьба. Вотъ удобный случай, мѣстечко въ правленіи. Должность кассира хорошо оплачивается. Сколько пріятелей, кáкъ мило, привѣтливо улыбаются даже эти лица! Кто бы могъ подумать, что столь высокое званіе можетъ ужиться съ такой простотою, съ этою задушевностью? Вотъ и дружеская записочка: „Сдѣлайте любезность, милѣйшій, одолжите мнѣ столько-то тысячъ на короткій срокъ. Я заѣду къ вамъ въ среду, вечеркомъ“. Какъ не одолжить? Нельзя не одолжить. Но гдѣ же взять такую сумму? Не позаимствовать-ли въ кассѣ? Вѣдь, все равно, когда онъ возвратитъ, можно опять вложить—никто не замѣтитъ. Да и не о томъ забота: онъ самъ заѣдетъ, надо, чтобъ „среда“ вышла съ блескомъ, какъ-бы не ударить лицомъ въ грязь. Первый шагъ сдѣланъ. „Позаимствованія“ изъ кассы идутъ и идутъ, друзей больше и больше, улыбки привѣтливѣе и

привѣтливѣе; *среды* одна другой роскошнѣе и заманчивѣе, съ цыганками, съ актрисами и забавниками-разсказчиками. Что-то иногда тамъ, на днѣ совѣсти, шевелится, гложетъ червячекъ; э! да залить его шампанскимъ, потоками удовольствія, заглушить его въ вихрѣ разгула! Съ такими друзьями не пропадешь — услужливо является житейское соображеніе; можно будетъ вывернуться. Но перепало что́-то лишнее на чашу вѣсовъ, какая-нибудь ничтожная крупинка, и вдругъ все перевернулось, все летитъ вверхъ дномъ, натянутая струна лопнула и все отшатнулось... Соучастники первые негодуютъ... Когда-же, какъ случилось это паденіе... Спасите, или казните, но только скорѣе избавьте отъ этихъ страданій...

— Ну, что ты? Ну, Богъ съ тобою! раздается добрый голосъ.

— Ахъ, няня! Мнѣ чудилось, я былъ кассиромъ!

— Перестань, усни, усни, и опять раздается убаюкиванье:

„Баю-баю, баю-баю,
Баю-баюшки-баю"!...

Да̀, славу Богу, это не я кассиръ. Лучше думать объ арміи, о ея подвигахъ, о ея трудахъ и лишеніяхъ. Но зачѣмъ-же эти лишенія? Какъ сопоставить ихъ съ этими грудами золота, перевалившими за границу? Какъ совмѣщаются бѣдствія съ этими вериницами безконечныхъ цифръ? Условія, торги, заготовки, поставки! Какъ въ бездонную пропасть летятъ милліонныя суммы, чудовищныхъ размѣровъ достигаютъ справочныя цѣны, а производительное населеніе жалуется на недостатокъ сбыта, а армія вынуждена добывать себѣ пропитаніе у непріятеля, а войска безъ теплой одежды и сапогъ... О смѣнѣ поставщиковъ, объ измѣненіи тѣхъ порядковъ, которые доводятъ до всего этого, много, много пишутъ,—въ иныя времена и съ надлежащаго одобренія. Нажилась и наживается эта тыльная армія поставщиковъ и подрядчиковъ, перевалила и переваливаетъ въ свои карманы груды государственнаго золота. Знаютъ, чего сто́итъ это золото тѣ, что́ замерзали на Балканахъ, что по двѣ недѣли не имѣли сухарей даже подъ Плевною; знаютъ, наконецъ, тысячи семействъ тѣхъ погонщиковъ ,которые или сложили свои головы на чужбинѣ, или обнищалые вернулись домой. Развѣ все это въ порядкѣ вещей?.. Развѣ приличествуетъ героямъ, освободителямъ...

— Опять расходился! Да, ну-же, усни:

„Баю-баю, баю-баю,
Баю-баюшки-баю"!..

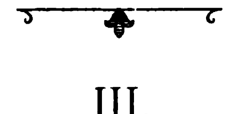
Уснулъ. И снится мнѣ, будто я русскій литераторъ. Грезится мнѣ: русскій литераторъ долженъ молчать, притворяться глухимъ и слѣпымъ; по указкѣ разсыпаться въ похвалахъ, приходить въ восторгъ и торжествовать, или разражаться поддѣльнымъ ужасомъ и негодованіемъ... Тогда всѣ двери ему раскрыты, онъ украшенъ, вознесенъ... Но горе ему, если въ немъ сохранилась хотя крупица божьей искры, если онъ не извратился нравственно, не торгуетъ своими убѣжденіями, если въ немъ не умерли, не забыты гражданскія чувства! Почему-же, зачѣмъ это? Открытаго, искренняго мнѣнія никто не можетъ бояться; ничего дурнаго оно причинить не можетъ. Если мнѣніе ошибочно, оно падетъ само собою; болѣе умные и вѣрные взгляды разоблачатъ его; если-же здравое, полезное—зачѣмъ таить его? „Если я сказалъ худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь меня"?.. Но грезится, что русскій литераторъ, оставшійся на дорогѣ искренности и чести, не утратившій вѣры, любящій истину,—окруженъ тысячью враговъ; тысячи змѣиныхъ жалъ терзаютъ его, копошатся со всѣхъ сторонъ, лишаютъ сна и покоя, изводятъ нервы, стараются зажать ротъ грязной клеветой, всевозможными обвиненіями... Грозятъ, преслѣдуютъ...

И жаръ все ростетъ и ростетъ, голова пылаетъ, какъ въ огнѣ, а няня тихо мурлычетъ свое:

„Баю-баю, баю-баю...

— Тише, замолчи, не то свезутъ тебя въ больницу— шепчетъ она.

9 апрѣля 1878 г.



III.

Письмо китайца.

(Къ преніямъ о самобытности).

Драгоцѣнный мой алмазъ, недостижимый и непостижимый Тьфу-Кинь!

Вотъ уже нѣсколько десятковъ дней и ночей, какъ мы достигли той преисподни, которая носитъ названіе Европы, а между тѣмъ только теперь собрался я писать къ тебѣ. Но здѣсь рѣшительно отсутствуетъ тотъ порядокъ, который позволяетъ каждому доброму чиновнику Небесной Имперіи рас-

полагать своимъ временемъ. Никакихъ церемоній, очень мало почтенія и какое-то легкое отношеніе даже къ павлиньимъ перьямъ! Представь себѣ, этотъ знакъ высшаго достоинства встрѣчается здѣсь на метелкахъ; имъ убираютъ дѣтскія и кучерскія шляпы и даже, постыдно сказать, воротнички женщинъ! Сначала я полагалъ, не сидятъ-ли на козлахъ мандарины, какъ на почетныхъ мѣстахъ, и не принадлежатъ-ли эти женщины къ ихъ семействамъ; но оказывается, что этотъ тупой народъ торгуетъ мандаринами въ фруктовыхъ лавкахъ! Они такъ неразвиты, что считаютъ за мандариновъ маленькіе апельсины... О, сколько палокъ и ударовъ по пятамъ нужно, чтобъ выбить подобныя заблужденія!

Пріѣхали мы въ Парижъ, въ городъ, который эти жалкіе люди называютъ столицею міра! Какая это столица—одинъ развратъ только! Прежде всего насъ, поразило отсутствіе всякаго правительства и полнѣйшая въ этомъ отношеніи разнузданность. Представь себѣ, что тутъ каждый разсуждаетъ о государственныхъ дѣлахъ, какъ будто-бы онъ былъ сановникомъ съ двумя шариками и самая приближенная особа къ сыну Неба. Недаромъ это безобразіе называется у нихъ „республикою“. Это означаетъ,—какъ перевелъ мнѣ одинъ русскій пріятель,—„рѣжь публику“; но зачѣмъ ее рѣзать—этого мой пріятель объяснить не могъ. Понятно, изъ такой страны я поспѣшилъ унести ноги.

Въ Берлинѣ гораздо болѣе порядка. Тутъ всѣмъ заправляетъ настоящій мандаринъ, съ тремя шишками. Власть его также важна, какъ нашихъ намѣстниковъ въ провинціяхъ. Разсказываютъ, будто этотъ мандаринъ сдѣланъ изъ желѣза. Кто ихъ разберетъ, можетъ быть, и правда! Эти плуты-европейцы способны поддѣлать и начальство. Если имъ не хватаетъ людей изъ плоти и крови, понятно, они станутъ ихъ дѣлать изъ желѣза. Впрочемъ, дѣлаемъ-же и мы боговъ изъ дерева! Желѣзный человѣкъ очень хитроуменъ. Народъ, надъ которымъ онъ властвуетъ, называется *нѣмцами*. Эти нѣмцы большіе добряки и мечтатели. Они напивались пивомъ, много ѣли картофеля и могли въ волю заниматься философіями, которыя пользуются у нихъ уваженіемъ не хуже, чѣмъ въ Китаѣ. Но они вздумали пожелать объединенія и политическаго могущества. Желѣзный человѣкъ создалъ имъ это объединеніе, но могущества не даетъ. Онъ подарилъ ихъ цѣлымъ рядомъ войнъ, унесшихъ сотни тысячъ жизней. Послѣ каждой войны, онъ все болѣе и болѣе подбиралъ возжи, и когда кончилась по-

слѣдняя война, бѣдные нѣмцы увидѣли, что, побѣждая другихъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, покоряли самихъ себя. Теперь желѣзный человѣкъ открыто уже объявилъ себя владыкой и требуетъ безпрекословнаго повиновенія отъ всѣхъ и каждаго, подъ страхомъ обвиненія врагомъ отчизны и объединенія. Это объединеніе, купленное цѣною крови и физическою силою, дорого обходится бѣднымъ нѣмцамъ. Истинные сыны Поднебесной Имперіи, смотря на все это, могутъ только порадоваться: всѣ эти жалкіе твари-европейцы познаютъ, что значитъ бунтовать противъ нашего Богдыхана!

Пріѣхали въ Петербургъ—столицу сосѣдней съ нами земли. Тутъ ужь сердцу и уму становится значительно легче. Россія очень любитъ чай и въ этомъ сказывается уже ея здравый смыслъ. Она вовсе не такъ далека отъ насъ, какъ это намъ казалось. Но все же у нея есть смѣшная дерзость считать себя выше Китая. Представь себѣ, она смѣетъ гордиться своимъ пространствомъ и хвастать милліонами своего народонаселенія! Чуть кто заикнется противъ этой болтовни, газетчики поднимаютъ такое хвастовство, что уши вянутъ. Если-бъ они знали, что въ Китаѣ, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ болѣе жителей, нежели въ Россіи, то, конечно, устыдились-бы и сознали-бы свое ничтожество передъ Китаемъ.

Существуетъ здѣсь особая порода людей, которые называютъ себя „истинно-русскими", въ отличіе отъ просто русскихъ. Каста-ли это такая или чинъ такой разобрать трудно; но понятія ихъ очень близки къ нашимъ, китайскимъ. Они то и дѣло кричатъ, что Россія *„не Европа"*, и что необходимо построить между ними и Европой стѣну въ родѣ нашей. Иначе они боятся, что народъ совратится въ европейцевъ и перестанетъ быть русскимъ. Эта боязнь называется у нихъ—„вѣрою въ творческія силы народа". Какъ видишь, совершенно по-китайски!

Собственно, народъ-то этотъ проявляетъ много чудачества. Въ древнія времена жилъ онъ малыми и большими общинами, управлялся народнымъ собраніемъ, которое носило варварское названіе: „вѣче" (отъ увѣчья); избирали князей, заключая съ ними договоры, именовавшіеся „рядомъ", или „порядомъ". Такой своевольный строй, конечно, былъ немыслимъ. Пришли татары, пріѣхали византійцы и положили конецъ безобразію. Подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ уничтожилось вѣче, а колокола, созывавшіе прежде въ народное собраніе, звонятъ съ тѣхъ поръ только для призыва на молитву, или въ случаѣ

пожара, или, наконецъ, по торжественнымъ днямъ: Обязанность такихъ колоколовъ съ удобствомъ исполняютъ и нѣкоторые газетчики, которымъ за это, должно быть, хорошее жалованье полагается. Что-же касается „ряда" или „поряда", то въ воспоминаніе о нихъ сохранилась только должность „подрядчика". Это особый разрядъ людей, которые умѣютъ сосать казну и доставлять выгоды мандаринамъ. Не мѣшало-бы и намъ завести такихъ подрядчиковъ. Хотя тутъ „новшество" заключается, но новшество, выгодное для блага Поднебесной и ея чиновниковъ.

Признаюсь, имѣя слабое представленіе объ этой странѣ, я полагалъ, что она предана произволу беззаконія. Представь-же себѣ мое изумленіе, когда мнѣ показали цѣлыя пóлки биткомъ набитыя законами. Если китайскій сводъ законовъ состоитъ изъ 48-ми большихъ томовъ, то я здѣсь насчиталъ не меньше, если не больше. Все по закону; на каждый случай—законъ; безъ закона ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы, а если иной разъ отвалится цѣлая коса, то все же по закону. Это очень хорошо; но изученіе всей этой массы законовъ должно быть не менѣе продолжительно, чѣмъ у насъ, въ Китаѣ, и также дорого достается пяткамъ бѣдныхъ чиновниковъ и ученыхъ.

Народъ, вообще, своеобразный. Вотъ уже тысячу лѣтъ, какъ у нихъ существуетъ поговорка: „земля наша велика и обильна, а порядка нѣтъ". Попробовали было завести какой-то куцый „порядокъ"—но и онъ оказался преждевременнымъ. Отложили на неопредѣленный срокъ. А если хочешь раздразнить русскаго, то только стоитъ произнести передъ нимъ два слова: „*правовой порядокъ*". Самые хладнокровные, услыша эти два слова, начинаютъ рычать и браниться. Кажется, подъ этимъ именемъ у нихъ разумѣется какое-то одуряющее курево, въ родѣ опіума, а можетъ и самое обидное ругательство.

Надо, однако, отдать и справедливость этой странѣ. Насколько возможно, она удержалась отъ тлетворнаго вліянія западной цивилизаціи. Я имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми мандаринами, которыхъ не стыдно было-бы назвать китайцами. Они понимаютъ, какой позоръ для каждаго истиннаго китайца заключается въ лакействѣ передъ общечеловѣческою наукою и Европой. Кому и какая выгода отъ этого? Гораздо плодотворнѣе лакействовать передъ старшимъ въ чинѣ. Эти мандарины очень хорошо понимаютъ, что ки-

тайская самобытность предпочтительнѣе легкомыленной, общечеловѣческой цивилизаціи. Сколько тысячелѣтій существуетъ Китай только потому, что собственнымъ умомъ до всего доходитъ и никакихъ чужихъ вразумленій знать не хочетъ. Правда, китайская почва здѣсь нѣсколько расшаталась, особенно въ послѣдніе вѣка. Мнѣнія разумныхъ и преданныхъ Китаю мандариновъ не всегда приводятся въ исполненіе. Такіе полезные, напримѣръ, проекты, какъ сжечь всѣ частныя книги, перенести въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста высшія учебныя заведенія и возвысить плату за ученье до размѣровъ контрибуцій, взимаемыхъ лицеемъ мандарина Каткова, всѣ эти проекты, направленные къ охраненію народа отъ несвойственныхъ ему знаній—до сихъ поръ не успѣли еще осуществиться.

Смѣло скажу тебѣ, мой любезный Тьфу-Кинь, что изъ всей взбунтовавшейся противъ насъ Европы, только одна Россія представляетъ еще нѣкоторые признаки раскаянія. Иные патріоты сильно уже возмущаются заимствованнымъ съ Запада обычаемъ писать слѣва направо и предлагаютъ писать сверху внизъ, какъ въ Китаѣ. Я полагаю, однако, что Китай не можетъ дозволить такого возвеличенія русской литературы. Пусть она попробуетъ пока писать снизу вверхъ. Это будетъ и самобытно и не такъ заносчиво. Еще недавно нѣкоторые, совращенные въ западничества, русскіе пробовали было увертываться отъ тѣлесныхъ наказаній. Но преданнымъ Китаю удалось подавить это опасное движеніе и удержать наши тысячелѣтніе способы ученья уму-разуму. Тутъ, правда, лѣса сильно порѣдѣли въ послѣднее время; но мы можемъ вывозить сюда бамбуковыя трости, вмѣстѣ съ чаемъ и чесунчей. Истинно говорю тебѣ: если Пекинъ не пожалѣетъ бамбука, весь гнилой Западъ, все это „европейничанье“ живо можно будетъ выбить изъ здѣшнихъ революціонныхъ пятъ. Пусть не бунтуютъ противъ Востока. Не скупитесь только на бамбукъ!

На-дняхъ, посѣтилъ одного знатнаго, хотя и не стоящаго у дѣлъ, мандарина. Самъ онъ, правда, въ европейскомъ домѣ живетъ и классическое воспитаніе проповѣдуетъ, но относительно народа самобытный духъ отъ него такъ и исходитъ! Что это, спрашиваю, у васъ за несообразность такая: старыя ваши Московія и Суздаль на одномъ основаніи живутъ, Малороссія—на другомъ, Западныя губерніи—на третьемъ, Кавказъ и Польша—на четвертомъ и пятомъ; есть страны орен-

бургскія и сѣверныя, которыя, такъ сказать, безъ всякаго основанія прозябаютъ, и развѣ только въ отдаленной Азіи, по окраинамъ Китая удержались исконныя, вполнѣ самобытныя условія общежитія? Какъ можно было допустить подобное безобразіе, такія отступленія отъ установленнаго и освященнаго вѣками образца? Вѣдь это не порядокъ, а какой-то вздоръ!

— Всему, говоритъ, виною эти два вѣка. Петровское вольномысліе попутало насъ; но свѣдущіе люди сознаютъ уже, что все сіе отъ Антихриста, то-есть дьявольское навожденіе. Впрочемъ, говоритъ, оно только по виду какъ-будто разнообразіе выходитъ, а на дѣлѣ, отступленій мало. Лучшіе, говоритъ, мандарины не забываютъ московской старины и дѣйствуютъ по завѣтамъ предковъ, какъ Богъ на душу положитъ, по своему высмотру, какъ будетъ пригоже.

— Ну, а это-же, какъ назвать—положеніе Финляндіи? Вѣдь она входитъ въ составъ вашей страны. Развѣ можно допускать подобный развратъ? А что вы сочинили для Болгаріи?

— Это, говоритъ, все „пошлый либерализмъ" такіе подрывы учиняетъ, распущенность наша виновата. Но, Богъ дастъ, все это исправится, съ возрожденіемъ твердой власти. Болгарію мы вырываемъ изъ своего сердца, за ея западническія, конституціонныя увлеченія, а что касается Финляндіи, то вѣдь, извѣстно, что въ ней шведы и чухны, которымъ до нашихъ самобытныхъ устоевъ далеко. Пусть ихъ гибнутъ отъ тлетворныхъ западническихъ блужданій. Бѣда невелика! Намъ-же просторнѣе станетъ.

Истиннымъ утѣшеніемъ для меня послужило увѣреніе того-же мандарина, что тутъ ужь окончательно порѣшено вернуться назадъ, домой.—Мы, говоритъ, сначала начнемъ. Полумѣры не помогутъ, съ корнемъ западничество вырвемъ. Будетъ, говоритъ, поиграли „въ европейцевъ", а теперь себя обрѣли, отрезвѣли. Нынче, говоритъ, конецъ петербургскому періоду, заложимъ это проклятое окно въ Европу. Нынче у насъ съ Сѣвера, да съ Востока вѣтеръ будетъ дуть. Это, говоритъ, суровый вѣтеръ, да за то свой, родной и здоровый. Такъ и говоритъ: суровый, но собственный и здоровый. Услыша такія рѣчи, я даже забылъ свое достоинство и сталъ вѣеромъ ему махать. Онъ такъ и растаялъ: всенижайше благодарю, говоритъ, роднымъ востокомъ запахло.

Оздоровительная задача облегчается тѣмъ, что особыхъ излишествъ по части ученья здѣсь нѣтъ. Подобно Китаю, въ этомъ отношеніи положены разумные предѣлы. Еще недавно, какъ передавали мнѣ, одинъ мандаринъ сильно настаивалъ на введеніи налога на иностранныя книги. Ихъ доступъ, конечно, и такъ стѣсненъ, но каждый пойметъ и оцѣнитъ разумность предложенія. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно облагать пошлинами вино, кофе и даже нашъ чай, а дѣлать льготу въ пользу какихъ-нибудь измышленій заграничныхъ писакъ, которые, вѣроятно, не въ состояніи выдержать экзамена даже на званіе писца третьяго разряда, не говоря ужь о высокомъ санѣ мандарина!

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ газетчиковъ народъ толковый. Они, знаютъ къ кому надо подслужиться, и что льстивое слово серебро, а молчаніе золото. Исконное ихъ начало: не мыслить и не разсуждать, особенно о внутреннихъ дѣлахъ, и сора изъ избы не выносить. Все это не требуетъ доказательствъ для каждаго истиннаго китайца.

Объ иностранной политикѣ полагается здѣсь разсуждать лишь въ смыслѣ искорененія заграничныхъ „бунтовщиковъ", но никакъ не иначе. Пріятно видѣть, какое широкое распространеніе получаютъ китайскіе взгляды и обычаи!

Я хотѣлъ уже съ тобою распроститься, непостижимый Тфу-Кинь! какъ вспомнилъ твое порученіе. Я пріискивалъ здѣсь монументныхъ дѣлъ мастера, который съумѣлъ-бы отлить памятникъ милліоннолѣтія Китая, въ знакъ его неувядаемой молодости. Надѣюсь, это удастся. Здѣсь поставленъ памятникъ тысячелѣтнему младенчеству! Этимъ *младенчествомъ* очень гордятся и на немъ основано похвальное правило, что торопиться некуда, все успѣется со временемъ, а для тысячелѣтнихъ младенцевъ надо лишь запасать поболѣе пеленокъ и свивальниковъ. Всѣмъ здѣсь внушено повторять на всѣ лады: „мы молоды, мы не дозрѣли"!

Не станемъ, однако, забывать, что по внѣшнему облику все это тѣ-же „европейскіе черти" и имъ никогда не достигнуть благополучія и „золотой средины" сыновъ Неба.

Подписано: Мандаринъ съ тремя шариками

14-го января 1879 года. *Авось-чу-Хунъ.* *).

*) Фельетонъ этотъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, былъ прочитанъ на „литературной бесѣдѣ", Въ Петербургѣ, 20 февраля 1882 года.

IV.

Насъ возвышающій обманъ.

(По поводу стихотворенія Пушкина „Герой".

У всѣхъ образованныхъ народовъ, имѣющихъ богатую литературу, существуютъ особыя общества, для уразумѣнія и чествованія великихъ писателей; для распространенія ихъ произведеній. Мы имѣемъ великихъ писателей, но мало цѣнимъ и мало знаемъ ихъ. Мы дѣлаемъ недоступными для народа и даже скрываемъ отъ него умственныя богатства, порожденныя его геніемъ, точно также, какъ невѣжество и безпечность укрываютъ отъ насъ тѣ матеріальныя блага, которыя нетронутыми лежатъ еще въ нѣдрахъ русской земли. Мы едва не предали вандальскому забвенію Пушкина, этого геніальнѣйшаго выразителя русской умственной жизни, занимающаго блестящее мѣсто во всемірной литературѣ. Только открытіе памятника великому поэту въ 1880 году напомнило намъ объ этомъ утраченномъ было или почти заброшенномъ умственномъ богатствѣ. Многое изъ того, что высказывалось о произведеніяхъ и взглядахъ Пушкина, показываетъ, что онъ плохо изучается, особенно молодыми поколѣніями. Къ числу невѣрно понимаемыхъ произведеній принадлежитъ, между прочимъ, и стихотвореніе „Герой".

Въ этомъ произведеніи поэтъ проявляетъ замѣчательную самостоятельность. Онъ не идетъ за толпой, которая или преклонялась передъ военнымъ геніемъ и властителемъ Наполеономъ, или поносила его, какъ изверга, антихриста и колебателя троновъ. Онъ не раздѣляетъ раболѣпства первыхъ и не присоединяется къ ослѣпленной ненависти вторыхъ. Онъ видитъ въ Наполеонѣ героя и бойца, выдвинутаго великой эпохой обновленія, народнаго богатыря, „вольностью вѣнчаннаго", вопреки отжившему и рабскому строю жизни. Но въ то же время, величіе этого героя поэтъ усматриваетъ не на поляхъ кровавыхъ битвъ, не въ диктаторской его власти, когда созданный свободою Наполеонъ осмѣлился наложить на эту свободу свою руку и въ этомъ отступничествѣ нашелъ свою гибель. Поэтъ восхищается этимъ героемъ, когда въ немъ сказываются *человѣчность, доброе сердце* и мужественная рѣшимость протянуть руку помощи страждущимъ, пораженнымъ чумною заразою.

Нѣтъ, не у счастья на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,

Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою,
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,—
Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость.—Небесами
Клянусь: кто жизнею своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

И когда скептицизмъ, въ лицѣ современнаго историка, опровергаетъ этотъ фактъ и подвергаетъ сомнѣнію этотъ подвигъ, поэтъ съ негодованіемъ восклицаетъ:

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что-же
Онъ будетъ безъ него?—тиранъ!

Вотъ это-то упорство поэта остаться лучше съ „насъ возвышающимъ обманомъ", нежели съ „тьмою низкихъ истинъ", эта его мольба—„оставь герою сердце"!—подвергались не разъ самому неправильному толкованію. Подъ давленіемъ благихъ, но преходящихъ цѣлей, не замѣчали высокой мысли, сказывающейся въ этихъ заключительныхъ строфахъ стихотворенія „Герой". Между тѣмъ мысль поэта ясна, какъ кристаллъ, и доступна, какъ всякая истина. Поэтъ не можетъ понять народнаго героя *безъ сердца* и готовности мужественно явиться на помощь ко всѣмъ страждущимъ, всѣми оставленнымъ. Если исторія докажетъ, что извѣстная личность не подходитъ подъ этотъ

идеалъ, поэтъ только отвернется отъ того, кого толпа называетъ великимъ, но останется съ „насъ возвышающимъ обманомъ“, не измѣнитъ своего представленія объ истинномъ героизмѣ. Только односторонность можетъ заподозрить, будто поэтъ *боится истины* и предпочитаетъ ложь и обманъ, какъ предпочитаютъ ихъ многіе, кому выгодно прикрывать своекорыстныя дѣлишки и морочить народъ или сильныхъ міра сего. Напротивъ, именно ради вѣчной, неизмѣнной истины и говоритъ поэтъ о „насъ возвышающемъ обманѣ“. Это тотъ „обманъ“, во имя котораго движется человѣчество и совершается все великое; это тѣ идеалы, которыхъ добивается человѣчество, съ перваго дня своего созданія, и вѣритъ, что общее благо впереди и вполнѣ достижимо усиліями и подвигами честныхъ людей.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, за границею издана была книжка, въ которой „посредственность хладная“ пыталась разоблачить тѣ „возвышающіе обманы“, съ которыми не хочетъ разставаться человѣчество, жаждущее жизни и добра. Книжка эта опровергала извѣстный эпизодъ, во время предсмертной агоніи величайшаго нѣмецкаго поэта, который произнесъ: „свѣту, свѣту“! Разоблачитель „низкихъ истинъ“ увѣрялъ, будто поэта просто безпокоила сальная свѣча, и что почитатели его придали какое-то особое, символическое значеніе простой и весьма понятной у умирающаго просьбѣ— удалить свѣтъ отъ глазъ, безпокоющій всякаго больного. Но человѣчество не хочетъ знать этой „низкой истины“ и вѣритъ, что великій поэтъ, въ послѣднія минуты свои, говорилъ не о сальной свѣчѣ, а взывалъ къ *свѣту*, къ тому *свѣту*, который разсѣеваетъ невѣжественную тьму и котораго такъ недоставало въ то время его народу. Вотъ подобный „насъ возвышающій обманъ“ и усматривалъ въ своемъ „героѣ“ Пушкинъ, предпочитая его „тьмѣ низкихъ истинъ“. Это былъ только поэтическій откликъ на міровую, вѣчную истину, которая не утрачиваетъ цѣны, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нею расходится горькая дѣйствительность.

Извѣстно, что за нѣсколько минутъ до своей кончины, Пушкинъ протянулъ руку къ Далю и, пожимая ее, произнесъ: „Ну, подымай-же меня, пойдемъ, да *выше, выше*... Ну, пойдемъ“! И, очнувшись, продолжалъ: „Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобою лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! Высоко“... Послѣдними словами Пушкина были: „Тяжело дышать, давитъ“.

И тутъ могутъ найтись любители „низкихъ истинъ“, которые, при помощи „врачебной прозы“, позаботятся объяснить намъ, что умирающему человѣку всегда тяжело дышать и что нѣтъ ничего страннаго, если въ предсмертномъ забытьи людямъ чудится, что они лѣзутъ вверхъ, по книжнымъ полкамъ. При здравомъ-де умѣ и твердой памяти ничего подобнаго не бываетъ!.. Трезвенные обыватели, какъ извѣстно, все низводятъ къ свойственной имъ пошлости и низинѣ. Но мы предпочтемъ остаться при „насъ возвышающемъ обманѣ“. Наше сердце и здравый умъ отказываются признать, чтобъ всѣ люди, великіе и низкіе, одинаково умирали, обращались въ однородный физіологическій и психическій матеріалъ въ послѣднія минуты своей жизни. И эта догадка не такъ далека отъ истины, какъ это можетъ казаться при узкомъ, поверхностномъ взглядѣ. Логика на ея сторонѣ. Владѣтелю гласной кассы ссудъ или интендантскому чиновнику не почудится, что они подымаются все выше и выше по книжнымъ полкамъ. Имъ пригрезятся высокіе проценты и выгодныя поставки. Продажному журналисту предсмертная агонія посулитъ можетъ быть крупную субсидію, или его развращенное при жизни воображеніе создастъ призракъ, обѣщающій запрещеніе всѣхъ газетъ, кромѣ его собственнаго, подкупнаго изданія. Но великому поэту свойственно взывать и въ послѣднюю минуту къ тому *свѣту*, которому онъ служилъ во всю свою жизнь; ему естественно и въ предсмертномъ словѣ, „хладѣющими устами“—выразить горячую вѣру, что идеи и творенія его проложатъ пути къ народному сознанію, подымутся до той высоты, съ которой онѣ будутъ видны и доступны всѣмъ и каждому. Если жизнь даже великаго русскаго писателя проходитъ въ тяжелыхъ, подавляющихъ условіяхъ, то вовсе не странно, что послѣдняя жалоба, послѣдній стонъ преждевременно погибшаго Пушкина выражались въ словахъ: „тяжело дышать, давитъ“.

И мы не разстанемся съ подобными „насъ возвышающими обманами“. Мы видимъ, что предсмертная греза Пушкина уже осуществилась. Изображеніе великаго поэта стоитъ высоко на одной изъ площадей Москвы, а грубыя ничтожества, стоявшія на его дорогѣ, урѣзывавшія его творчество, отравлявшія его жизнь, лишавшія русскій народъ самыхъ величайшихъ произведеній пушкинской музы, — подавлены общимъ презрѣніемъ, исчезли въ рѣкѣ забвенія. И этотъ „насъ возвышающій обманъ“ даетъ нравственную силу, под-

держиваетъ убѣжденіе, что настанетъ время, когда невѣжество и насилія будутъ побѣждены, что исчезнутъ всевозможные недруги русскаго просвѣщенія, что русская литература не заглохнетъ, не свернетъ съ общечеловѣческой, свѣтлой и правдолюбивой дороги. Она станетъ подыматься все *выше* и *выше*, вмѣстѣ съ своимъ Пушкинымъ, какъ и провидѣлъ это поэтъ въ своихъ предсмертныхъ словахъ, вмѣстѣ, съ Гоголемъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ, Некрасовымъ, вмѣстѣ съ современнымъ „великимъ писателемъ земли Русской“ и другими славными литературными подвижниками, которыхъ рано или поздно узнаетъ и оцѣнитъ русскій народъ. Настанетъ время, когда и честному русскому писателю будетъ „легко дышать“ и никто не будетъ его „давить“.

1880 г.

V.

На полѣ сраженія.

Во вторникъ, 29-го ноября, на плевненскихъ высотахъ, происходилъ благодарственный молебенъ по случаю паденія Плевны и взятія въ плѣнъ арміи Османъ-паши. По окончаніи молебствія, всѣ отправились въ Плевну, гдѣ, въ одномъ изъ лучшихъ болгарскихъ домовъ, приготовленъ былъ завтракъ. Завтракали, конечно, не всѣ; молодежь—молодежь по лѣтамъ и молодежь по положенію—оставалась на дворѣ или на улицѣ, не слѣзая съ лошадей; жидкая грязь, щедро затоплявшая плевненскія улицы, удерживала въ сѣдлѣ, хотя многіе сдѣлали уже въ это утро болѣе 20 верстъ. Маркитанты не догадались пріѣхать, у братушекъ невозможно было добыть и кусочка хлѣба; у нѣкоторыхъ истощился даже запасъ папиросъ. Знакомые и незнакомые дѣлились, чѣмъ Богъ послалъ.

Закуривъ послѣднюю сигару, я пробрался сквозь ряды конвойныхъ казаковъ и поѣхалъ по направленію къ Виду. Небольшой переулокъ скоро привелъ меня на главную улицу Плевны, сравнительно широкую и правильную. По обѣимъ сторонамъ, почти непрерывно, тянулись лавки, большею частью деревянныя. Лавки эти свидѣтельствовали, что въ Плевнѣ была довольно развита торговля; но теперь онѣ, большею частью, были заперты, а открытыя нѣмы и пусты, точно

въ вымершемъ городѣ. Слѣдовъ разоренія или грабежа нигдѣ не замѣчалось, какъ и во всей болгарской части города. Только опустѣлые турецкіе или казенные дома бросались въ глаза своими разбитыми окнами и выбитыми дверьми, да и то не всѣ. Налѣво, у мостика черезъ небольшой, мутный ручеекъ, виднѣлся совершенно уцѣлѣвшій, довольно большой каменный домъ, съ затѣйливою вывѣскою. Послѣ, я входилъ въ этотъ домъ; около него наши солдаты сносили турецкія ружья. Несмотря на мертвенную, запустѣлую обстановку главной улицы, она теперь была оживлена. Почти непрерывными рядами, шлепая въ грязи, тянулись по ней плѣнные турки. Большею частью это были больные или раненные. Нѣкоторые брели, опираясь на палки, согнувшись въ три погибели; у кого обвязана голова, у кого рука на перевязи. Одинъ турокъ, съ распухшею, обмотанною всякимъ тряпьемъ ногою, остановился и что-то бормочетъ мнѣ, жалобно указывая на больную ногу; жестами, какъ могу, объясняю, что ему помогутъ, что ихъ ведутъ къ врачамъ. Ихъ, дѣйствительно, переводили съ поля сраженія, чтобъ оказать врачебную помощь. Посреди улицы, прыгая по камнямъ, далеко разнося брызги жидкой грязи, тащатся повозки. На нихъ кое-какъ размѣщены тяжело-раненные. Тутъ уже чаще попадаются окрававленныя, искаженныя болью, посинѣлыя лица. Тупые, безжизненные глаза установились въ одинъ предметъ, не выражая даже страданія, точно стеклянные. Невольно веселье сходитъ съ лица, невольно умѣряется радость побѣды, при видѣ этой картины человѣческихъ мученій, этихъ послѣдствій войны... Турокъ, говорятъ, въ послѣднемъ сраженіи выбыло изъ строя не менѣе шести тысячъ; да и не можетъ быть меньше, когда у насъ убито и ранено до 2,000 человѣкъ.

Когда въ людяхъ возбуждается жалость или заговариваетъ совѣсть, а между тѣмъ нѣтъ возможности или охоты поправить дѣло, они обыкновенно, начинаютъ увѣрять себя, что все это пустяки, излишняя сантиментальность и изнѣженность, или, еще проще, спѣшатъ удалиться подальше отъ предмета, наведшаго на нихъ сомнѣніе. Я сдѣлалъ и то, и другое, при видѣ раненныхъ, безпомощныхъ турокъ. „Что, думаю себѣ, османы, задали вамъ! Сколько вы нашихъ перебили, на себѣ теперь примѣряйте!" И, вмѣстѣ съ тѣмъ, скорѣе, на сколько можно было въ грязи и тѣснотѣ, погоняю своего коня. Вотъ, наконецъ, кончилось печальное шест-

віе; всѣхъ провезли, всѣ прошли. Переѣзжаю мостикъ и выѣзжаю на шоссе. Это было начало софійскаго шоссе. Пролегая по глубокой, довольно широкой ложбинѣ, между двухъ вызвышенностей, у подошвы лѣвыхъ высотъ, оно представлялось въ совершенно новомъ, исправномъ видѣ: гладко, ни грязи, ни пыли. Недѣлю спустя, мнѣ опять случилось проѣзжать по этому-же шоссе и оно уже было въ глубокихъ выбоинахъ, колеса грузли въ густой грязи, перемѣшанной съ щебнемъ, лошади едва тащили. Это выпалъ снѣгъ и проѣхали многочисленные обозы и парки. Непрочный, мягкій камень шоссе быстро исчезъ съ поверхности, легкая настилка не выдержала войсковыхъ тяжестей и безостановочнаго движенія. Но теперь шоссе было въ отличномъ видѣ. Сама лошадь почувствовала это и безъ особаго побужденія перемѣнила шагъ на крупную рысь. Ко мнѣ присоединились нѣсколько офицеровъ, и мы пустились впередъ, чтобъ посмотрѣть на поле сраженія.

Едва выѣхали мы изъ Плевны, какъ очутились среди громадной толпы, точно въ день базара, въ многолюдномъ городѣ. Направо, на лугу, на большомъ пространствѣ, виднѣлось значительное число повозокъ, съ распряженными волами. Повозки эти густо стояли одна у другой и мнѣ казалось, что ихъ нѣсколько сотъ. Около нихъ сидѣли, толпились и шатались турки; кое-гдѣ дымились костры. Многія повозки имѣли крышку изъ полотна, какъ на кибиткахъ, и внутри ихъ можно было видѣть всякій домашній скарбъ и недвижно сидящихъ турчанокъ, съ закрытыми бѣлыми платками лицами, такъ что свободною оставалась только узенькая полоска около глазъ. Некрасиво и неопрятно: мнѣ вспомнились нищія, у которыхъ провалился носъ и которыя завѣшиваютъ нижнюю часть лица тряпками. У многихъ женщинъ на рукахъ были дѣти; болѣе взрослые турченята сидѣли возлѣ матерей или торчали у колесъ тѣлегъ. Одурѣлыми, боязливыми глазенками провожали несчастныя дѣти каждаго солдата, казака или проѣзжаго офицера. Очевидно, ихъ напугали русскими. Нѣкоторыя дѣти были плохо одѣты и дрожали отъ холода, топчась босыми ножками въ грязи. Опять пришлось мнѣ понукать свою лошадь.

Мнѣ объяснили, что это турецкое населеніе Плевны. Опасаясь насилій и грабежей, не столько отъ русскихъ, сколько отъ болгаръ, турки бросали свои дома, забрали, что могли, на повозки и двинулись за арміей Османа-паши. Скучившись,

перепуганные, они не смѣли теперь вернуться назадъ, а дорога впереди была преграждена. Видя это множество повозокъ, изъ которыхъ каждая имѣла не менѣе пары воловъ, можно было заключить, что жизненные припасы въ Плевнѣ еще не были истощены до конца. По поводу этихъ переселенцевъ, кто-то выпустилъ басню, будто Османъ-паша самъ приказалъ имъ двинуться и во время нападенія на этропольскія позиціи выслалъ эти повозки впередъ и расположилъ ихъ частью на своихъ флангахъ, создавъ такимъ образомъ подвижное прикрытіе для своихъ войскъ отъ русскихъ пуль. Курьезнѣе всего, что нѣкоторые охотники вѣрятъ этой сказкѣ, а одинъ даже замѣтилъ, по этому поводу, съ тономъ авторитета, что въ этой мѣрѣ проявилась „новая тактическая ловкость“ турецкаго главнокомандующаго. Желалъ-бы я видѣть наступленіе арміи, желающей пробиться, съ обозами впереди и по бокамъ! Сколько извѣстно, турецкое населеніе Плевны не вернулось назадъ; ему дана была возможность двинуться, куда оно хотѣло, какъ только удостовѣрились, что между переселенцами нѣтъ военно-плѣнныхъ и военнаго обоза. Насколько я могъ узнать, администрація князя Черкасскаго поощряетъ эти выселенія на томъ основаніи, что больше свободы и простора остается для устройства быта болгаръ. Я еще очень недавно здѣсь и не могу судить вѣрно; но по первымъ впечатлѣніямъ мнѣ кажется, что желательнѣе всего было-бы, чтобъ наша гражданская администрація не слишкомъ усердствовала по части „устройства быта“. Болгарскій бытъ,—по крайней мѣрѣ въ экономическомъ отношеніи, представляется во многихъ случаяхъ лучше того, который господа Черкасскіе устроили въ Россіи.

По лѣвой сторонѣ шоссе, въ гору, и далѣе за повозками, на равнинѣ, идущей къ Виду, насколько могъ охватить глазъ, виднѣлись толпы плѣнныхъ турокъ. Солдаты, бросившіе оружіе и попавшіе въ плѣнъ, мигомъ теряютъ воинственный видъ. Это не армія, а сбродъ безпорядочно одѣтыхъ, не знающихъ, что съ собою дѣлать, людей. Первою мыслью у каждаго—устроиться гдѣ-нибудь поудобнѣе, одѣться потеплѣе; у кого шапки нѣтъ, у кого шинель пропала во время сраженія. Все это ведетъ къ тому, что военная одежда быстро теряетъ свой видъ, военная выправка исчезаетъ; вмѣсто обычнаго однообразія, свойственнаго внѣшности военныхъ частей, вы видите пеструю толпу случайно смѣшанныхъ и какъ попало одѣтыхъ людей, разныхъ полковъ, всевозмож-

ныхъ оружій. Выраженіе по большей части лицъ печальное, угнетенное, недоумѣвающее; они истомлены физически и нравственно, плохо отдохнули, плохо накормлены; а между тѣмъ, разставленная вокругъ цѣпь часовыхъ ежеминутно напоминаетъ о лишеніи свободы, о предстоящемъ движеніи на чужбину, объ оставленномъ родномъ кровѣ и неизвѣстномъ положеніи семьи. Большинство плѣнныхъ лежитъ или сидитъ, гдѣ ни попало; иные недвижно стоятъ, задумчиво поглядывая вокругъ. Глядя на этихъ людей, трудно повѣрить, что еще вчера, стройными рядами, воодушевленные примѣромъ начальниковъ и предшествовавшими успѣхали, они храбро, съ воинственными криками, лѣзли на наши укрѣпленія и ожесточенно дрались на батареяхъ и въ траншеяхъ.

Проѣзжая мимо этихъ плѣнныхъ, я почти не замѣчалъ стражи. Рѣдкою цѣпью наши гренадеры сторожили свою вчерашнюю добычу. На самомъ шоссе бросалась въ глаза своею оживленностью довольно большая группа людей. Тутъ виднѣлись турки, лошади, казаки и офицеры. Подъѣхавъ, я убѣдился, что образовалось дѣйствительно нѣчто въ родѣ базара. Плѣнные, болѣе обезпеченные, продавали кое-что изъ своихъ вещей, а также лошадей, ословъ. Я не видѣлъ хорошихъ лошадей, мнѣ казались онѣ малыми и истощенными; но впослѣдствіи мнѣ говорили, что нѣкоторымъ удалось за безцѣнокъ купить очень порядочныхъ, даже арабской породы, коней. Откуда-то, какъ изъ земли, выросли евреи, должно быть изъ числа маркитантовъ. Ужь безъ сомнѣнія они не бездѣйствовали: покупали пояса, ковры, мѣдную посуду, мундштуки, старое оружіе. Многіе и новымъ не брезгали и особенно усердно таскали съ поля сраженія ружья Пибоди-Мартини и магазинные, кавалерійскіе карабины. Магазинныхъ ружей было очень много и они сразу поднялись въ цѣнѣ; ружье-же Пибоди-Мартини можно купить за рубль, даже добыть даромъ, если не полѣниться съѣздить на поле битвы. Тогда еще не успѣли привести въ порядокъ военную добычу. Мнѣ самому хотѣлось пріобрѣсти на память турецкое ружье, но я не рѣшился участвовать въ этомъ, казалось-бы, незаконномъ захватѣ.

Почти противъ импровизированнаго торжища, на которомъ и побѣдители, и побѣжденные слились въ одномъ чувствѣ мелкаго выигрыша и стяжанія, виднѣлась значительная часть румынской пѣхоты. Мнѣ еще не случалось видѣть большія массы румынскихъ регулярныхъ войскъ и потому я

повернулъ коня, чтобъ поглядѣть на нихъ и узнать, что они тутъ дѣлаютъ. Подъѣхавъ ближе, я увидѣлъ, что румыны сомкнутымъ фронтомъ, въ два ряда, окружаютъ часть турецкихъ плѣнныхъ; въ одномъ только мѣстѣ оставленъ былъ небольшой промежутокъ, въ видѣ воротъ, въ который то и дѣло въѣзжали и выѣзжали любопытные изъ нашего и румынскаго лагерей. Мнѣ показалось страннымъ, что румыны такъ усердно охраняютъ плѣнныхъ, тогда какъ у насъ считается вполнѣ достаточнымъ только стражи, разставленной въ видѣ цѣпи. Въ это время одинъ турокъ, прокравшись, незамѣтно, между лошадьми зрителей, побѣжалъ къ группѣ плѣнныхъ, находившихся за линіей румынской охраны, то-есть подъ стражею нашихъ гренадеръ. На бѣду турка, маневръ его былъ замѣченъ; румыны сторожили зорко. Немедленно три солдата бросились на бѣднягу и пинками, и толчками стали гнать его назадъ. Турокъ и жестами, и словами старается объяснить, что онъ не думалъ бѣжать, что онъ хотѣлъ только перейти къ другой, русской части плѣнныхъ, гдѣ быть можетъ ему казалось лучше или были его знакомые, родные; но румыны остались неумолимы и загнали-таки турка въ свой заколдованный кругъ.

— Не все-ли имъ равно, гдѣ будетъ этотъ турокъ, у насъ или у нихъ? спросилъ я одного изъ нашихъ офицеровъ.

— Вотъ подите-же!.. Отдѣлили на ихъ долю тысячъ девять или десять плѣнныхъ, такъ они дрожатъ надъ ними какъ ростовщики! Ну ужь народецъ!..

И офицеръ, какъ-бы въ поясненіе своего негодованія, разсказалъ мнѣ, что вчера, въ день паденія Плевны, румыны стали вывозить уже пушки, изъ занятыхъ безъ боя турецкихъ укрѣпленій, а ворвавшись въ Плевну, въ тылу турецкой арміи, принялись грабить и захватывать, что ни попадется подъ руку.

— Сочинили будто они отбили турецкую армію и взяли въ плѣнъ Османа, да еще и пушками, на дурничку, хотѣли поживиться!—добавилъ офицеръ.

Отъ вполнѣ достовѣрныхъ лицъ я слышалъ, впослѣдствіи, полное подтвержденіе словъ офицера. Великій князь главнокомандующій самъ замѣтилъ румынскіе порывы къ захватамъ и принялъ даже личное участіе въ прекращеніи безпорядка. Самовольно захваченныя пушки были вытребованы назадъ, впредь до законнаго дѣлежа военной добычи. Къ румынамъ вообще отнеслись внимательно и надѣлили

ихъ трофеями и военною добычею щедро. Сообразно числу войскъ ихъ и нашихъ подъ Плевной, имъ досталась, кажется, четвертая доля плѣнныхъ, орудій, ружей и проч. Захватывать и своевольничать, слѣдовательно, не было надобности. Справедливость требуетъ замѣтить, впрочемъ, что всѣ эти неловкости молодой, румынской арміи произошли помимо князя Карла и встрѣтили въ лицѣ его энергическаго противника, какъ только онъ о нихъ узналъ. Вообще, нельзя сказать, чтобъ между нашими и румынскими войсками господствовали симпатіи. Румыны слишкомъ дерутъ носъ, черезчуръ много приписываютъ себѣ, не останавливаясь даже предъ сочиненіемъ небывалыхъ побѣдъ и подвиговъ. Въ день паденія Плевны, они не прозѣвали оставленныхъ турками редутовъ, совершенно во время заняли Опонецъ, проникли въ Плевну и, вообще, кстати появились на правомъ флангѣ и въ тылу турокъ; но это могло только содѣйствовать общему успѣху дѣла, сущность котораго рѣшена нашими гренадерами. На-нашихъ гренадеръ выпала вся тяжесть геройской попытки Османа пробиться; имъ-же должна принадлежать и главнѣйшая честь отраженія этой попытки. Румыны потеряли въ этотъ день не болѣе 20 человѣкъ; у насъ убыло въ *сто разъ* болѣе, въ томъ числѣ болѣе 50 офицеровъ. Между тѣмъ румыны держали себя такъ, какъ будто они все сдѣлали; они пустили въ ходъ ложную молву, будто „русскіе прозѣвали" и вдобавокъ изобрѣли небывалую сцену сдачи Османа-паши князю Карлу. Впослѣдствіи, я видѣлъ даже картины, изображающія фантастическій моментъ „врученія шпаги": повсюду румыны, скачетъ князь Карлъ, а Османъ-паша жалобно протягиваетъ ему громаднѣйшій мечъ; размѣрами этого меча художникъ, очевидно, хотѣлъ оцѣнить величіе подвига румынской арміи. По счастью, въ Румыніи нѣтъ цензуры, а потому подобныя изданія не могутъ ложиться пятномъ ни на правительство, ни на армію, составляя личное дѣло ихъ автора и тѣхъ, кому будетъ угодно ему вѣрить. Какъ бы ни было, подобные случаи самохвальства и надменности вызываютъ или насмѣшки, или даже нѣкоторое раздраженіе, о чемъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ пожалѣть. Каждый русскій готовъ отдать должную дань уваженія румынской арміи и отнестись съ особымъ сочувствіемъ къ нынѣшнему, либеральному правительству Румыніи, не задумавшемуся присоединиться къ намъ въ самый критическій моментъ войны, гораздо ранѣе рѣшительныхъ успѣховъ; но не нужно

же и румынамъ ослаблять эти чувства излишними преувеличеніями и надменными выдумками.

Оставивъ румынъ сторожить доставшуюся имъ добычу, я опять выѣхалъ на шоссе. Скоро плѣнные остались назади. На встрѣчу часто попадались всадники и почти у каждаго изъ нихъ было по турецкому ружью за спиною. Нѣкоторые румынскіе калараши везли даже по два—по три ружья. Все свидѣтельствовало, что мѣсто вчерашняго побоища уже близко. Чаще и чаще стали попадаться разбросанные патроны, сумки, ружья. Вотъ, наконецъ, цѣлыя кучи всевозможныхъ воинскихъ доспѣховъ; ихъ сносятъ уже къ шоссе и кое-гдѣ разставлены часовые. Налѣво, у самой дороги, все тянутся высоты, а съ правой стороны разстилается довольно ровное низменное мѣсто, до подошвы противоположныхъ возвышенностей, на которыхъ виднѣется, между прочимъ, Опонецъ, крайній сѣверный редутъ бывшей турецкой оборонительной линіи. Вотъ, наконецъ, цѣлыя массы ружей всевозможныхъ сортовъ; многія изъ нихъ поломаны; все поле усѣяно разнымъ тряпьемъ, кусками кожи, грязными фесками, опять патронами и опять ружьями; кое-гдѣ торчатъ уединенно коричневые, раскрытые или поломанные артиллерійскіе ящики: валяются убитые или просто павшія лошади. Тутъ турецкая армія была обезоружена. Обычнаго церемоніала не было. Турки бросили ружья тамъ, гдѣ стояли, какъ попало. Много ружей брошено въ Видъ, много изломано. Это можетъ свидѣтельствовать о тѣхъ чувствахъ, которыя еще воодушевляли турецкую армію въ моментъ сдачи: „мнѣ пришлось идти въ плѣнъ, такъ не доставайся-же хоть ты, мое ружье, непріятелю“!

И турки уничтожили, по возможности, добычу побѣдителей. Замѣчательно, что съ бою взято было только одно, большое зеленое знамя, съ которымъ турки пробовали пробиться. Затѣмъ достался намъ кавалерійскій значекъ, а черезъ нѣсколько дней отъискали красное съ золотою луною знамя. Всѣ-же остальныя знамена турки очевидно уничтожили въ день сдачи или припрятали заранѣ. Говорятъ, что они и пушекъ много зарыли. По крайней мѣрѣ, никто не вѣритъ, чтобъ Плевна оборонялась только 77 орудіями, которыя оказались у непріятеля послѣ 28-го ноября. Впрочемъ, главную защиту турки имѣли нестолько въ орудіяхъ, сколько въ своихъ окопахъ и ружьѣ. Ружейный, а не артиллерійскій огонь обратилъ Плевну въ крѣпость. Между отобранными у плѣнныхъ ружьями далеко не всѣ, однако, были системы

Пободи-Мартини; я видѣлъ много ружей Снейдера и даже Крынка.

Проѣзжая далѣе, я взъѣхалъ на батарею, которую турки устроили на самомъ шоссе. Она была на четыре орудія и дѣйствовала по переправѣ черезъ Видъ, который виднѣлся въ двухстахъ саженяхъ. Теперь орудія были вытянуты, изъ амбразуръ и около нихъ стояли наши часовые. За батареей бросались въ глаза наглядные признаки вчерашней драмы. Вотъ у самаго шоссе, возлѣ убитой лошади лежитъ что-то. Мы подъѣхали. Лицомъ вверхъ, посинѣлый, съ сжатыми кулаками, недвижно лежитъ турокъ. Рука мародера стащила широкій поясъ, составляющій существенную часть одежды каждаго турка, и обнажила животъ. Глаза полуоткрыты, бѣлые зубы непріятно скалятся изъ рта, босыя ноги раскинуты врозь. „Какъ ему холодно“, подумалось мнѣ.

— Гдѣ-же рана? тихо спросилъ кто-то.

А вотъ рана, вотъ, маленькое, полузакрытое побагровѣвшею кожей отверстіе подъ глазомъ, на щекѣ.

— Въ голову, насквозь попало! замѣтилъ подбиравшій неподалеку ружья гренадеръ.

„Въ голову, насквозь попало“, и недвижно лежитъ то, что было человѣкомъ, въ грязи лежитъ, изуродованное, обезображенное, и напрасно тамъ, на родинѣ, мать будетъ ждать своего сына, и тщетно жена станетъ выглядывать на дорогу, не ѣдитъ-ли ея милый, и нечѣмъ ей будетъ унять дѣтей, когда съ плачемъ станутъ они спрашивать, гдѣ ихъ отецъ! И опять поскорѣе, своротилъ я коня и опять подумалъ, а сколько нашихъ легло у Этрополя, гдѣ было главное побоище!

Налѣво, на возвышенности и у самаго шоссе виднѣлись землянки бывшаго турецкаго бивуака. Убитые попадались тутъ чаще и чаще; ихъ было много у самаго берега Вида. Это послѣднія жертвы вчерашняго дня, они погибли передъ самой сдачей: они пали для того, чтобъ убѣдить живыхъ, что дальнѣйшее сопротивленіе немыслимо, что участь Плевны и ея арміи рѣшена. Землянки около шоссе не пусты; онѣ тѣсно заняты ранеными турками, которыхъ не успѣли еще вынести. Изъ глубины раздаются стоны, протягиваются руки. Одинъ турокъ указываетъ что-то и жалостно молитъ. Приглядываюсь. Онъ окруженъ мертвецами, онъ проситъ, чтобы его избавили отъ этого сосѣдства. Почти въ каждой землянкѣ, рядомъ, одинъ возлѣ другого, лежатъ раненые, умирающіе и уже мертвые...

„Потерпите, несчастные! Прiѣдутъ подводы, васъ подберутъ, васъ вывезутъ изъ этихъ страшныхъ могилъ". Но я только думаю, я не могу даже успокоить словами этихъ страдальцевъ! Нужно-же своихъ прежде подобрать, утѣшаю себя, и скорѣе, скорѣе погоняю лошадь.

Вотъ виднѣется и мостъ черезъ р. Видъ. Недоѣзжая его, около шоссе, у самой горы находится небольшая корчма, въ которой раненый Османъ-паша сдался генералу Ганецкому. Черезъ нѣсколько дней отъ этого домика остались одни камни, все дерево ушло на костры. Мостъ каменный, на аркахъ, прочной постройки; между перилами, въ видѣ украшенiя, возвышаются столбы съ изображенiемъ луны. Все это также скоро исчезло; деревянная луна пошла на топливо. За мостомъ открывалась обширная равнина, до самого Этрополя; мѣстность расширялась къ сѣверу, а софiйское шоссе сворачивало налѣво, на югъ. Все ближайшее поле занято было новыми, еще болѣе густыми толпами плѣнныхъ турокъ, а посреди вытянулась стройная линiя нашихъ войскъ, принимавшихъ ближайшее участiе въ отбитiи Османа-паши. Они ожидали Государя; но уже было поздно, день быстро склонялся къ вечеру. Ряды побѣдителей объѣхалъ въ этотъ день только князь Карлъ, какъ начальникъ отряда, облагавшаго Плевну. Государь Императоръ произвелъ смотръ этимъ войскамъ и благодарилъ ихъ 2-го декабря, наканунѣ отъѣзда своего въ Россiю.

Изъ „Русскаго Обозрѣнiя", 1878 г., № 1.

VI.

Ночь подъ Рождество.

(Святочный разсказъ).

Одинокiй.

Было около семи часовъ вечера, 24 декабря 1877 года. Луна спряталась за густыми, снѣжными облаками; падалъ частый, мелкiй снѣгъ; рѣзкiй, сѣверный вѣтеръ вздымалъ снѣжную пыль и наносилъ сугробъ на сугробъ. Дорога исчезла, все однообразно бѣлѣло вокругъ; въ пяти шагахъ ничего не было видно сквозь снѣжную сѣтку, стянувшую облака съ землею.

По большой дорогѣ, ведущей изъ Бѣлы въ Плевну, ѣхалъ всадникъ. Одѣтый въ полушубокъ, закутанный въ башлыкъ, съ накинутой съ подвѣтренной стороны буркой, онъ то и дѣло торопилъ коня. Измученный конь горячо вытягивалъ ноги изъ сыпучаго снѣга, бодро выносилъ изъ глубокихъ сугробовъ, но уже видимо сталъ приставать, чаще и чаще замедлялъ шагъ.

— Ну! Васька, ну! Васенька! раздавался иногда голосъ всадника, и добрый конь, съ новой энергіей, мѣнялъ шагъ на рысь.

Одиноко и глухо въ снѣжномъ морѣ; снѣгъ все сыпетъ и сыпетъ, забивая глаза, проникая за башлыкъ, оледеняя лицо. Дорога кажется безконечною, минуты тянутся мучительно-долго. У лошади, на ногахъ, на брюхѣ, нависли цѣлые ряды ледяныхъ бирюлекъ, въ видѣ бахромы; онѣ все болѣе и болѣе отяжеляютъ движеніе.

— Лишь-бы лошадь не пристала! ободряетъ себя мысленно всадникъ, и, чтобъ скоротать время, онъ силится забыть о дорогѣ, думать о чемъ-нибудь другомъ.

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна...

И всадникъ старается припомнить стихи и нарисованную поэтомъ картину мятели. А что тамъ, въ это время, на далекой родинѣ? И чудится ему освѣщенный залъ; посреди большая, зеленая елка; на столахъ золотые и серебряные орѣхи, причудливые конфекты, яблоки, груши. Молодыя дамы суетливо убираютъ елку. Высокій господинъ взобрался на столъ и съ чѣмъ-то возится вверху. „Да что вы тамъ дѣлаете"? спрашиваютъ его снизу.

— „А вотъ бенгальскій огонь привязываю".—„Да развѣ бенгальскій огонь сверху! Его нужно внизу... Лучше свѣчи налѣпите"... А черезъ затворенныя двери сосѣдней комнаты доносится веселое щебетаніе и смѣхъ дѣтей; они прыгаютъ и сгораютъ нетерпѣніемъ, они догадываются, что для нихъ готовится, они подсмотрѣли даже, какъ несли по лѣстницѣ большую елку, и блестящіе глаза ихъ все болѣе и болѣе разгораются отъ сдержаннаго любопытства и ожидаемаго веселья.

Кусочки оледенѣлаго снѣга начинаютъ проникать за воротникъ, башлыкъ одеревенѣлъ и не грѣетъ больше; въ ногахъ и рукахъ всадника какое-то странное ощущеніе, не то горячо, не то больно. Лошадь все тяжелѣе и тяжелѣе ды-

шетъ; изъ ноздрей ея клубами вырывается паръ. „Ужь не сбился-ли", мелькаетъ въ умѣ всадника, и онъ пригибается къ сѣдлу, стараясь разглядѣть дорогу, но снѣгъ забиваетъ глаза, но внизу только бѣло и вздымается снѣжная пыль.

— Ну, Васенька, ну! Не замерзать-же намъ съ тобою!.. обращается всадникъ къ лошади, и странно ему слышать свой голосъ, и кажется, будто это не онъ, а кто-то другой произнесъ эти слова. Снова стихи лѣзутъ на память:

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой!
Ѣздокъ запоздалый...

И опять мысли уносятъ далеко, куда-то назадъ, гдѣ, манитъ чѣмъ-то близкимъ, пріятнымъ. А снѣгъ все сыпетъ и сыпетъ, все плотнѣе и плотнѣе нависаетъ снѣжный саванъ вокругъ.

У болгарскаго очага.

Въ болгарскомъ селеніи Вина, въ полуверстѣ отъ дороги, въ зажиточномъ крестьянскомъ домѣ, съ галлереей, обширными сѣнями и двумя горницами по сторонамъ, сбирались справлять канунъ Рождества. Хозяинъ, плотный, здоровый дѣтина лѣтъ сорока, съ черной бородою, въ тепломъ тулупѣ, только что вошелъ въ сѣни и сильно прихлопнулъ дверь, чтобъ она плотнѣе легла въ свою раму, не оставляя щелей, въ которыя могъ-бы непрошенно проникнуть вѣтеръ, сердито взметавшій щедро падавшій снѣгъ. Хозяинъ только что обошелъ свое хозяйство, засыпалъ соломы буйволамъ и воламъ, загнаннымъ въ теплую, земляную конюшню, поласкалъ двухъ рослыхъ, взъерошенныхъ собакъ, сторожившихъ на дворѣ, и съ довольнымъ видомъ, отряхивая снѣгъ съ тулупа и сапогъ, воротился къ семьѣ. Подъ большимъ выступомъ конусообразной трубы весело пылалъ огонекъ и трещали дрова; сверху, на длинной, прокопченной цѣпи, висѣлъ котелокъ, въ которомъ кипѣло варево, вздымая тысячи маленькихъ пузырьковъ и распространяя кругомъ аппетитный паръ; на кругломъ деревянномъ столикѣ или подносѣ, съ низенькими ножками, виднѣлись только что испеченные горячіе коржи, глиняный кувшинъ, съ домашнимъ виномъ, соль, деревянныя ложки. Вокругъ костра, на узенькихъ скамеечкахъ или просто на полу, поджавши по восточному ноги, сидѣла семья болгарина: жена, двѣ дѣвушки, па-

рень и нѣсколько ребятишекъ, съ курчавыми головами, въ красныхъ, суконныхъ шапочкахъ, разукрашенными монетами и биссеромъ. Взрослые и дѣти то и дѣло протягивали ноги къ огню или отогрѣвали на немъ руки. Хозяинъ, занявъ свое мѣсто, разулся и пододвинулъ сапоги къ костру, чтобъ ихъ просушить. Жена сняла котелокъ съ цѣпи и вылила варево въ большую плоскую миску. Всѣ взялись за ложки, потѣснились къ столику и молча принялись за вечерю.

Тепло и сыто вокругъ костра, въ болгарской избѣ. Медленно, не спѣша ужинаетъ семья, на сонъ грядущій. На дворѣ завирюха злится, завываетъ вѣтеръ, но имъ не прорваться чрезъ плотныя, хорошо обмазанныя стѣны. Все теперь безопасно вокругъ Вины; о баши-базукахъ давно ни слуху, ни духу, забрали русскіе и турокъ, спать можно спокойно.

Вдругъ, на дворѣ раздался сильный лай и, заливаясь отъ злости, шарахнули собаки къ воротамъ. Послышался визгъ, на секунду смолкло, но потомъ свирѣпѣе и свирѣпѣе горланили псы. Пріостановилась вечеря. Хозяинъ всталъ, взялъ дубину и, полуотворивъ дверь, осторожно выглянулъ, ничего не различая сквозь вьюгу.

— Эй! братушка, отвори ворота! донеслось черезъ дворъ.

Болгаринъ постоялъ немного, какъ-бы въ раздумьи, вошелъ назадъ въ сѣни и тихо притворилъ дверь.

Не прошло, однако, и трехъ минутъ, какъ среди неперестававшаго лая раздался сильный толчекъ и дверь шумно распахнулась во всю свою ширь. На порогѣ появился солдатъ, закутанный въ башлыкъ, съ ногъ до головы занесенный снѣгомъ; за нимъ, отбиваясь плетью отъ собакъ, шелъ другой человѣкъ, въ полушубкѣ, съ буркой на плечахъ и также въ башлыкѣ. Лица обоихъ были залѣплены обледенѣлымъ снѣгомъ; на бровяхъ, усахъ, бородѣ, вездѣ висѣли цѣлые куски льда. Войдя, они прихлопнули дверь и на секунду, молча, остановились противъ хозяина.

— Вы христіане, или турки? какъ-то торжественно, съ раздражительною ноткою въ голосѣ, обратился человѣкъ въ буркѣ къ хозяину.

— Болгаръ, болгаръ, нѣтъ турокъ! торопливо забормоталъ хозяинъ.

— Какой-же ты болгаринъ, когда не впускаешь къ себѣ людей, въ такую ночь?... Замерзать намъ что-ли?!.

Болгаринъ не отвѣчалъ.

— Что-жь, можно переночевать?

— Да что его спрашивать, ваше благородіе!... Они хуже турки, ей Богу хуже! воскликнулъ солдатъ и сталъ развязывать себѣ башлыкъ.

— Мы тебѣ заплатимъ, вотъ на, впередъ, продолжалъ другой путникъ и сунулъ болгарину серебряный рубль.

Взявъ деньги, болгаринъ видимо сталъ привѣтливѣе. Онъ обратился къ семьѣ, приказывая очистить мѣсто у огня и даже покусился помочь гостю раздѣться.

— Пусти, ты! проворчалъ солдатъ, и ловко, быстро сталъ помогать пріѣзжему освободиться отъ намерзшаго башлыка и бурки.

Отряхнувъ снѣгъ съ полушубка, сапогъ и шапки, пріѣзжій подошелъ къ огню и сталъ оттаивать свою бороду отъ намерзшаго на ней льда.

— Ужинайте, кушайте! Я вамъ не мѣшаю, обратился онъ уже вполнѣ смягченнымъ, ласковымъ тономъ къ семьѣ.— Ну, братушка, продолжалъ онъ, какъ-бы теперь коня моего въ конюшню поставить... Солома, ячмень есть?

Братушка опять замялся.

— Я заплачу, за все заплачу; ну скорѣе, братушка!

Болгаринъ взялъ сапоги и сталъ медленно обуваться.

— Я пойду за конемъ, ваше благородіе...

— Да ты, братецъ, замерзъ совсѣмъ... Вотъ онъ пойдетъ...

— Ничего!.. Слава Богу, что добрались... Они вотъ тутъ грѣются, а мы замерзай!..

— Что-жъ дѣлать!.. Хорошо, что набрели другъ на друга... Пожалуйста-жъ, голубчикъ, посмотри, чтобъ онъ въ конюшню поставилъ, да больше соломы далъ... Можетъ быть сѣно есть?... Совсѣмъ заморилъ коня!

— Будьте благонадежны, ваше благородіе. Ну, братушка, гайда!

И говоря это, усталый, едва не замерзшій солдатъ быстро, охотно вышелъ изъ избы, на мятель и вьюгу; за нимъ, крехтя, лѣниво побрелъ болгаринъ, согнувшись и кутаясь въ тулупъ.

Путникъ подсѣлъ къ огню и сталъ ласкать и забавлять дѣтей, которыя скоро перестали дичиться. „Какими-то вы будете, когда выростете“, думалось всаднику; „придется-ли и васъ *спасать* и замерзать тутъ, на вашей землѣ, или вы ужь и сами съумѣете отстоять свою свободу?“.

Прошелъ часъ. Въ болгарскомъ домѣ все устроилось, какъ нельзя лучше: хозяева и ихъ непрошенные гости освоились. Семья ушла спать въ горницу; передъ костромъ, въ сѣняхъ, на принесенной соломѣ, водворились путешественники, угощаясь яичнецей и свѣжимъ молокомъ. Хозяинъ сидѣлъ напротивъ, покуривая трубочку и прихлебывая вино, которое онъ досталъ изъ погреба, не прежде, какъ удостовѣрившись что и за него будетъ заплочено.

— Ну, за твое здоровье, братушка! сказалъ путникъ, глотая кислое, холодное вино.

— Будь здоровъ, отвѣчалъ болгаринъ.

Путникъ досталъ папиросъ, далъ одну солдату, другую болгарину, и закуривъ растянулся на буркѣ, у огня.

— Ну, братушка, еще спать рано... Раскажи что нибудь.

— Что тебѣ говорить, что я знаю? пожимая плечами отвѣчалъ хозяинъ.

— Разскажи, какъ васъ турки утѣсняли.

Турецкій гнетъ.

Болгаринъ затянулся нѣсколько разъ изъ своей трубки, прижалъ пальцемъ пепелъ, поправилъ двѣ три головѣшки въ кострѣ и началъ свой разсказъ. Рѣчь была безсвязная, темная; разсказчику приходилось путаться между русскими и болгарскими словами. Выходило, что больше притѣсняли башибузуки, т. е. выселившіеся съ Кавказа горцы; но башибузуки грабили и въ турецкихъ селеніяхъ, если представлялся удобный случай. Турки брали въ казну десятую часть всего, но иногда и не брали, потому что кто-же станетъ тамъ повѣрять, десятая или другая это часть; когда нужно, берутъ больше, а то и ничего не берутъ, особенно съ богатыхъ и умѣющихъ ладить съ начальствомъ.

— Успокойся, братушка, мы освободили васъ, будете вы платить всѣ одинаково, по состоянію, и богатые, и бѣдные.

— Еще то худо, что отъ чиновниковъ утѣсненіе, взятки берутъ, а прошенія подавай, не подавай—ничего не добьешься. По дѣлу своихъ односельцевъ, на счетъ земли, былъ онъ уполномоченнымъ. „Въ Свищовъ (Систово) ходилъ—прошеніе давалъ, въ Рущакъ ходилъ—прошеніе давалъ, самъ Мидхадъ тогда пашею былъ, никакой отвѣтъ не давалъ. Два

лѣта прошло, въ Царьградъ ходилъ, самому царю (султану) прошеніе на головѣ давалъ, визирю, тому самому Мидхаду, давалъ, никакой отвѣтъ не давалъ и въ тюрьму сажалъ, въ кандалахъ домой отсылалъ“.

Продолжаетъ свой безсвязный разсказъ болгаринъ: и о Мидхадѣ говоритъ, и о великолѣпіи султанскаго выѣзда въ Царьградѣ, и о Плевнѣ, и о казакахъ, и о томъ, что русскій, что болгаръ „все едино“. Слушаетъ и не слушаетъ его гость, занятый своими мыслями; усталый солдатикъ ужь давно храпитъ; возлѣ очага тепло и уютно.

Вдругъ, болгаринъ наклонился къ гостю, лицо его освѣтилось красноватымъ пламенемъ костра, глаза какъ-то странно запрыгали, носъ вытянулся, ощетинились усы и на секунду по всей бородѣ разсыпались синеватыя искорки. Рука болгарина сильно нажимала на пчечо всадника.

— Что тебѣ, братушка? Какой ты странный сталъ!..

— Хочешь въ Царьградъ, турецкіе порядки посмотрѣть?

— Будемъ и въ Царьградѣ, дай за Балканы перевалить...

— Хочешь сейчасъ быть? торопилъ болгаринъ.

— Лошадь устала, братушка.

— Другой конь будетъ... Вставай! и все сильнѣе и сильнѣе болгаринъ нажималъ на плечо гостя.

Гость поднялся и хотѣлъ надѣть полушубокъ.

— Не надо, тепло будетъ, сказалъ болгаринъ.

Они вышли. Было, дѣйствительно, тепло. Звѣзды ярко горѣли на безоблачномъ небѣ.

— Садись! прошепталъ болгаринъ.

Гость оглянулся. Болгаринъ держалъ подъ уздцы отличнаго воронаго коня. „Гдѣ онъ такого коня досталъ“? подумалъ гость и легко, не касаясь стремянъ, вскочилъ на сѣдло.

— А ты же какъ, братушка?

— Я съ тобою.

И гость почувствовалъ, что болгаринъ дѣйствительно съ нимъ, сзади, обнялъ его станъ рукою и схватилъ поводья.

— Теперь держись! сказалъ болгаринъ.

Съ мѣста они пустились въ карьеръ. И показалось, тогда, всаднику, что копыта вороного кона не касаются земли, что онъ не скачетъ, а летитъ, все быстрѣе и быстрѣе,

и чѣмъ дальше, все дышется легче, и все скорѣе и скорѣе хочется летѣть, наслаждаясь этой бѣшенной скачкой. Хорошо было-бы совсѣмъ подняться на воздухъ и пронестись черезъ эти села, города, овраги. Нужно только сильно пожелать, вотъ такъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія. И они поднимаются, какъ на крыльяхъ, и чѣмъ сильнѣе напрягается желаніе, чѣмъ выразительнѣе, безповоротнѣе обращается оно въ волю, тѣмъ выше и выше вздымаются они въ воздухѣ, тѣмъ легче они несутся впередъ. Вотъ верхушки причудливыхъ горъ; однѣ покрыты лѣсомъ, другія укутались въ снѣжный покровъ. Все пусто, повсюду безпредѣльная тишина, темныя тѣни сгустились въ разсѣлинахъ скалъ, мрачныя пропасти зіяютъ внизу. Нужно еще выше подняться, надо напрячь теперь всю силу воли, и они взносятся выше и безостановочно летятъ надъ верхушками горъ.

— Тебѣ покажу турецкій прогрессъ, турецкія реформы! шепчетъ болгаринъ—и опять по бородѣ его и на ощетинившихся усахъ забѣгали синеватыя искры.

На той сторонѣ горъ, вдругъ, стало свѣтло. Солнце ярко свѣтило. Въ свѣжей, роскошной зелени садовъ утопали села и города, поля пестрѣли цвѣтами, повсюду виднѣлись кусты розъ. Громадный городъ съ затѣйливыми дворцами, съ башнями и тонкими, высокими минеретами заманчиво бѣлѣлъ своими зданіями на берегу синяго, прозрачнаго моря.

Въ Царьградѣ.

Они очутились передъ большимъ, покрытымъ причудливыми арабесками домомъ, съ широкими сводчатыми окнами. Ступая по изящному мрамору крыльца, вошли они въ покрытую восточными коврами комнату и подошли къ тяжелой шелковой драпировкѣ.

— Ни слова, слушай и смотри! шепнулъ болгаринъ.

За драпировкой, въ сосѣднемъ покоѣ, на широкой софѣ, опершись на суконныя, расшитыя золотомъ подушки, сидѣли турокъ и европеецъ.

— Все-же, достопочтенный милордъ, говорилъ турокъ,— мы хорошенько не понимаемъ, чего добиваются отъ насъ? Мы занимались своимъ внутреннимъ устройствомъ, мы не дремали послѣ Крымской войны. Много, очень много существенныхъ улучшеній достигнуто въ этотъ короткій проме-

жутокъ времени! У насъ не мало реформъ, мы не ставили къ нимъ точки и изданіемъ конституціи доказали, что серьезно хотимъ ступать по пути прогресса, на благо и счастье ввѣренныхъ намъ провидѣніемъ народовъ. Вмѣсто того, чтобы Россіи и Турціи мирно, дружно, почерпая другъ въ другѣ опору, продолжать свойственные имъ пути развитія, возгорѣлась эта убійственная война, въ которой гибнутъ лучшія силы обѣихъ державъ!

— Но, мой милѣйшій Серверъ, англійскій кабинетъ не сомнѣвается въ доброй волѣ Оттоманскаго правительства. Дѣло въ томъ, однако, что въ турецкій прогрессъ мало кто вѣритъ, ваши реформы больше на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности.

— Какъ на бумагѣ, г. Лэйардъ! Тамъ, гдѣ можно, мы ихъ осуществили вполнѣ. Возьмите такія области турецкой имперіи, какъ Сербія или Румынія. Порта предоставила имъ полное самоуправленіе, она безъ всякой зависти взирала на ихъ мирное развитіе, не вмѣшивалась въ ихъ внутреннія, мѣстныя дѣла. Какой успѣхъ, успѣхъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ достигнутъ этимъ образомъ дѣйствій, можно судить хотя-бы изъ недавней рѣчи президента румынской палаты депутатовъ. Вотъ посмотрите, что сказалъ онъ въ привѣтствіе князю Карлу, по поводу возвращенія его въ Бухарестъ.

Серверъ-паша взялъ № 193 газеты „L'Orient“ и прочелъ слѣдующее:

„Исторія засвидѣтельствуетъ, къ вящщей славѣ вашей свѣтлости, тотъ быть можетъ единственный въ жизни народовъ, фактъ, который Румынія явила теперь Свѣту: среди громадной войны и во время передвиженія черезъ страну иностранныхъ армій, она всецѣло сохранила всѣ свои конституціонныя вольности“.

— Дѣйствительно, продолжалъ Серверъ-паша, бросая газету на столъ,—все это справедливо: печать, судъ, конституціонныя учрежденія ни малѣйшимъ образомъ не стѣснены въ Румыніи на время войны, и не смотря на это, порядокъ, общественное спокойствіе въ ней ни малѣйшимъ образомъ не были нарушены.

— Извините меня, любезный Серверъ, перебилъ улыбаясь Лэйардъ,—но въ васъ видѣнъ истый турокъ! Сами не замѣчая, вы выразили вполнѣ турецкій взглядъ „на конституціонныя вольности“, какъ вы выражаетесь. Что-жъ тутъ удивительнаго, что въ странѣ сохраняется порядокъ, господствуетъ спокойствіе, когда остаются ненарушимыми основные

законы государства, примитивныя обезпеченія свободы мысли и личности?!. Вотъ если-бъ, вмѣсто закона и суда, въ ней гулялъ необузданный произволъ администраціи; если-бъ печать тѣснили со всѣхъ сторонъ, принуждая ее или молчать, или лакействовать, если-бъ между правительствомъ и народомъ искусственно создана была бездонная пропасть недовѣрія, страха, всевозможныхъ сомнѣній, если-бъ никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, если-бъ каждый былъ раздраженъ и оскорбленъ самыми возмутительными подозрѣніями, если-бъ одни полицейскіе считались благонадежными опорами порядка, вотъ тогда, дѣйствительно, надо было-бы удивляться, что общественное спокойствіе сохраняется въ странѣ, что не возникаетъ заговоровъ и болѣе или менѣе серьезныхъ безпорядковъ. Вотъ это было-бы исключительное, диковинное явленіе! Тотъ-же фактъ, который такъ поражаетъ васъ, вполнѣ понятенъ для каждаго образованнаго европейца.

— Ну, не для каждаго! Съ этимъ позвольте не согласиться. Быть можетъ я не такъ выразился, но я хотѣлъ показать, что турецкое владычество, турецкій „деспотизмъ", какъ говорятъ наши враги, не мѣшали, однако, развитію тѣхъ подвластныхъ Портѣ странъ, которыя представляли къ этому возможность. Что касается до остальныхъ частей Турціи, то и въ отношеніи ихъ сдѣлано и дѣлается, что можно. Нужна извѣстная постепенность, подготовленность... Иначе легко скатиться по скользкой покатости прогресса.

— Но, любезный Серверъ, видали-ли вы когда-нибудь, чтобъ актеры являлисъ прежде театра, чтобы адвокаты были тамъ, гдѣ нѣтъ суда, чтобъ губернаторъ являлся тамъ, гдѣ нѣтъ губерній...

— Что касается губернаторовъ, вставилъ Серверъ, то это бываетъ...

— Вамъ угодно шутить, строго замѣтилъ Лэйардъ. Я же считаю долгомъ еще разъ, самымъ серьезнымъ образомъ, поставить на видъ Блистательной Портѣ, что на дѣятельное содѣйствіе Англіи вы можете разсчитывать только въ томъ случаѣ, если обнаружите дѣйствительное желаніе обуздать вашихъ чиновниковъ, обезпечить спокойное существованіе населенію. Необходимо отнять у Россіи всякій предлогъ къ жалобамъ.

— Обнаружить... Мы очень рады обнаружить это желаніе...

— Пойдемъ, шепнулъ болгаринъ своему гостю, надо

успѣть побывать и въ другихъ мѣстахъ; тутъ ужь у нихъ „домашнія дѣла" пойдутъ...

Они тихо отошли отъ занавѣски и снова очутились на улицѣ.

— Смотри, вотъ засѣданіе турецкаго парламента, сказалъ болгаринъ.

Гость увидѣлъ тогда, что онъ ужь не на улицѣ, а въ довольно большой залѣ, уставленной мягкими скамейками, съ небольшими столиками впереди каждаго сидѣнья. Восточныя физіономіи всѣхъ сортовъ торчали изъ-за столиковъ и находились, повидимому, въ созерцательномъ состояніи. На трибунѣ кто-то говорилъ.

— Быть можетъ это и интересно, но я ничего не понимаю, сказалъ путникъ болгарину.

— Слушай, поймешь, отвѣчалъ болгаринъ,—дѣло идетъ о подачѣ адреса.

— Облагодѣтельствованные неусыпными трудами просвѣщеннаго начальства—донеслось съ трибуны—умиленные тою самоотверженностью, съ какой оно продолжаетъ геройскую непосильную борьбу съ сѣвернымъ колосомъ, гордясь, наконецъ, нашими „непобѣдимыми" генералами, которые съ такою прозорливостью были поставлены во главѣ нашихъ славныхъ армій, мы обязаны взять на себя смѣлость испросить надлежащее разрѣшеніе на подачу всенижайшаго адреса. Въ этомъ адресѣ, если въ принятіи его намъ не будетъ отказано, мы изложимъ вышеуказанныя чувства, всѣхъ насъ воодушевляющія, и заявимъ, что готовы отдать животъ свой, все достояніе, если только сочтено будетъ за благо потребовать отъ насъ того или другого.

Громкія рукоплесканія и оглушительные крики привѣтствуютъ депутата и не умолкаютъ долго, послѣ того, какъ онъ сошелъ съ трибуны. Его мѣсто занимаетъ другой ораторъ.

— Тссъ! Довольно! Вы достаточно заявили свой патріотизмъ, раздалось съ президентскаго кресла, и президентъ замахалъ рукою въ сторону депутатовъ, твердо рѣшившихся, казалось, обить себѣ ладони и надорвать горло.

Новый ораторъ началъ свою рѣчь.

— Нашъ достопочтенный сочленъ долго и прекрасно говорилъ и мы всѣ оцѣнили это... Въ слова его, однако, вкрались незамѣтныя, правда, съ перваго взгляда, недоразумѣнія, но онѣ могутъ быть дурно истолкованы. А никто изъ насъ, я увѣренъ, не пожелаетъ, чтобы всеподданнѣйшія наши

чувства были поняты въ превратномъ смыслѣ! (На многихъ скамьяхъ безпокойство, напряженное вниманіе). Уважаемый сочленъ заявилъ, между прочимъ, о тѣхъ чувствахъ, которыя „всѣхъ насъ воодушевляютъ“; но я позволю себѣ спросить, кто далъ ему право утверждать, что это именно тѣ чувства, которыя раздѣляетъ вся палата, могъ-ли онъ заглянуть въ душу каждаго изъ насъ? Быть можетъ, это тѣ чувства, но, быть можетъ, и иныя; смыслъ ихъ одинаковъ, но найдутся, очень вѣроятно, въ средѣ насъ еще болѣе горячія, болѣе энергическія слова для ихъ выраженія! Я предлагаю поэтому избрать комиссію, которая уполномочена была-бы привести въ извѣстность всѣ наши чувства и найти соотвѣтственныя слова для ихъ выраженія. (Шумное одобреніе). Это первое мое замѣчаніе... Второе, осмѣлюсь сказать, еще существеннѣе. Почтенный ораторъ, упоминая о готовности нашей отдать свой животъ и свое достояніе, выразился между прочимъ такъ: „если сочтено будетъ за благо потребовать отъ насъ того или другого“. Я обращаю ваше вниманіе на это слово „или“. Оно даетъ поводъ предполагать, что мы жертвуемъ только одно изъ двухъ: или животъ, или достояніе; между тѣмъ, очень можетъ быть, отъ насъ ожидаютъ и того, и другого, и сочтено будетъ на этомъ основаніи, что мы недостаточно патріотичны и преданы. Я предлагаю, поэтому, измѣнить редакцію вышеприведенной фразы въ такомъ смыслѣ: „если сочтено будетъ за благо потребовать отъ насъ того или другого, или того и другого вмѣстѣ, по ближайшимъ соображеніямъ“. (Шумныя и продолжительныя рукоплесканія). Еще два слова. Мнѣ кажется, что выраженіе „животъ“, кромѣ нѣкоторой брезгливости, неудобно еще въ томъ отношеніи, что можетъ подать поводъ къ предположенію, что мы жертвуемъ только извѣстную часть тѣла, тогда какъ мы готовы отдать и руки, и ноги, и голову, словомъ все, всецѣло! Не лучше-ли, вмѣсто слова „животъ“, сказать „жизнь“?

Палата опять оглашается безконечными одобреніями. Когда президенту удалось водворить тишину, на трибунѣ показался новый ораторъ.

— Все это прекрасно, началъ онъ,—мы готовы жертвовать и животъ, и жизнь, и достояніе, и руки, и ноги; готовы жертвовать тѣмъ болѣе, что всѣ присутствующіе здѣсь увѣрены, что они останутся и живы, и съ своимъ достояніемъ; но не худо было-бы предварительно знать, куда дѣлось, правильно-ли израсходовано, все то, что до сихъ поръ пожертво-

вано страною? Знать это было-бы необходимо во имя тѣхъ, которые дѣйствительно, не на бумагѣ, не на словахъ, а на дѣлѣ жертвуютъ и своею жизнью, и своимъ достояніемъ...

Въ залѣ слышится глухой ропотъ; раздаются возгласы: какое низкое недовѣріе, это дерзость, измѣна!

— Мнѣ скажутъ, что существуетъ отчетъ, что онъ въ нашихъ рукахъ; но какой это отчетъ? Этотъ отчетъ, съ позволенія сказать, курамъ на смѣхъ! О томъ не получено еще свѣдѣній, такія-то суммы „предоставлены въ распоряженіе"; но почему, спрашивается, свѣдѣнія не доставлены, какъ распорядились суммами эти распорядители—объ этомъ отчетъ краснорѣчиво умалчиваетъ. Между тѣмъ, есть свѣдѣнія, полученныя частнымъ путемъ, что распорядители не очень церемонно распоряжаются ввѣренными имъ суммами; многое затрачено совершенно напрасно, а необходимыя потребности не удовлетворяются или удовлетворяются кое-какъ. Говорятъ о какихъ-то тѣлохранителяхъ, о сервизахъ въ 700 рублей, о чудовищныхъ подъемныхъ и разъѣздныхъ, объ уплаченыхъ долгахъ, мало-ли о чемъ говорятъ!.. Я не утверждаю, чтобъ всѣ эти слухи, всѣ эти „говорятъ" были справедливы, но достаточно, что они существуютъ. Наша обязанность обревизовать, наша обязанность оградить честныхъ дѣятелей отъ клеветы и вывести наружу злоупотребленія и оплошности, если онѣ существуютъ... Я предлагаю...

Но ораторъ не договорилъ. Неистовые крики негодованія огласили залу. Кто-то крикнулъ: „вонъ его, исключить!" Неосторожнаго депутата выталкиваютъ за дверь.

— Ну, быть голубчику въ административной ссылкѣ! шепнулъ болгаринъ.

— Какъ въ ссылкѣ, да за что-же? Удивился путникъ.

— За что?.. Во-первыхъ, онъ дозволилъ себѣ выразиться неодобрительно на счетъ адреса, а во-вторыхъ, произвелъ вредный соблазнъ и опасное возбужденіе въ публичномъ собраніи.

— Хороша-же ваша конституція!.. Хороша турецкая свобода трибуны!

— Пойдемъ въ судъ, сказалъ болгаринъ.

Судебное засѣданіе, очевидно, близилось къ концу: обвинитель оканчивалъ свою рѣчь.

— Напрасно подсудимый отговаривается тѣмъ, что онъ „только думалъ"... Ваша опытность, господа судьи, укажетъ вамъ, насколько уважительна подобная отговорка. Думы мо-

гутъ быть разныя, дума-думѣ рознь. Между ними бываютъ такія, которыя могутъ поколебать всѣ священныя основы... Если онѣ не вышли еще изъ головы, мы смотримъ на нихъ снисходительно, уже по той причинѣ, что правосудію трудно до нихъ докопаться; но разъ онѣ выразились въ словѣ, онѣ становятся опасными, онѣ получаютъ уже твердую, опредѣленную форму, которая представляетъ всѣ средства для квалификаціи преступленія, для опредѣленія той суммы вреда, который отъ такой зловредной мысли можетъ воспослѣдовать. Ужь одно то обстоятельство, что мы знаемъ зловредныя мысли подсудимаго, удостовѣряетъ, что онѣ воплотились въ ту именно форму, которой достаточно, чтобъ каждый честный и благонамѣренный человѣкъ сказалъ: „ты виновенъ“. Съ другой стороны, подсудимый ничѣмъ не доказалъ, что онъ не имѣлъ намѣренія распространять свои зловредныя мысли. Въ лицѣ вашемъ, господа судьи, правосудіе совершитъ свое дѣло!..

— Г. защитникъ, не имѣете-ли вы чего сказать?

— Я могу только повторить, что не подсудимый, а обвиненіе должно доказывать... За мысли уголовный законъ не караетъ.

— Г. защитникъ! Я обязанъ опять васъ предварить, что ужь это дѣло суда знать, караетъ или не караетъ... Подсудимый, не имѣете-ли чего добавить?

— Не имѣю.

Судъ постановилъ: Преступленіе подсудимаго признать недоказаннымъ, а потому по настоящему дѣлу считать его оправданнымъ; но, принимая во вниманіе, что подсудимый своимъ неосмотрительнымъ поведеніемъ подалъ поводъ къ столь важному обвиненію, судъ опредѣляетъ: отдать его на зависящее распоряженіе полиціи, съ учрежденіемъ строжайшаго надзора.

— Это на всякій случай, сказалъ болгаринъ на ухо своему гостю.—У насъ существуютъ два порядка расправы: судебный и административный; судъ небезгрѣшенъ, онъ можетъ ошибиться, тогда дѣйствуетъ полиція, исправляющая эти ошибки.

— А полиція непогрѣшима?

— Конечно!

— Такъ въ этомъ и состоятъ турецкій прогрессъ и реформы, о которыхъ такъ разглагольствовалъ Серверъ-паша передъ Лэйардомъ?..

— Онѣ самыя... Есть еще у насъ „свобода печати", Булгарины есть... Патріоты изъ патріотовъ!.. Про нихъ говорятъ:

На страхъ врагамъ, въ примѣръ своимъ,
Кружку Булгариныхъ привольно:
Въ полиціи довольны имъ,
И публика довольна!.

— Нельзя-ли посмотрѣть на турецкаго Булгарина?
— Можно, вставай!..

То только сонъ.

— Вставай, вставай!.. раздавалось надъ головой путника.

Онъ открылъ глаза. Надъ нимъ стоялъ братушка-хозяинъ; очагъ снова разгорѣлся; въ открытую дверь проникалъ свѣжій, утренній воздухъ; мятель утихла и снѣгъ ослѣпительно бѣлѣлъ на дворѣ, скрѣпленный легкимъ морозомъ.

— Пора въ путь, сказалъ солдатъ.

Да, пора опять въ путь. Старый ужь пройденъ. Начался онъ съ великихъ надеждъ и розовыхъ мечтаній... Но... прошелъ годъ—и въ новый мы вступаемъ все съ тѣми-же надеждами... Гдѣ-же лучшее, новое?... Придетъ-ли оно, или опять останемся съ однѣми надеждами и мечтаніями?...

Изъ „Русск. Обозрѣнія" 1878 г. № 1 и 2.

VII.

Духовная пища на генеральскомъ обѣдѣ.

Это былъ послѣдній мой фельетонъ въ „Русскомъ Обозрѣніи", 1878 г. На шестомъ № газета получила *одиннадцатое* предостереженіе и была въ третій разъ пріостановлена. Черезъ шесть мѣсяцевъ, за четыре дня до возобновленія; „Русское Обозрѣніе" было запрещено. Разсказъ объ этой мѣрѣ помѣщенъ въ статьѣ „Роковое пятилѣтіе", стр. 34—49.

Обѣдалъ я, однажды, у одного генерала. Славный, гостепріимный старикъ. Это было вскорѣ послѣ большого, удачнаго дѣла, въ которомъ генералъ принималъ очень видное участіе. Естественно, я часто наводилъ разговоръ на подробности этого сраженія, желая провѣрить и дополнить личныя

свои наблюденія. Съ нами обѣдало еще нѣсколько подчиненныхъ генерала, большею частью молодежь, адъютанты, ординарцы; все славный, веселый народъ; но было и два старшихъ, тоже изъ числа подчиненныхъ: генералъ и полковникъ. Этотъ младшій генералъ больше молчалъ, ѣлъ аппетитно и съ тѣмъ вниманіемъ, которое указывало, что онъ не любилъ дѣлать два дѣла разомъ; обѣдъ же, какъ извѣстно, очень важное дѣло. Полковникъ былъ еще очень молодъ для своего чина, одѣтъ съ нѣкоторою изысканностью, бросающеюся въ глаза среди похода, тщательно причесанъ и припомаженъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка, неразлучно имѣвшаго на себѣ двѣ ноши. Одна блестѣла у него на груди, въ видѣ хорошо извѣстнаго, овальнаго значка; многіе носятъ этотъ значекъ, но у молодого полковника онъ почему-то особенно бросался въ глаза, точно этотъ серебряный орелъ и эти сплетенные вокругъ него лавры постоянно просятъ публику: „пожалуйста, не забывай, съ кѣмъ имѣешь дѣло; я не такъ себѣ, не что нибудь, я знакъ учености; учености не простой, а догматической, не терпящей противорѣчій; были и есть ученые, скромно говорящіе, по примѣру древняго философа, „знаю только то, что ничего не знаю“, но эта ученость совсѣмъ иного сорта; она полагаетъ, что все знаетъ и что этому знанію всѣ должны внимать, склоня голову; ученость, которая больше всего на свѣтѣ не любитъ сомнѣній и дерзкихъ противорѣчій“. Другая ноша нашла себѣ мѣсто на лицѣ полковника; она доканчивала то, что не договаривалъ значекъ на груди; онѣ восполняли другъ друга. Это было какое-то особенное, трудно изобразимое выраженіе самообожанія; оно не было грубо-нахально, но отталкивало чѣмъ-то непріятнымъ, возбуждая, однакожь, любопытство, а иногда и чувство жалости, даже состраданія. Точно вы видите черепаху въ зоологическомъ саду; вамъ и противно, вы не дотронетесь до нея, но вы съ любопытствомъ смотрите, однакожь, какъ она шевелитъ своими маленькими лапками, какъ важно топыритъ свою раковину на спинѣ: вамъ и жаль, что она тутъ копошится, что ее вытащили изъ родственной ей сферы, изъ какого нибудь болота. Выраженіе это говорило, что хотя носитель его и не совершилъ еще ни одного подвига, но они у него всѣ тутъ, въ головѣ, что онъ ихъ можетъ совершить когда угодно, по первому востребованію; выраженіе это удостовѣряло, что если совершенный подвигъ и окажется вовсе не подвигомъ, а даже вопіющею ошибкою, грубымъ невѣже-

ствомъ,—то ужь, конечно, виновато будетъ въ этомъ исполненіе: несвоевременное движеніе того-то туда-то, невзятіе того, что предписано было взять, или даже непростительная оплошность и неправильность дѣйствій со стороны непріятеля, который, представьте, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать такъ-то, какъ это слѣдовало, поступилъ совершенно иначе; что касается Мольтке, то безъ сомнѣнія онъ надѣлалъ массу грубыхъ ошибокъ и если-бъ только французы и т. д., и т. д.

Старшій генералъ былъ словоохотливъ, обѣдъ не мѣшалъ ему говорить и говорилъ онъ даже съ жаромъ, увлеченіемъ. Подробности боя рисовались у него живо, выразительно; связи не было, но нѣкоторая запутанность рѣчи имѣла свою привлекательность, возбуждала любопытство, какъ нѣчто недосказанное. Перескакивая съ предмета на предметъ, мало обращая вниманія на вопросы, генералъ иногда указывалъ на промахи, которые по его мнѣнію сдѣланы тамъ-то или тѣмъ-то. Все это говорилось безъ злобы, въ видѣ мнѣнія; но въ одномъ случаѣ старикъ невольно перешелъ въ ироническій тонъ, разсказывая, какъ нѣкій молодой генералъ, въ дѣлѣ, о которомъ шла рѣчь, все искалъ, гдѣ-бъ ему штурмъ сдѣлать, и какъ онъ былъ видимо не въ своей тарелкѣ, когда поиски эти не увѣнчались успѣхомъ; какъ нарочно, непріятель безъ выстрѣла очистилъ всѣ позиціи раньше, нежели подоспѣлъ къ нимъ любитель штурмовъ и военныхъ эффектовъ; сущность боя рѣшилась совершенно въ противоположной сторонѣ.

Вдругъ, старый генералъ рѣзко прервалъ свою рѣчь, схватилъ меня за руку и воскликнулъ:

— Корреспондентъ!

Я невольно улыбнулся, вспомнивъ щедринское — „выпьемъ, корреспондентъ"!

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— Корреспондентъ!.. Вы, пожалуй, все это напишете? Вотъ, видите-ли, мы васъ принимаемъ, мы тутъ въ военной семьѣ, у насъ все на распашку. Признаюсь, я не люблю корреспондентовъ, но вы какъ-то пришлись мнѣ по душѣ... Я военный человѣкъ, я говорю откровенно.

— Мнѣ очень пріятно слышать... Я не заслужилъ вашего исключительнаго довѣрія, но смѣю увѣрить, ваше превосходительство, что корреспонденты вовсе не такой опасный народъ, какъ о нихъ говорятъ. У корреспондентовъ есть сердце, есть душа, они не менѣе русскіе, чѣмъ и военные.

— Вотъ именно, нужно русскимъ быть, нужно русскую

душу имѣть, сердце русское! перебилъ съ жаромъ генералъ, потрясая мою руку. Вѣдь вы не повѣрите, сердце подчасъ сжимается, при видѣ что дѣлается, при видѣ трудовъ, лишеній... Я чуть не плакалъ, у меня слезы были на глазахъ, при видѣ раненыхъ, когда однажды, послѣ одного дѣла, они лежали кучами, когда ихъ перевозили!.. Повозки по ухабамъ бухъ, бухъ! а тутъ стонъ, раздираюшій душу стонъ!... Я готовъ былъ взять плеть и отхлестать этого кучера, этого уполномоченнаго, чортъ его побери... Но чтожь дѣлать, продолжалъ онъ, вздохнувъ и ужь болѣе спокойнымъ тономъ, какъ-бы таинственно,—горю трудно помочь, нужно терпѣть... А корреспондентъ возьметъ и все это напечатаетъ...

— Я вполнѣ понимаю чувство, руководящее вами... Но сами вы говорите, ваше превосходительство, что хотѣли взять плеть и отхлестать... Корреспондентъ-же не владѣетъ плетью, у него есть перо и онъ обязанъ дѣйствовать этимъ оружіемъ. А ему развѣ не больно при видѣ подобныхъ сценъ, развѣ у него нѣтъ нервовъ, нѣтъ чувства?...

— Да, нѣтъ, видите-ли... Соръ-то не хорошо выносить изъ избы... Мало чего не скажешь въ сердцахъ, мало-ли что вы увидите... Мы тутъ въ своей семьѣ!..

— Ваше превосходительство, семейныхъ дѣлъ ни одинъ уважающій себя корреспондентъ не станетъ выносить наружу, они его не интересуютъ. Корреспондента можетъ и должно занимать только то, что составляетъ общественный интересъ, на что обязаны обращать вниманіе общество, государство, правительство. О томъ, кто получилъ или не получилъ награды, кто обойденъ, кто лишнее выпилъ или накуралесилъ гдѣ нибудь у маркитанта, въ трактирѣ, корреспондентъ не станетъ писать. Идеалъ военнаго корреспондента дать публикѣ возможность жить всецѣло съ арміей, радоваться ея радостями, горевать ея горемъ, поддерживать единеніе, тотъ духъ, который долженъ господствовать и въ народѣ, создающемъ армію, и въ арміи, вышедшей изъ народа. Тѣ случаи, о которыхъ вы только что говорили, ужь не мелочи, не пустяки; это крупныя, печальныя явленія, которыя неразумно, преступно таить... Никто не заинтересованъ въ существованіи подобныхъ явленій, едва-ли найдется человѣкъ, который открыто сознается, что не желаетъ ихъ устраненія... Отчего-же ихъ не выяснить, отчего-же не обсудить сообща, какъ помочь горю?.. Терпѣть нужно, это вѣрно, въ этомъ часто и заключается геройство; но только до тѣхъ

поръ, пока нельзя избѣжать горя. Добровольное-же мученичество или нарочитое созданіе, или удержаніе условій для мученичества едва-ли согласимы съ общественными потребностями, съ видами правительства?

— Вотъ вы, какъ будто, и хорошо разсуждаете... А смотришь, какъ напечатаете, и выйдетъ какое-то раздраженіе, подрывъ авторитета, стремленіе уязвить, уколоть.

— Да это больше кажется, нежели на самомъ дѣлѣ... Что же это за авторитетъ, если онъ можетъ быть такъ легко подорванъ, если для паденія его достаточно какой-нибудь корреспонденціи!.. Истинный авторитетъ не можетъ бояться истины, онъ будетъ радъ ея обнаруженію, онъ схватится за нее съ любовью, чтобъ исправить требующее поправки, чтобъ еще болѣе укрѣпить, развить дѣло рукъ своихъ. Впрочемъ, я нисколько не пораженъ тѣмъ, что слышу отъ вашего превосходительства. Что говорили вы по поводу корреспондентовъ, то часто повторяютъ относительно печати вообще... У насъ еще совершенно младенческій взглядъ на печать!...

— Ну ужь, Богъ съ ней, съ вашей печатью! отозвался неожиданно молодой генералъ, какъ видно ужь достаточно насытившійся. Ужь чего-чего, только не пишутъ. А главное гакъ врутъ, что ужасъ! Я только и читаю, что телеграммы...

— Я не стану защищать нашу печать, особенно въ виду твердаго, повидимому, рѣшенія вашего превосходительства ничего не читать, кромѣ телеграммъ.

— Не то чтобы ничего, но право, въ этихъ газетахъ такая ложь, такой вздоръ...

— Телеграммы, подцензурныя, врутъ очень часто; что касается до вздора, то неужели вашему превосходительству неизвѣстно, какъ у насъ относятся ко всему, что не вздоръ? Можно-ли у насъ писать объ этомъ „не вздорѣ", не видимъ-ли мы часто, что насъ приговариваютъ къ молчанію именно по тѣмъ предметамъ, которые составляютъ самый животрепещущій интересъ дня, о чемъ вездѣ говорятъ, вездѣ судятъ, въ гостиныхъ, въ трактирахъ, на улицѣ, судятъ вкривь и вкось, безъ критики, часто на основаніи самыхъ нелѣпыхъ слуховъ, но о чемъ нельзя говорить только въ печати, ради чего только на нее накладываются запреты, точно въ пугливой заботѣ, какъ-бы здравое сужденіе, какъ-бы добрый совѣтъ, какъ-бы истина не всплыли наружу. Мы предпочитаемъ ложь, лишь-бы она соотвѣтствовала нашему вообра-

женію, мы пугаемся истины, хотя-бы въ тайнѣ и чувствовали, что она полезна, мы, какъ ребенокъ, какъ капризная женщина кричимъ „стрижено“, когда всѣмъ извѣстно, что „брито“. Не налагали-ли на наши уста молчанія по поводу сербской войны, не приставали-ли съ кулаками къ каждому, кто позволялъ себѣ сомнѣваться, что Черняевъ „архистратигъ“, или русскій Гарибальди, Вашингтонъ; не изобрѣтали-ли 25-лѣтнихъ сроковъ для сужденія о немъ и его дѣлахъ, не смотря на всю ихъ жгучесть, не взирая на самый живой, современный ихъ интересъ?

— На счетъ Черняева вы это справедливо говорите, замѣтилъ старый генералъ. Онъ ужь слишкомъ возмечталъ о себѣ и, въ сущности, выскочка.

— Я не говорю, что онъ такое, я отстаиваю только въ принципѣ право обсуждать его дѣйствія, какъ и всякаго публичнаго дѣятеля; я говорю, что у насъ еще имѣетъ вѣсъ грибоѣдовская сатира на счетъ того, что каждый можетъ смѣть свое сужденіе имѣть. Скажу вамъ, ваше превосходительство, что во время моего пребыванія въ Бухарестѣ мнѣ часто становилось совѣстно за насъ, русскихъ.

— Ужь не говорите! Распустили этихъ подлецовъ-румынъ, дозволяютъ ѣздить на нашихъ шеяхъ, залѣзать въ наши карманы!..

— Я не въ томъ смыслѣ говорю, ваше превосходительство. Что румыны большіе грабители, что они не очень симпатичны—это вѣрно; но у нихъ можно свободно жить! Вотъ примѣръ: сижу у себя въ нумерѣ, на столѣ у меня нѣсколько газетъ, книжекъ, въ томъ числѣ и на русскомъ языкѣ, изданныхъ въ Женевѣ, Лондонѣ, Берлинѣ. Просматриваю я всѣ эти книжки, эти газетные листы и обсуждаю что въ нихъ хорошо, что дурно. Вижу много вздору, самомнѣнія, дикой фантазіи, утопій; но долженъ признать, что многое говорится тамъ и правдиво, истинно; что эта заграничная русская печать въ послѣднее время сдѣлала много успѣховъ; что на нее нельзя не обращать вниманія, что къ голосу этой печати слѣдуетъ прислушиваться. Замѣчаю я еще, что значительное число предметовъ, которыхъ касается эта печать,—представляетъ для нашего отечества дѣйствительный, существеннѣйшій интересъ; еще съ большимъ прискорбіемъ я вынужденъ сознаться, что наша внутренняя, русская печать лишена возможности касаться этихъ предметовъ, отдѣлить отъ нихъ то, что продиктовано раздраженіемъ, изгнаніемъ, тоскою по ро-

динѣ, или отчаяніемъ; освободить ихъ отъ этого наноснаго слоя и обсуждать въ предѣлахъ разума, спокойствія и уваженія къ человѣческому достоинству, уваженія къ незыблемымъ основамъ новаго общественнаго и государственнаго строя. И думается мнѣ, что чѣмъ дольше будетъ продолжаться нынѣшнее положеніе русской печати на нашей родинѣ, тѣмъ болѣе она будетъ вытѣсняться за границу, тѣмъ болѣе сильныхъ, талантливыхъ умовъ окажется у насъ внѣ дома, на чужой почвѣ *вынужденной* эмиграціи. И все болѣе и болѣе будетъ падать, унижаться внутренняя печать, и все авторитетнѣе и громче раздаваться голосъ заграничной. Какъ извѣстно, заграничная русская пресса почти исчезла въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда у насъ печать пользовалась нѣкоторой свободой.

— Но нельзя-же допустить всю эту печать къ намъ, вѣдь есть-же границы...

— Позвольте окончить, ваше превосходительство. Когда я просматривалъ нѣкоторыя изъ этихъ произведеній заграничной печати, я былъ спокоенъ, я не оглядывался на дверь, я былъ увѣренъ, что ко мнѣ въ комнату не ворвется полиція, не станетъ заглядывать въ мою душу, не начнетъ допрашивать, что я думаю, откуда я добылъ эти книги и газеты, не отберетъ, не уничтожитъ ихъ. Я былъ въ Бухарестѣ, я чувствовалъ, что здѣсь къ взрослымъ людямъ относятся какъ къ взрослымъ, что полицейскій чиновникъ не считается опекуномъ моихъ мыслей, что умъ его не пользуется правомъ большей благонадежности, нежели мой, на томъ только основаніи, что онъ облеченъ въ полицейскій мундиръ. Большую часть этихъ газетъ и книгъ я получалъ для просмотра отъ одного изъ знакомыхъ; но я былъ спокоенъ за его участь; я твердо зналъ, что его не разыскиваютъ, что его не станутъ преслѣдовать за распространеніе запрещенныхъ книгъ, не повлекутъ въ судъ по обвиненію въ преступной пропагандѣ, не создадутъ изъ него политическаго агитатора, мученика, что онъ останется такимъ-же чиновникомъ, какимъ онъ и есть въ сущности, и что вся пропаганда его будетъ сводиться къ стремленію получить высшую должность, съ высшимъ окладомъ. Я былъ въ Бухарестѣ, ваше превосходительство!.. Мало того, мнѣ очень хорошо было извѣстно, что всѣ эти книги, газеты, какъ русскія, такъ и иностранныя, какъ касающіяся спеціально Россіи, такъ и всѣхъ другихъ странъ, можно когда угодно, открыто получить на Могошоѣ, на главной улицѣ,

въ любомъ книжномъ магазинѣ, что этотъ книжный магазинъ не будетъ закрытъ и хозяинъ его будетъ спокойно наживать свои барыши, не обратится изъ торгаша въ подпольнаго агитатора. Все это происходило въ Бухарестѣ, въ маленькой Румыніи, ваше превосходительство!

— Да, но знаете, мы еще слишкомъ молоды, было-бы черезчуръ рано...

— Румынія, Сербія неужели старше, неужели зрѣлѣе насъ? Но вѣдь это составныя части турецкой имперіи!.. Молоды, рано... Тысячелѣтняя молодость!.. Эти слова всегда повторяются. Они задержали уничтоженіе крѣпостного права при Александрѣ Благословенномъ, ихъ твердили наканунѣ великой реформы 19-го февраля, мы ихъ слышали до введенія суда присяжныхъ, ихъ произносили по поводу военныхъ реформъ, которыя такъ блестяще теперь оправдались нашею доблестною, молодою арміей!.. Хорошее, здоровое, полезное, справедливое никогда не можетъ быть рано; періодъ незрѣлости можетъ затянуться до безконечности...

— Тутъ есть доля справедливости, замѣтилъ, наконецъ, полковникъ со значкомъ, все время, казалось, не обращавшій вниманія на нашъ разговоръ,—но я позволю себѣ сказать, что это не можетъ распространяться на военное время, когда исключительныя обстоятельства и необходимость сохраненія въ тайнѣ стратегическихъ плановъ, требуютъ особой строгости и когда, по моему мнѣнію, могутъ раздаваться только голоса спеціалистовъ.

— Но Румынія находится, вѣдь, среди военныхъ обстоятельствъ! Что-же касается голосовъ спеціалистовъ, то имъ никто не мѣшаетъ раздаваться... Дѣйствительный авторитетъ всегда пріобрѣтаетъ должное вниманіе, его всегда выслушаютъ.

— Но иногда бываетъ ужь поздно! Вредъ нанесенъ и непоправимо. Седанская катастрофа послѣдовала по неосторожности одной французской газеты, изъ которой Мольтке узналъ о планѣ Макъ-Магона. Рѣшительная битва подъ Садовой проиграна австрійцами потому, что генералъ... забылъ какой прусскій генералъ, кажется Штейнмецъ, вычиталъ изъ англійской телеграммы планъ расположенія непріятельскихъ силъ...

— Неужели-ли, полковникъ, вы вѣрите всѣмъ этимъ сказкамъ, изобрѣтеннымъ, чтобы тѣшить чѣмъ-нибудь совѣсть и самолюбіе разбитыхъ генераловъ?

— Это не сказки-съ, а факты!

— Настолько, насколько фактомъ могутъ считаться появленія вѣдьмъ, привидѣній и другихъ суевѣрныхъ ужасовъ, до тѣхъ поръ, пока ихъ не уничтожаетъ здравый смыслъ, критика. Неужели вы полагаете, что судьбу Франціи рѣшило газетное извѣстіе, а Австрія изгнана изъ Германскаго Союза вслѣдствіе лондонской телеграммы? Не такими ничтожными явленіями обусловливается паденіе однихъ и возвеличеніе другихъ народовъ, не отъ нихъ зависитъ исходъ сраженій и войнъ. Повѣрьте, полковникъ, что ходъ человѣческихъ дѣлъ зиждется не на подобныхъ случайностяхъ, а на болѣе глубокихъ и важныхъ причинахъ.

— Я не касаюсь исторіи... Но, какъ спеціалистъ, я долженъ сказать, что будь я главнокомандующимъ, я ни одного корреспондента не допустилъ-бы въ армію... Это мой принципъ!..

— Зналъ Богъ, что... началъ было я и остановился.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что корреспонденты должны поневолѣ радоваться, что вы не главнокомандующій...

Изъ „Русск. Обозр.“. 1878 г., № 2.

VIII.

Къ великому дню.

Статья эта помѣщается въ видѣ *заключительнаго слова*. Она была написана среди тяжкаго недуга, ко дню открытія *первой* Государственной Думы, и появилась въ газетѣ „Страна“, выходившей въ Петербургѣ подъ редакціей М. М. Ковалевскаго и И. И. Иванюкова, 27 апрѣля (четвергъ) 1906 года, № 57. Это былъ *привѣтъ* народнымъ представителямъ и новому государственному строю.

Наступаетъ день, когда совершится величайшее событіе, долженствующее возродить Россію, положить начало новой жизни, оправдать вѣковыя стремленія выдающихся предковъ нашихъ, славныхъ, самоотверженныхъ бойцовъ и страдальцевъ за общее благо, за „духъ истины“ и благоденствіе русскаго народа.

Такихъ глубокихъ и плодотворныхъ переломовъ, какъ нынѣшній, немного въ нашей исторіи. Къ нимъ можно причислить принятіе христіанства и первыя сношенія древней

Руси съ Западомъ; освобожденіе отъ татаръ; возстановленіе земской силой государственности, разрушенной тираніей и и самодурствомъ Ивана Грознаго; преобразованія Петра Великаго и чудный день паденія крѣпостного права. Нелегко было вынести тотъ бытовой переломъ, когда „порвалась цѣпь великая“, долго губившая и барина, и мужика; но мы счасливы были сознаніемъ, что намъ довелось быть участниками этого торжества человѣчности и правды. Тяжело было переживать обратныя стремленія, терпѣть новыя насилія и страданія даже за простую защиту преобразованій и за одно помышленіе объ ихъ воплощеніи въ жизнь и вполнѣ естественное довершеніе. Цѣлые десятки лѣтъ „либералы“, охранявшіе достигнутые успѣхи, обращались въ „опасныхъ мечтателей“, якобы чуждыхъ исконнымъ идеаламъ народа; ихъ обвиняли въ подстрекательствѣ къ революціи; на нихъ натравливали рыночную толпу и невѣжество, и не довольствуясь всевозможными карами и подавленіемъ мысли, грозили смести ихъ съ улицъ метлами дворниковъ. И сметали, и избивали, и заушали!.. А все-же мы дожили до торжественнаго дня явной, несомнѣнной *идейной побѣды* передовыхъ людей нашей общественности, до осуществленія *идеи*, бережно хранимой и передававшейся изъ поколѣнія въ поколѣніе!...

Зданіе нашей свободы и гражданственности созидается, возстановляются истинныя, дѣйствительно исконныя права народа, которыя хорошо были вѣдомы на древнемъ вѣчѣ и болѣе или менѣе сознавались на земскихъ соборахъ. И въ нынѣшнихъ новизнахъ „старина наша слышится“, виднѣется тотъ свѣтлый путь, уклоненія съ котораго приводятъ къ внѣшнимъ пораженіямъ и внутреннимъ бѣдствіямъ.

Гроза Крымской войны прогремѣла въ наши дни еще громче и разрушительнѣе. Гласъ народа выразился ясно. Его отрицаютъ крайнія, непримиримыя партіи, желавшія „бойкотировать“ Думу, сорвать выборы; одни хотятъ продолжить революцію; другіе усиливаются повернуть *назадъ*, удержать старое зло, приведшее къ небывалому позору, къ потокамъ крови, къ ужасамъ усобицы и звѣрства, къ казнямъ и ростовщическимъ займамъ... Но народъ спокойно пошелъ на выборы, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, и показалъ весьма внушительнымъ голосованіемъ, чего онъ ждетъ отъ новыхъ государственныхъ учрежденій и своихъ избранниковъ, излюбленныхъ людей.

Очень жаль, что нѣтъ съ нами тѣхъ, кто въ былое и ближайшее къ намъ время добивался общаго блага и жертвовалъ собою, пролагая дорогу „освободительному движенію"; но слѣдуетъ возможно скорѣе и прежде всего вернуть уцѣлѣвшихъ, пострадавшихъ и страдающихъ еще въ темницахъ и ссылкахъ. Нельзя примириться съ тѣмъ, что люди, повѣрившіе манифесту 17 октября и обѣщаніямъ правительства, несутъ наказанія по самымъ сомнительнымъ приговорамъ и и административнымъ усмотрѣніямъ. Административный произволъ долженъ быть уничтоженъ и жертвы его подлежатъ возврату; судебные приговоры слѣдуетъ отмѣнить широкой амнистіей.

Примѣры благожелательности, примиренія и справедливости должно показывать правительство, если оно желаетъ поднять къ себѣ уваженіе, а не состязаться въ злобѣ, мести и убійствахъ. Тогда простятся и тяжкіе грѣхи тѣхъ, кто, слѣпо, упрямо и самохвально властвуя надъ великимъ народомъ, задержалъ его развитіе, опираясь на невѣжество и мыслебоязнь, разрушалъ достигнутое добро и затопталъ въ грязь тысячелѣтнюю славу и мощь государства. Русскій народъ не злобивъ и мстить не станетъ. Бездарныхъ не наказываютъ, а устраняютъ, а виновные согнутся подъ тяжестью общественнаго негодованія и презрѣнія. Это—тяжелая кара, болѣе дѣйствительная и назидательная, нежели тюрьмы, ссылки и казни. Было-бы грубой, непоправимой ошибкой, если-бы первые народные избранники превратились въ мстителей и стали съ другого конца продѣлывать тѣ-же неправды и насилія, которыя осуждаетъ народъ, отъ которыхъ разгораются звѣрскія чувства, а добрые люди впадаютъ въ тоску и отчаяніе. Довольно крови и усобицъ, довольно уголовщины!

Нельзя сомнѣваться, что народное сочувствіе не можетъ быть на сторонѣ казней ни за безпорядки, ни за цусимскія катастрофы.

Нельзя не тревожиться, что со времени провозглашенія свободы слова, уголовная хроника наполнена процессами противъ печати. „Излишнія стѣсненія" устранены для администраціи, но не для газетъ и журналовъ. Многіе писатели ввержены въ темницы, ссылаются въ тундры, разорены, обречены на молчаніе. Въ числѣ первыхъ задачъ народнаго представительства должна быть забота о пересмотрѣ всѣхъ временныхъ законовъ, изданныхъ послѣ манифеста 17 октября и не согласныхъ съ его обѣщаніями; сюда относятся и запу-

танныя правила о печати. Если печать останется въ нынѣшнемъ положеніи, то настанетъ прежній мракъ, возгорятся ложные слухи; кранія и страстныя мнѣнія задавятъ здравую мысль и подорвутъ всякую возможность творческой, созидательной работы. Цѣлый годъ комиссія г. Кобеко составляла новый уставъ о печати; но наша бюрократія, по обыкновенію, пренебрегла этими трудами и сочинила свои драконовскія „временныя правила"... Нельзя-ли замѣнить ихъ хотя-бы болгарскими законами? Для этого достаточно нѣсколькихъ дней. Стыдно признать, что едва освобожденная, забитая турецкимъ игомъ Болгарія давно пользуется свободой печати, о которой только мечтаютъ русскіе писатели, создавшіе литературу, пользующуюся всемірнымъ уваженіемъ. Пора нашей бюрократіи преклониться предъ этимъ уваженіемъ, предъ приговоромъ всего просвѣщеннаго человѣчества, и бросить свои притязанія на обузданіе русской мысли. Русская печать говоритъ лучше, нежели канцелярскія бумаги, а свободныхъ писателей нельзя замѣнить „рептиліями". Пресмыкающіеся гибнутъ при свѣтѣ солнца и ихъ легко уничтожаетъ сатира и общее презрѣніе.

Для возстановленія закономѣрнаго порядка и правильнаго отправленія жизни,—о чемъ такъ много говорятъ охранители и реакціонеры,—необходимы постоянные, ясные, всѣми признаваемые законы и учрежденія. Ничего этого не было у насъ, а что и было, то разрушалось произволомъ и непрерывными шатаніями изъ стороны въ сторону. Почти все развалилось и все надо возсоздавать. Этой-то плодотворной работы и ждетъ народъ отъ своихъ представителей и новыхъ законодательныхъ учрежденій.

Тутъ мы подходимъ къ спорамъ о пригодности нынѣшней Думы и о томъ, имѣетъ-ли она даже право брать на себя отвѣтственную работу.

Всѣ признаютъ недостатки тѣхъ постановленій, которыя опредѣляютъ нашъ первый парламентъ и его права; избирательная система далека отъ предъявленныхъ къ ней требованій. Необходимы улучшенія и поправки. Кто-же долженъ ихъ произвести?

Очевидно, это задача *совмѣстной* работы, благожелательнаго соглашенія правительства и новыхъ законодательныхъ учрежденій. Иначе опять смута, опять импровизаціи сомнительнаго свойства и временнаго значенія, никого не удовлетворяющія.

Для совмѣстной, плодотворной работы надо обновленіе министерства. Новыя учрежденія должны проявить и доказать свою работоспособность въ двоякомъ направленіи: въ дѣлѣ улучшенія новой государственной машины, умѣлаго пользованія ею, и въ дѣлѣ удовлетворенія текущихъ нуждъ, правильной постановки давно назрѣвшихъ вопросовъ (аграрный, рабочій, земская реформа и т. п.).

Тѣ мелочи, которыми бюрократія расчитываетъ завалить и одурманить Думу, не трудно устранить или предоставить рѣшенію государственнаго совѣта, какъ болѣе привычнаго къ подобнымъ пріемамъ стараго „прижима". Первая сессія Государственной Думы должна оправдать народныя ожиданія. Можно поработать не только весной, но и лѣтомъ. Въ Петербургѣ нежарко; законодательныя палаты вездѣ созываются и въ лѣтніе мѣсяцы; въ Англіи это даже въ обычаѣ. Бюрократія привыкла отдыхать и не церемониться съ „просителями"; но новыя учрежденія могутъ уничтожить эти недостатки приказнаго строя и праздношатанія. Во всякомъ случаѣ, народъ не извинитъ тѣмъ, кто не оправдаетъ его надеждъ и окажется виновникомъ разстройства или неудачи перваго-же созыва народныхъ представителей.

Едва-ли заслуживаетъ долгихъ обсужденій очень часто возбуждаемый вопросъ: „люди или учрежденія". Сомнѣнія на этотъ счетъ стары, какъ міръ. Необходимы и хорошіе люди, и хорошія учрежденія. И для тѣхъ, и для другихъ требуется непрерывное совершенствованіе. Въ дореформенное, крѣпостное время портились люди, екатерининскія учрежденія и благія начинанія александровскихъ временъ искажались подъ пагубнымъ вліяніемъ рабства и произвола. Но едва начались преобразованія 60-хъ годовъ, какъ все улучшилось, просвѣтлѣло и ожило. И тогда утверждали, будто „людей нѣтъ" и надо-де подождать, пока они воспитаются и улучшатся. Прежде-де образуйте мужика, а потомъ давайте свободу. Какихъ только отговорокъ и опасеній не пускали въ ходъ крѣпостники, лишь-бы затормазить упраздненіе самаго страшнаго зла, которое кощунственно выдавалось за истинно-русское и яко-бы божеское установленіе! Говорили-то самое, что мы слышали и слышимъ отъ лживыхъ и злобныхъ попятниковъ, призывающихъ къ истребленію всѣхъ, кто стремится къ политическимъ и соціальнымъ преобразованіямъ, общимъ всему про-

свѣщенному человѣчеству. Полвѣка назадъ, нашлись люди для всѣхъ новыхъ учрежденій, и въ первые годы они дѣйствовали успѣшнѣе, подъ вліяніемъ общаго сочувствія, нежели позднѣе, когда ихъ подрывали реакція и правительственныя колебанія. И въ настоящее время имѣются люди и ихъ гораздо болѣе, нежели 50 лѣтъ тому назадъ; у нихъ и знаній, и опыта несравненно болѣе, нежели у дѣятелей 60-хъ годовъ.

Несмотря на всѣ задержки и препоны, мы имѣемъ теперь ученыхъ, писателей, художниковъ, артистовъ, пользующихся всесвѣтной извѣстностью; въ судахъ, въ земствѣ, адвокатурѣ, техникѣ множество талантливыхъ и почтенныхъ дѣятелей.

Обезлюдѣла бюрократія, изсякли выдающіеся вожди въ арміи и флотѣ; но и тутъ оскудѣніе лишь кажущееся. При новыхъ учрежденіяхъ пополнятся ряды чиновничества и всѣхъ государственныхъ службъ способными дѣятелями, да и прежніе станутъ лучше дѣйствовать подъ животворнымъ вліяніемъ общества и гласности. Едва-ли надо доказывать, что нынѣшніе крестьяне, рабочіе, купечество, промысловые люди, духовенство несравненно нросвѣщеннѣе и культурнѣе тѣхъ-же народныхъ слоевъ прошлаго вѣка, несмотря на всѣ преграды, созданныя реакціей въ школьномъ дѣлѣ.

Нисколько не желательно, чтобы законодательныя учрежденія наполнялись искусственно представителями одного сословія, а тѣмъ болѣе людьми невѣжественными; у насъ, да и вездѣ, лучше поощрять образованіе, нежели лишать за это правъ и создавать преміи и привиллегіи даже безграмотности; но можно ручаться, что большинство крестьянъ, попавшихъ въ Государственную Думу, вполнѣ оправдаетъ оказанное имъ довѣріе, какъ оправдали они себя въ судѣ присяжныхъ. Совѣсть, здравый смыслъ, благопріятныя условія и общее настроеніе подскажутъ имъ, на чью сторону слѣдуетъ стать въ томъ или другомъ дѣлѣ, выслушать свѣдущихъ людей,—какъ слушаютъ ихъ въ судѣ,—въ профессіональныхъ вопросахъ, а мало знакомое предоставить рѣшенію спеціалистовъ. Такъ поступаютъ самые образованные люди, ибо всего знать невозможно; такъ будутъ поступать и крестьяне или рабочіе въ Государственной Думѣ.

Будучи сторонникомъ двухъ палатъ, желалъ-бы, чтобъ и Государственный совѣтъ явился не тормазомъ нашего политическаго обновленія и гражданственности, а показалъ-бы назидательный примѣръ созидательнаго соревнованія и согла-

шенія съ нижней палатой. Лучшимъ изъ лучшихъ, болѣе знающимъ и опытнымъ надо на дѣлѣ доказать свое превосходство. Даже старый Государственный совѣтъ, въ иныхъ случаяхъ, выполнялъ свое назначеніе и не поддерживалъ зловредныхъ требованій и проектовъ, несмотря на всю безнадежность и не обязательность совѣтскихъ „мнѣній“. Послѣдняя, скороспѣлая дѣятельность устарѣлаго Государственнаго совѣта не возвысила его значенія; но будемъ надѣяться, что приливъ общественныхъ представителей воскреситъ лучшія преданія вѣкового учрежденія, особенно если коронные члены совѣта получатъ нѣкоторую долю независимости (пожизненность и несмѣняемость).

Невозможно оставить и Сенатъ въ нынѣшнемъ его видѣ. Судебные департаменты улучшатся при возстановленіи началъ судебной реформы 1864 года; но первый департаментъ самъ собою не превратится въ образцовый административный судъ и въ строгаго блюстителя законности. Петровское учрежденіе искажено до наузнаваемости и не внушаетъ даже того „страха“, какой вызывали въ дореформенное время сенатскіе указы и ревизіи. Какая-то комиссія что-то сочиняла, но бюрократическая импотенція сказалась и въ данномъ случаѣ.

Радуюсь, что дождался великаго дня открытія перваго собора народныхъ представителей. Имъ предстоитъ высокій подвигъ, за выполненіе котораго возблагодарятъ ихъ и современики, и потомство. На ихъ сторонѣ горячее сочувствіе всего человѣчества. Всѣ радовались, когда пало рабство, и уваженіе къ Россіи быстро возросло въ 1861 году. То-же произойдетъ и теперь, если давно жданное государственное преобразованіе совершится, если долговременный застой смѣнится кипучей дѣятельностью.

Да пріидетъ царствіе свободы и мира, законности и плодотворнаго труда! На истощенную русскую ниву вышли новые сѣятели правды и справедливости. Эти сѣятели поставлены нынѣ самимъ народомъ. Да благословенно будетъ ихъ великое дѣло!

Того-же автора:

1) „Война въ Малой Азіи, въ 1877-78 г.г.“
(Распродано).

2) „М. Д. Скобелевъ“.
(Распродано).

3) „Двѣ драмы“. а) „Старый Либералъ“, въ 4 дѣйствіяхъ, и б) „Во имя любви“, въ 4 дѣйствіяхъ. Изд. 1907 года. (Дозволены къ представленію). Цѣна 1 руб.

⊷○⊰⊱○⊶

Готовится къ печати:

„Итоги“, часть 2-я настоящаго сборника.

Оглавленіе.

ОТДѢЛЪ I.

Историко-политическіе очерки и статьи.

ОТДѢЛЪ II.

Къ исторіи печати.

ОТДѢЛЪ III.

Воспоминанія.

ОТДѢЛЪ VI.

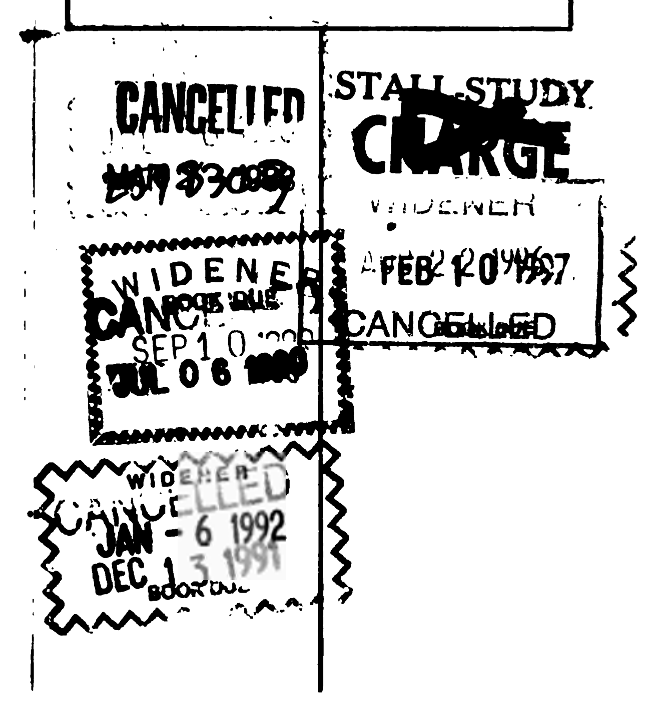
Фельетоны.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

у автора (Кіевъ, Кузнечная, 1) и въ книжныхъ магазинахъ Кіева, С.-Петербурга и Москвы.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ.

3 2044 010 600 948



CANCELLED
STALL STUDY
CHARGE
WIDENER
FEB 10 1997
CANCELLED
WIDENER
BOOK DUE
SEP 10
JUL 06
WIDENER
JAN - 6 1992
DEC 13 1991
BOOK DUE